



ОСМАНСКАЯ
ИМПЕРИЯ
И
СТРАНЫ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ
В XVII В.



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ОСМАНСКАЯ
ИМПЕРИЯ
И
СТРАНЫ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ
в XVII в.

Часть 2



МОСКВА

«ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»

2001

ББК 63.3(4)

О-74

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект 01-01-16072д*

Редакционная коллегия:

академик РАН *Г.Г. Литаврин* (ответственный редактор),
Л.Е. Семенова (зам. ответственного редактора),
С.Ф. Орешкова, член-корр. РАН *Б.Н. Флоря*,
К.Т. Медведева (ответственный секретарь)

*Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН*

Рецензенты:

доктор исторических наук *В.Н. Виноградов*
кандидат исторических наук *А.В. Витол*

О-74 Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. II / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 400 с.

ISBN 5-88451-114-0

Книга представляет собой вторую часть подготовленного коллективом авторов труда, посвященного исследованию политических взаимоотношений Османской империи и стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. В исторических условиях второй половины столетия рассматриваются отношения с Портой и ее вассалом, Крымским ханством, восточноевропейских государств – Речи Посполитой и России. Большое внимание уделяется борьбе австрийских Габсбургов с османами, истории создания антиосманской коалиции европейских государств, выявлению факторов, способствовавших поражению Османской империи в конце XVII в. На фоне международных событий изучаемого периода показаны судьбы стран и народов, оказавшихся вовлеченными в войну Священной лиги с Османской империей.

ББК 63.3(4)

ISBN 5-88451-114-0

© Коллектив авторов, 2001

© В.Ю. Яковлев.

Оформление, 2001.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий труд представляет собой вторую часть коллективной монографии «Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.» Первая ее часть, охватывавшая период до середины 50-х гг. XVII в., была издана в 1998 г. Вторая часть посвящена исследованию проблемы политических взаимоотношений Османской империи и стран указанного региона на протяжении второй половины XVII в.

Этот период занимает особое место в многовековой истории отношений стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы с Османской империей. Именно в рассматриваемое время после ряда крупных конфликтов Порты с ее северными и западными соседями сложилась едва ли не впервые в истории отношений между ними широкая антиосманская коалиция, в борьбе с которой османы понесли не только серьезное военное поражение (военные неудачи они терпели и ранее), но и утратили ряд важных позиций как на Балканах, так и в бассейне Черного моря. Эти невыгодные для Османской империи перемены были затем закреплены в мирных соглашениях 1699–1700 гг. Большую часть утраченного османам даже временно так и не удалось вернуть. В истории их отношений со странами изучаемого региона произошел исторический перелом. Османская империя продолжала оставаться могущественной державой, еще способной с большим упорством отстаивать свои интересы, но речь шла уже не о расширении османских границ, а об удержании под своей властью земель, захваченных в предшествующие столетия.

Обращаясь к изучению этого периода в истории взаимоотношений Османской империи и стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, коллектив авторов ставил своей задачей детально проследить их развитие с одновременным рассмотрением перемен в самой империи османов. В этой связи важное значение придается изучению истории социально-экономической и политической жизни государства османов и его внешней политики во второй половине XVII в. В то же время прослеживается влияние османского фактора на отношения стран региона с Портой, их связь с общим развитием международной ситуации в рассматриваемый период. При этом сопоставляются интересы разных государств и политических сил в регионе, выявляется взаимообусловленность внутривосточных процессов в указанных странах и складывавшейся внешней обстановки, что фактически определяло характер и эволюцию их отношений с османами.

Авторы изучают исторические условия, приведшие к созданию широкой антиосманской коалиции с участием едва ли не большей части соседей османов, выявляя факторы, способствовавшие тому, что к концу XVII в.

именно Османская империя потерпела поражение. В этом аспекте прослеживаются отношения с Портой и ее вассалом Крымским ханством восточноевропейских государств – Речи Посполитой и России. Особым объектом исследования является русско-польское соперничество из-за Украины и участие в этом соперничестве Крыма. Одной из задач авторов был анализ складывавшейся в связи с этим международной ситуации в Восточной Европе, раскрытие объективных причин эволюции взаимоотношений России и Речи Посполитой, результатом которой в конечном итоге, несмотря на наличие острых противоречий во внешнеполитических интересах двух стран, было установление в конце 70-х гг. союза между ними, направленного против Османской империи.

Большое внимание в труде уделяется рассмотрению отношений с Портой австрийских Габсбургов, которые как венгерские короли и как германские императоры не только вели военные действия за возвращение захваченных султаном венгерских земель и других территорий Карпато-Дунайского региона, но и стремились в ходе борьбы с османами проникнуть на Балканы и утвердить здесь свое влияние. Авторы останавливаются на истории создания антиосманской коалиции европейских государств, освещают их подходы к этому вопросу через призму отношений с Веней. Восточная политика австрийских Габсбургов рассматривается в контексте их общеевропейских задач, в первую очередь в отстаивании позиций в борьбе с Францией за гегемонию в Европе.

В противостояние османской экспансии со стороны государств Восточной и Центральной Европы оказывались вовлеченными многие страны и народы. Одной из задач авторов было показать влияние развернувшегося во второй половине XVII в. международного конфликта на судьбы стран и народов, в особенности Юго-Восточной Европы, принявших участие в военных действиях как на стороне османов, так и на стороне их противников. Отдельно рассматривается положение вассалов Порты – Молдавии и Валахии, а также Трансильванского княжества в контексте отношений между странами региона и Османской империей. Особо освещается история балканских народов второй половины XVII в., антитурецкая борьба подданных султану христиан в разных районах Балкан, роль этих освободительных движений в войне стран Священной лиги против османов, в проявившемся в конце XVII в. соперничестве Габсбургов и России за влияние в балканском регионе.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.: ВНУТРЕННИЕ ПРОБЛЕМЫ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ

Как уже отмечалось¹, середина XVII в. явилась для Османской империи апогеем внутренних беспорядков и провинциальных усобиц. Особенность этого времени заключалась в том, что дестабилизирующими силами выступали тогда в империи представители государственных административных структур. В источниках того времени их называют эхли-өрф, т.е. буквально «люди традиции»², представлявшие ту провинциальную структуру управления, которая сложилась в период становления империи. Формируясь в ходе завоеваний, османское государство свое внутреннее устройство базировало на армейских структурах³. Провинциальные администраторы – бейлербеи и санджакбеи, были командирами войск сипахийской кавалерии, воины которой получали от султана для обеспечения своей жизни и военной экипировки земельное владение – тимар. Тимариоты в своих владениях выполняли функции полицейского, налогового сборщика, надсмотрщика за хозяйственной эксплуатацией земли, т.е. выступали как низшее звено государственной администрации. Именно на базе тимарной системы османы административно и хозяйственно осваивали те территории, которые включили в состав своего государства в XIV–XV вв. Все тимариоты имели право лишь на определенные отчисления в свою пользу от тех установленных государством налоговых сборов, которые платили проживавшие в их владениях крестьяне. Военная и финансовая дисциплина первых веков существования тимарной системы способствовала относительному порядку в стране. Государство сохраняло за собой определенные контрольные функции за тимарной структурой, базировавшиеся на том, что, во-первых, некоторые налоги с крестьянства тимарных владений собирали налоговые чиновники в казну, а также командиры тимариотов – бейлербеи и санджакбеи, в свою пользу. Такая дробность во взимании налогов не позволяла ни одной из собирающих сторон произвольно увеличивать свою долю, поскольку это затрагивало интересы других сборщиков, а потому могло быть обжаловано в кадийском (мусульманском религиозном) суде. Во-вторых, в стране существовало несколько линий управления, контролирующих друг друга. Помимо территориально-военной (тимариот – санджакбей – бейлербей – великий везир) существовала самостоятельная кадийская структура (кадий, вершивший правосудие в своем каза, территория которого могла не совпадать с военно-территориальными округами, – кадискер – шейх уль-ислам) и налоговая служба, чиновники которой подчинялись башдефтердару (т.е. что-то вроде главного казначея) и только через него великому везиру. Вся эта слож-

ная чиновно-бюрократическая система⁴ была строго централизована. На местах отдельные ее структуры не были соподчинены, следовательно, для любого совместного действия требовалось распоряжение сверху. Причем карательные функции применял лишь бейлербей и его подчиненные, все же остальные могли лишь констатировать то или иное нарушение, жаловаться в центр и ждать от него помощи в виде распоряжения бейлербею или присылки каких-то войск, расквартированных в другом районе или состоявших у султана на жалованьи.

Вся эта четкая структура рухнула в начале XVII в., что было ознаменовано восстаниями джеляли⁵, в которых основную роль играли разорившиеся тимариоты, а также другие группы населения по той или иной причине утратившие свой социальный статус. После подавления восстаний формально тимарная система была восстановлена. Это позволяло бывшим тимариотам и их детям надеяться на восстановление своего бывшего привилегированного статуса и получение нового тимарного пожалования в результате какой-либо выслуги перед султанскими властями. Бывшие тимариоты были той силой, которая постоянно подталкивала Османскую империю к продолжению завоевательной политики, так как именно она давала возможность для этих воинов как-то отличиться на поле брани, а также формировала земельные резервы для новых тимарных раздач. Сами разорившиеся тимариоты, не желая переходить в разряд налогооблагаемого населения, занятого той или иной производственной деятельностью, оказывались в деклассированном состоянии и охотно становились наемниками тех лиц, которые могли им заплатить какое-либо жалованье.

Сама тимарная система к середине XVII в., по сути дела, переродилась. Хотя все султанские дарения продолжали называться тимарами, они далеко не всегда оставались земельными пожалованиями. Тимарами стали называться, например, те отчисления от янычарского жалования, которые делались рядовыми янычарами своему командиру при расквартировании отряда в провинции⁶. По государственной регистрации янычарский ага этих провинциальных войск числился получающим тимар, но это не делало его ни владельцем земли, ни рентополучателем, ни даже просто как-то связанным с местными производственными условиями.

Еще в начале XVII в. проверки (йоклама) сипахийской кавалерии констатировали, что в ряде эялетов (административных единиц, на которые делилась империя) их бейлербей, вали (так по-разному мог называться паша эялета как военно-административный глава, нечто вроде губернатора, хотя с несколько иными, чем, например, в России правами и обязанностями) поставлял в султанскую армию большее число воинов, находившихся в подчиненных ему лично отрядах, чем всё тимарное ополчение того эялета, командиром которого он являлся⁷. К середине XVII в. это явление стало повсеместным. Основную массу сипахийской кавалерии стали составлять отряды бейлербеев, формируемые как их личные наемники⁸. Рядовые сипахи фактически утратили свое место в османской военной, земельной и управленческой структуре. Все бунты, которые неоднократно отмечались в различных районах страны в середине XVII в., были выступлениями бейлер-

беев. Оставаясь в глазах населения эхли-өрф, т.е. традиционными администраторами тимарной структуры управления, они превратились, по сути дела, лишь в армейских командиров, отряды которых были дислоцированы в провинциях и кормились за счет местного населения. Бунты бейлербеев в этих условиях были просто военными мятежами, не имевшими каких-то корней в среде местных жителей. Такое положение усугублялось еще и тем, что сами бейлербеи были выходцами из султанского двора, чаще всего капыкулу, т.е. «рабами августейшего порога», взятыми по девширме (набору мальчиков из христианских семей Османской империи), оторванными от родной среды и прошедшими при дворе определенную выучку. Утратив связь со средой своего рождения, эти новые мусульмане и слуги султана воспринимались как чужаки и турецким обществом. В дидактических трактатах середины XVII в. (широко распространенных тогда «челобитных» султанским властям) не раз отмечалось, что все беды страны происходят от того, что ею управляют эджнеби, иностранцы, чужие⁹, т.е. выходцы из капыкулу.

Кадийские суды того времени также были переполнены многочисленными исками, исходившими как от низов, так и от довольно влиятельных групп османского общества – верхушки городского населения, командиров расквартированных в провинциях султанских войск, состоявших на жалованьи различных улемов (религиозных мусульманских служителей) и откупщиков налогов (к услугам которых османское правительство все чаще и чаще прибегало при сборе налогов в казну). Содержание жалоб говорит о том, что бейлербеи со своими наемниками буквально грабили жителей подвластных им областей. Это было вызвано как тем, что нужно было кормить своих наемников (известных под различными названиями – секбаны, сарыджа, дели, левенды и др.), так и необходимостью платить центральному правительству за свое назначение, поскольку такие должности фактически стали продаваться с торгов¹⁰. Не случайно историки называют середину XVII в. временем «разбоя пашей», противопоставляя его восстаниям джелели, «разбоя сипахи» начала столетия¹¹. Оба периода, однако, были тесно связаны между собой. Восстания начала XVII в. породили массу деклассированных элементов, которых паши в середине века использовали как своих наемников. Недаром турецкий историк Мустафа Акдаг отмечал, что появление многочисленных секбанов, сарыджа, левендов, т.е. этих неприкаянных военных, составляет самую важную характерную черту развития Османской империи этого периода, не учитывая которую невозможно понять ее социальную, экономическую и даже политическую историю¹².

Итак, чиновные управители эялетов со своими наемниками стали фактически грабителями, дестабилизирующими обстановку в стране. Отдельные из них порой пытались создать некую коалицию бейлербеев для похода на Стамбул, пытавшийся призвать их к порядку. Наиболее известными из таких бунтовщиков третьей четверти XVII в. были Абаза Хасан-паша (район Халеба), Вардар Али-паша (район Сиваса) и некоторые другие¹³. Всех их, однако, не поддерживало местное население, страдавшее от поборов и грабежей. Более того, население неоднократно обращалось с просьбами о помощи к султанским властям. Вообще сложилась ситуация, при которой

различные социальные группы населения на местах пытались как-то сорганизоваться, выделив своих руководителей, и противостоять пашам, формально продолжавшим считаться представителями султанских властей. Снизу начинает расти новый слой местной администрации, впоследствии получивший название аяны. Они постепенно становились фактической властью (а не тем административным наростом, в который ко второй половине XVII в. превратились бейлербеи), больше чем прежние местные администраторы связанной с производственной деятельностью населения, так как источником их доходов были рентные сборы с крестьянства либо доходы от ремесла и торговли. У них оказывались свои сторонники и в султанском окружении, так как от грабежей пашей страдали и многие придворные служители, поскольку и им становилось затруднительным получать доходы от расположенных в провинциях хассов, арпалыков, башмаклыков, т.е. тоже пожалованных (тимаров), но даваемых им за службу в центральном аппарате империи, при дворе, либо просто за принадлежность к султанскому семейству (так башмаклыки давались, к примеру, султаншам для их личных расходов).

Султанский двор, казалось бы, полностью погрязший в своих внутренних интригах, особенно при Ибрахиме I (1615–1645) и в первые годы правления возведенного на трон в семилетнем возрасте Мехмеда IV (1648–1687), начинает чувствовать необходимость наведения порядка в стране. Последний этап везирской чехарды, когда за период с 1651 по 1656 г. сменилось 8 великих везиров¹⁴, а также спровоцированные чеканкой монет низкой пробы восстания в Стамбуле (1651–1655), в которых принимали участие не только население, но и янычарские отряды, заставили придворную среду на время прекратить внутренние конфликты. После многочисленных консультаций¹⁵, должность великого везира при пятнадцатилетнем султанине Мехмеде IV была отдана семидесятилетнему Кёпрюлю Мехмеду-паше, прошедшему большую школу придворной и бейлербейской службы в различных районах страны. Это был властный человек, потребовавший себе чрезвычайных полномочий.

Есть предположение, что сам Мехмед-паша был выходцем из капыкулу¹⁶, однако прочно вошедшим в османскую придворную и военную среду как в результате своих родственных связей, так и служебных контактов. Вообще во второй половине XVII в. начинает меняться отношение к этим рабам-слугам. Постепенно прекращается практика девширме. Как чиновные круги, так и армейские корпуса (главными из которых были янычары и сипахийская кавалерия шести подразделений – алты бёлюк), формируемые ранее на основе девширме, начинают пополняться выходцами из своей собственной среды (обет безбрачия для янычар и других капыкулу был уже давно забыт). Капыкулу постепенно начинают становиться частью османского общества, не воспринимаемой уже как нечто чуждое ему, связанное лишь с султаном. Они имеют свои хассы и арпалыки, а гарнизоны на местах все теснее и теснее смыкаются с ремесленно-торговыми кругами городов, в которых они размещались.

Кёпрюлю Мехмед-паша стал родоначальником целой династии великих везиров, что в Османской истории повторилось второй раз после династии Джандарлы, занимавшей этот пост в первой половине XV в.¹⁷. Мехме-

ду-паше наследовал сын Фазыл Ахмед-паша (1661–1676), затем зять Кара Мустафа (1678–1683). Несколько других отпрысков этой семьи занимали везирские должности и позже. Все они имели репутацию честных и способных администраторов, сложившуюся еще при первом Кёпрюлю.

При Мехмед-паше были осуществлены некоторые мероприятия, получившие в турецкой историографии название «традиционных реформ» (термин был введен Стенфордом Шоу¹⁸). По сути дела, это были не реформы, а полицейско-карательные меры, заставившие в последний раз заработать тимарную систему и позволившие снова всколыхнуться надеждам былых тимариотов.

Жестокими мерами, высылками, казнями, конфискациями Мехмед-паша сумел усмирить янычар. Использовал противоречия между янычарами и алты бёлюк, чтобы и тех, и других подчинить себе. Назначил своих сторонников на все высшие должности государства, в том числе даже и на посты глав миллетов (религиозных общин немусульманского населения империи). Сурово расправился с так называемыми кади-заде, внесшими большой вклад в волнения в Стамбуле в 50-е гг. XVII в. Это были учащиеся различных медресе, выступавшие с обвинениями против обитателей текке (дервишских обителей), погрязших, по их мнению, в грехах и чревоугодии. В своих действиях против учащихся медресе, которых в то время было неоправданно много, Кёпрюлю пользовался поддержкой шейх уль-ислама¹⁹. Все карательные меры везир проводил очень решительно, не позволяя никому вмешиваться в свои дела. Когда один из бывших везиров Сиавуш-паша попытался ему противостоять, то был снят с поста вали Дамаска и казнен. Султан хотел защитить своего бывшего фаворита, но Кёпрюлю, пригрозив отставкой, сумел настоять на своем. Главным аргументом везира был довод, что ему нужен спокойный тыл, чтобы отправиться в экспедицию против Венеции²⁰, война с которой за Крит шла с 1645 г. То, что в 1657 г. Кёпрюлю Мехмед-паше удалось добиться передела в войне с Венецией и снятия морской блокады Дарданелл особенно укрепило авторитет великого везира.

С именем Мехмеда-паши связано и подавление восстания в Трансильвании, пограничном вассальном княжестве Османской империи (по-турецки, эта провинция называлась Эрдель). Трансильвания, как и княжества Валахия (Эфляк) и Молдавия (Богдан), а также Крымское ханство и другие татарские юрты Северного Причерноморья имели в Османской империи особый статус. Это были области, на которые не распространялась тимарная система. Они имели свои собственные войска, которые приказом султана как самостоятельная военная единица могли призываться к участию в войнах империи. Христианским княжествам положено было, кроме того, платить ежегодную дань, крымские ханы за военные экспедиции получали от Порты денежное вознаграждение. Правители всех этих вассальных территорий утверждались султаном. Распространена была также практика проживания в Стамбуле отпрысков знатных фамилий из этих областей. Там они получали проимперское воспитание. В случаях, если османские власти были недовольны тем или иным вассальным правителем, из числа воспитанников Порты всегда можно было выдвинуть им конкурента, нового князя или хана. Такой практикой им-

перский центр оказывал влияние на местный господствующий класс, поощряя то ту, то иную группировку, и тем не позволял местным властям установить стабильное правление, культивировал некое неустойчивое социальное равновесие. Для присмотра за вассалами в структуре империи предусматривалось наличие по соседству с ними областей и крепостей непосредственного подчинения Стамбулу. Это – Кафа в Крыму, Килия и Аккерман, а позднее Очаков, Бендеры, Хотин, Силистра в дунайско-днестровском районе, венгерские провинции Буда и Темешвар, эялет Босна²¹.

Правители приграничных областей имели право поддерживать собственные отношения с соседними иностранными державами, о чем, однако, полагалось доносить султанскому правительству. Пограничные османские администраторы – коменданты крепостей, бейлербеи, ханы, господари – обязаны были также сообщать друг другу о всех известных им событиях, происходивших в приграничье. Эта строго соблюдаемая бюрократическая обязанность давала возможность имперскому центру получать надежную информацию о своих вассалах, положении на границах и даже в соседних странах. Каждый из приграничных правителей спешил донести в центр о предпринимаемых им действиях и обстоятельствах, вызвавших их, так как в противном случае это могли сделать его соседи и навлечь на него кары султанских властей²².

Порта допускала определенную самостоятельность своих вассалов во внешних делах, что позволяло им открыто вступать в сношения с Габсбургами, Речью Посполитой и Россией. Предоставлявшаяся пограничным областям свобода в проведении собственной политики (как правило, в периоды особой занятости османских властей важными внутренними и международными проблемами) вызывала у них стремление к независимости, достижение которой связывалось с помощью извне. Отсюда сношения вассальных султану территорий с зарубежными правителями и даже участие в европейских антиосманских коалициях. Стамбул не вмешивался в эти отношения, пока они не входили в противоречие с интересами Порты в регионе. В то же время за кажущейся свободой действий вассалов султана зачастую скрывались имперские интересы, попытки османских властей их руками вести собственную игру в международной политике. Так, трансильванские князья Габор Бетлен и Дьердь I Ракоци были активными участниками европейской международной политики, но это не приводило их к серьезным конфликтам с османским правительством. Пришедший же к власти в 1648 г. Дьердь II Ракоци попытался стать лидером антиосманского сопротивления в Центральной Европе. Он сотрудничал с королем Швеции и Бранденбургом, подстрекал к войне с Османской империей князей Священной Римской империи, боролся вопреки запретам султана за польскую корону, привлек к своим планам господарей Дунайских княжеств, украинских казаков, феодалов венгерских земель, находившихся под властью Габсбургов.

В 1657–1658 гг. стамбульские власти решили пресечь своеволие своих придунайских вассалов. Были смещены с престолов господари Валахии и Молдавии. Карательные экспедиции против княжеств Порты поручила совершить крымскому хану и вали Силистры Фазлы-паше. Последний, одна-

ко, не выступил вовремя, за что позднее был казнен. Наказать мятежных воевод было приказано крымскому хану²³, но этого стамбульским властям показалось недостаточным. Они решили предпринять в этот район поход имперских войск.

Великий везир, готовясь выступить в Трансильванию, провел очередную чистку в армии капыкулу, где в это время обнаружился антивезирский заговор. Многие янычары и сипахи стамбульского гарнизона были казнены. В Трансильванию Мехмед Кёпрюлю двинулся лишь в июне 1658 г., где карательную экспедицию он проводил совместно с крымским ханом и эялетскими войсками Буды (Будина) и Силистры. Вместе с султанской армией действовали отряды дружественных османам казаков. Против Трансильвании воевали тогда и польские войска. Дьердь II Ракоци был смещен со своего поста и бежал в свои венгерские владения. Новый князь обязался сохранять верность Османской империи и платить ежегодный харадж в 40 тыс. золотых. Укрепив свои гарнизоны в трансильванских крепостях Йене (Яново), Шешеш, Лугош, Мехмед-паша вынужден был оставить Трансильванию, так как его внимания потребовали события в Анатолии. Однако ни карательные меры великого везира, ни смерть Ракоци (1660) не принесли умиротворения в этот район. Борьба продолжалась еще и в 1661 и 1662 гг. С османской стороны широко привлекались для подавления трансильванских выступлений воинские контингенты Боснии. Попытка отправить туда некоторых бейлербеев из Анатолии, что в предшествующий период широко применялось, так как этим султанские власти пытались отвлечь своих беспокойных управителей областей от мятежей, а население освободить на какое-то время от грабежей, теперь не удалась²⁴.

В Анатолии в это время Абаза Хасан-паша и его сторонники начали открытое восстание, требуя головы великого везира. В лагерь Абазы стекались тысячи людей, выходцев из разных слоев анатолийского войска, в той или иной степени потерявших свой социальный статус (там могли быть и бывшие сипахи, и бывшие крестьяне, какие-то религиозные деятели и т.п.). Недовольные янычары и сипахи алты бёлок из Стамбула также бежали к Абазе. Сам Абаза Хасан-паша объявил себя правителем Анатолии. В мае 1658 г. в Конье он собрал всех своих сторонников и двинулся на Стамбул, дошел до Босфора. Великий везир вынужден был срочно вернуться из Трансильвании. На первых порах султанское окружение саботировало усилия везира по подавлению восстания. Однако как всегда Мехмед-паша действовал решительно. Казнями подавил недовольство в Стамбуле, выдал армии жалованье за шесть месяцев вперед, подкупом заставил многих сторонников Абазы покинуть своего предводителя и двинулся на восток. Абаза предложил перемирие. Везир согласился на переговоры, заманил его к себе и предательски убил. В Анатолии началось кровавое усмирение восставших. Как сообщают источники, в Стамбул тогда якобы было послано 12 тыс. голов как свидетельство победы везира над анатолийскими мятежниками²⁵.

Итак, карательными мерами был восстановлен порядок в стране. При чем жесткие меры Мехмед-паша применял не только в отношении османских подданных. Так, узнав, что какие-то французы находились на Крите и

помогали венецианцам, он подверг унижительной процедуре допроса французского посла в Стамбуле, конфисковал товары ряда французских купцов и заявлял, что вообще намерен прервать всякие отношения с Францией²⁶.

Наследовавший Мехмеду-паше его сын Фазыл Ахмед-паша (1661), продолжая твердую линию отца, также не отказывался от казней и карательных мер, но предпочитал действовать политическими мерами и был более тонким администратором. В отличие от отца, который был, очевидно, неграмотен, он получил хорошее образование, собирался стать улемом и только по настоянию отца пошел по его стопам. Казалось, что эти везиры сумели положить конец тому смутному периоду, который предшествовал их правлению. Султан Мехмед IV явно устранился от каких-либо дел по управлению страной. В историю он вошел с прозвищем Авджи (Охотник) и известен не как государственный деятель, а как любитель развлечений и удовольствий. Особое пристрастие, кроме охоты, он питал к музыке и живописи, причем не только восточной, но и европейской, большое внимание уделял украшению и перестройке дворца, организации различных празднеств²⁷. Именно при Мехмеде IV начался тот особый интерес к разведению тюльпанов, который достиг своего апогея при его сыне Ахмеди III (1703–1730), период правления которого вошел в историю как «Лале деври» («Период тюльпанов»)²⁸. При дворе Мехмеда IV находились известные поэты и ученые того времени: Хафиз Пуст, Итри, Фенни, Наби, придворным астрологом был Ахмед Мюнеджимбаши, известный также как врач, математик, музыкант, поэт, богослов и историк²⁹. Вся эта придворная среда была окружением Кёпрюлю-заде Ахмеда-паши и во многом им формировалась. Известно, что Мехмед Вани-эфенди, учитель и проповедник султана, был близок везиру. Вани-эфенди, шейх уль-ислам Яхья и личный секретарь султана Абди-ага по просьбе Мехмеда IV часто читали ему исторические сочинения о великих делах первых султанов и различные книги религиозного содержания. Абди-ага, как известно, был назначен первым официальным придворным хронистом (вака-и нювисом)³⁰. Им была написана история, охватывающая период 1648–1682 гг. Знаменательно, что правка, сохранившаяся на рукописи этого сочинения, по предположению Й.Хаммера³¹, принадлежит самому султану. В дальнейшем, однако, разгром османских войск под Веной (1683 г.) и свержение султана Мехмеда IV (1687 г.) способствовали тому, что история, прославляющая этого султана, не могла быть признана официальной государственной хроникой. Абди-ага был лишен звания вака-и нювиса³². Первым официальным османским хронистом стал считаться Наима³³.

Представляет интерес та интеллектуальная атмосфера, которая царила тогда в османском обществе. Как видим, в султанском дворе – это празднества, увеселения, охота, и одновременно увлечения литературой, историей, приглашение во дворец интереснейших людей того времени. Известно, что еще в 1653 г. в султанском диване в присутствии Мехмеда IV, тогда еще совсем юного, обсуждались финансовые трудности империи. На этом обсуждении присутствовал Кятиб Челеби, которого Ф. Бабингер называл «величайшим полигистром османов, знания которого распространялись на все мыслимые области»³⁴. Исторические, географические сочинения, исследо-



Султан Мехмед IV

вания финансовых проблем империи, принадлежащие перу Кятиба Челеби, – это одни из самых серьезных произведений такого рода, составленных османскими авторами в середине XVII в.

С именем Кятиба Челеби связаны впервые появившийся у османских деятелей культуры в это время большой интерес к достижениям западной цивилизации и попытки их пропагандировать среди османского общества. Блестяще по-восточному высокообразованный, знаток арабо-персидско-турецкой культуры, составитель известного библиографического справочника³⁵, без ссылки на который, как отмечал акад. И.Ю. Крачковский³⁶, не обходится и теперь ни одна работа, связанная с арабской, персидской или турецкой средневековой литературой, Кятиб Челеби активно изучал евро-

пейскую литературу, привлекая для этого в качестве переводчика бывшего французского монаха, принявшего ислам, шейха Мехмеда Ихласи³⁷. Особенно широко европейские данные были использованы Кятибом Челеби в его знаменитом географическом сочинении «Джихан-ньюма». В.В. Бартольд считал это произведение первой попыткой сопоставить данные науки европейской с мусульманской, причем подчеркивал, что в европейской географической литературе в это время таких работ не было³⁸. Кятиб Челеби умер в 1657 г. (Он известен также под вторым прозвищем Хаджи Халифа, настоящее его имя Мустафа ибн Абдуллах.) Однако круг людей, близких этому замечательному человеку, сохранялся, как и интерес к его произведениям. Известно, например, что некоторые работы этого автора переводил секретарь французского посольства А. Галлан³⁹, а рукописи приобрел поэт Иззети. Настоящее имя последнего шейх Вишнезаде Мехмед б. Лютфуллах эль-Араби⁴⁰. Он был племянником тогдашнего шейх уль-ислама Яхья⁴¹, который был известен не только как мусульманский богослов, в течение 18 лет занимавший высшую ступень в мусульманской духовной иерархии, но и как поэт. Его дом был местом встречи поэтов, писателей, ученых⁴². Как уже было сказано, Яхья был одним из тех, кто подбирал султану книги для чтения. Вся эта османская интеллектуальная элита не могла не искать выхода из того сложного положения, в котором оказалась страна в середине XVII в. Это доказывает и участие Кятиба Челеби в султанском совещании по финансовым вопросам, и деятельность младшего современника всех перечисленных лиц Хюсейна Хезарфена⁴³. Последний оставил нам несколько произведений о своем времени. Писались они во времена везирства Кёпрюлю-заде Фазыл Ахмед-паши, и так как автор, не занимая какой-либо официальной должности при дворе, как он сам сообщает, имел возможность при написании своих работ пользоваться официальными документами Порты, то, очевидно, он был связан не только с близкими везиру интеллектуалами (что известно), но и с самим Ахмед-пашой. Любопытна основная идея его произведения «Телхис эль-бейан фи каванын-и Али Осман» (Изложение сути законов османской династии)⁴⁴. В нем излагаются принципы построения османской державы, что обычно встречается во всех так называемых рисале, т.е. трактатах, сборниках советов и поучений, адресованных обычно султану и широко бытовавших в тогдашнем османском обществе, многие представители которого надеялись напоминаниями подтолкнуть Порту и султана к восстановлению былой справедливости⁴⁵. Обычно эти напоминания и сетования на нарушение старых порядков исходили из среды сипахи-тимариотов (классическим в этом отношении является Кочибей Гомюрджинский⁴⁶). Хезарфен же явно относился к придворным кругам. Правда, он озабочен участью тимариотов: в его произведениях говорится о бытуемой замене военной службы выкупам, о передаче многих тимаров в руки капыкулу и вообще о том, что законы о тимарах «преданы забвению и перестали исполняться». Волнуют же его по-настоящему лишь проблемы государственного управления, за состояние которого полную ответственность он возлагает на падишаха: «обязанности имама, хатиба, государственная власть – все

принадлежит падишаху». Если же назначенные на какие-либо должности люди не справляются со своими обязанностями, то «позволительно спросить: почему ты не назначил векилем хорошего мусульманина? Теперь падишахам надлежит сделать следующее: назначить на эялеты справедливых, благочестивых, опытных людей». Подобные мнения Хезарфен повторяет неоднократно и порой даже назойливо, сопровождая их двумя своими излюбленными мыслями. Первая – «ни бей, ни бейлербей, пока он жив, не должен быть смещен с поста». О том же далее: «если бей и бейлербей заботятся о райятах и дела упорядочены, его не следует смещать»; и еще: «в прошлые времена... в эялете его [бейлербея] никогда не смещали». Итак, как считал Хезарфен, необходим четкий порядок в административном управлении и отказ от неоправданных отставок. Вторая мысль: за серьезные проступки необходимо казнить должностных лиц. В былые времена, писал он, если кто «совершал несправедливость, с ним расправлялись, и это служило хорошим назиданием для других». «Как только исчезнет страх казни в сердцах людей, начинаются и возрастают бесчинства низких». «Низких из народа нужно держать в страхе, а хороших – в безопасности. Постоянный страх и постоянная безопасность для всех вредны»⁴⁷. Как видно, перед нами чиновник, который, стремясь к сильной государственной власти, описывает прежде всего то, что этой власти, по его мнению, способствует. Эти мысли явно близки везирам Кёпрюлю. Не случайно в название работы Хезарфена включено слово «телхис». Так называли краткие резюме великих везиров, докладывавших султану суть той или иной проблемы.

К 70-м гг. XVII в. сформировалось определенное мировоззрение чиновничества. Это уже не старые капыкулу-рабы, оторванные от общества. Они болеют за судьбы империи (и свое место в ней, разумеется), пытаются сохранить тот порядок, который давал ей в прошлом силу и возможность быть «великой державой». Они не хотят ничего менять принципиально, хотя и видят тот упадок, в котором страна находится. Жесткая дисциплина и соблюдение установленных правил – вот суть программы, предлагаемой Хезарфеном. Это же лежало в основе политики Кёпрюлю.

В отношении тимарной системы Хезарфен цитирует фетвы Абуссууда и Кемаль-паши-заде (т.е. шариатское обоснование османского земельного режима, которое было сделано в XVI в.): «Владелец тимара,.. передав [право] пользования райяту и землепашцу, получает [право] на обычные налоги и налоги, предписанные шариатом. Так как ни владелец тимара.., ни пользующийся ею не являются, по существу, собственниками земли, то ни ее продажа, ни ее дарение, ни отказ в вакф не дозволены». Завоеванные земли «не были поделены как военная добыча», а отданы в аренду (иджаре). Сами земли «этой страны не десятинные и не хараджные, а государственные – араз-и мемлекет». Из этих же положений исходил и Кёпрюлю-заде Фазыл Ахмед-паша, который организовывал (как и при Мураде IV) проверку тимаров и даже, более того, на старой тимарной основе включал в состав империи новые земли. Так, после Кандийской войны, закончившейся в 1669 г., в новом эялете Гирид (Крит) были созданы новые тимары. По данным Хезарфена, их насчитывалось там 1550 и лишь 17 зеаметов (т.е. более крупных владений)⁴⁸.

Следовательно, ставка опять делалась на восстановление института рядовых сипахи. Та же тенденция наблюдалась и позже, при завоевании Подолии.

Вместе с тем, изменения в земельном режиме тимарных эялетов империи были уже столь велики, что игнорировать их османские власти не могли. Процесс шел, однако, не по линии централизованной смены режима землепользования, а путем «усовершенствования» налогообложения.

В Османской империи было принято составление общих расходных таблиц государственных бюджетов, представлявших собой своего рода отчет о доходах и расходах страны. Наиболее ранние из известных науке таких таблиц относятся ко второй половине XVI в. Тексты их изданы О.Л. Барканом, который опубликовал также османские бюджетные материалы 1660/1661 и 1669/70 гг.⁴⁹. Бюджеты, как правило, показывают значительные дефициты, заставлявшие власти идти на порчу монеты и иные ухищрения. Значительно возросли и так называемые «чрезвычайные налоги»⁵⁰, предназначенные на покрытие расходов по конкретным военным мероприятиям. Причем многие из таких налогов к этому времени превратились уже в обычные ежегодные подати, включенные в статьи бюджета, но при этом продолжавшие собираться еще и дополнительно как чрезвычайные. Показательным в этом отношении является бюджет 1660/1661 г., относительно мирного года. В его разделе о расходах по конкретным военным действиям указан лишь поход сердара Кесе Али-паши, выступавшего в этот год на подавление восстания в Трансильвании. Именно в этом году налоги бедел-и нюзуль, бедел-и сюрсат, бедел-и кюрекчиан, ранее собиравшиеся лишь на военные нужды, включены в постоянную рубрику (т.е. собираемых регулярно) доходов «калем-и мевкуат» и составляли 113 097 064 акче (общая сумма доходов государства зафиксирована на этот год в 610 338 188 акче). Вдобавок к этому под теми же названиями для конкретных нужд текущего года собрано было еще 81 785 880 акче⁵¹.

Следовательно, чрезвычайные военные сборы стали использоваться не только на конкретные военные расходы, но и на покрытие дефицита бюджета. Это означало, что проходившее в это время восстановление тимарной системы не приводило к былой четкости распределения доходов и к охране реайи как «казны государства». Теперь налоговая система развивалась сама по себе, а тимарная, урывая свою долю государственных налогов, не служила более охраной населения от усиления государственной налоговой эксплуатации. Не случайно поэтому со второй половины XVII в. начинал исчезать даже сам термин «реайя» (как защищаемый государством налогоплательщик) в применении к мусульманскому крестьянству, превращавшемуся постепенно в издольщика на «своей» земле. Как реайя теперь воспринималось прежде всего немусульманское население империи, платившее дополнительный личный налог «джизье», который составил в 1660/61 и 1669/1670 гг. свыше 20% доходов империи⁵². В дальнейшем система сбора этого налога усовершенствовалась, были введены имущественные категории для плательщиков джизьи, что дало стране определенные финансовые выгоды (новая система была введена в 1690–1691 гг.)⁵³.

Не ликвидировав причины кризисных явлений, проявившихся в Османской империи середины XVII в., первые два везира из семейства Кёпрюлю

сумели, однако, навести порядок в финансовой сфере, несколько успокоить тимариотов, расправиться с наиболее одиозными бейлербеями-разбойниками. Фазлылу Ахмед-паше удалось в этих условиях продолжить завоевательную политику империи. Об этом свидетельствует плотно следующая друг за другом череда войн: с Габсбургами (1663–1664), Речью Посполитой (1672–1676), Россией (1677–1681), являвшихся последней успешной волной османских завоеваний в Европе.

Турецкий исследователь И. Ортайлы характеризует этот период османской истории как «социальный и экономический хаос». По его словам, «практически все ее институты находились на грани катастрофы. Но, с другой стороны, правители империи обладали блистательными приемами бюрократического манипулирования, что позволяло им справляться с этим. Упадок государства не означал, однако, упадка культуры. Османское общество находилось в поисках нового образа жизни, нового искусства, новой социально-культурной модели, которая могла бы помочь ему приспособиться к новому времени и периоду развития»⁵⁴. Реформы же Кёпрюлю не были, по его мнению, какой-либо модернизацией, а лишь попыткой заставить снова работать классические для Османской империи институты⁵⁵.

Одним из главных достижений Кёпрюлю было то, что они сумели свети почти до минимума дефицит османского бюджета. Если при вступлении на трон Мехмеда IV он составлял 21,4% суммы всех расходов, то Ахмед Кёпрюлю унаследовал от своего отца уже дефицит лишь в 3,5%⁵⁶. Однако эти достижения были быстро растрочены. Уже Кара Мустафа снова начал испытывать финансовые трудности. А султанским указом 1680 г. эквивалентом талера объявлялось не 60, а 120 акче. В самой же этой монете содержание серебра постоянно сокращалось⁵⁷. В 1679 г., как сообщают иностранные наблюдатели, в связи с задержкой в выплате жалованья, открытое недовольство проявлял стамбульский гарнизон⁵⁸. Явно дефицитными становились османские провинции на европейских границах. Так, по данным венгерского исследователя Дюлы Кальди-Надя, доходы султанских хассов в районе г. Сегед с 1550 по 1670 гг. сократились вдвое, вклады же центрального османского правительства в Будапештский эялет в три раза превышали доходы от него⁵⁹. Желанием как-то исправить это положение, очевидно, и объяснялось неоднократное обращение османских властей к проблемам северного имперского приграничья даже в период первостепенной для них в то время Кандийской войны. Именно внутриимперские проблемы побуждали османов предпринимать экспедиции 50 – 60-х гг. в Трансильванию, Валахию и Молдавию, занимать венгерские крепости, среди которых новыми опорными пунктами османского владычества в этом регионе стали Йене и Варад. Угроза же международной антиосманской коалиции и европейского вторжения в пределы их государства не казалась тогда султанским властям реальной и опасной. Уверенность в своем превосходстве продолжала существовать, и каких-то превентивно-оборонительных мер в османской политике пока еще не просматривалось. В 1660 г. Кёпрюлю Мехмед-паша заявлял, что султану не страшно, если христиане нападут на его государство все разом. Этим они только убедятся в его силе⁶⁰.

Восстанавливавшаяся при везирах Кёпрюлю тимарная система требовала новых территорий. И на Крите, и позднее в Подолии были выделены тимарные владения для сипахийской кавалерии⁶¹. Однако наиболее привлекательным для внешней политики империи оставалось все же центрально-европейское направление. По рассказам османского хрониста того времени слияхдара Мехмеда Фындыклылы, реис-эфенди (чиновник, отвечающий за внешние сношения Порты) так рисовал великому везиру перспективы османского освоения австро-венгерских пространств: «из земли этой можно создать множество зеаметов, тимаров, вакфов. Вы будете собирать там суммы такие, какие идут из Египта. Люди будут ежегодно видеть, как Вы великолепно умножаете казну султана». Поселить же там, по мнению реис-эфенди, следует тех «гази», которые отличатся в предстоящем туда походе⁶². Таким образом, султанские чиновники надеялись решить две проблемы: удалить из Анатолии безземельных, а потому и деклассировавшихся тимариотов и их наследников (этих последних там было значительно больше, чем первых, так как со времен фактического крушения тимарной системы в период «джеляли» прошло уже около 70–80 лет), а также дать им реальную возможность не только оставаться воинами, но и, получив тимар, вернуться в состав господствующего в стране военного сословия (аскери). Завоевать новые земли для тимарной «колонизации» – такова, по словам Кара Мустафы, была цель похода 1683 г. на Вену⁶³.

Для раздачи в тимары были нужны, однако, не просто земли, а земли культивированные и населенные. Ведь тимар был не просто земельным пожалованием, а получаемым его держателем правом на сбор части государственных налогов с подвластного населения. Отсюда заинтересованность Османского государства в освоенных сельскохозяйственных пространствах и сохранении местного населения. Х. Хезарфен называл район Вены «раем для гяуров»⁶⁴. Другие хронисты также сообщали о некоем деморализовавшем впечатлении, которое производили на османских воинов австрийские земли и высокий уровень жизни населения⁶⁵. Для рядовых воинов это, действительно, могло быть шоком. Руководители же страны были прекрасно осведомлены о тех районах, куда они направляли свою экспансию. Более того, эти направления по традиции широко обсуждались в султанском окружении, где их сторонники порой должны были отстаивать свои намерения, доказывая выгодность предлагаемого ими мероприятия.

Еще до окончания Кандийской войны с Венецией в 1663–1664 гг. великий везир Фазыл Ахмед-паша совершил поход на венгерские земли, которые находились под властью австрийских Габсбургов. Тогда же везир угрожал австрийцам походом на Вену⁶⁶. Эти угрозы не были реализованы. Сам поход кончился плачевно для султанской армии. В 1664 г. она потерпела поражение от австрийских войск при Сентготхарде. Однако то количество пушек, которое Ахмед-паша взял с собой в поход на Венгрию⁶⁷, наводит исследователей на мысль, что какие-то более далеко идущие планы у везира действительно были⁶⁸. Затем, однако, последовали тяжелые сражения на Крите (1666–1669)⁶⁹, войны с Речью Посполитой и Россией. В 1675–1676 гг. венгры, участники «заговора Вешшелени», обращались к Ахмед-паше за помощью, однако не

встретили благожелательного отклика. Более того, по сообщению османского хрониста, везир будто бы ответил, что он и так «довольно намучился перед тем, как закончить свой прежний поход на немцев»⁷⁰.

После окончания Кандийской войны первым военным предприятием Порты стала война с Речью Посполитой. Спровоцирована она была переходом гетмана Петра Дорошенко под покровительство султана, в связи с чем Османская империя начала считать своей территорией всю Украину, вступив таким образом в новый этап военно-дипломатической борьбы за северное Причерноморье.

Начиная с 1648 г. лидеры украинского казачества не раз вступали в союз с османским вассалом – крымским ханом, видя в нем порой единственного возможного помощника в своей борьбе с Речью Посполитой. Отдельные казацкие отряды и на этом раннем этапе украинского освободительного движения и позднее, после принятия Б. Хмельницким российского подданства, неоднократно участвовали в операциях османских властей против Трансильвании, Валахии и Молдавии и в татарских набегах на польские и русские земли⁷¹. Некоторые руководители украинского казачества считали привлекательным и для себя статус, в котором находились султанские вассалы северных рубежей Османской империи – Валахия, Молдавия, Трансильвания, Крымское ханство, вожди Кабарды, Адыгеи, некоторые правители дагестанских земель и т.п. Они видели в этом вассалитете лишь свободу правителей в проведении внешней и внутренней политики, совместные военные набеги на соседей, приносящие немалое обогащение, возможность опереться на крымско-османский тыл при борьбе с Речью Посполитой и Россией, а может быть, и получить военную помощь. Жесткие рамки дозволенности, в которые ставила Порта своих вассалов, карательные санкции, следовавшие в случае превышения ими своих полномочий, и умение османских властей поддерживать внутреннюю нестабильность на вассальных территориях, поощряя стремление к власти то той, то иной группировки местного господствующего класса, оставались вне внимания казацкой верхушки. В этих условиях крымский или османский вассалитет, который принимали отдельные казацкие руководители, способствовал лишь усилению той неразберихи, которая царила тогда на Украине. 1663–1687 гг. вошли в историю Украины как период «анархии и руины»⁷².

До обращения П. Дорошенко к османским имперским властям о принятии подвластных ему украинских земель в султанское подданство все, что происходило тогда в северном пограничье, османы считали относящимся к компетенции крымского хана. П. Дорошенко же дал понять, что в этом регионе возможно расширение границ Османской империи, а среди местного населения есть силы, могущие помочь это расширение осуществить без особых трудностей. Завершение Кандийской войны, однако, не позволило немедленно откликнуться на призывы П. Дорошенко. Более того, в августе 1667 г. между Речью Посполитой и Османской империей велся переговоры о новом договоре, подтверждавшем сохранение мирных отношений⁷³ на тех же условиях, что и прежние договоры 1623 г.⁷⁴ и 1640 г.⁷⁵. В условиях Кандийской войны это отвечало бы интересам Османской империи. Во вре-

мя переговоров с польскими послами И. Радзеевским и Ф. Высоцким, которые вел каймакам (заместитель великого везира, воевавшего тогда на Крите) Кара Мустафа, было, однако, высказано опасение, не имеет ли заключенный незадолго перед этим русско-польский Андрусовский договор антиосманской и антикрымской направленности. В Османской империи помнили о морских походах казаков, отряды которых в первой половине XVII в. достигали порой даже окрестностей Стамбула, а потому боялись, что, договорившись между собой, Россия и Речь Посполитая могут направить оставшуюся «безработной» казацкую вольницу в набеги на османскую территорию⁷⁶. Однако уже в июне 1669 г. настроения изменились. П. Дорошенко была дана Мехмедом IV грамота о принятии его в султанское подданство и присланы такие символы инвеституры османского вассалитета, как бунчук, барабан, знамя⁷⁷. Эти действия, как и ответное вторжение коронного гетмана Яна Собеского в пределы казацкой Украины, означали по сути дела подготовку к новой осmano-польской войне.

В 1671 г. губернатору Очакова Халил-паше было приказано выступить на помощь П. Дорошенко. Начали готовиться к походу на север и имперские войска⁷⁸. Известно письмо того времени, направленное Ахмедом Кёпрюлю польскому подканцлеру Ольшовскому, в котором утверждалось, что казаки как свободный народ добровольно приняли покровительство польского короля на условиях, что он будет уважать их права. Король нарушил это соглашение, а потому больше не является правителем Украины. Там же говорилось, что король не может претендовать на Украину как на свою наследственную собственность, поскольку единственным подлинным владельцем всех вещей является Всевышний. Любой народ может просить у султана защиты, как это сделали казаки, и он не отвергнет такие просьбы⁷⁹. Как предполагает польский исследователь Д. Колодзейчик, это послание было составлено со слов казацких послов к Порте, так как оно не отвечало бытовавшим тогда в османском обществе представлениям об отношениях между правителем и подданными⁸⁰.

В условиях готовившейся войны против Речи Посполитой Порты отвергла согласованный в 1667 г. договор, документ о королевском подтверждении которого польский посол Ф. Высоцкий привез в 1670 г. и вплоть до марта 1672 г. пытался подтвердить указом султана⁸¹.

В июне 1672 г. на Украину двинулась султанская армия. Местное население Подолии, где развернулись военные действия осmano-польской войны, устав от казацко-польских усобиц последних лет, встречало османские войска хлебом и мясом⁸², рассчитывая на установление порядка и избавление от гнета польской шляхты. Уже в августе 1672 г. был взят Каменец-Подольский, а 2 сентября в бывшем католическом соборе города был прочитан пятничный намаз с прославлением султана Мехмеда IV как победителя. Личное участие султана в походе знаменательно. Мехмед IV делал это впервые в жизни⁸³. Очевидно, что османы были тогда очень уверены в своей победе.

На первых порах казалось, что эта уверенность оправдана. В октябре 1672 г. был подписан мирный договор с польским королем Михаилом. Подолия переходила под власть Османской империи. Украинские владения

П. Дорошенко сохраняли автономию, находясь под османским покровительством. Речь Посполитая обязывалась платить ежегодную дань султану⁸⁴.

В тексте договора в титул султана Мехмеда IV был включен эпитет Ebu'l-feth⁸⁵, дословно «отец победы», который до этого использовался лишь в отношении Мехмеда II, завоевателя Константинополя. Кроме как в тексте мирного договора этот эпитет в отношении к Мехмеду IV был использован еще в хронике Абди-аги⁸⁶. Однако официально он не утвердился. Победные ликования 1672 г. оказались преждевременными.

На протяжении нескольких последующих лет османы вынуждены были защищать свои владения в Подолии и признанный миром 1672 г. вассалитет над Киевищиной и Брацлавщиной. И делать это им пришлось не только воюя с Речью Посполитой, но и в условиях фактической конфронтации с Россией и казачеством, вылившейся позднее в 1677–1679 гг. в русско-турецкую войну.

Походы османских войск на Украину носили после 1672 г. характер карательных экспедиций. И не случайно командующими войсками назначались различные провинциальные вали (губернаторы) – в 1673 г. Сары Хюсейн-паша из Очакова, в 1675 г. – вали Халеба (Алеппо) Шишман Ибрагим-паша и вали Шама (Сирии) Шейтан Ибрагим-паша и др.⁸⁷ Такая переброска войск отдельных эялетов, причем порой довольно отдаленных от театра военных действий, была характерна для политики усмирения непокорных внутри империи, а не для новой экспансии в ранее непривычном для османов северо-восточном направлении.

Положение осложнялось тем, что на этой османской окраине находилось множество вассалов Порты, степень включенности которых в имперскую структуру и политику была неодинаковой, а потому и различными были их участие во внешнеполитических мероприятиях султана, дисциплинарная подчиненность и самостоятельность в сношениях с соседями. Включение Подолии в состав Османского государства и создание там нового эялета, т.е. области центрального подчинения, способствовало явному нарушению прежнего соотношения сил среди османских вассалов этого северного пограничья. По мнению турецкого исследователя М. Кунта, роль подольского района имперской власти должна была состоять в следующем: обеспечить более надежный контроль за Крымским ханством, изолировать придубайские княжества от Польши и препятствовать набегам казаков на османские владения⁸⁸. В определенной степени эти цели были достигнуты. Яново (Йене), Вардар и Каменец-Подольский составили ту новую линию пограничных османских крепостей, которая не только оберегала внешние рубежи империи, но и должна была контролировать поведение ее северных вассалов.

Хуже обстояло дело с использованием подольских земель в качестве пополнения тимарного фонда, хотя первоначально такие надежды у Порты явно были. По османской традиции после завоевания в Подолии была проведена перепись и составлен так называемый дефтер муфассал, т.е. такой реестр, где фиксировались все возможные объекты налогообложения, на базе которых и должны были раздаваться новые тимары. Все земли нового подольского эялета Османской империи были поделены на санджаки и нахие

(более мелкие административные единицы, на которые разделялись и другие османские области, где вводилась тимарная система)⁸⁹.

Первые тимары османским войнам начали здесь выдавать уже в 1672 г. В 1682 г., однако, была проведена их перерегистрация и составлен новый дефтер⁹⁰. Следовательно, в течение десяти лет тимарные отношения в Подолии все еще находились в состоянии формирования. Согласно дефтеру в этом районе были выделены 2 хасса, 25 зеаметов и 593 тимара. Тимариоты, получившие эти «кормления», происходили из разных мест империи. Зафиксированы выходцы из Румелии, Очаковского эялета, Босны, Западной и Центральной Анатолии⁹¹. Редко, но встречались среди тимариотов и местные уроженцы. Так, в 1690 г. тимар был оформлен на некоего русина Панкратия⁹². Сохранялась общая тенденция, характерная и для других тимарных районов империи того времени – большая часть тимаров приносила доход не выше 3 тыс. акче в год⁹³, т.е. это были так называемые кылыч-тимары, владения минимальной доходности, позволявшие обеспечить проживание и экипировку одного кавалериста-сипахи. Известно также, что зачастую в тимары передавались запущенные земли, покинутые жителями. Надеялись, что порядок, введенный османами, приведет к их заселению, так как обезлюдение этого района началось еще в доосманский период. Однако и к 1681 г. население Подолии было на 1/3 меньше, чем в 1662 г. Уже османские власти в 1674 г. переселили отсюда многих армян и евреев, т.е. торгово-ремесленное население, в глубинные районы Балкан, в частности, в Филиппополь⁹⁴.

С надеждами на хозяйственное возрождение Подолии связано было формирование здесь вакуфных учреждений. Учредителями их являлись Фазыл Ахмед-паша, Кара Мустафа-паша и другие лица, которые были связаны с завоеванием этих земель⁹⁵. Договор 1672 г. в Бучаче разрешал шляхте сохранить в Подолии свои владения, но фактически этого не произошло. Как уже было сказано, лишь единицы христиан были включены в состав тимариотов. Массовая исламизация здесь не проводилась, хотя и наблюдался переход части населения в ислам. Зарегистрировано, в частности, такое явление – среди городских жителей многие мужчины, католики и православные, становились мусульманами, жены же их оставались в старой вере, хотя большая часть церквей разных конфессий была превращена в мечети⁹⁶.

Подолия так и не сумела в период османского владычества (1672–1699) восстановить свое экономическое благополучие. Она доставляла империи больше расходов, чем доходов. Край не мог содержать самостоятельно даже турецкий гарнизон Каменца. Эта крепость на протяжении всего периода ее нахождения под османской властью получала регулярные поставки от молдавских господарей⁹⁷. Вместе с тем ее укрепления явно нуждались в дорогостоящем ремонте, население, на первых порах приветствовавшее османов, начало сопротивляться вводимым ими порядкам. Земельные пожалования, выделявшиеся османским войнам, зачастую оставались незанятыми, так как в этой беспокойной пограничной области они не сулили предписанного дохода. Более того, после начала войны со странами Священной лиги (1684–1699) наблюдалось массовое бегство отсюда тех сипахи, которые ранее получили здесь новые владения⁹⁸.

Создание в Подолии эялета имперского подчинения и тем самым усиление возможности контроля центра за соседними вассальными территориями вызвало на первых порах недовольство крымских и других татарских подданных империи, но позднее именно Каменец стал базой для татарских набегов на Волынь и другие соседние районы христианского порубежья. Эти набег давали гарнизону Каменца то продовольствие, без которого он не мог бы удерживать крепость⁹⁹.

Военные действия османов против Речи Посполитой, принесшие им радость легкой победы в 1672 г., связаны с именем великого везира Фазыл Ахмед-паши. Все же последовавшие трудности шли как бы уже за рамками основной победы. Так, французский посол Нуантель в одном из своих доносений подчеркивал, что в султанском окружении всячески стремятся уменьшить значение польской победы под Хотинем в 1673 г.¹⁰⁰. А в 1678 г. переводчик дивана Александр Шкарлат доверительно сообщил русскому гонцу А. Поросукову, что войны с Русским государством турки побаиваются, так как легко могут потерять славу, добытую в войне с Польшей¹⁰¹. Следовательно, свои военные действия в Польше османские власти рассматривали прежде всего как победу 1672 г. Последовавшие же события, связанные с битвой при Хотине и походами Яна Собеского, воспринимались Портой как некие местные трудности в использовании этого района в интересах османского государства. Более того, как констатирует польский исследователь этой проблемы З. Абрахамович, именно «случайная легкая победа над поляками и территориальные завоевания в этой войне лишили турок способности правильно оценивать соседей как противников на поле боя. Помрачению этим «успехом» подвергся и Кара Мустафа, который участвовал в походе 1672 г. как третий везир», впоследствии легкомысленно ввергнувший империю в трагическую для нее войну с Габсбургами¹⁰².

Завершил военную конфронтацию с Речью Посполитой заключенный в Журавне договор 1676 г. В нем были подтверждены основные условия мира 1672 г., но сделаны две уступки польской стороне: отказ от дани и сохранение за Польшей крепостей Белая Церковь и Паволоч¹⁰³. У Варшавы были надежды на некие большие уступки в свою пользу, так как явно назревало столкновение османов с Москвой, в котором они рассчитывали на польскую помощь. Однако смерть Кёпрюлю Фазыл Ахмед-паши, вступление на пост великого везира Кара Мустафы, неудача антирусской кампании 1677 г. и связанная с этим смена османского командования на Украине разбили эти польские надежды. Мир был утвержден, но больших уступок польская сторона не получила. В частности, не были восстановлены позиции католиков в святых местах Палестины¹⁰⁴.

Между тем война с Россией и тем самым продолжение борьбы за Украину не вызывали интереса в османском обществе. Шейх уль-ислам Чатаджи Али эфенди, выражая эти настроения, высказался против этой войны¹⁰⁵. О том же Петру I писал позднее П.Б. Возницын, ведший переговоры о русско-турецком мире 1681 г.: турецкие войска, «хотя Чигирин взяли, однако его бросили, и не держали, потому что им за отдаленностью... держать его было нельзя», «они не так войной, как отдаленностью и всякой нуждой про-

пали и едва что возвратились». Потому-то в султанском окружении, как слышал П.Б. Возницын, поговаривали, что «ежели бы тогда будущий везир не захватил с нами мир, подлинно тогда же бы убит был»¹⁰⁶.

Бахчисарайское перемирие, которым завершилась война с Россией, впервые официально зафиксировало территориальное разграничение владений российской и османской держав. Границей, как известно, был признан Днепр с некоторыми добавлениями к этому «в сторону царского величества». Добавлениями этими был город Киев и прилежащие к нему с севера и юга села и местечки. Пространство между Бугом и Днестром должно было остаться безлюдным и пустынным, где обе стороны взяли на себя обязательство никаких поселений не заводить¹⁰⁷. Это последнее положение еще раз подтвердило, что подольский опыт развеял надежды османских властей на возможность получения на разоренной Украине территорий, пригодных для распространения там тимарной системы. Они фактически согласились оставить ее нейтральной. Правда, в дальнейшем все могло и измениться, так как османские владения на Украине были переданы молдавскому господарю, под управлением которого за два мирных года (1681–1683), последовавших за русско-турецким перемирием, в экономическом восстановлении украинских земель были достигнуты заметные успехи, уничтоженные потом военными событиями последующих десятилетий.

Русско-турецкое перемирие, как известно, было подписано тремя сторонами – Крымским ханством, Османской империей и Россией, что свидетельствовало о том, что Порта по-прежнему продолжала считать свою северо-восточную границу сферой интересов прежде всего Крымского ханства. Собственно имперских интересов Стамбул в этом регионе тогда не видел, хотя и не намерен был идти здесь на какие-либо уступки соседям. Так, русским послам в Бахчисарае В.Тяпкину и Н. Зотову в ответ на их предложение установить границу по рекам Рось, Тясмин, Ингул было заявлено, что от тех мест, где нога войск султановых заступила, по мусульманскому закону уступки быть не может¹⁰⁸.

Крымский хан Мурад-Гирей (1678–1683) в том же 1681 г. в письмах и в своей шертной (союзной, дружеской) грамоте, направленной в Москву, подтвердил свои мирные намерения в отношении России, причем не только от себя, но и обещал «детей своих, и братью, и племянников, и князей, и мурз, и улусов, и всяких воинских людей, и черных и крымских и нагайских людей и азовских и никаких татар не посылать» на воинский промысел, быть государству Московскому другом и недругом его недругов. Складывается впечатление, что хан в своей дружеской расположенности в отношении России шел дальше, чем Порта, которая отказывалась включить в договор пункт о Запорожье¹⁰⁹. Хан же подтверждал: «и от Киева до Запорожья и Запороги Ваши же»¹¹⁰. Такая позиция хана истолковывается некоторыми исследователями как попытка вести свою, отличную от центра политику в отношениях с соседями¹¹¹, и даже как желание отмежеваться от агрессивной внешнеполитической линии Порты¹¹². Однако это противопоставление Крыма империи не соответствовало действительности. Османское правительство явно не видело в этом регионе выгодных перспектив для дальнейшего распространения сюда своей

власти, то есть действия вассала в тот момент не противоречили имперским интересам. Территориальное же разграничение в этом районе было тогда очень нечетким. Эта нечеткость шла не от какой-то дипломатической недоработки, а существовала в жизни. Крымский хан чувствовал ее лучше, чем далекое стамбульское правительство. Что же касается отказа от «агрессивной внешнеполитической линии», то, очевидно, это тоже шло не только от хана, но и самих имперских властей, направивших в эти годы свои устремления в Центральную Европу. Роль хана в исполнении этих внешнеполитических намерений, как будет показано ниже, была самой активной.

- ¹ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. I. М., 1998. С. 23 – 25.
- ² См. подробнее: *Akdag M. Genel çizgilerile XVII yüzyıl Türkiye Tarihi . Tarih araştırmalar dergisi.* Ankara, 1968. Т. IV. № 6–7.
- ³ *Kunt M. Sancaktan Eyalete. 1550–1650 arasında Osmanlı Ümerası ve II idaresi.* Istanbul, 1978.
- ⁴ См.: *Halaçoğlu Y. XIV–XVII Yüzyıllarda Osmanlılarda Devlet teşkilâtı ve sosyal Yapı.* Ankara, 1998. S. 64–71, 83–100, 118–124.
- ⁵ См.: *Орешкова С.Ф.* К вопросу о типологической характеристике социальных движений анатолийского населения Османской империи в начале XVII в. // *Общественные движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии.* М., 1988. С. 129–141; *Османская империя и страны ...* С. 2–9.
- ⁶ См.: *Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История происхождения законов янычарского корпуса).* Издание текста, перевод с турецкого, введение, комментариев и указатели И.Е. Петросян. М., 1987.
- ⁷ *Dimitrov S., Mutafchieva V. Sur l'Etat du Systeme des Timars des XVII-e – XVIII-e ss.* Sofia, 1968.
- ⁸ *Akdag M. Genel çizgilerile XVII yüzyıl Türkiye Tarihi.* S. 212–215.
- ⁹ См., например: *Смирнов В.Д.* Кочибей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции. СПб., 1875.
- ¹⁰ *Akdag M. Genel çizgilerile XVII yüzyıl Türkiye Tarihi.* S. 214.
- ¹¹ *Ibid.* S. 217, 221–222.
- ¹² *Ibid.* S. 226
- ¹³ См.: *Uzunçarşılı I.H. Osmanlı tarihi.* Т. 3/1. Ankara, 1951. S. 234–235, 315–333.
- ¹⁴ *Ibid.* S. 402–414.
- ¹⁵ *Naima tarihi.* Istanbul, 1281(араб.). Т. 6. S. 22.
- ¹⁶ *Shaw St. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey.* Т. 1 Cambridge-London-New - York-Melbourn, 1976. P. 207.
- ¹⁷ *Yücel Y. Candarlılar.* Ankara, 1970.
- ¹⁸ *Shaw St. History of the Ottoman Empire...* P. 169–215.
- ¹⁹ *Akdag M. Genel çizgilerile XVII yüzyıl...* S. 226–231; *Naima tarihi.* Т. 6. S. 221–228.
- ²⁰ *Naima tarihi.* Т.6. S. 249.
- ²¹ См.: *Berindei M., Veinstein G. La présence Ottoman au sud de la Crimée en mer d'Azov dans la première moitié du XVI-e siècle // Cahiers du Monde russe et soviétique.* 20. 1979. P. 389–465; *idem. Règlements de Süleyman I-er concernant le liva de Kafe // Cahiers..* 16. 1975. P. 57–104; *idem. La Tana-Azaq de la présence italienne à l'emprise ottomane (fin XII-e – millien XVI-e siècle // Turcica.* 8. 1976. P. 110–201; *Beldiceanu N. La conquête des cités manchands de Kilia et de Cetatae Alba par Bayzid II // Südost-Forschungen.* München, 1964. Bd. 23. S. 36–90; *Inalcık H. The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600.* N.Y., 1973 и др.

- ²² См.: *Babinger F.* Das Archiw des Bosniaken Osman Pascha. Berlin, 1931; В АВПРИ (Ф. 26) хранится переписка первой половины XVIII в. коменданта Хотина Ильяса Колчак-паши с окрестными пограничными командирами и правителями, показывающая характер взаимоотношений этих лиц между собой и с центральным правительством. К сожалению, эта документальная коллекция не введена до сих пор в научный оборот.
- ²³ Naima tarihi. Т. 6. S. 315; *Uzunçarşılı J.H.* Osmanlı tarihi. Т. 3/1. S. 391.
- ²⁴ *Uzunçarşılı J.H.* Osmanlı tarihi. S. 390–394.
- ²⁵ Naima tarihi. Т.6. S. 271–279.
- ²⁶ См.: *Теллов В.* Представители европейских держав в прежнем Константинополе. Исторический очерк. СПб., 1890.
- ²⁷ См.: *Uzunçarşılı J.H.* Osmanlı tarihi. Т. 3/2. Ankara, 1954. S. 588; *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Т. 6. Pest, 1830. S. 216; *Wurm H.* Der osmanische Historiker Hüseyin b. Ga'fer, genannt Hezarfenn und die Istanbuler Gesellschaft in der zweiten Hälfte der 17 Jahrhundert. Freiburg im Breisgau, 1971. S. 10–35.
- ²⁸ См.: *Актепе М.* Damad Ibrahim Pasa devrinde lale // Tarih dergisi. Ankara, 1952. Т. 4/7. S. 85–125; 1953. Т. 5/8. S. 85–104; 1953. Т. 6/9. S. 23–38.
- ²⁹ См.: *Brusali M.T.* Osmanlı müellifleri. Istanbul, 1342 (араб.). Т. 3. S. 142; *Uzunçarşılı J.H.* Osmanlı tarihi. Т. 3/2. S. 567–569; *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. Избранные сочинения. Т. 4. М.-Л., 1957. С. 633.
- ³⁰ См. статью Ф.Бабингера об Абди-паше: *Encyclopedia of Islam.* New Ed. Т. 1. L., 1970. P. 201.
- ³¹ *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Т.6. S. 157.
- ³² О сочинении Абди-паши «Вакайнаме» см.: *Karatay F.E.* Topkapı Sarayimuzesi kütüphanesi türkçe yazmalar katalogu. Istanbul, 1961.
- ³³ *Babinger F.* Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Lpz., 1937.
- ³⁴ *Ibid.* S. 196–197; *Смирнов В.Д.* Очерк истории турецкой литературы. Всеобщая история литературы. Т.4. СПб., 1892. С. 425–554.
- ³⁵ Последнее турецкое издание этой работы подготовили Ш.Ялткая и Р.Бильге: *Kesf el-Zunun.* Т. 1–2. Istanbul, 1945; Т. 3–4. Istanbul, 1947. Имеется немецкий перевод: *Flügel G.* Lexicon Bibliographicum et Encyclopaedicum Mustafa ben Abdallah Katip Jelebi dicto et nomine Haji Khalfa. Т. 1–7. Lpz.-L., 1835–1850.
- ³⁶ *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. С. 601.
- ³⁷ Там же. С. 615.
- ³⁸ *Бартольд В.В.* Культура мусульманства // Сочинения. Т.6. М., 1960. С.104.
- ³⁹ *Wurm H.* Der osmanische Historiker Hüseyin b. Ga'fer... S. 85–86.
- ⁴⁰ *Ibid.* S. 65–75.
- ⁴¹ *Hammer J.* Geschichte der Osmanischen Dichtkunst bis aut unzere Zeit. Bd. 3. Pest, 1838. S.379.
- ⁴² *Wurm H.* Der osmanische historiker... S. 65.
- ⁴³ *Орешкова С.Ф.* Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990. С. 228–305.
- ⁴⁴ *Hazarfen Hüseyin efendi: Telhisü'l-Beyân fi Kavanin-i Al-i Osman.* Yayına hazırlayan: Sevim İlgiel. Ankara, 1998; ПО ИВ РАН. Рукописный отдел. В-312.
- ⁴⁵ *Тверитинова А.С.* Социальные идеи в турецких дидактических социально-экономических трактатах XVI–XVII вв. М., 1960; *Орешкова С.Ф.* Османский источник... С. 230.
- ⁴⁶ *Смирнов В.Д.* Кочиbey Гомюрджинский ...; *Тверитинова А.С.* Второй трактат Кочибея // Ученые записки Института востоковедения. Т. 6. М., 1953.
- ⁴⁷ См.рукопись ПО ИВ РАН. В. 312. Л. 436, 44а, 486, 57а,б.
- ⁴⁸ Там же. Л. 41а,б, 43а, 44а, 556.
- ⁴⁹ *Barkan Ö.L.* Osmanlı imparatorluđu bütçelerine dair notları // İktisat fakültesi mecmuasi. 1955–1956. Т. 17. N 1–4. S. 194–197, 304–347.

- ⁵⁰ Цветкова Б. Извърдени данъци и державни повинности в българските земи под «турска власт». София, 1958.
- ⁵¹ Barkan Ö.L. Osmanlı imparatorluğu bütçelerine dair S. 329–333.
- ⁵² Ibid. S. 193–347.
- ⁵³ Грозданова Е. Налог джизье с Балканских земель в системе доходов государственной казны Османской империи (по турецким документам XVII–XVIII вв. // Восточные источники по истории государств Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. III. М., 1974. С. 174.
- ⁵⁴ Ortaylı I. The Ottoman Empire at the End of the XVIIth century // Ortaylı I. Studies on Ottoman transformation. Istanbul, 1994. P. 179.
- ⁵⁵ Ibid. S.180.
- ⁵⁶ Karamursal Z. Osmanlı mali tarihi hakkında tetkikiler. Ankara, 1940. S. 34–41.
- ⁵⁷ Ibid. S. 42.
- ⁵⁸ Де Нуантель королю от 12.IX. 1679. (Abrahamowicz Z. Tło polityczne i ekonomiczne wyprawy wiedeńskiej Kara Mustafy // Kwartalnik Historyczny. W., 90/1, 1983. S. 37.
- ⁵⁹ Káldy-Nagy G. Two sultanic hass-estates in Hungary during the XVIth and XVIIth centuries / Acta Orientalia Hung. T.XIII. 1961; idem. The cash-book of Ottoman treasury in Buda in the years 1558–1560 // ibid. T. XV. 1962.
- ⁶⁰ Hammer J. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 6. S.86.
- ⁶¹ Существует «Дефтер» (т.е. реестр) султанских пожалований в каменецком вилайете от 1686 г., хранящийся в настоящее время в архиве г. Познани. (Abrahamowicz Z. Tło polityczne ... S.37.)
- ⁶² Silahdar tarihi. Istanbul, 1334 (араб.). S.86.
- ⁶³ Ibid. S.97–98.
- ⁶⁴ Цит.: Kara Mustafa vor Wien. Wien, 1955. S. 118–121.
- ⁶⁵ На этот факт обратил внимание З.Абрахамович (Abrahamowicz Z. Tło polityczne ... S.50).
- ⁶⁶ Krieg und Sieg in Ungarn. Die Ungarnfeldzüge des Grosswesirs Fâzil Ahmed Pasche 1663 und 1664 nach den «Kleinodien der Historien» seines Siegelbewahrsers Hasan Aga. Übersetzt, eingeleitet und erklärt von Erich Prokosch. Graz-Wein-Köln, 1976. S. 238.
- ⁶⁷ Ibid. S. 34.
- ⁶⁸ См.: Wagner G. Das Türkenjahr 1664. Eine europäische Bewährung. Raimund Montecuccoli, die Schlacht von St. Gotthard-Mogersdorf und der Friede von Eisenburg (Vervár). Eisenstadt, 1964. S.160–162.
- ⁶⁹ Uzunçarşılı J.H. Osmanlı Tarihi, T 3/I. S. 430.
- ⁷⁰ Silahdar tarihi. S. 41.
- ⁷¹ Библиографию проблемы см.: Kolodziejczyk D. Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th–18th Century). Leiden-Boston-Köln. 2000. S. 141.
- ⁷² См.: Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Кн. 6. Е. 15. Руина. СПб., 1905.
- ⁷³ Турецкий текст и его английский перевод см. Kolodziejczyk D. Ottoman-Polish... P. 476–489.
- ⁷⁴ Ibid. P. 388–401
- ⁷⁵ Ibid. P. 458–475.
- ⁷⁶ Ibid. P. 143.
- ⁷⁷ Об этом см.: Silahdar tarihi. S. 565; АЮЗР. Т. 12. С. 755–759.
- ⁷⁸ Uzunçarşılı J.H. Osmanlı Tarihi. T 3/I. S. 431–432.
- ⁷⁹ Silahdar tarihi. S. 569–579.
- ⁸⁰ Kolodziejczyk D. Ottoman-Polish... P. 146.
- ⁸¹ Ibid. S.74–75, 147.
- ⁸² Silahdar tarihi. S. 610.
- ⁸³ Uzunçarşılı J.H. Osmanlı Tarihi. T 3/I. S. 132.

-
- ⁸⁴ *Kolodziejczyk D.* Ottoman-Polish... P. 496–514.
- ⁸⁵ *Ibid.* S. 502; KDT. N 380. S. 361.
- ⁸⁶ *Uzunçarşılı J.H.* Osmanlı tarihi. T.3/1. S. 433.
- ⁸⁷ *Ibid.* S. 435–437.
- ⁸⁸ *Kunt M.* XVII yüzyılda Osmanlı kuzey politikası üzerine bir yozum // Bogazigi Üniversitesi Dergisi. 1976–77. N 4–5. S. 111–116.
- ⁸⁹ *Kolodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki. 1672–1699. W., 1994. S.115.
- ⁹⁰ *Ibid.* S. 173.
- ⁹¹ *Ibid.* S. 176, 179.
- ⁹² *Ibid.* S. 178.
- ⁹³ *Ibid.* S. 179
- ⁹⁴ *Ibid.* S. 108–109, 139–140.
- ⁹⁵ *Ibid.* S. 188–195.
- ⁹⁶ *Ibid.* S. 115, 134.
- ⁹⁷ *Silahdar tarihi.* S. 22–23.
- ⁹⁸ *Kolodziejczyk D.* Podole... S. 180.
- ⁹⁹ *Ibid.* S. 217.
- ¹⁰⁰ *Dr. Nointel* 6.V.1676.
- ¹⁰¹ *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 2. 1946. С. 146 (в книге ошибочно – 461).
- ¹⁰² *Abrahamowicz Z.* Tło polityczne ... S. 26.
- ¹⁰³ *Kolodziejczyk D.* Ottoman-Polish... S. 515–544.
- ¹⁰⁴ *Ibid.* S. 149–151.
- ¹⁰⁵ См. об этом: *Pulaski Fr.* Źródła do dziejów poselstwa Jana Gnńskiego wojewody chełmińskiego do Turcyi w latach 1677–1678. W., 1907. S. 290 (Цит. *Abrahamowicz Z.* Tło polityczne... с. 41).
- ¹⁰⁶ См. Письма и бумаги... Петра Великого. СПб., 1887. Т.1. С. 756–757.
- ¹⁰⁷ Текст договора см. ПСЗ. Т. 2. № 864.
- ¹⁰⁸ Об этой традиции см.: *Фодор П.* Идеологическое обоснование османских завоеваний (XIV–XVI вв.) // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. М., 1996. С. 24–28.
- ¹⁰⁹ См. материалы посольств В.Тяпкина, Н.Зотова, П.Б. Возницына: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 13. Соч. Кн. VII. М., 1991. С. 218–221; *Смирнов Н.А.* Россия и Турция... С. 165–168.
- ¹¹⁰ ПСЗ. Т. 2. № 854, 896.
- ¹¹¹ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 596.
- ¹¹² *Воззрин В.Е.* Исторические судьбы Крымских татар. М., 1992. С. 229.

ОТНОШЕНИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ, ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ (ДО НАЧАЛА 80-х гг.XVII в.)

ПОРТА, КРЫМ И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 50–60-х гг. XVII в.

Переломным моментом в истории отношений Порты и Крыма с государствами Восточной Европы стали решения Переяславской рады 1654 г., означавшие разрыв Украинского гетманства с Речью Посполитой и его вхождение в состав Русского государства как особой, обладавшей широкой автономией, его части. В последовавшей за этим событием русско-польской войне войска Речи Посполитой уже в первой военной кампании понесли серьезные неудачи, ряд польских территорий на востоке был утрачен. Происходившие перемены означали резкое изменение соотношения сил в регионе в пользу России, что никак не отвечало интересам Османской империи и Крыма. Обе державы были заинтересованы в сохранении прежней системы отношений, позволявшей им играть на противоречиях между Россией и Речью Посполитой. Усиление Москвы явно грозило лишить их такой возможности. Кроме того, в предшествующие годы Крымское ханство небезуспешно пыталось использовать в своих интересах конфликт между Речью Посполитой и Украинским гетманством. Так как крымский хан выступал в роли гаранта соглашений между ними, то обе стороны оказались в определенной зависимости от Крыма, а в обмен за свою благосклонность хан неоднократно получал возможность беспрепятственно захватывать ясырь на украинских землях. С присоединением гетманства к России подобную политику стало уже невозможно проводить и условия для набегов татар на украинские земли резко ухудшились.

Польско-украинский конфликт стремилась использовать в своих интересах и османская дипломатия. В 1650–1653 гг. Порта вела переговоры с Б. Хмельницким об установлении своего протектората над гетманством. Поэтому вхождение Украинского гетманства в состав Русского государства не могло вызвать удовлетворения в Стамбуле. Правда, у Османской империи, которая в середине 50-х гг. вела тяжелую и в те годы неудачную для нее войну с Венецией, не было реальной возможности как-либо активно проявить свое недовольство, но Крым, когда не удалась его попытка помешать русско-украинскому сближению, занял открыто враждебную позицию по отношению к России и Украине. В июле 1654 г. польский сейм, а в ноябре – крымский хан утвердили договор о союзе, предусматривавший долгосрочные совместные

действия сторон против России и Украины. Целями войны должны были стать возвращение Украины под власть Речи Посполитой, поражение России и раздел захваченных русских земель между союзниками. Предусматривалось, что при таком разделе под власть крымского хана должны отойти Казань и Астрахань. Это показывает, что крымская знать хотела бы использовать союз с Речью Посполитой не только для возвращения Восточной Европы к ситуации, которая существовала здесь до решений Переяславской рады, но и для резкого усиления собственных позиций в регионе.

Однако такие широкие планы явно не соответствовали реальным военно-политическим возможностям Крымского ханства середины XVII в. Создание на южных границах России сильных оборонительных линий ухудшило условия для татарских набегов на русские территории и Крымское ханство было вынуждено ограничить свои враждебные действия территории Украины. В военной кампании 1654 г. татары не принимали участия, но после утверждения ханом договора о союзе поздней осенью 1654 г. на соединение с войсками Речи Посполитой двинулись первые татарские отряды¹. В сентябре-октябре 1654 г. гетман Б. Хмельницкий получил важные сведения, которые он сообщил в Москву, в частности об угрозе нападения на Украину соединенных польско-татарских войск².

Готовясь к предстоящим боям, гетман учитывал, что главные действия русских войск развернутся в Белоруссии, бои на Украине будут носить отвлекающий характер. Но и в этом случае победить 30-тысячное войско Речи Посполитой и 100 тыс. татарских всадников силами Украины и находившегося здесь 4-тысячного русского отряда А.В. Бутурлина было невозможно. Этих сил едва хватало для прикрытия западной и особенно южной границы с Крымским ханством и Буджацкой ордой³.

Стратегия Б. Хмельницкого состояла в том, чтобы, измотав противника в оборонительных пограничных боях, выиграть время для концентрации главных сил; разгромить неприятеля в генеральном сражении и «зачистить» территорию от остатков вражеских отрядов, действуя методами партизанской борьбы. Осенью 1654 г. для нанесения главного удара сил Б. Хмельницкого и А.В. Бутурлина не хватало, поэтому они настойчиво просили снять с Белгородской черты и направить на Украину 15-тысячный корпус В.Б. Шереметева, но движение этого корпуса на Украину началось только 18 декабря 1654 г.

21 ноября Б. Хмельницкий писал царю, что польские войска выступили в поход и в районе Шаргорода на Днестре соединились с белгородскими татарами и малыми ногаями. Однако вместо обещанных по союзному договору 100 тыс., их было всего «плюс-минус 150 особ, коней 300». Основные силы должны были подойти после ледостава⁴. Численность польского войска разными источниками определяется в 20–30 тыс. человек, «и то рыцарского боевого войска небогато, решта люди плохи, не бойцы», – как докладывали разведчики Б. Хмельницкого⁵. По подсчетам гетмана, годных для боя людей с трудом набрали 4–8 тыс. человек⁶. Таким образом, осенью 1654 г. Речь Посполитая начала военные действия в одиночестве, без союзника.

Объясняется эта задержка татар обычными неурядицами, связанными со сменой на ханском престоле. После смерти хана Ислам-Гирея (10 июня 1654 г.) появилось сразу несколько претендентов на ханский трон, пользовавшихся поддержкой влиятельных родов крымской знати⁷. Такие могущественные роды, как Ширины и Мангиты, пытались посадить на престол своего ставленника, не считаясь с волей Стамбула⁸. Лишь в октябре 1654 г. в Бахчисарае смог утвердиться угодный султану новый хан Мехмед-Гирей. Безвольный человек и неумный политик, он не пользовался популярностью в Крыму, но Порте и был нужен на крымском троне именно такой хан, не имеющий реальной опоры среди местных феодалов. В 1641–1644 гг. он уже был ханом и зарекомендовал себя как человек, «ни в чем не выходивший из воли турецкого правительства»⁹. Могущественный везир Ислам-Гирея Сефергазы-ага, сумевший предугадать решения Стамбула, продолжал управлять делами при новом хане. Требовалось время для того, чтобы утвердиться на троне новому хану, утрясти внутренние неурядицы в ханстве, подготовиться к набегу. Вот почему «до ледостава» татары фактически не могли собрать необходимых сил. Этим скорее всего и объясняется затяжка с выступлением в набег. В Варшаве были сильно встревожены задержкой, беспокоились за судьбу антироссийского союза. Чтобы «выяснить причину задержки с походом и удостовериться в реальности заключенного союза, в Бахчисарае еще раз приехал М. Яскульский, и в конце ноября договор о союзе был подтвержден еще раз»¹⁰.

Перед украинско-русской армией встала задача выиграть время для завершения подготовки к отражению неприятеля, продержаться до прихода корпуса В.Б. Шереметева. Самоотверженная оборона Буши, Брацлава, Умани и действия многочисленных казацких отрядов в ноябре-декабре 1654 г. выполнили эту задачу.

1 января 1655 г., после того, как окреп лед на Днестре, к осажденному польским войском Брацлаву подошли татарские отряды под командой юного 16-летнего Менгли-Гирея и опытного военачальника Каммамбет-мурзы. С этого времени польско-крымский союз начинает действовать, но вместо ожидаемых 100 тыс., Каммамбет привел только 30 тыс. воинов.

15-тысячный корпус В.Б. Шереметева 13 января 1655 г. под Белой Церковью соединился с войсками Б. Хмельницкого и А.В. Бутурлина и двинулся к Умани, осажденной С. Потоцким¹¹. Приближение русско-украинских войск оказалось неожиданным для противника¹². Лишь 16 января разведывательный отряд поляков и татар натолкнулся на авангард русско-украинского войска в нескольких десятках километров от Умани, у местечка Ставищи. Опасаясь быть раздавленными о стены Уманьской крепости, С. Потоцкий двинулся навстречу Б. Хмельницкому и В.Б. Шереметеву.

Решающее сражение произошло между городами Ахматовом и Ставищами. Начавшись успешной атакой поляков и осадой подвижного кольца казацких боевых воев, битва завершилась полным разгромом польского войска, прижатого к стенам небольшого городка Ахматова.

Татарские отряды не принимали участия в сражении. Коронный гетман С. Потоцкий, польный гетман С. Лянцкоронский и командовавший

авангардом С. Чарнецкий непрерывно слали к Каммамбет-мурзе и Менгли-Гирею гонцов, требуя немедленно идти в атаку, но те отвечали сначала, что вечером и ночью татары биться не могут, потом – что орда уже ушла с поля боя в набег (тогда как орда ушла лишь к концу сражения, оставив союзника на произвол судьбы)¹³. Тактика татар в битве у Ахматова напоминает ход боев под Зборовом, Берестечком, Жванцами в 1649–1653 гг., когда Ислам-Гирей в решающие моменты боя отказывался помогать Б. Хмельницкому. Это была обычная тактика выжидания исхода крупного сражения, дабы сберечь силы для грабежа населения. Впрочем, говоря о том, что татары не участвовали в битве, не следует забывать, что речь идет лишь о непосредственном участии: татары плотным кольцом блокировали русско-украинские войска. В Киеве неделю спустя ничего не знали о битве, лишь 27 января некоторым жителям Белой Церкви удалось добраться до Киева с вестью о победе и о том, что крымцы грабят жителей под Белой Церковью¹⁴.

После поражения под Ахматовом шляхетское войско как серьезная боевая сила перестало существовать. Оно еще с трудом удерживалось в Побужье, да и то не удаляясь от основных баз. Б. Хмельницкий и В.Б. Шереметев дали основным силам продолжительный отдых, военные действия вели партизанские отряды и посланные из казацкого лагеря более или менее крупные подразделения, выбивавшие неприятеля из городков и местечек.

После битвы под Ахматовом активность союзников-татар, и без того невысокая, снижается еще больше. С. Потоцкий потребовал, чтобы Каммамбет-мурза отправился в новый набег, но обогатившиеся полоном и богатой добычей воины не желали воевать, мечтая довести свою добычу до дома в сохранности¹⁵.

В феврале 1655 г. на смену Каммамбету наконец пришли главные силы крымских татар (120–150 тыс.) во главе с самим калгой Казы-Гиреем. К неудовольствию нового командующего польским войском С. Тышкевича (С. Потоцкий после разгрома под Ахматовом покинул армию) калга потребовал активизации военных действий, на что поляки были уже явно неспособны. Впрочем, калгу вполне устроило то, что С. Тышкевич дал татарам на разграбление 35 сел и небольших городков. «На прокорм» польскому войску оставили 30 селений¹⁶.

Известие о передаче татарам украинских сел и городков подняло новую волну восстаний в тылу польско-татарских войск. Особенно упорное сопротивление встретили татары в Рашкове, Каменице, Змустрове, Зеркановке, Юрканевке, Зарядье, Кузнице. Эти местечки татарам пришлось добывать с боем. Рашков и Зеркановку удалось отстоять. Очень скоро татары вообще потребовали, чтобы польские жолнеры сами завоевывали непокорные городки и отдавали им для грабежа¹⁷. С. Тышкевич докладывал С. Потоцкому 8 марта 1655 г., что 270 местечек и городов пеплом сели от орды¹⁸. За четыре месяца пребывания татары угнали в Крым более 50 тыс. человек¹⁹. По данным Е.С. Компан, все население Брацлавщины в середине XVII в. составляло 550 тыс. человек²⁰. Иными словами угнали десятую часть населения. Впрочем, с подобным поведением союзников в Речи Посполитой мирились как с неизбежными издержками: «Все же лучше пусть она

(Украина. – Г.С.) в прах обратится, чем будет отчизна как прежде оставаться в беде от тех мятежников»²¹.

В середине марта татары ушли, насытившись полною в украинских землях, которые еще находились под контролем польских войск²². Никакой серьезной военной помощи от Крыма Речь Посполитая не получила, а ее владения оказались снова разорены. Таким образом, необходимы коррективы той высокой оценки польско-татарского союза, которую дал известный польский историк З. Вуйцик. По его мнению, договор о союзе между Варшавой и Бахчисараем стал важным достижением польской дипломатии. Он создавал антимосковскую и антиукраинскую коалицию в составе Речи Посполитой, Турции, Крыма, Трансильвании, Молдавии и Валахии. «Союз этот вполне выдержал экзамен как в начальный период войны польско-российской, так и, прежде всего, во время шведского «Потопа»²³. События зимы 1654/55 г. и роли в них татар такая оценка никак не соответствует.

Весенняя распутица препятствовала военным действиям. Русские войска были тоже утомлены зимними боями, а потому решили воспользоваться временным затишьем и послать на Украину новую армию, командовать которой назначили В.В. Бутурлина. 3 мая 1655 г. В.В. Бутурлин и его помощник Г.Г. Ромодановский выступили в поход из Севска и в конце июня соединились под Белой Церковью с главными силами на Украине.

Для успеха военных действий на Украине было крайне важным удержать крымских татар в пределах полуострова, не допустить их соединения с польскими войсками. С этой целью в 1655 г. в Москве вновь воспользовались методами дипломатии.

По случаю возведения на ханский престол Мехмеда-Гирея в Бахчисарае были направлены посланники Дмитрий Жеребцов и Семен Титов. Первые переговоры по традиции состоялись уже на разменном месте – неподалеку от самой южной российской крепости Валуйки. Проводивший церемониал размены валуйский воевода И.И. Ромодановский потребовал, чтобы «на его царского величества Украины и на запорожских черкас войною не ходили бы и князем, и мурзам, и всяким воинским людям никому ходить не велели», чтобы в титуле царя обязательно произносились слова: «всеа Великия и Малыя Руси самодержец»²⁴. 4 апреля 1655 г. посольский обоз остановился под Перекопом, а 13 апреля прибыл на традиционный стан на реке Алме. Аудиенция у хана была назначена на 20 апреля и проходила в очень напряженной, если не враждебной, обстановке. Едва только посланники переступили порог Золотого кабинета ханского дворца в Бахчисарае, где обычно проходили приемы иностранных послов, как Маметша Сулешев «взял Дмитрия Жеребцова, и превед перед царя, наклонил в неволю с большою силою. А после того взял и подьячего Семена и наклонил в неволю с большою силою»²⁵. До этого подобной унижительной процедуре русские посланники подвергались только один раз – в 1649 г. Столь же оскорбительный прием ожидал посланников и на аудиенции у калги и нуреддина. В такой ситуации от переговоров не следовало ожидать каких-то позитивных результатов.

На переговорах с Сефергазы-агой 2 мая 1655 г. везир категорически отказался признать царя государем Малой России. Более того, в ходе переговоров Сефергазы впервые высказал претензии на Украину, уверяя, что с 1648 г. украинские казаки «у них (у хана. – Г.С.) были в подданстве лет семь, и оне, крымские люди, проча их, черкас, себе, и чая от них впредь правды и постоянства, за них стояли, и с польскими и литовскими людьми бились, и многие неповинные крови проливали, и в обиду их никому не давали... А гетман де Богдан Хмельницкий... хотел быть за ними в подданстве и до веку. А ныне де те запорожские черкасы им солгали, и воровством своим от них отложились, и доброту их забыли, а называются государевыми»²⁶.

Итак, 2 мая 1655 г. Крым впервые выдвинул вопрос о переходе Украины в подданство хану. Стало очевидно, что договор о союзе с Речью Посполитой вовсе не мешал крымской знати вынашивать планы подчинения Украины своей власти, используя русско-польский конфликт.

Последовала резкая отповедь русских посланников, что такие речи ведут «меж государств на розврат, а не к тишине и покою. И царского величества подданных гетмана Богдана Хмельницкого со всем Войском Запорожским называет ворами не делом, а воровства их нигде не бывало, и в подданстве ане у крымских царей никою не бывали и впредь не будут». Были они в подданстве у польских королей, но не вытерпев неправды и надругательств, «учинилися в вечном холопстве у великого государя нашего, у его царского величества ... А Магомет-Гирею царю, и калге, и нурадыну царевичам и им, ближним людям в досаду тово ставить нечево, да и за прошлое стоять непригоже»²⁷.

Настаивая на том, что крымский хан не должен нападать не только на русские, но и на украинские земли, дипломаты Посольского приказа исходили из следующего постулата: после решения Переяславской рады 1654 г. украинские земли считаются составной частью России, и нападение татар на них приравнивается к нападению на собственно русские территории. В «образцовой» шертной грамоте хана (составленной в Москве) писалось, что хан не будет нападать сам и посылать на «украинные» (т.е. окраинные) русские земли и на запорожских черкас. То же требование изложили посланники и на переговорах с везиром²⁸.

Сефергазы пытался доказать «незаконность» решений 1654 г. (для чего и поднял вопрос о подданстве гетмана крымскому хану), а поскольку подданство русскому царю незаконно, то и нападение на Украину нельзя считать нападением на Россию. Нападать на «запорожских черкас» крымский хан будет, мстя им «за измену»: «разве у всех крымских и ногайских татар не будет на руках ногтей, или глаза их землю загребут, когда де они тем ворам запорожским черкасам воровство их и измену мстить не будут»²⁹. 20 мая Сефергазы сообщил окончательный ответ хана, который, конечно же, ничем не отличался от ответа везира³⁰.

27 августа состоялся отпуск Д. Жеребцова и С. Титова у хана, который объявил послам, что вскоре «идет походом на своих неприятелей, а на кого именем – не сказал – молыл глухо»³¹. 30 августа 1655 г. Мехмед-Гирей выступил в поход на Украину. Обычно татары выступали в поход весной по

свежей траве, когда в изобилии был подножный корм для конницы. Столь длительная задержка на этот раз объяснялась походом донских казаков, опустошавших побережье Крыма в течение всего лета 1655 г.

В общем русле с российскими дипломатами действовали дипломаты Украины. Еще год назад, осенью 1654 г., гетман направил в Бахчисарай для переговоров сотника Михаила Бегаченка, которому новый хан настойчиво предлагал отказаться от подданства России. Вместе с М. Бегаченком в ставку гетмана направился ханский посол Тохтамыш-ага. 24 октября 1654 г. Б. Хмельницкий писал царю из лагеря под Корсунем, откуда он руководил обороной от татарских набегов: цель Тохтамыш-аги, «шток есмь твоего царского величества отлучившись, с ним на братство присягли, вкупе по-прежнему пребывали. А когда того не учиним, и от твоего царского величества не отлучимся, тогда сам с ордами крымскими, нагайскими, так же венграми, мутьянами, волохами и с ляхами снявся, на нас наступать обещаеца». В заключение гетман сообщил, что Тохтамыш был «отпущен ни с чем»³². И. Выговский в беседе с посланным к гетману Д.П. Тургеневым упомянул еще одно требование Тохтамыш-аги: «...с польским королем быть в миру»³³.

В Москву гетман передавал абсолютно точную и полную информацию. Это подтверждается ответной грамотой Б. Хмельницкого к Мехмед-Гирею (копия этой грамоты не отложилась в московских архивах, следовательно, скорее всего о ней ничего не было известно в Посольском приказе). В обеих грамотах цели гетмана изложены одинаково: «Только то нам в удивление, что ваша ханская милость пишете, дабы мы от царя московского отступили. Это дело невозможное, ибо понимаем, что и ваша ханская милость цесарю турецкому ничего плохого не мыслишь»³⁴. В том случае, если хан соединится с Польшей, Молдавией, Трансильванией, Валахией, то войско Запорожское уже стоит на границе и даст отпор врагу»³⁵.

Дипломатические акции Б. Хмельницкого в Крыму продолжались и в то время, когда татарские отряды осенью 1654 г. соединились с польскими войсками и воевали на украинских землях. В ходе переговоров Б. Хмельницкий пытался добиться разрыва крымско-польского союза. Различные конкретные предложения России и Украины состояло в том, что Москва ставила вопрос о нейтралитете ханства и о ненападении татар, а гетман вел речь о восстановлении существовавшего ранее татарско-украинского союза против Речи Посполитой. Иными словами, Б. Хмельницкий предлагал радикальную переориентацию крымской политики, русские дипломаты выдвигали более осторожный вариант.

Надежды на такую переориентацию сохранялись до тех пор, пока существовала оппозиция хану и везиру, которая стремилась возобновить войну против Речи Посполитой и установить относительно спокойные отношения с Россией. Наиболее заметными эти настроения были среди ногайской знати³⁶.

Грек Юрий Константинов, прибывший в Москву «за милостыней» из Стамбула, сообщал 12 ноября 1654 г. в Посольском приказе: «А мурзы и татаровя на нового хана приходили неодинажды с шумом, что он их нынешнее лето зделал без добычи. Как они хаживали в Польшу с Хмельницким»,

то всегда имели добычу. «И конечно мурзы хотят быть с Хмельницким в дружбе по-прежнему»³⁷.

В январе–марте отряды крымских татар вели военные действия на Украине. Никаких сведений о дипломатических акциях Б. Хмельницкого в Крыму за это время не найдено, да они, по-видимому, и не предпринимались. Все это время гетман пытался воздействовать на хана через Стамбул. Ситуация в столице Османской империи тоже была крайне нестабильной. Впервые, она зависела от хода войны против Венеции, характеризовавшегося «переменным успехом», и осенью 1654 г. удача на короткое время сопутствовала османам. 28 сентября 1654 г. в письме к царю Б. Хмельницкий предупреждал, что после победы в войне турки и татары намерены «никуда, только на нас силы свои обратить»³⁸. Особенно активно действовал силестрийский паша Сияуш. 10 ноября гетман сообщал, что отряды паша уже переправились через Дунай³⁹. Вспомним, что именно в эти дни началось вторжение польских и крымских отрядов. Однако уже в начале января ситуация меняется: «Сербы Венеции помогают и Турция терпит от них великие беды», – писал в Москву 5 января 1655 г. прибывший в лагерь казаков А.С. Матвеев⁴⁰.

Другая причина нестабильности османской политики – борьба за власть придворных группировок. В конце марта 1655 г. Сияуш-паша направил некоего Шагин-агу к Б. Хмельницкому с письмом, в котором вину за временное обострение отношений возлагал на свергнутого везира, а при новом везире Аземе «всякое ваше дело будет совершено по вашему желанию, по прежним вашим присылкам, чаем, желание ваше исполнено будет». Сияуш-паша предлагал для ведения переговоров послать в Стамбул представителей гетмана⁴¹. На словах Шагин-ага «прельщал» Б. Хмельницкого «отступить» от царского величества и «поддаться» султану. Обо всем этом из Чигирина сразу же сообщили киевскому воеводе Ф. Волконскому и воеводе В.В. Бутурлину⁴².

В Стамбул с гетманской грамотой были направлены два посланника, некие Роман и Яков. Б. Хмельницкий писал султану, что новый хан изменил прежнему договору, соединился с польским королем, «воевал» украинские земли, что и вынудило его заключить союз с Москвой. В другой грамоте гетман называл себя рабом и подданным Порты, просил принять Украину «под султанскую руку и под оборону» и запретить татарам нападать на Украину⁴³.

Текст этой грамоты сохранился в архиве Посольского приказа. Следовательно, он был в свое время переслан Б. Хмельницким в Москву, так как гетман не делал секрета из своих связей с султаном и подданства ему. Понятно, что никаких выговоров гетману из Москвы не последовало, поскольку в Посольском приказе отлично понимали традиционную практику восточной дипломатии: установление дипломатических связей считать признанием вассалитета, без этого контакты с султаном были невозможны. Для сдерживания татар через Стамбул и Б. Хмельницкий, и Москва вынуждены были пойти на соблюдение этого досадного, но не имеющего реального значения дипломатического ритуала.

Посольство Романа и Якова в Стамбуле закончилось успешно: 18 июля 1655 г. в Бахчисарай прибыл султанский чауш с грамотой, которая повелевала хану прекратить войну с Украиной, «а жил бы де с ними (казаками. – Г.С.) в миру и дружбе против прежнего ... И турской, де, салтан тех Хмельницкого посланцов, подаря большими подарками, отпустил в Запороги, в Крым чеуша с тем и прислал, чтоб войною на черкас не ходить»⁴⁴.

В отечественной исторической литературе традиционно идет полемика о степени самостоятельности внешней политики Крымского ханства. Оставляя в стороне события XV и XVI вв., мы утверждаем, что в середине XVII в. власть султана была ослаблена острыми социальными конфликтами, враждой придворных группировок, постоянными дворцовыми переворотами с участием янычар. Новые тяготы добавляла затянувшаяся война с Венецией. В этих условиях в Бахчисарае почти не считались с волей султана. Крымский мурза М. Сулешев предупредил Д. Жеребцова и С. Титова: хотя султан и запретил татарам воевать с казаками, «только де однако ж Магомет-Гирей царь, соединяясь с польским королем, на них, черкас, войною пойдет»⁴⁵.

Безуспешно пытаясь добиться если не союза с Крымским ханством, то хотя бы нейтралитета его, Россия и Украина не исключали и вооруженного противодействия. 21 марта 1655 г. Б. Хмельницкий писал отозванному с Украины В.Б. Шереметеву о том, что донские казаки и калмыки «живут советно», готовы идти на Крым и лишь ожидают указа царя. В Москве не только приняли идею гетмана, но и значительно расширили ее, превратив в план крупного удара по ханству. В апреле боярин князь Ф.Н. Одоевский и стольник князь В. Б. Волконский получили приказ отправиться в Астрахань, собрать там русских ратных людей из южных городов и, соединившись с калмыками и донскими казаками, напасть на Крым. Вскоре последовали грамоты о походе на Крым валуйскому воеводе В.Г. Фефилатьеву и донским казакам. Два казачьих полка выставлял Б. Хмельницкий. Численность только российских ратных людей должна была составить 3100 человек конницы и 300 пехоты⁴⁶.

Появление летом 1655 г. такого плана могло означать только одно: от укрепления обороны южной границы русское правительство сочло возможным перейти к наступлению на Крым. Он свидетельствовал о подходе к решению другой геополитической проблемы – выхода к Черному морю. Примечательно, что появился этот проект после того, как победа под Ахматовом укрепила на деле решения Переяславской рады. Сложившееся в Восточной Европе благоприятное соотношение сил позволило русскому правительству ставить такие конкретные задачи, которые отсутствовали в русских внешнеполитических планах со времени Ивана IV.

Узнав о готовящемся походе, хан стал стягивать силы для обороны полуострова. В Крым собрались едва ли не все татарские орды, ногайцы, темрюцкие и горские черкесы, стягивались отряды из подвластной хану западной Кабарды. Мехмед-Гирею удалось перетянуть на свою сторону 6 мурз Больших Ногаев, кочевавших под Астраханью⁴⁷. Однако на этот раз тревога оказалась напрасной: поход отменили из-за появившейся на юге чумы.

Таким образом, летом 1655 г. для русских и украинских войск обстоятельства складывались весьма благоприятно: деморализованное польское войско было не способно вести военные действия, крымские татары не рисковали удаляться за пределы ханства, опасаясь прорыва неприятеля на полуостров. Б. Хмельницкий и возглавившие российский корпус боярин В. В. Бутурлин и князь Г. Г. Ромодановский получили полную свободу действий. В июне и июле 1655 г. казацкая разведка доносила, что крупных польских сил на Украине нет, высланные Б. Хмельницким весной казацкие отряды основательно «зачистили» территорию, и только под Львовом и под Каменец-Подольском стояли остатки войск Речи Посполитой во главе с коронным гетманом С. Потоцким и польным гетманом С. Лянцкоронским.

1 и 2 июля Б. Хмельницкий и В.В. Бутурлин устремились на запад к Львову, чтобы нанести последний удар. Спешили так, что В.В. Бутурлин и Г.Г. Ромодановский не стали даже специально проводить смотр принятым под команду после В.Б. Шереметева войскам, решив сделать все это прямо на марше⁴⁸. Практически без сопротивления овладев территорией между Южным Бугом и Днестром, попытавшись (неудачно) с ходу взять Каменец-Подольск, русские и украинские полки 16 сентября 1655 г. осадили Львов.

К тому времени стало окончательно ясно, что поход на Крым не состоится. Возникает вопрос: почему же крымские татары и на этот раз не смогли нанести удар по тылам русских и украинских войск, идущих на Львов? Виновниками задержки крымских татар были донские и запорожские казаки. 6 июля в Керченский пролив вошли 34 казацких струга и «на крымских селах имали языков, крымских мужиков». Участники похода Корнила Яковлев и Петр Федоров называют число казаков 2030 человек, из них 700 запорожцев⁴⁹. Предпринятым действиям казаки придавали важное стратегическое значение. Яковлев и Федоров говорили в Москве: «Одноконечно де крымский хан и царевичи на подъеме, а подъем, де, им будет июля ж в 16 день со всею крымскою ратью. И мы, ... чтоб нам ему, крымскому хану, ... в походе их помешка учинить, пришедши и осадили крымскаго Тамань-город. И июля ж 15 день... взяли»⁵⁰.

Хан, действительно, намеревался 16 июля выступить в набег. Причем приготовления были настолько широки, что о дате выступления знали даже в Молдавии, о чем и предупреждал гетмана молдавский господарь Г. Стефан⁵¹. Но с появлением на море казаков хан вынужден был изменить свое решение. Десять дней казаки блокировали Керченский пролив, захватив Тамань. В начале августа они взяли Судак и все лето хозяйничали на крымском побережье от Керчи до Гезлева. Из Стамбула против казаков выслали несколько галер, но в абордажном бою они были захвачены. Только 30 августа, когда активность казаков из-за надвигающихся осенних штормов несколько упала, хан рискнул оставить Бахчисарай и выйти к Перекопу. Казаки ушли «с моря» 14 сентября, когда «учинилися быть погоды большие осенние и частые ветры»⁵². Лишь после ухода казаков в середине сентября хан переправился через Днепр и со 100-тыс. ордой устремился к осажденному Львову⁵³.

Казацкие походы были главной, но не единственной причиной задержки татарской помощи. В какой-то мере сдерживающее влияние оказывал и Стамбул. 18 июля, через 2 недели после выступления русских войск в поход, в Бахчисарай прибыл специальный чауш с категорическим приказом ни в коем случае не помогать польскому королю. Об этом же писал к хану и силестрийский паша Сияуш⁵⁴. Как видим, соответствующие действия в Стамбуле дипломатов Б. Хмельницкого достигли нужного результата.

К этому времени резко ухудшилось международное положение Речи Посполитой. 8 июля 1655 г. шведский король Карл X Густав напал на ее земли с целью завладеть южным побережьем Балтийского моря. Тем самым был бы сделан последний, завершающий шаг на пути превращения Балтийского моря в шведское озеро.

К тому времени, когда в сентябре 1655 г. Б. Хмельницкий и В.В. Бутурлин осадили Львов, в Речи Посполитой разразилась катастрофа. Шведы захватили почти всю Польшу и часть Литвы. Их успехи были столь значительны, что у Карла X Густава появились планы овладеть польским тронном. Русские и украинские войска заняли Каунас, Минск, Гродно. Власть бежавшего польского короля Яна Казимира признавали лишь в Королевской Пруссии, Русском воеводстве и на Подляшье.

В этих условиях оказался под угрозой главный принцип внешней политики Крыма: поддерживать паритет сил России и Речи Посполитой, взаимно ослабляя своих северных соседей и не допуская нежелательного для ханства господства той или другой в опасной близости к собственным рубежам. Обстоятельства требовали экстренного военного вмешательства на стороне Речи Посполитой. М. Сулешев предупреждал Д. Жеребцова и С. Титова летом 1655 г.: «Только-де однако ж Магомет-Гирей царь, соединясь с польским королем, на них, черкас, войною пойдет»⁵⁵.

В этот трагический момент в Варшаве появился ханский посол Дедеш-ага, чтобы потребовать помощь хану в предстоящем походе на Украину. Короля он уже не застал. «Дедеш-ага, мчась как молния на подстаных лошадах, догнал находившегося уже по дороге в Силезию Яна Казимира и от имени хана дал ему обещание татарской помощи»⁵⁶, хотя и не имел на это полномочий. Как видим, при необходимости крымские дипломаты умели принимать самостоятельные решения, диаметрально противоположные инструкции: вместо того, чтобы получить от короля помощь, предложил свою союзнику. Впрочем, возвращаясь домой, Дедеш-ага сам попал в плен к Б. Хмельницкому.

Осадив 16 сентября Львов, Б. Хмельницкий и В.В. Бутурлин выслали по всем направлениям воинские отряды, подчиняя «грады и веси». 19 сентября под Городком натолкнулись на 4 – 5-тысячный отряд коронного гетмана С. Потоцкого, представлявший последние силы армии Речи Посполитой. Уничтожив эти части, казаки и русские ратные люди больше нигде не встречали сопротивления⁵⁷. Русские и украинские отряды доходили до Сана и Вислы, захватили Ярослав, Ленчно, Парчив, Томашев, Раву, Белз, многие другие города по Висле, наконец, крупный отряд под командой П.И. Потемкина и Данилы Выговского овладел Люблином, но закрепляться в городе не стали, ограничились присягой горожан на верность царю⁵⁸.

Единственную надежду на спасение страны поляки видели в татарской помощи. Стотысячная орда крымских татар под командой самого хана появилась на Украине как раз тогда, когда началась осада Львова. Однако на помощь осажденному городу татары не спешили. Действуя в междуречье Днепра и Буга, они создавали угрозу тылу русско-украинского войска, перехватывали отдельные возвращающиеся из-под Львова отряды. Лишь в конце октября татары сосредоточились под Збаражем и направились к Львову. Так с огромным запозданием чуть ли не на полтора года начал, наконец, действовать польско-крымский союз. Но время было упущено. Речь Посполитая, захлестнутая шведским «Потопом», уже не могла действовать совместно с союзниками.

Б. Хмельницкий вынужден был прекратить осаду и, взяв с города контрибуцию, 28 октября двинулся навстречу неприятелю. Русские и украинские войска оказались в довольно сложном положении, будучи отрезаны неприятелем от своих основных баз, и это давало Мехмед-Гирею надежду на легкую победу и богатую добычу, на громадный полон. К тому же его противник был явно утомлен длительным походом, а татарские воины лишь недавно отошли от Перекопа.

Упорная битва развернулась 9–12 ноября у местечка Озерное. Украинцы и русские использовали традиционный казацкий тактический прием, весьма эффективный против легкой татарской конницы: они огородились кольцом боевых возов и медленно продвигались вперед, отбивая атаки и производя энергичные вылазки. Сложность состояла в том, что пришлось продвигаться по сильно пересеченной местности, изобилующей оврагами и небольшими речками, при переправах через которые невольно приходилось разрывать боевой «табор». Распутица и осенний разлив усугубляли трудности.

9 ноября, как обычно, в два этапа переправлялись через одну из этих речек. Первыми переправились казацкие полки и укрепились на новом месте, русские полки обороняли тылы. Этим воспользовался Мехмед-Гирей и бросил все свои 100 тыс. на штурм разорванного рекой лагеря, атаковав его со всех сторон. Б. Хмельницкий и В.В. Бутурлин выдвинули свои полки за линию возов в поле и сдерживали неприятеля, завершая переправу, а затем вновь сомкнули возы и продолжили бой в более выгодных условиях. Не добившись успеха, хан попытался расколоть единство противника: на другой день атаковали только правый фланг, где оборонялись воины В.В. Бутурлина, а к казакам направили посредников с уговорами отойти от России и выдать хану русские полки. На старшинской раде, писал В.В. Бутурлин, казаки решили, «что они нас не выдадут, а головы свои за нас положат»⁵⁹. 11 ноября хан вновь тайно посылал своих парламентаров к казакам, склоняя их к предательству, вновь делал неожиданные наскоки на русские части, но так и не преуспел ни в том, ни в другом. Потеряв в общей сложности около 10 тыс. воинов, Мехмед-Гирей отступил на почтительное расстояние в 10 верст и поспешил заключить договор с Б. Хмельницким. 20 декабря толмачи русского посольства узнали на Бахчисарайском базаре, что хан ушел с Украины в Белгород-Днестровский со всеми

ущелевшими ратными людьми, «а полону и никакие здобычи татарова с собою не ведут ничего»⁶⁰.

Мирные переговоры начались 11 ноября 1655 г. в татарском стане под Озерной. Их ход и анализ сохранившихся восьми вариантов текста заключенного украинско-крымского союзного договора достаточно полно изучен в отечественной историографии⁶¹.

Переговоры открыл везир Сефергазы-ага, который обвинил казаков в измене заключенному при Ислам-Гирее союзу. Как и на переговорах с Россией везир объявил казаков и гетмана подданными хана. Крым явно претендовал на обладание Украиной. Присяга казаков России расценивалась как измена Крыму.

Украину представлял один из лучших дипломатов Б. Хмельницкого Самойло Богданов. Он сразу же дал понять, что как и предшествующие соглашения, рассматриваемый договор не утверждает подданство хану и разрыв с Москвой, а является лишь союзом сил против Речи Посполитой, что с Россией разрывать казаки не намерены. Зашла речь и о польско-шведской войне. В ответ на предложение Сефергазы поддержать короля С. Богданов заявил, что помощь будет оказана, если царское величество «пожалует короля» и велит казакам помочь ему отвоевать свой престол⁶².

В главном (по вопросу о сохранении единства Украины и России) переговоры не принесли никаких результатов. Позиции Украины и Крымского ханства остались неизменными и взаимоисключающими. На следующий день, 12 ноября, обсуждался вопрос о нейтралитете ханства в русско-польской войне и об обмене пленными. Военная неудача крымских войск сделала позиции ханской дипломатии более мягкими: Сефергазы согласился соблюдать нейтралитет и не нападать ни на украинские, ни на русские земли, согласился вернуть весь захваченный полон. Таким образом, совместные усилия русской и украинской дипломатии принесли первые ощутимые результаты.

На другой день Б. Хмельницкий лично прибыл в лагерь татар для принятия ханской шерти. Заключенный договор явно выходил за рамки украинско-крымских отношений. На переговорах присутствовал султанский чауш Шагин-ага, который еще весной 1655 г. именем султана приказывал Мехмед-Гирею прекратить нападения на Украину. Здесь же были гонцы от молдавского и валашского господарей, в переговорах участвовали наиболее знатные мурзы белгородских татар и малого ногай. Фактически это был не столько договор с Крымом, сколько соглашение с Османской империей, заключенное при участии представителя султана чауша Шагин-аги. Это был весьма болезненный удар по дипломатическим планам Речи Посполитой – втянуть Османскую империю в войну против России.

Вместе с тем, следует отметить и другую сторону событий. Выступив на помощь находившейся в критической ситуации Речи Посполитой, хан и крымская знать показали свою крайнюю заинтересованность в ее сохранении. Эта заинтересованность выразилась не только в военных действиях против русско-украинской армии. Из своего лагеря под Галичем, где орда остановилась после соглашения у Озерной, хан отправил письма гетманам

и другим вельможам капитулировавшего перед шведами коронного войска. Возмущаясь их изменой законному королю, хан требовал, чтобы они вернулись под его власть. К самому Яну Казимиру он отправил своих гонцов, обещая ему помощь.

В этой части деятельность крымских политиков оказалась успешной. Русское воеводство и часть Подолии остались под контролем сторонников Яна Казимира и стали затем одним из очагов восстания против шведов. Не случайно, что в первых воззваниях участников восстания выражались надежды на татарскую помощь. Патетически гремели слова властителя Крыма: «Доходят до меня правдивые известия, что с войсками польскими имя поляков погасло. Не даю, однако, я этому известию веры, думаю, что общим нашим неприятелям будем давать отпор». Когда провозглашенная 21 декабря 1655 г. Тышовецкая конфедерация созвала посполитое рушение, то всем «медлительным» шляхтичам грозили: «хан его милосте татарский предупреждает, что того шляхтича, который оказался дома, а не на посполитой службе, будет уничтожать как неприятеля Короны»⁶³. О непрременной татарской помощи говорили и при дворе Яна Казимира. Таким образом, действия Крыма имели определенное значение в деле восстановления после «Потопа» Польско-Литовского государства, в котором крымские политики видели необходимого союзника в борьбе с усилившейся Россией.

Восстановление Польско-Литовского государства в первой половине 1656 г. происходило в существенно иной международной ситуации, чем летом 1655 г. Военные успехи породили в московских придворных кругах иллюзию полного разгрома Речи Посполитой, и на первый план выдвинулось желание не допустить столь быстрое и опасное усиление Швеции. Решив в основном задачу собирания восточнославянских земель, в Москве рассчитывали в войне с новым противником решить другую стоявшую перед русской внешней политикой проблему – балтийскую, одним стремительным ударом по Швеции выйти к манящим морским берегам. Для этого нужен был мир с Речью Посполитой, сокращенной в своих границах и подчиненной русскому влиянию. Нет ничего удивительного, что эти опрометчивые и воинственные настроения взяли верх, их разделял сам царь Алексей Михайлович.

Другая часть придворных, лучше знавшая положение на Украине, полагала необходимым прежде всего завершить полный разгром Польско-Литовского государства, окончательно решить проблему единства русских, украинских и белорусских земель. Скорее всего, эти взгляды разделяли патриарх Никон, В.В. Бутурлин, Г.Г. Ромодановский, Н.И. Одоевский и, в первую очередь, гетман Б. Хмельницкий, в письмах к царю, патриарху и Одоевскому открыто предлагавший продолжать войну с Речью Посполитой⁶⁴.

Посредничество в заключении мира взял на себя император Священной Римской империи германской нации Фердинанд III. В октябре 1655 г. его посол в Москве Алегретто Алегретти предложил в качестве условия русско-польского союза против Швеции отказ России от украинских и белорусских земель. 20 декабря 1655 г. царь согласился заключить мир, но при условии, что Украина и Белоруссия останутся в составе России⁶⁵.

Вместе с тем, стремясь к миру, и Россия, и Речь Посполитая предпринимали все возможные меры, чтобы решить в свою пользу судьбу Украины, Белоруссии, Смоленска и других земель, которые оказались или могли оказаться в сфере влияния России. Речь Посполитая особые надежды возлагала на Османскую империю и, прежде всего, на Крымское ханство. Они должны были содействовать разрыву между Россией и Украиной, что способствовало бы укреплению позиции Речи Посполитой на мирных переговорах. В Стамбул был направлен королевским послом ловчий калишский Войцех Беневский, в Крым – подचाший хелминский Ян Шумовский.

Миссия В. Беневского, хотя и носила более высокий ранг, играла второстепенную роль.⁶⁶ От Порты не было оснований ожидать немедленной помощи, но все же послу поручалось обратить внимание османских политиков на опасность, которую несет (с присоединением Украины) Русское государство для власти султана над покоренными христианскими народами. Первоочередной задачей миссии Я. Шумовского было получение помощи против шведов. Посол прибыл в Бахчисарай 2 февраля. В критической для Речи Посполитой ситуации дорог был каждый день, и Я. Шумовский так спешил, что даже не дождался инструкции и действовал только исходя из королевских грамот, в которых Ян Казимир просил Мехмед-Гирея прислать на помощь войска «против свейского» короля⁶⁷. В этом отношении миссия закончилась успехом. Хан обещал уже в марте выслать войска на помощь Яну Казимиру; к бранденбургскому курфюрсту Фридриху-Вильгельму и трансильванскому князю Дьердю II Ракоци хан направил посольства с требованием не помогать шведам⁶⁸.

Этим, однако, цели миссии не ограничивались. Уже на первой аудиенции у везира Сефергазы-аги выяснилось, что при посредничестве татар Я. Шумовский намерен вступить в переговоры с Б. Хмельницким о возвращении казаков в лоно королевской власти⁶⁹. После этого хан и гетман общими силами должны были напасть на Россию, чтобы заставить ее пойти на мир с Речью Посполитой, вернув завоеванные земли. После окончания войны со шведами в Варшаве планировали совместный поход Речи Посполитой, Крыма и Украины на Россию⁷⁰. В этом духе 16/26 апреля была составлена и королевская инструкция Я. Шумовскому, но существенного влияния на ход миссии она оказать уже не могла: в начале мая 1656 г. польский посол отбыл из Бахчисарая⁷¹. Основной своей цели – разорвать казацко-татарское соглашение под Озерной и вернуть с помощью крымских татар Украину под власть Речи Посполитой – Я. Шумовский не достиг. Правда, в Бахчисарае не только согласились с планами посла, но даже направили к Б. Хмельницкому Пириш-агу с королевскими листами и с просьбой сообщить свое мнение. Королю, писал Сефергазы-ага, мы не будем давать ответа до тех пор, пока не узнаем ваши замыслы. Пириш-аге поручали договориться о совместных польско-крымско-украинских переговорах. Сефергазы советовал Б. Хмельницкому немедленно оказать помощь королю против шведов⁷².

Советы везира были напрасны. В письме королю от 7 марта гетман отказался помогать Яну Казимиру в борьбе со Швецией⁷³. В итоге Я. Шумов-

скому не отказали в помощи, но предупредили: «мы вам большое войско против шведов дать не можем, ибо на ту сторону (против Хмельницкого. – Г.С.) все силы наши обратить должны. Быстро дадим Белгородскую орду»⁷⁴. В одной из бесед везир прямо сказал Я. Шумовскому, что «Хмельницкий Москву бить не захочет», а потому «пусть король его милость мир с Москвой чинит: отдать что-нибудь, вытеснить шведа из Польши и так землю успокоить»⁷⁵.

Из-за нежелания Б. Хмельницкого разорвать с Россией хан не решился покидать Крым и ограничился отправкой на помощь Яну Казимиру отряда во главе с Субхангази-агой, «воеводой орд белгородских». Отряд участвовал в трехдневной битве под Варшавой (28–30 июля 1656 г.), а затем осенью 1656 г. действовал вместе с литовской армией гетмана В. Госевского против шведских и бранденбургских войск на территории Восточной Пруссии. Татары страшно разорили южные районы этого края, угнав в полон несколько десятков тысяч человек. Перепуганное население просило курфюрста скорее заключить мир с Речью Посполитой⁷⁶. Татарская помощь, как видим, имела место, но была довольно скромной по своим размерам, и поэтому вряд ли можно согласиться с авторами «Истории польской дипломатии», которые готовы рассматривать участие татар как один из «главных, переломных моментов» польско-шведской войны⁷⁷. По мнению Б. Барановского, самую критическую точку катастрофы осенью 1655 г. Речь Посполитая преодолела без вооруженной помощи крымских татар⁷⁸. К тому же союзники вовсе не ограничивались взятием ясыря в Восточной Пруссии. Осенью 1656 г. русскому гонцу А. Нестерову сообщали, что в Речи Посполитой от крымских татар «все опасны почали быть», так как те «поляков и литву многих побивают и грабят, и домы их разоряют и пожигают, и в полон панен и девок емлют»⁷⁹.

17 мая 1656 г. Россия неожиданно объявила войну Швеции. Это был явный политический просчет: не закрепив украинские и белорусские земли, попытались пробиться к Балтийскому морю.

Смена политического курса привела к резкому изменению положения России в системе европейских государств. Если, начиная в 1654 г. войну против Речи Посполитой, Россия естественно сближалась со Швецией и через нее с антигабсбургской группировкой держав, то вступление в войну со Швецией означало сближение с габсбургской группировкой, что противоречило внешнеполитическим интересам страны. Швеция, даже в условиях начавшейся русско-шведской войны, признавала переход Украины и Белоруссии под скипетр российского монарха и не оставляла надежды через Б. Хмельницкого возобновить переговоры с Россией о союзе против Речи Посполитой. В инструкциях шведским послам к гетману предписывалось не оспаривать решений Переяславской рады⁸⁰, тогда как новые «союзники» России – Речь Посполитая и австрийские Габсбурги – требовали восстановления *status quo ante bellum*.

К тому же Россия вступила в новую войну настолько поспешно, что не заключила против шведов союз с Данией и Нидерландами и даже не подписала мирного договора с Речью Посполитой. Переговоры в Вильно нача-

лись лишь в августе и завершились 24 октября подписанием перемирия и союза, который носил достаточно формальный характер (каждая из сторон должна была воевать самостоятельно, на свой страх и риск, не координируя действий). Болезненный вопрос об Украине откладывался на будущее.

Объективно подписание Виленского перемирия ставило Россию в состояние международной изоляции. Это был значительный успех польско-литовской дипломатии: снималась реальная угроза с востока и частично отвлекались силы Швеции на войну с новым противником.

В этой новой международной ситуации позиция Крымского ханства оказалась четкой и однозначной. Мехмед-Гирей добивался от Яна Казимира, чтобы он скорее положил конец войне со Швецией и не заключал мирного соглашения с Россией. На рубеже 1656/57 г. хан даже пытался выступить в роли посредника между Яном Казимиром и Карлом X Густавом, направив в Швецию своих послов⁸¹. Неудивительно, что переговоры, которые вели в Бахчисарае в 1657 г. новые русские посланники Р.В. Жуков и Л. Пашин, добываясь от Крыма признания присоединения Украины к России, закончились безрезультатно.

26 сентября 1657 г. на отпуске, когда посланники предприняли последнюю попытку говорить с ханом об основных целях посольства (признание титулов «Малой» и «Белой» России и запрещение мурзам нападать на Украину), какой-то придворный хана стал кричать «и называть их не христианы ... и почал кричать на казначея, и велел на посланников вздевать халаты. И, вздев, царь и отпустил посланников, а их речей не слушал потому, что ближний человек велел Батырше-мурзе посланников итить вон»⁸².

Активные дипломатические действия развернули в Крымском ханстве и послы Украины. Заключенный под Озерной договор расширял их полномочия по сравнению с возможностями Р.В. Жукова и Л. Пашина: гетман мог ставить вопрос о союзе против Речи Посполитой и о ненападении на союзника гетмана Молдавию, которая в 1656 г. в очередной раз обращалась к России с просьбой о подданстве⁸³.

У Порты не было определенной однозначной позиции по отношению к событиям в Восточной Европе. Если Крым поддерживал Яна Казимира, то султан ответил отказом на просьбу о помощи против шведов, с которой весной 1657 г. в Стамбул прибыло польское посольство. Здесь не имели бы ничего против того, чтобы в Польше утвердился такой известный противник Габсбургов, как Карл X Густав⁸⁴. К тому же все внимание Порты было сосредоточено на войне с Венецией, в которой в это время султанский флот терпел серьезные поражения.

К 1657 г. османская политика стала более активной. Внутриполитическое положение стабилизировалось с приходом в 1656 г. на пост великого везира Ахмеда Кёпрюлю. В Стамбуле вызвали беспокойство переговоры Москвы с Молдавией о переходе в русское подданство. В создавшихся условиях османские политики не были заинтересованы в ослаблении Речи Посполитой. Именно в это время ленник султана трансильванский князь Дьердь II Ракоци решил овладеть польским престолом, чтобы затем избавиться и от власти султана.

Необходимо отметить, что как в Речи Посполитой не отказались от планов удара по России и возврата утраченных территорий, так и в русских правительственных кругах не отказались полностью от прежней идеи коалиции против Речи Посполитой, но теперь эта идея отходит на второй план и становится как бы «запасным вариантом» внешнеполитического курса⁸⁵. Разрабатывался этот план с ведома правительства России гетманом Богданом Хмельницким. Он продолжал переговоры о союзе со шведским королем Карлом X Густавом⁸⁶.

Одновременно такие же переговоры о союзе против Яна Казимира вел с Карлом X и Б. Хмельницким трансильванский князь Дьердь II Ракоци. Соглашение о союзе трех правителей против Польши было оформлено договором в декабре 1656 г. В начале 1657 г. Ракоци выступил в поход, хотя султан запретил ему действовать против Речи Посполитой⁸⁷. Такого неповиновения в Стамбуле не пожелала терпеть. К Ракоци был направлен посол султана с требованием прекратить поход. Господарям Дунайских княжеств было запрещено оказывать помощь Дьердю II, а крымский хан получил приказ идти на помощь Яну Казимиру, к нему должны были со временем присоединиться со своими войсками паши Буды и Силистрии. Хан предполагал выступить в поход 1 марта, чтобы в середине апреля соединиться с польским войском⁸⁸, но натолкнулся на противодействие Б. Хмельницкого.

Тем временем уже с января 1657 г. Дьердь II Ракоци воевал против Речи Посполитой, и Б. Хмельницкий в помощь ему направил 16-тыс. отряд под командой киевского полковника Антона Ждановича⁸⁹.

Фортуна повернулась лицом к Речи Посполитой после того, как в мае 1657 г. в войну против Швеции вступила Дания. Карл X бросил против нового противника свои основные силы и положение Ракоци осложнилось. Мехмед-Гирей 14 мая выступил из Бахчисарая и подошел к низовьям Днепра со 150-тыс. войском (в том числе 80 тыс. янычар). Численность русских и украинских войск составляла примерно 75 тыс., не считая прибывших на помощь молдаван и валахов⁹⁰.

Неоднократные попытки Мехмед-Гирея пробиться за Днепр не увенчались успехом, к тому же янычары были отозваны в Стамбул. Положение хана стало особенно критическим, когда с Дона к берегам Крыма прорвались 32 казацких струга. В июне 1657 г. хан отступил в район Перекопа. Позднее татары все же переправились через Днепр, но в устье реки были вновь остановлены. Лишь в конце июня – начале июля части орды во главе с самим ханом удалось перейти за Днестр и поспешить против Ракоци и Ждановича. Другая часть во главе с калгой Казы-Гиреем вновь отошла к Перекопу. Ослабление сил противника в районе Перекопа позволило казакам активизировать действия, дважды они штурмовали город Шел-Кермань, через перешеек ходили на Крым.

Однако на западе положение сложилось тревожное. Вопреки приказу Б. Хмельницкого (и по распоряжению И. Выговского) Жданович, оставив Ракоци, отвел свои отряды к Брацлаву. В июле армия Ракоци, потерпевшая ряд неудач в боях с поляками, была разгромлена татарами. Известие о гибели трансильванского войска и о том, что в решительный момент Жданович

нарушил приказ, было ударом для тяжело больного гетмана. Вскоре последовало кровоизлияние в мозг и 27 июля 1657 г. Б. Хмельницкий скончался.

После разгрома Ракоци все силы Крымского ханства вновь сосредоточились у Перекопа. Обстановка в Восточной Европе стала меняться и не в лучшую для русско-украинских сил сторону⁹¹. Политический курс нового гетмана И. Выговского начинает приобретать враждебный России и Украине характер, уже в 1658 г. отряды крымских татар используются им для подавления восставшего народа.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что с 1654 г. борьба за сохранение результатов решений Переяславской рады стала центральной задачей внешней политики России и это отразилось на ее отношениях с Крымом. До 1654 г. в русско-крымских отношениях речь шла в основном о предотвращении татарских набегов на русские пограничные земли и о признании за царем титула самодержца, чтобы подарки хану не трактовались как дань и пр. Признание Войском Запорожским подданства России внесло качественные изменения в дипломатию русско-крымских отношений. Теперь не оспаривалось право царя именоваться самостоятельным государем – «самодержцем», противоречия поднялись на более высокий уровень: спорили о включении в титул «Малой», а с 1656 г. и «Белой» России. Усложнились и военные аспекты: почти в два раза расширился район военных действий против ханства. В 1654 г. к северным границам Крыма вплотную придвинулись владения державы, гораздо более жизнеспособной и грозной, нежели властвовавшая прежде на этих землях Речь Посполитая. Сложившаяся ситуация являлась своеобразной подготовкой активного наступления России, завершившегося в XVIII в. ликвидацией Крымского ханства.

Все известные сейчас факты о политике Крыма 50-х гг. XVII в. ясно показывают, что в Бахчисарае в полной мере сознавали опасность усиления России. Политика Крымского ханства тех лет была последовательно направлена против Москвы и лишь неблагоприятная международная ситуация заставляла его воздерживаться от открытых антирусских действий. В то время такая политика не инспирировалась Стамбулом, а определялась интересами крымской знати, диктовавшей свою волю хану. Именно поэтому все усилия русских и украинских дипломатов прийти к соглашению с Крымом не могли привести к позитивному результату. Целью крымской политики было заключение союза с Варшавой, направленного против России, но в условиях опасности, угрожавшей Речи Посполитой со стороны Швеции, эта цель к концу 1657 г. еще не была достигнута.

Внутренние конфликты на Украине, обострившиеся после смерти Б. Хмельницкого, открыли для крымской политики новые возможности. У постели умирающего гетмана сподвижники клялись выбрать своим главой его сына Юрия. Но делали они это только из привычки к послушанию грозному предводителю, и вскоре все повернулось по-другому. Единственным реальным претендентом на власть, имевшим большой опыт политика, связи в старшинских кругах и за границей был генеральный писарь Войска Запорожского Иван Астафьевич Выговский. Влияние И.А. Выговского было столь сильным, что не стали даже собирать общевойсковую

раду, избрав его вопреки казацким правам и традициям на спешно созванной раде старшин.

По своему поведению, манерам и образованию И.А. Выговский так и остался до мозга костей шляхтичем, а не казаком. Он явно не следовал примеру Б. Хмельницкого, умело совмещавшего шляхетское происхождение, придворные связи, образование с простым образом жизни казака. Выговский с пренебрежением относился не только к рядовым казакам, но и даже к генеральной старшине, охотно принимал земельные пожалования «на булаву», желая обеспечить себя от всех превратностей жизни, брал «подарки» от иностранных послов.

И. Выговский, связанный по происхождению со шляхетской средой, выражал интересы части старшинской верхушки, рассчитывавшей занять в украинском обществе то место, которое до восстания Б. Хмельницкого занимала в нем шляхта. Сам И. Выговский не был популярным в казацкой среде, а его политика наталкивалась на сопротивление в народе, а тем более в своевольном и демократическом по духу Запорожье. Поэтому сразу же, как только 26 августа 1657 г. И. Выговского избрали гетманом, полтавский полковник Мартын Пушкарь прямо на старшинской раде стал поносить его, называть изменником, готовым продать Украину Польше.

М. Пушкарь, скорее всего, сам намерен был взять булаву гетмана, а потому и требовал созвать общевоисковую раду. Впрочем, это отвечало и интересам И. Выговского: решение только старшинской рады не могло стать надежным фундаментом власти непопулярного в народе гетмана, поэтому 25 сентября 1657 г. И. Выговский собрал в Корсуне общевоисковую раду, которая подтвердила его избрание. В ответ весной 1658 г. противники нового гетмана начали восстание в Миргородском и в Полтавском полках во главе с М. Пушкарем. К восстанию примкнули запорожцы со своим кошевым атаманом Яковом Барабашем.

Обвинения И. Выговского в измене, выдвинутые М. Пушкарем уже на старшинской раде в августе 1657 г., были, пожалуй, преждевременными. В первые месяцы своего пребывания у власти гетман продолжал политику Б. Хмельницкого, направленную на союз с Крымом, Швецией и Дунайскими княжествами против Речи Посполитой. Переговоры со Швецией проходили в гетманской резиденции в Чигирине и закончились 6 октября 1657 г. подписанием союзного договора, по которому надлежало быть «к любви и военной помощи против общих врагов ... за исключением светлейшего князя Московского, с которым Войско Запорожское связано тесным союзом и будет сохранять ему верность нерушимо»⁹². В шведско-украинском договоре специально подчеркивалось, что он «не направлен против великого князя Московского»⁹³. В инструкциях шведским дипломатам Карл X Густав подчеркивал, что для Швеции было бы весьма желательным сохранить подданство украинского гетмана России, чтобы с помощью Украины побудить русского царя к союзу против Речи Посполитой. В таком союзе Швеция все больше и больше нуждалась, особенно после того, как в 1657 г. против нее выступила Дания и войска Карла X вынуждены были на время уйти из Польши.

Договор Украины со Швецией носил отчетливо выраженный антипольский характер и вовсе не свидетельствовал о переходе И. Выговского на сторону Речи Посполитой, о его измене Москве. По мнению З. Вуйцика, украинско-шведские переговоры были не более чем «коротким флиртом» со Швецией, после которого гетман решился на поворот к пропольской политике и заключенный договор не имел никакого практического значения: терпевшая неудачи Швеция все меньше и меньше привлекала Украину⁹⁴. Эта оценка, безусловно, верная, как верно и то, что вначале И. Выговский не менял политической ориентации.

В августе-октябре 1657 г. не менялась и крымская политика гетмана, направленная на сдерживание татарских нападений, на противодействие польско-крымскому сближению. После поражения войска Ракоци в мае 1657 г., И. Выговский организовал крупный поход казаков на Крым. В конце июля 1657 г. гетман писал находившемуся в Москве своему послу Павлу Тетере: татары, вернувшись домой из похода против Ракоци, не имеют покая, ибо казаки за гетманским приказом чуть не всю орду опустошили, побили, а кого и живьем забрали. Нужно ждать большого беспокойства, ибо татары будут мстить. Вскоре они нападут на наши края вместе с ляхами, венграми, мутьянами и волохами. Казаки и сами не знают, как одолеть такого неприятеля, а потому проси у царя, чтобы скорее прислал войска на оборону Украины⁹⁵. 7 августа П. Тетере сообщили решение царя: государь обещает вскоре прислать свое войско в помощь казакам, как только в нем будет нужда. Пусть послы скажут сколько и в каких местах его нужно, на какой срок и будут ли российские полки обеспечены всем необходимым продовольствием и жильем⁹⁶. Три дня спустя П. Тетерю уведомили, что приказано немедленно выступить на Украину корпусам Г.Г. Ромодановского и А.Н. Трубецкого, расположенным на Белгородской засечной черте⁹⁷.

В прежнем ключе развивались и отношения с Османской империей, которые по традиции поддерживались через гетмана. В Стамбуле были встречены новым походом казаков на Крым. В августе в Чигирин прибыл посол от султана «с тем, чтобы казаки не ходили с Запорожья на море челнами воевать. Мы ему закинули, что хан и орда мимо присяги воюют Войско Запорожское вместе с ляхами»⁹⁸, – сообщал 4 сентября И. Выговский присланному к нему из Москвы боярину В.М. Кикину.

По пути, проложенному Б. Хмельницким, в первые месяцы после его смерти развивались и отношения с Речью Посполитой. Русско-польское перемирие в Вильно (с которым гетман был решительно не согласен, прямо уведомлял об этом Москву и делал все возможное для того, чтобы его сорвать) тем не менее вынудило Украину вступить в переговоры с противником. В Чигирин отправился один из лучших польских дипломатов Станислав Беневский.

Основной целью дипломатии Речи Посполитой было прекращение войны на востоке и союз с Россией против Швеции. Одновременно Варшава пыталась реализовать польско-крымский союз, чтобы, опираясь на него, вернуть утраченные русские, украинские и белорусские земли. Планы дипломатов поддерживали военные: на украинских границах летом 1657 г. начали концентрироваться королевские и ханские войска.

О необходимых мерах на случай совместного удара польских и крымских войск говорилось во время встреч В.М. Кикина и И. Выговского. 3 сентября на отпуске гетман еще раз говорил московскому боярину о том, что несколько польских хоругвей уже пошли «через волохов» на соединение с ханом, который ударит с юга от Очакова, а польские отряды с запада на Винницу, Брацлав и Умань. Гетман приказал этим пограничным полкам держать оборону, а полкам левого берега Днепра (Нежинскому, Черкасскому, Прилуцкому и Миргородскому) надлежало готовиться к походу вместе с корпусом Г.Г. Ромодановского, который войдет в пределы Украины⁹⁹.

Обращает на себя внимание то, что в планах гетмана не упомянуты Полтавский полк и Запорожье, и это не случайно: И. Выговский считал их своими главными врагами и рассчитывать на них решительно не мог. Впрочем, и М. Пушкарь, и Яков Барабаш, писавшие в Москву об измене гетмана, тоже просили направить на Украину русские войска. Скорее всего, к политическим страстям в изрядной дозе добавлялись личные амбиции. М. Пушкарь явно рвался к гетманской булаве и постоянно писал о том, что выборы подтасованы, что необходимо созвать новую общевоисковую раду. И. Выговский, в свою очередь, надеялся, что присланные для отражения внешней агрессии русские войска он использует против М. Пушкаря и Я. Барабаша. В Москве все это прекрасно понимали и совершенно не хотели вмешиваться в эти внутренние конфликты. Русское правительство предпочитало выступить в роли посредника между враждующими сторонами и добиться их скорейшего примирения с помощью переговоров.

Было принято поистине соломоново решение: царь подтвердил избрание И. Выговского, а посланному на Украину корпусу Г.Г. Ромодановского приказали не углубляться «в дальние черкасские города», стоять вблизи границы, не вмешиваться в украинские дела и главным образом наблюдать обстановку¹⁰⁰. Г.Г. Ромодановский несколько нарушил приказ и зашел довольно далеко от границы, обосновавшись в Переяславле, откуда было удобно контролировать положение на всей левобережной Украине, но вмешиваться в распрю не стал. Убедившись в том, что Г.Г. Ромодановский не будет вмешиваться во внутренние дела, И. Выговский несколько изменил свои планы. 26 октября в Переяславле он просил Г.Г. Ромодановского быстрее идти за Днепр и вместе с Белоцерковским, Уманьским и Брацлавским полками оборонять западные границы, тогда как он сам основными силами ударит на «бунтовщиков» и уничтожит их¹⁰¹. Воевода отказался, сославшись на отсутствие царского указа. Таким образом, И. Выговский остался без активной помощи Москвы в борьбе за власть с М. Пушкарем. В конечном итоге это вынудило гетмана искать поддержки своих властных амбиций и планов у противников России. Причины социального плана, толкнувшие гетмана к измене – опасение «жесткой руки московского царя», желание части казацкой старшины стать новой шляхтой и т.д., – конечно, также играли свою роль.

Пересмотр отношений с Крымом и Речью Посполитой И. Выговский начал примерно с середины или с конца сентября 1657 г. 10 сентября гетман направил две грамоты (хану и везиру). Грамоты эти явно не предназна-

лись для царских очей и попали в Москву случайно: запорожцы перехватили гетманского гонца. 21 ноября письма были поданы в Посольский приказ, но не вызвали там никакой тревоги, хотя основания для этого, несомненно, были. И. Выговский предлагал начать переговоры об «обновлении разорванного меж нами братства» и даже соглашался лично прибыть для переговоров, если хан пришлет заложников¹⁰². Посольский приказ не насторожило ни то, что в отличие от Б. Хмельницкого И. Выговский начал переговоры тайно от Москвы, ни то, что Крымское ханство уже с 1656 г. пыталось втянуть Украину в антироссийский польско-крымский союз. Когда стало ясным, что тайну переговоров сохранить не удалось, гетман стал уверять, что мир и союз с ханом нужен только для того, чтобы вместе с татарами разгромить повстанцев. Об этом в январе 1657 г. говорили в Москве гетманские посланцы братья Миневские¹⁰³.

Состояние источников не позволяет последовательно проследить ход переговоров И. Выговского с Крымским ханством. Мы знаем, что уже на Корсуньской раде 25 сентября 1657 г. присутствовали 8 татарских мурз, приехавших «говорить о мире»¹⁰⁴. Чигиринский казак В. Клименко говорил в ноябре 1657 г. московскому гонцу Д. Рагозину, что гетман отправил казаков Федора Бута и Опанаса Працуню мириться с ханом¹⁰⁵. 15 февраля 1658 г. состоялась рада в Переяславле, на которой окольникчий Б.М. Хитрово от имени царя вручил гетману булаву. На другой день И. Выговский отправился в Чигирин заканчивать переговоры с послами крымского хана (Карач-беем со свитой в 600 человек), которые прибыли на Украину еще зимой 1657 г.¹⁰⁶. Из этих переговоров И.А. Выговский уже не делал тайны, прямо объясняя их необходимостью подавить разгорающееся восстание силой оружия.

Удивление вызывает то, что русские власти не воспрепятствовали этим переговорам, зная о них не только от И. Выговского, и не только то, что хотел сообщить гетман. Где-то в конце февраля – начале марта 1658 г. русский посол в Бахчисарае Дмитрий Якушкин довольно точно знал условия заключенного Карач-беем договора в Чигирине. В своем донесении он писал, что «Карач-бей прислал к хану гонца, сообщая, что Иван Выговский с ним договор заключил на том, что будет в приязни и подданстве, как Богдан Хмельницкий, и обещает отдать весь полон, какой есть на Украине». По сведениям, полученным Д. Якушкиным от придворного Маметши Сулешева, И. Выговский обязывался разорвать союз с Россией, Карач-бей обещал предпринять совместный поход против восставшего Запорожья, Полтавщины и Миргородского полка¹⁰⁷. Бесспорно, что удар татарских сил по казакам Запорожья, Полтавского и Миргородского полков (а это почти половина территории Левобережной Украины) был одновременно и ударом по России, как бы это ни объяснял И. Выговский. М. Пушкарь прямо предупреждал об этом Москву уже в январе 1658 г.¹⁰⁸. Обращением И. Выговского за военной помощью в Крым, татары воспользовались, чтобы добиться разрыва соглашений между Москвой и Чигирином. В Крыму считали ситуацию благоприятной для начала большой войны против России. Именно с такими предложениями ханский посол Эльхадж-гази обратился к Яну Казимиру в феврале 1658 г.¹⁰⁹.

Разведка запорожцев и М. Пушкаря доносила (и об этом, конечно же, было сообщено в Москву), что 19 апреля 1658 г. («после Великого Дня на Святого Георгия») Карач-бей выступил из Крыма с 40-тыс. ордой и встал неподалеку от Чигирина в урочище Цибульник. По случаю прибытия орды «Выговский дал банкет, на котором впервые открыто говорил» что вначале они вместе «возьмут» восставшие полки а потом «вывоюют Москву»¹¹⁰. Но и это сообщение не поколебало доверия к И. Выговскому. Москва не желала видеть новой политической ориентации гетмана, которая создавала принципиально иную ситуацию, чреватую большими сложностями для России.

Сообщения М. Пушкаря и Я. Барабаша о том, что И. Выговский готовит совместно с Крымом и Речью Посполитой нападение на Россию подтверждалось и донесениями Д. Якушкина из Бахчисарая: от гетмана прибыло 5 казаков «просить прислать ему орду в поход на уманьского (Полтавского. – Г.С.) полковника и царских людей. ... Но хан не доверяет Выговскому: если он вправду от царя отступил, пусть пришлет хану царских людей, которых держит при себе, тогда хан пришлет орду и будет за него стоять»¹¹¹. Эта деталь показывает, как целенаправленно хан добивался окончательного разрыва между гетманством и Россией.

Примерно к этому времени, а возможно и несколько раньше, меняются отношения Украины с Речью Посполитой. В начале позиция гетмана была явно антипольская, в традициях Б. Хмельницкого. В письме к киевскому воеводе А.В. Бутурлину от 28 августа 1657 г. И. Выговский так сообщает о прибытии в Чигирин королевского посла С. Беневского: «он приехал к нам не для каких иных причин, только для хитрости, чтоб нас от царского величества высокие и крепкие руки отлучить», и гетман намерен отправить его к царю, «чтоб те враги-ляхи землями не воровали»¹¹². По мнению шведского посла в Чигирине графа Лилиенкроны, С.Беневский надеялся на согласие с «канцлером Выговским», в то время как сам «канцлер» (т.е. генеральный писарь. – Г.С.) намерен сохранять антипольский союз Швеции, Украины и Трансильвании¹¹³. 5 октября в беседе с боярином В.М. Кикиным И. Выговский по-прежнему доказывал, что мир со Швецией был бы полезнее для России, чем мир с Речью Посполитой¹¹⁴.

Отношения с Речью Посполитой изменились где-то в конце октября – начале ноября (как и отношения с Крымом), когда С. Беневский и И. Выговский заключили перемирие. По-видимому, перед отбытием из Чигирина С. Беневский договорился с Выговским не только о перемирии, но и об антироссийском союзе. Это косвенно подтверждается следующими сообщениями. 20 ноября к гетману прибыл новый польский посол, некий Данило Воронич, скарбник киевский, которому предстояло «склонять (гетмана. – Г.С.) к согласию, чтоб казаки снова были под польским королем; лучше, – говорил Воронич, – было воевать им, полякам, с султаном и с ханом, нежели с казаками»¹¹⁵. Вряд ли мелкому чиновнику могли поручить столь серьезную политическую акцию. Это мог сделать только политик высокого ранга, каким был С. Беневский. К тому же именно по его инициативе и им разработанному плану Речь Посполитая взяла курс на

создание антирусского польско-османского союза при одновременном союзе с Россией против Швеции¹¹⁶.

Таким образом, в конце октября – начале ноября 1658 г. по мере обострения борьбы за власть между И. Выговским и М. Пушкарем, расширения политического кризиса и восстания на Левобережье меняется и крымская, и польская политика гетмана. Не получив эффективной поддержки Москвы, которая предпочитала не вмешиваться во внутренний конфликт, И. Выговский начал готовиться к разрыву с ней, искал иную внешнюю поддержку.

В Москве упорно не желали замечать очевидное: изменение политической ориентации гетмана И. Выговского. Даже тогда, когда сторонники гетмана из числа казацкой старшины и 40-тыс. крымская орда в мае 1658 г. нанесли удар по Полтаве и подавили восстание (М. Пушкарь погиб в бою), в Посольском приказе с подачи И. Выговского расценили его действия как карательную акцию против бунтовщиков, а не как переход гетмана на сторону противников России.

Победа над М. Пушкарем ослабила позиции сторонников сохранения подданства России. Политические связи, с таким трудом установленные и развитые при Б. Хмельником, И. Выговский попытался резко изменить. Из письма С. Беневского королю, написанного после переговоров с представителем гетмана П. Тетерей, видно, что И. Выговский стал добиваться, чтобы Ян Казимир скорее заключил мир со Швецией и выслал ему на помощь для войны с Россией не только войска, но и посполитое рушение. Гетман был готов даже отправить к Карлу Густаву своего посла, чтобы склонить его к миру¹¹⁷.

Задуманная С. Беневским и И. Выговским новая политическая комбинация завершилась подписанием 6 сентября 1658 г. в г. Гадяче договора о возвращении Украины в состав Речи Посполитой. Не разбирая подробно Гадячский договор, отметим только, что он отнюдь не явился высшим расцветом идеи украинской государственности, как это трактуется в некоторых последних работах¹¹⁸. Этот договор «скроен и сшит» наспех, гораздо хуже, чем Мартовские статьи Б. Хмельницкого: не раскрыты столь подробно вопросы административного устройства, суда, финансов, внешнеполитической деятельности, взаимоотношений с центральной властью, вопросы пребывания на Украине войск Речи Посполитой, территориальные проблемы и многое другое¹¹⁹. Следует добавить, что автономия, предоставлявшаяся гетманству по этому соглашению, была сильно урезана при утверждении договора сеймом.

Гадячский договор И. Выговский старался как можно дольше держать в секрете от Москвы. И хотя тревожные вести доходили в столичный град, им и теперь не придавали значения. Поэтому открытое вооруженное выступление гетмана против России и его поход на Киев вместе с присоединившимися отрядами крымских татар ошеломило русских воевод.

16 августа 1658 г. в киевскую крепость «прибежали» битые и ограбленные солдаты, драгуны и другие люди, заготовливавшие лес для ремонта стен. Воеводе В.Б. Шереметеву они сказали, что «били нас и грабили черкасы (казаки. – Г.С.), а стреляли из луков татары, идут под Киев многие люди»¹²⁰. Разведчики доложили, что к Киеву идут Белоцерковский, Брацлавский и По-

дольский полки. Через неделю, 23 августа к ним присоединились еще несколько полков, подошли основные силы крымских татар во главе с царевичем Селим-Гиреем. Осаждавшие насчитывали более 20 тыс. В ночь на 24 августа осажденные предприняли вылазку и отогнали казаков и татар от города. Осада и бой под Киевом не оставляли сомнений в истинных целях И. Выговского. Уже в сентябре 1658 г. от имени царя стали рассылать грамоты об измене гетмана.

Недельные бои под Киевом положили начало новому этапу русско-крымских отношений: заканчивалась скрытая антитурецкая война Крыма, когда в ответ на упреки российских посланников Сефергазы-ага говорил, что хан воюет против казаков, коварно изменивших своему государю, а не против России. Теперь Крымское ханство вступало в открытую борьбу с Россией.

Но это была не только русско-крымская война, происходила перемена всей геополитической ситуации в Юго-Восточной Европе. Антироссийский блок государств, который не мог сформироваться без участия украинских казаков, без примирения их с Речью Посполитой, созданию которого с 1654 г. успешно противодействовали и Б. Хмельницкий, и русские дипломаты, теперь фактически сформировался. Вскоре к гетману подошли и польские отряды. Состояние международной изоляции, в котором фактически оказалась Россия после начала русско-шведской войны в мае 1656 г., в результате разрыва с гетманом и с Крымским ханством еще более усугубилось.

Попытки русской дипломатии восстановить нейтралитет (хотя бы формальный) Крымского ханства закончились неудачно. Особенно настойчивую попытку добиться нейтралитета предприняли в апреле 1659 г. русские посланники И. Апухтин и Ф. Байбаков. Они должны были указать хану на нарушение шерти: ханство вмешалось в войну против России на стороне «царских непослушников» и нарушивших Виленское перемирие поляков. Им надлежало категорически потребовать, чтобы царевич Селим-Гирей немедленно покинул пределы Украины. Для подтверждения шерти хан должен был направить своих послов в Москву. Способ решения поставленных задач не отличался оригинальностью, действовали как всегда в подобных обстоятельствах: значительно увеличили размер «поминок»¹²¹. По мнению А.А. Новосельского, главной целью было приостановить вмешательство новых крупных сил крымцев в военные действия на Украине. Тем временем можно было сосредоточить русские войска в том районе, где И. Выговский и Селим-Гирей намеревались действовать особенно активно¹²².

19 и 20 апреля 1659 г. посланники были на аудиенции у везира Сефергазы-аги. Прием проходил в напряженной, если не сказать, враждебной атмосфере. Сефергазы говорил, что он много раз предупреждал, «чтобы великий государь запорожских черкас не принимал, потому что они непостоянны и прежнему своему государю изменили». Не очень заботясь о логичности рассуждений, везир тут же заявил, что хан будет помогать казакам против русских, ибо Москва угрожает ханству¹²³. Царевич Селим-Гирей, говорил везир, уже ушел от И. Выговского в надежде, что и царские войска уйдут с Украины, однако те, напротив, «к прежним идут в прибавку и, збив их, чер-

кас, хотят итти на Крым. И царь, де, (хан. – Г.С.) послал к ним нурадына царевича на помощь, от московских ратных людей оборонить»¹²⁴. Так, Сефергазы недвусмысленно дал понять, что Крым намерен продолжать войну против России.

28 апреля 1659 г. И. Апухтина и Ф. Байбакова арестовали и повезли в горную крепость Мангуп, в 20 верстах от Бахчисарая. Впрочем, переговоры продолжались чуть ли не до тюремной двери. Везир Сефергазы-ага лично сопровождал посланников в крепость и пытался их убедить: «Только, де, от царского величества уступки черкасских городов не будет, и тех ссор без того не рознять. И вы объявите, о чем с вами наказано»¹²⁵. Далее Сефергазы-ага предложил своеобразный раздел Украины: «Не показано ли то с вами, что царскому величеству теми черкасскими городами владеть, которые ему добились челом, и которые учинились у них (Крыма. – Г.С.) в подданстве, и теми бы владеть им?»¹²⁶. Иными словами, к ханству должны отойти те города, которые либо признавали власть И. Выговского, либо были захвачены им. Весной 1659 г. это была большая часть Украины. За Россией оставались бы, скорее всего, Киев и земли севернее «матери городов русских», да почти незаселенное Запорожье. Как видно, союз с Речью Посполитой не мешал крымской знати выдвигать планы установления собственной власти над Украиной. При этом не исключалась возможность соглашения с русским правительством. Когда предложение Сефергазы не было принято, посланников не просто бросили в тюрьму, но заковали в кандалы и посадили в земляную яму, откуда их выпустили лишь в конце января 1660 г.

Итак, начав военные действия еще в ноябре 1657 г., Крымское ханство 29 апреля 1659 г. разорвало дипломатические контакты с Россией (восстановились они только весной 1666 г., после того, как практически распался польско-татарский союз и начались переговоры о мире между Россией и Речью Посполитой). Крымское ханство все более и более откровенно высказывало свои претензии на Украину, используя против России союз с Речью Посполитой и И. Выговским. Тем не менее шок, вызванный изменой гетмана, постепенно проходил и в Москве, и в Чигирине. Силы, ориентирующиеся на Россию, подавленные и деморализованные разгромом восстания М. Пушкаря, постепенно консолидировались на Левобережье Днепра, и во главе их встал наказной гетман Иван Беспалый. Когда российское войско под командованием А.Н. Трубецкого выступило из Путивля, к нему присоединился крупный отряд украинских казаков во главе с наказным гетманом. 19 апреля 1659 г. 15-тыс.¹²⁷ армия А.Н. Трубецкого и казаки И. Беспалого осадили г. Конотоп вблизи русской границы, где укрылся с 4-тыс. гарнизоном сторонник И. Выговского полковник Г. Гуляницкий. Осада Конотопа проходила вяло. Возможно, А. Трубецкого дезориентировали указания центра о желательности мирного решения осложнений с гетманом. Так или иначе, но под Конотопом в бездействии войска простояли более двух месяцев. Это дало возможность гетману и татарам полностью подготовиться к сражению и подтянуть силы. В июне подошли 90 тыс. татар под командованием самого хана и около 40 тыс. казаков, болгар, венгров, молдаван под командой И. Выговского. Цифры эти сообщил силой вывезенный татарами

из Крыма толмач арестованного русского посольства Т. Фролов, которому удалось уйти в лагерь А.Н. Трубецкого¹²⁸.

27 июня 1659 г. казаки И. Выговского и татары неожиданно атаковали русское войско, затем начали притворно отступать за реку Сосновку. И тут А.Н. Трубецкой допустил просчет: он послал в преследование отряды дворянской конницы под командой молодых и горячих воевод – князя Семена Пожарского и Семена Львова. Те увлеклись преследованием и не придали значения сообщениям разведчиков И. Беспалого о скрытых у берега реки засадах татар. Последовали сильные фланговые удары по вырвавшейся вперед русской коннице, которая была уничтожена, а воеводы попали в плен и умерли в Крыму. И. Выговский потерял в бою около 3 тыс., татары – 500 человек. Потери русских составили 3 тыс. убитыми и около 1700 пленных достались победителям. Несчастных вывели на открытое место и вырезали поголовно, так уговорились между собой союзники – хан крымский и гетман Войска Запорожского¹²⁹.

Несмотря на серьезные потери, русская армия не была полностью разгромлена, как утверждалось в ряде нарративных источников того времени. Ее основные силы, огородившись возами и отбивая атаки татар и казаков, отошли к Путивлю.

Измена И. Выговского и особенно поражение под Конотопом не только означали опасность потери Украины, но и очень сильно ослабили всю систему обороны южных границ России. Белгородская оборонительная черта фактически перестала защищать от татарских вторжений. После поражения А.Н. Трубецкого под Конотопом татары получили возможность обойти ее с незащищенного фланга. Ранее этот фланг упирался в русско-польскую границу, после 1654 г. он был прикрыт землями Левобережной Украины, которую, в свою очередь, обороняли от татар и русские войска, базирующиеся на укреплениях Белгородской черты. Теперь крымские татары обошли крайнюю западную точку – крепость Ахтырку. Повернув от Конотопа на юго-восток, 15 – 16 августа 1659 г. они оказались в тылу оборонительной линии у городов Верхосенска и Усерда, а потом прошли по беззащитным глубинным районам России, где уже с конца 30-х гг. население чувствовало себя в безопасности. От Путивля к Новгород-Северскому, Курску, Воронежу, Ельцу и Рязани – все было разграблено. Разорили 18 округов, убили 379 человек, около 25 500 угнали в полон¹³⁰. Противника ожидали даже под Москвой, вокруг города стали срочно возводить земляные укрепления.¹³¹ Но 26 сентября Мехмед-Гирей вернулся в Бахчисарай. В ханском походе на Россию участвовало далеко не все стотысячное войско. Основные силы должны были уйти в Крым сразу же после сражения под Конотопом, «виновниками» столь стремительного отхода противника стали казаки.

Еще из-под Конотопа, желая создать угрозу тылам И. Выговского и хана, А.Н. Трубецкой и И. Беспалый писали к кошевому атаману Запорожской Сечи Ивану Серко, чтобы он «чинил промысел над крымскими улусами». В июле-августе И. Серко вышел с отрядом из Запорожья, вошел в устье Буга и поднялся вверх по реке, громя татарские улусы, взял двух муз «со всеми людьми и животы», освободил из неволи полоняников,

захваченных татар приказал перебить. Другой запорожский отряд под командой Ю. Хмельницкого действовал в районе Перекопа, в ногайских улусах.¹³² Эти казацкие походы достигли своей цели: основную часть своих войск хан вынужден был повернуть обратно из русских и украинских пределов, направить для обороны Крыма. Отсутствие татар моментально сказалось на результатах военных действий И. Выговского и поляков: они не смогли развить наметившийся успех.

В результате отмеченных обстоятельств И. Выговский на время остался без поддержки татарского войска. В то же время стало известно о заключении Гадячского договора, открывавшего польской шляхте возможность вернуться в свои имения на Украине, и это вызвало резкое недовольство казачества. Против гетмана и поддерживавших его немногочисленных польских отрядов поднялось восстание и на левом, и на правом берегах Днестра. В сентябре 1659 г. И. Выговского скинули с гетманства и на раде в Переяславле вручили булаву Юрию Хмельницкому. Сделано это было больше в пику сторонникам Речи Посполитой и как знак ориентации на Россию, а не ради каких-либо заслуг сына бывшего гетмана.

Таким образом, оторвать Украину от России и подчинить ее власти Речи Посполитой или Крыма не удалось. Благодаря поддержке основной массы украинского общества ориентации на Москву осенью 1659 г. положение на Украине в значительной мере было восстановлено. Но русское правительство не извлекло необходимого урока: колебания И. Выговского и части казачества в пользу Речи Посполитой объяснялось в какой-то мере попытками ограничить украинскую государственность.

Победу прорусской ориентации в Москве восприняли как готовность казачества отказаться от части политических прав, и когда на раде в Переяславле избирали Ю. Хмельницкого, Москва выдвинула новые требования, до некоторой степени ограничивающие автономию Украины: гетман обязан был посылать войско туда, куда прикажет царь; без воли царя не могли менять гетманов (но свобода выбора не ограничивалась); наказывать казацкую старшину гетман мог только тогда, когда дело будет рассмотрено в Москве.

Больше всего казацкая старшина была недовольна появлением на украинской территории в крупных городах русских гарнизонов и воевод. Однако обеспечить надежную оборону страны своими силами Украина не могла не только потому, что их было мало, но еще и потому, что казацкое войско по своей структуре и по организации исторически сложилось лишь как первый эшелон обороны, наблюдавший за границей и обеспечивавший временное прикрытие территории и сбор главных сил. До освободительной войны 1648 г. казацкое войско базировалось в гарнизонах и крепостях Речи Посполитой, после 1654 г. этот первый эшелон обороны опирался на русский гарнизон Киева и гарнизоны русских пограничных крепостей Белгородской черты. Украина становилась как бы «предпольем» второго эшелона – Белгородской пограничной крепостной линии.¹³³ До 1659 г. русский гарнизон стоял только в Киеве, но еще Б. Хмельницкий считал это недостаточным, просил направить воеводу и гарнизон в Кодак и в другие города. Однако ему было отказано, военные действия развивались успешно, русские и ук-

раинские полки дошли до Львова и Гродно, Поднепровье становилось глубоким тылом. В этих условиях новые тыловые гарнизоны на Украине были не нужны.

Когда в 1657–1659 гг. после разрыва И. Выговского с Россией возобновилось наступление Речи Посполитой и Крыма и неприятель подошел вплотную к русским границам, Украина вновь стала ареной военных действий, возродилась нужда в гарнизонах. Согласно принятым на раде 1659 г. «статьям» русские гарнизоны надлежало разместить в Киеве, Переяславле, Нежине, Чернигове и Умани¹³⁴. Перед лицом ясно обозначившейся внешней угрозы размещение этих гарнизонов диктовалось интересами защиты края. При выборах Ю. Хмельницкого были ограничены и внешнеполитические права гетмана, что явилось прямым следствием измены И. Выговского. Гетману запрещалось принимать любых иностранных послов, пусть даже союзного государства¹³⁵.

К тому времени, когда кризис в отношениях между Россией и гетманством был так или иначе урегулирован, в международной ситуации обозначились перемены, неблагоприятные для России и Украины. Как отмечалось выше, крымские политики давно добивались того, чтобы Речь Посполитая заключила мир со Швецией и все свои силы направила на борьбу с Россией. Усилия в этом направлении крымская сторона продолжала предпринимать и в 1658–1659 гг.¹³⁶ Польское правительство долго не могло пойти навстречу этим предложениям, так как на мирных переговорах Карл Густав требовал значительных уступок. Однако к концу 50-х гг. XVII в. международное положение Швеции значительно ухудшилось в связи с выступлением против нее внушительной коалиции в составе Речи Посполитой, Австрии, Бранденбурга, Дании и Голландии. Создавалась благоприятная ситуация, чтобы вернуть утраченные некогда польской стороной владения в Прибалтике. В Варшаве предпочли, однако, заключить 3 мая 1660 г. мир со Швецией в Оливском монастыре под Гданьском, по условиям которого к владениям Карла X отходили Эстляндия, Лифляндия и Моонзундские острова, а Ян Казимир отказывался от прав на шведский престол. Это решение объяснялось стремлением короля направить все свои силы на войну с Россией.

Еще до заключения мира в начале 1660 г. Ян Казимир сообщал хану о том, что вскоре Речь Посполитая будет готова к совместным действиям против России. А еще раньше осенью 1659 г. король отправил посольство в Стамбул, которое должно было обеспечить благожелательное отношение султана к планам войны Речи Посполитой и Крыма против России¹³⁷.

В Москве чувствовали надвигавшуюся угрозу. В 1658 г. было заключено перемирие со Швецией, а в 1667 г. – мирный договор, по которому Россия была вынуждена отказаться от земель в Прибалтике, занятых русскими войсками в 1656–1657 гг.

Заключив Оливский мир, Речь Посполитая получила возможность в союзе с Крымским ханством и при поддержке части казацкой старшины захватить Украину. Удобный для удара момент наступил в конце августа 1660 г., когда русские войска предприняли поход в направлении на Гали-

чину. Он был нужен как отвлекающий удар: Речь Посполитая крепко теснила царскую армию в Белоруссии и Литве.

15 тыс. русских ратников под командой киевского воеводы В.Б. Шереметева и 20 тыс. казаков левобережных полков во главе с наказным гетманом Т. Цицурой двинулись на Волынь, а гетман Ю. Хмельницкий с казацкими полками правого берега Днепра пошел на запад вдоль южной границы, прикрывая ее от татар. Перекрыть границу не удалось, и 60-тыс. орда соединилась с войском коронного гетмана С. Потоцкого.

С. Потоцкий воспользовался ошибкой В.Б. Шереметева и Ю. Хмельницкого, выступивших в поход разрозненно (Б. Хмельницкий всегда главные силы соединял в единый крепкий кулак). Отдельное польско-татарское войско блокировало казаков Ю. Хмельницкого и после упорных боев под Слободищами 8 октября гетман сдался и принес присягу польскому королю. Сказалось и то, что Ю. Хмельницкий не получал никаких вестей о положении В.Б. Шереметева, кроме явно дезинформирующего письма И.Выговского, писавшего, что отряд князя разбит и Юрию лучше отойти от Москвы.

В.Б. Шереметев тем временем отбивался в окружении, огородившись подвижным кольцом боевых возов и двигаясь на соединение с казацкими полками. Измена Ю. Хмельницкого поставила его в совершенно безвыходное положение и 28 октября 1660 г. под г. Чудновом В.Б. Шереметев вынужден был сдаться С.Потоцкому. По условиям капитуляции, осажденные могли свободно покинуть лагерь, сдавши знамена и оружие. Россия должна была вывести свои гарнизоны из всех украинских городов¹³⁸. Едва только осажденные сложили оружие, как на них сейчас же бросились татары, русские отбивались, как могли, пустив в ход оглобли, дубины и кулаки. И воевода, и его уцелевшие ратники были угнаны в Крым. Гарнизоны из украинских городов, конечно же, не выводили. Оставшийся в Киеве воеводой Ю.Н. Борятинский отвечал польским парламентарам: «Я повинуюсь указам царского величества, а не Шереметева, много в Москве Шереметевых!»¹³⁹.

Хан разрешил В.Б. Шереметеву писать в Москву и держать при себе толмача. В связи с переговорами о выкупе В.Б. Шереметева была предпринята последняя попытка восстановить дипломатические контакты. 20 января 1661 г. в Бахчисарай прибыли дьяк И. Татаринов и подъячий Д. Титов. В результате переговоров 20 марта 1661 г. ханский диван сообщил свои условия мира, заведомо неприемлемые для России: вывод русских ратных людей из Киева, Переяславля, Нежина; Россия должна была подписать мир с Речью Посполитой и вернуть ей Смоленск и Украину; донским казакам разрешалось нападать на Азов и иные османские владения. В противном случае угрожали походом орды на Москву¹⁴⁰.

В Москве еще раз попытались наладить контакты, отправив в Крым дворянина Е.Ю. Бахметьева со значительно увеличенными «поминками» и 50 тыс. рублей на выкуп князя В.Б. Шереметева, но безрезультатно; с 1661 по 1666 гг. дипломатических отношений между Москвой и Бахчисараем не было.

Таким образом, в развитии взаимоотношений Крымского ханства, Речи Посполитой и России осень 1657 г. явилась несомненным рубежом. Начиная с этого времени против России действует коалиция Крыма и Варшавы,

пытавшаяся использовать в своих целях конфликты на Украине. До осени 1657 г. усилия России и Украины были направлены на то, чтобы добиться нейтралитета Крыма и закрепить его в договоре, что было сделано Б. Хмельницким под Озерной. Теперь Крымское ханство вело войну против России и требовало возвращения Украины под власть Речи Посполитой. Правда, в этом вопросе полного единства между союзниками не было. Характерно, что Сефергазы-ага то заявлял русским посланникам, что Б. Хмельницкий еще в 1648 г. стал подданным султана и хана, то требовал, чтобы Россия вернула и Украину, и Смоленск Яну Казимиру как законному государю. Здесь крылось противоречие, которое и разорвало польско-крымский союз в 1666 г.

Польские политики отдавали себе отчет в том, что успехи, достигнутые в 1660 г., непрочны и в случае серьезного ослабления Речи Посполитой Крым может попытаться установить собственную власть на Украине. В марте 1661 г. коронный канцлер М. Пражмовский писал гетману Е. Любомирскому, что «союз татар с казаками для отчизны более опасен, чем их (казаков. – Г.С.) союз с Москвой. Мы можем привести казацко-татарскую войну в свой дом». Союз с татарами хорош в борьбе с русскими. Война с Москвой – это клей, который нас соединил и, пока она идет, будет держать¹⁴¹.

Но время мира с Россией еще не пришло. Окончание шведской войны и успех польско-татарских сил под Чудновом и Слободищами активизировали военные действия на востоке. На Правобережной Украине были размещены польские гарнизоны. Ю. Хмельницкий, не пользующийся авторитетом у казаков, был смнен на Правобережной Украине гетманом Павлом Тетерей, на левом берегу Днепра казаки отдали предпочтение ориентации на Россию и гетманом здесь стал Иван Брюховецкий. Фактически половина украинских земель оказалась вновь под властью Речи Посполитой. Успехи союзников породили надежду на захват и другой половины.

Первая серьезная попытка польских войск во главе с С. Чарнецким при поддержке татар подчинить Левобережье была предпринята в первые месяцы 1661 г.¹⁴² Но за кулисами этих совместных действий между союзниками складывались напряженные отношения, каждая из сторон вела тайные переговоры с казацкой старшиной Правобережья, пытаясь настроить ее против союзника¹⁴³. В этой части Украины постепенно складывалось положение, которого опасались польские политики. Продолжать активные военные действия Речь Посполитая оказалась не в состоянии, не получавшие жалованья войска отказались нести службу. Между тем уже весной 1661 г. из Крыма пришел большой отряд татар во главе с Субхангази-агой, а в августе, ожидая прихода польских войск, на Правобережной Украине появился сам хан. Не дождавшись польских военачальников, он организовал совместный поход татар и казаков на Левобережье¹⁴⁴. Так, казацкая верхушка убеждалась в том, что польская власть на Правобережье непрочна и что ей следует серьезно считаться с интересами татар как самостоятельной политической силы. Та же ситуация повторилась в 1662 г.¹⁴⁵ Все это имело свои последствия. Не случайно осенью 1662 г. хан писал Яну Казимиру, что казаки постоянно просят его принять их под свою «протекцию», но он не делает этого из дружеских чувств к королю¹⁴⁶.

Происходившие события не могли быть не замечены польскими политиками и вызывали с их стороны соответствующую реакцию. Были приложены усилия, чтобы вернуть на службу коронное и литовское войско. За этим последовала серьезная попытка установить польскую власть на всей территории Украины.

Поход войск Речи Посполитой и казаков П. Тетери на левый берег Днепра по замыслу его организаторов должен был положить конец не только длительной борьбе за Украину, но и серьезно ослабить Россию. Предполагалось, закрепившись на Левобережье, обойти с фланга Белгородскую черту (как в 1659 г.) и нанести прямой удар на Москву. В Варшаве были твердо уверены, что в этом походе примут участие 100 тыс. крымских татар, обещанных ханом Мехмед-Гиреем¹⁴⁷. Сама Речь Посполитая сумела набрать 40 тыс., во главе которых встал король. Корпусами командовали коронный гетман Ю. Любомирский, С. Чарнецкий и Я. Собеский.

15 сентября войска стали выдвигаться на исходные позиции, не дожидаясь татар, как всегда запаздывавших. Подошел только передовой 40-тысячный татарский отряд¹⁴⁸. Командовавший им Дедеш-ага уверял, что Мехмед-Гирей вот-вот подойдет с основными силами на соединение, и, если нужно будет, даже вопреки воле султана, который приказал ему идти против «немецкого императора». Сам же хан предпочитает помочь королю «воевать москвитян – исконных врагов татарского народа»¹⁴⁹. В дальнейшем, однако, в военных действиях под Лубнами, Ромнами, Гадячем вместе с корпусом Я. Собеского участвовал 15-тыс. отряд татар, предводительствуемый Мамет-Гиреем. В декабре его сменил 20-тыс. отряд под командованием Караш-бея¹⁵⁰, но главные силы орды во главе с ханом на театре военных действий так и не появились. Объяснить это можно не только, а, может быть, и не столько, походом на венгров, в котором участие хана было минимальным, сколько спадом пика активности татар. Судя по материалам, собранным А.А. Новосельским в процессе работы над незавершенным вторым томом своей книги о борьбе Московского государства с татарами в XVII в., наибольшая активность татар в 1663–1664 гг. приходится на весну и лето 1663 г. (с марта по июнь).

Даже по этим, скорее всего неполным, данным вырисовывается следующая картина. Набеги направлялись в основном на Левобережную Украину, где были разорены громадные территории вокруг Кременчуга, Полтавы, Гадяча, Лубен, Ичнея, Лохвиц, Глинска, Ромен. В иных местах татары напали дважды¹⁵¹. Татарские отряды не могли миновать Левобережную Украину, когда той же весной ударили в обход западного фланга Белгородской черты и разграбили тыловые русские уезды Новгород-Северского, Карачаева, Рыльского, Брянска и Курска¹⁵². Таким образом, ко времени начала похода Яна Казимира крымские татары уже отошли за Перекоп, захватив немало пожитков и полона.

Мехмед-Гирей не рисковал выйти за Перекоп еще и потому, что были предприняты походы на Крым калмыков, запорожцев и русских. В октябре 1663 г. запорожцы И. Серко и русские ратные люди Г. Косагова едва на взяли крепость Перекоп и отошли, захватив множество пленных, которых по-

зднее перебили по приказу И. Серко. 6 декабря начался новый поход И. Серко, Г. Косагова и соединившихся с ними калмыков на Крым с целью задержать силы хана на полуострове. Поход был особенно успешным: 16 декабря в бою под Перекопом разгромили тысячный отряд перекопского Карач-бея. В бою пал сам Карач-бей (едва ли не второй после хана властитель татар), были убиты его племянник, писарь и казначей¹⁵³. Это был весьма болезненный удар, после которого хан Мехмед-Гирей так и не решился покинуть полуостров и поддержать короля.

Без активной поддержки основных сил татар поход Яна Казимира не мог закончиться успешно. Правда, переправившись через Днепр, польские войска, отряды татар и отряды казаков П. Тетери продвинулись далеко вперед, до самых восточных границ Украины, захватили много мелких и средних городков, таких как Воронков, Барышполь, Солтыкову-Девицу, Остер, Ромны, Прилуки и другие. На основательную осаду больших городов, защищенных значительными гарнизонами, не хватало ни сил, ни времени. Король безуспешно пытался взять Путивль, Новгород-Северский, наконец, сосредоточил свои силы под Глуховом и несколько недель осаждал город, взятию которого придавал важное значение. Самый популярный в польском войске предводитель С. Чарнецкий говорил: Глухов непременно должны взять. «Как можем отважиться идти вглубь Московского государства, когда не в силах овладеть пограничным местечком?»¹⁵⁴. Неоднократные штурмы города оказались безрезультатными. Во время осады города татары покинули королевскую армию.

Длительная оборона Глухова позволила Г.Г. Ромодановскому сконцентрировать силы для удара. И. Брюховецкий тоже готовился нанести удар по противнику. Ян Казимир принял решение отступить. На переправе через Десну у деревни Пироговка в конце февраля 1664 г. русско-украинским войском был разбит корпус С. Чарнецкого. Пришлось возвращаться за Днепр, тем более, что вся Правобережная Украина была охвачена восстанием против Речи Посполитой и ее ставленника П. Тетери¹⁵⁵.

Таким образом, и в 1663 – начале 1664 гг. Украина сыграла свою роль военного и политического «буфера», опирающегося на систему укреплений Белгородской черты и прикрывающего русские земли от нападений польских войск и крымских татар. Тем не менее, и русским землям досталось крепко. Польские и литовские войска разорили 7 пограничных уездов: Севский, Рыльский, Путивльский, Карачевский, Орловский, Кромский и Курский; было сожжено 5100 дворов, угнано в полон более 6 тыс. человек, 9600 лошадей, более 108 тыс. голов мелкого скота. В 1664 г. нападений на Левобережье было, вероятно, меньше, упала активность татар на правом берегу Днепра и на южной границе России. В обход оборонительной линии крымские и нагайские татары ходили, скорее всего, только на Рыльск, Брянск, Воронеж. Другие опустошенные земли были южнее черты – Тор, Валуйки, Царев-Борисов¹⁵⁶. Но эти вторжения совершались мелкими отрядами, основные силы не отходили от Перекопа, опасаясь казаков и калмыков.

Начавшееся на правом берегу восстание давало возможность перенести военные действия и попытаться вытеснить польские войска и оттуда.

Первыми начали действовать запорожцы. Едва успев вернуться в Сечь из похода под Перекоп, И. Серко уже через несколько дней 8 января 1664 г. отправился в новый поход на этот раз под Бендеры и разорил несколько турецких селений. Оттуда он повернул на Украину и стал «возбуждать народ против ляхов и склонять на сторону московского царя». Народ поднялся с энтузиазмом и единодушием. Уже 18 марта И. Серко извещал Г. Косагова, оставшегося со своим отрядом в Сечи, что «все украинские города от Днестра до Днепра склонились под царскую руку»¹⁵⁷. Восстание росло стремительно, неудержимо, на Правобережье поднималась новая «Хмельничнина». В конце марта к И. Серко присоединился со своим отрядом Г. Косагов. Положение восставших облегчалось тем, что основные силы крымского хана по-прежнему не рисковали удалиться от Перекопа. Бежавшие из татарского плена украинские казаки и русские ратные люди говорили в Сечи Г. Косагову: «Крымская орда вся, что было в Крыму, вышедши, стоит на сей стороне Перекопу, от колмык и от Запорожья берегут Перекопу». «Хан крымской в Крыму, а к королю польскому на помочь нынешней зимой не пойдет, боясь калмык и из Запорожья войска»¹⁵⁸.

Положение отрядов Речи Посполитой на Правобережье становилось все более сложным. Сил катастрофически не хватало. Казаки-перебежчики общали Г. Косагову: «ляхов» конных и пехоты 7 тыс., пехота «зело худа и безодежна»¹⁵⁹. С. Чарнецкий с большим трудом удерживал Белую Церковь, Корсунь, небольшой гарнизон стоял при гетмане П. Тетере в Чигирине. С. Чарнецкий пытался действовать решительно, требовал от хана выполнения условий союза. Он сдал командование Я. Собескому и Маховскому, а сам поспешил в Крым требовать помощи. Однако Мехмед-Гирея в Бахчисарае С. Чарнецкий не застал. Как ни боялся хан за судьбу Крыма, но вынужден был летом и осенью 1664 г. выполнить приказ султана и воевать в Венгрии. Война Османской империи на западе, несомненно, облегчала правобережным повстанцам и России боевые действия против Польши и Крымского ханства. Так ничего не добившись в Крыму, С. Чарнецкий отбыл в Буджак и там на свой страх и риск нанял, по разным сведениям, от 5 до 20 тыс. конных степных воинов¹⁶⁰. Киевский полковник В. Дворецкий, приехав в Москву, говорил в Малороссийском приказе: «А хану, де, Крымскому нынешнее лето выходу никуды не будет, и не готовитца для того, что ... послал хан сына своего к турецкому царю на помочь на цесаря, а с ним орды 40 тысяч и тое де орду цесарь побил нынешнею весною, и в тех, де, побитых людей место ныне хан посылает на цесаря орду беспрестанно полками»¹⁶¹. Об этом же писал в Малороссийский приказ и киевский воевода И.И. Чаадаев¹⁶².

К двум названным выше причинам снижения военной активности Крыма (казацкие походы и война с «немецким цесарем») необходимо добавить наметившуюся перемену политической ситуации в Восточной Европе и реакцию на эту перемену Крымского ханства.

После неудачного похода Яна Казимира на Левобережье Днепра и восстания украинцев на правом берегу стало ясно, что утвердить польскую власть на всей территории Украины невозможно. В этих условиях Россия предпринимает попытки вытеснить противника с украинских земель, объе-

динить их под булавой гетмана И. Брюховецкого, но закрепиться удалось только в Каневе и Умани, на большее явно не хватило сил. Таким образом, Днепр стал реальной границей, своего рода линией разграничения зон влияния России и Речи Посполитой. Русско-польская война явно выдыхалась. Нужно было браться за дело дипломатам. Переговоры начались 19 марта 1663 г. во Львове. Но в то время они не могли привести к реальным результатам, так как в Варшаве надеялись на успех похода польских войск на Левобережную Украину. Союз с Крымским ханством казался в то время достаточно прочным, восстание на Правобережье еще не начиналось. Переговоры сорвались, стороны разъехались, ничего не решив, но начало процессу примирения было положено. К лету 1664 г. радужные надежды стали понемногу тускнеть и правящие круги Речи Посполитой оказались вынужденными возобновить мирные переговоры.

Об изменении настроений в московских правящих кругах свидетельствовали предложения, сделанные польским властям во время переговоров во Львове А.Л. Ординым-Нащокиным, который предлагал заключить не только мир, но и союз с Речью Посполитой. Русский дипломат доказывал, что такой союз позволил бы обоим государствам противодействовать Швеции. В связи с рассматриваемой проблемой важно, что А.Л. Ордин-Нащокин настойчиво стремился внушить польским собеседникам необходимость такого союза для предотвращения возможных угроз со стороны Турции и Крыма: «А военные погрозы от турка минутца и будет в следствие склонен и войну свою отложит». «Услышит хан союз меж теми обоими государствы, отставит свои великие запросы, и рад будет без шкоды дружбу держать»¹⁶³. Русский дипломат доказывал, что прекратив воевать друг с другом, Россия и Речь Посполитая смогут оказать помощь императору в его войне с турками, и это послужит началом к созданию широкой антиосманской коалиции. Объединив свои усилия они смогут заставить Порту отказаться от сюзеренитета над Дунайскими княжествами¹⁶⁴. Важным условием для заключения такого мира и союза должна была стать уступка России Смоленщины и Левобережной Украины. Но к таким уступкам польская сторона оказалась не готова. После неудачи, постигшей Яна Казимира на Украине, переговоры возобновились в сентябре 1664 г. в Дуровичах под Смоленском. Дипломаты Речи Посполитой по-прежнему требовали вернуть все потерянное, а потому и эта попытка установления мира закончилась безрезультатно.

И все же эти неудачные переговоры продолжили начавшийся процесс сближения России и Речи Посполитой, что привело к новой внешнеполитической ситуации в Юго-Восточной Европе. Польско-крымский союз начинает разваливаться, и Мехмед-Гирей, видя поражение Речи Посполитой, вступает в открытую вооруженную борьбу за власть над Украиной.

И среди простых татар, и в кругах крымской знати все шире стали распространяться настроения в пользу возобновления союза с казаками «как при Хмельницком», т.е. союза против Речи Посполитой. Союз с Украиной, конечно же, оценивался в трактовке крымских политиков как подданство Украины крымскому хану. Поговаривали даже о привлечении к этому крымско-казацкому союзу и России.

22 июня 1664 г. казаки И. Серко и ратные люди Г. Косагова разбили тысячный отряд татар, который шел из Крыма на помощь тем, что были при С. Чарнецком¹⁶⁵. Новый отряд вез с собой запасы одежды и гнал свежих коней. Все это попало к И. Серко и Г. Косагову вместе с большим полоном. На допросе «черный» татарин Карача Алиш-Батыр говорил: хан вскоре собирается идти в черкасские города, но не для помощи С. Чарнецкому, а «чтобы с черкасы смиритца так же, как и с Богданом Хмельницким... Да и говорят, де, крымскому хану ближние люди, чтоб он с великим государем учинился по-прежнему в братственной дружбе и в любви, а война б прекратить, и королю б польскому не помогать потому: как, де, и учили королю помогать, и им добычи никакой не бывало, а людей множество погибло»¹⁶⁶.

Если иметь в виду, что еще в 1654 г. среди знати и «черных татар» были настроения в пользу союза с казаками и Россией и что мотивировка этого союза была та же – возможность более эффективного грабежа, слова Алиш-Батыра вызывают доверие. Он утверждал, что четыре месяца назад, в конце февраля 1664 г. вопрос о мире и союзе обсуждался довольно широко: «И хан, де, положил то на волю ближних людей и черни, и послал де к великому государю послов своих Алдей-Мелдеша, ..., а с ним 15 человек татар и грамоту с ним к царскому величеству о мирном постановленьи и чтоб полоном разменяться и быть по-прежнему в дружбе»¹⁶⁷. Дошло ли посольство Алдей-Мелдеша до Москвы (если оно было послано), предстоит уточнить, скорее всего, таких послов в Посольском приказе не принимали. Вполне возможен трагический финал этой попытки, которого, по словам все того же «черого татарина», опасались при ханском дворе: «А приказал де хан послом, чтоб они ехали степью с великим береженьем по ночам, а не в день, а в день бы стояли в крепких местах, в чернях и в камышах, чтоб их было не видно, опасаясь от калмыков»¹⁶⁸. Впрочем, вполне вероятно, что Али-Батыр передавал слухи, и никакого реально посольства не посылали, но и в этом случае слухи свидетельствовали о том, что значительная часть и знати, и «черных татар» Крыма желали заключить мир и союз с Россией. О настроениях татар в пользу мира и союза с казаками: сообщал и прибывший в Москву посланец гетмана И. Брюховецкого киевский полковник Василий Дворецкий: татары, бывшие при С. Чарнецком, «на боях съезжались» с казаками, предлагали помириться и кончать войну, «а хан де крымской с ними, черкасы, миру хочет»¹⁶⁹.

За неудачей похода Яна Казимира на Украину наступило резкое обострение внутривосточного кризиса в Речи Посполитой, вылившееся в 1664–1665 гг. в гражданскую войну. Размер польских континентов на территории Правобережной Украины сильно сократился и польские позиции здесь ослабли. Начавшееся в 1664 г. казацко-крестьянское восстание на правом берегу Днепра весной 1665 г. достигает своего апогея. Среди восставших выдвигаются новые предводители: овручский полковник Децик, брацлавский полковник Дрозд, подольский полковник Е. Гоголь. К восставшим присоединились выходцы из Молдавии и Валахии, особенно их много было в пограничном с Молдавией Брацлавском полку. В апреле 1665 г. под Брацлавом Дрозд нанес поражение П. Тетере. Не имея ни поддержки населения, ни опоры на польские

войска, П. Тетеря отказался от гетманства и, прихватив часть войсковой казны, хотел бежать в Польшу, но должен был почти все бросить. Сначала он укрылся на польской территории, потом в Валахии.

На Правобережье складывалась ситуация безвластия, а это означало, что при определенных усилиях стало возможным объединить в подданстве России и под властью левобережного гетмана И. Брюховецкого всю Украину. 4 апреля неожиданной ночной атакой И. Брюховецкий овладел г. Корсунь, а в июне безуспешно пытался овладеть главным оплотом Речи Посполитой на Украине – городом Белая Церковь. Но поход И. Брюховецкого фактически не поддержала Россия и по причине утомления войной, и нехватки сил, и потому, что в придворных кругах не было единства: А.Л. Ордин-Нащокин настаивал на свертывании военных действий, другие (Н.И. Одоевский) подталкивали царя к продолжению и даже активизации военных действий. В итоге в отрядах И. Брюховецкого сражалось всего 500 русских ратных людей¹⁷⁰.

Таким образом, возникал своеобразный вакуум власти, который и попыталось заполнить Крымское ханство, на этот раз вмешавшееся в борьбу за Украину, уже не прикрываясь союзом с Речью Посполитой и призывами к казакам вернуться под высокую руку короля Яна Казимира. В этой борьбе за власть крымский хан использовал медведовского полковника, участника восстания, Степана Опару, который претендовал на гетманскую булаву и надеялся получить ее с помощью хана, причем не просто заключив союз, как это делали его предшественники, а принеся присягу на подданство. Когда С. Опара с небольшим отрядом казаков, числом всего около 150 человек, соединился с вышедшей на Украину крымской ордой в 30 тыс. во главе с Каммамбет-мурзой и Батыршой-агой, татары помогли ему без боя овладеть Уманью. Здесь 11 июня 1665 г. он провозгласил себя гетманом. «Он послал просить крымского хана утвердить его в гетманском достоинстве и дал обещание за содействие отдавать в плен татарам непокорных ему жителей – хотел платить за свое гетманство христианскими душами», – сказал о нем его соперник Дрозд¹⁷¹. Присягнув на подданство хану, С. Опара с ордой двинулся к Белой Церкви и принудил И. Брюховецкого отойти вначале к Мотовиловке под Киевом, а потом укрепиться в Каневе. Но С. Опара оказался слишком незначительной фигурой в борьбе за обладание Украиной. Да к тому же и полная зависимость его от ханской поддержки была вызывающе очевидной, он не мог рассчитывать на популярность среди казаков. Нужен был такой человек, который пользовался бы симпатиями казачества, мог бы повести за собой всю Украину, прославил свое имя в борьбе с Речью Посполитой, происходил бы из славного казацкого рода.

Хан сделал ставку в своей политической игре на Петра Дорофеевича Дорошенко. Это был внук знаменитого гетмана Михаила Дорошенко, руководившего походами запорожских казаков в Крым в 20-х гг. XVII в. Сам П. Дорошенко впервые упомянут в источниках 18 декабря 1653 г. В тот день русские послы к Б. Хмельницкому Р. Стрешнев и М. Бредихин записали в своем статейном списке о встрече с гонимым гетманом «чигиринским казаком Петра Дорошенком». Этот казак дал им дельную и толковую информацию о

положении на Украине¹⁷². В последние годы гетманства Б. Хмельницкого П. Дорошенко избрали полковником Прилуцкого, а при И. Выговском – Чигиринского полка. В 1659 г. он участвовал в выборах гетмана Ю. Хмельницкого и на переговорах с боярином А.Н. Трубецким пытался сохранить те условия, на которых Украина приняла подданство России при Б. Хмельницком¹⁷³.

После поражения под Чудновом П. Дорошенко был вынужден присягнуть вместе с Ю. Хмельницким на верность королю (правобережный Чигиринский полк оказался в сфере влияния Речи Посполитой), а в 1662 г. его избрали генеральным войсковым есаулом. Скорее всего, в следующем 1663 г. он вынужден был воевать вместе с гетманом П. Тетерей против России, но активно в боевых действиях на левом берегу Днепра не участвовал, никакими самостоятельными операциями не руководил, держался в тени и, следовательно, связями с польским войском и властями себя не скомпрометировал. Лучшего претендента на гетманство трудно было и пожелать.

В Бахчисарае и Стамбуле видели в П. Дорошенко своего ставленника, подданного хана и султана. Что же касается планов и целей самого П. Дорошенко, эта проблема выходит за рамки данного труда, имеет давнюю историографическую традицию и диаметрально противоположные оценки его личности: от предателя украинского народа, «агента турецкого султана», отдавшего Украину в подданство Стамбула, до национального героя украинского народа. По нашему мнению, П. Дорошенко продолжал политику Б. Хмельницкого, ставил целью объединение Украины, прежде всего в составе Русского государства на условиях конфедерации, но допускал и возможность протектората над Правобережной Украиной со стороны Османской империи или Речи Посполитой¹⁷⁴. Ближайшей его целью было удаление с территории Правобережной Украины польских войск. Россия, не сумевшая поддержать И. Брюховецкого, не могла помочь и Дорошенко, и он сделал ставку на татар.

В августе 1665 г. П. Дорошенко оказался в лагере у Каммамбет-мурзы. Скорее всего, до этого он, как в свое время и Б. Хмельницкий, побывал на приеме у хана и договорился о помощи. С. Опару вызвали к мурзе, схватили, ограбили и арестовали, сославшись на то, что он изменил своему королю. После этого татары окружили казачий табор и почти сутки держали его в осаде. Утром следующего дня осажденным предложили: «Казачи, хотите взять себе гетманом Петра Дорошенко? Мы его вам даем в гетманы. Если его возьмете, не станем вас трогать, а не возьмете – пошлем поляков звать из Белой Церкви и из Чигирина и станем с ними вас добывать». Казаки на своей раде выбрали П. Дорошенко гетманом¹⁷⁵.

Открыто выступить против Речи Посполитой сразу же после избрания П. Дорошенко гетманом Крымское ханство не решилось. Тому может быть несколько причин. Первая – русско-польские мирные переговоры, которые должны были возобновиться 1 июня 1665 г., начались только 10 мая 1666 г. Почти год стороны разговаривали не на языке дипломатов, а на языке пушек. Поэтому оставалась надежда на активизацию польско-крымского союза против России. Во-вторых, положение П. Дорошенко после столь откровенно навязанных «выборов» было, конечно же, непрочным и гетману

следовало прежде всего укрепиться и уничтожить двух своих наиболее опасных противников: полковников Децика и Дрозда, придерживавшихся прусской ориентации. Поэтому сразу же на раде в момент избрания П. Дорошенко присягнул на верность Яну Казимиру. Отношения с ханом трактовались в решениях рады как возобновление союза казаков, татар и Речи Посполитой против Москвы. П. Дорошенко присягнул, что вместе с татарами пойдет добывать для Речи Посполитой Украину к востоку от Днепра¹⁷⁶.

Бои татар и П. Дорошенко против Децика и Дрозда закончились лишь в середине ноября 1665 г. Все это время основной силой гетмана были поддерживавшие его отряды крымских татар, постоянно подходившие на Украину. Силы повстанцев, лишенных помощи русских войск, таяли. Дрозд был блокирован татарами и П. Дорошенко в Брацлаве. В начале ноября после двадцатидневной блокады Брацлава Дрозд сдался Каммамбет-мурзе. П. Дорошенко выкупил его из плена, отвез в Чигирин и приказал расстрелять. В это время другой соперник гетмана Децик, не получив помощи И. Брюховецкого, вынужден был уйти на левый берег Днепра.

Таким образом, при поддержке хана, считавшего П. Дорошенко своим подданным, гетман фактически овладел Правобережьем. В Чигирине он укрепился без боя, перекупив на свою службу польский гарнизон крепости. Польские войска оставались только в Белой Церкви, которая, правда, сохраняла свое значение опорного пункта влияния Речи Посполитой. С Крымом отношения сложились столь тесные, что в начале 1666 г. Мехмед-Гирей благодарил П. Дорошенко за присылку на помощь полковников с войском¹⁷⁷.

Осуществить свои планы подчинения Украины Мехмед-Гирею не удалось, он был смещен с ханского престола, в Крыму началась обычная в этой ситуации междоусобная война, в ходе которой в Бахчисарае утвердился новый хан Адиль-Гирей¹⁷⁸. По этой причине основные силы татар ушли из Украины, имея при этом весьма ощутимый успех – они вынудили население и казаков Правобережной Украины признать гетманом П. Дорошенко, которого уже считали своим подданным. Этот «успех» не мог быть прочным и обошелся особенно тяжело для украинского населения. Спасаясь от татарского разорения, люди переселялись за Днепр. Перебежчики говорили: «Все наши местечки в тревоге, ... у нас татары весь хлеб на поле потравили и народ питается только дикими грушами»¹⁷⁹.

П. Дорошенко как трезвый, более того, талантливый политик понимал, что для сохранения власти и популярности в народе он должен выдвинуть идею, которая бы сплотила вокруг него население, даже несмотря на союз гетмана с татарами. В феврале 1666 г. он начал собирать под Белой Церковью казацкие полки и 22 февраля созвал раду. Примечательно, что на этой раде присутствовали и запорожцы, а не только казаки правобережных полков. По-видимому, рада была довольно представительной. Показательно и то, что татар было всего 300 человек. Следовательно, говорить о давлении со стороны Крыма явно не приходится, П. Дорошенко действовал как совершенно самостоятельный политик. Он сумел добиться поддержки своих планов со стороны нового хана Адиль-Гирея и соглашение между ними было одобрено в Стамбуле. В апреле 1666 г. великий везир писал П. Дорошенко:

«Так как вы при посредничестве крымских ханов отдались (под покровительство) Порты и со всем Сары-Камышским (т.е. Запорожским Войском) верно служили, то падишах предписывает теперешнему хану Адиль-Гирею, чтобы поддерживал с вами дружбу и доброе соседство»¹⁸⁰.

Свои антипольские планы П.Дорошенко и хан до поры до времени не заявляли и даже пытались, насколько это возможно, успокоить власти Речи Посполитой. Концентрация правобережных полков и, вероятно, запорожцев под Белой Церковью, конечно же, тревожила коменданта крепости генерал-майора Стахорского. Поэтому 5 июня 1666 г. П.Дорошенко спешил уведомить его, что собирает силы вовсе не для того, чтобы «польских людей нигде не было», а для похода на Левобережье¹⁸¹. Этой же причиной он объяснял сбор сил и коронному хорунжему Андрею Потоцкому¹⁸². В сентябре 1666 г. крымский дипломат Дедеш-ага от имени хана Адиль-Гирея подтвердил соглашения о союзе между Речью Посполитой и Крымом¹⁸³.

Осенью 1665 и весной 1666 гг. П. Дорошенко и поддерживавшие его татарские отряды неоднократно переправлялись через Днепр и нападали на Левобережную Украину. По мнению Н.И. Костомарова, поддержанному большей частью исследователей, П. Дорошенко пытался захватить реальную власть и к востоку от Днепра, объединив таким образом Украину под своей гетманской булавой¹⁸⁴. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что на левом берегу Днепра обстановка складывалась неблагоприятно для России и тамошнего гетмана прорусской ориентации И. Брюховецкого. С согласия гетмана на Левобережье начали проводить перепись населения, чтобы упорядочить сбор налогов на нужды Украины. Население выступило и против переписи, и против воевод, которым поручалось наблюдать за проведением переписи. 18 июля восстал Переяславский полк.

Военные действия П. Дорошенко на левом берегу Днепра в 1665–1666 гг. не были масштабными, способными оторвать Левобережье от России. Это были мелкие, хотя и частые, набеги незначительных отрядов. Можно скорее предположить, что они преследовали цель, во-первых, замаскировать ведущуюся с февраля 1666 г. подготовку удара по Речи Посполитой и, во-вторых, затруднить (если не сорвать вовсе) мирные русско-польские переговоры, в которых не были заинтересованы ни гетман П. Дорошенко, ни его союзник крымский хан Адиль-Гирей.

9 ноября 1665 г. на левый берег был направлен «загон» с «прелестными листами» полтавским казакам от П.Дорошенко. О численности этого «загона» источники не сообщают, но такая операция не могла быть поручена большому отряду. О других военных посылках П. Дорошенко на левый берег осенью 1665 г. известные нам источники не упоминают.

В марте 1666 г. небольшой отряд поляков, татар и около сотни казаков П.Дорошенко ходили под Остапов и Хороль¹⁸⁵, около 1 мая такие же соединенные отряды попытались взять Остер, но гарнизон в 266 человек отстоял город¹⁸⁶. Следовательно, и на этот раз силы нападавших были незначительны. 10 и 11 июня нападали на Кременчуг, Ирклев, Муромлю, Жовник; 5, 12, 14 июля – под Черкасы, Миргород, Ирклев, Камышную, Хороль, Лубны, Киев. В этих походах казаков и поляков было не менее 500 человек и

1200 татар¹⁸⁷. Если принять во внимание, что в это время в Крыму прекратилась усобица, и 40 тыс. татарских воинов уже были у П. Дорошенко¹⁸⁸, то численность этих посылок за Днепр выглядит очень скромно.

В Варшаве знали об истинных планах крымского хана и П. Дорошенко, знали о подготовке ими антипольского похода, что называется из первых рук¹⁸⁹, однако никаких решительных мер предпринять не могли. Это дало возможность П. Дорошенко и Адиль-Гирею до августа 1666 г. сконцентрировать силы для нанесения удара по Речи Посполитой. Положение здесь к 1666 г. становилось отчаянным. Внутри страны продолжалась гражданская война, известная как «рокош Любомирского», союз с Крымом должен был окончательно рухнуть. В Польше и Литве все более и более понимали опасность союза П. Дорошенко с Крымом, в котором хан (вне зависимости от планов гетмана) «имел целью оторвать остатки этого края (Украины. – Г.С.) от Речи Посполитой».

В этих условиях мир с Россией становился крайне необходим, но Варшава еще не была готова согласиться на условия мира, которые предлагали русские дипломаты. На мирных переговорах, возобновившихся 10 мая 1666 г. в деревне Андрусово под Смоленском, в течение долгого времени стороны не могли прийти к соглашению. В середине сентября руководитель русской делегации А.Л. Ордин-Нащокин рекомендовал царю либо идти на уступки, либо освободить его от посольства и поручить переговоры Н.И. Одоевскому, который был убежден в том, что Речь Посполитую следует ослабить сильным ударом на поле брани и только потом диктовать ей условия мира¹⁹⁰.

Глава российской делегации допустил, по мнению Н.И. Костомарова, явный просчет, он, скорее всего, плохо знал положение на Украине и не учитывал радикального изменения польско-татарских отношений. А.Л. Ордин-Нащокин считал Адиль-Гирея верным союзником короля и рекомендовал царю за крайне необходимый Вечный мир уступить всю Украину, сохранив за Россией только Смоленск и Северскую землю¹⁹¹.

Между тем осенью 1666 г. обстановка на Украине вновь изменилась в пользу России. В сентябре 1666 г. к П. Дорошенко подошли еще 30 тыс. из Крыма и он, собрав все силы, двинулся выбивать польские гарнизоны¹⁹². Произошел окончательный разрыв Адиль-Гирея и П. Дорошенко с Речью Посполитой. Часть казацко-татарских сил осадила и блокировала Корсунь и Белую Церковь, взяла Калник. Другие двинулись на Брацлав. В середине декабря 1666 г. П. Дорошенко разбил крупный отряд полковника Маховского, после чего значительных сил у Речи Посполитой на Украине не осталось и казацко-татарские отряды устремились на запад, дошли до Бреста. Так далеко противникам Польши не удавалось продвинуться даже при Б. Хмельником. Этот удар по Речи Посполитой был особенно сильным. Захватили в плен не менее 40 тыс. человек. Добыча оказалась так велика, что полоняников везли в каретах, награбленных в шляхетских имениях¹⁹³.

После такого удара Варшава постаралась быстрее завершить переговоры в Андрусове о мире. Рада сената 20/30 декабря постановила: немедленно принять все условия русской стороны и заключить договор о длительном перемирии, уступив все требуемые ею земли и города, довольствуясь вза-

мен денежной компенсацией. Одновременно послам рекомендовалось категорически настаивать только на заключении союза против Османской империи и Крыма. Сообщая это решение комиссарам на переговорах, король от себя добавил: «То, что в этом ордонансе нашем выражено, чтоб любезности и вельможности ваши без всякого сомнения к совершению привели, ибо иначе должна наступить гибель Отчизны нашей»¹⁹⁴.

Благодаря произошедшим изменениям в позиции польской стороны в конце января 1667 г. в Андрусове был заключен договор о перемирии между Россией и Речью Посполитой на 13,5 лет. По его условиям к России отходили Смоленск, Левобережная Украина и Киев, а над Запорожьем устанавливался совместный русско-польский протекторат (кондоминиум). Однако значение соглашения заключалось не только в том, что оно положило конец долгой войне между двумя восточноевропейскими государствами. Было принято решение о выработке дипломатических и военных мер сдерживания претензий хана и султана на украинские земли. Заключение договора свидетельствовало о том, что правящие круги и в Речи Посполитой, и в России стали осознавать необходимость соединения своих сил, чтобы совместно дать отпор внешней угрозе со стороны Крыма и стоявшей за его спиной Османской империи. В истории международных отношений в Восточной Европе начинался новый этап.

¹ Об отношениях государств Восточной Европы с Османской империей и Крымом в 1654 г. см. подробнее: *Заборовский Л.В.* Порта, Крымское ханство и государства Центральной и Восточной Европы в 1648–1651 гг. // *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.* Ч.1. М., 1998. С.214–219.

² ДБХ. С. 383, 395.

³ АЮЗР.Т.ХIV. С.71.

⁴ *Jakuba Micháľowskiego.* S. 734.

⁵ *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн.4. Богдан Хмельницкий. СПб., 1904. С. 583.

⁶ *Грушевський М.С.* Історія України – Руси. Т.9. Ч.2. Київ, 1931. С.956.

⁷ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 562.

⁸ РГАДА. Ф.123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1654 г. Стб. 3. Л. 86.

⁹ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство... С. 562.

¹⁰ *Wójcik Z.* Dyplomacja polska w okresie wojen drugiej połowy XVII wieku (1648–1699)//*Historia Dyplomacji polskiej.* Т.II. 1574–1795. W., 1982. S.199.

¹¹ ДБХ. С. 409.

¹² *Грушевський М.С.* Історія ... С.1048.

¹³ *Jakuba Micháľowskiego.* S. 745–746.

¹⁴ *Санин Г.А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М., 1987. С. 145.

¹⁵ Там же. С. 116.

¹⁶ *Грушевський М.С.* Історія ... С.1056.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ РГАДА. Ф.210. Разрядный приказ. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 385.

- ²⁰ Кампан О.С. Міста України в другій половині XVII ст. Київ, 1963. С. 67.
- ²¹ Jakuba Michałowskiego. S. 749.
- ²² РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л.99–99 об.
- ²³ *Wójcik Z. Dyplomacja...* s. 199.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1654 г. Кн. 35. Л. 121–141.
- ²⁵ Там же. Кн. 37. Л. 62.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. Л. 87–87 об.
- ²⁸ Там же. Л. 83.
- ²⁹ Там же. Л. 88–88 об.
- ³⁰ Там же. Л. 136–152.
- ³¹ Там же. Л. 182–182 об.
- ³² ДБХ. С. 393.
- ³³ АЮЗР. Т. XIV. С. 97.
- ³⁴ ДБХ. С. 393.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Санин Г.А. Отношения... С. 102.
- ³⁷ Грушевський М.С. Історія ... С.921–922.
- ³⁸ ДБХ. С. 121.
- ³⁹ АЮЗР Т. XIV. С. 115.
- ⁴⁰ Грушевський М.С. Історія ... С.1032.
- ⁴¹ АЮЗР Т. XIV. С. 562.
- ⁴² Там же. С. 559 – 562.
- ⁴³ Костомаров Н.И. Исторические монографии... Кн.4. С. 607–608.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л.40.
- ⁴⁵ Там же. Л. 196.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. Стб. 2. Л. 85–86. Ввиду отъезда царя в армию Г.С.Куракин был оставлен в Москве для ведения дел – Жерела ... Т. XII. С. 346.
- ⁴⁷ РИБ. Т. XXXI. Донские дела. С. 22, 45.
- ⁴⁸ Грушевський М.С. Історія ... С.1089, 1090.
- ⁴⁹ РИБ. Т. XXXII. Донские дела. С. 53.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ ДБХ. С. 422.
- ⁵² РИБ. Т. XXXII. С. 46.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1655 г. Кн. 37. Л. 193.
- ⁵⁴ Там же. Л. 166; ДБХ. С. 422.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 34. Л. 196.
- ⁵⁶ *Baranowski B. Tatarszczyzna wobec wojny polsko-szwedzkiej w latach 1655–1660 // Polska w okresie drugiej wojny północnej.* Т.І. W., 1957. S. 468.
- ⁵⁷ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Белгородский стол. Стб. 362. Л. 342–346.
- ⁵⁸ Грушевський М.С. Історія ... С.1126–1127.
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 335.
- ⁶⁰ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 220 об.
- ⁶¹ Санин Г.А. Отношения... С. 107–114; Грушевський М.С. Історія ... С. 1140–1148; РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 323–327; ДБХ. С. 463; Жерела. Т. XII. С. 368, 374.
- ⁶² Санин Г.А. Отношения... С. 107–108.
- ⁶³ *Baranowski B. Tatarszczyzna ...* S. 470 – 473.
- ⁶⁴ Санин Г.А. Отношения... С. 179–182.

- ⁶⁵ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1. (Австрия, Англия. Голландия, Дания, Италия). М., 1894. С. 20; Форстен Г.Ф. Сношения Швеции и России во 2-й половине XVII в. // ЖМНП. 1898. №2.
- ⁶⁶ *Wójcik Z. Dyplomacja...* S. 205.
- ⁶⁷ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1655 г. Кн. 37. Л. 243.
- ⁶⁸ *Baranowski B. Tatarszczyzna ...* S.474 – 475.
- ⁶⁹ Грушевський М.С. Історія ... С. 1179.
- ⁷⁰ Санин Г.А. Отношения... С. 116–120.
- ⁷¹ *Wójcik Z. Dyplomacja...* S. 205.
- ⁷² Грушевський М.С. Історія ... С. 1177.
- ⁷³ ДБХ. С. 475.
- ⁷⁴ Жерела. Т. XII. С. 382.
- ⁷⁵ Там же. С. 383.
- ⁷⁶ *Baranowski B. Tatarszczyzna ...* S.479 – 481.
- ⁷⁷ *Wójcik Z. Dyplomacja...* S. 206.
- ⁷⁸ *Baranowski B. Tatarszczyzna ...* S.472.
- ⁷⁹ РГАДА. Ф.79. Сношения России с Польшей. 1656 г. № 30. Л. 86.
- ⁸⁰ Архив ЮЗР. Ч. 3. Т. VI. С. 159, 161, 201–207.
- ⁸¹ *Baranowski B. Tatarszczyzna ...* S.476, 482.
- ⁸² РГАДА. Ф.123. Сношения России с Крымом. Оп.1. Кн. 40. Л. 486 – 487.
- ⁸³ ДБХ. С. 573; АЮЗР. Т. 11. С. 693.
- ⁸⁴ *Baranowski B. Tatarszczyzna ...* S. 478.
- ⁸⁵ Санин Г.А. Отношения... С. 177–184.
- ⁸⁶ Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М., 1981.
- ⁸⁷ *Kubala L. Wójna brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656 i 1657. Lwów, 1917. S. 131, 134.*
- ⁸⁸ См. письма хана Мехмеда-Гирея Яну Казимиру. Опубл.: *Kubala L. Wójna brandenburska...* S. 431–432.
- ⁸⁹ *Herbst S. Wójna obronna 1655–1660// Polska w okresie drugiej wojny północnej. T.2. Rozprawy. W., 1957.*
- ⁹⁰ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 368–369.
- ⁹¹ АЮЗР Т. IV. С. 57.
- ⁹² Грушевський М.С. Історія ... Т. 10. Ч. 1. Київ, 1937. С. 64.
- ⁹³ Там же. С. 65.
- ⁹⁴ *Wójcik Z. Dyplomacja...* S. 176, 178.
- ⁹⁵ Грушевський М.С. Історія ... Т.10. Ч.1. С. 6.
- ⁹⁶ Там же. С. 18.
- ⁹⁷ Там же. С. 19.
- ⁹⁸ Там же. С. 32.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 73.
- ¹⁰¹ Там же. С. 74.
- ¹⁰² АЮЗР. Т. VII. С. 180–181, 186.
- ¹⁰³ Грушевський М.С. Історія ... Т.10. Ч.1. С. 88.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 56 – 58.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 87.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 145.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 148–149.
- ¹⁰⁸ АЮЗР. Т. IV. С. 87–88.
- ¹⁰⁹ *Baranowski B. Tatarszczyzna ...* S. 484.

- 110 *Грушевський М.С.* Історія ... Т.10. Ч.1. С. 150–152.
- 111 Там же. С. 150.
- 112 АЮЗР. Т. IV. С. 5, 6.
- 113 *Грушевський М.С.* Історія ... Т.10. Ч.1. С. 11.
- 114 Там же. С. 40.
- 115 Там же. С. 89.
- 116 *Wójcik Z.* Dyplomacja... S. 180, 205.
- 117 *Kubala L.* Wojny duńskie i pokój Oliwski. 1657–1660. Lwów, 1922. S. 538, 541.
- 118 *Яковлева Т.Г.* Генезис государственной идеи в Украине на примере договоров с Польшей и Россией. // Россия и Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 51–60.
- 119 *Санин Г.А.* Внешняя политика России во 2-й половине XVII в. // История внешней политики России. Конец XV – XVII век. М., 1999. С. 317–318.
- 120 *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. VI. М., 1961. С. 39.
- 121 *Новосельский А.А.* Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие. М., 1994. С. 38.
- 122 Там же. С. 65.
- 123 Там же. С. 39.
- 124 Там же.
- 125 Там же.
- 126 Там же. С. 33.
- 127 Вся русская армия в 1654 г. насчитывала около 70 тыс. чел. (*Санин Г.А.* Отношения ... С. 62–63; *Мальцев А.Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974. С. 25–34.). В 1680 г. численность армии России составляла 127 605 чел. (*Чернов А.В.* Вооруженные силы // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М. 1955. С. 448.). Скорее всего корпус А.В. Трубецкого насчитывал 15 тыс., именно столько смогли снять с обороны южных границ и направить на Украину в помощь Б.Хмельницкому в 1654–1655 гг. (*Санин Г.А.* Отношения... С. 142.).
- 128 *Новосельский А.А.* Исследования... С. 64–65.
- 129 *Соловьев С.М.* История России... С.50–51.
- 130 *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 279; *Новосельский А.А.* Исследования... С.69–70.
- 131 *Соловьев С.М.* История России... С. 51.
- 132 *Яворницький Д.І.* Історія запорозьких козаків. У трьох томах. Т.2. Київ, 1990. С. 233.
- 133 *Санин Г.А.* Южная граница России во 2-й половине XVII–1-й половине XVIII вв. – Russian History/ Histoire Russe. Wol. 19. № 1- 4. Frontier in Russian History. Chicago, 1992. S. 433 – 439.
- 134 АЮЗР. Т. IV. С. 265–266.
- 135 Там же. С. 264.
- 136 *Varanowski B.* Tatarszczyzna ... S. 488.
- 137 Ibid. S. 488 – 489; *Wójcik Z.* Dyplomacja... S. 217.
- 138 *Wójcik Z.* Dyplomacja... S.218.
- 139 *Соловьев С.М.* История России... С. 89–91.
- 140 *Новосельский А.А.* Исследования... С.42, 43.
- 141 *Wójcik Z.* Dyplomacja... S. 183.
- 142 *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski 1667 roku i jego geneza. W., 1959. S. 58 – 59.
- 143 Ibid. S. 64 –65.
- 144 Ibid. S.71-72.
- 145 Ibid. S. 79.
- 146 Ibid. S. 80.
- 147 *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. 6. Т. XV. Руина. Гетманство Бруховецкого, Многогрешного, Самойловича. СПб., 1905. С. 6 –9.

- ¹⁴⁸ Там же. С. 9.
- ¹⁴⁹ Там же. По сведениям, полученным от взятых под Полтавой татарских языков, хан в июле 1662 г. все же послал «на венгров» (поданных «немецкого императора») 4 мурз с четырехтысячным отрядом. (*Новосельский А.А.* Исследования... С. 75.)
- ¹⁵⁰ *Галактионов И.В.* Россия и Речь Посполитая на заключительном этапе русско-польской войны третьей четверти XVII в.//Славянский сборник. Вып. 5. Саратов, 1993. С. 36, 40, 44.
- ¹⁵¹ *Новосельский А.А.* Исследования... С. 74–75.
- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ Там же. С. 75; *Костомаров Н.И.* Исторические монографии... Кн. 6. Т. XV. С.11.
- ¹⁵⁴ *Костомаров Н.И.* Исторические монографии... Кн. 6. Т. XV. С.19.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 20–21.
- ¹⁵⁶ *Новосельский А.А.* Исследования... С. 76.
- ¹⁵⁷ АЮЗР. Т. V. С. 150.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 153–154.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 164.
- ¹⁶⁰ *Костомаров Н.И.* Исторические монографии... Кн. 6. Т. XV. С.32.
- ¹⁶¹ АЮЗР. Т. V. С. 203. По мнению В.Д. Смирнова, участие хана в «венгерской войне» был минимальным. Он явно по принуждению послал туда своего сына Ахмед-Гирея с незначительными силами в 15–20 тыс., сославшись на необходимость защищать Крым от казаков и калмыков. (*Смирнов В.Д.* Крымское ханство... С. 570, 571.)
- ¹⁶² АЮЗР. Т. V. С.199.
- ¹⁶³ К истории Андрусовского перемирия 1667 г.// Исторический архив. 1959. № 6. С.84.
- ¹⁶⁴ Там же.
- ¹⁶⁵ АЮЗР. Т. V. С.201.
- ¹⁶⁶ Там же.
- ¹⁶⁷ Там же.
- ¹⁶⁸ Там же.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 203.
- ¹⁷⁰ *Костомаров Н.И.* Исторические монографии... Кн. 6. Т. XV. С.45.
- ¹⁷¹ Там же. С. 46.
- ¹⁷² ВУР. Т.III. С. 387.
- ¹⁷³ АЮЗР. Т. IV. С. 255.
- ¹⁷⁴ *Савин Г.А.* Некоторые черты политики гетмана Петра Дорошенко // Українське козацтво: витоки, еволюція, спадщина. Вип. II. Київ, 1993. С. 18–27.
- ¹⁷⁵ *Костомаров Н.И.* Исторические монографии... Кн. 6. Т. XV. С. 49.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльності. Нью-Йорк, 1985. С. 77.
- ¹⁷⁸ АЮЗР. Т. VI. С. 76.
- ¹⁷⁹ *Костомаров Н.И.* Исторические монографии... Кн. 6. Т. XV. С.52.
- ¹⁸⁰ *Дорошенко Д.* Гетьман... С.79.
- ¹⁸¹ АЮЗР. Т. VI. С. 112.
- ¹⁸² Там же.
- ¹⁸³ *Wójcik Z.* Traktat... S. 221–222.
- ¹⁸⁴ *Костомаров Н.И.* Исторические монографии... Кн. 6. Т. XV. С.67, 71, 72.
- ¹⁸⁵ АЮЗР. Т. VI. С. 86.
- ¹⁸⁶ Там же. С. 94.
- ¹⁸⁷ Там же. С. 125.
- ¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ См.: Письмо чигиринского коменданта Жебровского от 15 июля 1666 г. – Там же. С. 117–118.

¹⁹⁰ Галактионов И.В. Из истории русско-польского сближения в 50–60-х гг. XVII в. (Андрусовское перемирие 1667 г.). Саратов, 1960. С. 90–93.

¹⁹¹ Там же. С. 93.

¹⁹² АЮЗР. Т. 6. С. 156.

¹⁹³ Там же. С. 172.

¹⁹⁴ *Wójcik Z. Dyplomacja...* S.223.

НАЧАЛО ОТКРЫТОЙ ОСМАНСКОЙ ЭКСПАНСИИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (1667–1671 гг.)

Известно, что заключенный в январе 1667 г. мир в Андрусово не был только соглашением о перемирии, положившим конец длительной войне между Россией и Речью Посполитой. Он был одновременно и договором о союзе, о проведении обоими государствами совместной политики по отношению к соседям, среди которых не последнее место занимали Крым и Османская империя¹. 19-я статья договора устанавливала, чтобы оба государя, царь и король, обратились к султану, предлагая, «чтоб цесарь турецкой, прежнее приятство подтвердив, хану крымскому приказал в соседстве спокойно пребывати». Предшествующая 18-я статья предполагала обращение и к крымскому хану с предложением, «чтоб для соседства ... был с нашим великим государем в общей дружбе и в любительных ссылках, а от войны достаточно перестал». При благоприятной реакции со стороны хана предусматривалась возможность трехстороннего мирного соглашения между Россией, Речью Посполитой и Крымом². Если хан не согласится заключить мир, а султан будет его поддерживать, на этот случай соглашением подтверждалась готовность «общими силами и войски отпор бусурманам во всякой потребе, с обеих сторон свои силы соединяючи, обои великие государи наши давать будут».

Возможность войны таким образом не исключалась, но правящие круги обоих государств явно надеялись, что до этого не дойдет. Убеждение Москвы в том, что самого заключения русско-польского союза будет достаточно, чтобы положить конец вмешательству Крыма и Османской империи на территории Украины, нашло яркое выражение в записках А.Л. Ордина-Нащокина, являвшегося после заключения Андрусовского договора руководителем Посольского приказа и ближайшим советником царя. Если будет заключен такой союз, писал А.Л. Ордин-Нащокин, то «военные погрозы от турка минутца и будет в соседстве склонен и войну свою отложит», тем более, если удастся добиться присоединения к этому союзу «цесаря», который «и иных государей подвигнет» сделать то же. И крымский хан, когда «услышит ... союз меж теми обоими государствами, отставит свои великие запросы, а рад будет без шкоды дружбу держать и отдален будет великим страхом от тех обоих государств для их союзу»³.

Первой к осуществлению задуманного плана приступила Речь Посполитая, направив сразу после заключения перемирия посольство в Стамбул во главе с И. Радзеевским, которое должно было информировать султана о заключении Андрусовского договора и добиться подтверждения мирных соглашений между Речью Посполитой и Османской империей⁴. Летом 1667 г. после возвращения из Стамбула русского гонца Василия Тяпкина и русское правительство направило ко двору султана свое посольство во главе с А. Нестеровым⁵.

Царь Алексей Михайлович, извещая султана о заключении русско-польского перемирия, высказывал при этом пожелание, чтобы султан приказал крымскому хану, «чтоб он в соседстве с нами, обоими великими государями, спокойно пребывал и до войны никакого случая не давал», чтобы соединенные войска обоих государств, «смешався с ордою, на юрты разорением не поступили»⁶. Такая недвусмысленная угроза войной должна была удержать султана от вмешательства в восточноевропейские дела. С решением этой задачи было тесно связано и другое поручение посольству А. Нестерова. В грамоте султана, доставленной в мае 1667 г. В. Тяпкиным, при формулировании тех условий, на которых возможно сохранение «дружбы» между Россией и Османской империей, указывалось, что русская сторона должна «шкоды никакие не чинить тем людям, которые ево салтановы области живут на крымской стороне ... а ныне по его указу владеет Адиль-Гирей хан»⁷. Это было выраженное в скрытой форме притязание на признание верховной власти султана над украинскими казаками, и так оно и было понято в Москве⁸. В связи с этим посольству А. Нестерова поручалось добиться от султана, чтобы он не велел «подговаривать» и «принимать» под свою власть «в Украине своевольных и злых людей, которые на обе стороны людцкую кровь проливают ... и в Украине разоренье чинят»⁹.

Тогда же, летом 1667 г., из Москвы в Вену было отправлено посольство во главе с И. Желябужским. Помимо доставки «цесарю» Леопольду I информации о заключении Андрусовского договора русский дипломат имел задание добиваться присоединения Австрии к русско-польскому союзу против «бусурман». Такой союз заставил бы Османскую империю соблюдать мир с северными соседями¹⁰.

Раньше, чем с другими государствами, русское правительство хотело начать мирные переговоры с Крымом. Уже зимой 1667 г. в Москве снарядили посольство во главе с Е. Ладыженским, которое должно было ознакомить хана с текстом Андрусовского договора и объявить ему, что, если он не захочет прекратить войны, то Россия и Речь Посполитая будут «на него стоять общими силами». Однако до Крыма посольство не доехало: 21 мая в нижнем течении Днепра члены посольства были убиты запорожскими казаками. Поэтому лишь в июле 1667 г. из Москвы смогли отправить новое посольство для переговоров с ханом¹¹. Послам поручалось сообщить крымским представителям (переговоры предполагалось провести на Дону в районе Азова) о союзе, заключенном между Россией и Речью Посполитой, и о принятом ими решении о «случении» сил для борьбы с «бусурманами». Мир с Россией возможен только в случае установления мирных отношений меж-

ду Речью Посполитой и Крымом, а для этого необходимо, чтобы крымские войска «из войны поворотили в Крым без плену и без разорения»¹². Хану Адиль-Гирею царь тогда же писал, что в заключении мирного соглашения должны участвовать послы Речи Посполитой. Очевидно, имелась в виду выработка того трехстороннего соглашения, о котором говорилось уже в тексте Андрусовского договора.

Каковы же были результаты предпринятых дипломатических акций? Сразу следует отметить, что попытки России, как и аналогичные попытки Речи Посполитой, добиться присоединения к русско-польскому союзу Австрии, оказались безрезультатными¹³. Не оказало заключение Андрусовского договора и на Порту такого воздействия, которого ожидали русские и польские политики. Известие о нем было воспринято в Стамбуле с нескрываемой враждебностью. Польскому послу И. Радзеевскому, а затем (после его смерти) его преемнику Ф. Высоцкому было заявлено, что, если Речь Посполитая хочет сохранить мир с Османской империей, она должна разорвать свое соглашение с Россией¹⁴. Хотя после долгих и трудных переговоров посольству удалось добиться подтверждения мирного договора, заключенного между Речью Посполитой и Османской империей в 1640 г., в Стамбуле ясно дали понять, что на сохранение мира Речь Посполитая может рассчитывать лишь в случае отказа от каких-либо притязаний на суверенитет над украинскими казаками. В то самое время, когда И. Радзеевский находился в Стамбуле, 6 июля 1667 г. здесь принимали послов гетмана П. Дорошенко, которые заявили, что они так же далеки от дружбы с Речью Посполитой и подчинения ей, как небо от земли¹⁵. В грамоте султана Мехмеда IV от 21 июля 1667 г. королю Яну Казимиру говорилось о «народе казацком», который отдался под покровительство султана, и поэтому, если Речь Посполитая хочет сохранения мира, она не должна наносить ущерба его новым подданным¹⁶. Так, подтвердив мирный договор 1640 г., Османская империя одновременно создавала формальные основания для войны с Речью Посполитой к тому времени, когда будет завершена борьба с Венецией за остров Крит.

Несколько иной характер носили переговоры Порты с русским посольством. Если Речь Посполитая была явно первоочередным объектом османской экспансии, то с Россией в Стамбуле хотели бы сохранить мир, чтобы не вести войну с двумя противниками одновременно. Послов царя при дворе султана приняли «с великою честью»¹⁷. Русским послам здесь заявили, что крымскому хану будет приказано сохранить мир с Россией, а если он нарушит приказ, то султан «хану велит наказание учинить, да не токмо что наказание смертью велит казнить»¹⁸. Были удовлетворены и некоторые другие пожелания русской стороны: так, по просьбе царя султан вернул патриаршие кафедры Макарию Антиохийскому и Паисию Александрийскому, которые участвовали в суде над патриархом Никоном¹⁹.

Вместе с тем в Стамбуле резко отклонили попытки русских дипломатов отстаивать интересы Речи Посполитой («за польского короля вам, посла, стоять и говорить не о чем»), разъясняя, что «польский король у великого государя нашего, у его салтанова величества, в подданстве и холопстве

как крымской хан»²⁰. В такой своеобразной форме русской стороне давали понять, что все связанное с Речью Посполитой входит в сферу османских интересов, и Россия здесь не должна вмешиваться, если желает жить в мире с Османской империей.

Еще более определенно каймакам продемонстрировал на переговорах притязания Стамбула на обладание Украиной, куда султан не намерен допускать польскую власть: «Салтанову величеству ведомо есть, которые черкасы в соединенье с ханом крымским, и служат салтанову величеству и на них ... хочет приходиться войною польской король и салтаново, де, величество указал послать свой указ крымскому хану, чтобы он, крымский хан, со всею ордою ... шел войною в Польшу»²¹. В грамоте султана, отправленной в Москву в А. Нестеровым, содержалось требование «холопа нашего хана подданным, запорожским казакам, из вашей стороны на них бы ратных людей не посылать»²². Все это не оставляло никаких сомнений в том, что заключение Андрусовского договора отнюдь не заставило Османскую империю отказаться от притязаний на Украину. Вместе с тем в ее отношении к двум державам, подписавшим договор, налицо были существенные нюансы. Перед Речью Посполитой был поставлен четкий выбор – или отказ от Украины, или война. России же предлагали мир при условии, что она не будет вмешиваться в польско-османский спор.

Наиболее резкой оказалась реакция на происходившие события со стороны Крымского ханства. Как бы демонстративно игнорируя новую реальность, хан продолжал вместе с казаками гетмана П. Дорошенко военные действия против Речи Посполитой, заявляя, что причиной войны является заключение Андрусовского договора²³. Военные действия приобрели особенно масштабный характер с августа 1667 г., когда орда во главе с калгой – вторым лицом в ханстве – и казацкое войско, возглавляемое П. Дорошенко, вторглись на Волынь. Однако командующий коронной армией гетман Ян Собеский сумел организовать эффективное сопротивление продвижению орды. «Загоны», рассыпавшиеся для захвата «ясыря», подвергались нападениям отрядов польской конницы и несли потери, а предпринятый ордой штурм укрепленного лагеря Собеского у Подгаец был отбит²⁴. В то время, когда орда стояла на Волыни, в Крым дважды вторгались запорожцы. По свидетельству и польских, и русских источников, эти нападения по своему масштабу вышли далеко за рамки обычных набегов. Как сообщали польские послы, в Крыму во владениях крупнейших представителей крымской знати Ширинов остались только «коты и псы»²⁵.

В результате калга оказался вынужденным пойти на установление мира с Речью Посполитой. Так называемый Подгаецкий договор, заключенный в октябре 1667 г. калгой Крым-Гиреем и Яном Собеским, был в апреле 1668 г. подтвержден ханом и соблюдался обеими сторонами на протяжении нескольких лет. Между государствами восстанавливались мирные отношения и хан обязывался не посылать войска на Украину «без воли Его Королевской Милости и всей Речи Посполитой». Казаки должны были быть приняты «как подданные до ласки Его Королевской милости», а условия их подчинения определены на переговорах с назначенными сеймом польскими представи-

телями²⁶. Отношения Речи Посполитой и Запорожского Войска регулировали два других документа²⁷. Один из них предусматривал, что Запорожское Войско принесет присягу на верность королю и не будет пытаться распространять свою власть на соседние польские земли. Однако и гетман Я. Собеский обязывался до заключения соглашения о статусе Запорожского Войска не вводить военные силы на занятые казаками территории. В этой части договор был просто соглашением о перемирии между Речью Посполитой и Запорожским Войском. Кроме того, П. Дорошенко от имени Запорожского Войска принес присягу, в которой содержалось обязательство отказаться от поисков «всякой посторонней протекции» и не поддерживать отношения с другими государствами без ведома короля и Речи Посполитой.

П. Дорошенко был вынужден пойти на такое соглашение, так как этого захотел крымский хан. Какие расчеты связывала с договором крымская знать, позволяет выяснить текст присяги, принесенной ханом при подтверждении Подгаецкого договора²⁸. О казаках в этом документе говорилось как о «подданных» польского короля, но находящихся «на службе» у хана. Хан гарантировал им, что их не постигнет «кривда» со стороны польского короля, а королю он обещал, что будет умирять казаков, если они нарушат соглашение. Текст этого документа показывает, что Крым хотел бы восстановления на Правобережной Украине системы отношений, существовавшей в первые годы гетманства Б. Хмельницкого, когда хан выступал в роли своего рода верховного арбитра в спорах между Речью Посполитой и Запорожским Войском, что ставило обе стороны в определенную зависимость от него. Казацкую верхушку на Правобережной Украине такое положение дел не устраивало и с этого момента в отношениях между гетманом П. Дорошенко и Крымом начинают постепенно намечаться расхождения интересов.

Существовал и еще один важный мотив для заключения мирного договора между Крымом и Польшей. События осени 1667 г. стали отрезвляющим уроком для хана и крымской знати. Если орда не смогла преодолеть сопротивление сравнительно небольшой армии Я. Собеского, то в каком бы она оказалась положении, став объектом совместного нападения войск России, Речи Посполитой и запорожцев. От Османской империи, все еще занятой войной на Крите, ханство не смогло бы получить значительной военной помощи. Все это не позволяло игнорировать мирные инициативы, исходившие от России и Речи Посполитой. Напротив, в Крыму решили заручиться содействием польской стороны на мирных переговорах с Россией. Хан распорядился освободить наиболее знатных польских пленных, захваченных в декабре 1666 г., и отправил их в Варшаву со своим послом Абди-агой, который заявил королю, что хан в соответствии со сделанными предложениями готов быть третьим участником мирного соглашения. В апреле 1668 г. крымский посол был отправлен в Москву для участия в трехсторонних переговорах о мире. Здесь была достигнута договоренность о созыве съезда представителей трех государств под Киевом²⁹.

В конце 1667 г. в Москве состоялись новые польско-русские переговоры, результаты которых имели важное значение для дальнейшего развития международной ситуации в Восточной Европе³⁰. Великое посольство во

главе с одним из лучших польских дипломатов С.К. Беневским добивалось, чтобы как можно скорее направить на Украину вместе с войсками Речи Посполитой русские войска, чтобы силой заставить казаков подчиниться власти польского короля и изгнать оттуда татар³¹. Очевидно, что Речь Посполитая не собиралась соблюдать условия Подгаецкого договора, обеспечившие лишь формальное подчинение ей Запорожского Войска, и серьезно намеревалась восстановить свою власть на Правобережной Украине с русской военной помощью. При этом, по расчетам польских правящих кругов, этой военной помощью участие России в событиях и должно было ограничиться, все переговоры со своими «подданными» представители Речи Посполитой должны были вести совершенно самостоятельно.

На переговорах русская сторона подняла вопрос о наступательной войне против Османской империи: русские войска должны были наступать через Перекоп на Крым, а польско-литовские идти к Дунаю на Белград³². Из этого следует, что планы «умиротворения» Восточной Европы, выдвигавшиеся А.Л. Ординым-Нащокиным, не исчерпывали взглядов русской политической элиты, в Москве имелись, очевидно, и сторонники решительных действий против Османской империи. Представители Речи Посполитой отклонили русские планы и в результате были приняты польско-литовские предложения. Русская сторона пошла навстречу этим предложениям. В договор, заключенный в Москве 14 декабря 1667 г., было внесено условие, что царь будет «случать» «в Украине меж Днепром и Днестром» свою 25-тыс. армию с войсками Речи Посполитой «на очищения от татар Украины и еже привести непослушных к послушенству казаков»³³. В конце 1667 г. на Украину дали знать о намерении царя Алексея Михайловича в сопровождении значительного войска посетить Киево-Печерский монастырь³⁴.

Все это можно было бы рассматривать как шаг на пути выполнения Московского договора, но, как показал последующий ход событий, русские правящие круги вкладывали в этот документ несколько иной смысл, чем политики Речи Посполитой. Для Москвы особое значение имела преамбула документа, где указывалось, что, прежде чем использовать силу, следует попытаться убедить казаков «за обыскою обоих великих государей или которого ни есть из них», чтобы они «от бусурман отлучились». Появление этой преамбулы было плодом дипломатических усилий А.Л. Ордина-Нащокина, который на переговорах настаивал, что следует «милостью отступные народы в послушание привести», и добился согласия польско-литовских дипломатов вести переговоры с казаками П. Дорошенко³⁵. Оговорка, что такие переговоры может вести и один из государей, создавала законную основу для самостоятельных переговоров России с гетманом Правобережной Украины. Русское правительство понимало, что с заключением Московского договора П. Дорошенко оказался в тяжелом положении, и хотело предложить ему приемлемый, как здесь представлялось, выход: разрыв союза с татарами и переход под верховную власть царя. По убеждению главы Посольского приказа А.Л. Ордина-Нащокина, такой акт вовсе не находился бы в противоречии с комплексом русско-польских соглашений 1667 г.: в соответствии с этими договорами, по его мнению,

не имело значения, в чьем подданстве будут находиться казаки Правобережья, «только б от бусурман отлучились»³⁶.

Русский канцлер рассчитывал, что православное духовенство Украины может стать той силой, которая побудит гетмана подчиниться власти царя. В своей переписке с русским правительством П. Дорошенко постоянно указывал, что заключил союз с татарами для защиты православных на Украине от насилия со стороны католиков. Так, 1 января 1668 г., порицая русское правительство за заключение Андрусовского договора, он писал, что в «Белорусских градах», уступленных по этому договору Речи Посполитой, «ни единыя церкви благочестивым християнам имети невольню»³⁷. В Москве с основанием полагали, что царь Алексей Михайлович может быть лучшим защитником православия, чем крымский хан или султан, и потому могут рассчитывать на поддержку своей политики православным духовенством. И действительно, уже 1 сентября 1667 г. архимандрит Киево-Печерского монастыря Иннокентий Гизель обратился к гетману П. Дорошенко с настойчивым увещанием отказаться от попыток «искати себе обороны у бусурман». В письме, содержащем в себе первые зародыши идей, которые легли затем в основу «Синописа», архимандрит не только указывал на тяжелую судьбу южных славян и греков под османским игом, но и призывал гетмана вспомнить о славных временах в прошлом, когда «народы Российские во всяком изобилии пребывали и всему свету страшны бывали ... за державою ... великих князей Российских, егда им народ Русский верно работал, а между собою никаких раздоров не имел»³⁸. Однако, забегая вперед, следует отметить, что взгляды Гизеля вовсе не были характерны для верхушки православного духовенства Правобережной Украины. В феврале 1668 г. ко двору султана прибыли казацкие послы, добивавшиеся от константинопольского патриарха Мефодия благословенной грамоты на киевскую митрополию для лидера православного духовенства и ближайшего сподвижника П. Дорошенко Иосифа Тукальского; благодаря поддержке султана эти старания быстро достигли успеха³⁹.

Проведение переговоров с П. Дорошенко поручалось стряпчему В.М. Тяпкину, тому самому человеку, который должен был известить население Украины об ожидающемся приезде Алексея Михайловича. По-видимому, в Москве полагали, что это заставит гетмана поторопиться с принятием русской «протекции». Переговоры В.М. Тяпкина с П. Дорошенко и его приближенными в декабре 1667–январе 1668 г. закончились безрезультатно⁴⁰. Гетман не отвергал «протекции» царя, но при условии, что под его власть будет передана Левобережная Украина и с ее территории будут выведены русские войска и представители русской администрации. В таких условиях зависимость нового политического образования от Москвы стала бы чисто формальной, что вряд ли устроило бы русское правительство.

П. Дорошенко оказался гораздо более искусным политиком, чем думали в Москве, и сумел использовать шаги, предпринятые русским правительством на рубеже 1667–1668 гг., в своих интересах. Внимательно наблюдая за положением на Левобережной Украине, гетман пришел к выводу, что наступил благоприятный момент для объединения украинских земель по обе-



Портрет царя Алексея Михайловича. ГИМ

им сторонам Днепра под его властью. На протяжении 1666–1667 гг. быстро нарастало недовольство населения Левобережной Украины московской властью. Главной его причиной стали проводившиеся русским правительством реформы, направленные на ограничение автономии гетманства. Во многие украинские города были введены московские гарнизоны, проводилась перепись жителей, мещане и крестьяне облагались налогами в пользу царской казны, выбивать которые из населения должны были царские воеводы. Все это вело к резким трениям между русской администрацией и населением. В январе 1668 г. киевский воевода с тревогой писал в Москву, что «мещане

и уездные люди, которые в переписных книгах написаны, ему ... непослушны и написались в казаки мало не все ... и в твою ... великого государя казну никаких доходов не дают и вперед платить не хотят»⁴¹. На эту главную причину недовольства наслаивались другие. Уже само заключение Андрусовского мира, закрепившего раздел Украины на две части, было встречено в украинском обществе с недовольством. Особенно острую реакцию вызвали те постановления, где говорилось, что оба государства должны договориться между собой «о способу общей помощи», «когда бы украинских казаков общими войсками своими до своего послушания и подданства принуждать имели». На Украине такая формулировка воспринималась как соглашение двух правительств об искоренении «казачества» по обеим сторонам Днепра. Один из людей, побывавших на Украине во второй половине 1667 г., сообщал в Посольском приказе, что, по мнению местных людей, «король и его царское величество мают едину порадую, что королевскому величеству своих казаков всех вырубить и малой детины не живить, а великому государю его царскому величеству также своих казаков всех не живить»⁴². Агенты П. Дорошенко, несомненно, содействовали распространению подобных слухов, а реформы, проводившиеся русским правительством, создавали такую обстановку, когда они воспринимались с полным доверием. Официальные известия о приходе на Украину Алексея Михайловича с войском воспринимались как веское подтверждение правильности этих слухов.

Резкие смены в настроениях населения заставили колебаться гетмана Левобережной Украины И. Брюховецкого, который, как известно, был инициатором реформ, проводившихся здесь с середины 60-х гг. П. Дорошенко сумел привлечь его на свою сторону, обещая отказаться в его пользу от гетманства после объединения украинских земель⁴³. После этого приближенные гетмана стали сами участвовать в распространении тревожных слухов. Его посланец, вернувшийся из Москвы, рассказывал, что А.Л. Ордин-Нащокин «на отпуску ... ему, бунчужному, будта говорил: пора уже Вас к Богу отпущать»⁴⁴. Обеспокоенное поступающими известиями русское правительство поспешило сообщить И. Брюховецкому, что сбор налогов будет передан в руки местного населения, но этот шаг опоздал.

В начале 1668 г. на Левобережной Украине началось восстание и большая часть русских гарнизонов в украинских городах была перебита⁴⁵. П. Дорошенко со своими полками перешел Днепр, местные казаки стали переходить на его сторону. В этих условиях ему легко удалось устранить И. Брюховецкого и стать гетманом «обеих сторон Днепра». Восстание застало русское правительство врасплох, в его распоряжении не оказалось больших военных сил, которые можно было бы сразу направить на Украину. Готовым к боевым действиям к концу весны 1668 г. был лишь стоявший в Белгороде полк Г.Г. Ромодановского, но и он, развернув в начале июня военные действия, столкнулся с превосходящими силами противника и был вынужден отступить⁴⁶. Только под Новгородом-Северским удалось добиться известного успеха⁴⁷.

И гетман П. Дорошенко, и его незадачливый конкурент понимали, что устранение русской власти на Левобережье и объединение украинских зе-

мель в одно государство должны столкнуться с враждебной реакцией со стороны России и Речи Посполитой. Поэтому на казацких радах, собравшихся почти одновременно в начале 1668 г. в Чигирине и в Гадяче, было принято решение просить о помощи крымского хана и султана⁴⁸. Если военная поддержка Крыма обеспечивала вытеснение с Левобережной Украины русских войск, то подчинение украинских земель верховной власти султана должно было заставить Россию и Речь Посполитую перед угрозой конфликта с Османской империей примириться с создавшимся положением. Как видно из отписок находившегося в Крыму подьячего Г. Михайлова, в начале марта к хану прибыли послы П. Дорошенко и И. Брюховецкого с сообщением о начавшемся восстании и с просьбой о помощи. На первое обращение хан, опасавшийся конфликта с Россией, никак не реагировал. Лишь после нового прихода послов П. Дорошенко «в черкасские города» были посланы Адилша-мурза Ширинский и Муратша-мурза Мансуров⁴⁹, но вплоть до выяснения обстановки хан старался маскировать свое участие в событиях: русским послам на Дону объяснили, что мурзы отправились в поход по своей инициативе, «наговоря черных (т.е. простых. – Б.Ф.) татар»⁵⁰. Когда П. Дорошенко в июле 1668 г. прислал хану пленных русских воевод как свидетельство достигнутых успехов, с колебаниями было покончено, и на Украину направился с большим войском калга Крым-Гирей⁵¹. Переговоры на Дону были прерваны.

Прекращению колебаний крымской знати способствовало весьма важное обстоятельство. Несмотря на неоднократные обращения русской стороны с просьбой о помощи⁵², польское правительство не только не направило крупные военные силы на Украину, но и заверило крымского хана, что будет соблюдать Подгаецкий договор; хану были срочно выплачены «залеглые упоминки» за два года⁵³. Такие действия несомненно были связаны с трудным положением, в котором оказалась в 1668–1669 гг. Речь Посполитая в связи с отречением от престола короля Яна Казимира и наступлением бескорольевья, но с точки зрения интересов страны это было крупной ошибкой. Ход событий показал Османской империи и Крыму неэффективность русско-польского союза, а это стало важным дополнительным стимулом для усиления их активности на территории Восточной Европы.

Одновременно с отправкой послов в Крым П. Дорошенко и И. Брюховецкий направили посольства ко двору султана с просьбой о покровительстве и защите. 14 марта 1668 г. в резиденцию султана Эдирне прибыли послы П. Дорошенко, а 2 апреля за ними последовали послы И. Брюховецкого⁵⁴. Все это происходило во время пребывания в Эдирне русского посольства во главе с А. Нестеровым. Как удалось выяснить русским дипломатам, послы И. Брюховецкого заявили, что казаки хотят «быть под салтановою рукою в вечном подданстве» и готовы служить ему вместе с казаками П. Дорошенко, только бы султан распорядился не брать с них поборов и прислал войска, чтобы защитить их от русских воевод⁵⁵. Появление казацких послов поставило османские власти в трудное положение: открытый конфликт с Россией в тот момент явно не входил в планы Османской империи. Каймакам, который вел переговоры с русскими послами, заверял их, что

«в тех казаков», которые служат царю, «великий государь наш не вступаета и дела салтанову величеству до тех казаков нет»⁵⁶. Каймакам даже выразил желание, «чтоб тех воров изменников черкас с обе стороны всех посечь», чтобы они не провоцировали конфликты между соседними государствами⁵⁷. Однако уже И. Хаммер указал на находящийся в составе «Инша» рейс-эфенди Мухаммеда список султанской грамоты И. Брюховецкому, по которой султан брал казаков под свою защиту и обещал им помощь крымского хана⁵⁸. О трех чаушах, доставивших эту грамоту на Украину, говорится в показаниях казаков, попавших летом 1668 г. в польский плен⁵⁹. В связи с устранением И. Брюховецкого с политической арены данный эпизод не имел никаких последствий, но он показывает, что уже в то время османские планы распространялись и на Левобережную Украину и лишь желание разъединить противников Порты побуждало двор султана маскировать свои действия. Восстание 1668 г., показавшее непрочность русских позиций на Левобережной Украине, должно было дополнительно стимулировать османские планы в отношении этого региона.

В отношении послов П. Дорошенко русским дипломатам сообщили явно недостоверные сведения, что они просят помощи против польского короля⁶⁰, но из польских источников известно, что они успешно выполнили свою миссию. Посланец гетмана возвратился с посланцем султана Юсуп-чаушем, а паше Силистрии и господарям Дунайских княжеств были посланы «эмиры» с поручением оказать гетману военную помощь⁶¹.

Летом 1668 г. гетман П. Дорошенко, казалось, был близок к осуществлению своих планов восстановления единого украинского гетманства под османским протекторатом. Как же представляли себе гетман и казацкая верхушка характер отношений со своим будущим сюзереном? Ответ на этот вопрос может дать анализ документа под заголовком «Статьи, на чем П. Дорошенко поддался турецкому салтану, привезены из Царягорода»⁶². Согласно этому документу актом установления зависимости должна была стать передача султаном гетману знаков власти – булавы и «военного знамени», а выражением самой зависимости становилось обязательство участия казаков в военных походах по приказу султана. Какие-либо другие проявления зависимости, в частности уплата налогов, исключались. Гетман должен был избираться Запорожским Войском, и султан не имел права его смещать. Таким образом, в рамках Османской империи предполагалась максимально широкая автономия гетманства. Условия предусматривали, что присланные на помощь гетману войска будут находиться под его командованием, а занятые при их участии земли войдут в состав гетманства и в них не может быть ни войск, ни крепостей османов. Следовательно, и результаты общих действий доставались полностью гетманству, границы которого согласно условиям должны были достигать Перемышля, Минска и Путивля. Кроме того, условиями предусматривалось обязательство султана не заключать мира с Россией и Речью Посполитой «без ведомости и согласия нашего гетмана и всего войска казацкого». Более того, составители условий, выступая как покровители православных в Османской империи, высказывали требование, чтобы константинопольский патриарший престол передавался лишь тому, кого «архиерейский сбор

изберет», и чтобы избранный мог находиться на престоле «до последнего жизни своего дыхания». Ограждая от постороннего вмешательства внутреннюю жизнь гетманства, составители условий считали для себя возможным вмешиваться во внутренние дела Османской империи.

Вряд ли Порта могла принять подобные условия. Дело не только в том, что их осуществление не приносило султану каких-либо существенных выгод, а превращение казацкого гетмана в покровителя православных прямо противоречило его интересам. Такой проект противоречил основным принципам политики султана по отношению к автономным образованиям в составе Османской империи. Если в XVI в. Порта мирилась порой с их достаточно широкой автономией, то XVII в. принес полный упадок автономии Дунайских княжеств, значительное ограничение (после 1660 г.) автономии Трансильвании, прямую аннексию княжеств в Южной Грузии.

Выдвигая свои условия, гетман П. Дорошенко вел себя как сильный и независимый партнер, диктующий свои условия другой стороне. Если султан не примет эти предложения, говорилось в казацком проекте, «тогда убо гетман и Войско Запорожское потщитца да иным коим о себе промыслит способом». Но позволяло ли вести такую политику и общее соотношение сил между гетманством и Османской империей, и то реальное положение, в каком оказался гетман П. Дорошенко во второй половине 1668 г.?

Призывая татарских союзников на Левобережье, П. Дорошенко рассчитывал на то, что орда сможет взять ясырь на русских землях, но в районе Севска татары столкнулись с готовившимися к походу на Украину русскими войсками. В итоге «крымских ратных людей ... многих побили и в полон поймали» и отобрали у них «русской полон весь»⁶³. Орда стала грабить население Левобережья. В Москву поступали сведения, что здесь «татаровя животины без остатку поедают и людей в полон всех забирают»⁶⁴. Это не могло не оказать воздействия на настроения населения. В начале июля П. Дорошенко, напуганный сообщениями о появлениях на Правобережье польских войск во главе с Я.Собеским⁶⁵, увел свои главные полки за Днепр. Русское правительство, направив против восставших войска во главе с Г.Г. Ромодановским, которые в сентябре 1668 г. заняли Нежин и Чернигов, одновременно обещало через влиятельных представителей духовенства, что царь не только простит все, но и «вольности даст»⁶⁶. В результате черниговский полковник Демьян Многогрешный дал знать в Москву, что здесь готовы подчиниться верховной власти царя, если будут отменены нововведения середины 60-х гг. На этой основе между значительной частью казачества Левобережной Украины и русским правительством довольно скоро было достигнуто взаимопонимание. Состоявшаяся в Глухове рада в марте 1669 г. избрала Д. Многогрешного гетманом, были составлены новые «статьи», определявшие положение гетманства в рамках Русского государства. Их условия не признала часть левобережных полков (полтавский, миргородский, лубенский), но с этого момента началось постепенное укрепление позиций России на Левобережной Украине.

Прямое обращение П. Дорошенко к султану привело к серьезным осложнениям в его отношениях с главным союзником – крымским ханом.

Крымское ханство, разумеется, активно поддерживало и осуществляло планы османской экспансии в Восточной Европе, но при условии, что ее главным инструментом будет Крым и что эта экспансия будет вести к усилению его силы и влияния. Модель отношений, сложившаяся в 1666–1667 гг., когда в Стамбуле казаков Правобережной Украины рассматривали как «подданных султана», которые «служат» крымскому хану, устраивала и хана, и крымскую знать. Когда на Левобережной Украине началось восстание, то в Крыму объясняли польским резидентам, что местные казаки избрали хана своим «протектором»⁶⁷. Обращение П. Дорошенко к султану с просьбой о принятии его под свою защиту такую модель отношений явно нарушало. Несколько лет спустя русский гонец В. Даудов сообщал, что, когда под Каменцом султан «подаровал конем и булавою» П. Дорошенко, то это вызвало резкое недовольство хана: Дорошенко «не великородный человек», «не доведетца так казаку чести воздавать»⁶⁸. В Крыму не желали относиться к гетману П. Дорошенко как к вассалу султана такого же ранга, как их собственный правитель.

Но соображения престижа были здесь не главными. На протяжении всей истории отношений Османской империи и Крыма крымская знать постоянно выступала против расширения прямого османского присутствия в Восточной Европе. Дело было не только в том, что на земли, подчиненные прямой власти султана, уже нельзя было бы предпринимать набеги и брать там ясырь. Окруженный с разных сторон владениями султана Крым перестал бы быть нужным империи как военный форпост и мог быть обращен в обыкновенную провинцию. Татарские собеседники послов Я. Собеского в Крыму в конце 1667 г., говоря о прямом подчинении султану Белгородской и Очаковской орд, выражали беспокойство, что «вскоре и Перекоп от них упадет в турецкие руки» и даже сожалели, что «вера не позволяет» им поднять восстание против султана⁶⁹. Неудивительно, что когда калга Крым-Гирей отправился летом 1668 г. на Украину, его действия были направлены на то, чтобы сместить П. Дорошенко с гетманского поста.

В украинском обществе нашлись силы, которые также оказались заинтересованными в устранении П. Дорошенко. Одной из его целей и близких к нему кругов стало создание сильной гетманской власти, которая не зависела бы в такой степени, как ранее, от рядового казачества. Именно в гетманство П. Дорошенко были созданы так называемые «серденьки» войска – наемная армия, содержавшаяся гетманом и зависевшая только от него. Условия, представленные османскому правительству, включали важный пункт о том, что П. Дорошенко должен быть гетманом пожизненно. Брат гетмана на переговорах с московскими властями упрекал их в том, что на Левобережной Украине многие полковники и урядники «не природные казаки», в то время как у них «заднепрские старшие все природные казачьи дети»⁷⁰.

Все эти действия противоречили традициям, сложившимся в предшествующий период в украинском обществе, когда ряды казачества были открыты для всех, а гетман избирался казаками и оставался у власти, пока его действия соответствовали их интересам. Носителем таких традиций было Запорожье и неудивительно, что между «низовым» Запорожским Войском



Гетман Петр Дорошенко

и гетманом П. Дорошенко стал назревать открытый конфликт. Ряд свидетельств (преимущественно в польских источниках) указывает на то, что частью планов П. Дорошенко, направленных на создание украинской державы, было уничтожение Запорожья с помощью османов и татар. 2 мая 1668 г. послы Я. Собеского сообщали из Крыма, что сюда прибыли послы П. Дорошенко, предлагая хану уничтожить Запорожье. В этом случае, заверяли они, Крым навсегда будет свободным от казацких набегов⁷¹. Еще ранее, в начале января 1668 г., власти Речи Посполитой сообщали русским послам в Варшаве, что в ответ на жалобы из Стамбула на набеги запорожцев, П. Дорошенко просил, чтобы хану было приказано дать ему войска, с помощью которых он мог бы уничтожить поселения казаков в районе порогов. Затем гетман предлагал султану поставить на этом месте крепости с осман-

скими гарнизонами, чтобы не допустить восстановления Запорожья. Польские власти просили царя помочь запорожцам⁷².

Неудивительно, что эти планы вызвали враждебную реакцию запорожцев и привели к их попыткам избавиться от П. Дорошенко. Находившийся в Крыму русский подьячий Г. Михайлов 23 июля 1668 г. узнал о приезде к хану послов из Запорожья с просьбой выслать на Украину калгу, «чтоб им управитца с теми людьми, кто им, казаком, непослушен чинитца и гетмана б Дорошенка переменить»⁷³. Казаки прибегали к разным способам воздействия на хана. Так, Иван Серко обещал вернуть всех пленных татар, захваченных осенью 1667 г.⁷⁴, а по словам польских послов в Крыму, запорожцы заявляли, что, если хан не поможет им устранить П. Дорошенко и поставить на его место другого гетмана, тогда, «выйдя из Сечи, прямо на Крым пойдем»⁷⁵. Так сложился союз Крыма и Запорожья, направленный против П. Дорошенко. Результатом стало провозглашение новым гетманом в сентябре 1668 г. запорожского писаря Петра Суховея. На сторону этого гетмана стали те левобережные полки, которые еще не подчинились Д. Многогрешному.

Осенью 1668 г., когда П. Дорошенко отправил в Стамбул посольство во главе с писарем Л. Бускевичем с рассматривавшимися выше условиями, на которых гетман готов был подчиниться султану, он уже не был тем сильным и независимым партнером османов, каким он себя представлял. В январе 1669 г. под Ольховцом произошло настоящее сражение между войсками П. Дорошенко и войсками П. Суховея и его союзников – татар. П. Суховой потерпел поражение⁷⁶, но значительная часть населения Правобережной и Левобережной Украины продолжала его поддерживать. Положение складывалось так, что лишь при помощи султана П. Дорошенко мог удержать гетманскую булаву, и это не могло не сказаться на характере его отношений с Османской империей.

От русских лазутчиков поступали сведения, что переговоры проходили непросто. От посла «много домогались того, чтобы во многих городах быть начальнем людем и ратным людем», поднимался и вопрос о размещении отряда янычар в столице гетманства – Чигирине⁷⁷. Так, в самом начале контактов османские политики попытались обеспечить себе определенные гарантии того, что гетманство, несмотря на разные перемены международной ситуации, останется в зависимости от Порты. Казацким послам удалось убедить османскую сторону не настаивать на своих предложениях. О достигнутой договоренности русский гонец В. Даудов, находившийся осенью 1668 г. при дворе султана, записал: «И салтан казаков принял и послал с казацким посланником чеуша да знамя да кафтан гетману, которого казаки оберут»⁷⁸. Последние слова очень характерны – они показывают, что в Стамбуле вовсе не считали П. Дорошенко единственным возможным партнером на Украине. Информация В. Даудова в одном отношении, по-видимому, неточна – знаки власти в то время к П. Дорошенко еще не были высланы. Решение вопроса зависело от того, примет ли Запорожское Войско достигнутые в Стамбуле договоренности. Вопрос об этом решался на раде, созванной в Корсуни 10 марта 1669 г., куда с Бускевичем прибыл посол султана Салима-чауш⁷⁹.

Сохранившиеся свидетельства о раде не дают ясного представления о принятых в Корсуни решениях. По одному сообщению, здесь «с турки приговорили дружбу держать»⁸⁰, по другому – «приговорили на раде, что быть в подданстве у турского салтана, а присяги в том еще не чинили»⁸¹, согласно третьему, на раде «гетман с старшиною и чернью учинили присягу, что быть под ево державой со всем Малороссийским краем з городами и с церквами и с церковей кресты ломать»⁸². Причину разногласий позволяет выяснить рассказ осведомленного автора летописи Самовидца. Согласно этому рассказу, на раде в Корсуни «усі кричали, не хотячи подданими бити турчинови», но П. Дорошенко успокоил их, объявив, что речь идет лишь о заключении союза с Османской империей. Таким образом, «подишовши казаков яко простых людей», П. Дорошенко затем отправил послов к султану «подаватися вічне и просячи жеби оному прислано санджаки»⁸³. С этой версией событий согласуются и настоячивые указания многих свидетельств о корсунской раде, что Запорожское Войско не приносило присяги на верность султану⁸⁴. Если многие рядовые казаки считали, вероятно, что они вовсе не являются подданными султана, то со стороны Порты (как показывают последующие действия османских властей) ситуация выглядела вполне однозначной: казачество подчинилось султану и с этого времени находилось под его защитой.

Османская «протекция» принесла П. Дорошенко на первых порах больше вреда, чем пользы. Конкретной помощи он пока от султана не получил. Правда, османские послы писали хану, как сообщал в Москву гетман Д. Многогрешный, «чтоб с Дорошенком не чинили никакого задора», но татары «ни мало на то не глядят и не слушают»⁸⁵. Зато у противников П. Дорошенко появился сильный аргумент в борьбе с ним – обвинения в том, что он хочет отдать Украину под власть «бусурман». П. Суховея в апреле 1669 г. писал переяславскому полковнику, что вступил в борьбу за гетманство, «видя бешенство Дорошенково... что умыслил отчину нашу в Турское подданство подати, а невинных людей в тяжкое иго привести»⁸⁶.

Союз между Запорожьем и Крымом сохранялся, и хан «прислал в Запороги запасы всякия и на кафтаны сукны»⁸⁷. В конце 1669 г. в Москву пришли сообщения, что в Чигирине П. Дорошенко «сидит в осаде, а татары, де, около Чигирина воюют безпрестанно»⁸⁸. На сей раз П. Суховею удалось добиться значительных успехов: большая часть правобережных полков перешла на его сторону⁸⁹, что свидетельствовало о непрочности позиций П. Дорошенко в украинском обществе и непопулярности османской протекции⁹⁰. С отходом казаков Правобережной Украины от П. Дорошенко связана, как представляется, и происшедшая летом 1669 г. смена гетманов во враждебном ему лагере – П. Суховея сменил представитель местного «старого казачества» долголетний уманский полковник М. М. Ханенко⁹¹.

Оказавшись в критическом положении, П. Дорошенко прилагал усилия, чтобы обеспечить себе поддержку Стамбула. Он спешно отправил к султану своего посла М. Раткеевича Портянку, «жалуясь на хана крымского и все его орды» и добиваясь, чтобы «царь турецкой того хана из чина изверг»⁹².

Тем временем в Стамбуле завершились переговоры о принятии Украины под власть султана и было принято решение о посылке П. Дорошенко знаков власти «санджаков». В связи с этим решением была подготовлена грамота султана, по которой Мехмед IV утверждал П. Дорошенко гетманом и посылал ему знаки власти – «знамя, бунчук». Грамотой удовлетворялись два из пожеланий, высказанных казацкой стороной: казаки получали право самим выбирать гетмана и освобождались от уплаты дани, которая заменялась для Запорожского Войска военной службой султану⁹³. Другие пожелания в грамоте не упоминались, очевидно, османские власти не приняли их во внимание, а П. Дорошенко находился не в таком положении, чтобы настаивать на своих условиях.

Посол султана капиджи-баши Али-ага⁹⁴ появился на Днестре в конце июля 1669 г.⁹⁵. Он принес П. Дорошенко знаки власти и потребовал от крымского хана прекратить войну «и по тому, де, листу в Крым орда пошла»⁹⁶. С послом султана пришла Белгородская орда, опираясь на которую П. Дорошенко стал подчинять своих противников⁹⁷.

Однако этим дело не закончилось. Если хан подчинился решению султана, то этого не хотела делать крымская знать. На «большом собрании» было принято решение сохранять и далее «дружбу» с противниками П. Дорошенко и выслать им на помощь войско во главе с Батырши-мурзой⁹⁸. Когда П. Дорошенко заявил татарам, что находится под покровительством султана, предводитель татар ответил, что гетман теперь на деле убедится, чего стоят знаки власти, полученные от султана, и что принесет для него больше пользы, покровительство османов или татар, если он не станет просить милостей у хана, то вся его страна будет разорена⁹⁹.

На Украине дело шло к войне между войсками двух вассалов султана – Крыма и Белгородской орды. Но еще до прихода белгородских татар 29 октября в сражении под Стеблевым казаки П. Дорошенко нанесли поражение казакам М. Ханенко и крымцам¹⁰⁰. М. Ханенко бежал в Запорожье¹⁰¹. Письма татар к М. Ханенко попали в руки победителя и он не замедлил переслать их в Стамбул¹⁰². На этом открытое сопротивление Крыма османской политике прекратилось, а позднее хан Адиль-Гирей был смещен со своего трона за то, что «калга ходил войною на черкас ... бес салтанова ведома»¹⁰³. На всей территории гетманства была размещена на зимовку Белгородская орда¹⁰⁴, с помощью которой П. Дорошенко рассчитывал окончательно укрепить свою власть.

Важнейшим итогом событий 1668–1669 гг. стало утверждение османского протектората над Правобережной Украиной (точнее, теми ее территориями, которые находились под властью гетмана П. Дорошенко). Тем самым был сделан новый шаг по пути вмешательства османов в дела Восточной Европы. Хотя на практике речь шла пока только о Правобережной Украине, в султанской грамоте П. Дорошенко назывался гетманом «тое и сее стороны Днепра над казаками»¹⁰⁵ и это указывает, что уже на данном этапе, несмотря на миролюбивые заявления, адресованные русскому правительству, экспансионистские планы османских политиков распространялись и на Левобережную Украину. Другой важный итог событий состоял в том, что

гетман П. Дорошенко не сумел подчинить своему влиянию украинское общество и поэтому не смог занять по отношению к Османской империи позицию независимого и сильного партнера и вынужден был просить султана о помощи. В таком положении гетману и близкой к нему казацкой верхушке не приходилось рассчитывать на то, что в Стамбуле будут серьезно считаться с их планами и желаниями.

Все эти события на Правобережье разворачивались без какого-либо участия России и Речи Посполитой. Россия была занята восстановлением своих позиций на Левобережной Украине, а в Речи Посполитой достигла апогея борьба группировок знати за королевский трон. Лишь летом 1669 г. эта борьба завершилась избранием на польский трон князя Михаила Вишневецкого. Происшедшие на Правобережье перемены наиболее глубоко и серьезно затрагивали Речь Посполитую. Теперь ее всякие попытки восстановить свою власть над Правобережной Украиной должны были привести к прямому конфликту с Османской империей, который становился тем более реальным, что осенью 1669 г. османами была взята Кандия – главный опорный пункт венецианцев на Крите. Несмотря на это, Речь Посполитая не отказалась от планов возврата Правобережной Украины. В попытках решить вопрос мирным путем правящие круги Речи Посполитой неожиданно нашли себе партнера в лице гетмана П. Дорошенко. Подгаецкий договор 1667 г. предусматривал созыв «комиссии» из представителей Речи Посполитой и гетманства для выработки условий, на которых Запорожское Войско могло бы вернуться в состав Речи Посполитой. Казалось бы, принятие протекции султана делало эти переговоры беспредметными. Однако все получилось иначе. Как сообщали воеводе П.В. Шереметеву киевские казаки, на той самой раде в Корсуни, где обсуждался вопрос о «подданстве» султану, было принято решение, «выбрав из всех полков казаков старых самых добрых и верных с полку по два человека и послать на сейм к гетману Яну Собескому и сенатурам»¹⁰⁶. Такое посольство с различными предложениями, касавшимися, главным образом, православной церкви в Речи Посполитой, позднее действительно состоялось¹⁰⁷. Отношения улучшились настолько, что П. Дорошенко вернули гетманские инсигнии, которые увез с собой в Польшу Тетеря¹⁰⁸. Весной 1670 г. была достигнута договоренность о созыве «комиссии» в Остроге (на Волыни), где 3 июня начались переговоры послов П. Дорошенко с польскими представителями во главе с С.К. Беневским¹⁰⁹. Желание Речи Посполитой вернуть себе власть над Правобережной Украиной мирным путем вполне понятно. Но что же побудило П. Дорошенко вести такие переговоры?

Как представляется, это было результатом размышлений гетмана над опытом первых контактов с османами. Предложенные им условия османской протекции над гетманством в Стамбуле фактически не были приняты. Кроме того, стало ясно, что для султана и его сановников П. Дорошенко явно не был наиболее удобным партнером. В ряде сообщений о раде в Корсуни имеются важные сведения, что на ней послы султана предлагали поставить гетманом Юрия Хмельницкого¹¹⁰. Вряд ли могло успокоить П. Дорошенко и то, что пришедшие к нему на помощь белгородские татары отправили

Ю. Хмельницкого в Стамбул¹¹¹. Дело дошло и до конкретных действий: в январе 1670 г. на Сечь было прислано письмо силистрийского пашы, прямо предлагавшего запорожцам выбрать гетманом Ю. Хмельницкого¹¹².

В этих условиях закономерной представляется попытка П. Дорошенко договориться с более слабым партнером, от которого можно было бы ожидать более значительных уступок – Речью Посполитой. Условия, выставленные казацкими послами в Остроге¹¹³, предусматривали, как и в ранее предложенном султану проекте, весьма широкую автономию гетманства в рамках Речи Посполитой, даже с рядом дополнительных преимуществ. Так, за участие в польских походах Запорожскому Войску полагался «особой платеж». Войска Речи Посполитой не должны были вступать на территорию гетманства. Казаки могли беспрепятственно пользоваться находящимися в их распоряжении землями и с них не полагалось взимать никаких «работ и налогов». В таких условиях возвращение польских феодалов в свои имения стало бы проблематичным. Подканцлер коронный А. Ольшовский писал Я. Собескому, что нельзя ничего ожидать от переговоров с П. Дорошенко, так как казаки добиваются для себя «удельного государства» и «на Украину панов не допускают»¹¹⁴. Принятие решения для правящих кругов Речи Посполитой облегчалось тем, что в Острог прибыли послы не только от П. Дорошенко, но и от М. Ханенко, которого продолжало поддерживать не только Запорожье, но и Крым¹¹⁵. М. Ханенко представлял интересы той части казачества, которая, будучи настроена нетерпимо в отношении «бусурман», готова была примириться с Речью Посполитой как «меньшим злом» и пойти на уступки польским правящим кругам¹¹⁶. В итоге в Варшаве было принято решение признать законным гетманом Украины М. Ханенко, с которым 2 сентября 1670 г. и был заключен договор, определявший положение Запорожского Войска в Речи Посполитой. По этому договору не только казаки отказались «от всяких протекций посторонних монархов», но и шляхте, и духовенству открывалась возможность вернуться в свои прежние владения¹¹⁷. Очень скоро договор был утвержден сеймом¹¹⁸.

Это решение Варшавы означало войну. И действительно, в уже цитированном письме от 21 июня 1670 г. А. Ольшовский писал Я. Собескому, что следует скорее начать против П. Дорошенко военные действия совместно с запорожцами и крымскими татарами. В том же письме указывалось, что в этом году турки не смогут оказать гетману помощь, занятые завершением Кандийской войны и усмирением восставших пашей¹¹⁹. По-видимому, в Варшаве полагали, что после удаления П. Дорошенко с Украины Османская империя, поставленная перед фактом, будет вынуждена примириться с создавшимся положением.

Расчеты, положенные в основу такого решения, оказались ошибочными. Во-первых, были явно переоценены возможности противников П. Дорошенко. Наоборот, перспектива возвращения магнатов и шляхты в свои владения содействовала укреплению его позиций. Большая часть полков заявляла, что не принимает решений Острожской комиссии и не вышлет послов на сейм¹²⁰. По-видимому, именно в этой критической ситуации на раде

в Чигирине П. Дорошенко добился формального решения старшины о подчинении верховной власти султана¹²¹. Во-вторых, совсем беспочвенными оказались надежды на сотрудничество с Крымом против П. Дорошенко. Крым не мог пойти на открытое неповиновение указам султана. Нурадин, одно из первых лиц в ханстве, в январе 1671 г. сказал польскому дипломату Я. Карвовскому, что может дать лишь совет, чтобы Речь Посполитая оставила Украину, которая подчинилась султану¹²². Сотрудничеству Крыма и Запорожья также пришел конец: запорожцам, просившим помощи против П. Дорошенко, хан прямо заявил, что должен повиноваться приказам султана¹²³. К этому следует добавить, что к исполнению своего решения власти Речи Посполитой приступили лишь летом 1671 г., когда Османская империя успешно преодолела стоявшие перед ней трудности.

Иными путями развертывалась в 1670 г. дипломатия Посольского приказа, во главе которого по-прежнему находился А.Л. Ордин-Нащокин. Объяснялось это отчасти разным характером отношений Речи Посполитой и России с Османской империей. Если польским представителям постоянно заявляли, что мир возможен только при условии, если Речь Посполитая признает османский протекторат над Правобережной Украиной, то по адресу России, наоборот, делались весьма миролюбивые заявления. В ответ на неоднократные просьбы царя в 1668–1669 гг. заставить хана прекратить набеги на русские земли и Левобережную Украину¹²⁴ из Стамбула отвечали, что хану дан «заказ жестокой» не нападать на Русское государство и здесь позаботятся о соблюдении этого запрета¹²⁵. Отсюда в Москве складывалось впечатление, что Османская империя не заинтересована во вмешательстве в восточноевропейские дела. 15 июня 1670 г. царь Алексей Михайлович с удовлетворением писал польскому королю Михаилу, что султан с крымским ханом «мир содержит своим доброхотением нам способствует»¹²⁶. Правда, в сентябре 1669 г. в Москву был прислан с Украины полный текст условий, на которых Правобережная Украина соглашалась подчиниться Османской империи¹²⁷. Однако в этом в Москве видели, по-видимому, результат инициативы П. Дорошенко, вызванной, как он постоянно утверждал в переписке с русским правительством, преследованиями православных в Речи Посполитой. Поэтому А.Л. Ордин-Нащокин, следуя своим планам 1667–1668 гг. полагал, что «успокоение» Украины по соглашению с польским правительством может положить всему этому конец и привести к стабилизации ситуации в Восточной Европе.

Для достижения этой цели на новых переговорах с послами Речи Посполитой в Андрусове осенью 1669 г. А.Л. Ордин-Нащокин предложил созвать в Киеве русско-польский съезд, на который следовало специально пригласить представителей православного духовенства и казацкой верхушки, чтобы убедить сначала православное духовенство отказаться от «бусурманской» протекции (и от подчинения константинопольскому патриарху), а затем с помощью духовенства убедить в том же казаков. На съезд он предлагал пригласить также представителей хана и султана, чтобы они могли убедить, что Россия и Речь Посполитая не питают враждебных намерений по отношению к Крыму и Османской империи¹²⁸.

При выдвигании этого проекта ярко проявилось и представление руководителя Посольского приказа, что перед лицом совместных действий России и Речи Посполитой (даже только дипломатических) Османская империя и Крым захотят жить с ними в мире и согласии, и его убеждение в очень сильном влиянии православного духовенства на украинское общество и его враждебном отношении к «бусурманской протекции». К концу 60-х гг. ход событий достаточно очевидно показал неправильность этих представлений, но руководитель русской внешней политики продолжал их придерживаться.

В задуманном плане была и другая сторона. Что могло побудить православное духовенство оставить «бусурманскую протекцию» и даже разорвать церковные отношения с Константинополем? А.Л. Ордин-Нащокин прямо об этом не говорил, но очевидно, что имелось в виду предоставление православной церкви в Речи Посполитой разного рода прав и привилегий, их гарантии со стороны русского правительства, тем более, что, разорвав с Константинополем, украинское православное духовенство подчинялось бы юрисдикции московского патриарха¹²⁹. Осуществление плана А.Л. Ордина-Нащокина должно было привести к укреплению русского влияния на Правобережной Украине. Именно поэтому его план оказался неприемлем для политиков Речи Посполитой, прямо заявивших, что они не согласны на переговоры со своими подданными «sub arbitrio Его царского величества»¹³⁰. В ряде своих записок царю 1669–1670 гг. А.Л. Ордин-Нащокин пытался найти решение нерешимой задачи: как добиться присоединения Правобережной Украины с согласия и по договоренности с Речью Посполитой. Заслуживает внимания то, что в этих записках никак не рассматривается вопрос о реакции на такие перемены со стороны Османской империи. В последнем докладе царю (начало 1671 г.) он предлагал «с турками обсылка и умирение становить, учинив прежде в Украине крепко и надежно»¹³¹. Здесь еще раз проявилось убеждение главы Посольского приказа, что вопрос о Правобережной Украине после ее перехода под власть России удастся урегулировать с помощью переговоров.

На рубеже 1669–1670 гг. А.Л. Ордин-Нащокин попытался осуществить и другую часть своих ранних планов. На переговорах о мире с крымскими послами, которые начались в мае 1669 г., он снова поднял вопрос о заключении трехстороннего договора между Россией, Речью Посполитой и Крымом при участии польско-литовских представителей. Предполагалось, что в случае конфликта между Крымом и Речью Посполитой царь выступал бы в роли «миротворителя» – посредника между ними¹³². На переговорах в Андрусове в 1670 г. А.Л. Ордин-Нащокин предложил пригласить для участия в них крымских послов¹³³. Хотя польский король Михаил согласился с данным предложением¹³⁴, на практике до этого дело не дошло.

После длительных и тяжелых переговоров А.Л. Ордин-Нащокин весной 1670 г. сумел существенно продвинуться к достижению поставленной цели. Договор с Крымом, заключенный 21 апреля 1670 г.¹³⁵, предусматривал установление мира между тремя государствами и налагал на хана обязательство – на земли России и Речи Посполитой «войною не ходить, и горо-

дов и земель, тако ж и подданных по обе стороны Днепра не воевать и воинских людей не посылать». Хан должен был даже «злых ссор к войне ни от кого не слушать». В заключительной части договора говорилось о созыве съезда представителей трех государств с участием «выборных людей из Украины», «чтоб от крови и от плену люди в трех государствах успокоени вечно были».

О достигнутых успехах поторопились известить правящие круги Речи Посполитой, копия договора была отправлена в Варшаву¹³⁶. Однако этот успех оказался непрочным. Хан Адиль-Гирей отказался утвердить договор в том виде, как он был выработан в Москве. В его шертной записи от июля 1670 г.¹³⁷ категорически утверждалось, что отношения Крыма с Речью Посполитой являются их делом и России не касаются. В соответствии с этим хан брал на себя обязательство не нападать лишь на земли, «которые в вашей державе города и украинные места». По высказанным выше соображениям, хан и крымская знать были против войны с Речью Посполитой, но в условиях назревавшего польско-османского конфликта из-за Правобережной Украины они не могли поступиться своими обязательствами по отношению к султану. В Москве происшедшее было расценено как несомненное дипломатическое поражение. Царь приказал расследовать, почему его послы согласились взять у хана подобный текст¹³⁸. Эта неудача послужила одной из причин отстранения А.Л. Ордина-Нащокина от руководства Посольским приказом в начале 1671 г. Главные причины отставки лежали гораздо глубже. Ход событий показал нереальность предложенных им планов «умиротворения» Восточной Европы. Более того, у правящих кругов в Москве, как будет показано ниже, возникли серьезные сомнения в надежности Речи Посполитой как военно-политического союзника, а на союзе с ней А.Л. Ордин-Нащокин строил всю свою программу внешней политики.

На Правобережной Украине дело все определеннее шло к войне между Речью Посполитой и Османской империей. В ответ на заключение договора Речи Посполитой с М. Ханенко и его сторонниками П. Дорошенко принял антипольские акции. Зимой 1671 г. к нему пришла Белгородская орда, и весной белгородские татары и казаки во главе с полковником О. Гоголем начали военные действия в Подолии¹³⁹. По свидетельству летописи Самовидца, нападения татар и казаков принесли «великую доуку» землям Речи Посполитой¹⁴⁰. Позднее произошло восстановление союзнических отношений между Крымом и П. Дорошенко. 6 июля посол гетмана корсунский полковник просил помощи против поляков, и хан приказал идти в поход нуредину Сафа-Гирею, а в августе в Крым были присланы 2300 казаков для участия в походе на калмыков¹⁴¹. Попытки польской дипломатии обеспечить хотя бы нейтралитет Крыма в войне закончились безрезультатно. Прибывшему 17 августа польскому дипломату Я. Карвовскому хан заявил, что, если Речь Посполитая не хочет войны, она должна оставить в покое П. Дорошенко, тогда он готов содействовать установлению мира¹⁴². Летом 1671 г. один из польских военачальников сообщал, что новый хан Селим-Гирей готов принять присягу султану от П. Дорошенко и «от всей черни, которую (он) поголовно выгнал (ради этого) из всех городов»¹⁴³. По-видимому, формально

процедура установления османского протектората над Правобережной Украиной еще не была завершена, и в Стамбуле считали необходимым это сделать до окончательного выяснения своих отношений с Речью Посполитой¹⁴⁴.

Впрочем, несмотря на это, позиция Османской империи в украинском вопросе была предельно ясной. Польскому послу Ф. Высоцкому, направленному в Стамбул для подтверждения от имени нового короля Михаила мирных договоров, было заявлено, что договоры могут быть подтверждены лишь при условии, если Речь Посполитая откажется от прав на украинские земли, занятые казаками, и признает их подданными султана¹⁴⁵.

Попытка силой вернуть Правобережную Украину в такой ситуации означала фактически вступление в войну с Османской империей, однако на военном совете, созванном в Варшаве 13 мая 1671 г., было принято решение о войне и о созыве 1 июля 1671 г. посолитого рушения¹⁴⁶. Следует отметить, что у Речи Посполитой, по существу, не было выбора: в Варшаве было известно, что в Османской империи идут приготовления к большой войне, а уже в декабре 1670 г. в ходе дипломатических контактов стало ясно, что Порты желает получить не только земли казаков, но и один из главных центров польской обороны на южных границах Каменец-Подольский, не входивший в состав казацкого гетманства¹⁴⁷. Военная кампания, в которой коронной армии во главе с Я. Собеским и присоединившимися к нему сторонниками М. Ханенко и запорожцами противостояли войска П. Дорошенко и его татарских союзников, началась в конце августа 1671 г. и развивалась в целом успешно для Речи Посполитой¹⁴⁸. Не умаляя способностей Я. Собеского как военачальника, следует отметить, что его успеху в определенной мере способствовала двузначная позиция Крыма. Отправив на Украину нуредина на поддержку П. Дорошенко, хан на его новые просьбы о помощи в августе – сентябре 1671 г. никак не реагировал и 21 сентября отправился в поход на калмыков с отрядом его казаков¹⁴⁹.

Военные действия протекали между Бугом и Днестром. Ян Собеский, по-видимому, хотел, заняв эти территории, отрезать П. Дорошенко от поддержки Османской империи и Крыма. Были заняты такие важные центры, как Брацлав и Винница, разбиты помогавшие П. Дорошенко татарские войска. В занятых городах размещались польские гарнизоны, а общее управление занятой территорией поручалось М. Ханенко, которому король прислал гетманскую булаву. Однако налицо был и ряд трудностей, о которых подробно и откровенно Я. Собеский писал в своих письмах. Первоначально после поражения татар ряд городов (Немиров, Шаргород и другие) открыл ворота польским войскам, но, когда вслед за коронной армией появились слуги разных панов, приступившие к сбору поборов со своих подданных (в частности, прислала слуг в свои владения княгиня Гризелда, мать короля Михаила), настроение населения стало меняться. Под Кальником армия Я. Собеского столкнулась с упорным сопротивлением и после двухнедельной осады была вынуждена отступить, так и не взяв города. Даже казаки, присоединившиеся к М. Ханенко, говорили, что решения комиссии в Остроге должны быть изменены, и не хотели пускать в города польские гарнизоны¹⁵⁰.

Несмотря на ряд частных успехов, главная цель кампании не была достигнута. П. Дорошенко утратил значительную часть подчинявшейся ему территории, но продолжал сидеть в своей резиденции – Чигирине. Не могло быть сомнений, что военная кампания против П. Дорошенко станет прологом событий к большой войне с Османской империей и Крымом, а их военным силам поход Я. Собеского не нанес сколько-нибудь значительного ущерба.

В преддверии военного конфликта с Портой для Речи Посполитой особенно актуальным стал вопрос о получении военной помощи со стороны России в соответствии с условиями Андрусовского и Московского договоров 1667 г. Неудивительно, что с весны 1670 г. польские дипломаты в Москве стали все более настойчиво добиваться такой помощи. Ее получение стало главной целью «великого» посольства во главе с Я. Гнинским, которое прибыло в Москву в декабре 1671 г.¹⁵¹. Однако на пути к этой цели возникли серьезные трудности. Первоначально, когда речь шла практически о совместных военных действиях против казаков П. Дорошенко, русские представители четко дали понять, что в таких действиях русские войска участвовать не будут, и предложили привлечь казаков на свою сторону «милостью»¹⁵². Но дело не пошло лучше и когда во время переговоров с посольством Я. Гнинского встал вопрос о совместных военных действиях против Османской империи. По договору, заключенному 30 марта 1672 г. после долгих и тяжелых переговоров¹⁵³, царь Алексей Михайлович обязался, «разсоветывая сию войну», писать султану и хану (ст. 5) запретить казакам Левобережной Украины оказывать поддержку П. Дорошенко (ст. 8) и направить на помощь Речи Посполитой своих татарских вассалов, калмыков и донских казаков (ст. 5), но вопрос о «случении сил» был отложен до новых переговоров.

Что же заставило русское правительство занять такую позицию, отказавшись от обязательств, принятых на себя по Московскому договору 1667 г.? Польский исследователь З. Вуйцик, специально занимавшийся этим вопросом, пришел к выводу, что русская сторона, считая свои южные границы обеспеченными, благодаря миролюбивым заявлениям Стамбула и соответствующим статьям мирного договора с Крымом, сочла не отвечающим своим государственным интересам вмешательство в польско-османский конфликт, так как была заинтересована в дальнейшем ослаблении Речи Посполитой¹⁵⁴.

Если бы дело обстояло именно так, то следовало бы расценить позицию русского правительства как крайне ограниченную, недалеконвидную, а сами правящие круги как не понимающие ближайших перспектив развития, когда после поражения Речи Посполитой Россия должна была стать следующим объектом османской экспансии в Восточной Европе. Однако реакция русского правительства на события 1672 г. показывает, что в Москве реально оценивали угрозу со стороны османов (об этом подробнее пойдет речь ниже).

Почему же русское правительство не захотело «случения» своих военных сил с польско-литовскими войсками? Причины кроются во внутривосточном положении Речи Посполитой того времени. Рубеж 60–70-х гг. XVII в. стал здесь временем очень острого внутривосточного кризиса.

Не вдаваясь в подробное его рассмотрение, отметим только, что столкновения между борющимися за власть группировками, сторонниками короля Михаила и его противниками—«мальконтентами», добивавшимися его дестронизации, достигли большой остроты, завершившись в 1672 г. (уже во время османского вторжения в страну) образованием двух противостоявших друг другу вооруженных «конфедераций». Одним из следствий кризиса стали нарастающие сбои в работе верховного органа власти Речи Посполитой — сейма. целый ряд сеймов был сорван. В таких условиях срывалось и выполнение важных военно-политических решений. Причина неполных военных успехов Я. Собеского в кампании 1671 г. не в последнюю очередь была связана с тем, что он командовал небольшой армией и, когда он разместил гарнизоны в занятых городах, ему просто не с кем было продолжать поход. Действия Я. Собеского должны были поддержать посполитое рушение и армия Великого княжества Литовского, но посполитое рушение, несмотря на приказ о его созыве, так и не собралось, а литовское войско отказалось идти на Украину, ссылаясь на невыплату жалованья. Я. Собеский с негодованием писал подканцлеру коронному А. Ольшовскому, что шляхта хочет «сидеть дома, налогов не платить, солдата не кормить, а Господь Бог чтобы за нас воевал»¹⁵⁵. Как видим, существовали реальные причины для сомнений в том, что находящаяся в таком состоянии Речь Посполитая может оказаться надежным союзником России в войне с таким могучим противником, как Османская империя.

Для сомнений были и иные весьма серьезные основания. В течение ряда лет в Москву из разных источников поступали сообщения о тайных связях командующего коронной армией Я. Собеского с П. Дорошенко, татарами и османами. Изучение переписки Я. Собеского, в том числе такой доверительной, как его подробная переписка с женой, ясно показывает, что никаких тайных переговоров ни с П. Дорошенко, ни с татарами, ни с османами коронный гетман не вел. Основанием для появления слухов служили, по-видимому, планы «профранцузского» лагеря 60-х гг. (в этом лагере Собеский был видной фигурой) при возведении на трон французского кандидата опереться на помощь татар и казаков П. Дорошенко¹⁵⁶. Позднее такие слухи, вероятно, распространились политиками из правительственного лагеря, чтобы дискредитировать гетмана, одну из ведущих фигур в лагере «мальконтентов»¹⁵⁷.

Сведения об «измене» Я. Собеского стали поступать в Россию довольно рано. Уже в октябре 1668 г. шляхтич, бежавший из казацкого плена в Чигирине, сообщал, что Я. Собеский и П. Дорошенко «договорились на том накрепко, что, сложась с татары, воевать Польшу»¹⁵⁸. В течение некоторого времени в Москве на такие сообщения не реагировали, но когда П. Дорошенко в письме к Д. Многогрешному написал, что имеет с Я. Собеским «совершенное приятство» и соглашение о помощи против общих неприятелей¹⁵⁹, и его письмо попало в руки русских властей, царь нашел нужным официально известить правящие круги Речи Посполитой о полученных сведениях, что и было сделано посольством И.И. Чаадаева, посетившим Варшаву в июле 1671 г.¹⁶⁰

Именно в связи с этим в наказе, подготовленном весной 1671 г. для несостоявшихся переговоров в Андрусово, был поставлен вопрос, что в такой ситуации русская сторона не в состоянии выполнить обязательства, взятые ею по Андрусовскому и Московскому договорам. Царь, говорилось в нем, заключил их, «не чая того, что от королевского величества и от Речи Посполитой кто изменником будет, а ныне гетман корунной Собеский с советники своими отступя, с Дорошенком сложился». Как же царь пошлет войска на Украину, если они там могут встретить соединенные силы османов, П. Дорошенко и Я. Собеского¹⁶¹. В такой критической ситуации русские послы должны были предложить «общим советом наяснейших королей и государей христианских призывать» для совместной борьбы с османами¹⁶².

Обвинения по адресу Я. Собеского на переговорах с И.И. Чаадаевым были официально опровергнуты польско-литовской стороной¹⁶³, но вряд ли это могло успокоить русских политиков, тем более, что в Москву продолжали поступать сведения об «измене» гетмана. Так, русский посланник в Крыму В. Шишкин сообщал в следующем 1672 г., что к хану «корунной гетман Собеской писал с ормянином, чтоб хан шел под Каменец, не мешкав, ... а он, гетман, королю помогать не будет»¹⁶⁴. На «случение» сил с армией, командующий которой, по поступающим сведениям, находился в тайном сговоре с противником, в Москве не могли пойти. Отсюда – принятое решение оказывать помощь Речи Посполитой всеми возможными способами, кроме соединения армий, и одновременно самым серьезным образом готовиться к войне с Османской империей, подыскивая для этого союзников в Европе.

В соответствии с обязательствами, принятыми по апрельскому договору 1672 г., русское правительство попыталось дипломатическими средствами предотвратить нападение османов и татар на Речь Посполитую. Уже 25 апреля 1672 г. царь Алексей Михайлович потребовал от хана Селим-Гирея посланные на помощь П. Дорошенко войска «из войны поворотить ... и болши того Дорошенку помочи никакой не чинить». В противном случае он угрожал нападением на Крым калмыков, татарских вассалов, черкесов и донских казаков «сухим и одним путем»¹⁶⁵. Когда находившийся в Крыму посланник В. Шишкин, добиваясь от хана Селим-Гирея «шерти», не решился передать ему подобный документ¹⁶⁶, царь полученной от хана «шертной грамоты» не принял и 8 августа снова потребовал прекратить войну¹⁶⁷.

12 мая в Стамбул с царской грамотой был отправлен гонец В. Даудов. Царь предлагал султану, как и хану, «войну велеть отставить и войска свои салтановы от войны отвратить», в противном случае, «сослався со всеми окрестными великими государи христианскими учнем против вас промысл чинити»¹⁶⁸. Грамота, как увидим далее, вызвала резкую реакцию в Стамбуле и дипломатические отношения между Россией и Османской империей были прерваны до конца 70-х гг.

Эти шаги, предпринятые тогда, когда османские войска уже собирались для выступления в поход, не смогли предотвратить польско-османскую войну. Решение о войне с Речью Посполитой было принято в Стамбуле осенью 1671 г. сразу по окончании мирных переговоров с Венецией. Нападение польских войск на владения вассала П. Дорошенко, по мнению осман-

ких политиков, давало для такой войны все законные основания. Как сообщал в Москву В. Шишкин, 23 ноября в Крым прибыл чауш султана с приказом к весне быть готовым к походу на польского короля¹⁶⁹.

10 декабря 1671 г. гонец Мехмеда IV вручил королю Михаилу официальное объявление войны¹⁷⁰. Тогда же была срочно оказана помощь П. Дорошенко: для поддержки его казаков были посланы Белгородская орда и нуреддин Сафа-Гирей с крымскими татарами¹⁷¹. После возвращения в начале марта в Крым нуреддин 29 апреля снова отправился к П. Дорошенко, а 6 июня хан со всей ордой по приказу Порты двинулся для участия в антипольских акциях¹⁷². За день до этого, 5 июня, сам султан выступил в поход из своей резиденции в Эдирне¹⁷³.

Итак, в конце 60-х – начале 70-х гг. в истории развития отношений Османской империи с восточноевропейскими государствами начался качественно новый период. Действуя преимущественно дипломатическими средствами и используя только войска своих татарских вассалов, османские правящие круги путем игры на противоречиях между украинским казачеством и Речью Посполитой сумели в этот период добиться заметных успехов в утверждении своего влияния на Украине (над территорией Правобережной Украины, находившейся в руках казаков, был установлен турецкий протекторат). В условиях, когда с окончанием Кандийской войны Османская империя приобрела свободу действий, Порта приняла решение утвердить и расширить свои позиции в регионе с помощью военной силы. Возможно, после успехов предшествующих лет в Стамбуле полагали, что военная кампания не займет много времени и после сравнительно короткой передышки османские правящие круги смогут вернуться к реализации накопившихся проблем на главном, балканском направлении внешней политики. Действительность оказалась иной, принятое в Стамбуле решение положило начало целой полосе войн между Османской империей и восточноевропейскими государствами.

¹ Текст договора опубликован: ПСЗ. Т. I. № 398.

² На этом аспекте договора правильно акцентировал внимание Г.А. Санин (*Санин Г.А. Русско-польские отношения 1667–1672 гг. и крымско-турецкая политика в Восточной Европе // Россия, Польша и Причерноморье в XV – XVIII вв. М., 1979. С. 277–278*).

³ *Галактионов И.В.* К истории Андрусовского перемирия 1667 г. // Исторический архив. 1959. № 6. С. 84.

⁴ См. *Hubert L. Zatargi z Turcyą 1667г.: poselstwo Hieronima Radziejewskiego // Hubert L. Pamiętniki historyczne. Т. II. W., 1861; Kersten A. Hieronim Radziejowski. Studium władzy i opozycji. W., 1988. S. 572–596.*

⁵ О посольстве см.: *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI – XVII вв. Т. II. М., 1946. С. 115–118; *Санин Г.А.* Русско-польские отношения ... С. 279–280.

⁶ РГАДА. Ф.89. Сношения России с Турцией. Кн. 9. Л. 7 об. 8; *Санин Г.А.* Русско-польские отношения ... С. 280.

⁷ РГАДА. Ф.89. Кн.9. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 65 об.–66.

⁹ Там же. Л.11.

- ¹⁰ См. «речи» послов перед советниками императора Леопольда. – ПДС. Т. 4. Стб. 616–617; *Wójcik Z. Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672.* W., 1968. S. 127.
- ¹¹ *Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII века // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма.* М., 1994. С. 86–88.
- ¹² См. грамоту Алексея Михайловича послам на Дон от 9 ноября 1667 г. – РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 46. Л. 150 об.–151.
- ¹³ *Wójcik Z. Między traktatem ...* S. 128.
- ¹⁴ *Ibid.* S. 43.
- ¹⁵ *Hubert L. Zatargi... S. 123.* По сведениям османских хронистов послы П. Дорошенко заявили, что готовы выставить по приказу султана для войны с его врагами 50-тыс. войско. (*Dorošenko D. Rypka J. Hejtman P. Dorošenko a jeho turecká politika. // Časopis Narodního Muzea.* Т. CVII. Praha, 1933. S.13.
- ¹⁶ *Hubert L. Zatargi... S. 151; KDT. № 372. S. 351.*
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 89. Кн.8. Л.180.
- ¹⁸ Там же. Л. 171 об.
- ¹⁹ Тексты соответствующих грамот: Там же. Л. 322 об. и сл.
- ²⁰ Там же. Кн.10. Л. 150 об.–151 об.
- ²¹ Там же. Л. 236–236 об.
- ²² Там же. Кн.8. Л. 318 об.
- ²³ *Hubert L. Zatargi... S. 147–148* (грамота хана от 18 апреля 1667 г.); *Wójcik Z. Medyacja tatarska między Polską a Turcyą w roku 1672 // Przegląd historyczny.* 1962. № 1.S. 34–35.
- ²⁴ См. об этом подробнее: *Majewski W. Podhajce –letnia i jesienna kampania 1667 // Studia i materiały do historii wojskowości.* T.VI. Cz. 1. W., 1960. О неудачном исходе похода для Крыма говорят и свидетельства русских источников. Участники похода говорили в Крыму подьячему Г. Михайлову, что «их ис той полской войны и трети не пришло и нынешняя полская война им неудачна». – РГАДА. Ф. 123. 1668 г. № 1. Л. 9.
- ²⁵ Донесения польских послов в Крыму см.: *Pisma. № 121.* Свидетельства русских источников см.: *Новосельский А.А. Борьба ...* С. 100.
- ²⁶ *Pisma. № 97.*
- ²⁷ *Ibid. № 100–101.*
- ²⁸ *Ibid. № 137.*
- ²⁹ *Korzon T. Dola i niedola Jana Sobieskiego (1629–1674).* Т. II. Kraków, 1898. S. 292; *Wójcik Z. Między traktatem... S. 180–181;* См. также грамоты Алексея Михайловича русским послам на Дону и киевскому воеводе П.В. Шереметеву от 18 и 24 мая 1668 г. – РГАДА. Ф. 123. 1668 г. № 1. Л. 211–218. В инструкциях, подготовленных в Москве для русских представителей на съезде, подчеркивалось, что русскому и польскому представителям «одному без другога с крымским послом не съезжатца и договор не чинить». – Там же. Л. 225.
- ³⁰ О московских переговорах конца 1667 г. см.: *Wójcik Z. Między traktatem... S. 68–125; Санин Г.А. Правобережная Украина и русско-польские переговоры 1667 г. в Москве // История СССР.* 1970. № 1.
- ³¹ *Wójcik Z. Między traktatem... S. 97–98.*
- ³² *Санин Г.А. Правобережная Украина... С. 133–134.*
- ³³ Публ. договора см.: ПСЗ. Т. I. № 420.
- ³⁴ См.: *Галактионов И.В. Украина в дипломатических планах России, Польши, Крыма и Турции в конце 60-х гг. XVII в. // Славянский сборник.* Вып. 3. Саратов, 1985. С. 46–48.
- ³⁵ *Санин Г.А. Правобережная Украина... С. 133–134.*
- ³⁶ В своих комментариях к тексту договора А.Л. Ордин-Нащокин утверждал, что с его заключением поляки «волю казакам дали, кого они хотят за государя себе принять». (*Санин Г.А. Правобережная Украина... С. 135*). См. также его записку царю от 8 октября 1669 г. Ее анализ см.: *Эйнгорн В.О. Отставка А.Л. Ордина-Нащокина и его отношение к малороссийскому вопросу // ЖМНП.* 1897, ноябрь. С.96.

- ³⁷ АЮЗР Т. 6. С. 247.
- ³⁸ Там же. С. 229–230.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 89. Кн. 10. Л. 196 об.–197; текст грамоты патриарха Мефодия об утверждении Иосифа Тукальского в сане киевского митрополита и его назначении патриаршим экзархом от 6 марта 1668 г. См. АЮЗР. Т. 9. № 1. С. 1–3.
- ⁴⁰ О миссии В.М. Тяпкина см. подробнее: *Галактионов И.В.* Украина ... С. 47–51.
- ⁴¹ АЮЗР. Т. 7. № 6. С. 18. Как сообщали в Москву русские дипломаты из Стамбула, казачьи послы, обращаясь к султану, указывали, что именно введение тяжелых налогов стало главной причиной их отпадения от Москвы (РГАДА. Ф. 89. Кн. 10. Л. 274–274 об.).
- ⁴² АЮЗР. Т.6. С. 239.
- ⁴³ Літопис Самовидця. С. 103.
- ⁴⁴ АЮЗР. Т. 7. С. 5.
- ⁴⁵ О восстании см.: *Стецюк К. І.* Народні рухи на Лівобережній і Слобідській Україні в 50–70-х роках XVII ст. Київ, 1960.
- ⁴⁶ О мерах по мобилизации военных сил см.: Дворцовые разряды. Т. 3. СПб., 1852. Стб. 716–725, 752–753, 796–798, 808–809. О военных действиях полка Г.Г. Ромодановского см.: *Новосельский А.А.* Борьба... С. 101–102.
- ⁴⁷ *Эйнгорн В.О.* Очерки по истории Малороссии в XVII в. I. Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1899. С. 467–468.
- ⁴⁸ АЮЗР. Т. 7. № 11/ II. С. 31.
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 123. 1668 г. № 1. Л. 27, 35, 43.
- ⁵⁰ Там же. Кн. 46. Л. 234–234 об.
- ⁵¹ Там же. 1668 г. № 1. Л. 57–58, 86; кн. 46. Л. 306 об. Ср. Там же. Ф.89. Кн. 10. Л. 384 об.–385 об.
- ⁵² *Галактионов И.В.* Украина... С. 56.
- ⁵³ *Wójcik Z.* Między traktatem... S. 180–181.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф.89. Кн. 10. Л. 199 об.–200 об., 272.
- ⁵⁵ Там же. Кн. 8. Л. 176 об.–177.
- ⁵⁶ Там же. Кн. 10. Л. 156 об.
- ⁵⁷ Там же. Л. 294.
- ⁵⁸ *Hammer J.* Histoire de l'empire ottoman. Т. XI. Paris, 1838. P. 369, 462.
- ⁵⁹ Pisma. Т. I. Cz. 1. S. 393.
- ⁶⁰ РГАДА. Ф.89. Кн. 10. Л. 199 об.
- ⁶¹ Pisma. Т. I. Cz. 1. S. 378–379, 390–391. Сохранились сведения, что это посольство привезло Иосифу Тукальскому грамоту султана на киевскую митрополию. См. расспросные речи нежинского протопопа. – АЮЗР. Т. 7. С. 92–93.
- ⁶² АЮЗР. Т. 8. № 73. С. 218–219. Как видно из расспросных речей русского гонца В. Даудова, в ноябре 1668 г., находясь в Османской империи, он смог ознакомиться с этим документом, откуда приводит отдельные статьи. Ему было также известно, что документ передан советникам султана посол П. Дорошенко, писарь Л.Бускевич (РГАДА. Ф. 89. Кн. 8. Л. 301–302). Следовательно, не может быть сомнений, что данный документ действительно исходил от гетмана и был передан его послами османской стороне.
- ⁶³ РГАДА. Ф.123. 1668 г. №1. Л. 60; Петровський М. Нариси історії України XVII – початку XVIII століть. І. Харків, 1930. С. 401.
- ⁶⁴ *Галактионов И.В.* Украина ... С. 58.
- ⁶⁵ *Петровський М.* Нариси... С. 294.
- ⁶⁶ Эйнгорн В.О. Очерки... С. 458–459, 470–471.
- ⁶⁷ Pisma. Т. I. Cz. 1. № 45.
- ⁶⁸ РГАДА. Ф.89. Кн. 13. Л. 49 об.–50.
- ⁶⁹ Pisma. Т. I. Cz. 1. № 121. S. 328.
- ⁷⁰ АЮЗР. Т. 6. С. 249.

- ⁷¹ Pisma. T. I. Cz. 1. № 145. Ср. Літопис Самовидця. С. 121.
- ⁷² *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 120–121.
- ⁷³ РГАДА. Ф. 123. 1668 г. № 1. Л. 59.
- ⁷⁴ Там же. Кн. 46. Л. 234.
- ⁷⁵ Pisma. T. I. Cz. 1. № 173. S. 406.
- ⁷⁶ *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльності. Нью-Йорк, 1985. С. 220.
- ⁷⁷ АЮЗР. Т. 7. С. 153–154
- ⁷⁸ РГАДА. Ф. 89. Кн. 8. Л. 302.
- ⁷⁹ АЮЗР. Т. 7. № 61. С. 173.
- ⁸⁰ Там же. Т. 8. № 30. С. 130 (письмо И. Гизеля царю). Ср. № 40. С. 145 (расспросные речи киевских казаков).
- ⁸¹ Там же. № 34. С. 137 (расспросы выходцев из плена).
- ⁸² Там же. № 35. С. 138.
- ⁸³ Літопис Самовидця. С. 107. Ср. сходные сообщения, поступившие в то время в Посольский приказ: «о подданстве Турку П. Дорошенко совет чинил с Тукальским митрополитом один; а после того с полковники, а казаков на раду не созывал, и в войско сказывал, что он султану не подался, а чтобы ему чинить помощь и быть в дружбе» (*Эйнгорн В.О.* Очерки... С. 576).
- ⁸⁴ АЮЗР. Т. 8. С. 130, 137, 145. Более подробный разбор свидетельств источников о решениях Корсунской рады см.: *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 245–250.
- ⁸⁵ АЮЗР. Т. 8. № 49. С. 161.
- ⁸⁶ Там же. № 75. С. 221–222.
- ⁸⁷ Там же. С. 168.
- ⁸⁸ Там же. С. 165.
- ⁸⁹ Літопис Самовидця. С. 108; АЮЗР. Т. 8. № 105/Л. С. 263.
- ⁹⁰ См. сообщения посланцев гетмана Д. Многогрешного от 14 мая 1669 г. о том, что казаки Лубенского полка сместили своего полковника Гамалею за то, что в Корсуни «присягал гурскому салтану и салтанской кафтан и лист, каковы с ними присланы, целовал» (АЮЗР. Т. 8. № 61. С. 202.). Резкое недовольство казаков вызвало и желание П. Дорошенко получить у султана право на пожизненное гетманство – см. письмо М. Ханенко Д. Многогрешному (АЮЗР. Т. 9. № 9/II. Стб. 45.)
- ⁹¹ О нем см.: *Чухліб Т.* З історії політичної боротьби в Українській державі у 60–70-х роках XVII ст. діяльність правобережного гетьмана Михайла Ханенка // Середньовічна Україна. Вип. 2. Київ, 1997. М. Ханенко выступил против П. Дорошенко еще на Корсунской раде. – *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 245–246.
- ⁹² АЮЗР. Т. 8. № 79/Л. С. 229.
- ⁹³ Там же. Т. 12. Стб. 755–758 (перевод грамоты, переданной П. Дорошенко русским властям после его капитуляции в 1676 г.). Иную более обширную версию документа, которую «прислал с коша Михаил Ханенко» с датой 12 мая см.: АЮЗР. Т. 9. № 41. Стб. 172–174.
- ⁹⁴ Так его называет сам П. Дорошенко в письме к султану (*Hammer J. Geschichte des Osmanischen reiches.* T. VI. Pest, 1830. S. 698.)
- ⁹⁵ См. письмо М. Ханенко Д. Многогрешному. – АЮЗР. Т. 9. № 9/Л. Стб. 43.
- ⁹⁶ Там же. Т. 9. № 9/IV. Стб. 48–49. Знаки власти были вручены П. Дорошенко под Уманью во время его похода на своих противников (Літопис Самовидця. С. 108); сообщения послов П. Дорошенко при передаче «санжаков» царю. – АЮЗР. Т. 12. Стб. 430, 435.
- ⁹⁷ Літопис Самовидця. С. 108
- ⁹⁸ *Hammer J. Geschichte...* T. VI. S. 697–698. В письме казакам от имени «всего Крыма» говорилось, что хан будет поддерживать запорожцев независимо от того, будет ли этим доволен Османский дом или нет.
- ⁹⁹ См. письмо П. Дорошенко каймакаму. – *Hammer J. Geschichte...* T. VI. S. 695–696.
- ¹⁰⁰ Петровський М. Нариси... С. 301, 403.

- ¹⁰¹ Чухліб Т.З. З історії... С. 174.
- ¹⁰² Й. Хаммер использовал эти тексты, попавшие в Стамбуле в руки австрийских резидентов.
- ¹⁰³ РГАДА. Ф. 123. Кн. 46. Л. 26 об.
- ¹⁰⁴ Літопис Самовидця. С. 109; Pisma. T. I. Cz. 1. № 221. S. 462–463 (донесение коменданта Белой церкви от 21.11. 1669 г.). Впрочем, набрав большое количество ясыря, Белгородская орда ушла за Днестр, не пожелав зимовать на украинских землях. – *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 268–269.
- ¹⁰⁵ АЮЗР. Т. 12. Стб. 757.
- ¹⁰⁶ Там же. Т. 8. № 40. С. 145.
- ¹⁰⁷ Крикун М. Інструкції послам Війська Запорозького на елекційний та коронаційний сейм 1669 року // Центральна і Східна Європа в XV – XVIII століттях: Питання соціально-економічної та політичної історії. Львів, 1998.
- ¹⁰⁸ АЮЗР. Т. 9. № 40. Стб. 164.
- ¹⁰⁹ О комиссии см.: *Korzon T.* Dola i niedola... Т. II. S. 388 и n.
- ¹¹⁰ АЮЗР. Т. 8. Стб. 137, 138.
- ¹¹¹ Літопис Самовидця. С. 109. Учитывая общую ситуацию, вызывает большие сомнения утверждение этого автора, что Ю. Хмельницкий был отправлен в Стамбул «за причиною гетмана Дорошенка». Характерно, что во второй половине 1670 г. в резиденцию султана в Адрианополь был доставлен и живший в Яссах предшественник П. Дорошенко на гетманском посту Павел Тетеря (*Wójcik Z.* Między traktatem... S. 250).
- ¹¹² *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 289–290.
- ¹¹³ АЮЗР. Т. 9. № 47. Стб. 196 и сл.
- ¹¹⁴ Pisma. T. I. Cz. 1. № 251. S. 536. (письмо от 21 июля 1670 г.).
- ¹¹⁵ Тот же А. Ольшовский сообщил Я. Собескому 27 апреля 1670 г., что «посол татарский объявляет, что П. Дорошенко изменник и ходатайствует о булаве Запорожской для М.Ханенко» (Pisma. T. I. Cz. 1. № 239. S. 502).
- ¹¹⁶ О взглядах этой части казачества хорошее представление дает ее коллективный ответ на предложение П. Дорошенко подчиниться его власти (украинский перевод этого текста см.: *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 384–387).
- ¹¹⁷ Подробное изложение договора см.: *Korzon T.* Dola i niedola... Т. II. S. 393–396.
- ¹¹⁸ *Wójcik Z.* Między traktatem... S. 250.
- ¹¹⁹ Pisma. T. I. Cz. 1. № 251. S.536–537.
- ¹²⁰ Ibid. № 282. S. 627 (донесение коменданта Белой Церкви от 12 марта 1671 г.). См. также «лист городовых казаков до низовых» от 2 февраля 1671 г., где констатируется, что договор, заключенный с М.Ханенко, возвращает Запорожское Войско в то положение, в каком оно находилось перед восстанием Хмельницкого (Ojczyste spominki w pismach do dziejów dawnej Polski. Zebra. A. Grabowski. Kraków, 1845. S. 303–305). Подробнее о неудачных попытках польских властей добиться низложения П. Дорошенко и выступления казаков против решений комиссии см.: *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 328–329, 334 – 339.
- ¹²¹ Pisma. T. I. Cz. 1. № 267 (донесение коменданта Белой Церкви от 7 декабря 1670 г.); *Korzon T.* Dola i niedola... Т. III. Kraków, 1898. S. 1–2 (сообщения сотника Тарасовского, бежавшего из Чигирина, от 9 января 1671 г.). См. также сообщения перешедшего на Левобережье «охотного полковника» И. Шульги, который указал даже точную дату принятия решения—19 ноября 1670 г. 22 ноября с сообщением о принесенной присяге в Стамбул отправился посол П. Дорошенко браславский полковник Лисица. – РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Приказной стол. Стб. 424. № 21.
- ¹²² Pisma. T. I. Cz. 1. № 272. S. 612.
- ¹²³ Ibid. № 302 (Донесение Я. Карвовского от 15. VIII. 1671 г.).
- ¹²⁴ См.: РГАДА. Ф. 89. Кн. 10. Л. 252 и сл. Кн. 11. Л. 66 и сл.
- ¹²⁵ См., например, грамоту султана, привезенную А. Поросукowym в марте 1670 г. – РГАДА. Ф. 89. Кн. 11. Л. 126 об. и сл.

- ¹²⁶ АЮЗР. Т. 9. № 51. С. 219.
- ¹²⁷ В октябре документ был передан представителям Речи Посполитой. – *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 203.
- ¹²⁸ *Ibid.* S. 204–206.
- ¹²⁹ В своей записке, поданной царю в середине 1670 г., А.Л. Ордин-Нащокин прямо писал о необходимости переговоров с П. Дорошенко и митрополитом И. Тукальским, чтобы их обнадежить «в подданстве Украины в отлучении от бусурман и от насилия католицизма». – *Фаизов С.Ф.* Неизвестная страница из предыстории отставки А.Л. Ордина-Нащокина // *Славянский сборник*. Вып. 3. Саратов, 1985. С. 71.
- ¹³⁰ *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 204–206; *Санин Г.А.* Русско-польские отношения... С. 282–283; *Эйнгорн В.О.* Отставка... С. 105–149.
- ¹³¹ *Эйнгорн В.О.* Отставка... С. 162.
- ¹³² *Новосельский А.А.* Борьба... С. 89.
- ¹³³ *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 201, 206.
- ¹³⁴ *Ibid.* S. 217.
- ¹³⁵ Публ.: ПСЗ. Т. I. № 469.
- ¹³⁶ *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 242, 245.
- ¹³⁷ Публ.: ПСЗ. Т. I. № 479.
- ¹³⁸ *Фаизов С.Ф.* Неизвестная страница... С. 69–70.
- ¹³⁹ *Літопис Самовидця*. С. 111; *Pisma*. S. 635; *Korzon T. Dola i niedola...* Т. III. S. 19.
- ¹⁴⁰ *Літопис Самовидця*. С. 111.
- ¹⁴¹ РГАДА. Ф. 123. Кн. 52. Л. 243, 244 об. («вести» от Г. Михайлова).
- ¹⁴² Там же. Л. 243 об.–244. В скрытой форме (как увидим далее) содействие Речи Посполитой хан все же оказал.
- ¹⁴³ *Pisma*. Т. I. Cz. 1. № 305. S. 666.
- ¹⁴⁴ Позднее послы П. Дорошенко при передаче «санжаков» русским властям утверждали, что ни при передаче знаков власти под Уманью, ни во время похода на Каменец «старшины и вся чернь» не приносили присяги на подданство султану (АЮЗР. Т. 12. № 134. Стб. 435).
- ¹⁴⁵ *Czaminska J. Czy wojna z Turcyą w 1672 roku byta nie unikniona? Poselstwo Franciszka Kaziemiera Wysockiego do Turcji w latach 1670–1672* // *Kwartalnik historyczny*. 1985. №4. S. 776.
- ¹⁴⁶ *Korzon T. Dola i niedola...* Т. III. S. 14–15.
- ¹⁴⁷ *Wójcik Z. Między traktatem...* S.265.
- ¹⁴⁸ Подробнее о ней см.: *Jaworski M.* Kampania ukraińska Jana Sobieskiego w 1671 r. // *Studia i materiały do historii wojskowości*. Т. XI. Z.1. W., 1965.
- ¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 123. Кн. 52. Лл. 243 об.–245 («вести» от Г. Михайлова).
- ¹⁵⁰ *Korzon T. Dola i niedola...* Т. III. S. 55 и п. На предсеймовых сеймиках послы М.Ханенко выступали в защиту «греческой веры» и казацких вольностей. – *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 387–388.
- ¹⁵¹ Подробная характеристика этих усилий польско-литовской дипломатии дана в IV главе монографии З. Вуйцика. См. также: *Санин Г.О.* Борьба Украины и России против турецкой агрессии в 1672 г. // *Український історичний журнал*. 1971. № 12.
- ¹⁵² *Wójcik Z. Między traktatem...* S.258.
- ¹⁵³ Публ. см.: ПСЗ. Т. I. № 513.
- ¹⁵⁴ *Wójcik Z. Między traktatem...* S.185–186, 244–245, 307.
- ¹⁵⁵ *Korzon T. Dola i niedola...* Т. III. S. 22, 29, 44, 60, 66–68.
- ¹⁵⁶ О том, что Я. Собеский обеспечит помощь татар и П. Дорошенко французскому кандидату, писали Людовику XIV французские агенты в Польше. – *Korzon T. Dola i niedola...* Т. I. S. 315.
- ¹⁵⁷ Так, известно, что в тайных переговорах с П.Дорошенко обвинял Я. Собеского один из видных деятелей правительственного лагеря литовский гетман М. Пац (*Korzon T. Dola i niedola...* Т. III. S. 46–47.)

- ¹⁵⁸ АЮЗР. Т. 7. № 36. С. 104.
- ¹⁵⁹ Об этом письме см.: Там же. Т. 9. № 90. С. 364.
- ¹⁶⁰ См. об этом: *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 268–269.
- ¹⁶¹ АЮЗР. Т. 9. № 90. С. 367, 369. О времени и обстоятельствах составления документа см.: *Эйнгорн В.О.* Отставка... С. 170–171.
- ¹⁶² АЮЗР. Т. 9. № 90. С. 377.
- ¹⁶³ *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 270.
- ¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 123. Кн. 52. Л. 237.
- ¹⁶⁵ Там же. Л. 155 и сл.
- ¹⁶⁶ Там же. Л. 203 об.–206 об.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 297 об.–303.
- ¹⁶⁸ Там же. Ф. 89. Кн. 13. Лл. 8 об.–12; *Смирнов Н.А.* Россия и Турция ... Т. II. С. 120–121.
- ¹⁶⁹ РГАДА. Ф. 123. Кн. 52. Лл. 246.
- ¹⁷⁰ *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 291. Текст грамоты великого везира см.: *Dorošenko D. Ripka J. Hejtman...* S. 35.
- ¹⁷¹ АЮЗР. Т. 9. № 127. Стб. 605–606; № 129. Стб. 612 и др.; *Літопис Самовидця.* С. 112. Текст приказа хану о помощи П. Дорошенко см.: *Dorošenko D. Ripka J. Hejtman...* S. 36.
- ¹⁷² РГАДА. Ф. 123. Кн. 52. Л. 218, 249, 250.
- ¹⁷³ *Korzon T. Dola i niedola ...* Т. III.

ВОЙНЫ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ С ГОСУДАРСТВАМИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (1672–1681 гг.).

Принимая решение о начале войны с Речью Посполитой, османские правящие круги несомненно опирались на имевшуюся у них информацию о тяжелом внутреннем положении этого государства, делавшем его неспособным дать успешный отпор врагу¹. Рассчитывая добиться быстрого успеха, великий везир собрал для участия в походе все войска «из Европы и Азии». По оценке французского дипломата Ф. де ла Круа, в османской армии насчитывалось свыше 150 тыс. человек и она была хорошо подготовлена к осаде городов – турецкая артиллерия насчитывала 125 пушек². По требованию султана в походе приняла участие и почти вся крымская орда³.

Момент для похода был выбран очень удачно. Внутриполитическая борьба в Речи Посполитой достигла к этому времени максимальной остроты.⁴ Собравшийся в январе 1672 г. сейм, даже не рассмотрев предложений Я. Собеского об организации обороны страны, распустился. Новый сейм от 18 мая, когда опасность уже придвинулась вплотную, был также сорван. 3 июля рада сената приняла решение о созыве посполитого рушения, но это дворянское ополчение, собравшееся под Варшавой в сентябре 1672 г., король использовал как орудие борьбы со своими политическими противниками и оно даже не вступило на территорию Украины⁵.

Огромной силе османов противостояла та часть коронной армии, которая осталась свободной после размещения гарнизонов в украинских городах, и казаки М. Ханенко. Первые нападения противника были удачно отби-

ты⁶, но положение изменилось, когда отряды П. Дорошенко соединились с крымской ордой. В середине июля на переправе через Буг польско-казацкое войско потерпело поражение и отступило, потеряв артиллерию и знамена. Остатки разбитой армии отошли ко Львову и к Белой Церкви⁷.

В османском лагере старались привлечь на свою сторону местное украинское население. 26 июля 1672 г. хан Селим-Гирей обратился к населению Забужья и казакам – сторонникам Ханенко, предлагая им подчиниться власти Дорошенко и «обещая словом нашим ханским», что они не подвергнутся наказаниям и сохраняют свое имущество. Хан вспоминал времена «славного гетмана Хмельницкого» и резко порицал казацкую старшину, разорившую страну своей борьбой за гетманство⁸. Обращения эти имели успех, целый ряд полковников поспешил снова подчиниться П. Дорошенко, открыв ему ворота своих городов⁹.

Перейдя Днестр, армия султана двинулась к Каменец-Подольскому, одному из главных опорных пунктов польской власти на Украине. Обладание этой крепостью позволило бы Османской империи установить свой контроль на путях, ведущих в Дунайские княжества и Крым, и приобрести стратегическую базу в близком соседстве с казацкими землями. В середине августа началась осада. Расположенный в неблагоприятном для осаждающих месте Каменец имел надежные укрепления, но в него не был своевременно введен сильный гапнизон, не создан достаточный запас продовольствия. В ходе защиты крепости выявилась нехватка квалифицированных военных, особенно артиллеристов, сам начальник гарнизона не был опытным военачальником. После трехнедельной осады, когда часть укреплений была разрушена мощным огнем османской артиллерии, город капитулировал¹⁰.

Взятие Каменца деморализовало население и армия султана продвигалась по польской территории, не встречая серьезного сопротивления¹¹. Часть османских войск, крымская орда и казаки П. Дорошенко были направлены ко Львову. 26 сентября началась осада города и татарские «загоны» рассеялись по территории Русского воеводства¹². С имевшимися небольшими силами Я. Собеский сумел организовать отпор татарам¹³, но помешать действиям османской армии он не мог. Хан, выступавший в качестве посредника, постоянно советовал начать мирные переговоры, так как в случае взятия Львова султан потребует себе и Русское воеводство¹⁴.

В этих условиях в Бучаче (на Украине) 16 октября 1672 г. был подписан мирный договор, условия которого были продиктованы султаном¹⁵. Одной из главных статей договора¹⁶ была уступка Османской империи всей Подолии вместе с ее административным центром – Каменцем¹⁷. Шляхта могла оставаться в своих имениях, уплачивая с них налоги в казну султана. Украина «в ее старых границах» передавалась казакам, и из тех немногих пунктов, которые еще оставались под польской властью (как, например, Белая Церковь), в течение двух месяцев должны были быть выведены польские гарнизоны. Как видно из записи переговоров, казацкие представители в лагере османов выдвигали и другие требования, например о возвращении православных церквей и ликвидации унии. Эти требования, переданные польским комиссарам¹⁸, при составлении договора не были приняты во вни-

мание. Территориальными уступками со стороны Речи Посполитой дело не ограничилось. Особый пункт договора составляло обязательство уплаты ею ежегодно «в подарок» султану 22 тыс. золотых. Хотя по настояниям польско-литовской стороны, эти деньги в договоре не были названы данью – «хараджем», но включение такого условия ясно говорит о стремлении Порты превратить Речь Посполитую в вассальное, зависимое государство.

В записи переговоров отмечено, что османские представители заявляли и о правах султана на Заднепровье¹⁹. Это заявление не было случайным. По сведениям, которые доставил из Турции русский гонец В. Даудов, под влиянием достигнутых успехов в лагере султана обсуждали планы похода и на Левобережную Украину. Как выяснил гонец, под Каменцом П. Дорошенко «дал роспись, как под Киевом промышлять и с которую сторону подкопы копать»²⁰. Здесь же султан обсуждал с крымскими татарами планы прорыва русской южной линии обороны, чтобы «царскому величеству учинить разорение большое». Правда, результат обсуждения оказался не слишком благоприятным. Хан заявил, что «от Севска и Путивля учинить разоренье не мочно», так как там стоят большие русские войска, а оборонительную линию можно прорвать лишь в районе Тамбова²¹. Это вряд ли могло устроить османские власти, так как район Тамбова находился далеко от Украины, но сам факт такого обсуждения свидетельствовал о явных намерениях османов. Имело значение и появление в лагере султана во время похода послов от астраханских и казанских татар и от башкир с просьбой освободить их от иноверной власти²².

Гонца В. Даудова приняли в Стамбуле «безо всякие чести», султан не пожелал его принять и сам ответить на грамоту царя, а в грамоте великого везира послание Алексея Михайловича охарактеризовалось как «многие непристойные слова», с которыми султан не намерен считаться²³. Из известных материалов о планах и действиях османов в следующем 1673 г. совершенно очевидно, что в итоге этих обсуждений Стамбул признал войну с Россией тяжелым и трудным делом, и от похода на Киев было решено отказаться.

Как бы то ни было, военная кампания 1672 г. завершилась для османов быстро и успешно. Перешедшая под власть османов Подолия превратилась в провинцию – зйялет с центром в Каменце-Подольском, где устанавливалось османское военно-административное деление, началось податное описание и раздача тимаров воинам²⁴. Одновременно был утвержден суверенитет османов над лежавшей северней обширной территорией Киевщины и Брацлавщины, где распоряжался вассал султана гетман П. Дорошенко.

Австрийский резидент в Стамбуле с тревогой сообщал, что, уладив в своих интересах дела в Восточной Европе, Порта намерена оказать помощь венгерским повстанцам в борьбе против императора. Трансильванский князь М. Апафи призывал султана к вмешательству, сообщая о поражении австрийских войск в войне с французами²⁵. В Стамбуле полагали, что бессильная Речь Посполитая примирится со сложившимся положением вещей, а Россия не станет вмешиваться в происходящее. Однако к весне 1673 г. стала ясной ошибочность этих расчетов, проявились негативные стороны достигнутых успехов. Османские правящие круги оказались перед необходимостью защищать свои новые владения даже в ущерб сво-

им внешнеполитическим интересам на главном для них стратегическом направлении – на Балканах.

Резкий рост внешней угрозы, утрата важных территорий способствовали тому, что разногласия между разными группировками магнатории и шляхты Речи Посполитой на время отступили на задний план и возобладало стремление дать отпор противнику. Сейм, созданный в начале 1673 г., принял решение не принимать Бучачского договора и продолжить войну. Было постановлено снарядить 30-тыс. армию, для чего проводился набор пехоты из государственных и частновладельческих крестьян, а на содержание конницы устанавливался ряд чрезвычайных налогов, включая поголовное и подымное²⁶.

Одновременно выяснилось, что русское правительство отнюдь не ограничились дипломатическими протестами. С В. Даудовым в мае 1672 г. был послан приказ донским казакам предпринять нападения с моря на владения хана и султана²⁷. В июне такое же распоряжение было послано запорожцам²⁸. 7 октября царь снова потребовал «промысел всякий чинить над Крымом» и приказал прислать в Москву людей, «которые б знали путь на Крым сухим путем, а на Черное море водяным путем»²⁹. Находившиеся в Москве крымские послы были сосланы в Вологду, где их заключили в тюрьму³⁰. В результате запорожцы дважды, летом и в начале осени 1672 г., напали на Крым, и, следуя указаниям из Москвы, донские казаки в августе 1672 г. «били башни», поставленные османами в устье Дона³¹. Так фактически началась война между Россией и Османской империей.

Тогда же русское правительство приступило к поискам союзников в борьбе против османов. В июле 1672 г. царь предложил иранскому шаху Сулейману воспользоваться походами султана на Речь Посполитую и начать войну с Османской империей³². В октябре 1672 г. за границу выехали П. Менезий, А. Виниус, Е. Украинцев, которые должны были посетить едва ли не все наиболее крупные европейские государства и даже Рим, с которыми уже в течение долгого времени не было дипломатических сношений. Русское правительство подробно излагало предысторию конфликта, обращалось ко всем этим государствам с просьбой во имя христианской солидарности оказать военную помощь Речи Посполитой и предлагало заключить союзные соглашения об антиосманской борьбе. Наконец, в грамотах содержалась просьба оказать содействие прекращению войны между Францией Людовика XIV и Голландией, чтобы все европейские государства могли обратить свои силы против «бусурман»³³. Размах этой беспрецедентной в деятельности русской дипломатии XVII в. акции явнее, чем что-либо другое свидетельствует о тревоге, с которой относились в Москве к нарастающей опасности со стороны Османской империи. Ход событий усиливал беспокойство, так как было очевидно, что на серьезное сопротивление османам со стороны Речи Посполитой нет оснований рассчитывать.

Русским дипломатам нигде не удалось добиться успеха, даже в Австрии (единственным исключением был Рим, но и он лишь обещал дипломатическую поддержку)³⁴. Начатый нападением Людовика XIV на Голландию европейский конфликт разрастался. В него вовлекалось с обеих сторон все

большее количество государств, и он привлекал к себе всеобщее внимание европейских политиков. Одним из членов формирующейся антифранцузской коалиции стала Австрия, и это заставило двор императора Леопольда I особенно заботиться о сохранении мирных отношений с Портой. Итоги переговоров показывали, что в борьбе с османами Русскому государству придется рассчитывать на собственные силы.

Был принят целый комплекс мер для мобилизации всех ресурсов, финансовых и военных, перед лицом османской угрозы. Уже в октябре 1672 г. был объявлен царский указ всем служилым людям готовиться к войне. В Севске был назначен сбор армии во главе с лучшим из русских военачальников князем Ю.А. Долгоруким, предполагался и выезд самого царя в Путивль для личного участия в войне³⁵. 18 декабря на заседании Боярской думы с присутствием патриарха было принято решение о сборе чрезвычайного налога на содержание армии – «по полтине» с крестьянского двора и по десятой деньге с посадского населения³⁶.

В январе – феврале 1673 г. русские отряды во главе с князем Ю.П. Трубецким появились на Днепре под Киевом³⁷, в июне на Дону также появились русские войска во главе с думным дворянином И.С. Хитрово, попытавшиеся вместе с донскими казаками осадить Азов³⁸. В грамоте от 4 июня 1673 г., ставя в известность хана о всех принятых мерах, царь снова требовал прекратить военные действия против России и Речи Посполитой, напоминая, что в противном случае собранные войска пойдут походом на Крым³⁹. Обеспокоенный появлением крупных русских войск на Днепре гетман П. Дорошенко просил помощи у султана⁴⁰.

Намерения польско-литовской стороны оставались для османов неясными, но к началу 1673 г. в Стамбуле столкнулись с тем, что условия Бучачского договора не выполняются, и крепости, из которых должны были быть выведены польские гарнизоны, в установленные сроки не очищены. Угрожая гневом султана, великий везир потребовал исполнения договора⁴¹. Принимая в начале апреля османского гонца, подканцлер А. Ольшовский, чтобы скрыть действительные планы правящих кругов Речи Посполитой, заверял, что по окончании сейма к султану будут посланы послы с хараджем.⁴²

В апреле в Стамбуле было принято решение направить на Днестр корпус во главе с Хусейн-пашой⁴³. Предполагалось, что военная демонстрация, подкрепленная появлением на Дунае самого султана, заставит поляков согласиться на подтверждение мира, после чего Хусейн-паша будет направлен на помощь П. Дорошенко⁴⁴. В условиях нового обострения польско-османских отношений ходатаем за Речь Посполитую снова выступил крымский хан Селим-Гирей. По сведениям, собранным в Крыму русским дипломатом Г. Михайловым, хан ходатайствовал перед султаном, чтобы Порта перестала требовать харадж и даже предлагал захваченный во время похода 1672 г. полон «королю отдать без окупу»⁴⁵. Такая позиция Крыма была связана с тем, что сразу после заключения Бучачского мира стали сбываться опасения крымской знати. Уже в конце 1672 г. султан потребовал вывести в Крым Белгородскую орду, «так как белгородская земля ево, турецкого салтана». Хан вывел с собой в Крым 16 тыс. человек с женами и детьми, но вес-

ной 1673 г. султан потребовал вывести и остальных, так как намерен «строить в Белегороде своими турецкими людьми»⁴⁶. Снова вырисовывалась угроза автономии ханства, и крымская знать хотела предотвратить войну, которая могла бы привести к дальнейшему укреплению османских позиций в Восточной Европе. Однако крымские предложения в Стамбуле были отклонены⁴⁷ и никакого воздействия на ход событий эта инициатива не оказала.

9 октября военный совет под руководством Я. Собеского принял решение о выступлении против османов⁴⁸ и корпус Хусейн-паши оказался в угрожаемом положении. Ему были спешно отправлены подкрепления, послан соответствующий приказ крымскому хану⁴⁹, но меры эти запоздали. В сражении под Хотинном 10–11 ноября 1673 г. корпус Хусейн-паши был разгромлен.⁵⁰ После этого находившиеся в Молдавии османские войска поспешно отступили за Дунай, а польская армия вступила в Молдавию и, не встречая сопротивления, заняла значительную часть княжества. В декабре была занята его столица Яссы, где на престол взошел перешедший под Хотинном на сторону поляков господарь Стефан Петричейку.

Однако закрепить достигнутый успех Яну Собескому не удалось. Армия Великого княжества Литовского во главе с враждебными Собескому литовскими магнатами сразу после победы под Хотинном ушла на зимовку на Вольнь. Шляхта из состава коронного войска и магнаты со своими отрядами разъезжались по домам, усилению этого «разъезда» способствовали сообщения о смерти короля Михаила и наступлении бескорольевья. Другие уходили, не получая жалованья. Усилия Я. Собеского добыть необходимые средства оказались безуспешными. Оставленный в Молдавии корпус (6–8 тыс. человек) не смог противостоять наступлению османских войск Каплан-паши и крымской орды во главе с калгой и в начале 1674 г. был вынужден отойти на территорию Речи Посполитой⁵¹.

Особенности социально-политического строя Речи Посполитой (слабость центральной власти, распри между магнатскими группировками, необходимость согласия шляхты на сбор налогов для содержания армии) являлись причиной того, что страна оказывалась неспособной вести длительные кампании с участием крупных военных сил, и это было использовано османами для восстановления своих позиций на Балканах.

Поражение под Хотинном стало серьезным ударом по престижу Порты и насущной ее задачей стал реванш за понесенные неудачи. Уже в январе 1674 г. были приняты решения о сборе войск для нового похода не только в европейских (снялась даже часть войск с венгерской границы), но и в азиатских провинциях империи, вплоть до Египта⁵². В Крым с приказом о походе был послан врач, которому поручалось освидетельствовать здоровье хана и тем исключить всякие предлоги для отказа⁵³. Летом 1674 г. у южных границ Речи Посполитой сосредоточилась значительная султанская армия, однако события, развернувшиеся в это время на Правобережной Украине, заставили османских политиков внести изменения в свои планы.

Одним из последствий заключения Бучачского договора, явно не ожидавшихся османами, стала резкая активизация русской политики по отношению к Правобережной Украине. Узнав о заключении договора, Алексей Ми-

хайлович в начале 1673 г. поставил Варшаву в известность о том, что после того как Речь Посполитая «гетмана Дорошенко со всем посольством с городами поступила турецкому салтану», он более не считает себя связанным условиями Андрусовского мира и станет население Правобережной Украины «из-под ига агарянского отвращать» под свою «высокую руку»⁵⁴. 16 марта из Москвы последовал указ Г. Г. Ромодановскому и новому гетману Левобережной Украины И. Самойловичу, став лагерем на Днепре, вступить в переговоры с П. Дорошенко и правобережными полковниками и предложить им подчиниться власти царя, который защитит их от османов. В случае неудачи переговоров им предписывалось открыть военные действия⁵⁵.

К этому времени для действий русского правительства на Правобережной Украине сложились благоприятные условия. Во время похода на Каменец султан был милостив к П. Дорошенко, «подаровал конем ... и шубою собою»⁵⁶. Тогда же Мехмед IV снова утвердил его гетманом⁵⁷, вручив знак гетманской власти – булаву⁵⁸. Города, занятые поляками во время кампании 1671 г., вернулись под власть П. Дорошенко, а его соперник М. Ханенко вынужден был покинуть Украину. Однако о выполнении условий, поставленных некогда гетманом в его «Статьях», речи не было. Подолия ему не передавалась, а вошла в состав Османской империи. П. Дорошенко за свои заслуги получил в пожизненное держание лишь г. Могилев на Днестре⁵⁹. О расширении казацкой державы за счет Речи Посполитой на мирных переговорах не говорилось. Становилось все более очевидным, что не П. Дорошенко использовал в своих интересах силы и ресурсы Османской империи, а именно Порты, воспользовавшись его просьбой о покровительстве, сумела осуществить свои собственные планы. А вскоре после заключения мирного договора в Стамбуле была предпринята попытка ограничить автономию гетманства и сильнее подчинить его верховной власти султана. Как сообщал австрийский резидент при султанском дворе, одним из важных актов политики османов в Подолии стало уничтожение всех крепостей в крае, кроме тех немногих, где находились османские гарнизоны.⁶⁰ В этой связи большой интерес представляют сообщения кошевого атамана из Сечи и торговых людей с Правобережной Украины начала 1673 г. о том, что послы султана предложили П. Дорошенко разрушить все крепости на территории гетманства, кроме Чигирина, так как в случае войны «салтан сам будет его оборонять»⁶¹. Верность гетмана и его окружения султану поддерживали, главным образом, надежды на то, что в случае победы над Россией в состав гетманства войдет Левобережная Украина с Киевом. Что касается более широких кругов населения, то их отношение к Порте определялось тем впечатлением, которое производили действия османов в Подолии.

Установление османских порядков сопровождалось мерами, направленными против христианского культа: в Каменце снимались купола и кресты с церковей и большая их часть обращалась в мечети, священники подвергались унижениям и оскорблениям⁶². Весной 1673 г. был осуществлен набор молодежи в султанскую армию – «молодых робят 800 человек»⁶³. Население облагалось высокими налогами, за их неуплату забирали в рабство⁶⁴. В самом Чигирине турки открыто демонстрировали пренебрежение к пра-

вославному обряду⁶⁵. В начале 1673 г. сам Дорошенко был вынужден хлопотать у султана о грамоте, которая ограждала бы от насилий христианские храмы на территории «украинского вилайета»⁶⁶. Во время похода на Каменец казаки также столкнулись с оскорбительно пренебрежительным отношением османов («называли их ... свиньями») ⁶⁷. По свидетельству французского дипломата Ф. де ла Круа, не доверяя местному населению, в Стамбуле разрабатывали планы его перемещения на другие территории, а на богатых землях Подолии стали селить татар⁶⁸.

В этих условиях все большую популярность стала приобретать идея объединения казачества по обеим сторонам Днепра под верховной властью царя (возвращения панов и шляхты казаки не хотели, а события 1672 г. стали ярким доказательством бессилия Речи Посполитой). Возвращавшийся весной 1673 г. из Стамбула В. Даудов сообщал, что его на Правобережной Украине «по селам и по местам полковники и ясаулы и рядовые казаки и мещане ... принимали и поили и кормили ... и провожали версты по три и по четыре со слезами, а молят Бога, чтоб быть у царского величества в подданстве»⁶⁹.

В самом конце 1672 г. для обсуждения дел собралась казацкая рада, которая приняла решение «от турецкого салтана не отставать», но лишь потому что положение было признано безвыходным: под власть поляков они не хотят возвращаться, а царь «приняти их не изволит»⁷⁰. С изменением русской политики это препятствие отпало.

На переговорах русских властей с П. Дорошенко возникли серьезные трудности⁷¹, лишь отчасти связанные с противодействием переговорам со стороны боявшегося утратить свой пост И. Самойловича. Не отвергая идею перехода под власть царя, П. Дорошенко добивался признания себя пожизненным гетманом на обеих сторонах Днепра и вывода русских войск из Киева. В Москве не собирались идти навстречу требованиям гетмана, несоизмеримым его реальному положению. К тому же не зря в Москве с самого начала планировали вести переговоры не только с П. Дорошенко, но и через его голову с отдельными полковниками. Такой план действий довольно скоро дал реальные результаты.

Уже в феврале 1673 г. начались тайные переговоры с каневским полковником Я. Лизогубом. Казацкие посланцы, резко порицая и П. Дорошенко, и османские порядки в Подолии, выражали готовность перейти под власть царя, если казачество обеих сторон Днепра будет подчиняться одному гетману, а царь станет защищать казаков от «бусурман». Они предлагали «многих ратных людей на ту сторону Днепра в скорых временах прислать, покаместа турецкие войска не наступят»⁷². В апреле 1673 г. к царю обратился, выражая желание подчиниться его власти, и находившийся на Волини М. Ханенко⁷³. В марте 1673 г. царь дал принципиальное согласие на предложенные условия⁷⁴, о чем был осведомлен и глава православного духовенства на Правобережной Украине митрополит Иосиф Тукальский⁷⁵. В Москве никак не могли расстаться с надеждой на то, что османский протекторат над Правобережной Украиной будет устранен прежде всего при помощи православного духовенства. Надежды эти уже в который раз не оправдались. Наиболее активно против «бусурманской протекции» выступило казачество. На раде, собранной в начале

лета 1673 г. в Росаве под Каневом, многие казаки говорили, что готовы идти воевать против турок вместе с русскими войсками⁷⁶.

Зимой 1674 г. русско-казацкие войска во главе с Г.Г. Ромодановским и И. Самойловичем перешли Днепр и сразу добились значительных успехов. После недолгого сопротивления сдались Черкасы, за ними последовал Канев. Отряд татар, пришедший на помощь П. Дорошенко, был разбит, а его остатки перебили местные жители⁷⁷. 15 марта 1674 г. в Переяславе собрались представители почти всех правобережных полков, избравших гетманом И. Самойловича. Здесь же были составлены условия, на которых правобережные полки подчинились верховной власти царя. В них особо выделялось обязательство Алексея Михайловича «боронити» население Правобережной Украины от султана «своими государскими войски»⁷⁸. 9 апреля 1674 г. в грамотах правобережным полковникам царь заверял, что поскольку принял их под свою власть «из подданства турского салтана, а не от Коруну Польской», то «ныне и никогда вы Коруне Польской уступлены не будете»⁷⁹. Происходившие перемены были результатом политическим, а не военным, так как Г. Г. Ромодановский и И. Самойлович располагали сравнительно небольшими войсками⁸⁰. Быстро достигнутый успех стал в дальнейшем для русского правительства причиной достаточно серьезных неприятностей.

События весны 1674 г. свидетельствовали, насколько слабыми оказались на Украине позиции сторонников проосманской ориентации. Из правобережных полков лишь два, в Чигирине и в Павлолучи, еще оставались под властью П. Дорошенко⁸¹. В мае 1674 г. начался новый поход войск Г. Г. Ромодановского и И. Самойловича за Днепр, присланные на помощь П. Дорошенко татарские отряды были разбиты⁸². В руки И. Самойловича попал посланец Дорошенко в Крым Иван Мазепа. П. Дорошенко просил хана Селим-Гирея, чтобы тот «с силою своею изволил поспешити, как скорее», так как «против неприятеля не можем стояти»⁸³. В конце июля 1674 г. русско-казацкое войско осадило Чигирин⁸⁴. Между тем к территории Украины приближалась армия султана. Уже в конце марта в Стамбул пришли сообщения от П. Дорошенко, что он находится в «крайней опасности» и боится, что его подданные могут «восстать». Когда в июне от него последовали еще более отчаянные сообщения, везир Кара Мустафа, командующий османской армией, обещал, что скоро прибудет со всеми своими войсками и выгонит «московитов»⁸⁵. 29 июля османские войска перешли Днестр и вступили на территорию Украины.

Несмотря на призывы сторонников П. Дорошенко, чтобы казаки «салтанову величеству со всяким желательством отозвались»⁸⁶, целый ряд городов продолжал сопротивляться, надеясь на помощь русских войск. Особое упорство проявили собравшиеся в Ладыжине казаки разных полков во главе с полковником Мурашко: за неделю осады они отбили девять приступов⁸⁷. Поход скоро приобрел характер карательной экспедиции султана против непокорных подданных, сопровождавшейся обычной в таких случаях крайней жестокостью. Так, после капитуляции Ладыжина, все его жители были обращены в рабство, а «малых ребят в зависти покололи копыи и но-

жами»⁸⁸. Когда после 9 дней безуспешного штурма османами Умани местная верхушка решила сдать город, все мужское население его подверглось уничтожению, а женщины и дети обращались в рабов⁸⁹. Действуя так, османские правящие круги рассчитывали раз и навсегда покончить с сопротивлением их политике на Украине.

Население Правобережной Украины ждало царской помощи, а она не приходила. Не ожидая серьезного сопротивления со стороны П. Дорошенко, русское правительство предприняло новый поход за Днепр достаточно скромными военными силами. В июле после получения известия о переходе османских войск через Днестр Г.Г. Ромодановский с тревогой писал царю: «в полку малолюдно, многие пеши и безоружны», так как, не получив вовремя жалованья, «ружье и служилую рухлядь испродали и проели»⁹⁰. В Москве понимали, что Порты не откажется добровольно от Правобережной Украины, и уже в конце весны сюда должен был двинуться корпус во главе с Ф.Г. Ромодановским, за которым позднее предполагалось направить большую русскую армию во главе с одним из лучших воевод князем Ю.А. Долгоруким, но своевременно собрать войско из-за противодействия детей боярских, не желавших идти в поход, не удалось⁹¹.

С началом похода великий везир поручил крымскому хану срочно вырывать П. Дорошенко. Когда 10 августа 1674 г. орда подошла к Чигирину, войска Г.Г. Ромодановского и И. Самойловича отступили к Черкасам⁹² и некоторое время стояли у Днепра, где «окопались крепким валом», ожидая поддержки, но, не получив ее, перебрались на левый берег Днепра⁹³. Подкрепления пришли, когда военная кампания фактически закончилась. Правда, благодаря их появлению крымский хан не решился перейти Днепр и территория Левобережной Украины была спасена от разорения.

События 1674 г. имели ряд важных последствий. Действия, предпринятые османами, привели к результату противоположному их намерениям. Идея подчинения верховной власти султана никогда не пользовалась единодушным одобрением среди населения Правобережной Украины. Теперь с проосманской ориентацией здесь было покончено. Даже те немногие представители казацкой верхушки, кто во время похода сотрудничал с османами, как подольский полковник О. Гоголь, который обеспечивал связь между П. Дорошенко и войсками султана, а позднее уговаривал жителей осажденного Ладыжина сдаться, уже осенью 1674 г. стали активно выступать против османской власти⁹⁴. С этого времени власть Порты и ее ставленника П. Дорошенко держалась исключительно на силе.

Одновременно события 1674 г. нанесли сильный удар по надеждам тех, кто рассчитывал на то, что Россия защитит население Правобережной Украины от османов. Разные круги населения, не желавшего оставаться под властью Порты, искали свой выход из создавшегося положения. С одной стороны, началось массовое бегство жителей с этой территории за Днепр⁹⁵. С другой, – часть населения наиболее отдаленных юго-западных районов Украины, непосредственно подвергавшихся угрозе со стороны османов, несмотря на свою неприязнь к польской шляхте, готова была сотрудничать с польскими властями. Победа под Хотинном показала, что Речь Посполитая

может эффективно бороться с османами, а избрание новым королем такого талантливого полководца, как Я. Собеский, позволяло надеяться, что теперь ей удастся остановить османскую экспансию. Сыграло свою роль и то, что Я. Собеский обещал казакам, которые будут внесены полковниками в реестр, освобождение от даней, работ, военных постоев и власти владельцев имений. Кроме того, вплоть до решения сейма он не разрешил бывшим владельцам управлять своими имениями и собирать подати с подданных.

Когда после ухода османов осенью 1674 г. на территории Правобережной Украины появились польские войска во главе с Я. Собеским, местное украинское население стало переходить на его сторону⁹⁶. Так, уже упоминавшийся полковник О. Гоголь со старшиной своего полка не только принес присягу на верность королю, но задержал и выдал находившихся на территории полка татар, а затем участвовал в нападениях польских войск на земли Молдавского княжества⁹⁷. Подчинились Речи Посполитой Брацлав, Немиров и даже Кальник, который Я. Собескому не удалось взять во время кампании 1671 г.⁹⁸. Зимовавшие на Украине татарские войска, специально оставленные здесь для защиты П. Дорошенко⁹⁹, были вынуждены отступить в Крым¹⁰⁰. Кампания развивалась успешно и к зиме 1674/75 г. возникли планы переноса войны на территорию Османской империи¹⁰¹, но повторилась ситуация предшествующего 1673 г. 26 ноября 1674 г. самовольно покинуло королевский лагерь и отправилось зимовать на Полесье литовское войско, начало расходиться и коронное войско, особенно пехота¹⁰². Однако на значительной части территории Правобережной Украины польская власть была восстановлена и для управления расположенными здесь казацкими полками Я. Собеский в апреле 1675 г. назначил О. Гоголя¹⁰³. Подчинение П. Дорошенко с его остальными полками король считал делом близкого будущего¹⁰⁴.

Но ни П. Дорошенко, лихорадочно искавший помощи татар, ни тем более Порты не хотели примириться с таким положением вещей. Уже 14 марта 1675 г. австрийский резидент сообщил в Вену, что всем держателям тимаров под угрозой казни приказано направиться в армию на Дунае. Новый командующий войсками Ибрагим-паша должен был принудить Речь Посполитую заключить мир на желаемых для султана условиях¹⁰⁵. Османские войска снова должны были появиться в Восточной Европе тогда, когда и Речь Посполитая, и Россия фактически находились в состоянии войны с Портой. В этих условиях вопрос о взаимодействии между ними снова становился в высокой степени актуальным.

Переговоры о «случении сил» начались летом 1674 г.¹⁰⁶ и по существу не прерывались вплоть до 80-х гг. XVII в., но к конкретным результатам не приводили. На пути к соединению сил обоих государств существовал целый ряд препятствий как объективных, так и субъективных.

Обе стороны относились друг к другу с явным недоверием, вполне понятным, если принять во внимание, что возможные союзники в совсем недавнем прошлом были врагами, а спор между ними не был окончательно урегулирован, а только отложен. Переговоры о замене временного перемирия между государствами на «вечный мир» долгое время оказывались без-

результатными из-за расхождения интересов сторон: Речь Посполитая упорно настаивала на возвращении ей территорий на Востоке, на что Россия никак не могла согласиться. Эти противоречия усиливались разностью интересов сторон по вопросу о принадлежности Правобережной Украины. Как отмечалось выше, эти расхождения, существовавшие ранее в скрытой форме, открыто выступили наружу после заключения договора в Бучаче. Укреплению доверия между государствами никак не мог способствовать и отказ русской стороны от выполнения обязательств, взятых по Московскому договору 1667 г.

Ряд новых препятствий на пути заключения союза двух стран появился с вступлением Я. Собеского на польский трон. Дело было не только в том, что новый король, сам обладатель крупных имений на Украине, тесно связанный с кругами магнатов, имевших там свои владения, особенно резко реагировал на русскую активность на Правобережной Украине. Я. Собеский пришел к власти с большими политическими планами укрепления позиций Речи Посполитой на Балтийском море при поддержке Франции: соответствующее соглашение с французскими дипломатами было подписано им в 1675 г.¹⁰⁷ Для осуществления этих планов Я. Собеский был заинтересован в заключении мира с Османской империей, чего он рассчитывал добиться при содействии французской дипломатии. Переговоры о заключении такого мира при посредничестве крымского хана Селим-Гирея начались в конце лета 1674 г.¹⁰⁸

Анализ материалов этих переговоров позволяет установить некоторые важные аспекты взглядов Я. Собеского на перспективы внешней политики Речи Посполитой. Еще в январе 1672 г., обсуждая разные варианты политики по отношению к Османской империи и Крыму, Ян Собеский полагал возможным заключить с ними союз, направленный против России, чтобы с их помощью вернуть земли, утраченные во время русско-польской войны 1654–1667 гг. Предполагалось, что в таком случае Порты могла бы отказаться от войны с Речью Посполитой¹⁰⁹. Свой план Собеский попытался осуществить во время переговоров с Крымом. В январе 1675 г. он заявлял, для осторожности, в устной форме, что готов заключить союз с ханом и султаном, если те потребуют у России все то, что царь «несправедливой войной, помогая бунтующим казакам, отобрал»¹¹⁰. Об этом снова шла речь в инструкции на переговоры с Крымом от апреля 1675 г.¹¹¹

Имело значение не только наличие у Я. Собеского подобных планов, но и то, что информация о них в значительной мере благодаря враждебным королю литовским магнатам и лицам из их окружения попадала в Москву.¹¹² В таких сообщениях планы Я. Собеского по отношению к России выглядели гораздо более определенными, чем это было в действительности.

О сильном впечатлении, которое подобные сообщения производили на русских политиков, лучше всего свидетельствует тот факт, что после избрания Я. Собеского в Москве нашли нужным искать сближения с Австрией, чтобы противодействовать враждебным планам нового польского монарха. Направленные к австрийским властям русские послы П.И. Потемкин и Я. Черников должны были заявить, что Я. Собеский «обоим государством... великой

неприятель и с турецким салтаном может помирится вскоре и имеет намерение такое, чтоб на государство Цесарского величества пустить турецкого салтана войною, а самому частию войска турецкого и с Крымом итти войною ж на государство государя нашего»¹¹³. В Вене авторитетно подтвердили правильность этих сведений: «и тому, де, Цесарское величество также верит и оказуется, де, то делом, а не словами»¹¹⁴. В таких условиях в Москве с большой осторожностью подходили к предложениям о соединении русских войск с войсками Речи Посполитой.

На переговорах о «случении сил» польская сторона настаивала на посылке русских войск к Днестру и Бугу, чтобы здесь совместными силами давать отпор османской армии¹¹⁵. Русские политики указывали на большие трудности, связанные с продвижением войск через разоренные войной места¹¹⁶. Однако, как представляется, играли гораздо большую роль другие соображения. В условиях постоянно идущих переговоров о мире между Османской империей и Речью Посполитой, к участию в которых русские представители не допускались, в Москве не могли не задаваться вопросом, что случится с ее войсками на Днестре, если такое соглашение будет в это время заключено. Для русской стороны было бы более предпочтительным «случение сил» на Днестре, что, в свою очередь, не устраивало польскую сторону и не только потому, что соединившиеся на Днестре войска не могли бы успешно защищать от османов южную польскую границу. В Варшаве не желали появления русских войск на землях гетманства, ставших предметом спора между Россией и Речью Посполитой.

Однако весной 1675 г. перед лицом нового похода османов правящие круги Речи Посполитой дали согласие на «случение сил» на Днестре¹¹⁷, рассчитывая на то, что, действуя на этом направлении, соединенные силы двух государств смогут оттянуть на себя часть вражеских войск. 2 июля 1675 г. царь приказал Г.Г. Ромодановскому и И. Самойловичу идти к Днепру и за Днепр и вступить здесь в переговоры с польскими гетманами Речи Посполитой о «случении сил»¹¹⁸. После повторного распоряжения от 6 августа для переговоров с гетманами из Москвы был специально послан думный дворянин И.И. Ржевский¹¹⁹.

Здесь возникло новое препятствие. Распоряжения царя столкнулись с противодействием со стороны гетмана И. Самойловича и казацкой старшины Левобережья. Целью казацких политиков на Левобережье было объединение земель по обоим берегам Днепра в одном политическом образовании под властью гетмана И. Самойловича. Неудивительно, что И. Самойлович был сторонником активных военных действий против П.Дорошенко¹²⁰, позиции которого в украинском обществе после событий 1674 г. все больше слабели. Но столь же активно и гетман, и казацкая верхушка выступали против «случения сил» на Днестре, так как присутствие здесь польско-литовских войск несомненно помешало бы утверждению власти И. Самойловича над казацкими землями по правому берегу Днепра. Уже в июле 1675 г. в Москве было известно, что казацкая верхушка настаивает на том, «чтоб им всем войском с коронными и литовскими гетманами не случатися ... и имени их слышать не хотят»¹²¹. Даже получив приказ царя о выступлении в поход,

И. Самойлович продолжал в своих грамотах приводить самые различные доводы против «случения сил» с войсками Речи Посполитой¹²². Хотя формально он подчинился приказу царя и выступил в поход, но никаких активных действий не предпринимал, а 11 сентября поспешил сообщить, что «время к воинскому делу уже запоздало»¹²³. В Москве категорически на своем не настаивали. После восстания 1668 г. русское правительство вело на Левобережной Украине осторожную политику, стараясь принимать важные политические решения по согласованию с гетманом и с казацкой верхушкой. Здесь, конечно, не желали, настаивая на своем, вызвать на Левобережной Украине новый взрыв недовольства, подобный тому, что имел место после заключения Московского договора 1667 г.

Во время русско-польских переговоров обсуждался и другой вариант совместных действий: одновременно с выступлением польско-литовских отрядов против османов русско-казацкие войска должны были совершить поход на Крым с тем, чтобы не допустить присоединения крымской орды к османским силам¹²⁴. Независимо от этого планы похода на Крым обсуждались в Москве еще весной 1673 г., но тогда дело ограничилось набегом на ханство калмыков и кабардинцев¹²⁵. Новый этап в осуществлении антикрымских планов наступил в 1675 г., когда царь обещал организовать такой поход польскому посланцу А. Кладницкому¹²⁶. В июне 1675 г. командующему войсками Белгородского разряда Г.Г. Ромодановскому было предложено подготовить подробный план похода на Крым. Он должен был сообщить в Москву, «которым путем и сколько недель ходят до Крыму и с которого места идти ... и в которых местах воинские и хлебные запасы готовить». В своем ответе Г.Г. Ромодановский признал такой поход делом реальным, полагая, что до Крыма «великим войском обозным ополчением идти больше то, что три недели»¹²⁷. Идея антикрымского похода пользовалась популярностью в среде украинского казачества, ее поддерживала и Запорожская Сечь¹²⁸, но гетман И. Самойлович занял гораздо более осторожную позицию. Он убеждал московских политиков, что сил для одновременных действий и на Днепре, и против Крыма недостаточно, и нельзя отправляться в поход на ханство, оставив у себя в тылу П. Дорошенко¹²⁹, и эта точка зрения встретила понимание в Москве. Все дело опять ограничилось набегом кабардинцев, калмыков и запорожцев, разрушивших в сентябре 1675 г. крымские заставы на Перекопе¹³⁰. В декабре 1675 г. был разработан новый план большого похода на Крым, начало которого намечалось на апрель следующего года, но до его исполнения дело снова не дошло: собранные войска были направлены на Правобережную Украину¹³¹.

Безрезультатными оказались не только переговоры о соединении войск России и Речи Посполитой, но и переговоры о мире между Речью Посполитой и Османской империей. Хотя инициатива Я. Собеского относительно возможного союза против России встретила у крымского хана благоприятный отклик, расчеты на то, что это может побудить османскую сторону к уступкам, оказались нереальными. Порта настаивала на том, что мир может быть заключен лишь на условиях, выработанных в Бучаче¹³². Чтобы добиться установления мирных отношений с султаном, Я. Собеский соглашался на

ряд уступок. Его представители предлагали сохранить в Каменце знаки турецкой власти на воротах и башнях, а также мечети, уплачивать за уступку города «пенсию» в султанскую казну и даже выражали готовность уничтожить крепостные укрепления¹³³, но эти уступки османскую сторону не удовлетворили.

Чтобы заставить Речь Посполитую принять мир на желательных для Стамбула условиях, летом 1675 г. на Украину двинулась новая армия во главе с Ибрагимом Шишманом¹³⁴. Для противостояния ей сил, находившихся в распоряжении Я. Собеского, было совершенно недостаточно. Большая часть литовского войска прибыла уже после окончания военных действий¹³⁵. Чтобы дать отпор османской армии, король был вынужден сосредоточить свои войска для защиты наиболее важных крепостей, прежде всего Львова. Восстановив свою власть над городами в Подолии, занятыми осенью 1674 г. поляками, султанские силы двинулись на территорию Волыни. В своем продвижении они наталкивались на упорное сопротивление населения (и жителей городов, и казацких отрядов, взаимодействовавших с армией Я. Собеского)¹³⁶. Как и в 1674 г., поход скоро стал сочетать в себе черты военной кампании и карательной экспедиции, при которой сопротивление жителей подавлялось с большой жестокостью. Как и ранее, османы нарушали условия капитуляции. Так обстояло дело при сдаче города Збаража, когда было угнано в неволю 10 тыс. человек¹³⁷. В середине августа османо-татарские силы двинулись на запад, на территорию Русского воеводства. 22 августа крымская орда подошла ко Львову, где 24 августа была разгромлена войсками Я. Собеского, воспользовавшегося разделением вражеских сил¹³⁸. После этой неудачи османский командующий, который около двух недель безуспешно осаждал Теревовль¹³⁹, дал приказ к отходу за Днестр.

Достичь военного перевеса над армией Я. Собеского и добиться победоносного мира османам не удалось, но огромные польские территории вплоть до Львова были разорены, многие большие и малые города разрушены¹⁴⁰. Мирные переговоры продолжались. Для ускорения их положительного исхода сенат Речи Посполитой согласился на уступку Каменца¹⁴¹, но в этих уступках в Стамбуле увидели слабость польской стороны¹⁴². Весной 1676 г. Порта начала сбор войск для нового похода на Речь Посполитую, главной целью которого должен был стать Львов¹⁴³. Для похода султан мобилизовал значительные силы, в частности, снова вызывались войска из Египта¹⁴⁴.

Собравшийся в начале 1676 г. польский сейм принял решение о сборе 78-тыс. армии, но оно не выполнялось. Установленные налоги не собирались, лишь небольшая часть проектировавшейся армии летом 1676 г. расположилась в укрепленном лагере под Львовом, но и ей на выплату жалованья не хватало средств¹⁴⁵. Все лето Волынь и Покутье подвергались нападениям татар. В августе турецко-татарская армия двинулась на Покутье и, заняв его без серьезного сопротивления, направилась ко Львову. Недалеко от него у местечка Журавно она встретилась в конце сентября с войсками Я. Собеского. Начались тяжелые бои; находясь в окружении, польско-литовские войска отбивали штурмы, но их положение было трудным, а османская артиллерия показала свое превосходство над польской¹⁴⁶. Наконец, 17 октября



Польский король Ян III Собеский

1676 г. представители Я. Собеского подписали с османским командующим Ибрагим-пашой новый мирный договор¹⁴⁷. В нем с некоторыми изменениями в пользу Речи Посполитой (отсутствовало требование «хараджа», в польских руках оставалась Белая Церковь) повторялись условия Бучачского договора. Речь Посполитая отказывалась в пользу Османской империи и от Подолии, и от земель на Правобережной Украине, входивших в состав «казацкой державы», следствием чего стал уход на территорию Полесья сражавшегося на польской стороне против османов казацкого войска во главе с О. Гоголем¹⁴⁸.

Причины, побудившие правящие круги Речи Посполитой к согласию на мир на подобных условиях, понятны. Антиосманский союз никак не скла-

дывался, а собственными силами она была не в состоянии вернуть утраченные территории, перевес сил был на стороне османов. Несмотря на отдельные (подчас значительные) успехи, война велась, главным образом, на польской территории, вследствие чего происходило все большее разорение и запустение южных областей страны. К этому следует добавить мотив, определявший поведение Я. Собеского и политиков его круга: заключение мира позволяло обратиться к планам укрепления позиций Речи Посполитой на Балтике в сотрудничестве с Францией.

У Порты также были серьезные причины желать заключения мира. Ход войны показал, что дальнейшее расширение османских владений в Восточной Европе потребует значительных усилий и сосредоточения в этом регионе основных сил империи, что связало бы ее активность на более важных для нее стратегических направлениях, прежде всего на Балканах, где на границах с владениями Габсбургов усиливалось движение «куруцев»¹⁴⁹.

На позицию османских политиков, несомненно, оказали воздействие и события, развернувшиеся к этому времени на Правобережной Украине. 1675 год стал временем агонии власти П. Дорошенко. Начавшееся ранее бегство населения на левый берег Днепра теперь приняло массовый характер. Уже весной 1675 г. в Москву сообщали, что «с той стороны Днепра мало не весь люд из городов и сел на сю сторону вышел»¹⁵⁰. Гетман прибегал к суровым мерам (беглецов, задержанных его «серденяцкими» войсками, отдавали как «ясырь» татарам¹⁵¹), но остановить бегство не мог. Даже часть «серденяцких» войск оказалась ненадежной: в середине лета за Днепр перешел отряд из 500 человек сердюков¹⁵². С конца лета начался переход за Днепр представителей старшинской верхушки, принадлежавших ранее к близкому окружению П. Дорошенко. Служащий гетманской канцелярии В. Кочубей, посланный к султану, вернулся не в Чигирин, а к И. Самойловичу¹⁵³, а обозный Гулак угнал за Днепр гетманские лошади и стада¹⁵⁴. Среди старшин, покинувших П. Дорошенко, был и Г. Гамалея¹⁵⁵, который еще недавно предлагал населению Правобережной Украины подчиниться власти османов. В октябре «на сю сторону Днепра» перешли полковники корсунский и уманский с казаками своих полков¹⁵⁶. К зиме 1675 /76 г. многие территории на Правобережной Украине не подчинялись П. Дорошенко и его власть распространялась лишь на территорию Чигиринского и Черкасского полков¹⁵⁷. В этом критическом для гетмана положении следует, вероятно, искать объяснения того, почему П. Дорошенко не принял участия в походе османского войска на Речь Посполитую.

В такой ситуации все свои надежды П. Дорошенко возлагал на помощь Порты. Как сообщал в Москве гетманский посол В. Кочубей, ему было поручено добиться в Стамбуле присылки войска султана и крымского хана, «дабы с ним шли на Заднепріе мстити обиды его и на его сторону людей перегонити»¹⁵⁸. Однако о походе османов на Левобережную Украину не могло быть и речи, пока в Подолии и на Брацлавщине находились войска Я. Собеского. Дорошенко ничего не оставалось как пытаться искать взаимопонимание с русским правительством. 10 октября 1675 г. в присутствии запорожского кошевого Ивана Серко и донского атамана Фрола Минаева П. До-

рошенко вместе со старшиной и войском принес присягу на верность царю¹⁵⁹, а в январе 1676 г. его посол П. Яненко (тесть гетмана) передал в Москву некогда полученные от султана «санджаки» – знаки власти¹⁶⁰. Посол ходатайствовал о сохранении за П. Дорошенко сана гетмана Правобережной Украины под верховной властью царя¹⁶¹.

История сложных маневров, с помощью которых П. Дорошенко стремился сохранить гетманскую власть, пытаясь опереться, в частности, на поддержку Запорожской Сечи, которую он ранее хотел уничтожить, выходит за рамки настоящей работы. В данном случае важное значение имеет вопрос, означало ли обращение П. Дорошенко в Москву его разрыв с проосманской ориентацией. Исследователи Д. Дорошенко и И. Рипка полагали, что такой разрыв действительно произошел, так как после передачи «санджаков» гетман не мог рассчитывать на возвращение покровительства султана¹⁶². Однако осведомленный автор летописи Самовидца писал, что «отзываючися слугою царского величества» П. Дорошенко «по старому посилал до турчина и до хана тое літо»¹⁶³. И это общее свидетельство подтверждается более конкретными показаниями других источников. Так, молдавский боярин М. Костин в июне 1676 г. сообщал из Эдирне о получении здесь грамоты П. Дорошенко с заверением верности султану и просьбой о помощи¹⁶⁴. Австрийский резидент в начале 1676 г. писал в Вену, что в Стамбуле не сомневаются в верности П. Дорошенко, который подчиняется царю лишь «по необходимости»¹⁶⁵.

В Москве, куда также поступали сообщения о сношениях П. Дорошенко с ханом и султаном¹⁶⁶, доверия к гетману не было и оставлять в его руках власть над Правобережной Украиной русское правительство не собиралось. Царь Алексей Михайлович предложил П. Дорошенко отказаться от гетманского сана и передать знаки власти И. Самойловичу¹⁶⁷. П. Дорошенко отказывался это сделать и переговоры тянулись безрезультатно. Гетман И. Самойлович советовал скорее перейти Днепр и начать против него военные действия¹⁶⁸. В Москве медлили, вероятно не зная, куда пойдет собравшаяся весной 1676 г. на Дунае османская армия. Когда выяснилось, что она направляется против Речи Посполитой и в этом походе будет участвовать крымский хан¹⁶⁹, из Москвы последовали настойчивые указания к выступлению¹⁷⁰.

В сложившемся положении П. Дорошенко не мог рассчитывать на внешнюю поддержку, а никаких иных крупных военных сил в его распоряжении не было. Главной его опорой к этому времени оставались 2 тыс. сердюков¹⁷¹, но и те, не получая жалованья, занимались разбоем в округе Чигирина¹⁷². Неудивительно, что с приходом под Чигирин войск Г.Г. Ромодановского и И. Самойловича П. Дорошенко 19 сентября 1676 г. капитулировал без боя и отдал победителям знаки власти («войсковые клейноты») и артиллерию¹⁷³. Так сошли с исторической сцены последние сторонники проосманской ориентации в украинском обществе.

Как видно из донесений австрийских резидентов, в Стамбуле к концу 1675 г. хорошо знали о критическом положении гетмана Правобережной Украины, против которого «восстали все казаки» и не желали мириться с отпадением территории гетманства из-под их власти¹⁷⁴. Однако помочь ему

так, как это было сделано в 1674 г., османы не могли. Стоявшая на южных границах Речи Посполитой армия Я. Собеского могла ударить в тыл османским войскам и отрезать им пути отхода. Очевидно поэтому в Стамбуле было принято решение, оставив пока П. Дорошенко на произвол судьбы, добиться заключения мира и отказа Речи Посполитой от Правобережной Украины, а затем завершить подчинение Украины османам должна была новая кампания, направленная на сей раз против России. С этого момента эпицентр событий, происходивших в Восточной Европе, переместился в сферу русско-турецких отношений.

Целью похода османов стал Чигирин, являвшийся в течение долгого времени резиденцией казацких гетманов, обладание которым, видимо, рассматривалось как своеобразный символ власти над Украиной. По сведениям гетмана И. Самойловича, османские войска, участвовавшие в войне с Речью Посполитой, не были распушены и остались «зимовать» на Дунае, а с наступлением весны стали двигаться по направлению к Украине, после перехода Днестра к ним присоединился хан с ордой. Как сообщали позднее взятые русскими войсками пленные, в Стамбуле не нашли нужным усилить армию новыми пополнениями¹⁷⁵. По оценке французского дипломата Ф. де ла Круа, она насчитывала около 40 тыс. человек¹⁷⁶. Под впечатлением событий 1674 г. Порты не ожидала серьезного сопротивления со стороны России. Бежавший из османского лагеря в июле 1677 г. татарин сообщал о существовавшем среди турецких военачальников представлении о том, что русские войска «подлинно хотят город покинуть и бежать по сю сторону Днепра», а главные силы русских и запорожское войско, «учнут у Днепра стоять ... а из-за Днепра, де, ничего они нам не сделают»¹⁷⁷. По свидетельству Ф. де ла Круа, командующий османской армией Ибрагим, паша Силистрии, был очень удивлен, обнаружив в районе Чигирина крупные отряды русских войск¹⁷⁸.

Правобережная Украина, которую османы рассчитывали занять достаточно быстро, должна была остаться вассальным политическим образованием, подчиненным Порте. Во главе его предполагали поставить «инока Гедео́на» – Ю. Хмельницкого. По приказу султана константинопольский патриарх «расстриг его» и ему были вручены знаки гетманской власти.¹⁷⁹ В отличие от Дорошенко новый гетман, сопровождавший турецкое войско, был типичной марионеткой. Своих военных сил у него не было, его сопровождали 400 казаков, набранных из числа захваченных османами пленных при взятии Умани и Ладыжина¹⁸⁰. Положение гетмана ярко характеризует сообщение одного из лазутчиков, побывавших в османском лагере: хотя турки его «князем называют, а воли никакой не дают, стоит в особом намете близ Ибрагим-паши (командующего османской армией. – Б.Ф.), а караул стоят янычаны; также и в людех и в денгах воли себе не имеет»¹⁸¹. Весной 1677 г. Ю. Хмельницкий стал рассылать по Украине универсалы, призывая население подчиниться власти султана¹⁸².

Положение на Украине оставалось сложным. Население было измучено многолетней войной, после событий 1674 г. люди боялись жестокости османов и не очень верили в то, что русские войска смогут их защитить.

Обеспокоенный сложившимся положением И. Самойлович весной 1677 г. говорил царскому посланцу С. Алмазову, что, если османы овладеют Чигирином, то и «сее стороны добровольно сами поддадутца турку ... полтавской, лубенской, прилуцкой, миргородской полки»¹⁸³. Последующий ход событий показал, что эти опасения не были лишены оснований. Так, во время боев под Чигирином в Москву поступали сообщения, что жители приднепровских городов, охваченные отчаянием, «никакому обнадеживанию не верят и хотят поддатца турку». Жители Черкас даже задержали посланных в Чигирин русских гонцов и намеревались их выдать туркам, после чего И. Самойлович приказал ликвидировать черкасский полк и арестовать полковника и старшину¹⁸⁴.

Настроения эти, однако, не получили широкого распространения прежде всего потому, что на этот раз и гетман, и московское правительство приложили немалые усилия для организации обороны от османов. Чигирин был сильно укреплен и в крепости размещен крупный гарнизон из украинских и русских войск (наряду с полками «нового строя» в город прибыли отборные части – три приказа московских стрельцов), гетман получил из Москвы деньги на набор «охочей пехоты» для пополнения казацких частей, в Курске уже весной 1677 г. был назначен сбор войск во главе с Г.Г. Ромодановским. К сожалению, в данном случае, как и в ряде других, русская военная машина действовала слишком неторопливо и медленно. Сбор войск для похода «на ту сторону Днепра» завершился лишь к тому времени, когда османские силы в начале августа осадили Чигирин, и переходить через Днепр пришлось уже в условиях действий на другой стороне реки, на территории противника, намеренного не допустить переправы русских. В конце августа у Бужинской пристани на Днепре в течение трех дней шли тяжелые бои. В конце концов русско-украинская армия, преодолев сопротивление противника, перешла на правый берег Днепра¹⁸⁵, и тогда «турки обоз свой ночью зажгли и, покинув гранаты и всякие хлебные и пушечные запасы, бежали прямо на Ингул». Как рассказывали в Москве посланцы И. Самойловича, отступавшие «и чеши, в которых было им вести взятых людей в Чигирине, по дороге метали»¹⁸⁶. О бегстве турецких частей, бросивших оружие и обоз, сообщает также Ф. де ла Круа. По его оценке османская армия потеряла свыше 10 тыс. человек, много было плененных¹⁸⁷. Так как вокруг Чигирина «все от турецких людей разорено», русско-украинская армия, оставив гарнизоны в ряде городов, 9 сентября отошла за Днепр¹⁸⁸. Несмотря на это, султанский ставленник Ю. Хмельницкий не решился остаться на Украине и ушел с османским войском в Молдавию. Это свидетельствовало о том, что ему не удалось добиться серьезной поддержки со стороны местного населения¹⁸⁹.

Неудачу османов под Чигирином русское правительство стремилось использовать, чтобы положить конец войне. 19 ноября 1677 г. было принято решение возобновить прерванные в начале 70-х гг. дипломатические сношения с Османской империей¹⁹⁰. В грамоте, посланной в Стамбул с гонцом А. Поросуковым, царь Федор Алексеевич извещал Мехмеда IV о своем вступлении на престол и «напоминал» об «исконной дружбе» между государствами и говорил о своем желании сохранить мир с султаном¹⁹¹. Это, однако, не

означало, что русская сторона готова заключить мир на любых условиях. В наказе А. Поросукову предписывалось заявить, что «из древних лет Украина, которая зовется Малою Росиею, пребывала под державою благочестивых государей, царей и великих князей российских» и султану не следовало принимать «такова изменника», как Дорошенко¹⁹². По-видимому, в Москве рассчитывали, что, потерпев неудачу под Чигирином, османы будут вынуждены отказаться от притязаний на Правобережную Украину.

Ошибочность таких расчетов выяснилась очень скоро. Уже 28 декабря по дороге из Молдавии А. Поросукон мог сообщить, что участвовавшие в походе османские войска поставлены «на зимовые хлебы по обе стороны Дуная», и на 1 апреля назначен сбор войск для новой военной экспедиции на Украину во главе с самим великим везиром¹⁹³. В ответе султана на царскую грамоту указывалось, что Мехмед IV добыл Украину «своею государскою саблею и мочью», и если царь хочет мира, то «вы украинной город Чигирин с ынными городами отдайте»¹⁹⁴. Как представляется, продолжение войны в сложившихся условиях не отвечало интересам Османской империи. В Трансильвании и на границах с владениями Габсбургов, на Балканах быстро осложнялось положение в связи с начавшимся восстанием куруцев. А. Поросукон отметил в своем статейном списке приезд в Стамбул «венгерских» послов, «чтоб салтан принял в подданство и против цесарского величества войну всчал»¹⁹⁵. Обстановка требовала концентрации сил на главном, стратегически наиболее важном для Османской империи внешнеполитическом направлении. Неудивительно, что, по свидетельству Ф. де ла Круа, многие члены дивана склонялись к тому, чтобы заключить мир, но новый великий везир Кара Мустафа настоял на продолжении войны¹⁹⁶. Он не желал смириться с тем ударом по престижу османов, который принесла им военная неудача под Чигирином. Отсюда его замысел – закончить войну одним большим ударом, выведя Россию из войны и получив свободу действий на Балканах. Сам великий везир возглавил армию, значительно превышавшую по своим размерам ту, которая принимала участие в кампании 1677 г. В ней насчитывалось, по оценке Ф. де ла Круа, 80 тыс. человек, не считая татар¹⁹⁷.

Перед русским правительством встал вопрос о том, как дальше вести войну. Ясности по этому поводу в русских правящих кругах не было. Сразу по окончании войны в октябре 1677 г. на Украину прибыл стольник В. Тяпкин для выяснения положения с Чигирином – «мочно ли тот город держать или его разорить». И командующий русскими войсками Г.Г. Ромодановский, и гетман (особенно резко) высказались решительно за необходимость обороны города¹⁹⁸. Уже зимой 1677/78 г. были приняты меры для укрепления крепости и увеличения ее гарнизона, куда был отправлен «полковник и инженер» Петр Гордон¹⁹⁹.

Вопрос о политике в отношении Османской империи рассматривался специально на заседании Боярской думы 12 апреля 1678 г. Здесь было принято решение приказать воеводам идти вместе с гетманом И. Самойловичем к Днепру «на тамошнее настоящее дело». В то же время в Москве все еще надеялись избежать продолжения войны. Г.Г. Ромодановскому предписывалось с приходом османских войск на Буг вступить в переговоры с вели-

ким везиром, «не допуская ево до Чигирина» и предлагая заключить мир. Но вместе с тем воеводы не должны были соглашаться на уступку Чигирина османам, так как «у турецких салтанов Малая Россия в подданстве не бывала». В случае, если достичь соглашения не удастся, воеводам следовало вести войну, «а Чигирина и Киева крепко оберегать, и бояр, и воевод, и ратных людей в тех городах не выдать и не потерять»²⁰⁰.

Новые попытки мирным путем уладить конфликт были предприняты с русской стороны уже летом 1678 г., когда началось движение османской армии на Украину. 25 июня из Москвы были посланы грамоты, дававшие Г.Г. Ромодановскому и И. Самойловичу полномочия для ведения переговоров с великим везиром. Им поручалось заключить перемирие на 20 лет, но «при договорах говорить и остерегать, что Чигирин и иные города отданы ему, салтану, не будут»²⁰¹.

Через несколько дней на Украину с новыми инструкциями «для договору о мире с турецким» был отправлен думный дьяк И. Горохов. Желание избежать войны заставило русское правительство идти на определенные уступки. Они могли предложить везиру «тот Чигирин ... свесть и вперед на том месте и на ином за рубежом ему, салтану, и пашам ево и хану крымскому городов не строить»²⁰². О том, какое содержание вкладывало русское правительство в это предложение, речь пойдет при анализе проектов мирного соглашения, выдвигавшихся русской стороной во время переговоров 1679–1680 гг. Здесь же важно отметить, что при возможном решении вопроса воеводам предписывалось считаться с позицией украинской стороны: «А того смотреть и остерегать накрепко, чтоб то Чигиринское сведение не противно было малороссийским жителям».

До переговоров в 1678 г. дело не дошло. Когда Г.Г. Ромодановский получил соответствующие полномочия, османские войска уже стояли под Чигирином и в этих условиях русский главнокомандующий не счел возможным вступать в сношения с великим везиром²⁰³.

На этот раз русское командование действовало более оперативно, осуществив переход через Днепр своих передовых частей и русско-украинских отрядов до того, как 10 июля основные силы османов появились под Чигирином. Начались тяжелые бои за город. Османские войска штурмовали крепость, пытаясь оттеснить русскую армию к Днепру. Оборонявшиеся имели большое преимущество: османы не сумели блокировать Чигирин и воеводы могли постоянно оказывать помощь гарнизону. С тяжелыми боями, медленно двигаясь вперед, русско-украинская армия подошла 4 августа к оборонявшемуся городу, но 11-го числа османы, взорвав крепостные стены, сумели ворваться в город, покинутый гарнизоном, пробившимся через вражеские боевые порядки. С 12 августа османские войска упорно атаквали русские позиции, но после ряда безуспешных атак повернули назад, 27 сентября отошли за Днепр русские части²⁰⁴. Именно этот уход русской армии за Днепр, как выяснилось впоследствии, имел решающее значение для исхода борьбы за Правобережную Украину.

Окончание боев под Чигирином совпало с передачей под власть османов целого ряда городов в Подолии, которые еще занимали польские войс-

ка. В частности, в Немирове великий везир утвердил Ю. Хмельницкого²⁰⁵, который с помощью татарских войск стал устанавливать свою власть на Правобережной Украине. Как видно из переписки, связанной с проездом в декабре 1678 г. в Стамбул через Украину русского гонца В. Даудова, в окрестностях городов по правому берегу Днепра (Корсунь, Канев и др.) находились крупные отряды татар. В окружении Ю. Хмельницкого в это время упоминаются полковники могилевский, кальницкий, немировский, черкасский²⁰⁶. Так фактически был восстановлен османский протекторат над Правобережной Украиной.

Какой политики придерживалось русское правительство в этой ситуации после потери Чигирина? 22 декабря 1678 г. было принято решение о посылке в Стамбул гонца В. Даудова. В грамоте султану выражалось сожаление по поводу того, что дело дошло до столкновения войск обоих государств, и царь снова предлагал «любовь» и дружбу²⁰⁷. Ради достижения мира в Москве решились на беспрецедентный шаг – от имени патриарха Иоакима и собора духовенства направить грамоту с просьбой к муфтию содействовать заключению мира «со всеми доброхотными советники в познании Божия правды». Разве можно, говорили составители грамоты, имея в виду Ю. Хмельницкого, вести такую большую войну из-за «беглово малороссийских городов жителя, паче же и обругателя веры свои христианские, но и сугубо проклятого богоотступника»²⁰⁸.

Однако желание мира не означало, что русское правительство готово на его любые условия. Не случайно в грамоте султану снова подчеркивалось, что только царь имеет законные права на Украину²⁰⁹. О том, каких условий добивалась русская сторона, дают представление материалы для мирных переговоров с крымским ханом 1679 г., в ходе которых хан представлял себя как полномочный представитель султана. Решение о желательных для России условиях мира было принято на заседании Боярской думы 28 марта 1679 г.²¹⁰ Как показывает изучение инструкций отправленного в Крым посольства, послам предписывалось настаивать на проведении границы между русскими и османскими владениями по Днестру или по Бугу, «и стоять при том крепко и радетельно со всяким прилежанием». Даже самый последний вариант уступок, возможный со стороны Москвы, предусматривал оставление под властью царя довольно большой территории на правом берегу Днепра (до верховьев реки Рось) и Запорожской Сечи. В то же время султан и хан принимали на себя обязательство «на казацких прежних жилищах», переходящих под власть османов, «нигде городов и мест и местечек не ставить и не заводить и старых не починивать и людьми своими не заселять», а «ис тех мест жителей выпустить и дать им волю: куды они похотят, туды и пойдут»²¹¹. Таким образом, Правобережная Украина под властью османов должна была стать своеобразной буферной зоной между русскими и османскими владениями, не имеющей крепостей и незаселенной (договор, по мысли его составителей, предоставлял возможность местным жителям перейти с территории, подчиненной османам, на земли украинского гетманства). Такое положение вещей могло служить известной гарантией безопасности русских границ от нападений крымских татар и татар –

подданных султана и одновременно лишало османов возможности прочно закрепить за собой украинские земли.

Поиски мира с Османской империей на приемлемых для России условиях составляли лишь одну сторону деятельности русского правительства и его дипломатии на рубеже 70–80-х гг. XVII в. В Москве никак не могли быть уверены, что Порта пойдет навстречу русским предложениям и вообще согласится на заключение мира, поэтому здесь принимались серьезные меры для подготовки к продолжению войны. 14 февраля 1679 г. Боярская дума приняла приговор о сборе весной 1679 г. в Севске и Путивле большой армии во главе с кн. М.А. Черкасским, которая должна была затем идти к Киеву²¹². На содержание войска устанавливался новый чрезвычайный налог – по полтине с крестьянского двора и по десятой деньге с посадских людей²¹³. В январе 1679 г. было принято решение об организации новых пехотных полков, для чего состоялся рекрутский набор – по 1 человеку с 25 дворов²¹⁴.

Чигиринские походы показали, что Османская империя – опасный противник. Перед русским правительством поэтому со всей остротой встал вопрос о необходимости поиска союзников в борьбе с Портой, что позволило бы не только нанести поражение противнику, но и вернуть утраченные позиции на Правобережной Украине. В первую очередь таким союзником могла стать Речь Посполитая, с которой уже в течение долгого времени велись переговоры о возможном союзе. Заключение Я. Собеским мира с Портой без участия русских представителей в Москве расценили как нарушение взаимных обязательств, и это положило начало заметному охлаждению отношений между Россией и Речью Посполитой. Столицы обеих государств покинули ранее постоянно находившиеся в них резиденты. Не способствовали улучшению отношений и попытки польских правящих кругов, используя затруднения, которые создала для России война с Османской империей, с помощью дипломатического давления вернуть часть земель, утраченных во время русско-польской войны 1654–1667 гг.²¹⁵. Балтийская политика Речи Посполитой в 1676–1678 гг. была дополнительным фактором, способствовавшим отдалению обеих стран друг от друга: Я. Собеский опирался на союз со Швецией, а Россия принадлежала к числу ее противников.

Однако и в 1677–1678 гг. переговоры о «случении сил» обоих государств для совместной борьбы с Османской империей продолжались, а с начала 1679 г. они происходили в гораздо более благоприятных условиях, чем ранее. Заключая мир в Журавне, Я. Собеский рассчитывал обеспечить себе свободу действий на Балтике, направленных против Бранденбурга. В союзе со Швецией и при поддержке Франции (бранденбургский курфюрст Фридрих-Вильгельм был одним из членов антифранцузской коалиции, во главе которой стоял император Леопольд I) польский король предполагал нанести поражение курфюрсту и добиться присоединения к своим землям Восточной Пруссии. Тем самым были бы укреплены позиции Речи Посполитой на Балтике и обеспечены династические интересы семьи Собеских с передачей этой области в лен старшему сыну Яна III и его возможному наследнику Якубу. Однако попытки осуществления этих планов натолкнулись на сильную оппозицию враждебных Я. Собескому и его «партии» кругов пра-

вщей элиты, среди которых не последнее место занимали магнатские группировки Литвы во главе с Пацами²¹⁶. В начавшейся войне с Бранденбургом шведы потерпели поражение, а Людовик XIV после заключения в конце 1678 – начале 1679 г. ряда мирных соглашений с Леопольдом I и его союзниками более не был заинтересован в поддержке враждебных действий против Бранденбурга. Все это вынуждало Я. Собеского отказаться от балтийских планов.

Заключая договор в Журавне, Я. Собеский и его окружение возлагали определенные надежды на возможность выгодного сотрудничества с Портой, в особенности после начала русско-османской войны. В Варшаве рассчитывали, что, желая ослабления России, османские правящие круги будут содействовать усилению Речи Посполитой. Отправляя в мае 1677 г. в Стамбул посольство во главе с Яном Гнинским, здесь полагали, что Османская империя не только согласится изменить в пользу Речи Посполитой условия мирного договора (вернув ей, в частности, некоторые территории на Украине), но и станет содействовать возвращению утраченных ею земель на Востоке. Польские дипломаты в Стамбуле должны были добиваться внесения соответствующего условия в текст будущего русско-османского договора²¹⁷. Кроме того, Я. Собеский, по-видимому, надеялся на помощь со стороны Порты в будущей войне с Бранденбургом. Не случайно на переговорах в Журавне польские представители настойчиво добивались внесения в договор обязательства султана оказать помощь Речи Посполитой в борьбе с ее противниками и отказались от своего требования лишь после обещания османского главнокомандующего Ибрагим-паши, что вопрос будет положительно решен после приезда польских послов в Стамбул²¹⁸.

Переговоры, которые посольство Я. Гнинского вело в Стамбуле в сентябре 1677 – мае 1678 гг., не оправдали возлагавшихся на них надежд. Ни о каких уступках на Украине, ни о каких-либо действиях в Москве в пользу Речи Посполитой османские правящие круги не хотели и слышать, и мирный договор был утвержден в варианте, подписанном в Журавне. Правда, в текст его вносились обязательство о помощи со стороны султана, но речь шла лишь о татарском (а не османском) войске, да и сама помощь предполагалась только в случае нападения какого-либо государства на Речь Посполитую (а это явно не соответствовало планам Я. Собеского). Вместе с тем по настоянию османов в договор было включено обязательство польской стороны воздержаться от помощи врагам султана в случае их нападения не только на Османскую империю, но и на Трансильванию²¹⁹.

Исход переговоров ясно показывал, что Порты не отводит Речи Посполитой определенного места в своих политических планах и лишь хочет предотвратить ее возможное участие в каких-либо антиосманских союзах. Рассчитывать на прочный мир с ней даже в условиях русско-османского конфликта Варшаве не приходилось. Следует отметить еще два обстоятельства, которые могли оказать влияние на внешнеполитические планы Я. Собеского. После установления мирных отношений с Портой в Стамбуле появился польский резидент С. Проский. В своих донесениях он подробно сообщал о внутренней слабости Османской империи: массовом разорении тимариотов, приво-

дившем к уменьшению размеров армии, о пустоте государственной казны, что вызывало постоянные волнения в войсках, не получавших жалованья, неспособности великого везира Кара Мустафы вести государственные дела²²⁰. Во-вторых, мимо внимания польских политиков не мог пройти тот факт, что с заключением мира между Францией и Австрийской монархией международное положение Османской империи серьезно осложнилось.

Под воздействием всех этих факторов к началу 1679 г. наметилось сближение различных группировок польской политической элиты, которых объединило понимание необходимости возвращения к антиосманской политике. На сейме в Гродно 28 февраля 1679 г. от имени короля его участникам был предложен план создания антиосманской коалиции с участием Речи Посполитой, России и Австрии²²¹.

В этих условиях возобновились переговоры о союзе с русскими послами И.В. Бутурлиным и И.И. Чаадаевым, которые прибыли в Гродно для подтверждения соглашения о перемирии. Москва существенно модифицировала условия союза, что, как представляется, говорит о ее желании добиться взаимопонимания с польской стороной. Так как предпринимавшиеся попытки соединения – «случения» двух армий постоянно оказывались безрезультатными, то теперь русское правительство предлагало, чтобы одно государство посылало на помощь другому 5 тыс. конницы и 10 тыс. пехоты²²².

Несмотря на происшедшие перемены во внешнеполитической ориентации польских правящих кругов, на переговорах возникли серьезные трудности. В отличие от обстановки на рубеже 60–70-х гг. XVII в. Речь Посполитая ко времени проведения переговоров находилась в гораздо более благоприятной ситуации, чем Россия, находившаяся в состоянии тяжелой и трудной войны с Османской империей, что польская сторона пыталась использовать, чтобы навязать России выгодные для себя условия союза. Так, был поднят вопрос о гарантиях того, что условия будущего соглашения будут выполнены русской стороной: речь шла о выдаче заложников из числа членов знатных боярских семей, об отдаче в заклад полякам какой-либо важной крепости.

Сами условия союза предусматривали возвращение Речи Посполитой утраченных ею земель на Востоке, участие в походе против османов самого царя во главе 50–60 тыс. армии и выплату Речи Посполитой на ведение войны ежегодно по 600 тыс. рублей²²³. Как показал ход переговоров в последующие годы, последний пункт имел для польской стороны особо важное значение. Проблема добычи средств на ведение войны во второй половине XVII в. стала для правительства Речи Посполитой трудно разрешаемой. Страна была страшно разорена долголетней войной, что само по себе затрудняло сбор значительных средств, а кроме того, магнаты и шляхта, от которых зависело установление налогов, крайне неохотно отдавали часть своих доходов на нужды государства, тем более когда их владениям не угрожала непосредственная опасность. Теперь Я. Собеский и его советники рассчитывали решить проблему с помощью русских субсидий²²⁴.

Хотя русские войска и были вынуждены отступить за Днепр, но они вовсе не были разбиты османами, и положение не являлось столь тяжелым,

чтобы Москва согласилась на такие условия союза. Русские дипломаты категорически отказались вести переговоры и об уступке Смоленщины, и Левобережной Украины, и о гарантиях, и субсидиях²²⁵. Если польская сторона выставляла как наиболее важное требование субсидий, то для русской стороны оно было наиболее трудно выполнимым, русские представители прямо заявили польским собеседникам, что ради выплаты таких субсидий придется вводить новые налоги, что неизбежно приведет к восстаниям²²⁶. Позднее на переговорах в Вене русские послы говорили о «несносных запросах» на содержание польского войска как о едва ли не главном препятствии на пути к заключению союза²²⁷.

Для дальнейшего планирования русской внешней политики существенное значение имели сообщаемые русскими послами сведения о политике Я. Собеского на Украине. В их донесениях в Москву говорилось, что польский король «промыслы чинит, чтоб Хмельницкого к себе присвоить и от салтана великими обещанми оторвать». К гетману королем отправлен львовский православный епископ Иосиф Шумлянский, король обещает ему «малороссийское княженье, а старшине казацкой шляхетство ... против поляков и Литвы ... и в сенате им место и вольный голос иметь и всяких вольностей уживать заровно с поляки»²²⁸. Готовность Я. Собеского (и вообще политической элиты Речи Посполитой) пойти на далеко идущие уступки казачеству московскими дипломатами явно преувеличивалась, но конкретные шаги для привлечения казачества на свою сторону в Варшаве действительно предпринимались²²⁹. Эти сообщения ясно показывали, что в борьбе с Османской империей за Правобережную Украину Москва вряд ли могла рассчитывать на содействие властей Речи Посполитой, имевшей на эту территорию свои виды.

19 февраля 1679 г. в Варшаве от «покоевых» короля русские послы узнали о заключении мира между Францией и Австрией²³⁰. Тогда же, по-видимому, это стало известно и в Москве. Такой поворот событий открывал перед русской внешней политикой новые возможности в поиске союзника. Из Варшавы русские послы направились в Вену, где в конце июня начались переговоры с австрийскими министрами. Как видно из отправленных послам инструкций, речь шла о создании антиосманской коалиции в составе России, Австрии, Речи Посполитой. В Москве рассчитывали, что Австрия не только вступит в союз с Россией и начнет войну против Османской империи, но и окажет давление на Речь Посполитую, чтобы та также разорвала мирный договор с Портой²³¹. Все эти меры показывают, что в начале 1679 г. русское правительство прилагало значительные усилия для продолжения войны с османами.

В ходе переговоров в Вене в позиции России обнаружились существенные нюансы. Настаивая на том, чтобы уже «ныняшнего лета или грядущего» император начал военные действия против Порты, царские послы подчеркивали, что антиосманский союз вполне может быть заключен без участия Речи Посполитой и независимо от нее²³². Такой необычный для русской дипломатии шаг следует рассматривать как одно из первых проявлений определенных тенденций в развитии системы европейских международных отноше-

ний, которые привели в XVIII в. к долголетнему австро-русскому союзу, направленному против Османской империи и функционировавшему без участия и помимо Речи Посполитой. Подобный внешнеполитический подход на рубеже 70–80-х гг. XVII в. отвечал конкретным целям, стоявшим в то время перед русским правительством. Союз с Австрией открыл бы возможности для продолжения борьбы с Османской империей за Правобережную Украину: в отличие от Речи Посполитой Австрия не стала бы возражать против утверждения власти России на этой территории.

Однако переговоры в Вене не оправдали надежд, которые возлагали на них в Москве. Русским дипломатам было определено заявлено, что император лишь тогда вступит в войну с османами, когда царь с Речью Посполитой «изволит учинить о военном промыслу согласно договору и постановленья»²³³, а посетивший послов архиепископ эстергомский убеждал их в том, что «надобно ... Речь Посполитую казною своею царское обвеселить, потому что Речь Посполитая обубожала»²³⁴. Так, к осени 1679 г. переговоры о союзе против османов вернулись к исходному пункту.

Также к осени 1679 г. в Москве стало ясно, чего можно ожидать от Порты. Как сообщал из Стамбула русский гонец В. Даудов, султан первоначально не хотел заключать мира, «не взяв всеа Малыя России по Семь (т.е. Сейм. – Б.Ф.) реку», и назначил на 1 апреля начало похода на Киев, но это встретило противодействие османских сановников и муфтия, предложившего прекратить войну и «по Днепр покой учинить»²³⁵. Важные соображения склоняли османские правящие круги к такому решению. Нанести поражение России в войне не удалось, а османская армия понесла значительные потери. О тяжелых понесенных османами потерях сообщали не только русские агенты на Ближнем Востоке (как, например, иеромонах Тимофей²³⁶), но и австрийский резидент в Стамбуле²³⁷. Как писал Ф. де ла Круа, армия султана потеряла более 30 тыс. человек, а участники похода говорили ему, что никогда победа не давалась им столь дорого и они не сталкивались со столь сильным сопротивлением противника²³⁸. Продолжение войны стало бы делом тяжелым и трудным, а разрастающееся у границ империи восстание куруцев требовало от Порты внимания к положению на Балканах. Не случайно и первые мирные инициативы в начале 1679 г. последовали не с русской, а с османской стороны. Уже 15 марта царь принимал крымского посла Садык-агу, сообщившего, что хан хотел бы в роли посредника способствовать заключению мира между Россией и Османской империей²³⁹. Правда, направленное к хану посольство во главе со стольником Б.А. Пазухиным в июне 1679 г. подверглось нападению запорожцев и до Крыма не доехало²⁴⁰, но об османских условиях мира в Москве удалось узнать от капитана И. Белевича, посланца другого посредника – молдавского господаря Г. Дуки²⁴¹. И. Белевич сообщал, что если султан и будет требовать уступки Киева, то только для виду, но хотел бы «выговорить на Украине часть, где жить Юраску»²⁴². В своем ответе от 12 мая, соглашаясь на посредничество господаря, царь отстаивал свои права на Украину: если султан хочет мира, то ему следует «в подданных нашего царского величества днепровских казаков ... нигде не вступатца»²⁴³. Однако с возвращением В. Даудова выяснилось, что И. Белевич весьма неточно

изложил позицию османской стороны. Султан, сообщал В. Даудов, желает мира, но царь должен «уступить Дорошенково владение, как владел Дорошенко»²⁴⁴. Таким образом, Порта предлагала мир и прекращение войны с условием, чтобы был признан османский суверенитет над Правобережной Украиной.

К концу 1679 г. в Москву пришли сведения о строительстве османами крепостей в устье Днепра и о планах похода османских войск оттуда на Запорожье. Для защиты Сечи пришлось срочно выставить несколько тысяч стрельцов и солдат, и османские войска отошли²⁴⁵. Эти факты ясно показывали, что Порта стремилась укрепить и расширить свои позиции на подступах к Украине.

Осенью 1679 г. русское правительство оказалось перед дилеммой: или заключить мир с Османской империей, отказавшись от Правобережной Украины, или продолжать войну, вступив в союз с Польшей (а затем, возможно, и с Австрией). На что могли бы рассчитывать русские правящие круги при втором варианте действий в Москве, попытались выяснить на переговорах с прибывшим новым польским посольством во главе с К. Бжостовским. Хотя к этому времени в районе Киева сосредоточились значительные военные силы, 31 июля воеводам был послан приказ не предпринимать активных военных действий на Правобережье²⁴⁶.

Заинтересованные в антиосманском союзе с Россией польские правящие круги внесли ряд корректив в текст условий, которые в начале 1679 г. вызвали резкое недовольство русской стороны. Датированные 15 апреля 1679 г. инструкции предусматривали, что можно отказаться от требования возврата утраченных земель, а размер возможных субсидий может быть снижен с 600 до 200 тыс. рублей²⁴⁷. Я. Собеский почеркивал, что одной из главных целей должно стать занятие Крыма и изгнание оттуда татар «na dzikie ich, a dawne azjatyckie koczowiska», а это могут сделать только войска царя²⁴⁸. Обнаруженная польско-литовской стороной уступчивость побудила царя попытаться выяснить, не удастся ли добиться от Речи Посполитой уступок по главному вопросу – украинскому. Установить это представлялось наиболее удобно «неофициальным» путем, и с этой целью в Москву пригласили для участия в переговорах постригшегося в монахи А.Л. Ордина-Нащокина (отца Антония). Отставному политику была дана возможность попытаться еще раз осуществить те планы в отношении Правобережной Украины, которые он выдвигал после заключения Андрусовского договора. А.Л. Ордин-Нащокин предлагал созвать в Киеве съезд представителей двух государств, которые должны были «призвать» (tevocage) на свою сторону казаков, подчинившихся Ю. Хмельницкому, чтобы те жили со своими «вольностями» под властью обоих монархов²⁴⁹. Таким образом, речь шла об установлении совместного польско-русского протектората над Правобережной Украиной. Тогда же был поднят вопрос о том, что одним из необходимых условий антиосманского союза должно стать заключение «вечного мира» между Россией и Речью Посполитой²⁵⁰. Выяснив, что непосредственной угрозы со стороны Османской империи нет, русские правящие круги пы-

гались по существу выяснить, каких преимуществ они могли бы добиться, вступая в союз с Речью Посполитой против османов.

Польские послы не приняли предложений А.Л. Ордина-Нащокина, которые встретили противодействие и среди «думных людей». Если А.Л. Ордин-Нащокин предлагал созвать съезд в Киеве, чтоб «малороссийскому народу было ведомо, каково у великого государя о христианстве попечение», то «думные люди» возражали, что «черкасы о польском иянии и слышать не хотят, и не токмо видеть съезды с польскими послы в Киеве». «Думных людей» поддержал патриарх Иоаким²⁵¹. А.Л. Ордин-Нащокин был отстранен от переговоров и на этом закончилось его участие в политической жизни.

Для принятия окончательного решения требовалось выяснить целый ряд обстоятельств, и с этой целью, формально не прерывая переговоров, правительство 16 октября 1679 г. направило из Москвы с особым поручением одного из ведущих русских дипломатов того времени дьяка Е. Украинцева²⁵². Прежде всего Е. Украинцев должен был встретиться со вновь прибывшим на русскую территорию И. Белевичем, чтобы окончательно уточнить османские условия мира, а затем ему следовало направиться к гетману И. Самойловичу и выяснить, каково отношение его и старшины к проектам «случения» русских войск с польско-литовскими для совместных действий против османов. В инструкции излагались подробные «за» и «против» такого союза: «против» говорили большие трудности ведения войны с османами «в таких дальних и пустых краях»²⁵³, «за» – то, что «с салтаном турским на таковых ево великих запросах к миру приступать ... невозможно»²⁵⁴. Как показал разговор с И. Белевичем, Османская империя, соглашаясь на сохранение в руках России Левобережной Украины и Киева, не желала уступать какие-либо из находившихся под ее властью территорий²⁵⁵.

Гетман И. Самойлович не только подробно высказал свое мнение, но и послал в Москву с Е. Украинцевым специальные «статьи»²⁵⁶. И в устных высказываниях, и в статьях проводилась мысль, что «случение с польским королем не надобно». Гетман говорил и об огромных трудностях, с которыми столкнется русская армия при походе к Днестру, обращал внимание на отсутствие у Речи Посполитой большой армии, способной успешно вести войну, указывал на ненадежность союзника, который отправляет своих посланцев на Запорожье, побуждая Низовое войско к подчинению. Как считал гетман, поляки – «люди своевольные и слабые, нужды терпеть не будут» и во время трудного похода бросят своих союзников, а при заключении мира «только мешать будут». С Речью Посполитой можно было бы вступить в союз, если бы Я. Собеский согласился на «вечный мир» (т.е. признал необратимость итогов русско-польской войны 1654–1667 гг.), «а без вечного миру верить ему не мочно».

Что касается условий возможного мира с Османской империей, то И. Самойлович рекомендовал настаивать на тех предложениях, которые были выработаны при его участии весной 1679 г., «до Днепровского берега власти турецкой не припущая». Однако одновременно он просил от имени Запорожского Войска ускорить мирные переговоры с Крымом, чтобы «король польской хитростью своею того не помешал», и заключить мир, так как «казакom и посполству малороссийскому з бусурманы война надокучила»²⁵⁷.

Произведенный зондаж показал правоту оппонентов А.Л. Ордина-Нащокина: казацкая верхушка решительно выступала против союза с Речью Посполитой, явно считая заключение мира с османами «меньшим злом». Хотя в своих предложениях И. Самойлович настаивал на том, что необходимо добиваться от османов уступки территорий на Правобережье, он и старшина, как представляется, понимали, что без союза с Речью Посполитой (против которого они решительно выступали) добиться силой этого не удастся, а добровольно османы их не отдадут. Не случайно весной 1679 г. И. Самойлович направил казацкие полки на правый берег Днепра, чтобы силой перевести на Левобережье население приднепровских городов (Канева, Корсуни и других) – так называемый «сгон»²⁵⁸. Очевидно, в Батурине уже не надеялись на то, что удастся вернуть территории, на которых проживало это население. Таким образом, в сложившейся ситуации союз России с Речью Посполитой не давал русской стороне каких-либо преимуществ и, напротив, угрожал серьезным осложнением отношений с казачеством.

И. Самойлович советовал отпустить польских послов, а решение вопроса о «случении сил» «отложить к иному времени»²⁵⁹. Русское правительство так и поступило. 20 ноября 1679 г. переговоры завершились безрезультатно²⁶⁰, а 8 декабря в Стамбул была послана грамота, в которой говорилось, что царь желает мира и дал своим послам в Крыму все полномочия для заключения мирного договора²⁶¹.

Переговоры о союзе, правда, не прерывались и были продолжены в Варшаве весной 1680 г. при участии Е. Украинцева, однако снова не привели к каким-либо результатам, хотя польско-литовская сторона и сняла свое требование о предоставлении субсидий. На переговорах русские послы подчеркивали, что Османской империи может нанести поражение лишь большая коалиция с участием таких ведущих европейских держав, как Англия и Франция. Россия и Речь Посполитая, предоставленные сами себе, будут в состоянии вести только оборонительную, но не наступательную войну. В ответ на предложение вести войну «в Волошской земле по Дунай и за Дунаем», русские послы с раздражением заметили: «прежде времени таких высоких слов и говорить не следует»²⁶².

Москва теперь явно не собиралась строить свою политику по отношению к Османской империи, опираясь на союз с Речью Посполитой. Реальное значение теперь имели мирные переговоры, которые велись в Крыму с выступавшим в роли посредника крымским ханом. В сентябре 1679 г. туда было направлено посольство во главе с И. Сухотиным. Империя стремилась скорее заключить мир и искала средства давления на русское правительство. Этим, по-видимому, следует объяснить весьма необычный шаг крымского хана Мурад-Гирея, который в начале 1680 г. атаковал крепости на Белгородской черте, чего татары длительное время делать избегали. Судя по сообщениям пленных, хан был намерен вторгнуться во внутренние районы страны²⁶³. Попытка не удалась, но, вероятно, это побудило русское правительство поторопиться с заключением мира. Осенью 1680 г. И. Сухотина сменил один из лучших русских дипломатов, бывший резидент в Польше В. Тяпкин. Перед отъездом в Крым В. Тяпкин встретился с гетманом И. Самойловичем, который

настоятельно просил поторопиться с заключением мира, даже если граница пройдет по Днепру²⁶⁴. Переговоры тянулись столь долгое время из-за разногласий о границах. Русские дипломаты (вместе с представителями гетмана И. Самойловича) упорно отстаивали предложение о передаче России земель по среднему и нижнему течению Днепра, но выяснилось, что «салтан турской кроме Днепра межи никакой учинить не хочет»²⁶⁵. В этих условиях в декабре 1680 г. русские дипломаты пошли на уступки. Проект договора был немедленно отправлен в Стамбул и хан очень быстро получил полномочия для составления его окончательного варианта²⁶⁶. Османская империя торопилась закончить войну с Россией, чтобы серьезно заняться делами на Балканах. Окончательный текст договора был получен в Стамбуле русским послом П. Прокофием Возницыным в начале 1682 г.²⁶⁷

Утратой позиций на Правобережной Украине потери России при заключении Бахчисарайского договора не ограничились. В Стамбуле в резкой форме отказались признать верховную власть царя над Запорожьем. Не удалось добиться и превращения Правобережной Украины в своего рода буферную зону между русскими и османскими владениями, на которой запрещалось бы заселение и размещение укрепленных поселений. С заключением Бахчисарайского договора, наоборот, были предприняты шаги, чтобы теснее связать эту территорию с Османской империей. Возвращавшийся из Стамбула русский гонец Н. Кудрявцев во время остановки в июне 1681 г. в Немирове узнал, что Ю. Хмельницкий арестован и увезен в Турцию²⁶⁸. Украинские земли были переданы в управление молдавскому господарю Г. Дуке, который организовал там подчиненную себе администрацию и начал их интенсивно заселять, переманивая население с левого берега Днепра²⁶⁹.

В России еще не успели получить утвержденный султаном текст договора, как в ноябре 1681 г. в Москву прибыло новое посольство из Речи Посполитой, которое привезло сведения о важных переменах, касавшихся отношений Порты с европейскими государствами: «Султан, де, Турской воюет цесаря Римского и впредь многими полками султан Турской на цесаря Римского готовится»²⁷⁰. С этого времени начался новый период в истории отношений государств Восточной Европы с Османской империей.

К 1681 г. Османская империя как будто добилась тех целей, которые она поставила перед собой еще в середине 60-х гг. XVII в., принимая под свое покровительство украинских казаков. Подолия стала одним из административных округов империи, где была проведена массовая раздача тимаров спахиям из разных провинций, мужское население Каменца приняло ислам²⁷¹. Однако цели эти были достигнуты после долгой и трудной борьбы, в ходе которой султан полностью утратил поддержку среди местного населения, а доставшиеся ему земли были полностью разорены многолетней войной, каких-либо существенных доходов в османскую казну они внести не могли²⁷². Единственным объективным итогом экспансии Порты стало превращение государств Восточной Европы в яростных противников Османской империи, готовых выступить против нее при благоприятном повороте событий. Появление в Москве в 1681 г. еще одного польско-литовского посольства с предложениями о союзе показывает, что правящие

круги Речи Посполитой отнюдь не считали свой спор с Османской империей законченным. Некоторые черты в действиях русской стороны накануне заключения Бахчисарайского договора позволяют прийти к аналогичному выводу. Содержание статейного списка В. Тяпкина не оставляет сомнений, что одной из целей его миссии являлось изучение местности по маршруту будущего русского похода на Крым²⁷³. В 1680 г. началось строительство новой линии обороны на юге – Изюмской черты. Полоса укреплений, растянувшаяся на 400 верст, должна была прикрыть обширную территорию, заселенную русским и украинским населением на юг от главного рубежа русской обороны – Белгородской черты²⁷⁴. Тем самым еще один большой кусок «Дикого поля» оказывался вне сферы воздействия татар, а русские границы приближались к крымским владениям и планы похода на Крым становились реальными.

Успехам Османской империи в Восточной Европе в немалой степени способствовало то, что она имела возможность вести борьбу со своими противниками поодиночке. Такой подход был не столько результатом османской политики, сколько следствием столкновения интересов России и Речи Посполитой, в частности по вопросу о государственной принадлежности Правобережной Украины.

В обеих странах, измотанных многолетней русско-польской войной, наступление на Османскую империю и Крым к концу 60-х гг. никак не стояло в ряду первостепенных проблем их внешней политики. То, что происходило в Восточной Европе в 70-е гг. XVII в. в конце концов убедило правящие круги обоих этих государств в крайней опасности для них османского соседства. Вместе с тем постепенно под влиянием накопившегося опыта стало складываться убеждение, что от этой опасности удастся избавиться лишь благодаря общим действиям большой антиосманской коалиции, в состав которой могли бы войти восточноевропейские государства. Еще в конце XVI в. ситуация выглядела иначе. Несмотря на постоянные татарские набеги, страны Восточной Европы находили сосуществование с Османской империей в целом приемлемым и не торопились участвовать в антиосманских коалициях. Показательно, какое сильное сопротивление со стороны польского дворянства встретили подобные проекты в конце XVI в. Качественно иная ситуация сложилась в конце следующего, XVII столетия, в условиях османской экспансии в Восточной Европе. Теперь в своем новом конфликте с Османской империей из-за влияния на Балканах Австрия нашла себе союзников в Восточной Европе, что оказало серьезное влияние на исход противоборства.

¹ По свидетельству французского дипломата Ф. де ла Круа, великий везир Ахмед Кёпрюлю специально собирал соответствующие сведения и к началу похода имел хорошее представление о «*confusion terrible*», в которой находилась страна. (*De la Croix F. Guerres des turcs avec la Pologne, la Moskovie et la Hongrie. Paris, 1689. P. 14–15, 27–28.*)

² *De la Croix F. Guerres ...* P. 26.

³ По сообщениям выходцев, «в Крыму было оставлено самое малое число татар, которые были только на сторожах» (РГАДА. Ф. 123. Кн. 58. Л. 36 об.)

⁴ Несомненно, это сыграло свою роль в принятии решения о походе. Как говорил позднее посланник Речи Посполитой Ф. Высоцкий, отношение к нему в Стамбуле резко ухудшилось, когда там стало известно о срыве сейма, созданного в начале 1672 г. (Pisma. T. I. Cz. 2. S.902.)

⁵ Подробное описание внутривосточной обстановки в Речи Посполитой в 1672 г. дано в неоднократно цитировавшемся исследовании Т. Корзона.

⁶ Вернувшийся в марте в Крым нуреддин Сафа-Гирей «добычи никакой ис того походу не привез, толко татар с тысячу человек потерял» (РГАДА. Ф. 123, Кн.52. Л. 180 об.)

⁷ *Korzon T. Dola i niedola ...* Т. III. S. 206, 209–210. Pisma. T. I. Cz. 2, № 376–377.

⁸ Pisma. T. I. Cz.2, № 381–382.

⁹ *Ibid.* № 395, s. 1047. № 399. S. 1054. По сообщению османского хрониста, в одном из городов население угощало османские войска хлебом и мясом. (Kolodziejczyk D. *Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki. 1672–1699.* W., 1994. S. 63,133,173). При этом свою роль играло отсутствие войск Речи Посполитой. Один из польских военачальников писал в то время, что местные жители говорят: «войска ляцкого не видим», «никони уж ляхом вірити не будем». (Pisma. T. I. Cz. 2, № 363. S. 980).

¹⁰ *Woliński J. Oblężenie Kamieńca w 1672 roku // Woliński J. Z dziejów wojen polsko-tureckich.* W., 1983.

¹¹ «Города и замки, которые были на этом пути, все сразу подавались», – писал Я. Собеский 28 сентября 1672 г. (Pisma. T. I. Cz.. 2, № 4156. S. 1078).

¹² *Korzon T. Dola i niedola ...* Т. III. S. 233, 237–242.

¹³ *Zeliński K.H. Wyprawa Sobieskiego na czambuly tatarskie //Przegląd historyczno-wojskowy.* T.2. Z.1. W., 1930. Сведения польских источников находят подтверждение в сообщениях русских выходцев из Крыма, о том что хан «поворотился в Крым с великим уроном» (РГАДА. Ф. 123. Кн. 58. Л. 36 об.) и татары на этот раз «добычи никакой не получили». (Там же. Л. 39 об.)

¹⁴ *Korzon T. Dola i niedola ...* Т. III. S. 233.

¹⁵ Польская запись переговоров см.: Pisma. T. I. Cz.. 2. № 425.

¹⁶ Текст договора см.: *Ibid.* S. 1113–1114; KTD. № 378. S. 357–359.

¹⁷ Как отмечалось в разных источниках (АЮЗР. Т. 11. № 18. Стб. 46; Pisma. T. I. Cz. 2. №426. S. 1121; *Woliński J. Wojna polsko-turecka w świetle relacji resydujących austriackich w Turcji // Studia i materiały do historii wojskowości.* T.VII. Cz. 2. S. 327), население Подолии не разорялось османско-татарским войском, очевидно потому, что Подолия заранее рассматривалась как будущая «земля султана».

¹⁸ Pisma. T. I. Cz. 2. S. 1112.

¹⁹ *Ibid.* S. 1102.

²⁰ РГАДА. Ф. 89. Кн. 13. Л. 49. Позднее сам Дорошенко уже в русском плену подтвердил, что в лагере под Каменцом с ним обсуждали план похода на Киев (АЮЗР. Т. 12. Стб. 818.)

²¹ РГАДА. Ф. 89. Кн. 13. Л. 62 об., 64–65.

²² Там же. Л. 46 об.–47; *Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI – XVII вв.* Т. II. М., 1946. С. 122–123.

²³ РГАДА. Ф. 89. Кн. 13. Л. 52 об.–53 об. Л. 71 об. и сл. *Смирнов Н.А. Россия и Турция...* Т. II. С. 123–124.

²⁴ *Kolodziejczyk D. Podole pod panowaniem tureckim.* S. 68.

²⁵ *Woliński J. Relacje ...* S. 341, 345.

²⁶ *Korzon T. Dola i niedola ...* Т. III. S. 315, 348–353.

²⁷ РГАДА. Ф. 89. Кн. 13. Л. 28–30 об.

²⁸ *Максимов П.Н. Идея антиосманского союза в практике русской дипломатии в начале 70-х гг. XVII в. (1672–1673) //Славянский сборник. Вып. 4. Саратов, 1990. С. 57.*

²⁹ АЮЗР. Т. 11. № 21. Ст. 52.

³⁰ РГАДА. Ф. 123. Кн. 58. Л. 1 и сл.

³¹ Там же. Ф. 89. Кн. 13. Л. 39 об. и сл.; Подробнее о действиях запорожцев и донцов см.:

³² *Санін Г.О. Борьба ...* С. 51–52.

³³ *Максимов П.Н. Идея ...* С. 69–70.

- ³³ Там же. С. 57–58.
- ³⁴ Там же. С. 59–69.
- ³⁵ ПСЗ. Т. I. №№ 531, 535, 537, 543, 545.
- ³⁶ Там же. № 547.
- ³⁷ АЮЗР. Т. 11. № 55. Стб. 160–161.
- ³⁸ Фаизов С. Ф. Участие России и Крымского ханства в польско-турецкой войне 1672–1676 гг. (обзор боевых действий) // Славянский сборник. Вып 5. Саратов, 1993. С. 102–103.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 123. Кн. 58. Л. 161 и сл.
- ⁴⁰ *Woliński J. Relacje...* S. 335.
- ⁴¹ См. послание великого везира коронному подканцлеру А. Ольшовскому. – *Ojczyste spominki*. Kraków, 1845. S. 200–201.
- ⁴² *Ibid.* S. 203–204.
- ⁴³ *Woliński J. Relacje...* S. 336.
- ⁴⁴ *Ibid.* S. 341–342.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 123. Кн. 58. Л. 152.
- ⁴⁶ Там же. Л. 86 об.–87, 147 об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 160 об.
- ⁴⁸ *Korzon T. Dola i niedola ...* Т. III. S. 386.
- ⁴⁹ *Woliński J. Relacje ...* S. 348.
- ⁵⁰ *Górski K. Wojna Rzeczypospolitej polskiej z Turcyą w latach 1672 i 1673.* W., 1890. S. 42–59.
- ⁵¹ *Woliński J. Po Chocimie 1673–1674. Epilog Chocimia w 1674 roku // Woliński J. Z dziejów...*
- ⁵² *Woliński J. Relacje ...* S. 352, 356.
- ⁵³ *Ibid.* S. 357.
- ⁵⁴ АЮЗР. Т. 11. Стб. 366–370.
- ⁵⁵ *Эйнгорн В. О.* Дипломатические сношения московского правительства с Правобережную Малороссию в 1673 г. // ЖМНП. 1898, май. С. 124–125.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф. 89. Кн. 13. Лл. 49 об.–50. Тридцать «старшин» получили кафтаны – *Woliński J. Relacje...* S. 326. При расставании в конце похода султан пожаловал П. Дорошенко тканый золотом плащ.
- ⁵⁷ Текст «нишана» Мехмеда IV от ноября 1672 г. см.: *Dorošenko D. Ripka J. Hejtman P. Dorošenko a jeho turecká politika. // Casopis Narodniho Muzea.* Т. CVII, Praha, 1933. S. 39–40.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 89. Кн. 13. Л. 49 об.; АЮЗР. Т. 12. № 134. Стб. 431 (сообщения послов П. Дорошенко при передаче санджаков русским властям).
- ⁵⁹ См. об этом в грамоте султана П. Дорошенко от января 1673 г. – *Dorošenko D., Ripka J. Hejtman ...* S. 42–43.
- ⁶⁰ *Woliński J. Relacje...* S. 330, 333.
- ⁶¹ АЮЗР Т. 11. № 42. Стб. 112–113, 179.
- ⁶² *Ojczyste spominki.* S. 172–174, 198.
- ⁶³ АЮЗР. Т. 11. № 71. Стб. 242.
- ⁶⁴ См. сообщения казацких послов: от османов «жилецким людям нужды чинят великие» (Там же. № 55. Стб. 169). Польский посол в Стамбуле Я. Гнинский писал, что в поселениях на территории Подолии «вместо десятины третьего человека не только из детей, но и из жен брали», были обращены в рабство и многие из тех, кто возил в Каменец продовольствие. (*Kolodziejczyk D. Podole...* S.88).
- ⁶⁵ *Эйнгорн В. О.* Очерки из истории Малороссии в XVII в. О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1899. С. 887.
- ⁶⁶ *Dorošenko D., Ripka J. Hejtman ...* S.42–43.
- ⁶⁷ АЮЗР. Т. 11. № 55. Стб. 168.
- ⁶⁸ *De la Croix. F. Guerres...* P. 48. Сведения об этом встречаются и в ряде других источников. Польский посол в Стамбуле Я. Гнинский должен был специально добиваться запрета татарам селиться в Подолии. – *Stolicki J. Egzulanci podolscy (1672–1699). Znaczenie uchodźców z Podola w życiu politycznym Rzeczypospolitej.* Kraków, 1994. S. 22, 56, 72.
- ⁶⁹ РГАДА. Ф. 89. Кн. 13. Л. 59 об.–60.
- ⁷⁰ АЮЗР. Т. 11. Стб. 164.
- ⁷¹ Подробная характеристика переговоров см.: *Эйнгорн В. О.* Дипломатические сношения... С. 127 и сл.

- ⁷² Запись переговоров см.: АЮЗР. Т. 11. № 55. Стб. 166–170.
- ⁷³ Чухліб Т. З історії політичної боротьби в Українській державі у 60-70-х роках XVII ст.: діяльність правобережного гетьмана Михайла Ханенка // Середньовічна Україна. Вип. 2. Київ, 1997. С. 181.
- ⁷⁴ См. «статьи», посланные 13 марта 1673 г. гетману И. Самойловичу: АЮЗР. Т. 11. № 56. С. 197–202.
- ⁷⁵ Там же. № 57. Стб. 203 и сл. (грамота Иосифу Тукальскому от 17 марта 1673 г.).
- ⁷⁶ Там же. № 84. Стб. 278.
- ⁷⁷ Петровський М. Нариси історії України XVII – початку XVIII століть. І. Харків, 1930. С. 407–409; Pisma.. Т. I. Cz. 2. № 532. S. 1420–1421; № 535. S. 1424.
- ⁷⁸ АЮЗР. Т. 11. № 118, 120.
- ⁷⁹ Там же. № 126. Стб. 421.
- ⁸⁰ Уже в начале похода посланцы И. Самойловича сообщали в Москве, что «боярин и гетман остаются в малолюдстве, потому что беспрестанно ратные люди и казаки бегут». – Там же. № 113. Стб. 375.
- ⁸¹ Літопис Самовидця. С. 117.
- ⁸² См. сообщение Г.Г. Ромодановского: АЮЗР. Т. 11. № 141, 142. Грамота султана от февраля 1674 г. с приказом как можно скорее послать помощь П. Дорошенко см.: *Dorozenko D., Ripka J. Hejtman ...* S. 48.
- ⁸³ АЮЗР. Т. 11. № 151. Стб. 498–499.
- ⁸⁴ Об осаде Чигириня см. отписки Г.Г. Ромодановского. – Там же. № 164, 176.
- ⁸⁵ *Woliński J. Relacje...* S. 355, 365, 368; *Dorozenko D., Ripka J. Hejtman...* S. 49. Одним из послов П. Дорошенко к султану был близкий к нему подольский полковник О. Гоголь. Об этом см.: Крикун М. З історії козацької старшини другої половини XVII століття. Полковник Остап Гоголь // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Т. ССХІІІ. Праці історично-філософської секції. Львів, 1997. С. 430–431.
- ⁸⁶ См. универсал наказного гетмана Г. Гамалеи от 15 августа 1674 г. – АЮЗР. Т. 11. № 199. Стб. 660.
- ⁸⁷ Там же. № 182. Стб. 606. Подробный рассказ об осаде Лодзькина см.: АЮЗР. Т. 12. Стб. 4–10.
- ⁸⁸ Там же. Т. 12. Стб. 9.
- ⁸⁹ Літопис Самовидця. С. 119; *Woliński J. Materiały do dziejów wojny polsko-tureckiej 1672–1676 гг.* // *Studia i materiały do historii wojskowości*. Т. XII. Cz. 2. W., 1966. S. 303. О взятии Умани см. донесение сопровождавшего османское войско польского дипломата Я. Карвовского. – *Woliński J. Przyczynki źródłowe do kampanii 1674 r.* // *Przegląd historyczno-wojskowy*. Т. VI. W., 1933. S. 84–85.
- ⁹⁰ АЮЗР. Т. 11. № 164. Стб. 230.
- ⁹¹ Там же. № 194. Стб. 645; ПСЗ. Т. I. № 587; *Понов А.* Русское посольство в Польше в 1673–1677 годах. СПб., 1854. С. 71–72.
- ⁹² См. отписку И. Самойловича к царю от 17 августа. – АЮЗР. Т. 11. № 190. Стб. 636.
- ⁹³ Там же. № 197; Т. 12. № 134. Стб. 435. Ср. Літопис Самовидця. С. 120; *Woliński J. Materiały...* // *Studia...* Т. XII. Cz. 2. S. 297, 301.
- ⁹⁴ Крикун М. З історії... С. 436–437.
- ⁹⁵ Об этом с тревогой сообщал в Стамбул П. Дорошенко. – *Woliński J. Relacje...* S. 375.
- ⁹⁶ *Степанков В.С.* Борьба Украины и Польши против экспансии Османской империи в 1672–1676 гг. // Украина и Польша в период феодализма. Київ, 1991. С. 123.
- ⁹⁷ Крикун М. З історії... С. 433, 436–437.
- ⁹⁸ См. письмо Я. Собеского коронному канцлеру Я. Лещиньскому: *Woliński J. Materiały...* // *Studia...* Т. XIII. Cz. 1. W., 1967. S. 236.
- ⁹⁹ *Woliński J. Materiały...* // *Studia...* Т. XII. Cz. 2. S. 306.
- ¹⁰⁰ *Woliński J. Materiały...* // *Studia*. Т. XIII. Cz. 1. S. 232, 234, 237.
- ¹⁰¹ *Ibid.* S. 247.
- ¹⁰² *Codello A.* Litwa wobec wojny z Turcją. 1672–1676. // *Studia i materiały do historii wojskowości*. Т. XIV. Cz. 1. W., 1968. S. 144; *Woliński J. Materiały...* // *Studia...* Т. XIII. Cz. 1. S. 236.
- ¹⁰³ Крикун М. З історії... С. 438–439.
- ¹⁰⁴ См. письмо Я. Собеского польским комиссарам на переговорах в Андрусове от 20.12.1674 г.: *Woliński J. Materiały...* // *Studia...* Т. XIII. Cz. 1. S. 253. На рубеже 1674/75 г. велись переговоры об условиях, на которых П. Дорошенко подчинился бы Речи Посполитой, но гетман

- добивался вывода польских войск с территории Украины, а Я.Собеский ставил вопрос о гарантиях того, что Запорожское Войско не будет искать «чужой» протекции. – *Woliński J. Król Jan III a sprawa Ukrainy. 1674-1675. W., 1934. S. 12 i n.*
- ¹⁰⁵ *Woliński J. Relacje... S. 375.*
- ¹⁰⁶ *Понов А. Русское посольство ... С. 83. Подробная характеристика первого этапа переговоров дана в работе: Woliński J. Komisja andruszowska 1674 roku. // Ksiąga pamiątkowa ku uczczeniu dwudziestopięcioletniej dziaffalności naukowej prof. M. Handelsmana. W., 1929.*
- ¹⁰⁷ *Wójcik Z. Jan Sobieski. 1629–1696. W., 1983. S.233–238.*
- ¹⁰⁸ *Ход переговоров подробно рассмотрен: Woliński J. Pośrednictwo tatarskie w wojnie polskotureckiej // Woliński J. Z dziejów wojen...*
- ¹⁰⁹ *Pisma. T. I. Cz. II. № 347. S. 856–857; Wójcik Z. Medycja tatarska między Polską a Turcją w roku 1672 // Przegląd historyczny. 1962. № 1.S. 38–39.*
- ¹¹⁰ *Woliński J. Pośrednictwo... S. 138.*
- ¹¹¹ *Woliński J. Materiały ...// Studia... T. XV. Cz. 1. W., 1969. S. 275–276.*
- ¹¹² *Понов А. Русское посольство... С. 111, 112, 115, 146 и др.*
- ¹¹³ *ПДС. Т.4. Стб. 1121.*
- ¹¹⁴ *Там же. Стб. 1234.*
- ¹¹⁵ *Понов А. Русское посольство ... С.88, 114, 125, 209.*
- ¹¹⁶ *Там же. С. 101, 121.*
- ¹¹⁷ *Там же. С. 121.*
- ¹¹⁸ *АЮЗР. Т. 11. № 51. Стб. 159.*
- ¹¹⁹ *Там же. № 69. Стб. 200.*
- ¹²⁰ *См., например, его грамоту царю от 26 июня 1675 г. – АЮЗР. Т. 11. № 49. Стб. 153; запись его разговоров с подьячим С. Щеголевым. – Там же. № 72. Стб. 210.*
- ¹²¹ *АЮЗР. Т. 11. № 48. Стб. 144.*
- ¹²² *Там же. № 58. Стб. 174; № 72. Стб. 212.*
- ¹²³ *Там же. № 84. Стб. 245.*
- ¹²⁴ *Понов А. Русское посольство... С. 101, 121.*
- ¹²⁵ *Максимов П.Н. Планы русского наступления на Крым в годы польско-турецкой войны (1672–1676) // Славянский сборник. Вып. 5. Саратов, 1993. С. 78–79.*
- ¹²⁶ *Понов А. Русское посольство... С. 121.*
- ¹²⁷ *АЮЗР. Т. 11. № 48. Стб. 142, 145–146.*
- ¹²⁸ *Там же. № 43. Стб. 128; № 45. Стб. 133.*
- ¹²⁹ *Там же. № 50.*
- ¹³⁰ *Максимов П.Н. Планы... С. 82–85.*
- ¹³¹ *Там же. С. 87–89.*
- ¹³² *Woliński J. Pośrednictwo ... S. 131–132, 141–143, 146.*
- ¹³³ *Woliński J. Materiały... // Studia. T. XV. Cz. 1. S. 274–275; idem. Pośrednictwo ... S. 138.*
- ¹³⁴ *О военных действий лета 1675 г. см.: Czołowski A. Wojna polsko-turecka 1675 roku. Lwów, 1894.*
- ¹³⁵ *Codello A. Litwa... S. 147–150.*
- ¹³⁶ *Степанков В. Борьба ... С. 123–124.*
- ¹³⁷ *Woliński J. Relacje... S. 378.; idem. Materiały ...// Studia ... T. XV. Cz. 2, W., 1969. S. 212. Как узнал русский дипломат Г. Михайлов, после взятия Збаража его жителей «всех порубили опроче малых ребят и женского полу, а Зборожь город выжгли». (РГАДА. Ф. 123. Кн. 58. Л. 204.)*
- ¹³⁸ *Woliński J. Bitwa pod Lwowem 1675 roku // Woliński J. Z dziejów ...*
- ¹³⁹ *Степанков В. Борьба... С. 124.*
- ¹⁴⁰ *Woliński J. Relacje... S. 379.*
- ¹⁴¹ *Woliński J. Materiały... // Studia... T. XV. Cz. 1. S. 283.*
- ¹⁴² *Woliński J. Relacje... S. 381.*
- ¹⁴³ *Ibid. S. 382.*
- ¹⁴⁴ *Woliński J. Materiały ...// Studia... T. XVI. Cz. 1. W., 1970. S. 297.*
- ¹⁴⁵ *Woliński J. Żórawno // Woliński J. Z dziejów ... S. 163–164; Wójcik Z. Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji. 1674–1679. Wrocław etc., 1976. S. 64–66.*
- ¹⁴⁶ *Подробнее о военной кампании 1676 г. см.: Woliński J. Żórawno ... О переговорах, сопровождавших военные действия, см.: Wójcik Z. Rzeczpospolita... S. 67–74. Публикация до-*

- кументов: *Woliński J. Materiały do rokowań polsko-tureckich r. 1676 //Przegląd historyczny. 1931–1932.*
- 147 Его публикацию см.: *Woliński J. Materiały do rokowań... S. 412–413.*
- 148 *Woliński J. Materiały... // Studia... Т. XVI. Cz. 2. S. 253. См. также: АЮЗР. Т. 12. № 209.*
- 149 Летом 1675 г. посол П.Дорошенко к султану В. Кочубей сообщил в Москву, что в Стамбуле «куруцам» отказали в помощи, так как «имеем с другим неприятелем росправу». (АЮЗР. Т. 12. №80. Стб. 235.)
- 150 Там же. № 33. Стб. 96.
- 151 Там же. № 80. Стб. 236; № 163. Стб. 574. См. также: РГАДА. Ф. 123. Кн. 58. Л. 201 об.
- 152 АЮЗР. Т.12. № 78. Стб. 210, 216.
- 153 Там же. № 80. Стб. 233 и сл.
- 154 Там же. № 103. Стб. 301–302.
- 155 Там же. № 117. Стб. 348–350.
- 156 Там же. № 92. Стб. 268.
- 157 Літопис Самовидця. С. 121; АЮЗР. Т. 12. № 124. Стб. 372; №430. Стб. 440 (инструкция послам П.Дорошенко к царю «от всего уезда Чигиринского и Черкасского оставшихся людей»).
- 158 Там же. № 80. Стб. 234.
- 159 Там же. № 94. Стб. 274.
- 160 Там же № 134. Стб. 430.
- 161 Там же. Стб. 440.
- 162 *Dorošenko D., Ripka J. Hejtman... S. 53–54.*
- 163 Літопис Самовидця. С. 121.
- 164 *Woliński J. Materiały... //Studia... Т. XVI. Cz. 1. S. 288. См. и сообщения греков, видевших в Сороках посланцев П.Дорошенко к султану (АЮЗР. Т. 12. № 176. Стб. 637).*
- 165 *Woliński J. Relacje... S. 381–382, 384.*
- 166 АЮЗР. Т. 12. № 160. Стб. 565; № 176, стб. 637; № 179, стб. 649–650; № 184, стб. 665–666. См. также: РГАДА. Ф. 123. Кн. 58. Л. 215 об.
- 167 Царская грамота от 21 января 1676 г. – АЮЗР. Т. 12. № 141. Стб. 464 и сл.
- 168 Там же. № 146, 152 и др.
- 169 Там же. № 192. Стб. 699.
- 170 Там же. № 194, 198.
- 171 Там же. № 163. Стб. 574.
- 172 Там же. № 196. Стб. 714.
- 173 О капитуляции Чигирина см.: там же. № 201.
- 174 *Woliński J. Relacje... S. 380, 382.*
- 175 АЮЗР. Т. 13. № 78. Стб. 287: в поход пошло войско, которое было под Журавно, «а прибавки, де, и убавки к тому войску никоторое не бывало».
- 176 *De la Croix F. Guerres... P. 117.*
- 177 АЮЗР. Т. 13. № 50. Стб. 203.
- 178 *De la Croix F. Guerres... P. 117.*
- 179 По-видимому, это произошло еще летом 1676 г. – *Wójcik Z. Rzeczpospolita... S. 63.*
- 180 АЮЗР. Т. 13. № 50. Стб. 201.
- 181 Там же. № 53. Стб. 213.
- 182 Там же. № 201. Стб. 101–102; 14 июня Ю.Хмельницкий послал «лист» в Запорожскую Сечь, требуя явиться к нему «со всем войском конным и с частью пехоты и с пушечками». – Там же. № 143. Стб. 119–120.
- 183 Там же. № 8. Стб. 29.
- 184 Там же. № 77. Стб. 283; № 92. Стб. 392.
- 185 О первой военной кампании: *Попов А. Турецкая война в царствование Федора Алексеевича // Русский вестник. 1857. Т. 8. С. 146–148, 158–170; Смирнов Н.А. Россия и Турция... Т. П. С. 134–141; Водарский Я.Е. Международное положение Русского государства и русско-турецкая война 1676–1681 гг.// Очерки истории СССР. XVII век. М., 1955. С. 521–523.*
- 186 АЮЗР. Т. 13. № 82. Стб. 311.
- 187 *De la Croix F. Guerres... P. 118.*
- 188 АЮЗР. Т. 13. № 82. Стб. 312.

- 189 О пребывании Ю. Хмельницкого зимой 1677–78 гг. в Сороках в Молдавии см. в грамоте русского гонца А. Поросукова. – РГАДА. Ф. 89. Кн. 15. Л. 74.
- 190 Там же. Л. 1.
- 191 См. текст грамоты султану от 6 декабря 1677 г. – Там же. Лл. 25 об.–32 об.
- 192 Там же. Л. 55 об.; *Смирнов Н. А.* Россия и Турция... Т. II. С. 142–143.
- 193 РГАДА. Ф. 89. Кн. 15. Л. 75–75 об. (грамота доставлена в Посольский приказ 20 марта).
- 194 Там же. Л. 113–114 об. Как видно из статейного списка посольства А. Поросукова, султан отказался принять гонца и грамоту у него взяли «сильно». (Там же. Кн. 17. Л. 66 и сл.)
- 195 Там же. Кн. 17. Л. 105.
- 196 *De la Croix F. Guettes...* P. 122.
- 197 *Ibid.* P. 125.
- 198 АЮЗР. Т. 13. № 83. Стб. 319 и сл. Самойлович говорил, что если будет принято решение оставить Чигирин, то уж тогда надо «сказать всем в Украине народом, что уже они великому государю ... непотребны».
- 199 Там же. № 93. Стб. 397 и сл.; № 100.
- 200 РГАДА. Ф. 89. Кн. 15. Л. 80–105; ПСЗ. т. II. № 723. С. 155–162. *Смирнов Н. А.* Россия и Турция ..., Т. II, С. 147–150.
- 201 РГАДА. Ф. 89. Кн. 15. Л. 128 об. и сл.
- 202 Там же. Лл. 145–46; ПСЗ. Т. II. № 729. С. 167–168.
- 203 РГАДА. Ф. 89. Кн. 15. Л. 158.
- 204 *Попов А.* Турецкая война ... С. 297–300, 303–321; *Смирнов Н. А.* Россия и Турция ... Т. II. С. 150–159; *Водарский Я. Е.* Международное положение... С. 524–528.
- 205 АЮЗР. Т. 13. № 162. Стб. 707–708; *Kołodziejczyk.* Podole... S. 95.
- 206 РГАДА. Ф. 89. Кн. 18. Лл. 64 об., 67 об., 70 об.–79.
- 207 Там же. Л. 30 и сл.; *Смирнов Н. А.* Россия и Турция... Т. II. С. 162–163.
- 208 РГАДА. Ф. 89. Кн. 18. Л. 46 и сл. Такое обращение не было случайным, так как великий муфтий Али-эфенди был противником войны с Россией. – *Abrahamowicz Z.* Tło polityczne i ekonomiczne wuprawy wiedeńskiej Kara Mustafy // *Kwartalnik historyczny.* 1983. N 1. S. 39.
- 209 *Смирнов Н. А.* Россия и Турция... Т. II. С. 162–163.
- 210 РГАДА. Ф. 123. 1679 г. № 6. Л. 42–43.
- 211 См. проект договора: там же. Л. 169, 294 и сл. Вопрос о конкретных очертаниях возможных границ на Правобережье в дальнейшем согласовывался с гетманом И. Самойловичем. (Там же. Ф. 123. 1679 г. № 15. Л. 166 и сл.)
- 212 Книги разрядные. Т. II. СПб., 1855. Стб. 1049–1051.
- 213 ПСЗ. Т. II. № 750. С. 198–199.
- 214 Акты исторические. Т. II. СПб., 1842. № 33. С. 52.
- 215 *Wójcik Z.* Rzeczpospolita ... S. 150, 161.
- 216 На переговорах о продлении русско-польского перемирия в мае 1678 г. представители Княжества Литовского тайно дали знать русской стороне, что Литва не поддерживает планы Я.Собеского. (*Wójcik Z.* Rzeczpospolita... S. 153).
- 217 *Ibid.* S. 111–115.
- 218 *Ibid.* S. 72–74.
- 219 Подробный анализ хода переговоров и их результатов см.: *Ibid.* S. 118–133. Собрание документов о посольстве см.: *Źródła do poselstwa Jana Gnińskiego wojewody chełmińskiego do Turcji w latach 1677–1678.* Wyd. F. Pułaski. W., 1907.
- 220 *Wójcik Z.* Rzeczpospolita... S. 167, 194–195.
- 221 *Ibid.* S. 184–185.
- 222 *Ibid.* S. 177–178; *Замысловский Е.* Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича // ЖМНП. 1888. № 2. С. 465–466.
- 223 *Wójcik Z.* Rzeczpospolita... S. 180–181.
- 224 Стоит отметить, что в речи на сейме о желательности союза с Австрией Я.Собеский подчеркивал необходимость лишь вступления ее в войну, а ни денег, ни военной помощи Речь Посполитая просить не будет (*Wójcik Z.* Rzeczpospolita... S. 185).
- 225 *Ibid.* S. 181–183.
- 226 *Ibid.* S. 182.
- 227 ПДС. Т. V. Стб. 1019.

- 228 Замысловский Е. Сношения ... //ЖМНП. 1888 г. № 2. С.469.
- 229 Bendza M. Tendencje unijne względem cerkwi prawosławnej w Rzeczypospolitej w latach 1674–1686. W., 1987. S.67–68.
- 230 Замысловский Е. Сношения ...//ЖМНП. 1888г. № 2. С.467.
- 231 ПДС. Т. V. Стб. 635–637.
- 232 Там же. Стб. 1021, 1061–1062; ср.стб. 1081 – 1082.
- 233 Там же. Стб. 744, 1080.
- 234 Там же. Стб. 1103.
- 235 РГАДА. Ф. 89. Кн. 18. Л. 98–100.
- 236 Там же. Л. 457–457 об.
- 237 Hammer J. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 6. Pest, 1830. S. 353.
- 238 De la Croix F. Guerres... P. 143.
- 239 РГАДА. Ф. 123. 1679 г. № 6. Л. 69–70.
- 240 Веселовский Н.И. Неудавшееся посольство в Крым стольника Бориса Андреевича Пазухина в 1679 году. Одесса, 1912.
- 241 Как сообщал и В. Даудов, и русские агенты в Молдавии, господарь взял на себя эту миссию по приказу султана. – РГАДА. Ф. 89. Кн. 18. Л.100 об., 106 об.
- 242 Там же. Л. 136.
- 243 Там же. Л. 182 об. и сл.
- 244 Там же. Л. 253. В привезенной В. Даудовым грамоте великого везира также говорилось: «А об украинских казаках, своими называя, о том тяжбы и спору бы не было, всякая страна свою границу знает». (Там же. Л. 242 об.).
- 245 Апанович О.М. Запорозька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії. Київ, 1961. С. 290–293.
- 246 Книги разрядные. Т. II... Стб. 1324–1325.
- 247 *Wójcik Z. Rzeczpospolita...* S. 198–199.
- 248 Ibid. S. 200–201.
- 249 Ibid. S. 219.
- 250 Ibid. S. 219, 223.
- 251 Замысловский Е. Сношения... //ЖМНП. 1888г. № 2. С.479–481.
- 252 РГАДА. Ф. 89. Кн. 18. Л. 265 об. и сл.
- 253 Любопытно, что в инструкции отмечалось отсутствие оснований надеяться на активную поддержку покоренных османами народов – они «хотя на малое время пришествием христианских сил и порадуютца, а увидят неприятеля на христиан войска и тогда нехотя будут неприятелю помогать» (Там же. Лл. 274 об.–275).
- 254 Там же. Л. 271 об. и сл.
- 255 Там же. Л. 291 об.–292. В доставленной посланцем в Москву грамоте молдавского господаря Дуки указывалось, что земли Правобережной Украины «никкими мерами уступить наяснейшая Порта не может» (Там же. Л. 343 об.).
- 256 Там же. Л. 294–302 об., 307 об.–325.
- 257 Е. Украинцеву И. Самойлович передал и «лист» от кошевого И. Серко, который также выражал надежду на то, что «мир благоизволением государя нашего христианского процветет в скором времени». (Там же. Л.328 и сл.)
- 258 Костомаров Н.И. Собр. соч. Кн. 6. Т.XV. СПб., 1905. С. 316–319.
- 259 РГАДА. Ф. 89. Кн. 18. Л. 302 об.
- 260 *Wójcik Z. Rzeczpospolita...* S. 225.
- 261 РГАДА. Ф. 89. Кн. 18. Л. 385 и сл.
- 262 О переговорах в Варшаве в апреле – мае 1680 г. см.: Замысловский Е. Сношения ... // ЖМНП. 1888. № 3. С. 163–175.
- 263 Дополнения к Актам историческим. Т.7. СПб., 1879. С. 80–81.
- 264 Статейный список стольника В. Тяпкина и дьяка Н. Зотова посольства в Крым в 1680 г. для заключения Бахчисарайского договора. Одесса, 1850. С. 124–125.
- 265 Там же. С. 111.
- 266 Там же. С. 141–221.
- 267 Смирнов Н.А. Россия и Турция... Т. II. С. 166–167.
- 268 РГАДА. Ф. 89. Кн. 19. Л. 185–186.

²⁶⁹ Костомаров Н.И. Собр. соч. Кн. 6. Т.XV. С. 328–329, 331.

²⁷⁰ Замысловский Е. Сношения ... // ЖМНП. 1888г. № 3. С. 194.

²⁷¹ Kolodziejczyk D. Podole... S. 115, 173–179.

²⁷² Как показано в работе Д. Колодзейчика, из Подолии не только не поступало доходов, но власти должны были тратить значительные суммы на содержание администрации и поддержание боеспособности войск Каменецкого эйлета. (*Kolodziejczyk D. Podole... S. 208 i n.*)

²⁷³ Примером может служить запись от 14 октября, сделанная на Овечьих водах: «если ... учинитца хождение на Крым его государским ратем и в том месте пристойно град устроить земляной» (Статейный список ... С. 1).

²⁷⁴ Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980.

АВСТРИЙСКИЕ ГАБСБУРГИ И ПРОБЛЕМА БОРЬБЫ С ОСМАНАМИ В ЕВРОПЕ В 50–70-е гг. XVII в.

Как известно, турецкий вопрос специально не стоял на Вестфальском конгрессе¹. Однако тесная связь между итогами Тридцатилетней войны и перспективами «большой турецкой войны» была совершенно очевидна. Тридцать лет относительного затишья на восточной периферии Центральной Европы остались позади. И Запад, и Восток отчетливо осознавали это. Так, в Европе полагали, что освободившиеся силы христианских государств могли, а по мнению многих, должны быть направлены на изгнание османов из Европы. Однако от заключения Вестфальского мира до создания первой широкомасштабной европейской антиосманской коалиции и первой, в целом неудачной, попытки ее силами одолеть Порту прошло без малого пятнадцать лет (1664). Для того же, чтобы европейские государства, наконец, всерьез приступили к освободительной войне и довели ее хотя бы до какого-то значительного результата (Карловацкий мир 1699 г.), понадобилась жестокая встряска у Вены в 1683 г. Между тем после заключения Вестфальского мира Европа не только осознавала, но и была полна решимости объединиться против Порты. К такой позиции Европу подталкивали многие факторы, которые или отсутствовали, или еще не созрели столетием раньше, когда османы завоевали треть Венгерского королевства.

Тридцатилетняя война не только разобщила, но и объединила Европу. К середине XVII в. уже существовала такая международная система, в которую прямо или косвенно оказались вовлеченными все государства². Военные или политические события в одном конце Европы вызывали резонанс в другом ее конце. В Вестфальских переговорах участвовало так много государств, и они пытались совместными усилиями разрешить столь сложные вопросы, что у них накопился солидный опыт дипломатического сотрудничества. За столом переговоров рождалась единая Европа, которая при всем различии интересов отдельных государств могла не только осознать турецкую проблему как общеевропейскую, но и объединить свои усилия для ее решения.

К середине XVII в. европейская общность воспринималась перед лицом османов не только и не столько как конфессиональная, но в большей мере как политическая и экономическая. Продолжавшаяся экспансия Османской им-

перии на суше и на море наносила огромный ущерб экономике ряда стран Европы. В то время как растущий экономический потенциал многих из них требовал новых источников сырья и рынков сбыта, расширения и наращивания торговых связей, Порты отрезала завоеванные территории от жизненно необходимого Европе экономического пространства. Не случайно, несмотря на традиционное взаимное неприятие, Европа все же пыталась налаживать дипломатические и экономические связи с противником. В Османской империи возникали английские, голландские, французские торговые компании; даже Габсбурги заключили с ней договор о торговле³.

Но Порты не останавливалась на достигнутом, а расширяла свою экспансию в Европе. Когда в 1645 г. в Мюнстере и Оснабрюке открылись мирные переговоры, султан начал войну с Венецией за Крит (1645–1667), стремясь поставить под свой полный контроль торговлю в Восточном Средиземноморье⁴. Османы постоянно нападали с моря и суши на венецианские владения в Далмации. Они стремились прорваться к Республике на Адриатике также через хорватские территории, входившие в состав Венгерского королевства. Это подтверждало уже давно сложившееся и высказывавшееся на протяжении всего XVII в., особенно в итальянской литературе, мнение о том, что Венгрия – ворота Италии⁵. Отряды хорватского бана Миклоша Зрини вступали в бой с османами в 1647 г. у Кёрменда, 1649 г. у Киштаполчани, в 1650 г. у Бихача⁶, помогали венецианцам в Далмации⁷.

Несмотря на то, что в 1650 г. был продлен мир между императором Фердинандом III и султаном Мехмедом IV⁸, на венгерско-турецкой границе шла необъявленная война, свидетельствующая о неослабевавших намерениях Порты продолжить завоевания в Венгрии. Османы активизировались в вассальных государствах, в частности в Трансильвании, претендуя на ее земли и крепости. Вторжения в пределы границ Речи Посполитой также стали частью повседневности. «Тихая» экспансия османов в глубь христианских территорий продолжалась. За ней неизбежно должна была последовать новая война с Европой, которую османы начали бы, невзирая на мирные договоры, как только для этого представилась бы благоприятная возможность.

Таким образом, к середине XVII в. османская угроза, несмотря на заметное ослабление Порты, оставалась реальной для Западной Европы. «Бастион христианства» – Венгрия – не выдерживала натиска османов; перешедшие в руки турок земли и крепости королевства становились плацдармом для нового наступления. Не только Вена и вся Австрия, но и стоящие за ней города и земли Германской империи оказались в нескольких днях перехода от османских опорных пунктов. В который раз подтвердились мысли политиков и военачальников относительно войны с Портой: война обречена на поражение, если будет складываться из разрозненных, локальных военных акций; она давно переросла границы одного отдельно взятого государства и должна вырасти в крупномасштабное общеевропейское военное предприятие, действия участников которого должны строго координироваться.

Идея освобождения христианских народов от власти султана и связанные с ней планы организации антиосманского похода укрепились в сознании западноевропейского общества в середине XVII в. Вырос интерес к странам Цент-

ральной Европы, в том числе Венгрии, где христианам и мусульманам предстояло померяться силами. Появилась разного рода пропагандистская литература, привлекавшая внимание читателя к этим странам. В такой литературе находилось место листовкам и брошюркам, адресованным широкой публике, со свежей (относительно) информацией с места событий. Большую популярность приобрели путевые заметки с описанием тех мест и городов, где происходили военные события и которые предстояло освободить христианам.

Так, в 1646 г. увидело свет «Описание Венгерского королевства» немецкого автора Мартина Цайлера⁹, одно из самых популярных в то время в Германии произведений такого рода. Обновленные переиздания этой недорогой, доступной для широкого читателя книги, появлялись в 1661, 1664 и 1690 гг., то есть как раз в те моменты, когда интерес к Венгрии поднимался в связи с развертывавшимися на ее территории военными действиями. Книга пользовалась таким большим спросом, что издавалась по частям в виде листовок и маленьких брошюр¹⁰. В своем труде Цайлер, как и многие его современники, подчеркивал необходимость объединения христиан и помощи тем странам, которые подвергаются османской агрессии, в первую очередь Венеции и Венгрии. В противном случае турки, которые в соответствии со своей природой всегда найдут повод к войне (так что никакой мирный договор не удержит их), станут угрожать немецким провинциям, Чешскому и Польскому королевствам и даже более далеким государствам – Франции, Дании, Швеции¹¹. Венгрия с ее природными богатствами, возможностями торговли, в описании Цайлера, как, впрочем, и в произведениях других авторов, предстает как своего рода Эльдorado для всей Европы. Эта черта литературы, подобной «Описанию» Цайлера, отражала новый взгляд европейцев на мир. В 50 – начале 60-х гг. из-под пера известных и неизвестных авторов выходили памфлеты, трактаты и другие произведения с оценкой происходящего в отношениях Европы с Портой, с изложением военных и политических программ, связанных с созданием антиосманских коалиций. Всех их, независимо от авторства и предполагаемого адресата, объединяла мысль о том, что христиане должны сражаться не друг против друга, а против своего давнего и главного врага – османов¹².

Что же в таком случае мешало европейским государствам прийти к общему согласию в столь важном вопросе после окончания европейской войны? Главным препятствием выступали отношения между Габсбургами и западноевропейскими странами. Без участия Габсбургов Европа не могла вести войну с Османской империей. Международный авторитет и связи династии, традиционные претензии германских императоров на роль светских вождей христианского мира, открытость владений Габсбургов для турецких вторжений – все эти причины по-прежнему обуславливали их лидерство в предприятии. Тем не менее, во второй половине XVII в. австрийские Габсбурги всячески сопротивляются попыткам столкнуть их в решающей схватке с османами.

До недавнего времени в венгерской историографии, как правило, крайне негативно оценивалась политика Габсбургов в турецком вопросе. Их недостаточная активность на восточном фронте преподносилась как безразличие Вены к судьбам венгров и даже как ее целенаправленная политика:

ценой сохранения постоянного давления на Венгрию со стороны османов удерживать страну в повиновении¹³. Действительно, венгры имели более чем веские причины для недовольства династией (как, впрочем, и Габсбурги венграми). Однако осторожность Вены в восточном вопросе была обоснованна. Она не столько не хотела, сколько не могла решиться на такой ответственный шаг.

В середине XVII в. во внешнеполитической линии Габсбургов доминировала задача сохранения достойного места в Западной Европе, выдвигавшая на первое место отношения с Францией и германскими князьями. Однако для австрийских Габсбургов с заключением Вестфальского мира не закончились военные тревоги. Испанские родственники продолжали воевать с Францией вплоть до 1659 г. При Венском дворе после войны возоблудала возглавляемая герцогом Порция происпанская «партия», настаивавшая на поддержке Мадрида. Таким образом, все это время Вена в своей внешней политике не могла исключить неблагоприятного для себя поворота в войне, к которому должна была быть готова¹⁴.

В самой империи им противостояли не только окончательно вышедшие из-под контроля императора германские князья, но также французский и шведский короли, получившие в качестве владельцев императорских ленов право голоса на рейхстагах. Предложения и просьбы императора на рейхстаге обставлялись неприемлемыми встречными условиями, выдвигаемыми князьями нередко под диктовку Парижа.

Императорские выборы 1658 г., на которых столкнулись два главных претендента и соперника Людовик XIV и Леопольд Габсбург, еще раз показали, что Габсбурги могут оставаться во главе империи только при условии соблюдения условий Вестфальского мира, максимально ограничивавших их власть. Более того, Леопольд при избрании был вынужден подписать составленные Мазарини капитуляции, обязуясь не вмешиваться в еще продолжавшуюся франко-испанскую войну¹⁵. В 1658 г. при активном содействии Франции, под председательством курфюрста Майнцского Иоганна Филиппа фон Шенборна возник Рейнский союз. В него вошли не только западно-германские имперские князья (в том числе шведский король)¹⁶, но в качестве «гаранта» также и Людовик XIV. Этим шагом князья хотели защитить свои позиции в империи перед лицом в первую очередь Габсбургов в условиях продолжающегося конфликта между Францией и Испанией в частности и нарастающего противостояния между Бурбонами и Габсбургами в целом. Профранцузская направленность союза не вызывала сомнений, она подкреплялась субсидиями из-за Рейна. Вполне понятно, что Габсбурги опасались этого альянса. Любые его предложения помощи в антитурецкой войне Вена воспринимала с недоверием, подозревая за ними происки Парижа¹⁷. На самом деле, вкладывая огромные деньги на содержание Рейнского союза в целом¹⁸ и обеспечение лояльности отдельных князей – участников союза, главную цель французское руководство видело в том, чтобы не допустить сотрудничества между испанской и австрийской ветвями дома Габсбургов. Поэтому для Мазарини было важно отвлечь австрийцев от дел на Западе, погрузив их в заботы на Востоке.

Таким образом, в первое десятилетие после заключения Вестфальского мира положение австрийских Габсбургов в Западной Европе отличалось неустойчивостью. Их лидерство в Европе, основанное на отжившей идее универсальной христианской империи, было утрачено, а основы для нового еще не определились. Во второй половине XVII в. в политической жизни Европы имелся очень важный политический фактор – австрийские Габсбурги, но четко еще не обозначилась Австрия, как это произошло в XVIII в. Габсбурги, как, впрочем, и остальная Европа, пока не осознали произошедшей перемены: того, что они могут и должны представлять державу на Дунае, которую им еще предстояло сколотить. Они продолжали тяготеть к старым идеям и методам, что отражалось в их дипломатии и внешней политике, уступавшим национальным государствам. В 1661 г. Людовик XIV имел некоторые основания полагать, что «со стороны императора нет никакой опасности»¹⁹. В то же время отстаивание Габсбургами своих позиций в Западной Европе не была погоней за призраками. Только как влиятельная европейская власть Габсбурги могли противостоять Османской империи и, в частности, воевать за Венгрию. Но проблема не ограничивалась вопросами политического престижа. Императорский полководец Раймондо Монтекукколи был прав, когда писал в своих «Заметках о военном искусстве»: «Для ведения войны необходимы три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги»²⁰. Между тем после 30-летней войны силы Габсбургов были крайне истощены: земли разорены, казна пустовала, армия испытывала недостаток в людях и деньгах²¹. В этих условиях стремление сохранить мир с турками любой ценой определяло в послевоенные десятилетия политику Вены в Венгрии и Трансильвании.

Отношения австрийских Габсбургов с Венгрией представляли чрезвычайно важный фактор, влиявший на выработку их внешнеполитической концепции и планов освободительных войн. При необходимости Венгрия могла использовать против Габсбургов свое своеобразное положение между Веной и вассалом Порты Трансильванией, с которой Венгрия оставалась связанной неразрывными узами. Между тем после Вестфальского мира венгерско-габсбургские отношения складывались крайне тяжело, и в первую очередь, как раз из-за турецкого вопроса. Продлением мира с султаном сразу же после Вестфальского мира Габсбурги показали, что не разделяют воодушевления Европы в связи с новой войной.

Тем не менее события 50-х – начала 60-х годов постоянно ставили императора на грань открытого конфликта с Портой. В сущности война на венгерско-турецкой границе не прекращалась. Ее огонь, напротив, разгорался все с большей силой. Поступавшие как из Вены, так и из Стамбула приказы, которые осуждали и запрещали военные действия на границе, а также вылазки вглубь территории соседей, расценивая их как нарушение мира, не имели никакого эффекта²². Миклош Зрини писал Фердинанду III, что «запрещение тревожить турок было бы невозможно без нашей [Венгрии. – Т.Г.] окончательной гибели»²³. В 1651 г. военные действия охватили все Задунавье. Придворный военный совет пребывал в нерешительности, но в конце концов предпочел мир. Битва при Везекени в августе 1652 г., не принеся победы сражавшимся в одиночку венгерским опол-

чениям и пограничным войскам, подвела итог этому периоду несостоявшихся и планов.

Крушение надежд на широкомасштабную освободительную войну изменило отношение к правящей династии даже в среде, ранее верной ей части венгерской знати, занимавшей высшие государственные посты в королевстве. Росло недовольство²⁴. Шли поиски путей и средств спасения Венгрии. В начале 50-х гг. вокруг первого должностного лица в сословном венгерском государстве – надора Пала Палфи (выбран в 1649 г.) сформировался круг единомышленников: хорватский бан Миклош Зрини и его брат Петер, главнокомандующий южной границей Адам Баттяни, государственный судья Ференц Надашди, Ференц Вешшелени (надор с 1655 г.) и другие. После смерти Палфи (1653 г.) движение возглавил Миклош Зрини. Главную задачу эти политические деятели видели в освобождении Венгрии от турок и восстановлении единого венгерского государства. В отличие от венских политиков они считали освободительную войну в Венгрии предприятием всеевропейского значения, для осуществления которого следует создать широкую коалицию европейских стран. Новым в этой стратегии было намерение венгерских политиков самостоятельно, хотя и не в тайне от Вены, налаживать внешнеполитические связи и искать союзников для предстоящей войны. Венгерская политическая элита отказалась от былой враждебности по отношению к Трансильвании. Она пошла на сближение с Дьердем II Ракоци, рассчитывая использовать широкие международные связи княжества, сложившиеся в ходе 30-летней войны.

В новой политической концепции важное место заняли внутренние реформы в самой Венгрии. Королевство не располагало сколько-нибудь достаточными материальными средствами и современными войсками, чтобы обеспечивать оборону страны. Венгрия не могла оказать Габсбургам даже усиленную помощь в их мероприятиях по поддержанию границы, в чем Вена упрекала сословия королевства. И виной тому были не только войны, крайне ослабившие страну. Дворянство Венгрии резко сопротивлялось всяким попыткам со стороны Габсбургов усилить роль центральных финансовых и административных органов, видя в этом посягательство на свои сословные свободы и привилегии. Оно не хотело брать на себя дополнительные тяготы, связанные с войной, в частности, платить налоги, от которых дворянство королевства было освобождено. Венгерские вооруженные силы были представлены дворянским ополчением отдельных комитатов, пограничными гарнизонами, частномагнатскими военными контингентами, а также отрядами конных и пеших хайдуков. Их храбрость не могла компенсировать безнадежную отсталость с точки зрения выучки, технического оснащения. Месяцами, а то и годами не получая жалования от казны, пограничники бедствовали и искали средства к существованию, промышляя грабежом и торговлей.

Выдающийся полководец, политический деятель и поэт Миклош Зрини в своих трудах по военному искусству, теории и истории государства разрабатывал вопросы, связанные с реформой венгерских вооруженных сил и организации государства в условиях выполнения стоящей перед Венгрией исторической задачи – изгнания турок. В «Лекарстве против турецкой заразы» Зрини поставил не просто проблему освободительной войны. Под

«заразой» он понимал распространение османского владычества, причем не только и не столько путем прямого завоевания, сколько путем как бы добровольной, но на самом деле вынужденной, передачи венграм османам власти над собой. Многим в Европе со стороны такое поведение венгров представлялось как измена и королю, и христианству, Зрини же объяснял это безвыходностью положения. Подчинившись, венгры, которым некуда было ждать спасения, по крайней мере, имели шанс сохранить жизнь и имущество. Зрини сильно опасался разрастания среди соотечественников настроений упадничества и покорности судьбе, и искал рецепты – «лекарство» – от этого. В названном трактате, а также в «Рассуждениях о жизни короля Матяша» и других произведениях²⁵ он выдвинул идею создания сильного централизованного государства, опирающегося на регулярную национальную армию (а не на дворянское ополчение и наемников). Освободительную войну Зрини мыслил как международное предприятие, в котором обновленная Венгрия примет участие как равноправный союзник²⁶. Государство призвано проводить разумную экономическую политику, устанавливать налоги, которые должны служить общей пользе. Основой хорошего правления он считал не обилие законов, а их выполнение. В венгерской ситуации это замечание выглядело более чем уместно.

Уже на государственных собраниях 1649, 1655 и 1659 гг. предпринимались шаги по проведению внутренних реформ²⁷. Пожалуй, наиболее смелым из них можно считать решение государственного собрания 1659 г., вводившее военный налог с дворян²⁸. Однако большинство из этих начинаний так и остались на бумаге из-за косности комитатского дворянства, несогласованности действий местных и центральных властей. В условиях сословного венгерского государства ключевой фигурой в XVII в. стал надор, обладавший довольно большими возможностями как внутри страны, так и за ее пределами. На пожоньском государственном собрании в 1655 г. состоялись выборы надора. Миклош Зрини – главный и, казалось бы, бесспорный претендент, проиграл, так как не устраивал двор²⁹. Должность досталась Ференцу Вешшелени – компромиссной фигуре. Неудача на выборах сильно ударила по плану Зрини, которые он намеревался осуществлять, заняв главный пост в сословном венгерском государстве. Еще накануне собрания он писал Дьердю II Ракоци, рассчитывая на его поддержку на выборах надора, о том, что среди всех кандидатов на этот пост именно он, Зрини, является наиболее подходящим. В качестве аргументов он приводил свой военный опыт на границе, свое богатство, авторитет среди высшей знати и дворянства, хорошие отношения с Веней и – главное – любовь к родине и преданность трансильванскому князю³⁰.

Заверения в преданности не были пустой любезностью. Они отражали внешнеполитические ориентиры, сложившиеся в эти годы у окончательно разочаровавшихся в Габсбургах венгерских политиков из среды высшей знати и дворянства, в первую очередь из Западной и Северо-Западной Венгрии. В 1655 г. на венгерском государственном собрании королем Венгрии был избран и коронован ранее готовившийся к духовной карьере 15-летний Леопольд, выбравший себе в качестве жизненного девиза «Благоразумие и усердие» («*Consilio et industria*»). Однако события в Центральной Европе



Миклош Зрини

развивались слишком динамично для того, чтобы ждать его медлительных решений, которые к тому же не совпадали с намерениями венгерских политиков. В 50-е гг. в эпицентр европейской политики попало Трансильванское княжество. Молодой князь Дьердь II Ракоци, используя политический багаж, заработанный его отцом Дьердем I во время 30-летней войны, строил новую политическую перспективу Трансильванского княжества. Как и венгерские политики, он видел главную цель в изгнании турок. На венгерском государственном собрании 1649 г.³¹ он выступил с идеей создания антиосманского союза и обратился с тем же предложением к Фердинанду III. Вена, боясь осложнений, сообщила об этом в Стамбул.

Существуют предположения, что Миклош Зрини и близкие к нему венгерские политики связывали с Дьердем II Ракоци надежды не только на организацию антиосманской коалиции, но и на восстановление независимого единого венгерского королевства³². Зрини поддерживал с князем конфиденциальные отношения путем переписки, а также через доверенных лиц³³. В 1655 г. Зрини писал князю, что от него, как от «лучшего венгра» ждет, что тот принесет «на нашу пошатнувшуюся от бурь страну просветление небес и солнечный свет»³⁴. Поэтому провал польского похода Дьердя II и последовавшая за ним цепь трагических для Трансильвании событий были восприняты сторонниками Зрини как трагедия Венгрии. «Гибель Эрдея [Трансильвании. – Т.Г.] повлечет за собой и нашу гибель», – писал он одному из доверенных людей в разгар польско-трансильванских событий³⁵.

В Вене польский поход Ракоци вызвал серьезные опасения, ибо Габсбурги оказались перед угрозой новой войны – на сей раз со Швецией, воевавшей с Польшей³⁶. Фердинанд III поручил Ласло Ракоци (кузену князя) найти в Польше Дьердя II и уговорить его примириться с поляками³⁷. Император был готов успушить князю 13 спишских городов³⁸. Но переговоры не состоялись. Тем временем военная ситуация в Польше складывалась не в пользу Ракоци. Покинутая союзниками, его армия отступила, но было уже поздно. Трансильванская трагедия разворачивалась одновременно с важными событиями в Западной Европе и на время привлекла ее пристальное внимание, причем настолько, что снова забрезжила перспектива европейской войны против османов.

2 апреля 1657 г. в Вене скончался император Фердинанд III и началась борьба за императорский трон. Затянувшиеся до 18 июля 1658 г. выборы поставили в число вопросов, от которых они зависели, также и вопрос о судьбе Трансильванского княжества, который неминуемо потянул за собой и турецкую проблему. Основания для ее постановки обуславливались не только трансильванской катастрофой, но и активизацией османов в войне с Венецией. Тайные агенты доносили из Турции, что Порта готовит против республики огромную армию, которую собирается бросить через владения Зрини на Адриатике³⁹. Новый великий везир в Стамбуле полагал, что поход в Далмацию поможет окончательно сокрушить Республику и завершить затянувшуюся Критскую войну. В 1657 г. Венеция обратилась к европейским дворам, но действительной помощи не получила. Папа Александр VIII жаловался на то, что дефицит его казны составляет 48 млн. эскудо, и в данный момент он не может направить на защиту христиан те средства, которые поступают в Рим от христианских государств⁴⁰. Венецианский посол в Риме высказывал большие сомнения относительно результативности папских инициатив в турецком вопросе, ссылаясь на отсутствие доверия между папой, с одной стороны, и основными европейскими государствами (Империей, Францией, Испанией, итальянскими князьями) – с другой⁴¹.

Европейские политики удивлялись тому, что Порта вопреки своим принципам готовится к войне на двух фронтах: против Трансильвании и Венеции. Зрини объяснял это необычное решение тем, что османы, очевидно, не рассматривают как войну свои действия в Трансильвании и надеются быстро и без особой опасности для себя удовлетворить свои претензии⁴². Венгерское общественное мнение по-разному оценивало польское предприятие Дьердя II, но оно было единодушно в том, что его нельзя оставлять один на один с Портой⁴³. Падение княжества привело бы к исчезновению фактора, который позволял Венгрии выживать между Османской империей и Габсбургами. Венгерские политики требовали от Вены оказать помощь Трансильвании. В самой Венгрии предпринимались меры по укреплению границы, шел сбор войск для посылки в поддержку Дьердю II.

Трансильванские события застали Вену врасплох. Позволить Порте расправиться с Трансильванией означало бы подвергнуть новой опасности Венгрию и наследственные владения Габсбургов. Если бы Трансильвания прекратила существование как самостоятельное государство, в руки осма-

нов попали бы важные трансильванские крепости, открывавшие путь во владения Габсбургов в Венгрии, Австрии и Моравии. В то же время оказание помощи Дьердю II, за которой тот неоднократно обращался к Вене в 1657 и 1658 гг., привело бы к нежелательной войне с Портой. Для этого Габсбурги не располагали возможностями, ибо их армия была послана в Польшу, казна пустовала, на скорое создание международной антиосманской коалиции Вена не надеялась. Поэтому она не торопилась отвечать на предложения Венеции, Трансильвании и венгерских политиков. В создавшейся ситуации Вену вполне устраивало то, что силы Порты сдерживаются войной с Венецией. В сентябре 1658 г. двор выговаривал Зрини за якобы оказываемую им военную помощь венецианцам⁴⁴.

Венеция и Венгрия больше других европейских стран были заинтересованы в разрешении трансильванского вопроса. Венецианский посол в Вене заявил, что для его родины Трансильванское княжество важнее, чем Кандия, поскольку остров далеко и защищается флотом Республики, а Трансильвания близко, она служит гарантом сохранения Венеции⁴⁵. Но и в этой ситуации венецианская дипломатия вела себя весьма осторожно. Она не торопилась заключать с Ракоци предложенный им и его венгерскими сторонниками союз, который предусматривал нападение на османов в Далмации с двух сторон: силами Венеции и Трансильвании при определенном содействии императора⁴⁶.

Трансильванская проблема достигла, наконец, Германии, где после смерти Фердинанда полным ходом шла борьба за императорский трон. Германские князья, Мазарини, а также находившийся под влиянием последнего папа Александр VIII не хотели отдавать трон Леопольду. Трансильванцы и венгры по понятным причинам, напротив, предпочитали его. Во Франкфурте и Регенсбурге послы Дьердя II вели переговоры с саксонским курфюрстом, увязывая вопросы избрания императора и турецкой войны. На предвыборную кампанию из фамильных средств Ракоци было выделено 200 тыс. талеров⁴⁷. Послы венгерского надора также пытались склонить электоров в пользу Леопольда, убеждая их в том, что Леопольд сможет выступить против Османской империи лишь в том случае, если будет избран императором. Майнцский курфюрст Иоганн Филипп изменил свою позицию в пользу Леопольда. Напряженность на переговорах нарастала, ибо поступили известия, что 3 мая 1658 г. Мехмед Кёпрюлю выступил с войском против Трансильвании. У Леопольда не было иного выхода, как обещать Дьердю II Ракоци помощь военными силами. Победа Ракоци над войсками Сейди Ахмеда на границе Трансильвании под Липпой 26 июня 1658 г. заметно повысила во Франкфурте шансы сторонников войны с османами. 18 июля Леопольд был выбран императором при условии, что он начнет войну против Османской империи⁴⁸. Оформившийся вскоре после выборов, 14 августа, Рейнский союз также высказался за помощь Трансильвании и возможность начать войну с османами силами широкой коалиции⁴⁹. В октябре 1658 г. Трансильванские послы в Вене получили от Венеции 200 тыс. золотых дукатов в счет ежегодной помощи против османов⁵⁰.

Казалось бы, новому широкомасштабному предпрятию было положено удачное начало. Но сразу же после своего избрания Леопольд через сво-

его резидента в Стамбуле Ренингера заявил султану, что не будет портить с ним добрых отношений, вмешиваясь в дела Трансильвании⁵¹. Испугавшись перспективы вести войну в одиночку, Венеция также отказалась поддерживать Ракоци⁵². Порта получила свободу действий в Трансильвании и не преминула этим воспользоваться. Сняв войска с венецианского фронта, Мехмед Кёпрюлю вторгся в княжество и, захватив важную крепость Йене (Jenő), поставил князем Яноша Барчая. 1659 год складывался крайне неудачно для Дьердя II. Он терпел поражение за поражением и вынужден был сражаться против турецких, татарских войск, а также против своего соперника Барчая⁵³. В сражении при Сасфенеше (Фенешул Сэсэск) под Коложваром (Клужем) 22 мая 1660 г. Дьердь II получил смертельную рану и вскоре умер.

После гибели Ракоци будайский паша заявил, что считает все венгерские владения Ракоци своими. В руки турок попал бы весь Парциум, часть Верхней Венгрии, комитаты Сабольч и Сатмар, а также несколько важных крепостей. Вслед за этим в середине июля 1660 г. стотысячная турецкая армия осадила Варад – крепость стратегического значения, расположенную в Парциуме и защищавшую подступы к Верхней Венгрии. В конце августа Варад пал. На захваченных землях был образован новый вилайет – Варадский. Султан хотел завоевать Венгрию и создать на ее территории вассальное государство. В Вене с таким развитием событий, безусловно, не могли согласиться. В планы Габсбургов не входило отдавать Порте Трансильванию и тем более Венгрию. При дворе обозначилось необычное единодушие по венгерскому вопросу, временно объединившее как противников, так и сторонников войны. Последние на короткое время возобладали. Летом 1660 г. в Граце под председательством Леопольда I состоялось совещание, на котором высшие венгерские сановники обратились к императору с предложением заключить с Францией и Швецией наступательный военный союз против Порты. Через полгода (в январе 1661 г.) на состоявшемся в Вене заседании Тайного совета венгерские политики представили меморандум «*Opinio Dominorum Consiliariorum Hungarorum*», в котором характеризовали положение в Венгрии и в развернутом виде излагали свою внешнеполитическую программу⁵⁴. Королевство, по их мнению, стоит на краю гибели как из-за турецких завоеваний, так и из-за поведения императорских войск, расквартированных там. В стране назревает восстание. Единственным спасительным средством авторы «*Opinio*» считали войну с турками. Эта война должна носить не оборонительный, а наступательный характер; ее следует вести, объединив под эгидой императора силы Польши, Франции, Венеции, Испании, Рима, всей Италии, Трансильвании, Венгрии, а также германских князей. Конкретно проанализировав международную ситуацию, авторы пришли к выводу о том, что время для создания такой коалиции и начала войны пришло. Они заверяли императора в своей преданности династии и желании вечно видеть Габсбургов на венгерском троне⁵⁵. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Миклош Зрини и его сторонники придавали большое значение участию в союзе враждебного Габсбургам французского короля.

Наконец, в марте 1661 г. Придворный военный совет решил послать в Венгрию императорскую армию. К этому решению его подтолкнула смерть



Император Леопольд I

заклятого врага Габсбургов Мазарини (9.III.1661), позволявшая надеяться на смягчение напряженности на Западе. Надо сказать, что лично Мазарини в принципе не был противником организации европейской войны с турками. Умирая, он завещал римскому престолу 200 тыс. эскудо на это предприятие⁵⁶. В этом жесте кардинала символически отразилась вся политика Франции в турецком вопросе. Как христианин глава французской внешней политики помог бы императору раз и навсегда покончить с османским владычеством в Европе, но как противник Габсбургов, готов был подстрекать мусульманскую Порту против императора. В этот короткий период решительных действий Леопольд попытался также заручиться поддержкой христианских государств. К папе из Вены был послан маркиз Маттеи, чтобы при

посредничестве Рима добиться поддержки со стороны итальянских князей, и обсудить возможности создания Лиги с апостольским престолом и Венецией. Маттеи проявил невероятную настойчивость, добиваясь помощи в защите Венгрии⁵⁷. Папа обещал выделить императору 60 тыс. эскудо, а также отдал в его распоряжение дар в 200 тыс. эскудо, присланный от Мазарини. Лучшего применения для наследства непримиримого врага Габсбургов папа найти не мог! Французский посол Нани, привезший папе дар, завещанный Мазарини, обсуждал возможности посылки французских военных контингентов против османов. Предложение французов, не без иронии заметил в своем докладе Сагрето, поразило папу, поскольку такое впервые случилось в этом веке⁵⁸. С тем же заданием, что и Маттеи, в это время в Риме находился венецианский посол Никколо Сагрето⁵⁹. Свой вклад внесли в христианское дело и сам Александр VIII, и великий герцог Тосканский (оба снарядили корабли), итальянские князья, испанский король. Но сам папа считал собранную помощь недостаточной. Одновременно в Вене венецианский посол А. Молин без излишней огласки укреплял контакты с венгерскими высшими сановниками: М. Зрини, Надашди, Вешшелени, архиепископом – примасом Липпаи, участвовавшими в проходивших в то время консультациях Тайного и Военного советов. Он настраивал их на решительный тон с венским правительством в проведении концепции, выработанной в «Орпiо», в частности, настаивал на тезисе о необходимости ведения наступательной войны. Только в этом случае война в Венгрии могла принести пользу Венеции, а свои планы относительно турецкой войны осторожная Венеция ставила в зависимость от решения императора. Молин старался действовать очень осторожно, ибо двор с крайним подозрением наблюдал за переговорами между венецианским послом и венграми⁶⁰.

Миклош Зрини не только заседал в Вене. Он вел успешные военные действия у Канижи, а другие венгерские военачальники – у Варада. Зрини приступил к строительству на Драве напротив занятой турками Канижи крепости Зриниуйвар, призванной защитить не только его собственные владения, но и пути в Штирию⁶¹. Турки были очень недовольны этим строительством и требовали его прекращения.

Важные события происходили и в Трансильвании. Выбранный в январе 1661 г. князем Янош Кемень с согласия сословий обратился к Леопольду I за помощью против турок. Заручившись обещаниями Вены об оказании помощи, трансильванское государственное собрание 23 апреля заявило о разрыве с Портой и передало княжество под защиту Леопольда I. Военный совет планировал помочь Кеменю опосредованно: осадить Эстергом или Вену, чтобы отвлечь военные силы противника от Трансильвании⁶². Зная о желании Габсбургов любой ценой сохранить мир, султан предложил сделку: он не нападет на Венгрию, сохранит самостоятельность Трансильвании, если император согласится с потерей Варада и отдаст Кеменя, вместо которого Стамбул поставил бы другого князя. В который раз Вена встала перед выбором и «проглотила наживку». Сделанный выбор лежал где-то посередине. Под давлением «мирной партии» при дворе было решено подготовки к войне не прекращать, но через стамбульского резидента вести переговоры о

продлении мира, исходя из условий, предложенных Портой. Поскольку такой выбор был бы не понят ни в Венгрии, ни в Трансильвании, ни в Европе, соглашение со Стамбулом сохранялось в тайне⁶³. План войны изменился. Императорская армия посылалась в Трансильванию, занимала важные крепости, но воздерживалась от открытых военных столкновений.

Военная экспедиция императорских войск в Трансильванию получила в истории название «странного похода». Он закончился тем, что императорская армия под командованием Монтекуколи, не дав ни одного сражения туркам, потеряв половину своего состава от болезней, голода и дезертирства, ушла из Трансильвании как только было получено известие о том, что Порта назначила в Трансильвании нового князя – Михая Апафи. Князь Янош Кемень, брошенный союзниками, 23 января 1662 г. проиграл османам сражение при Надьселеше и погиб сам.

Считая необходимым оправдаться перед общественным мнением за «странный поход», Раймонд Монтекуколи выступил с памфлетом, в котором всю вину возлагал на венгров. Зрини ответил ему публичным письмом, в котором пункт за пунктом разбивал выдвинутые против венгров обвинения в слабости, медлительности, плохой военной организации и возвращал обвинения своему оппоненту⁶⁴. Обид и прямых оскорблений хватало с обеих сторон. Однако противники умолчали о главном виновнике – венском дворе с его непоследовательной, противоречивой политикой. Монтекуколи еще не раз обращался в своих военных трудах к Венгрии, с которой была связана значительная часть его полководческой деятельности. Обращает на себя внимание крайне негативное отношение выдающегося полководца императора к венграм вообще. Вкратце касаясь венгерской истории после смерти короля Матяша, он представляет ее как цепь внутренних раздоров, измен, предательств, мятежей⁶⁵. В восприятии венгров как врагов, с одной стороны, видны следы антивенгерской пропаганды венского двора, у которого по разным причинам не складывались отношения с венграми. С другой стороны, такая пропаганда приносила свои плоды и сказывалась на формировании дальнейших отношений между венграми и Веной и ее гражданскими и военными властями в этой стране.

После гибели Яноша Кемени Габсбурги усилили австрийское военное присутствие в Венгрии и Трансильвании за счет расквартирования на территории королевства 30-тыс. императорской армии, содержание которой ложилось на города и комитаты. В трансильванские и венгерские крепости были введены немецкие гарнизоны. На соборе католического духовенства в Надьсомбате (Трнава) летом 1662 г. контрреформация была признана важным и необходимым средством объединения страны для успешного противостояния османам. После собора усилилось давление на протестантов, их требования, принятые к исполнению на государственном собрании 1662 г., не удовлетворялись. Политика венского правительства и поведение императорских войск усилили социальную напряженность в Венгрии.

Уже во второй половине 50-х гг. венгерские политики, недовольные внешней политикой венского двора, обслуживавшей в первую очередь династические интересы Габсбургов, стали налаживать внешнеполитические

контакты в обход Вены, к большому неудовольствию последней. Так, когда в 1662 г. венграм уже не в первый раз не разрешили послать делегацию на регенсбургский рейхстаг в целях получения помощи на ведение войны, Леопольд I решительно мотивировал свой отказ тем, что связи с рейхстагом входят исключительно в его компетенцию⁶⁶. Однако в мае 1663 г. венгерские руководители с ведома венского двора установили связи с Рейнским союзом. Можно найти объяснения этому, на первый взгляд, противоречивому факту. Дело в том, что уже в начале 1663 г. в Вене стало известно о том, что в Стамбуле идут приготовления к войне. Возможно, Леопольду I в данной ситуации было выгоднее закрывать глаза на дипломатические инициативы венгров. Понимая, что внешняя помощь необходима, император не хотел обнаруживать перед Стамбулом свою обеспокоенность и проводимую подготовку к возможной войне. Ведь именно в это самое время императорский резидент в Стамбуле торговался о мире. С другой стороны, усилиями венгров Леопольд I получал бы помощь от германских князей и Франции, не обременяя себя обязательствами перед рейхстагом.

В сентябре 1662 г. резидент Ренингер послал в Вену на одобрение императора текст мирного договора, а в апреле 1663 г. султан вручил великому везиру в Стамбуле знамя пророка, что означало начало войны против императора. Запоздалое мирное посольство из Вены было принято великим везиром уже по пути в Венгрию, в Белграде в июне 1663 г. и, конечно, отправлено назад ни с чем. В конце июля турецкие войска, уже из Буды, выступили против важнейшей венгерской крепости Эршекуйвар (Нови Замки в совр. Словакии), закрывавшей дорогу к шахтерским городам Верхней Венгрии (Словакии), и в середине августа обложили его.

Вена начала прилагать судорожные усилия по привлечению вооруженных сил наследственных земель к защите Венгрии. В то же время императорская резиденция была перенесена в Линц. Во главе объединенных военных сил Венгрии был поставлен Миклош Зрини, а императорской армией командовал Монтекуколи. Однако согласованности действий непримиримым соперникам достичь не удалось. К середине осени лагерь императора насчитывал около 54–55 тыс. солдат, из них около 28 тыс. были присланы императором, остальные составляли венгерские ополченцы.

Военные действия запаздывали. Осажденный гарнизон Эршекуйвара ждал помощи, но стоявший у Дьера главный отряд императорской армии в 5 тыс. человек не решался оставить позиции, защищавшие пути к Вене. В конце сентября Эршекуйвар после 40 дней осады сдался. Главная линия обороны (Дьер-Комаром-Эршекуйвар) была пробита, что облегчало османам наступление на Вену. В руки турок попал весь арсенал, запасы пороха и провиант, предназначавшиеся для северо-западной границы, а также тысячи пленных. Попутно они захватили ряд крепостей, среди них две значительные: Леву и Нитру.

В августе–ноябре 1663 г. Зрини одержал ряд убедительных побед на юге Венгрии, чем не допустил завоевания Венгрии турками в осеннем походе. Османы отступили на зимние квартиры. Но было ясно, что имеющимися силами в следующем году с врагом не справиться.

К счастью, к этому времени стали, наконец, вырисовываться контуры европейской коалиции, в создании которой деятельное участие приняла венгерская дипломатия. В сентябре в Регенсбург в срочном порядке с большим риском был послан венгерский эмиссар. Он должен был поставить перед рейхстагом вопрос о помощи Венгрии, так как переговоры между рейхстагом и императором по этому вопросу зашли в тупик. Поздней осенью 1663 г. в Венгрию начали прибывать войска германских князей: курфюрстов Бранденбургского, Баварского, Саксонского, архиепископа Зальцбургского; имперские сословия прислали 15-тыс. войско под командованием Леопольда Баденского. Рейнский союз поставил под командование генерала Хоэнлоэ 6–7 тыс. солдат. Общая численность союзных войск к концу 1663 г. достигла 51484 человек. К середине 1664 г. их численность выросла до 70 тыс.⁶⁷.

В конце октября 1663 г. в Регенсбурге состоялось совещание Рейнского союза, на котором был разработан план военной кампании, составленный на основе программного документа союза – «Доклада о том, что нужно делать не для обороны, а для наступления». Составители плана исходили из того, что союзники должны дать османам крупное сражение и победить в нем. Победа поднимет против Османской империи все европейские страны: и те, которые томятся под османским игом, и те, что постоянно подвергаются нападениям со стороны турок, а также страны, заинтересованные в восстановлении средиземноморской торговли. Возлагались надежды на участие в коалиции папы, Венеции, Польши, Москвы, Швеции, тайно Трансильвании, Молдавии и Валахии. Организация похода поручалась Рейнскому союзу и его руководителю майнцскому архиепископу, курфюрсту Иоганну Филиппу, важная роль отводилась Франции. Венгрии поручалось поддержание связей с Трансильванией и румынскими княжествами, а также с Венецией⁶⁸. Трансильвания должна была поддерживать связи с Францией.

Леопольд I, как всегда, опоздал. Только в ноябре он письменно пообещал венграм, что выступит против турок, и вслед за этим отправил послов с просьбой о помощи во Францию, Швецию, Англию, Испанию, Италию. Когда в конце декабря он приехал в Регенсбург, чтобы договориться с Рейнским союзом, дело уже было решено без императора. В начале января Миклош Зрини от имени Венгерского королевства подтвердил союз с Иоганном Филиппом⁶⁹. Рейнский союз предоставил в распоряжение Зрини войска под командованием немецкого генерала Вольфганга Юлиа Хоэнлоэ, которому было предписано во всем поддерживать венгерского коллегу.

Благоприятное влияние на ход военной кампании оказал зимний поход Миклоша Зрини. Для того, чтобы помешать переброске к Каниже (важнейшей крепости на юго-западной границе) главных военных сил противника, он решил уничтожить единственную в этом краю переправу через Драву – знаменитый наполовину деревянный, наполовину понтонный мост у Эсека, находившийся на турецкой территории в пятистах километрах от границы. Необычность и сложность этой операции заключалась в том, что она осуществлялась зимой – время, в которое, по обычаю эпохи, все военные действия приостанавливались, и противники расходились по зимним квартирам⁷⁰. В конце января 1664 года войска Зрини и Хоэнлоэ совершили внезап-

ный рейд в глубину вражеской территории, взяли ряд турецких крепостей по пути к Эсеку и рядом с ним и сожгли мост. Эта военная акция дала союзникам выигрыш времени в два месяца, необходимые туркам для восстановления переправы. Стамбул был очень обеспокоен и раздражен успехом Зрини, единственного полководца со стороны христиан, который, как полагали в Стамбуле, смог противостоять великому везиру. Последнего же обвиняли в том, что он не обеспечил должных мер против военного похода Зрини⁷¹.

Весть о победе облетела всю Европу. В Регенсбург, в штаб Рейнского союза ее доставил лично Петер Зрини. Миклош Зрини приобрел огромную популярность на Западе. О его победе сообщалось в дипломатических донесениях⁷². Папа и Людовик XIV прислали ему поздравления, причем последний передал еще и денежное вознаграждение⁷³. Словения Штирии и Каринтии направили в Вену свою депутацию с просьбой к военному совету поддержать войсками Миклоша Зрини, «чтобы не пропали результаты столь удачного предприятия»⁷⁴. В Англии была опубликована биография Миклоша Зрини⁷⁵. Успех венгерского полководца подтолкнул Рейнский союз к дальнейшим действиям: на заседании, состоявшемся 15 февраля 1664 г., было решено создать Лигу с французским королем, папой и другими государствами для ведения наступательной войны против Османской империи. Забрезжившие перспективы примирения между русскими и поляками вселяли надежды на приобщение к Лиге Польши⁷⁶. Александр VIII обещал послать на помощь Зрини в Хорватию военные силы⁷⁷. Людовик XIV отрядил туда же 6-тыс. корпус под командованием Колиньи. Осмелели Трансильвания, Молдавия и Валахия и также предложили свою помощь⁷⁸. Правда, опытные венецианские дипломаты высказывали сомнения в том, что французы, папа и германские князья вовремя пришлют свои войска, поскольку всех их разделяют разногласия⁷⁹.

К сожалению, пророчества венецианцев во многом оправдывались. Успех, достигнутый зимой у Эсека, закрепить не удалось. План весенней кампании, предполагавший одновременное выступление союзников и императорских войск, взятие ключевых крепостей (Варада, Эршекуйвара, Канижи) был сорван. Попытка венгров взять своими силами Варад закончилась трагически⁸⁰. Союзники же не могли согласовать свои действия и договориться о едином командовании. Вена затягивала принятие решений. Так, по вине Придворного военного совета с двухмесячным опозданием (в конце апреля вместо февраля) была начата осада Канижи⁸¹. Вследствие этого были потеряны преимущества, полученные в результате зимнего похода. Турки восстановили переправу у Эсека и в начале лета двинули крупные силы к Каниже. Зрини, которому вместе с Хоэнлоэ и Строцци было поручено командование осадой, безуспешно торопил военный совет с присылкой помощи. Главный штурм крепости, намеченный на середину мая, не состоялся из-за плохого состояния артиллерии, нехватки боеприпасов и малочисленности осаждающих⁸². Несмотря на протесты Зрини, Придворный военный совет в июле приказал снять осаду. Зрини был отстранен от командования, вместо него был назначен Монтекуколи. Неудачу военной кампании на южном театре военных действий довершила

сдача туркам (в соответствии с приказом Вены) крепости Зриниуйвар, которую турки сразу же взорвали⁸³.

Инициатива перешла к противнику. Ситуацию не изменили успешные действия императорских войск под командованием генерала Соше в Верхней Венгрии⁸⁴. К тому же императорские войска испытывали острый дефицит в боеприпасах. В начале июля венское правительство обратилось к сословиям империи и к Венеции с просьбой помочь порохом. Венецианский посол Сагрето всеми силами пытался отклонить просьбу, ссылаясь на острую нужду в боеприпасах самой Республики, которая воюет с османами на всем протяжении сухопутной границы и на море⁸⁵.

Воодушевленный успехами на южном фронте Ахмед-паша Кёпрюлю двинул армию к Вене. Габсбурги, решившиеся на войну с османами, попали в трудное положение. При дворе снова оживилась «партия» Порции, настаивавшая на примирении с Портой. Снова в качестве аргумента всплыла французская угроза. Теперь ее усматривали в самом факте участия французского отряда в венгерской войне, предпринятого якобы только ради усиления влияния и авторитета Людовика XIV в империи⁸⁶. Слухи о нарастании примиренческих настроений венского двора поползли среди дипломатов⁸⁷.

Однако стремительный рывок войск великого везира по направлению к Вене вынудил командование пойти на генеральное сражение. Оно произошло 1 августа 1664 г. на границе Венгрии и Австрии у местечка Сентготхард (Могерсдорф), где находилась удобная переправа через Рабу. В этом сражении друг другу противостояли два выдающихся полководца: Монтекукколи и великий везир Ахмед-паша. Под началом Монтекукколи сражались императорские и венгерские контингенты, а также пятитысячный французский отряд. Французы, среди которых было много молодых, по-авантюристски настроенных аристократов, появились на поле битвы разряженные в кружева и ленты. Увидев их, Ахмед-паша поинтересовался, не юных ли барышень христиане привели, чтобы воевать с турками. Великий везир имел основания для иронии. Его войска имели, по крайней мере, двойное численное превосходство (60 тыс. против 30)⁸⁸ и подготовились к переправе, возведя мост. Зато позиции христианских войск удобно прикрывала излучина реки. Великий везир не учел этого, и несколько полков янычар в утренней атаке при переправе попали в ловушку. Контратака турок в центр христианских войск захлебнулась, хотя позиции императорских войск были поколеблены. Ситуацию спас смелый натиск французов. Османь отступили, а потом обратились в бегство. Участник сражения принц Конде записал в своем дневнике: «Среди неверных началась паника. Тяжелая одежда очень мешала им плыть. Тех, кто мог плавать, топили те, кто не умел. Многие, правда, доплыли до противоположного берега, но или не могли взобраться на него, или их расстреливали французские стрелки: прежде всего тех, кто добрался до берега. Произошло страшное побоище; на другой берег попало очень мало турок»⁸⁹. В 4 часа пополудни поле боя осталось за христианами. Им досталась богатая добыча. Много солдат вражеской армии утонули в Рабе, многие попали в плен. В общей сложности потери османов составляли 16 тыс. человек, их противников – 2 тысячи⁹⁰.

Сражение у Сентготхарда было одним из крупнейших за всю историю турецких войн. Его результаты еще раз доказали преимущество наступательной тактики. Еще одно подтверждение нашел неоднократно выдвигавшийся Зрини тезис о том, что турок не следует бояться, их можно и нужно побеждать⁹¹. Вся Европа ожидала продолжения войны. Но ее не последовало. Монтекукколи даже не преследовал бегущие, истекающие кровью турецкие войска, а дал им возможность вернуться в лагерь, а потом в полном порядке отойти к Вашвару. Еще не остыл пыл победы, когда 10 августа в Вашваре представитель императора Ренингер и Кёпрюлю составили текст мирного договора. Почти два месяца договор оставался тайной для всех, и только 27 сентября Леопольд I осмелился обнародовать его. Это был самый неожиданный мир: ведь пребывающие в неведении страны, полководцы, политики и дипломаты развили бурную деятельность, чтобы закрепить успех при Сентготхарде. Еще раньше, подзревая Вену в готовности вступить в переговоры со Стамбулом, Сагредо писал Сенату: «Это будет трудный мир. Не верится, что он будет соблюдаться, что он будет искренним и продолжительным. Учитывая то, что великий везир, почти закончил завоевание Трансильвании, [не верится], что он откажется без необходимости от приобретений, сделанных в Венгрии, и захочет сохранить мир, если нужно будет вернуть или разрушить Эршекуйвар. Мир обязал бы императора все время вооружаться»⁹². Слова венецианского дипломата, написанные в марте, оказались пророческими. Вашварский мир повторял большинство положений Житваторокского мира 1606 г. Но, несмотря на некоторое улучшение позиций императорской стороны по сравнению с 1606 г., в целом мир благоприятствовал султану. Так, признавались завоевания турок, осуществленные в последнюю войну, как в Трансильвании, так и в Венгрии, вместе с важнейшими крепостями Эршекуйвар и Варад, что существенно расширяло османские владения. Разрушению подвергались одни крепости (Секейхид), запрещалось восстановление других (в том числе, Зриниуйвара); оговаривались места, где нельзя было возводить крепости или разрешалось держать только малые гарнизоны (комитаты Сабольч, Сатмар). И турки, и австрийцы обязались вывести свои войска из трансильванских крепостей, но при этом позиции султана в стране укреплялись. Султан и император принимали на себя взаимные обязательства не помогать противникам другого, отказывались поддерживать венгров, обязывались держать друг друга в известности относительно своих планов. В подтверждение добрых намерений стороны заключали торговый договор и обменивались подарками на сумму в 200 тыс. золотых талеров⁹³.

Причины заключения Леопольдом I этого поспешного, называемого многими современниками «позорного, трусливого и нечестного» мира, лежали в сфере старых проблем династии. С одной стороны, приоритеты ее внешней политики оставались в Западной Европе и строились, в первую очередь, исходя из отношений с Францией, а также имперскими курфюрстами и князьями. В Вене их участия в венгерских событиях опасались в не меньшей мере, чем перспективы вести войну с турками в одиночку. Французские попытки сколотить антигабсбургский блок виделись им повсюду: в

отношениях между Людовиком XIV и князьями, между Людовиком и Рейнским союзом, между Людовиком и венгерской оппозицией, между Людовиком и Трансильванией, между Людовиком и Польшей, а также между Людовиком и султаном. Эти опасения не были беспочвенными, и не только в отношении Франции. Курфюрсты в рейхстаге позволяли себе давать Венгрии обещания, намного превышающие их права и компетенцию. В воззвании к венгерским высшим чинам и сословиям, составленном в апреле 1664 г., рейхстаг гарантировал венграм не только помощь в войне с турками, но и соблюдение религиозных и прочих свобод⁹⁴.

И, тем не менее, венгерские проблемы беспокоили Леопольда I меньше, чем назревающий новый конфликт в Западной Европе, связанный с судьбами Испанского наследства. Было очевидно, что старому и больному Филиппу IV Испанскому оставалось недолго жить. Леопольд I не без оснований опасался, что пока он будет поглощен в Венгрии войной с турками, на Западе Людовик XIV приберет к рукам Испанское наследство. У Филиппа был законный наследник Карл (Карл II), сын от второго брака (с Марией Анной, родной сестрой Леопольда I). Но по деволуционному праву Людовик Французский, как муж дочери Филиппа от первого брака (Марии Терезии), имел основания для претензий на наследство⁹⁵. В этой гонке за Испанским наследством Леопольд I отставал от Людовика в том смысле, что был женат на дочери Филиппа IV от второго брака, хотя, безусловно, считал, что у него, как у ближайшего родственника испанских Габсбургов, прав на их наследство значительно больше. На самом деле, Филипп IV скончался в апреле 1665 г., и вскоре между Испанией и Францией началась т.н. «деволюционная» война за испанские Нидерланды (1667–1668), за которой Вена с напряжением наблюдала. Это обстоятельство делало вполне понятным стремление австрийских Габсбургов не связывать себе руки войной с Османской империей.

С другой стороны, Австрия ни в военном, ни в политическом отношении еще не чувствовала себя готовой к беспроигрышной войне, особенно, не будучи уверенной в безотказном функционировании международной антиосманской коалиции. Венгрия, из-за которой и в которой велась эта война, ради своего спасения могла повернуть против Габсбургов, не побрезговав никакими союзами, — даже с заклятыми их врагами: будь то султан или французский король. Это обстоятельство обуславливало крайне настороженное и недоверчивое отношение правящей династии к венграм, что не могло не отразиться на решениях, принимаемых в Вене в вопросах об освободительной войне. В одной из бесед с новым французским послом в Вене Гремонвиллем герцог Порция объяснял причины, толкнувшие Леопольда I на заключение Вашварского мира следующим. Венгры начали войну с турками, но воевать не захотели. Леопольд I вынужден был отдать Варад и Эршекуйвар для того, чтобы удерживать венгров от крайнего шага: чтобы они не выбрали своего короля и не отъединились⁹⁶. Трудно судить, насколько в действительности Вена руководствовалась этими соображениями. Но в Европе в этот момент широко распространилось мнение о том, что Австрийский дом питает надежды разделиться с королевством еретиков [Венгрийей. — *Т.Г.*]⁹⁷, и Леопольд заключил мир с турками для того, чтобы ослабить венгров⁹⁸.

* * *

Вашварский мир поставил точку в истории первой попытки организации общеевропейской войны против османов за освобождение Европы. Западноевропейские страны выражали недовольство в связи с тем, что Вена действовала без их ведома и согласия, а также с тем, что она самостоятельно припечатала судьбу международной коалиции, подготовленную с таким трудом. Осуждались и сами условия мира.

Вашварский мир повлиял на международные позиции многих стран. Для Венеции он означал, что турки перенесут освободившиеся силы на Кандийскую войну. Действительно, уже зимой 1665 г. Ахмед-паша Кёпрюлю приступил к осаде Кандии. Эта война стоила Венеции огромных усилий. Отдельные страны предоставили материальную помощь и послали к Кандии вспомогательные отряды: среди них – Испания, папа, итальянские и немецкие князья. В 1666 г. на стенах крепости сражался отряд французских волонтеров, тайно посланных Людовиком XIV. В 1667 г. Леопольд I также выделил на помощь осажденным отряд в 3600 наемных солдат⁹⁹. Но превратить Кандийскую войну в широкомасштабное международное предприятие, аналогичное венгерской войне 1663–1664 гг., не удалось. Слишком далеко от границ западноевропейских государств и их интересов лежал венецианский Крит. Кандия пала. Последовавший за этим мир (5.IX.1669 г.) между Портой и Венецией надолго связал руки последней и возвратил ее к традиционной политике нейтралитета в турецких делах. Венеция довольствовалась подтверждением капитуляций с Портой, но свои позиции в левантской торговле безвозвратно утратила, уступив их Франции, которая после Кандийской войны вышла на первое место в этой сфере. Республике с трудом, позже Франции и других государств, удалось добиться снижения таможенных тарифов. В результате войны и потерь позиций в торговле и производстве финансы Венеции переживали глубокий кризис. Чтобы выйти из него, пришлось существенно сократить военный флот Республики, что также ставило ее в невыгодное положение перед Портой. Для Венгрии и Трансильвании такие изменения во внешней политике Венеции означали серьезный удар по их надеждам. Даже если учесть традиционную осторожность Венеции, которая, материально помогая им, все же избегала заключать с ними ответственные соглашения, направленные против Стамбула, выход Венеции из войны с Османской империей увеличивал турецкую угрозу в этом регионе.

Заключение мира с Портой не только не сняло напряженности в австрийских владениях на Дунае, но многократно усилило ее. Венгрия в буквальном смысле была шокирована происшедшим. Страну охватили разочарование и возмущение. Венгерские сословия открыто заявляли свой протест против Вашварского мира и отказывались его признавать. На это у них имелись основания, так как по установившимся правилам международные договоры, затрагивающие интересы Венгерского королевства, должны были заключаться только с ведома государственного собрания и ратифицировались им. Уже 25 ноября высшие сановники королевства заявили свой протест Леопольду I, пригласившему их на совещание в Вену. 5 января 1665 г. надор официально и публично повторил этот протест от имени королевства.

В стране нарастала оппозиция. Надежды на Габсбургов, ради своих династических интересов в Западной Европе бросивших Венгрию на верную гибель, рухнули окончательно. Ведущие венгерские политики искали выход из создавшегося тупика. Поиски этих путей уводили их все дальше от венского двора. Уже осенью 1663 г. венгерские высшие сановники – М. Зрини (хорватский бан), Ференц Вешшелени (надор), Ференц Надашди (государственный судья) – заключили между собой соглашение о совместных действиях в интересах страны. В тексте соглашения делались намеки на тайных и явных врагов страны, к которым относятся даже те, от кого следовало бы ожидать спасения. В разработанной программе действий предусматривались переговоры с иностранными державами с целью сохранения Венгрии, а также в интересах восстановления страны и государства. Собравшиеся договорились держать соглашение в тайне, хотя в своих действиях не усматривали ничего преступного¹⁰⁰. Так было положено начало движению, которое в истории получило название «заговора Вешшелени». В данном очерке заговору можно было бы не уделять внимание, если бы он остался внутренним делом Венгрии и Австрии. Но в условиях острого противостояния между Габсбургами и Францией с одной стороны, и Габсбургами и Османской империей – с другой, это оппозиционное движение стало важным фактором давления на Вену извне. Расправа с «заговорщиками» и введение режима «прямого правления» в 1671–1673 гг. привели к открытому восстанию и долгой внутренней войне под руководством Имре Тёкёли. Ее также использовали как козырь в своем противостоянии с Габсбургами и Людовик XIV, и Мехмед IV. В историографии существуют разные мнения о целях этого движения: не подлежит сомнению, что главной задачей ставилось изгнание турок, и ей подчинялись все остальные. Вторая задача – восстановление единого Венгерского королевства в том виде, в каком оно существовало до Мохача – как правило, также принимается исследователями. Большие споры возникают по поводу того, означала ли очевидная антигабсбургская направленность «заговора» стремление избавиться от династии и заменить ее на другую, национальную или чужеземную¹⁰¹.

Серьезным ударом по позициям венгерских политиков было то, что Ваварский мир уничтожил плоды всех их дипломатических усилий на Западе. Более того, он снова отстранял венгерскую знать от самостоятельной внешней политики, ведение которой Вена в любой момент могла инкриминировать ей как государственную измену. Наконец, Венгрии снова грозила изоляция от остальной Европы. У венгерской политической элиты не было иного пути в поиске средств для «спасения нации», кроме как обратиться за помощью к могущественным державам, которые могли бы если уж не продолжить европейскую войну ради изгнания османов, то, по крайней мере, удержать Австрию от окончательного подчинения Венгрии. Такими державами были Франция и Османская империя. Обращаясь к любой из них, венгерские политики обрекали себя на противостояние Габсбургам. Однако следует иметь в виду, что самими венграми сопротивление королю воспринималось как их неотъемлемое право и одна из важнейших привилегий, завоеванная ими еще в XIII в. и зафиксированная в «Золотой булле» Эндре II (1222 г.). Это

право сопротивления (*jus resistendi*) было отменено только в 1687 г. вместе с правом венгерских сословий выбирать королей¹⁰².

В первые дни после обнародования Вашварского мира венгерская политическая элита пребывала в растерянности. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что Миклош Зрини сразу же снова предложил свою службу Венеции. Но Венеция уклонилась от предложения¹⁰³. Зрини не сдавался. Он разрабатывал программу политического возрождения Венгрии, в которой делал упор на внутренние реформы, а во внешней политике – на создание конфедерации центральноевропейских стран – соседей Венгрии¹⁰⁴. Зрини также придавал большое значение связям с Францией. Как бы то ни было, Миклошу Зрини не удалось осуществлять свою программу. 18 ноября 1664 г. он погиб на охоте. Широко распространившиеся слухи о том, что это был не несчастный случай, а спланированная венским двором акция, подтверждение не нашли¹⁰⁵. Со смертью Зрини венгерскую оппозицию возглавил надор Ференц Вешшелени, а после его смерти (март 1667 г.) – Ференц Надашди¹⁰⁶.

Непосредственно после заключения Вашварского мира заговорщики сделали в своих планах ставку на Францию. Французская дипломатия считала это подходящим поводом для вмешательства в венгерские дела. В начале ноября 1664 г. французский посол в Вене сообщал в Париж об осложнении обстановки в Венгрии и считал, что Франции нужно безотлагательно использовать создавшуюся ситуацию. Он установил связи с «главой недовольных» Миклошем Зрини, о чем сообщил в Париж. Гремонвилль предсказывал, что Зрини или другой венгерский политик вскоре обязательно обратится к Людовику XIV¹⁰⁷. Осенью этого года братья Зрини через французского посла в Венеции Бонси пытались установить связи с французским двором. Бонси сообщал в письме к Людовику от 15 ноября 1664 г. о планах венгерской оппозиции. Она предполагала добиться от Франции помощи против турок, рассчитывая на то, что если война продолжится, император окажется в безвыходной ситуации: во-первых, он будет вынужден присоединиться к войне, а, во-вторых, он пойдет на уступки венграм¹⁰⁸. Очевидно, для того, чтобы еще больше заинтересовать Людовика XIV в венгерских делах, венгерские политики выдвигали идею «избрания короля из чуждой страны»¹⁰⁹. Людовик XIV ответил на оба предложения венгров отказом. Французский король преследовал в Венгрии другие цели. Он хотел, чтобы в подходящий момент, особенно, если император замыслит что-нибудь против Франции, венгры подняли бы против него восстание, в котором французский король помог бы им деньгами для «крупных диверсий»¹¹⁰. В июне следующего года руководители венгерской оппозиции передали в Париж проект венгерско-французского союза. Людовик инструктировал своего венского посла о тактике в отношении венгров: удерживать их обещаниями, но союза не заключать¹¹¹. В соответствии с главной целью своей внешней политики (достижения европейской гегемонии путем ослабления обеих ветвей дома Габсбургов и расширения границ Франции за счет их владений)¹¹² Людовик XIV готовился к войне с Испанией за Южные Нидерланды. Он не мог исключить того, что в войну вмешается император. Когда война все же разразилась, Леопольд I воздерживался от того, чтобы в нее ввязываться. Более того, в январе 1668 г. он пошел на тайное

соглашение с Людовиком XIV, предусматривавшее раздел Испанского наследства в случае смерти испанского короля Карла II. Хотя всем смыслящим в политике людям была понятна нереальность этих договоренностей¹¹³, Франция посчитала нецелесообразным продолжать переговоры с венгерской оппозицией¹¹⁴.

В создавшейся ситуации венгерские «заговорщики» сменили внешнеполитическую ориентацию, сделав ставку в своих планах на Порту¹¹⁵. Они были согласны на то, что Венгрия перейдет под власть Османской империи в статусе вассала, но при условии сохранения права выбора короля, широкой внутренней автономии, соблюдения венгерской сословной «конституции», освобождения Венгрии от обязанности участвовать в военных предпринятиях султана¹¹⁶. Эти планы предполагалось осуществлять в тесном сотрудничестве с Трансильванским княжеством, которое также переживало разочарование в связи с политикой Габсбургов по восточному вопросу. В конце декабря из Стамбула вернулось императорское посольство, которое привезло грамоты, подтверждающие Вашварский мир и дополняющие его, в том числе торговый договор между султаном и императором¹¹⁷. Послы также добились разрешения свободно исповедовать католическую веру на завоеванных османами землях¹¹⁸, что в условиях бурной контрреформации во владениях Габсбургов означало ухудшение положения протестантских церквей. В то же время не было предпринято никаких шагов для изменения положения в Трансильвании. Можно понять, почему представители трансильванского князя Михая Апафи участвовали в совещаниях венгерской оппозиции, и почему Трансильвания взяла на себя роль посредницы в установлении контактов заговорщиков с Портой. В июне следующего (1667 г.) посол Апафи нашел великого везира на Крите и от имени венгерских оппозиционеров просил принять их план. Однако занятый войной с Венецией, великий везир ответил отказом. Вернее, он просил их подождать два года, пока не управится в Кандии¹¹⁹. Запрос повторился в следующем году, но снова был отклонен. Зато о планах заговорщиков передать Венгрию под протекторат Османской империи стало известно в Вене через толмача дивана Панайоти. Габсбурги повели новое наступление на свободы венгерских сословий, отказав им в выборе надора (на место умершего Ференца Вещшелени). Вместо него сословия получили назначенного императором местоблюстителя надора. Им стал Ференц Надашди¹²⁰.

Между тем вопрос о переходе Венгрии под власть Османской империи ставился не только во время войны как результат новых завоеваний османов. На попавших под власть Порты приграничных территориях продолжали действовать некоторые социальные институты и административные структуры венгерского феодального государства. Население Венгрии продолжало жить по венгерским государственным и местным законам и обычному праву. Так, условиями мирных договоров первой половины XVII в. между императорами и султанами предусматривалось сохранение отдельных привилегий венгерского дворянства на турецких территориях. Венгерские комитаты как властные дворянские институты и органы местного дворянского самоуправления продолжали осуществлять свою власть и на захваченных

османами территориях, хотя административные центры таких комитатов находились по другую сторону турецкой границы. Судьи, исправники и присяжные из королевской Венгрии ходили «в туретчину», чтобы исполнять там необходимые административные, налоговые и судебные функции. В XVI и XVII вв. близ границы налоги собирались в пользу и османской и венгерской стороны. Но в XVII в. сбор налогов возлагался уже на венгерские местные органы. Османские власти были вынуждены считаться с подобным двоевластием¹²¹. Что же касается венгров, то для них из двух зол – австрийцев, с одной стороны, и османов – с другой – последние не всегда оказывались худшим. Некоторые пограничные деревни добровольно передавали себя под власть османов. Венгерские законы второй половины XVII в. содержат постановления против подобных «изменников»¹²². Между тем речь шла не об «измене»: переход под власть Порты в то время, как Габсбурги не могли защитить подвластное им население от османов, представлял собой жизненную необходимость, так как означал сохранение жизни и имущества, а также возможность жить по своим законам.

В начале 1669 г. опасения Вены относительно возможности отложения 13 верхневенгерских комитатов усилились. Движение оппозиции переросло рамки заговора и охватило широкие массы дворянства, в первую очередь в Верхней Венгрии (Словакии) и районах, соседствующих с турецкой границей. Папский нунций при императорском дворе Джулио Спинола сообщал в Рим, что в Вене очень опасаются внутренней войны в Венгрии, а также того, что 13 верхневенгерских комитатов отдадут себя под власть Порты¹²³. Эта война была бы очень кстати Порте, которая тем самым связала бы руки императору и подтолкнула Венецию к заключению мира. В самом деле, на просьбы Венеции о предоставлении ей в этот трудный момент помощи министры Леопольда I отвечали отказом. Вена имела сведения о том, что султан собирается выступить в поход против Венгрии или Каттаро, что вынуждало императора вооружаться¹²⁴. Правда, как уже упоминалось, Леопольд I позже все-таки послал отряд на защиту Кандии¹²⁵.

Слухи о том, что по завершении Кандийской войны османы возобновят войну в Венгрии, упорно ходили в Вене и находили подтверждение в действиях турецкой стороны. Османские отряды регулярно совершали вылазки на территорию Верхней Венгрии. Они не только грабили население, но и захватывали пограничные крепости, а также строили новые крепости в стратегически важных пунктах границы в этой зоне¹²⁶. Эти действия в Вене расценивались как стремление османов «прервать всякую связь между Венгрией и Нижней Австрией» для того, чтобы при благоприятных обстоятельствах, при содействии недовольных венгров подчинить Верхнюю Венгрию¹²⁷. В Вену поступали еще более тревожные сообщения. Ранней весной 1669 г. эршекуйварский паша лично (правда, инкогнито) участвовал в рейде в глубь Моравии и тщательно осмотрел окрестности¹²⁸. Набеги турок на Моравию упоминаются в течение всего 1669 г. Не бездействовали и татары. В конце 1669 г. в Вену прибыло татарское посольство якобы для изъявления дружественных чувств и намерений. Однако в Вене подозревали, что ис-

тинной целью татар было лучше узнать двор и страну, чтобы потом неожиданно напасть¹²⁹. Все это свидетельствовало о том, что султан вряд ли удовлетворится покорением только Венгрии. К Вагу, на моравскую границу в сентябре 1669 г. был послан с войсками Раймондо Монтекукколи. Он должен был воспрепятствовать переправе турок, но одновременно быть готовым к тому, чтобы «прекратить безобразия, чинимые венграми»¹³⁰.

И все же Вена реагировала на подобные тревожные известия без должной решительности, хотя и боялась войны с османами. Ей мешала погруженность в западноевропейские проблемы. Между тем, по мнению дипломатов, Леопольд I мог бы без особого труда справиться с антигабсбургским движением в Венгрии. Вене был известен каждый шаг заговорщиков. Эти сведения поступали не только от тех, кто по каким-либо причинам не желал их успехов. Сами руководители движения, наезжая в Вену, довольно регулярно занимались саморазоблачениями¹³¹. Разросшись, движение утратило единство. Расхождения касались как политических вопросов, так и религиозных. Венгерская аристократия, возглавившая недовольных, давно вернулась в католицизм, в то время как значительная часть дворянства, особенно в Верхней Венгрии, оставалась верной протестантизму. Как политический вождь оппозиции Ф. Надашди значительно уступал и М. Зрини, и Ф. Вешшелени. Желая добиться быстрых результатов, он принимал необдуманные решения без учета сложившейся внутренней и международной обстановки. Ф. Надашди был не склонен к компромиссам и в религиозном вопросе, и грубо проводил линию контрреформации. Смягчить религиозные противоречия внутри движения удалось после того, как к нему присоединился Ференц Ракоци, сын Дьердя II и зять Петера Зрини, крупнейший магнат Верхней Венгрии¹³². Но политические разногласия сохранялись.

В июле 1668 г. на совещании в Штубице лидеры недовольных приняли решение начать восстание. Цели точно не определялись: то ли создание национального королевства с династией Ракоци во главе; то ли установление политического устройства наподобие Речи Посполитой с ведущей ролью дворянства. Но в обоих случаях предполагался разрыв с Габсбургами и вступление в вассальную зависимость от Порты. Заговорщики рассчитывали на помощь и участие в восстании Трансильвании. Однако князь Михай Апафи и политическое руководство княжества не слишком доверяли заговорщикам и потребовали от них не предпринимать самостоятельных внешнеполитических шагов. В то же время княжеский совет поставил свое военное участие в движении в зависимость от того, получит ли он разрешение из Стамбула. В конце октября 1669 г. от Ахмеда-паши с Крита пришел отрицательный ответ. Однако это не остановило руководителей движения, взявших курс на открытую борьбу.

Все это время Леопольд I занимал довольно снисходительную позицию по отношению к венгерским недовольным. Он не хотел вызвать их на крайние действия, боясь внешнеполитических осложнений. Руководители оппозиции неоднократно приглашались в Вену для переговоров. В самой Венгрии по инициативе венского двора созывались региональные собрания

сословий и совещания венских эмиссаров с высшими должностными лицами королевства¹³³. Однако обе стороны не желали идти на уступки. Леопольд I все решительнее ограничивал деятельность сословных учреждений в Венгрии, подчиняя их руководству из Вены.

Вена теряла терпение. В январе при дворе открыто говорили о том, что венгров можно успокоить только силой. Последняя безуспешная попытка договориться с недовольными была предпринята 16 марта 1670 г. на созванном по инициативе Леопольда I региональном собрании сословий Верхней Венгрии. 19 марта Придворный тайный совет вынес решение безжалостно подавить оппозиционное движение в Венгрии.

Между тем в Венгрии началось восстание, которое, однако, вскоре закончилось, еще толком не начавшись. Движение было подавлено. Его руководители П. Зрини, Ф. Надашди, Ф. Франгепан, Ф. Бониш, штириец граф Э. Таттенбах были казнены (апрель 1671 г.). Их имущество и еще 300 дворян перешло в казну. В страну были введены императорские войска, содержание которых полностью легло на местное население. В 10 раз выросли налоги. Леопольд I отменил действие венгерской сословной «конституции» и в феврале 1673 г. ввел в Венгрии прямое правление, установив в качестве главного административного органа комитет (губерниум) в составе 4 немецких и 4 венгерских советников. Наместником Венгрии был назначен Великий магистр Тевтонского ордена Иоганн Гаспар Ампринген. Контрреформация приняла насильственный характер. Множество дворян, а также некоторые представители знати бежали в Трансильванию и к туркам.

Движение было обречено на неудачу изначально. Сыграли роль колебания его руководителей¹³⁴. Восстание не получило отклика среди населения городов и деревень. Кроме того, его не поддержали внешнеполитические силы. Германские князья на заседаниях регенсбургского рейхстага в начале апреля 1670 г. заняли сторону Леопольда I. Как сообщал из Вены папский нунций Антонио Пиньателли, многие князья предложили императору помощь солдатами, но тот отказался якобы из-за отсутствия денег¹³⁵. Официальное мнение Венеции также осуждало венгров, пошедших наговор с врагами христианства – османами¹³⁶. В конце апреля Михай Апафи отказал восставшим в помощи. Даже враги Габсбургов не поддержали мятежников. Порта, готовясь к войне с Речью Посполитой после окончания Кандийской войны, не хотела обострять отношения с императором. Эгерский паша поступил так же, как и Апафи¹³⁷. Франция изъявляла свою готовность помочь Леопольду войсками. При этом французский посол в Вене Гремонвилль подчеркивал в разговорах с высшими сановниками венского двора, что быстрое подавление оппозиции стало возможным только благодаря позиции Парижа¹³⁸. В свою очередь венское правительство стремилось скрыть причастность французской дипломатии к событиям в Венгрии. По сообщению Пиньателли, Леопольд I боялся того, что Надашди во время казни заговорит о своих связях с Гремонвиллем. Чтобы избежать ненужных откровений, не стали устраивать публичной казни Надашди. В тексте же приговора, как подчеркивал Пиньателли, при перечислении преступлений Надашди были опущены его связи с Францией и Польшей¹³⁹.

* * *

Несмотря на ужесточение режима в Венгрии, Леопольду не удалось расправиться с Венгрией, как расправился с Чехией Фердинанд II в 1621 г. Далеко не последнюю роль в этом сыграло геополитическое положение Венгрии, за которую боролись две империи. Порта ни в коем случае не могла допустить полного поглощения Венгрии Австрией. Поэтому вскоре после произошедших событий великий везир выступил заступником обратившихся к нему 500 венгерских дворян-эмигрантов и потребовал от Леопольда I через императорского резидента в Стамбуле остановить репрессии в стране¹⁴⁰. В знак серьезности своих намерений великий везир сосредоточил на хорватской границе войска, что сильно обеспокоило Вену. На границу были посланы императорские войска, дабы воспрепятствовать вторжению¹⁴¹.

Политика Вены в Венгрии после подавления оппозиционного движения вызвала в стране новый прилив озлобления и многократно усилила напряженность. Дипломаты высказывали опасения, что, проводя такую политику, император вовсе потеряет Венгрию¹⁴². Мало того, что в самой Венгрии назревало новое восстание, намного более серьезное, чем в 1670 г., поскольку непомерные контрибуции и налоги касались всего населения. Уже в мае поднялся Сепеш (Спиш). Дворяне-беженцы (скитальцы), укрывшиеся на территории соседней Трансильвании, создали новый очаг напряженности, ища поддержки у противников Габсбургов. В конце декабря 1671 г. из Стамбула пришли известия о том, что венгры, хорваты и трансильванцы обратились к Порте за помощью в деле сохранения веры и привилегий. Ради поддержки они не скупались на обещания. Однако Ахмед-паша отпустил депутацию ни с чем¹⁴³. У Стамбула были заботы поважнее, чем поддерживать в общем-то ненадежное и оскандалившееся движение. В этот момент Порта уже фактически начала войну с Польшей, помогая Дорошенку. 5 апреля 1672 г. Мехмед IV выступил в поход против Польши.

В первой половине января 1672 г. еще до официального объявления войны Порта обратилась к Вене с просьбой придерживаться условий Вашварского мира и не помогать Польше, с которой султан намеревается воевать. Однако в Вене в тот момент это обращение восприняли как отвлекающий маневр, призванный усыпить ее бдительность. В Вене полагали, основываясь на сообщениях из Стамбула, что на самом деле султан ведет приготовления к войне с Габсбургами¹⁴⁴. В конце января Порта повторила свою просьбу о соблюдении нейтралитета. Некоторые высшие сановники венского двора считали этот момент очень удачным для начала новой антиосманской войны в союзе с Польшей и другими государствами¹⁴⁵. Но Леопольд I не рискнул пойти на такой ответственный шаг. Было решено послать армию в Силезию. В случае необходимости она смогла бы оказать помощь Польше, однако, под знаменами не императора, а Бранденбурга или другого княжества во избежание осложнений между Веной и Стамбулом¹⁴⁶.

Положение Габсбургов в 1672 г. резко ухудшилось. В конце августа в Венгрию из Трансильвании вторглись войска венгерских скитальцев, поддержанных трансильванским князем с согласия великого везира¹⁴⁷. К ним

моментально присоединилась значительная часть Верхней Венгрии. Чтобы не допустить распространения восстания на всю страну, венское правительство пошло на уступки Хорватии, освободив ее от всех наказаний и контрибуции, связанных с «заговором», восстановив привилегии. В обмен Хорватия должна была отправить двухтысячную конницу против мятежников в Верхней Венгрии¹⁴⁸. Немного позже в Венгрии был уменьшен налог на содержание армии. В лагере скитальцев и присоединившихся к ним венгерских комитатах начались серьезные разногласия: между руководителями движения, между католиками и протестантами, между магнатами и уходившими от них, вступавшими в повстанческую армию крестьянами. В результате первая атака скитальцев не удалась, и в сентябре их войска вернулись в Трансильванию.

На время Леопольду удалось пригасить вспыхнувший пожар. Но «истинные друзья» Габсбургов не могли этого допустить. Заключив в октябре 1672 г. по завершении победоносной войны с Польшей Бучачский мир, Порта могла вздохнуть свободней и вернуться к интригам против Габсбургов. В январе 1673 г. она пообещала венгерским дворянам-скитальцам помочь в их борьбе против короля.

Этот выпад стамбульской дипломатии сильно ударил по позициям Габсбургов. В Западной Европе полным ходом шла франко-голландская война (1672–1678 гг.). В начале 1673 г. возникли осложнения в антифранцузском лагере. Бранденбург, которому Голландия задерживала выплату субсидий на содержание армии, в июне заключил сепаратный мир с Францией и покинул союзников¹⁴⁹. В сентябре Леопольд включился в войну. Императорская армия под командованием все того же Раймондо Монтекуколи двинулась на Нижний Рейн. Успехи Монтекуколи на Рейне способствовали расширению антифранцузской коалиции и возвращению курфюрста Бранденбургского Фридриха Вильгельма в лагерь союзников. Союзники одержали ряд крупных побед над французами, однако не могли воспользоваться ими в должной мере из-за серьезных внутренних разногласий. По словам историка Э. Айххофа, «исход этой войны решил не оружие, а умелая, подчиняющаяся руководству из центра дипломатия «Короля-солнце»¹⁵⁰. Нимвегенский мир 1678–1679 гг. в итоге означал серьезное поражение политики императора в Западной Европе. С трудом созданный союз распался. Путем сепаратных договоров Людовик по очереди отрывал от императора бывших союзников. Князя (среди них бранденбургский, саксонский и баварский курфюрсты) вернулись в лоно французской политики. Франция установила свою гегемонию в Европе и перешла к откровенно разбойничьей политике в отношении соседей.

В разгар голландской войны французская дипломатия предприняла новые демарши в Центральной Европе, желая отвлечь силы императора с западного фронта. Она снова извлекла из запасников венгерскую козырную карту. В середине апреля 1675 г. люди французского посла в Польше маркиза Бетюна по поручению Людовика XIV в Фогараше вели переговоры с представителями венгерской эмиграции о создании антигабсбургского союза. Папский нунций так охарактеризовал это событие: «Венгерские мятежники

уже успокоились, когда полученные от французов деньги снова ободрили их»¹⁵¹. Между сторонами был разработан проект соглашения. Оно предусматривало отложение Венгрии от Габсбургов и подчинение Порте в качестве вассального королевства с выборным национальным королем¹⁵². Осуществлять этот план предполагалось с участием французских военных контингентов, которые должны были прибыть в Трансильванию, а также силами венгерских дворян-эмигрантов. Они должны были держать наготове 12-тыс. армию, на содержание которой Франция обязывалась ежегодно выделять 40 тыс. флоринов. Однако этот план не понравился Людовику XIV. Как и прежде, он предпочитал не связывать себя союзом с венграми, а только использовать их при необходимости, оказывая финансовую и дипломатическую поддержку. Тем не менее, годом позже Пиньателли напрямую связывал неудачу мирных переговоров в ходе франко-голландской войны с действиями венгерских мятежников, которые, как он подозревал, являлись союзниками Франции¹⁵³.

Конечно, в своей антигабсбургской политике в Центральной Европе французская дипломатия опиралась не только на венгерских дворян-скитальцев. 20 мая 1674 г. польский престол занял Ян Собеский. Дипломатия Людовика XIV всеми силами стремилась использовать его профранцузские настроения во вред Габсбургам. Для этого нужно было способствовать скорейшему завершению польско-турецкой войны. Действительно, вскоре после подписания Журавненского мира, в начале января 1677 г. Людовик поручил своему варшавскому послу подготовить союз с Трансильванией, а вслед за этим возобновил переговоры с венгерскими скитальцами, начатые два года назад в Фогараше. Результатом усилий французской дипломатии стало подписание в Варшаве 27 мая 1677 г. союзного договора между Францией и венгерскими скитальцами, или, как их стали называть, куруцами¹⁵⁴. Куруцы соглашались выставить под командованием канцлера Трансильвании Михая Телеки 15 тыс. солдат, на содержание которых французский король обязался ежегодно выделять 100 тыс. талеров. Помимо этого в Венгрию должны были быть направлены 6 тыс. наемных солдат под французским командованием. Поход на Венгрию было запланировано начать в июне 1677 г. На этот раз Людовик XIV одобрил союзный договор.

В Стамбуле с нарастающим беспокойством следили за дипломатическими инициативами Парижа. Несмотря на заверения в дружбе, Франция не внушала доверия как партнер. Свою готовность выступить с европейскими государствами против Турции она демонстрировала уже неоднократно: у Сентготхарда, у Кандии. Привилегии же, предоставленные французам по договору 1673 г. в Средиземноморье и успешные действия французского флота против турецких пиратов, давали почву для опасений в том, что Франция претендует на гегемонию в Средиземноморье¹⁵⁵. Но французской дипломатии все же удалось убедить султана в том, что Варшавский договор не направлен против него. В 9-й статье договора специально оговаривалось, что он не противоречит дружбе и обязательствам союзников по отношению к Порте¹⁵⁶. В то же время момент для вмешательства самой Порты в конфликт в Венгрии был не самым удачным, так как в январе 1677 г. она начала

войну с Россией и не хотела опасного обострения отношений с императором. 19 июля 1677 г. Стамбул, наконец, определил свою позицию в венгерском вопросе: он официально запретил Трансильвании участвовать в походе в Венгрию. Но одновременно скитальцы получили от Стамбула обещание о помощи.

Что касается Трансильвании, ее позиция не была такой однозначной, как могло бы показаться на первый взгляд. Отношения с венгерской эмиграцией складывались неровно. Некоторые члены княжеского совета считали содержание скитальцев и помощь им слишком обременительными для бюджета княжества и выступали против похода в Венгрию. Но даже те трансильванские политики, которые были готовы сотрудничать с венгерской эмиграцией, вели себя осторожней, чем того хотели бы сами скитальцы. Кроме того, трансильванские политики, как и османские, боялись, что французы «обыграют» их и выведут антигабсбургское движение в Венгрии из-под влияния княжества. Канцлер Телеки высказывал свои опасения князю: «Поверьте, Ваше Высочество, ни одному из тех, кто слепил этот заговор, не нужно трансильванское руководство ни в каком виде; и если они только смогут, то страшнут их [трансильванцев. – Т.Г.] с себя»¹⁵⁷.

Из этой двусмысленной ситуации княжеский совет нашел выход. Во главе направляющейся армии скитальцев был поставлен молодой венгерский магнат Имре Тёкёли, эмигрировавший в Трансильванию после событий 1671 г. Ему как частному лицу было разрешено вести на территории Трансильвании вербовку солдат для похода на Венгрию. Начинался новый этап в антигабсбургских движениях в Венгрии – восстание Имре Тёкёли, или движение куруцев. Оно заметно повлияло на процессы внутривнутриполитического развития Венгрии, окончательного оформления ее отношений с правящей династией в виде специфического «сословного абсолютизма». В то же время значение движения Тёкёли невозможно недооценить в складывании международной обстановки в Центральной Европе накануне начала крупномасштабной освободительной войны коалиции европейских государств против Османской империи.

* * *

В сентябре 1677 г. на территорию Венгерского королевства вторглась армия куруцев, поддержанная французским отрядом численностью в 2 тыс. чел. Уже 10 октября они одержали победу над императорскими войсками у Надьялабара. В мае следующего года к «повстанцам» присоединился отряд наемников, набранный в Польше на деньги Франции, которым командовал французский полкововодец Форвал. В апреле 1678 г. в Венгрию вошли также трансильванские войска, во главе с Михаем Телеки. Между куруцами и трансильванским руководством сложились отношения взаимного недоверия и подозрений, поскольку энергичный, чрезвычайно популярный молодой Тёкёли, не отказываясь от княжеской помощи, стремился избавиться от опеки Апафи. Он настолько тяготел к французам, с которыми у него сложились хорошие отношения, что французский посол в Варшаве маркиз Бетюн советовал Людовику XIV «делать ставку» на него, а не на «грубого и коры-

стного» Телеки¹⁵⁸. Имре Тёкёли фактически не подчинился решению союзников (французов и трансильванцев) поставить во главе объединенной армии Михая Телеки и действовал самостоятельно, не считаясь с приказами из Трансильвании. Надо сказать, что осторожный Телеки действовал в целом неудачно как в предыдущую, так и в эту военную кампанию, и не пользовался авторитетом в венгерских войсках. В свою очередь, трансильванское руководство не хотело выпускать движение из своих рук.

Хорошо вооруженные, усиленные высокопрофессиональными французскими командирами и солдатами, войска Имре Тёкёли делали большие успехи, успешно продвигаясь в глубь Верхней Венгрии. К ним присоединялись дворянские ополчения, хайдуки, воины венгерских пограничных гарнизонов, крестьяне. В летне-осеннюю военную кампанию Тёкёли захватил всю Верхнюю Венгрию и укрепился там, как полагал, надолго. Французский агент в Трансильвании аббат Реверен высоко оценивал Имре Тёкёли в 1677 г.: «Граф Тёкёли самый высокий и самый почитаемый господин в Венгрии. Все дворянство уважительно взирает на этого юношу, в котором ума и решительности не меньше, чем в 50-летнем муже»¹⁵⁹. В честь победы у Бестерцебани Тёкёли приказал выбить медаль, на одной стороне которой был изображен он сам, на другой – Людовик XIV как «Defensor Hungariae»¹⁶⁰.

Тёкёли был признан вождем венгерского антигабсбургского движения как Парижем, Стамбулом, так и Веной. Однако его положение было не таким прочным, каким казалось на первых порах. Заключив Нимвегенский мир с императором, Людовик XIV в который раз бросил на произвол судьбы ставшего не нужным партнера: французские войска покинули Тёкёли в Венгрии. В конце октября Тёкёли был вынужден пойти на переговоры с Веной; в декабре было заключено перемирие на выгодных для Тёкёли условиях. Оно, правда, оказалось, непрочным. В следующем году Вена и Тёкёли снова вернулись к переговорам, посредником в которых по указанию Порты выступал Апафи на основании проекта, составленного в Стамбуле. На это в Вене пойти не могли. Переговоры по распоряжению двора были прерваны в конце июля 1679 г.

Однако в следующем 1680 г. внешней политике Габсбургов снова был нанесен тяжелый удар со стороны Франции. В 1679 г. Людовик XIV, учредив «Присоединительные палаты» для разыскания юридических прав французской короны на ту или иную территорию, оккупировал пограничные владения в Эльзасе и Западной Лотарингии, а также ряд городов в Южных Нидерландах¹⁶¹. Некоторые приобретения французской короны находились в нескольких километрах от Кобленца и Кёльна. Захватническая политика французского короля вызвала протесты имперских князей. Однако рейхстаг не спешил принимать предложения императора о создании общеимперского войска для отражения французской агрессии. Только в мае 1680 г. рейхстаг согласился на создание 40-тыс. постоянной имперской армии¹⁶².

Император не мог эффективно сопротивляться агрессии со стороны западного соседа, так как оказался в политической изоляции после успешных действий французской дипломатии на нимвегенских мирных переговорах.

После заключения мира он распустил большую часть армии на Рейне. Его возможные действия против французской агрессии сдерживали бурные события в Венгрии. Интриги французской дипломатии еще больше осложняли обстановку в этом регионе.

Успехи Тёкёли, его всемерная поддержка со стороны значительной части венгерского населения, в условиях нестабильности положения Габсбургов как перед лицом Франции на Западе, так и Порты на Востоке, вынудили Вену не только пойти на уступки вождю куруцев, но и изменить свою политику в отношении Венгрии. Леопольду I пришлось пойти на компромисс с венгерскими сословиями, который был оформлен на шопронском государственном собрании 1681 г. Было отменено прямое правление и институт наместничества, восстановлен пост надора, подтверждены дворянские привилегии, отменены непосильные налоги, введенные в 1671 г., восстановлены религиозные свободы в духе Венского мира 1606 г. и т.д.¹⁶³. Наступление абсолютизма в Венгрии было приостановлено. Достигнутый компромисс позволил Леопольду I смягчить напряженность в стране и расколоть и без того страдавшее от внутренних противоречий движение Тёкёли. С самим предводителем куруцев Вена снова вступила в переговоры осенью 1680 г. и заключила перемирие (15 сентября). В это время двор пытался привлечь Тёкёли и стоявшие за ним силы склонить к компромиссу, привлекая к участию в переговорах на шопронском государственном собрании. Представители Тёкёли прибыли на сословный съезд.

Однако через месяц после начала государственного собрания, 30 мая 1681 г. Тёкёли получил известие о том, что великий везир будет помогать движению оружием. Добившись определенной самостоятельности в действиях, Имре Тёкёли оказался перед серьезнейшим выбором. Безусловно, он не мог в одиночку реализовать свои политические планы. Ему, как и предшественникам, нужно было выбирать между австрийцами и турками. Он выбрал Порту, хотя еще несколько раз вступал в переговоры с Веной. Послы Тёкёли покинули собрание и нарушили перемирие. 10 июня, уже с разрешения и по приказу великого везира Кара Мустафы, в Венгрию двинулась армия князя Апафи, поддержанная войсками варадского паши. Объединившись с армией Имре Тёкёли, они совершили в Верхней Венгрии ряд удачных совместных операций. Но вскоре из-за разногласий между командующими армии снова разошлись.

Над Веной снова стали сгущаться тучи. Полным ходом шла деятельность «Присоединительных палат». В августе 1681 г. Людовик XIV созвал во Франкфурте конгресс для признания французских захватов на территории империи, но не спешил начинать его работу, рассчитывая на новые присоединения. На самом деле, 30 сентября 1681 г. Франция ввела войска в стратегически важный Страсбург. В результате в руки французского короля попали Эльзас, важнейшие переправы через Рейн, он контролировал также долину Мозеля¹⁶⁴. Вену в ожидании близкой войны с Францией охватила паника. На переговорах с Людовиком во Франкфурте Леопольд I был готов признать захват французами Страсбурга, тем более, что фактически принадлежность этого пограничного города к империи давно превратилась в

формальную. Взамен Леопольд I хотел вернуть отнятые Францией Брейсгау и Фрейбург, составлявшие некогда родовое наследство Габсбургов, а также добиться разрушения укреплений Филиппсбурга¹⁶⁵. Чтобы сделать императора сговорчивее, французская дипломатия возобновила свою «подрывную деятельность» в Центральной Европе.

Перед новым французским послом в Стамбуле графом Гийерагом (с июня 1679 г.) была поставлена цель дипломатическими средствами добиться того, чтобы войска Леопольда не покидали Венгрии. Для этого он должен был подогревать враждебность куруцев и его сторонников в Венгрии к правящей династии. Далее Гийераг должен был воспрепятствовать сближению Трансильванского княжества с Веной. В его задачи входило оказывать воздействие на Порту таким образом, чтобы она продолжала поддерживать антигабсбургское движение в Венгрии и Трансильвании. Наконец, по возможности, нужно было подталкивать Порту к открытому конфликту с Австрией¹⁶⁶. Эти расчеты Парижа не были секретом от дипломатов европейских стран. О них уже в 1680 г. регулярно сообщал венецианскому правительству посол республики при императорском дворе Асканио Джустиниани¹⁶⁷. Гийераг сыграл не последнюю роль в том, что на шопронском государственном собрании 1681 г. не состоялось примирения между Леопольдом и Тёкёли¹⁶⁸. Именно в это время Гийераг восстановил связь с Тёкёли, которая была прервана после заключения Нимвегенского мира между Леопольдом и Людовиком¹⁶⁹. В немалой степени благодаря его усилиям Порты, наконец, отдала приказ Апафи выступить с армией в Венгрию¹⁷⁰.

Французский посол развивал свою деятельность в благоприятной для Франции обстановке. 13 июня 1681 г. султан заключил Бахчисарайский мир с Россией и был волен выбирать новую мишень для агрессии Порты. Путь для долгожданной войны с императором, наконец, был открыт.

¹ См.: Гусарова Т.П. Международная обстановка в Центральной и Юго-Восточной Европе на заключительном этапе Тридцатилетней войны. Установление Вестфальского мира // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч.1. М., 1998.

² См. об этом: Поршнев Б.Ф. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.

³ Торговый договор являлся составной частью Вавшварского мирного договора 1664 г., подытожившего войну между Мехмедом IV и Леопольдом I в 1663–1664 гг.

⁴ Eickhoff E. Venedig, Wien und die Osmanen: Umbruch in Südeuropa 1645–1700. Stuttgart, 1988. S.29–33.

⁵ Freschot C. L'idea generale del Regno d'Ungheria. Bologna, 1684. P.211.

⁶ R. Várkonyi Á. Országgyesítő kísérletek (1648–1664).//Magyarország története 1526–1686. 2.köt. Bp., 1985. 1043.

⁷ Jászay M. Velence és Magyarország. Bp., 1990. 288.

⁸ Magyarország történeti kronológiája. Főszerk. Benda K. II.köt. 1526–1848. 3.kiadás. Bp., 1989.471.1. В основу этого соглашения лег мирный Житваторокский договор 1606 г., возобновленный в 1627 г.

- ⁹ *Martinus Zeiler*. Neue Beschreibung des Königreichs Ungarn. Leipzig, 1664. Венгерский перевод: *Martinus Zeiler*. A Magyar Királyság leírása. Szerk. Tarsoly I. Szekszárd, 1997.
- ¹⁰ *Etényi N.* A kiadó utószava. // *Martinus Zeiler*. A Magyar Királyság... 353.1.
- ¹¹ *Ibid.* 8.1.
- ¹² См. об этом: *R. Várkonyi Á.* Országgegyesítő kísérletek... 118–119.1.
- ¹³ *Takács S.* Kísérletek a magyar haderő felosztására, 1671–1702. // *Századok*, 1904; *Benczédi L.* Zrínyi Miklós és kora. Bp., 1957; *Makkai L.* A kuruc nemzeti összefogás előzményei. Bp., 1956; *Wittman T.* Az erdélyi fejedelmek és a magyarországi uralkodó osztály függetlenségi és a rendi küzdelmei (1607–1664). // *Magyarország története*. 2.köt. Bp., 1962.
- ¹⁴ *Probst-Ohstorf G.* Die Porcia Aufstieg und Wirken eines Fürstenhauses. Klagenfurt, 1971.
- ¹⁵ *Schindling A.* Leopold I. // *Die Kaiser der Neuzeit 1519–1918*. Heiliges Römisches Reich, Österreich, Deutschland. Hsg. von A.Schindling und W. Ziegler. München, 1990. S.170.
- ¹⁶ В Рейнский союз вошли курфюрсты Майнский, Трирский и Кельнский, епископ Мюнстерский, князья Пфальц-Нейбурга, Брауншвейга, Люнебурга, Гессен-Касселя. (См. об этом: *Schnur R.* Der Rheinbund von 1658. Bonn, 1955.)
- ¹⁷ *Ibid.* S. 81.
- ¹⁸ С 1658 г. Франция ежегодно вносила на закупку продовольствия и военного снаряжения для Рейнского союза 96 тыс. ливров. (*Ibid.* S.89).
- ¹⁹ *Mémoires de Lois XIV* présentés et annotés par Jean Longnon. P., 1978. P.137–139.
- ²⁰ Цит. по: *Vajda S.* Felix Austria. Eine Geschichte Österreichs. Wien, 1980. S. 300.
- ²¹ См. об этом: *Redlich O.* Weltmacht des Barock. Wien, 1961; *Stumberger H.* Vom Weissen Berg zur Pragmatischen Sanktion. Österreich in Geschichte und Literatur. Wien-Graz, 1961.
- ²² В письме к главнокомандующему южной границы Адаму Баттъяни в январе 1651 г. надор Пал Палфи разъяснял, что хотя в соответствии с духом мирного договора венграм запрещается вступать с турками в сражения, запрещение не распространяется на те случаи, когда надо отбить нападение. (*Pálffy Pál* levelei 1644–1653. Összegyűjt. stb. S.Lauter É. (Régi magyar történelmi források. I.köt.). Bp., 1989. № 86. 122.1.) Через несколько месяцев Палфи жаловался Баттъяни, что турки сами провоцируют и начинают столкновения, а потом заявляют протест Вене. (*Ibid.* № 88. 124.1.) В компетенцию надора входило расследование нарушений на границе и наказание нарушителей. Но Палфи, как мог, защищал их от Вены.
- ²³ *Zrínyi Miklós válogatott levelei*. Bp., 1997. 89.1.
- ²⁴ Выражая острое недовольство политикой Вены, попустительствовавшей туркам, Пал Палфи писал: «Оставаясь в том положении, в каком мы пребываем сейчас, мы безусловно потеряем страну, которую должны защищать и спасать; ибо те, кто не понимает наших бед, а если даже и понимает, то не проявляет к ним никакого интереса, очень мало думает о них». (*Pálffy Pál* levelei... 3.VII.1651. № 99. 137.1.)
- ²⁵ *Zrínyi Miklós*. Mátyás király életéről való elmélgedések. *Idem*. A török áfium ellen való orvosság. // *Zrínyi Miklós összes művei*. Bp., 1958. I.köt. Анализ политических взглядов М.Зрини см.: *Klaniczay T.* Korszerű politikai gondolkodás és nemzetközi látóköri Zrínyi műveiben. // *Memoria Seculorum Hungariae*. Szerk. V.Kovács S. S.a.,s.1.
- ²⁶ *Zrínyi M.* A török áfium... 667–768.1.
- ²⁷ Так, статья 3 закона 1649 г. предусматривала создание дополнительных контингентов венгерской кавалерии и пехоты, содержание которых должны были брать на себя венгерские сословия: *Corpus Juris Hungarici*. (Далее – CJH). *Magyar törvénytár*. Т.3. 1608–1657. Bp., 1900. P.526–527. В законах 1659 г. содержались статьи о восстановлении пограничных укреплений (P.141), регулярных сборах и смотрах дворянского ополчения (P.143); регулировались вопросы снабжения пограничных гарнизонов (P.141–143) и др.
- ²⁸ Статья 8 предусматривала уплату дворянами («из собственного кошелька») половины военного налога. Правда, налог устанавливался на ближайшие два года и не со всех комитатов. (CJH. Т.3. P.142).
- ²⁹ Зрини подобно предыдущему надору Палфи находился в крайне недружелюбных отношениях с канцлером-примасом Дьердем Липпаи, одному из немногих высших венгерских сановников, безусловно проводившему политическую линию Вены в Венгрии. Конфликт двух высших чинов нередко парализовывал работу правительства.

- ³⁰ Миклош Зрини – Дьердю II Ракоци, ноябрь 1653 г. (Régi magyar levelestár. XVI–XVII. század. 2.köt. Bp., 1981.130–134.1. Далее – RLM).
- ³¹ Ракоци участвовал в венгерских государственных собраниях как хозяин Парциума, а также владетель многочисленных поместий в комитатах Верхней Венгрии.
- ³² Об этих планах см.: Péter K. Zrínyi Miklós terve II.Rákóczi György magyar királyságáról. // Századok. 1972. 653–666.1.
- ³³ О своих негласных встречах с Миклошем Зрини докладывал в 1655 г. с государственного собрания из Пожони (Братиславы) Дьердю II его посол и доверенный человек Йонаш Меднянски. (Pentkő B. Az 1655-i pozsonyi országgyűlés történetéhez. //Történelmi Társ. 1891. 171–176.1.). В этих донесениях Меднянски отзываясь о Зрини как верном и преданном слуге князя.
- ³⁴ Zrínyi Miklós válogatott levelei. Válogatott stb. Bene S., Hausner G. Bp., 1997. N 102. 101.1. (Далее – Zrínyi-Bene).
- ³⁵ Zrínyi-Bene. № 85. 82–83.1.
- ³⁶ 6 января 1657 г. Ракоци вторгся в Польшу, заключив предварительно союз с Молдавией, Валахией, казаками (7.IX.1656 г.) и со Швецией (6.XII.1656 г.).
- ³⁷ Перипетии этой миссии описаны в дневнике Ласло Ракоци. (См.: Rákóczi László naplója. Bp., 1990. 269–275.1.).
- ³⁸ R. Várkonyi Á. A királyi Magyarország 1541–1686. Bp., 1999. 98.1.
- ³⁹ Письмо Миклоша Зрини к штирийским сословиям, датированное мартом 1657 г. (Zrínyi-Bene. № 98. 95.1.).
- ⁴⁰ Из доклада Анджело Коппера венецианскому Сенату от 9. IV. 1657 г. (Relazioni degli Stati Europei al Senato dagli ambasciatori veneti nel secolo decimosesto. Raccolte ed annotate da M.Barozzi e Guil.Berchet. Ser.III. – Italia. Relazioni di Roma. Vol.II. Venezia, 1878. P.206). Далее – Barozzi-Berchet.
- ⁴¹ Ibid. P.210.
- ⁴² Zrínyi-Bene. № 111. 109.1.
- ⁴³ Lukács Zs. T. A korabeli propaganda és II. Rákóczi György megítélése. //Aetas. Történet-tudományi folyóirat. 1995. 1–2. Sz. 68–85.1.
- ⁴⁴ Письмо М.Зрини Придворному военному совету от 1. IX. 1658 г. (Zrínyi-Bene. № 107. 105.1.).
- ⁴⁵ Fiedler J. Relationen venetianischer Botschafter über Deutschland und Österreich im XVII. Jahrhundert. Bd. 2. Wien, 1866. S. 92. (Далее – Fiedler J. XVII).
- ⁴⁶ Pribram A. Venetianische Depeschen vom Kaiserhofe. Wien, 1901. S. 104 (Примечания).
- ⁴⁷ R. Várkonyi Á. A királyi Magyarország... 99.1.
- ⁴⁸ Pribram A. Zur Wahl Kaiser Leopolds I. //Archiv für österreichische Geschichte. 1888. Bd.73. S. 121–164.
- ⁴⁹ Schnur R. . Der Rheinbund... S.38.
- ⁵⁰ Jászay M. Velence és Magyarország. 293.1.
- ⁵¹ Die Hauptrelationen des Kaiserlichen Residenten in Constantinopel Simon Reninger von Reningen 1649–1666. // Mitteilungen des K. Und K. Kriegs-Archivs. Neue Folge. XII. Bd. Wien, 1900. S.96. (Далее – Reninger).
- ⁵² Jászay M. Velence és Magyarország. 294.1.
- ⁵³ A fejedelemség virágkora (1606–1660). // Erdély története három kötetben. Bp., 1986. 2. köt. 711–726.1.
- ⁵⁴ Венгерская исследовательница Агнеш Варкони подробно проанализировала этот неопубликованный документ в нескольких своих работах, на которые я опираюсь в данной части своего очерка: Török világ és magyar külpolitika. // R.Várkonyi Á. Magyarország keresztútjain. Bp.,1978. 175–229.1.; idem. Vienna, Buda, Constantinaple. //The New Hungarian Quarterly. Bp. 1984. Vol.XXV. № 94; idem. Magyar politika ás az európai hatalmi egyensúly 1648–1718. // Magyar Tudomány. 1990. 11.sz. 1272–1279.1.
- ⁵⁵ R.Várkonyi Á. Török világ. 182–184.1.
- ⁵⁶ Из отчета чрезвычайного посла Венеции в Риме Никколо Сагрето Сенату в 1661 г. // Barozzi-Berchet. P.234.
- ⁵⁷ Ibid. P.233.

- ⁵⁸ Ibid. 232–233.
- ⁵⁹ Ibid., P.232.
- ⁶⁰ Fiedler J. S. 95–97.
- ⁶¹ Обстоятельное обоснование стратегической важности крепости Миклош Зрини приводит в письме от 5.VII. 1661 г. к Придворному военному совету, требовавшему в ответ на протесты турецкой стороны, прекратить строительство. (RML/2. № 172. 153–159.1.).
- ⁶² Marosi E., Nagy L. Habsburg- és törökellenes harcok. //Magyarország hadtörténete. Bp.,1984. 1.köt. 283.1 (Далее – Marosi-Nagy).
- ⁶³ Reninger. S.101.
- ⁶⁴ Ответ М.Зрини Р.Монтекуколи в середине августа 1662 г. //RML/2. № 174. 161–173.1.
- ⁶⁵ Montecucoli R. L'Ungheria. L' anno 1676. // Opere di R.Montecucoli. Ed. di Grassi. Torino, 1821. Vol.2. P.212–220.
- ⁶⁶ Эти события зафиксированы в изучавшихся мною неопубликованных дневниках государственного собрания 1662 г. (Magyar Országos Levéltar. N 114. Archivum Regni. Kovachich Gyorgy Marton gyujtemeny. Tomus diariae diaetae Poseniensis anni 1662).
- ⁶⁷ Marosi-Nagy. 285.1.
- ⁶⁸ «Доклад» не опубликован. Его текст изучен и проанализирован А.Варкони, выводами которой я пользовалась в своем очерке: R.Várkonyi Á. Országgyesítő kísérletek... 1117.1.; idem: Török világ és magyar külpolitika... 195–204.1.
- ⁶⁹ R.Várkonyi Á. Országgyesítő kísérletek... 1118.1.
- ⁷⁰ Раймондо Монтекуколи осудил зимний поход, поскольку, по его мнению, «он утомлял войска и делал их бесполезными летом» (Из донесения Джованни Сагредо Сенату от 29.II.1664 г. – HHStA. Staatenabteilungen. Italien. Venedig. Dispacci di Germania. Fibre 124–125. Dispacci del Residente veneto in Germania Giovanni Sagredo. 1664. № 464/2.Fol.4.
- ⁷¹ Ibid. Nr. 472. Fol. 26.
- ⁷² Ibid. Nr. 464. Fol.3; Nr. 470. Fol.20.
- ⁷³ Zrínyi-Bene. Nr. 155–156, 152–153.1.; Nr. 160, 158.1.; Nr. 161, 158.1.
- ⁷⁴ HHStA. Sagredo. Nr. 464. Fol.4.
- ⁷⁵ Zrínyi Miklósról angol életrajz. Bp., 1987.
- ⁷⁶ В своих донесениях Сенату Сагредо довольно подробно останавливается на ходе переговоров между Москвой и Варшавой. (HHStA. Sagredo. Fol.94).
- ⁷⁷ HHStA. Sagredo. Nr. 472. Fol. 26.
- ⁷⁸ Szakály F. Virágkor és hanyatlás. 1440–1711. (Magyarok Európában. II.) Bp., 1990. 275.1.
- ⁷⁹ HHStA. Sagredo. Ibidem.
- ⁸⁰ См. об этом: Horn I. Rákóczi László pályája (1633–1664). //Hadtörténeti Közlemények. 1990. 2.sz.
- ⁸¹ Зрини предлагал приступить к осаде сразу же после завершения зимнего похода. Когда в конце марта Вена, наконец, решила на осаду, Зрини считал, что время безнадежно упущено, и полагал, что он, приняв на себя командование, будет выглядеть в глазах современников авантюристом, а не солдатом. (Из письма Зрини французскому послу в Вене Пьеру Бонси от 21.IV.1664 г. // Zrínyi-Bene. Nr.156. 152–153.1.).
- ⁸² Письмо Зрини курфюрсту Баварскому Фердинанду Марии от 19.V.1664 г. (Zrínyi-Bene. Nr.159. 157.1.). Сагредо располагал данными о 27 тысячах солдат. (HHStA. Sagredo. Nr.493. F. 123).
- ⁸³ Зрини с возмущением и горечью сообщал о том, как на глазах у армии, по численности превышавшей турецкую, была взорвана новая, совершенно неповрежденная крепость, которую туркам отдали без боя (Письмо Зрини Военному совету от 30.VI.1664 г.: Zrínyi-Bene. Nr.163. 162.1.). Зрини обвинил в произошедшем Монтекуколи, которому после смещения Зрини была поручена операция у Зриниуйвара. Однако Зрини не знал, что его соперник действовал в соответствии с распоряжениями венского двора: ему было предписано не защищать крепость, а заботиться о сохранности армии, необходимой для защиты Австрии и Штирии. Между тем Монтекуколи предлагал Военному совету свой план обороны Зриниуйвара и категорически возражал против разделения южной группы императорских войск. (Zrínyi-Bene. 293.1.).

- ⁸⁴ В июле французские и императорские войска дали сражения османам у Сентбенедека Жарноца и одержали убедительную победу. Соше закрепил успех тем, что сжег переправу через Дунай у Парканя (*R. Várkonyi Á. Országgyesítő kísérletek...* 1132.1.).
- ⁸⁵ HHStA. Sagredo. Nr.530. F.134.
- ⁸⁶ Zöllner E. *Geschichte Österreichs*. Wien-München. 1990. S.190.
- ⁸⁷ Сагредо уже в марте услышал о возможности возобновления переговоров в Белграде. (HHStA. Sagredo. Nr.472. Fol.24).
- ⁸⁸ Приводятся и другие данные о турецких войсках: 120–130 тыс. (*R. Várkonyi Á. Országgyesítő kísérletek...* 1137.1.).
- ⁸⁹ Цит. по: *Köpeczi B. Franciaország a Birodalom megmentője és a kereszténység bajnoka. //Vasi Szemle. 1964. 4.sz. 505.1.*
- ⁹⁰ *Marosi-Nagy. 287.1.*
- ⁹¹ Сам Зрини не участвовал в битве. В это время он в Вене безуспешно ожидал аудиенции у Леопольда, чтобы добиться для себя командования войсками.
- ⁹² HHStA. Sagredo. Nr.472. Fol.24.
- ⁹³ Текст Вавшварского мира см.: *Marczali A. A magyar történet kútfontek kézikönyve*. Вр., 1901. *R. Várkonyi Á. Török világ és magyar külpolitika...* 218.1.
- ⁹⁴ Деволуционное право, действовавшее в некоторых странах Западной Европы, предполагало передачу наследства детям от первого брака в случае, если умерший был женат не один раз.
- ⁹⁶ Цит. по: *R. Várkonyi Á. Országgyesítő kísérletek...* 1141.1.
- ⁹⁷ *Nutri M. Ragguaglio dell'ultime guerre di Transilvania et Ungaria. Venetia, 1666. P.142.*
- ⁹⁸ *Ibid. P.197.*
- ⁹⁹ *Jászay M. Velence és Magyarország. 302.1.*
- ¹⁰⁰ *Wesselényi, Nádasdy és Zrínyi szövetséglevelé. //Zrínyi-Bene. 199–200.1.*
- ¹⁰¹ См. об этом: *R. Várkonyi Á. Török világ és magyar külpolitika; idem: Zrínyi Miklós szövetsége Wesselényivel és Nadasdval a török ellen 1663-ban. //Történelmi Szemle. 1984. 2.sz.; Köpeczi B. Magyarország a kereszténység ellensége. Вр., 1976; и др.*
- ¹⁰² *CJH. Vol.IV. 1657–1740. Вр., 1900. Закон 1687 г., ст.1–4.*
- ¹⁰³ HHStA. Sagredo. Nr. 472. Fol.24.
- ¹⁰⁴ *Klaniczay T. Zrínyi helye a XVII. század politikai eszméinek világában. //Klaniczay T. Pallas magyar ivadékai. Вр., 1985. 153–211.1.*
- ¹⁰⁵ См. об этом: *Bene S.-Borján G. Zrínyi és a vadkan. Вр., 1988.*
- ¹⁰⁶ Об эом заговоре на русском языке см.: *Шушарин В.П. Королевство Венгрия под властью Габсбургов //История Венгрия. Т.1. М., 1971. С.318–320.*
- ¹⁰⁷ *Bogišić V. Acta coniurationem Petri a Zrinio et Francisci de Frankopan, necnon Francisci Nádasdy illustrantia, 1663–1671. Zagreb, 1888. P. 96. (Аалее – Bogišić V.).*
- ¹⁰⁸ *Ibid. P. 112.*
- ¹⁰⁹ Жена Петера Зрини Каталин Франгепан через французского посла в Венеции Бонси делала Людовику XIV такие предложения в обмен на помощь субсидиями, оружием и кораблями. – *Ibidem.*
- ¹¹⁰ *Ibid. P. 115.*
- ¹¹¹ *Ibid. P. 141.*
- ¹¹² См. об этом: *Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991. С. 76.*
- ¹¹³ Гремонвилль, которому было поручено ведение переговоров, называл их «настоящей итальянской комедией». (Цит. по: *Борисов Ю.В. Дипломатия... С.141).*
- ¹¹⁴ *Benczedi L. Rendi szerveskedés és kuruc mozgalom (1664–1685). //Magyarország története. 1526–1686. 2.köt. 1161.1.*
- ¹¹⁵ В 1666 году заговор вступил в новую стадию. Ф.Надашди, Ф. Вешшелени, П. Зрини и др. заключили между собой новое соглашение. На нескольких заседаниях разработали новую внешнеполитическую концепцию – протурецкую.
- ¹¹⁶ *Acta coniurationem. P. 201.*

- ¹¹⁷ По сообщениям папского нунция Джулио Спинолы из Вены, в соответствии с договором уже в начале 1667 г. турки выпустили из тюрьмы Семи башен венгерских пленных, взятых в последней войне. Турецкой стороной были также предприняты меры для открытия свободной торговли венгерских купцов на территории Османской империи. Со своей стороны турецкие власти торопили Вену с началом свободной торговли с наследственными провинциями. – A bécsi nunciások jelentései Magyarországról 1666–1683. Összegyűjt. Vanyó T. Pannonthalma, 1935. Nr. 52. 41.1.). Далее – Vanyó T.
- ¹¹⁸ Marczali A. A magyar történet kútfontéinak kézikönyve. Bp., 1901.
- ¹¹⁹ Eickhoff E. Venedig, Wien und die Osmanen. S. 326.
- ¹²⁰ Magyarország történeti kronológiája. II. köt. 1526–1848. Főszerk. Benda K. Bp., 1989.488.1.
- ¹²¹ См. об этом: Хедви К. Место и положение венгерской провинции в составе Османской империи. //Средние века. 1997. Вып.59; Szakály F. A magyar jogszolgáltatás és közigazgatás a török hódoltságban. Bp., 1997.
- ¹²² «Non sine animorum sensu intelligunt status; complures esse pagos, et colonos, qui post diaetam proxime praeteritam, non vi aut armis, sed sponte, ac ultro turcis sese subjectos, et tributarios fecissent. De quibus statutum est; ut deinceps comites et vice-comites diligentius, quam hucusque praecaveant; ne villae aliquae Turcis se spontesubjiciant: et quae sponte se subjecerent; in eorum colonos comitatus animadvertat». Закон 1655 г., ст.107: CJH. Vol. III. P.644–645; закон 1681г., ст.48: CJH. Vol. IV. P.304–305.
- ¹²³ Vanyó T. Nr. 84. 24.II.1669. 51.1. Уже в 1665 г. в дипломатических кругах ходили слухи о планах великого везира создать в Верхней Венгрии некое подобие протестантской республики, зависящей от Порты. (Nuntiaturberichte vom Kaiserhofe Leopolds I. Hrsg. Von Levinson. // Archiv für österreichische Geschichte. Bd.103. Wien, 1913. S.578–579, 761.
- ¹²⁴ Ibidem.
- ¹²⁵ Вена предпринимала и другие шаги в помощь своей соседке. По просьбе папы, основанной на информации, полученной Римом от Петра Зрини, еще в конце 1666 г. Леопольд распорядился укрепить переходы в Хорватии, через которые османские войска могли бы легко проникнуть в венецианские владения. (Vanyó T. Nr.47. 27.XI. 1666. 40.1.).
- ¹²⁶ Ibid. Nr.62. 18.II.1667. 44.1.; Nr.73. 23.IX.1667. 47.1.
- ¹²⁷ Ibid. Nr. 75. 18.XI.1668. 48.1.
- ¹²⁸ Ibid. Nr.85. 24.III. 1669. 51.1.
- ¹²⁹ Ibid. Nr.90–91. 1.XII.1669. 54.1.
- ¹³⁰ Ibid. Nr.90. 15.IX.1669. 54.1.
- ¹³¹ Одним из первых донесение о заговоре доставил в Вену граф Роттал Михай Бори, гофмейстер М. Зрини, человек, который неоднократно выполнял дипломатические поручения М.Зрини и венгерского политического руководства в целом. Он сделал это по поручению участницы заговора, Марии Сечи, вдовы Ф.Вешшелени. В 1669 году с раскаянием в Вену потянулись и Ф. Надашди, и П. Зрини. (Benczedy L. Rendi szervezkedés... 1165.1.).
- ¹³² В апреле 1669 г. в Шарошпатаке между католическими и протестантскими участниками движения было заключено соглашение, по которому кальвинисты получали ряд уступок. (Bogišić V. P. 341).
- ¹³³ 6.XII.1668 г. – совещание в Вене; середина июня 1669 г. – региональное собрание сословий Верхней Венгрии; 16 июля 1669 г. – совещание венгерских советников в Вене; 16 марта 1670 г. – региональное собрание сословий Верхней Венгрии. //Magyarország történeti kronológiája. II. 489–491.1.
- ¹³⁴ В начале апреля Петер Зрини, вернувшись с очередным покаянием из Вены, выступил в Венгрии и Хорватии с призывом собирать войска. Он тут же снова вернулся в Вену (вместе с соратником Ференцем Франгепаном), чтобы доказывать свою невиновность. Ференц Ракоци начал военные действия против императорских войск в Верхней Венгрии, но вскоре сложил оружие.
- ¹³⁵ Vanyó T. Nr.92. 6.IV., 18.V.1670. 54–55.1.;
- ¹³⁶ Венецианский посол в Вене Марино Цорци (Zorzi) в своем отчете Сенату, составленном по возвращении из Вены в 1671 г., перечислял причины, которые привели венгров к восстанию, сочувствуя им в описании злоупотреблений Вены. Но его окончательный

- приговор движению в докладе, который подлежал обнародованию, был, безусловно, не в пользу восставших. // *Fiedler J.* XVII. Vol.II.S. 123–125.
- ¹³⁷ Правда, папский нунций сообщал как раз обратное: до него будто бы дошли слухи о том, что эгерский и канижайский паши были смещены со своих должностей за подстрекание недовольных к восстанию. (*Vanyó T.* Nr.93. 15.VI.1670. 55.1.)
- ¹³⁸ *Bogišić V. P.* 138–143, 171–174.
- ¹³⁹ *Vanyó T.* Nr.95. 26.IV.1671. 55–56.1.
- ¹⁴⁰ *Ibid.* Nr. 96. 26.VII. 1671. 57.1.
- ¹⁴¹ *Ibidem.*
- ¹⁴² *Ibid.* Nr. 98. 58.1.
- ¹⁴³ *Ibid.* Nr.102. 27.XII.1671. 61.1.
- ¹⁴⁴ *Ibid.* Nr. 103. 23.I.1672. 61–62.1.
- ¹⁴⁵ *Ibid.* Nr. 103. 9.II. 1672. 61–62.1.
- ¹⁴⁶ *Ibid.* Nr.108. 15.V.1672. 65.1.
- ¹⁴⁷ *Ibid.*
- ¹⁴⁸ *Ibid.* 113. 9.X.1672.67.1.
- ¹⁴⁹ *Gloger B.* Friedrich Wilhelm Kurfürst von Brandenburg. Berlin. 1989. S.230–237.
- ¹⁵⁰ *Eickhoff E.* Venedig... S.346.
- ¹⁵¹ *Vanyó T.* Nr. 124. 22.IX. 1675. 74.1.
- ¹⁵² Конкретных планов об устройстве будущей самостоятельной Венгрии не имели, очевидно, и сами руководители движения. Поэтому и распространявшаяся о куруцах информация была противоречива. Так, Раймондо Монтекукколи, направивший в 1677 г. Леопольду I свои предложения по умиротворению Венгрии, располагал сведениями о том, что венгры хотят сделать Ракоци королем Венгрии, а Зрини – Хорватии. (*L'Ungheria nell' anno 1677.* – *NHStA. Hungarica.* Fasc.177, fol.117/a).
- ¹⁵³ *Ibid.* Nr. 125. 25.X.1676. 75.1.
- ¹⁵⁴ «Куруцами» первоначально называли тех участников антигабсбургских движений, начиная с 70-х гг. XVII в., которые представляли общественные низы: хайдуков, «бедных парней», беглых крестьян. Со временем это название распространилось на всех участников антигабсбургских войн и поглотило название «скитальцы». // *Történeti fogalmak kiegészítője.* Бр., 1999. 58, 219.1.) В то же время тех, кто сражался против куруцев на стороне Габсбургов, стали называть «лабанцами».
- ¹⁵⁵ *Benczédi L.* Thököly a francia és a török szövetség között. // *Bécs 1683.évi török ostroma és Magyarország.* Szerkeszt. Benda K. – R.Várkonyi Á. Бр., 1988. 171.1.
- ¹⁵⁶ *Hudița I.* Répertoire des documents concernant les negotiations diplomatiques entre la France et Transylvanie (1635–1683). Paris, 1926.
- ¹⁵⁷ *Teleki Mihály* levelezése. (A Római szent birodalmi gróf Széki Teleki család levéltára). Szerk. Gergely S. VII.köt. Бр. 1926. 546–547.1..
- ¹⁵⁸ *Hudița I.* Répertoire... P.189.
- ¹⁵⁹ *Hudița I.* Histoire des relations diplomatiques entre la France et la Transylvanie au XVII-e siècle (1635–1683). Paris. 1927. P.305.
- ¹⁶⁰ *Benczédi L.* Thököly. 177.1.
- ¹⁶¹ В частности, в епископствах Мец, Туль, Верден, графстве Мобельяр, герцогстве Цвейбрюкен, в Пфальце и т.д. (См. об этом подробнее: *Борисов Ю.В.* Дипломатия... С.135).
- ¹⁶² *Bénger J.* A visszacsatoló kamarák politikája és ennek következményei. // *Bécs 1683.évi török ostroma és Magyarország.* Szerkeszt. Benda K. – R.Várkonyi Á. Бр., 1988. 98.1.
- ¹⁶³ Закон 1681 г., ст. 2, 4, 6, 10, 11, 12, 13, 25 – *CJH.* Vol. IV. Бр.1900. P.265–353.
- ¹⁶⁴ *Mandrou R.* Louis XIV en son temps. Paris, 1973. P.274.
- ¹⁶⁵ *Berenger J.* La Cour de Vienne au lendemain de la chute de Strasbourg. // *Pouvoir, ville et société en Europe.* Paris, 1983. P. 145–160.
- ¹⁶⁶ *Michaud C.* XIV. Lajos és a törökök Bécs ostromának küszöbén (1678–1683). // *Bécs 1683.évi török ostroma és Magyarország.* 112.1.

¹⁶⁷ Джустиниани – дожу: январь–май 1680 г. (NHStA. Dispacchi di Germania. Fil. 152 /fol.451–452, 455–463; 153/85–93, 162–168, 194–201).

¹⁶⁸ *Guilleragues*. Corresponance. Ed. par F. Deloffre et J. Rougeot. Vol.1. Paris-Geneve. 1976. P. 354, 392.

¹⁶⁹ *Ibid.* P. 401.

¹⁷⁰ *Ibid.* P. 531–533.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТРАНСИЛЬВАНСКОГО КНЯЖЕСТВА В 50–60-е гг. XVII в.

Внешнеполитическое положение Трансильванского княжества во второй половине XVII в., как и ранее, было связано со складывавшейся в это время международной ситуацией в Дунайском регионе. Ввиду своего стратегического положения и статуса вассала турецкого султана Трансильвания оказывалась вовлеченной в противостояние Османской империи и Габсбургов. В ходе развертывавшегося в регионе конфликта княжество попадало в сферу политических интересов ряда европейских государств – Франции, Венеции, Швеции. Находясь между двумя империями – Габсбургской и Османской – Трансильвания долгое время определяла свою политику альтернативой: или обособиться от австрийского влияния, опираясь на турок, или же сблизиться с Веной для освобождения от власти османов.

В качестве вассала султана Трансильванское княжество имело ряд обязательств перед своим сюзереном. Княжество выплачивало ежегодную дань Порте, но в отличие от других вассальных территорий не имело обязательств по поставке продовольствия. Трансильванские войска были обязаны принимать участие в военных походах османов, хотя до правления Михая I Апафи (1661–1690 гг.) князьям под разными предлогами удавалось избегать совместных с ними военных операций¹. Символом верховной власти османов в Трансильвании являлось утверждение Портой избранного государственным собранием князя. Во второй половине XVII в. султаны стали все больше вмешиваться в дела Трансильвании и начали навязывать кандидатуры на престол, хотя формально князья по-прежнему выбирались сословиями². Кроме того, Порта предоставляла Трансильвании право вести самостоятельную внешнюю политику, но в разумных пределах – пока она не входила в противоречие с интересами Османской империи. Такое положение вещей выгодно выделяло Трансильванию среди других вассалов Порты.

Отношения между Трансильванией и Габсбургами складывались непросто. С одной стороны, Габсбурги были заинтересованы в ослаблении княжества, так как это подрывало ту базу, на которую рассчитывали венгерские сословия в своей борьбе с австрийским абсолютизмом. С другой стороны, чрезмерное ослабление Трансильвании было также невыгодно Габсбургам, потому что оно повлекло бы за собой территориальное расширение владений Порты и исчезновение буферной зоны между двумя империями.

При том, что Трансильвания являлась вассалом Порты, у Габсбургов, по их мнению, имелись юридические основания для вмешательства в дела княжества. Да и само княжество окончательно не порывало отношений с западным соседом. Еще Шпейерское соглашение³, заключенное тайно от Порты в 1570 г., признавало право Габсбургов наследовать Трансильванию в случае отсутствия у князя законного преемника. Эта статья определяла отношения Габсбургов и княжества на протяжении всего XVII в. и придавала притязаниям австрийской династии законный вид, хотя и создавала противоречивую ситуацию: вассал Османской империи передавал власть в княжестве монарху другого государства⁴. При этом трансильванские князья, утверждаемые Портой, не раз признавали, что являются подданными венгерского короля. Причину подобных противоречивых взаимоотношений следует искать в том, что и в Венгрии, и в Трансильвании распад королевства считали временным явлением⁵. Между обеими частями бывшего королевства Венгрии сохранялись тесные контакты, в первую очередь благодаря тому, что владения большей части венгерских магнатов (например, семей Бочкаи и Ракоци) находились как в Венгрии, так и в Трансильвании. Целью венгров было восстановление единого независимого государства. Идеи ее реализации менялись с течением времени: объединение Венгрии и Трансильвании под эгидой или национального короля, или под протекторатом Османской империи и Габсбургов. В XVII в., особенно после успехов на международной арене трансильванского князя Дьердя I Ракоци, венгры связывали идею воссоединения королевства в прежних границах с личностью трансильванского князя. Именно этим, на наш взгляд, можно объяснить кажущуюся на первый взгляд непоследовательность в политике Трансильвании в отношениях с Османской империей и Габсбургами во второй половине XVII в.

Упоминание Трансильванского княжества в заключительном документе Вестфальского мира 1648 г. в числе самостоятельных государств означало его юридическое признание Европой, чего последовательно добивались князья Габор Бетлен и Дьердь I Ракоци⁶. Таким образом, Трансильвания укрепила свой особый статус среди государств – вассалов Порты. Военные, политические и дипломатические успехи Дьердя I Ракоци на заключительном этапе Тридцатилетней войны давали Трансильвании реальный шанс освободиться от турецкой опеки.

На пике внешнеполитических успехов Трансильванского княжества к власти пришел новый правитель. Государственное собрание Трансильвании 11 октября 1648 г. избрало князем после смерти Дьердя I Ракоци его сына Дьердя II. Современники отмечали, что начало царствования Дьердя II выглядело обнадеживающим: ко двору нового князя потянулись многочисленные влиятельные посольства христианских правителей⁷. Дьердь II Ракоци, вдохновленный успехами княжества на европейской арене, взял новый курс во внешней политике. Он продолжил начатую его предшественниками антигабсбургскую политику, но при этом нацелился на открытую антитурецкую освободительную борьбу⁸. Такой поворот в политике молодого князя в тот момент не казался беспочвенным. Дипломаты доносили Дьердю II из

Стамбула о постоянных интригах во дворце султана и неразберихе в управлении⁹. На самом деле османским политикам было не до Трансильвании. Но это отступление от традиционной политики в отношении Порты одобрялось в Трансильвании далеко не всеми¹⁰. Недовольство части трансильванских магнатов не поколебало намерений князя, получившего к тому же поддержку от венгерских сословий. Венгры рассчитывали, что после заключения Вестфальского мира император Фердинанд III бросит все освободившиеся войска против османов. Однако, вопреки ожиданиям, император, утомленный долгой войной, разорением наследственных земель, оскудением казны, обновил в 1550 г. мир с Портой и выдал султану планы Дьердя II Ракоци, обратившегося к нему с предложениями о совместных боевых действиях против Османской империи.

Не добившись результатов на этом направлении, Дьердь II Ракоци выбрал путь создания такой коалиции, которую возглавил бы он сам. В качестве трансильванского князя он вряд ли мог рассчитывать на представительность участников такого союза. В этой ситуации князь обратился к мысли о польской короне, обсуждавшейся еще его отцом¹¹. Дьердь II считал, что польская корона придаст ему больший вес в Европе и поможет объединить силы для антигабсбургской и антитурецкой борьбы. Сначала Ракоци попытался мирным путем добиться для своей семьи польской короны. Он обратился к польскому королю Яну Казимиру с просьбой об усыновлении своего сына Ференца¹². Получив отказ, трансильванский князь решил начать действовать силой¹³. Но подходящая для этого ситуация сложилась только в середине 50-х гг.

Дьердь II вел активную внешнюю политику сразу по нескольким направлениям. Одним из них стали контакты Трансильвании с вассалами Порты Молдавией и Валахией, а также с Б. Хмельницким¹⁴, в результате которых валашский и молдавский господари Константин Шербан и Георге Стефан признали вассальную зависимость от трансильванского князя. В Стамбуле были прекрасно осведомлены о действиях Ракоци в Молдавии и Валахии. Как писал хронист Я. Саларди «но умный, хитрый и во всем ищущий свою пользу народ [османы. – К.М.], несмотря на то, что подобные действия князя в немалой степени досаждали ему, надеялся извлечь из этого в будущем пользу и как будто бы сквозь пальцы смотрел на поведение князя и молчал, принимая все к сведению»¹⁵. По его словам, султан даже делал вид, что поддерживает князя: во всяком случае, посол свергнутого Ракоци господаря В. Лупу, прибывший в Стамбул с жалобой на князя, был посажен в тюрьму¹⁶.

По мнению Ракоци, вассальные клятвы молдавского и валашского правителей, были гарантией их участия в его польских планах. Отложение Украины от Речи Посполитой и ее вступление в подданство России в 1654 г. завершило создание в этом регионе выгодной для Трансильвании ситуации. 7 сентября 1656 г. в Дюлафехерваре Трансильвания, Валахия и Молдавия заключили антипольский союз с гетманом Б. Хмельницким. В связи с этим усилилась внешнеполитическая деятельность Дьердя II Ракоци, активизировались его отношения с рядом стран. С посредническими целями в Дюла-



Трансильванский князь Дьердь II Ракоци

фехервар приезжали посольства Речи Посполитой, Порты, Крымского ханства, Запорожского Войска, Молдавии и Валахии¹⁷.

Дьердь II понимал, что альянс с вассалами Порты недостаточен для борьбы за польскую корону и противостояния Габсбургам и османам. В 1654–1655 гг. посольство князя побывало в Англии, Швеции, Дании, Голландии. После возвращения послов стало ясно, что Трансильвания может рассчитывать только на союз со Швецией¹⁸. Однако ее король также претендовал на польскую корону, поэтому, если такой союз возник бы, он был бы обречен на неудачу¹⁹.

В 1655 г. шведский король Карл X начал войну против Речи Посполитой. Начало войны сложилось удачно для Швеции, ее войска заняли Варшаву, король Ян Казимир бежал. В этой ситуации шведские политики ждали от Дьердя II Ракоци лишь благожелательного нейтралитета. Однако позже положение изменилось: на стороне Речи Посполитой были Габсбурги и Москва, противники Швеции, а также Дания и Голландия, заинтересованные в балтийской торговле и опасавшиеся установления шведского господ-

ства на Балтийском море. Столкнувшись с сильной коалицией, Карл X вспомнил о своем потенциальном союзнике – Дьерде II Ракоци. В обмен на вооруженную помощь трансильванского князя шведский король обещал ему польскую корону, установление торговых связей и все доходы от добычи соли в Польше²⁰. Этого момента Дьердь II Ракоци ждал уже давно. 10 декабря 1656 г. Трансильвания и Швеция заключили союзнический договор²¹. Дьердь II Ракоци рассчитывал, что перед угрозой совместного выступления войск Трансильвании, Швеции, Молдавии, Валахии и казаков Б. Хмельницкого польские сословия изберут его своим королем.

6 января 1657 г. в абсолютно невыгодной обстановке объединенная армия выступила против Речи Посполитой. В самой Трансильвании не было единства по поводу польского похода. Мать Дьердя II Жужанна Лорантфи до последнего момента уговаривала сына отказаться от этого предпринятия. Известные трансильванские политики, современники Ракоци, оценивали польскую кампанию как бездумную, безответственную авантюру²². Да и на союзников Трансильвания не могла полностью полагаться. По мнению Ш. Гебеи, исследователя внешней политики Дьердя II, Ракоци совершил грубый просчет, понадеявшись на прочность союза, заключенного с Запорожским Войском. Он не учел, что запорожцы могли бороться за самостоятельные политические цели, недооценил значение конфессиональной общности России и запорожского казачества и т.д.²³.

Большой ошибкой трансильванского князя было нарушение установленного порядка взаимоотношений с Османской империей. Задумав польский поход, Ракоци не оглядывался на султана. Дьердь II стал действовать скорее не как вассал османов, а как независимый правитель. Ракоци не обратил внимание на то, что Порта была недовольна его действиями в Дунайских княжествах в середине 50-х гг., а также союзом князя с казаками и участием в его польских планах Молдавии и Валахии. Готовясь к нападению на Речь Посполитую, Дьердь II удовлетворился молчанием турок и не дождался от султана атнаме с разрешением на поход, что впоследствии дало возможность везиру обвинить князя в походе против воли Порты. Вопреки вассальным нормам трансильванские войска стали основной боевой единицей, а не вспомогательными частями. И, наконец, поляки не просили султана сделать Дьердя II их королем²⁴, это была идея самого князя. Именно такие причины везир Мехмед Кёпрюлю назовет позже, требуя от государственного собрания княжества смещения Ракоци²⁵. С точки зрения Порты, польский поход трансильванского князя выглядел как частная инициатива строптивого подданного, не являвшаяся по большому счету остро необходимой для интересов османов. Поэтому отношение османских властей к польскому походу Ракоци было двойственным: с одной стороны, Стамбул был обеспокоен независимым поведением своего вассала, с другой – в случае его победы в Речи Посполитой, султан признал бы территориальные приобретения князя, так как это давало бы Порте шанс распространить свое влияние и в этом регионе Европы. Таким образом, Стамбул предоставил Дьердю II свободу действий, оставляя при этом за собой возможность изменить при необходимости свою позицию. Кроме того, Ракоци не при-

нял во внимание враждебность Крыма по отношению к Трансильвании, которая своими польскими планами затрагивала внешнеполитические интересы ханства в этом регионе²⁶.

Не меньшую опасность для Трансильвании и ее союзников представляла сложная международная обстановка. Польская война переросла в крупный международный конфликт. Политики ряда европейских стран выступили против Ракоци на стороне короля Яна Казимира, пытаясь удержать князя от участия в шведско-польской войне²⁷; переговоры не прекращались и во время военных действий. Заключив союз со Швецией, Трансильвания оказалась перед лицом всех врагов Карла X, противостоять которым у княжества явно не было сил. У Габсбургов идея антипольского похода Дьердя II Ракоци была встречена крайне негативно, и не только из-за натянутых отношений между императором и шведским королем. Император Фердинанд III понимал, что в случае победы князя возрастут его авторитет и популярность как в Венгрии, так и в Европе. В то же время этот успех Ракоци повысил бы шансы антигабсбургских сил, поэтому император стремился отговорить князя от польского похода. Уже после вторжения союзных войск на территорию Речи Посполитой послы Фердинанда III щедрыми обещаниями уговаривали Дьердя II Ракоци вернуться домой. Но обещанные императором 13 спишских городов не повлияли на решение трансильванского князя²⁸. Вступивший на императорский трон после смерти Фердинанда III (1657 г.) Леопольд I занял в отношении Дьердя II Ракоци более жесткую позицию, чем его предшественник. Он возобновил договор с польским королем и послал ему на помощь свою армию.

Заключив союз с подданным России Б. Хмельницким, Ракоци не мог не задеть интересов Москвы. В августе 1656 г. князь, занимая еще выжидательную позицию по польскому вопросу (шведский король переживал пока период побед и не нуждался в помощи Трансильвании), начал переговоры с русским царем. В ответ на просьбу Ракоци «дабы государь содержал его в своей любви и приязни», царь Алексей Михайлович обещал ему свою «приязнь» с условием, что Дьердь II не будет помогать польскому королю и крымскому хану против России, будет находиться в дружбе с Б. Хмельницким²⁹. Это соответствовало и интересам трансильванского князя. Однако последний пункт требований русского царя – отказ от любой помощи Швеции³⁰ – мало устраивал Дьердя II Ракоци, так как поддержка князем Карла X могла открыть перед ним путь к польской короне. Но несмотря на это, Ракоци пообещал царю «ни со шведами, ни с татарами, ниже с поляками никакого не иметь сообщения»³¹. Стремление Ракоци любым путем найти союзников толкало его на заключение противоречивых и взаимоисключающих договоров. Алексей Михайлович, узнав о том, что Дьердь II не сдержал свое слово и объединился «со шведским королем, российским врагом, взял город Люблин, российскому покоренный оружию, и пошел в Литву»³², послал к Ракоци посольство, которое должно было уговорить князя соблюдать условия русско-трансильванского договора. Царские послы, отправившиеся в июне 1657 г. из Москвы, не смогли встретиться с Ракоци, так как к этому времени его войска были разбиты татарами, и он бежал³³.

В конце января 1657 г., взвесив все «за» и «против», Порты после долгого молчания вынесла свое окончательное решение по польскому вопросу: османы посчитали необходимым отозвать трансильванские войска из Речи Посполитой. 24 января 1657 г., уже после выступления Дьердя II в поход, великий везир вызвал к себе представителя князя в Стамбуле и от имени султана заявил, что предпринятые Ракоци военные действия против Польши затронут Крымское ханство – «друга поляков», и Крым станет врагом Трансильвании, а это нанесет вред интересам Порты³⁴. Вслед князю был послан содержащий угрозы категорический приказ прекратить поход³⁵. Отказ Дьердя II подчиниться воле султана предопределил судьбу самого князя и Трансильвании. Порты была настроена очень решительно. Провинившись князя и саму Трансильванию должна постигнуть суровая кара.

Совместные действия Ракоци и Карла X длились недолго. После нападения датских войск на Швецию Карл X увел свою армию из Речи Посполитой, оставив своего союзника один на один с международной коалицией. Султан, Габсбурги и крымский хан объединились против Ракоци. Порты настаивала на подписании мира с Речью Посполитой, Вена заключила союз с польским королем, а татары – союзники поляков – готовились к нападению на Трансильванию. Ситуация осложнилась в апреле, когда польская армия напала на северные районы княжества. Вскоре казацкие, валашские и молдавские войска, не в последнюю очередь под давлением Порты, покинули лагерь Дьердя II. Трансильванские отряды были измучены боями с польской армией и нападениями местных крестьян.

22 июля 1657 г. по инициативе Ракоци был подписан тяжелый для Трансильвании мир с Речью Посполитой. По условиям этого мира Дьердь II отказывался от претензий на польскую корону, выплачивал 1,2 млн. флоринов контрибуции, возвращал все захваченные земли и добычу, отпускал пленных и расторгал союз со шведами и казаками³⁶. На отступающее из Польши трансильванское войско по приказу султана напали татары. Трансильванский полководец, будущий князь, Янош Кемень подозревал сопровождавших его войско поляков в том, что они специально вывели трансильванцев к татарской засаде³⁷. Почти все войско вместе с Я. Кеменем попало в татарский плен; часть погибла в неволе, некоторые были выкуплены за огромную сумму. Дьердю II Ракоци удалось спастись, так как незадолго до этого он покинул свое войско. Кемень ставил ему в вину то, что князь бросил армию на произвол судьбы³⁸. Однако некоторые историки оправдывают действия Ракоци: князь хотел, чтобы гнев Порты пал только на него одного, а не на его людей³⁹. Но, если это и было в действительности так, расчеты Дьердя II не оправдались. По приказу Стамбула татары сразу же напали на Трансильванию и разорили земли секеев.

Польский поход Дьердя II Ракоци стал поворотным моментом в судьбе Трансильванского княжества. Эта военная операция Ракоци привела к резкому ослаблению княжества. В результате польского похода и последовавшего вслед за ним обострения отношений с Портой княжество потеряло четверть своих территорий с крупными крепостями. Пребывание на территории Трансильвании иноземных войск (османских и австрийских) стало с

конца 50-х гг. нормой. Экономика страны оказалась в упадке и не только из-за постоянных военных столкновений и грабежей войск, но и потому, что Трансильвания была вынуждена заплатить компенсацию Речи Посполитой, выкуп татарам за попавших в плен трансильванцев и штраф Османской империи за неповиновение. Княжество понесло огромные людские потери; большая часть секеев не вернулась из татарского плена, а почти все бихарские хайдуки погибли в боях уже на территории самой Трансильвании⁴⁰.

Великий везир Мехмед Кёпрюлю потребовал от трансильванских сословий порвать с семьей Ракоци и избрать князя из другого рода. 2 ноября 1657 г. главой Трансильвании стал Ференц Редеи, кандидатура вполне устраивавшая Порту⁴¹. Ракоци не смирился и начал борьбу против нового князя и османов. С этого времени и вплоть до осени 1661 г. в Трансильвании продолжался период смут, борьбы за княжеский трон при активном участии Османской империи и Венгрии.

В январе 1658 г. Дьердь II вновь добился своего признания князем⁴². Стремясь удержать в своих руках княжеский трон и защититься от османов, Ракоци стал искать союзников, рассчитывая, в первую очередь, на господарей Молдавии и Валахии, а также на Габсбургов. Однако его планы антитурецкой коалиции не реализовались. Уже весной 1658 г. султан сместил с престолов поддерживавших Дьердя II господарей Г. Стефана и К. Шербана. Новый молдавский правитель Георге Гика отказался помогать Ракоци, а попытки Михни III, назначенного султаном господаря Валахии, заключить антиосманский союз с Речью Посполитой и Венецией не принесли реальных результатов. Переговоры с Веней о помощи оказались напрямую связаны с выборами императора, которые затянулись более чем на год. Новый император Леопольд I, несмотря на свои обещания, не поддержал трансильванского князя⁴³.

Возвращение Дьердя II Ракоци на трансильванский престол и неподчинение султану⁴⁴ привело к новому вторжению турецких и татарских войск⁴⁵ на территорию княжества. В результате карательного похода османы разорили и сожгли крупнейшие трансильванские города – Коложвар, Марошвархей, столицу княжества Дюлафехервар, где были уничтожены княжеский дворец и усыпальница⁴⁶. Несмотря на это, Дьердю II Ракоци удалось успешно провести несколько военных операций. Успех Ракоци привел значительную часть трансильванцев в состояние эйфории, во многих городах его ожидал торжественный прием, все превозносили его «рыцарскую храбрость» и называли его лучшим из венгров⁴⁷. Однако более трезвомыслящие представители трансильванского общества видели в антиосманских акциях Дьердя II только вред, который приблизит «гибель бедной венгерской родины и самого князя»⁴⁸. Время показало, что их прогнозы были ближе к истине. Победы Дьердя II Ракоци не изменили общей ситуации в княжестве, позиции османов оставались в Трансильвании по-прежнему сильными. Государственное собрание, укrywшееся в Дебе, пыталось найти способ для спасения княжества. 7 октября 1658 г., не найдя иного выхода, трансильванские сословия под давлением Порты выбрали князем предложенного султаном Аюша Барчаи (1658–1660). Ракоци, официально признавший власть Барчаи, тем не менее провел вербовку войск в Венгрии и Трансильвании и продолжил вооруженную борьбу.

К этому времени изменилась позиция Леопольда I по трансильванскому вопросу. В Вене считали, что нападение османских войск на Трансильванию слишком ослабит княжество и приведет к территориальному увеличению владений Порты, что не отвечало интересам Габсбургов. Опасения императора вскоре подтвердились. Султан потребовал от А. Барчаи отдать ему комитаты Сатмар, Сабольч, крепости Эчед и Калло, так как, по его сведениям, именно там Ракоци готовит свои антитурецкие акции. Барчаи обратился к Вене с просьбой взять под защиту эти комитаты как относящиеся к Венгерскому королевству, и Леопольд I согласился⁴⁹. Однако оказать немедленную военную помощь Трансильвании Габсбурги не могли: их войска находились в Речи Посполитой до заключения мира со Швецией. Несмотря на отсутствие императорских войск, военные успехи Дьердя II Ракоци были несомненны и к концу октября 1659 г. в его руках оказалась вся Трансильвания, а в декабре войска султана покинули княжество; Акош Барчаи бежал.

Стремясь закрепить успех, а также спасти свою жизнь и власть, Дьердь II стал искать союзников для борьбы с султаном. В апреле 1660 г. он отправил посольство в Москву. Князь предложил царю, «если то для России надобно», соединить русские и трансильванские войска «противу врагов имени христианского»⁵⁰. Русский царь, вероятно, помня о непостоянстве своего бывшего союзника, не ответил на эту грамоту, как и на шесть предыдущих⁵¹.

В мае 1660 г. удача отвернулась от Дьердя II Ракоци. 22 мая его армия потерпела поражение от османов в битве у Сасфенеша, сам он умер от полученных ран. Наступление турок не смогли остановить императорские войска, вступившие в мае на территорию княжества. Австрийская армия под командованием генерала Суше заняла трансильванские крепости, на которые претендовала Порта. Но изменить ход событий этот запоздалый шаг императора уже не мог⁵². На территории Трансильвании, наконец, напрямую столкнулись две крупнейшие империи. Ставкой в этом противоборстве стала Трансильвания, однако интересы Порты и Габсбургов выходили далеко за пределы княжества, при этом его интересы не учитывались ни той, ни другой стороной.

С гибелью Дьердя II Ракоци окончился один из самых ярких периодов трансильванской истории, эпоха надежд и нереализованных возможностей, попыток освобождения от османского владычества, активной самостоятельной внешней политики. Дьердю II Ракоци не удалось с выгодой для Трансильвании использовать все завоевания его отца Дьердя I. Дьердь II Ракоци утратил многие преимущества нового международного положения, полученные в результате Вестфальского мира. В системе международных отношений Трансильвания оказалась отброшена назад. Большая вина за это лежит, несомненно, на самом князе: слишком уверенном в своих силах, негибком в отношениях с Портой, не умеющем объективно оценивать ситуацию, возможно, не слишком разборчивом в средствах и непостоянным в союзнических договорах. Однако при этом не следует забывать о сложностях международной обстановки, в которой оказалась Трансильвания, и тех могущественных силах, которым она не могла противостоять.

Разгром армии Дьердя II Ракоци, его смерть и появление императорских войск на территории Трансильвании не остановили наступление османов. 27 августа 1660 г. после шестинедельной осады войска султана овладели трансильванской крепостью Варад – «воротами христианского мира» – и рядом менее значительных крепостей. На захваченных землях Порта создала Варадский вилайет, уже пятый на территории бывшего единого Венгерского королевства. Покорение Варада и образование нового вилайета нарушило равновесие сил между Веной и Стамбулом, которое устанавливалось Житваторокским миром 1608 г. Вероятно, впервые внимание всего континента было приковано к Трансильвании. Для Западной Европы ни Венгрия, ни Трансильвания не были важны сами по себе, но они являлись воротами в Европу, которые теперь открылись для османов, под их ударом могли оказаться Австрия, Моравия, Силезия, Чехия и Речь Посполитая⁵³. Таким образом, защита Трансильвании становилась для европейских стран общим делом. Поэтому призывы Леопольда I о помощи в связи с событиями в Трансильвании, разосланные по континенту в декабре 1660 г., встретили отклик в Европе. Саксонский герцог обязывался прислать деньги и войска, курфюрсты Бранденбурга, Кельна, Трира обещали посильную помощь; Венеция, папа римский и Рейнский союз ответили согласием на обращение императора, но с условием, что Леопольд I защитит Трансильванию. Таким образом, сбывалась давняя мечта трансильванских князей: Европа включала Трансильванское княжество в круг своих интересов.

Создание европейской антиосманской коалиции было, конечно, невозможно без участия самой Трансильвании. Однако князь Акош Барчаи не обладал необходимым авторитетом для того, чтобы объединить внутренние политические силы княжества против турок, наладить внешние связи и организовать помощь Европы. Эту трудную задачу мог выполнить только популярный в Трансильвании и известный в Европе человек. Поэтому видные политики княжества обратили свой взор на Яноша Кеменя, вобравшего в себя все те качества лидера, которые требовались для спасения княжества. Я. Кемень служил пяти трансильванским князьям, с дипломатическими миссиями он объездил почти всю Европу: он был в Швеции, Франции, Речи Посполитой, Валахии, германских княжествах и т.д. В качестве главнокомандующего армии он участвовал во всех походах трансильванских князей 40–50-х гг. В польском походе Я. Кемень разделил судьбу своего войска, став пленником татар, чем заслужил уважение армии. Во время правления Дьердя I Ракоци Я. Кемень являлся его советником и до конца жизни оставался приверженцем его политического курса: открыто не враждовать с Османской империей. Таким образом, обращение к Я. Кеменю не было случайным, его лидерство было желанным для трансильванских сословий.

В ноябре 1660 г. с остатками армии Дьердя II Я. Кемень вступил на территорию Трансильвании. Его выступление не было политической авантюрой, этому шагу предшествовала серьезная подготовка. Я. Кемень достиг договоренности о взаимодействии с венгерским надором Вешшелени, получил помощь пограничного венгерского дворянства, вел переговоры с императором Леопольдом I, который пообещал поддержать Я. Кеменя, включившись в военную кампанию.

Свою цель Я. Кемень видел в воссоздании в княжестве порядка и единства, о чем он заявил в своем Манифесте. 1 января 1661 г. государственное собрание Трансильвании выбрало Я. Кеменя князем⁵⁴. А 6 января 1661 г. князь Акош Барчаи отрекся от престола во избежание гражданской войны⁵⁵.

Я. Кемень принес традиционную клятву верности Османской империи⁵⁶. Это был символический шаг: новый князь, в духе политики Дьердя I Ракоци, не хотел открыто порывать отношения с султаном, хотя с первых дней своего правления связал политику княжества с антиосманскими планами венского двора. Принесенная Я. Кеменем присяга не обманула Порту, в Стамбуле его не признали, и в фирмане султана, доставленном в Дюлафехервар 10 января 1661 г., содержалось требование к трансильванским сословиям сохранять верность Барчаи. Отказ сословий подчиниться требованиям османов стал первым шагом к разрыву с Портой. К тому же подталкивала Трансильванию и Венгрия. Надор Вешшелени в марте 1661 г. писал князю, что создание антиосманской коалиции почти завершено, и именно от трансильванского князя зависит, когда начнется война. Вешшелени рекомендовал Я. Кеменю обратиться к императору с сообщением о том, что княжество вступает в войну против османов, и просить Леопольда I взять Трансильванию под свою защиту⁵⁷. Надор Вешшелени возложил на плечи Кеменя огромную ответственность. Несмотря на изменившуюся внешнеполитическую ситуацию, Кемень, как и раньше, стоял на том, что султана нельзя настраивать против княжества. Но, с другой стороны, мечта сбросить вековое владычество Порты сейчас, как никогда, была близка к осуществлению. Тщательно все взвесив, Я. Кемень и его советники определили свою позицию⁵⁸, и 23 апреля 1661 г. созвали государственное собрание. Сословия княжества, поддержав Кеменя, приняли решение выйти из-под власти Османской империи и передать страну под защиту венгерского короля Леопольда Габсбурга. Кемень поспешил известить об этом судьбоносном для княжества решении Леопольда I, надеясь на быструю помощь императорской армии. Отправившийся в Вену посол князя не знал, что он уже опоздал.

Узнав о событиях в Трансильвании, султан отдал приказ о вторжении в княжество, что и было осуществлено 28 июня 1661 г. Однако Порта, занятая завоеванием Крита, стремилась по возможности избежать крупномасштабных военных действий в Трансильвании, особенно с участием Габсбургов. Поэтому султан рассчитывал, что с заменой князя на престоле опасность большой войны минует. С этой целью Порта решила лишить Я. Кеменя поддержки внутри страны и помощи главного союзника – императора. Бывший князь А. Барчаи спровоцировал восстание саксов против Я. Кеменя. А в Вену от имени султана направился татарский посол, который доставил Леопольду I условия мирного договора, жесткого и унижительного для императора. Тем не менее Вена предпочла «худой мир» и согласилась на эти условия. В конце мая 1661 г. Стамбул и Вена заключили тайное соглашение. Леопольд I признавал потерю Варада, обязывался разрушить крепость Уйварад и отказать в помощи Я. Кеменю. Султан, в свою очередь, обещал не нападать на Венгрию, прекратить трансильванский поход и способствовать выборам нового князя.

17 августа 1661 г. под давлением войск будайского паши государственное собрание Трансильвании отстранило от власти Я. Кеменя и по указанию великого везира выбрало новым князем Михая Апафи⁵⁹. После этого по приказу Вены австрийский генерал Р. Монтекукколи вывел свои войска из Трансильвании, оставив гарнизоны в некоторых крепостях княжества. Я. Кемень не смирился со своим низложением и без помощи императора возобновил военные действия⁶⁰. Однако, совершив ряд тактических ошибок, он потерпел поражение от османов в битве у Надьселеша, где и погиб 23 января 1662 г. Поражение Я. Кеменя, несмотря на его серьезную подготовку к антиосманскому выступлению, было предсказуемо. Трансильвания еще не восстановила свои силы после польского похода Дьердя II Ракоци и не могла в одиночку противостоять Османской империи: не хватало денег, войска были плохо обучены; а перед лицом многоопытной дипломатии Вены и Стамбула аппарат нового князя вообще оказался бессильным.

¹ Trócsányi Zs. Erdély és Bécs 1683-I ostroma. // Bécs 1683. évi török ostroma és Magyarország. Bp., 1988. 181. l.

² Но и во второй половине XVII в. были исключения. Государственное собрание Трансильвании выбрало 1 января 1661 г. князем Яноша Кеменя вопреки воле османов.

³ Договор определял территориальные границы власти князя, фиксировал отказ Яноша Жигмонда от титула «короля Венгрии» и принятие им титула «князя Трансильвании». Однако сами Габсбурги долгое время не признавали за Яношем Жигмондом княжеского титула и называли его «воеводой», демонстрируя тем самым, несмотря на вассальную зависимость Трансильвании от Порты, что княжество является частью Венгрии, а следовательно, и их владением.

⁴ Этот пункт договора оставался не только на бумаге. Так, князь Жигмонд Батори (1588–1602 гг.) 11 раз отрезкался от престола в пользу Рудольфа II Габсбурга. А в 1602 г. после оккупации княжества императорской армией в Трансильвании на два года фактически установилась власть Габсбургов. Во второй половине XVII в. также происходили подобные ситуации: в 1660 г. княжество порывало отношения с Османской империей и переходило под защиту Габсбургов. Кроме того, австрийские войска не раз оказывались на территории Трансильвании по приглашению государственного собрания княжества (например, походы Басты 1602 г. и Монтекукколи 1661 г.).

⁵ Так, в тексте Шпейерского соглашения 1570 г. трансильванский князь Янош Жигмонд заявлял, что подвластные ему венгерские территории являются неотделимой частью Венгрии. – Österreichische Staatsverträge. Fürstentum Siebenbürgen (1526–1690). Bearb. von R. Gooss. Wien, 1911. S. 182–204.

⁶ См.: Гусарова Т. П. Международная обстановка в Центральной и Юго-Восточной Европе на заключительном этапе войны. Установление Вестфальского мира // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1. М., 1998. С. 143.

⁷ Szalárdi János. Siralmas magyar krónikája. Bp., 1980. 332. l.

⁸ ЕОЕ. 11. köt. 136–138. l.

⁹ Erdély története. 2. köt. 1606–1830. Szerk. Makkai L. Bp., 1986. 722. l.

¹⁰ Автор «Печальной венгерской хроники» Янош Саларди считал, что конфронтация с Османской империей принесет княжеству одни беды. (Szalárdi János. Siralmas... 5. könyv. 304–404. l.).

¹¹ Lukinich I. Rákóczi György és a lengyel királyság. Bp., 1907. 23–28. l.; Gebei S. II. Rákóczi György erdélyi fejedelem külpolitikája (1648–1657). Acta Academiae Paedagogicae Agriensis. Nova series. T. XXIII. Sectio historiae. Eger: Liceum, 1996.

- ¹² Szabó P. Az Erdély fejedelemség. Bp., 1997. 91. l.
- ¹³ В 1655 году международное положение Речи Посполитой резко ухудшилось: она оказалась зажатой в тисках одновременно между Швецией и Россией. Стремясь не допустить опасного для Речи Посполитой сближения Трансильвании с казаками и Швецией теперь уже Ян Казимир предложил принять к своему двору сына князя, Ференца, чтобы возпитать его как будущего польского короля. Продолжались переговоры между Трансильванией и теми польскими магнатами, которые поддерживали в Дьерде II иллюзии на получение польской короны. Венгерский исследователь Ш.Гебеи, автор монографии о внешней политике Дьердя II Ракоци, называет этот эпизод «настоящей школой расставления дипломатической ловушки». – Gebei S. II. Rákóczi György... 124–126. l.
- ¹⁴ Szalárdi János. Sirmalmas ... 325–343. l.; Шушарин В. П. Трансильвания в соперничестве Османской империи и Габсбургов (1648–50-е гг.) // Османская империя... Ч. 1. С. 225–227; Семенова Л. Е. Молдавия и Валахия в отношениях Порты со странами региона в середине XVIII в. // Там же. С. 234–240; Хаванова О. В. Трансильвания в период русско-польско-украинского конфликта в 50-е гг. XVII в. // Русская и украинская дипломатия в Евразии. 50-е годы XVII века. М., 2000. С. 137–143.
- ¹⁵ Szalárdi János. Sirmalmas... 331. l.
- ¹⁶ Ibidem.
- ¹⁷ Erdély története. 2. köt. 714. l.
- ¹⁸ ЕОЕ. 11 köt. 208–223. l.
- ¹⁹ Тем не менее, трансильванский князь согласился на этот союз, считая его перспективным. Он расценивал ожидаемое нападение Швеции на Польшу как прелюдию к созданию международной антигабсбургской коалиции, в которой Трансильвания предполагала участвовать. Поэтому Ракоци был нужен союз с такой великой державой, как Швеция.
- ²⁰ Szakály F. Virágkor és hanyatlás. 1440–1711 // Magyarok Európában. II. köt. Bp., 1990. 270–271. l.
- ²¹ Подробнее о переговорах Ракоци со Швецией, Запорожским Войском и Речью Посполитой см.: Хаванова О. В. Трансильвания в период... С. 139–143.
- ²² Так считал, в частности, Янош Бетлен, будущий канцлер трансильванского князя А. Барчани. – Szabó P. Az Erdély... 94. l.
- ²³ Gebei S. II. Rákóczi György... 155–182. l.
- ²⁴ Поляки обратились к султану с просьбой запретить Ракоци поход в Речь Посполитую. – Хаванова О. В. Трансильвания в период... С. 144.
- ²⁵ Erdély története. 2. köt. 719. l.
- ²⁶ Кроме того, хан имел претензии к Трансильвании, отказавшейся в 1655 г. платить татарам такую же дань, какую она выплачивала Османской империи.
- ²⁷ Русский царь Алексей Михайлович через своих послов в Трансильвании и даже в Дунайских княжествах предлагал Ракоци отказаться от антипольского союза со Швецией. Крымский хан через посредничество Б. Хмельницкого пытался также склонить Дьердя II к переговорам. – Хаванова О. В. Трансильвания в период... С. 144.
- ²⁸ R. Várkonyi A. A Királyi Magyarország 1541–1686. Bp., 1999. 98. l.
- ²⁹ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.) Ч. 1. (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). М., 1894. Л. 158.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. 158–159.
- ³⁴ Szalárdi János. Sirmalmas ... 355. l.
- ³⁵ Ibid. 356. l.
- ³⁶ Okmánytár II. Rákóczi diplomáciai összeköttetéseihez, 1648–1657. Pest, 1873. 552–557. l.
- ³⁷ Kemény János. Ruina exercitus Transsylvanicus // Kemény János és Bethlen Miklós művei. (Magyar remékirók). Bp., 1980. 313. l.

³⁸ Ibid. 314.1.

³⁹ Szabó P. Az Erdély... 96.1.

⁴⁰ Trócsányi Zs. Erdély és Bécs... 182.1.

⁴¹ Условия выбора Ф.Редעי трансильванским князем. – ЕОЕ. 11.кöt. 321–325.1.

⁴² ЕОЕ. 11.кöt. 342–346.1.

⁴³ В планы императора Леопольда I не входила помощь Дьердю II Ракоци (*Szalárdi János. Sirmalmas... 6 könyv. 404.1.*). Во-первых, Вена не хотела возобновления войны с Османской империей, а, во-вторых, император надеялся, что падение Дьердя II даст ему шанс вернуть себе венгерские земли, принадлежащие семье Ракоци по Линцскому договору 1645 г. Это комитаты Сатмар, Сабольч и винодельческие области Токай и Тарцал. (*Magyarország története. 1526–1686. 1.köt. Bp. 1985. 925–927.1.*)

⁴⁴ По словам Саларди, султан, узнав о восстановлении на престоле Дьердя II, разгневался и исполнился жаждой мщения. Порта стала угрожать завоеванием Трансильвании. (*Szalárdi János. Sirmalmas... 6 könyv. 404.1.*) Кроме того, краеугольным стал вопрос о передаче осман трансильванской крепости Енё. Ракоци отказался отдать туркам крепость, а трансильванские сословия даже постановили, что потомки должны проклянуть тех, кто пообещает отдать Енё кому-либо ради своей выгоды.

⁴⁵ Янош Кемень, томящийся в татарском плену, в апреле в своем письме предупреждал князя и государственное собрание «о великих приготовлениях крымского хана и большой угрозе». – *Szalárdi János. Sirmalmas... 6 könyv. 408.1.*

⁴⁶ Szabó P. Az Erdély... 93.1.

⁴⁷ Szalárdi János. Sirmalmas... 414.1.

⁴⁸ Ibidem. По мнению Я.Саларди, современника тех событий и автора венгерской хроники, «засучить рукава против турок» призывают те, кто не слишком жаелает сохранения родины, причем главными зачинщиками в этом хронист называет славян.

⁴⁹ Magyarország hadtörténete. Szerk. Liptai E. Bp. 1984. 1.köt. 280.1.

⁵⁰ Баттыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних ...Л. 159.

⁵¹ Там же.

⁵² Император Леопольд I долго колебался, посылать ли войска в Трансильванию, так как это означало войну с Османской империей. По влиянием «партии мира» император затянул с отправкой войск в княжество и упустил ряд стратегических возможностей. – *Magyarország hadtörténete. 1.köt. 280.1.*

⁵³ Erdély története. 2. köt. 784.1.

⁵⁴ Государственное собрание Трансильвании от 24.12.1660–12.01.1661. – ЕОЕ.11.кöt. 466–470.1.

⁵⁵ ЕОЕ. 11.кöt. 471.1.

⁵⁶ В законы государственного собрания Трансильвании 1661 г. было внесено заявление Кеменя о том, что Трансильвания не будет бороться за освобождение от власти Порты. – ЕОЕ. 11.кöt. 474.1.

⁵⁷ Erdély története. 2.köt. 788.1.

⁵⁸ После того, как Ф.Вешшеленьи и Я.Кемени достигли предварительной договоренности, начались неофициальные переговоры с императором Леопольдом I. Император поддержал идею Кеменя и Вешшеленьи и 4 марта 1661 г. написал сословиям Трансильвании о том, что от послов князя он понял о желании княжества перейти под его власть. Поэтому Леопольд I просил сословия княжества окончательно определить свою позицию и написать ему. – ЕОЕ.12.кöt.494.1.

⁵⁹ 3 августа 1661 г. Али-паша призвал Я.Кемени отречься от престола. – ЕОЕ. 12. köt. 525.1. После отказа Я.Кемени Али-паша начал организацию мероприятий для выборов нового князя, которым и стал М.Апафи. – ЕОЕ. 12. köt. 526.1.; 13. köt. 73, 75.1.

⁶⁰ Верность Я.Кемению, несмотря на его низложение, продолжали сохранять некоторые трансильванские области. – ЕОЕ. 13. köt. 71.1.

МОЛДАВИЯ И ВАЛАХИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (50–70-е гг. XVII в.)

Признание запорожским казачеством во главе с гетманом Б. Хмельницким подданства России (1654 г.) привело к изменениям в международной обстановке в Восточной и Юго-Восточной Европе. Вступление России в борьбу за Украину активизировало ее соперников. Речь Посполитая и Крымское ханство заключили союз (июль 1654 г.), который поддерживала и Порта. Занятая затянувшейся тяжелой войной с Венецией, Османская империя не вмешивалась непосредственно в русско-польско-украинский конфликт, предоставив здесь свободу действий Крыму. Важное значение османы придавали политике Речи Посполитой, рассматривая ее в стратегическом плане как противовес усиливавшейся России. Особую озабоченность султана вызывало вовлечение в происходившие в Восточной Европе события вассальных османам княжеств – Молдавии, Валахии и Трансильвании, ставших объектом соперничества враждующих сторон – России и Украины, с одной стороны, Речи Посполитой и Крыма – с другой. Все это заставляло Порту внимательно отслеживать политическую ситуацию в Восточной и Юго-Восточной Европе, хотя главным в османской внешней политике того периода оставалось антигабсбургское направление.

Вступление запорожцев в подданство царю и, как следствие, неизбежность военного столкновения с русско-казацким лагерем заставляли ослабленную в то время Речь Посполитую искать помощь извне. Помимо союза с Крымом польские власти рассчитывали на привлечение военных сил Дунайских княжеств, с которыми переговоры об этом велись еще в 1653 г.¹ Чтобы получить одобрение Порты, в начале 1654 г. в Стамбул был направлен польский посол М. Бегановский². Османское правительство в полной мере оценивало перспективы последствий Переяславского акта 1654 г. в развитии политической ситуации в Восточной Европе и было обеспокоено сохранением своих позиций в регионе. Поэтому Порта заверила через М. Бегановского о поддержке Речи Посполитой и потребовала от молдавского и валахского господарей эффективной помощи польским властям в противостоянии русско-казацким силам.

Важным фактором, вызывавшим обеспокоенность султана и диктовавшим в связи с этим поддержку им Польши, становится с 1654 г. усиление прорусской ориентации в освободительных устремлениях Дунайских княжеств. Внешнеполитической переориентации способствовали, с одной стороны, ослабление Речи Посполитой и ее роли опоры для княжеств, особенно Молдавии, в противостоянии давлению османов, с другой – активизация России по включению княжеств в орбиту своей политики в восточноевропейском регионе с целью противодействия польско-крымско-османским планам.

Русское правительство, исходя из своих стратегических интересов, ставило задачу отвлечения Дунайских княжеств от коалиции с Польшей и от

оказания ей военной помощи. В феврале 1654 г. в Молдавию и Валахию из Москвы был послан дворянин Г. Самарин с царскими грамотами государям, извещавшими о вступлении запорожского казачества во главе с гетманом Б. Хмельницким в русское подданство. Задача посольства состояла в том, чтобы для начала добиться хотя бы нейтралитета княжеств на случай войны России с Речью Посполитой. Поэтому в грамотах содержалась просьба к государям не оказывать помощь польскому королю и о его планах сообщать в Москву³.

Молдавский господарь Георге Стефан еще до прибытия Г. Самарина в Яссы при посредничестве запорожского гетмана установил отношения с Москвой и просил царя Алексея Михайловича принять его «под свою государскую высокую руку так же, как и гетмана Богдана Хмельницкого»⁴. Молдавский посол И. Григорьев, доставивший господарскую грамоту с просьбой к царю, на расспросе в Посольском приказе в начале апреля 1654 г. говорил, что «и мутьянской (валашский. – Л.С.) де Матвей воевода от Стефана воеводы не отстанет, тотчас вместе с Стефаном воеводою под государевою рукою учинятца»⁵.

Несмотря на эти заверения господарей, результаты русского посольства в Молдавию и Валахию были неутешительны. Валашский правитель Матвей Басараб, имевший связи с Габсбургами и рассчитывавший на их поддержку, не допустил Г. Самарина на территорию княжества и оставил без ответа обращение царя. Проявлялась непоследовательность и в политике Г. Стефана. В начале 1655 г. он направил молдавские отряды на помощь польско-татарским войскам, действовавшим в Подолии против запорожцев⁶. Однако русское правительство продолжало усилия, направленные на отрыв Молдавии и Валахии от союза с Польшей, Крымом и Портой, используя также связи запорожского гетмана Б. Хмельницкого с Г. Стефаном.

Сложившаяся к лету 1655 г. международная ситуация в Восточной Европе благоприятствовала планам России. Неудача осенне-зимней 1654/1655 гг. военной кампании польских войск против запорожцев, все больше проявлявшееся внутреннее ослабление Речи Посполитой, угроза вступления в конфликт Швеции и, наконец, успехи русско-запорожских сил в ходе предпринятого поляками весной 1655 г. наступления на Украину создавали предпосылки для возобновления переговоров с Дунайскими княжествами.

В июле – августе 1655 г. Б. Хмельницкий направил к правителям Дунайских княжеств и трансильванскому князю Дьердю II Ракоци послов с предложением союза против Речи Посполитой⁷. В это время Валахия и Молдавия были охвачены внутренними волнениями в связи с начавшимся в феврале восстанием валашских сейменов (наемных солдат – пехотинцев). Распространившись среди других слоев армии, оно получило широкую поддержку крестьянских масс и городской бедноты. Восстание приняло антиосманский и антифеодальный характер и продолжалось несколько месяцев⁸. Восставшие сеймены с самого начала установили связи с запорожцами, направив в конце апреля 1655 г. делегацию к Б. Хмельницкому с просьбой о военной помощи. Прибытие послов из Чигирина в июле – августе вызвало иллюзии у восставших. В Валахии, Молдавии, Стамбуле распространялись

слухи о приближении к княжествам Б. Хмельницкого с большим войском⁹. Но отвлечение сил казаков от антипольских действий не входило в планы запорожского гетмана, к тому же настороженно относившегося к противобоярским акциям восставших. Главным для него было создание антипольского союза и вовлечение в него Дунайских княжеств и Трансильвании.

К концу июня 1655 г. восстание было подавлено объединенными силами валахско-молдавско-трансильванских отрядов при участии войск силестрийского пашы. Начатая Швецией летом того же года война против Речи Посполитой, успехи русско-запорожских сил в сражениях с польско-татарскими войсками благоприятствовали осуществлению Б. Хмельницким его планов. В сентябре 1655 г. в Молдавию и Валахию прибыли послы запорожского гетмана¹⁰.

В складывавшейся в то время международной ситуации правители Дунайских княжеств, со своей стороны, были заинтересованы в переговорах с Б. Хмельницким и через него с Россией. Во внешнеполитическом положении Молдавии и Валахии появились сложности в связи с вовлечением их в планы трансильванского князя Дьердя II Ракоци по получению польской короны, которую ему предлагали шведские дипломаты, стремясь втянуть Трансильванию в войну с Речью Посполитой. В реализации своих планов Ракоци рассчитывал на поддержку союзных Валахии и Молдавии. Валахский господарь К. Шербан должен был послушно следовать политике трансильванского князя, будучи благодарным ему за помощь в подавлении восстания сейменов. Молдавский правитель Г. Стефан, учитывая угрозу татарских нападений на княжество, занял осторожную позицию и пытался проводить политику в своих интересах.

Планы Дьердя II Ракоци в отношении польской короны вызывали беспокойство Крыма, опасавшегося ослабления Речи Посполитой как главного фактора противостояния России. Особенно настораживали крымского хана связи трансильванского князя с Б. Хмельницким, происходившие при посредничестве молдавского господаря. В начале 1656 г. появляются известия о возможных нападениях татар на Дунайские княжества¹¹ с целью лишить Ракоци их поддержки и тем самым облегчить положение Речи Посполитой.

Для Молдавии татарская угроза была наиболее реальной. В условиях возникшей для княжества внешней опасности господарь Г. Стефан счел необходимым вернуться к переговорам о вступлении в русское подданство. В марте 1656 г. от имени бояр и духовенства княжества он направил в Москву своих послов – сучавского митрополита Гедсона и боярина логофета Григория Нянула с грамотой к царю Алексею Михайловичу¹². По поручению господаря молдавские послы подали в Посольский приказ письмо с изложением условий, на которых княжество готово было признать русское подданство. Основное условие состояло в том, что Молдавия освобождалась от османской зависимости и от уплаты дани султану, ей возвращались захваченные османами территории. Россия должна была защищать княжество от внешней опасности, а молдавский господарь обязывался выставлять свои отряды для участия в военных операциях русских войск. Особо оговаривалось назначение господарей из местных бояр, для которых важно



Молдавский господарь Георге Стефан

было сохранить свои сословные привилегии¹³. В письме подчеркивалось также, что только поневоле молдавские отряды вынуждены выступать вместе с татарами на помощь полякам, но как только царь пошлет свои войска против «нечестивых», они готовы с «царскими ратными людьми идти»¹⁴.

Представленные молдавскими послами условия русского подданства были приняты в Москве без изменений. В том же 1656 г. к русскому правительству с просьбой о помощи обратился и валашский господарь Константин Шербан, лишившийся поддержки сейменов и чувствовавший угрозу смещения его султаном с престола¹⁵. Союз с Дунайскими княжествами, особенно с Молдавией, признание которой русского подданства воспринималось в Москве именно так¹⁶, имел для России важное значение в сложившейся международной ситуации лета 1656 г. после объявления русским правительством войны Швеции.

Ответом на обращение молдавского господаря была царская грамота от 29 июня 1656 г. о принятии Молдавии в русское подданство. Доставка гра-

моты Г. Стефану поручалась посольству И.И. Баклановского, который должен был привести к присяге самого господаря¹⁷. Но миссия И.И. Баклановского не состоялась ввиду осложнения международной обстановки. В связи с угрозой обострения отношений с Крымом и Портой из-за Молдавии в условиях состояния войны со Швецией московские дипломаты сочли несвоевременным направление посольства в Яссы. Тем более, что Дунайские княжества, будучи вовлеченными в орбиту интересов трансильванского князя Дьердя II Ракоци, союзника шведского короля, оказались к этому времени в лагере противников России. Молдавско-русские переговоры были прерваны, послы Г. Стефана задержаны в Москве.

Между тем Ракоци продолжал давление на Молдавию и Валахию, все больше вовлекая их в свои планы борьбы за польскую корону. В сентябре 1656 г. он заключил союзный договор с Б. Хмельницким, который, со своей стороны, был заинтересован в привлечении Трансильвании к антипольской коалиции¹⁸. В Стамбуле поведение вассалов султана вызывало озабоченность. Порта была обеспокоена предпринятым трансильванским князем походом против Речи Посполитой, участием молдавских и валашских отрядов в начатых Ракоци в январе 1657 г. военных действиях на польской территории. Стремясь сохранить выгодный для себя расклад политических сил в Восточной Европе, османские власти принимали меры к защите своих интересов в регионе. Новый великий везир Мехмед-паша Кёпрюлю счел необходимым сконцентрировать османские войска на Дунае, а их командирующему Мелек Ахмед-паше и крымскому хану поручил выступить при необходимости на помощь Речи Посполитой. Одновременно великий везир властью сюзерена попытался заставить трансильванского князя отказаться от антипольских военных действий, а Г. Стефану и К. Шербану было приказано лично явиться к султану¹⁹.

Крым усилил давление на Молдавию и Валахию, готовясь к нападению на них с целью оторвать их от союза с Трансильванией. Хан Мехмед-Гирей летом 1657 г. вел переговоры с Б. Хмельницким об объединении сил для вторжения в Дунайские княжества и Трансильванию. Но эти попытки ханства втянуть гетмана в военные действия против княжеств и тем самым ослабить создаваемую им антипольскую коалицию были безуспешны. Б. Хмельницкий решительно отказался от участия в ханском походе на княжества и потребовал возвращения татарских войск в Крым²⁰.

Опасность нападения татар на княжества стала реальной, когда в августе 1657 г. ханские отряды вторглись в Трансильванию и опустошили земли секеев. Союз Молдавии и Валахии с Ракоци, их участие в антипольском походе трансильванского князя рассматривались Портой как действия, наносящие ущерб османским интересам в регионе. Еще более опасными представлялись ей отношения княжеств с Б. Хмельницким и их переговоры с Россией о вступлении в ее подданство. Наряду с подготовкой Крымом военных акций против Молдавии и Валахии султан счел необходимым укрепить свою власть сюзерена над княжествами и привести к послушанию молдавского и валашского господарей. Порта вновь потребовала их личной явки в Стамбул²¹. Ослушавшиеся господами игнорировали это требование и ста-

ли искать союзников для антиосманской борьбы. Ракоци после поражения сам нуждался в поддержке. Речь Посполитая перед перспективой нового конфликта с Россией не могла пойти на осложнение отношений с Портой. В этих условиях молдавский господарь Г. Стефан в феврале 1658 г. вновь обратился к России с просьбой о защите от османов²².

Между тем уже в марте 1658 г. султан сместил сначала К. Шербана, затем Г. Стефана с валашского и молдавского престолов. Россия не могла оказать военной помощи господарям Дунайских княжеств. Осложнение отношений с Портой и Крымом из-за княжеств было для Москвы крайне нежелательно в условиях возобновления конфронтации с Речью Посполитой.

Назначив новых господарей в княжествах, в Валахии – Михню III, а в Молдавии – Георге Гику, султан демонстрировал силу власти сюзерена и рассчитывал на послушное их следование в русле османской политики. По распоряжению Порты правители княжеств своими военными силами должны были участвовать в карательном походе османов и татар в Трансильванию летом 1658 г. Однако расчеты султана на покорность господарей не оправдались. Г. Гика, подчиненный интересам крупного молдавского боярства, хотя и не проявлял неповиновения султану, но, будучи озабочен сохранением престола, в июне 1658 г. тайно направил в Москву своих послов Данилу Петрова и Мануила Фомина. В посланной с ними грамоте молдавский господарь сообщал об усилении давления османов на княжества и просил о защите²³. Михня III сразу же после получения престола стал предпринимать шаги по организации антиосманской борьбы. Он заключил союз с низложенным, но не сложившим оружие Дьердем II Ракоци²⁴. Попытка привлечь к союзу молдавского господаря Г. Гику не имела успеха. Но к союзникам примкнул находившийся в Трансильвании Г. Стефан, рассчитывавший на возвращение престола в Яссах²⁵. Михня III установил также связи с запорожскими казаками, которые должны были нейтрализовать действия крымских татар²⁶. За поддержкой своих антиосманских планов валашский господарь обратился и к польскому королю²⁷. При содействии Ракоци Михня III попытался заручиться поддержкой Венеции, находившейся в состоянии войны с османами, и покровительством папы римского, который мог бы склонить на сторону союзников Габсбургов²⁸. Но все эти обращения практических последствий не имели.

Валашские и молдавские отряды были вынуждены осенью 1658 г. участвовать в карательном походе османов и татар против Трансильвании. План Михни III ударить по османской армии во время ее следования через Валахию не состоялся. Крупные валашские бояре не поддержали намерений господаря и донесли на него Порте. Султан не поверил и сурово наказал доносчиков. Михня не только сумел сохранить престол, но и летом 1659 г. расправиться с недовольными боярами²⁹. Используя поддерживавшие его полки служилых пехотинцев, Михня осенью 1659 г. разгромил недалеко от Джурджу османские войска, направлявшиеся против Трансильвании через территорию Валахии. В ходе успешных военных действий на Дунае ему удалось взять османские крепости Джурджу и Брэилу, сжечь крепости Оршова, Никополь и Рушук³⁰.

Узнав об антиосманских акциях Михни III, султан сместил его и назначил на валашский престол Г. Гику, а на престол Молдавии – Стефаницу Лупу, сына бывшего господаря Василия Лупу. В союзе с Ракоци и К. Шербаном, которому союзниками был обещан молдавский престол, Михня пытался продолжить борьбу с османами. В ноябре 1659 г. союзники направили в Москву посла архимандрита Парфения с просьбой о помощи³¹. Русское правительство, зная политическую неустойчивость в княжествах и стремясь к сохранению мирных отношений с Портой, уклонилось от прямого ответа.

Константину Шербану удалось на непродолжительное время занять молдавский престол. Михня III со своими отрядами действовал против османов в южнодунайских владениях султана. После первых неудачных боев ему удалось оттеснить османские части к Дунаю и приступить к осаде Джурджу. Между тем османы разбили войско Ракоци. Одновременно татары заняли Молдавию, вытеснив отряды К. Шербана, и вступили на территорию Валахии³². Нависшая с двух сторон угроза – от османской армии и татарской конницы – заставила Михню III отступить в Трансильванию, где он вскоре умер³³. К. Шербан в 1660 г. с помощью наемного войска, в состав которого входили и запорожские казаки, вновь попытался утвердиться на молдавском престоле, но отступил в начале 1661 г. в Польшу перед угрозой татарского нашествия³⁴. Надеясь при поддержке России не только вернуть себе престол Валахии, но и сделаться господарем обоих княжеств, К. Шербан в июле 1660 г. направил в Москву своих послов во главе с Некгаем Степановым с просьбой о военной помощи и о принятии в русское подданство³⁵. Однако посольство было обречено на неудачу. Россия, занятая начавшимися весной 1660 г. военными действиями против Речи Посполитой, не могла осложнять отношений с османами.

Между тем Порта усиливала давление на княжества. Султан менял подарей на молдавском и валашском престолах, добиваясь их послушного следования в русле османской политики. После Стефаницы Лупу на яский престол был назначен Евстратий Дабижа (1661–1665), в Валахии утвердился верный османам Григоре Гика (1660–1664). Оба господаря, поддерживаемые крупным боярством, проводили внешнюю деятельность в рамках требований османов. Послушание правителей княжеств было важно для Порты, озабоченной в условиях затянувшейся войны с Венецией сохранением своих позиций в восточноевропейском регионе в ходе развернувшегося здесь конфликта из-за Украины. Османскую империю беспокоило усиление влияния России в Восточной Европе и ослабление Речи Посполитой, а также все больше проявлявшаяся независимость в политике Крымского ханства. Сохранение и укрепление баланса сил в свою пользу в восточноевропейском регионе становится для Порты важной задачей, осуществление которой должно было создать благоприятные условия для реализации османских экспансионистских планов в Центральной Европе. После заключения в 1667 г. Андрусовского перемирия между Россией и Речью Посполитой, создавшего невыгодную для османов расстановку сил в Восточной Европе, султан решительно вмешался в дела на Украине.

В ходе проведения в связи с этим военных акций османы усиливали экономическое и политическое давление на княжества. Как вассалы султана молдавский и валахский господа́ри должны были со своими отрядами участвовать в военных действиях на стороне османов. Порта ужесточила экономические требования к княжествам. Так, в связи с осадой Каменец-Подольской крепости в 1672 г. султан своим распоряжением обязал молдавского господаря Георге Дуку и господаря Валахии Григоре Гику поставлять для нужд осаждавшей крепость османской армии, дополнительно к харачу, провиант и фураж, обеспечить состояние дорог для их транспортировки, доставки необходимого снаряжения³⁶. Особенно тяжелым было положение Молдавии, территория которой использовалась османами для подготовки и проведения военных операций против соседней Речи Посполитой. Зачастую в ходе действий нарушались границы княжества, вследствие чего его жители страдали от разорений как со стороны польских войск, так и казаков, поддерживаемых Портой. В этой ситуации часть пропольски настроенных бояр³⁷ отказалась выполнять поручение султана об оказании помощи П. Дорошенко и выступила против верного османам господаря Георге Дуки. Восстание недовольного боярства возглавили М. Хынку и А. Дурак. Восставшие рассчитывали на помощь Польши и вступили в переговоры с королем, но потерпели поражение; многие участвовавшие в восстании бояре нашли убежище на территории Речи Посполитой³⁸. Султан сместил Георге Дуку с яского престола и утвердил господарем выдвинутого боярами Стефана Петричейку. На Молдавию была возложена обязанность снабжения завоеванной османами Каменец-Подольской крепости и отражения нападений с польской стороны.

Готовясь к возобновлению военных действий в связи с отказом Речи Посполитой выполнить условие Бучачского мира об уплате османам дани, Порта усилила контроль над Молдавией и Валахией и их господа́рями. В Стамбул были взяты заложники от княжеств. Командующий расположенными в Хотине османскими войсками Хусейн-паша приказал правителям обоих княжеств прибыть с отрядами для участия в защите крепости. В этих условиях в княжествах усилились антиосманские настроения. Молдавский господа́рь С. Петричейку, отражая интересы бояр пропольской ориентации, направил от себя, а также от имени валахского господа́ря Григоре Гики посла к польскому коронному гетману Яну Собескому с просьбой о помощи и с предложением объединить усилия для отпора османам³⁹. Польская армия готовилась к решительному сражению с султанскими войсками за Хотин, и гетман поддерживал тесные связи с господа́рями. Рассчитывая освободиться от османской власти с помощью Речи Посполитой, господа́ри княжеств 8 октября 1673 г. направили письмо королю с изложением условий признания ими польского сюзеренитета. Помимо обычных вассальных обязательств, господа́ри оговаривали свободу православного вероисповедания и соблюдения сословных интересов крупного боярства. На случай неудачи в войне с османами правители княжеств просили убежища на польской территории⁴⁰.

Узнав о подозрениях османов в его неверности султану, С. Петричейку с группой бояр и небольшим отрядом солдат бежал из лагеря Хусейн-паши,

присоединился к польской армии и в ее составе принял участие в сражении при Хотине (11 ноября 1673 г.), затем после возвращения в Яссы эмигрировал в Польшу. Валашский господарь Григоре Гика вернулся в лагерь османов. Султан назначил на яский престол Димитрия Кантакузино. Вытесняя польские войска, в Молдавии расположились татары⁴¹.

Усиление давления османов тяжело отражалось на жизни населения княжеств. По свидетельствам молдавских торговцев и киевских жителей, ездивших в 1673 г. в Молдавию, молдаване и валахи находятся «у турецкого салтана в великой неволе», обременены большими налогами и готовы выступить против османов как только придут к ним на помощь русские или польские войска⁴².

Под влиянием таких настроений С. Петричейку, вернувшийся на короткое время на молдавский престол, и бывший валашский господарь К. Шербан, не оставлявший надежды вернуть престол в Валахии, направили в декабре 1673 г. в Москву посла игумена Федора с просьбой о помощи в освобождении княжеств от османской зависимости и с поручением сообщить царю, что «они, господа, с Волосою и Мултянскою землями хотят быть у великого государя в подданстве»⁴³.

В условиях начавшегося противостояния османам для России имела важное значение заинтересованность правителей вассальных султану княжеств добиться освобождения с русской помощью и вступления в подданство царю. В ответной царской грамоте от 10 марта 1674 г., отправленной господарям с их послом Федором, высказывалась готовность русского правительства принять княжества под свое покровительство и предлагалось прислать посольство из верных бояр и духовных чинов со статьями об условиях, на которых можно было бы «о подданстве вашем договор учинить»⁴⁴.

Порта была обеспокоена ростом прорусских настроений в Молдавии и Валахии. На расспросе в Посольском приказе игумен Федор говорил, что султан строго приказал гетману П. Дорошенко не пропускать никого из поляков, молдаван и валахов в Москву⁴⁵. Но обращения княжеств к России продолжались. Распространению прорусских настроений в княжествах способствовало прибытие к Днепру русской армии под командованием князя Г. Ромодановского и ее успешные действия против войск султанского подданного гетмана П. Дорошенко, в ходе которых была занята значительная часть Правобережной Украины до Днестра. Происходившие в Приднепровье события вызывали у жителей княжеств надежды на то, что в случае возможной войны России с Османской империей они смогут, выступив на стороне русских, освободиться от власти Порты.

В августе 1674 г. валашские бояре, бежавшие на польские земли, бывший второй логофет Раду и великий капитан Петрашку через русского резидента в Варшаве В. Тяпкина направили русскому правительству статьи из 17 пунктов условий, на которых Валахия могла бы принять русский сюзеренитет. Главными среди них были освобождение княжества от власти султана, восстановление границ, существовавших до начала османских завоеваний, сохранение за боярством и духовенством всех сословных привилегий⁴⁶. Из содержания статей видно, что в них отражены интересы той части круп-

ного валашского боярства, которая, сменив пропольскую ориентацию на русскую, стремилась с помощью России освободиться от османской зависимости и укрепить свое влияние в княжестве⁴⁷.

В августе 1675 г. те же валашские бояре Раду и Петрашку прибыли в Москву с грамотами от бывших господарей – молдавского С. Петричейку и валашского К. Шербана. В своем послании от 15 июля оба правителя сообщали о получении царской грамоты от 10 марта 1674 г. и выражали сожаление, что не могли прислать своих верных людей с условиями признания русского сюзеренитета, так как татары и османы перерезали все пути, заняв Волынь и Подолию. Бывшие господа просили военной помощи и заверяли, что «как воинские люди придут, и в то время церковных чинов люди и бояре к вашему царскому величеству пойдут»⁴⁸.

Ответ русского правительства был уклончивым. В самой общей форме говорилось, что княжества всегда могут надеяться на помощь, а стремление вступить в русское подданство «для единые православные христианские веры содержать бы непреложно»⁴⁹. С. Петричейку и К. Шербан не были господами, а Порты усиливала давление на княжества и готовилась к войне с Россией. Посланцы Раду и Петрашку сообщали в Посольском приказе о намерении польского короля через крымского хана договориться с султаном. Сведения эти подтвердились. В 1676 г. в Журавне был заключен мирный договор Речи Посполитой с Османской империей. Россия не признавала условий договора и усиливала военные приготовления.

В 1676 г. начались военные действия, сосредоточившиеся в основном около важнейшего политического и стратегического центра Правобережной Украины – крепости Чигирин. После первой неудачи и отступления в 1677 г. султан стал концентрировать новые силы для решительного наступления на Украину. Нажим Порты на Дунайские княжества усилился. Молдавские и валашские отряды в составе османских войск должны были участвовать во всех операциях. Султан потребовал с княжеств дополнительные поставки продовольствия, скота и снаряжения для нужд своей армии⁵⁰. Военные приготовления османов легли тяжелым бременем на жителей княжеств, особенно Молдавии, ставшей базой снабжения османских войск.

В 1678 г. османы овладели крепостью Чигирин, но только после упорных боев им удалось оттеснить русские войска за Днепр. Начавшееся в 1678 г. антигабсбургское движение в Венгрии во главе с Имре Тёкёли заставляло султана корректировать приоритеты своей внешней политики. Прекращение внимания к центральноевропейскому направлению ставило перед Портой задачу установления мира с Россией. Посредничество в переговорах было поручено молдавскому господарю Георге Дуке. С предложением о своем посредничестве господарь направил весной 1679 г. в Москву посла Ивана Белевича⁵¹. Россия по причинам как внутреннего, так и внешнего порядка была готова к мирному исходу и приняла предложение молдавского господаря о посредничестве в русско-османских переговорах. В Крым и Стамбул отправилось русское посольство для подтверждения согласия на мирные переговоры. Осенью 1679 г. И. Белевич прибыл в Москву с сообщением о выдвинутых Портой условиях мира⁵². Молдавский госпо-

дарь Г. Дука всячески содействовал русско-турецким переговорам, помогал в пересылке писем и донесений из Стамбула в Москву и обратно, снабжал русских послов необходимой информацией, оказывал им всестороннюю поддержку при проездах через княжество⁵³.

Одновременно под давлением польски настроенных бояр Г. Дука вынужден был сохранять связи с польскими властями. Рассчитывая на продолжение войны с османами, часть крупного молдавского боярства ориентировалась на помощь Речи Посполитой. Направлявшиеся в 1680 г. окружением господаря посольства к королю с сообщениями об усилении османского гнета в Молдавии и Валахии и угрозе превращения их в пашалыки призваны были сформировать сочувственное отношение польских властей к положению княжеств⁵⁴.

В 1681 г. русско-османские переговоры завершились заключением Бахчисарайского мира. Порта сохранила за собой Правобережную Украину, где назначила гетманом Г. Дуку в награду за услуги в посредничестве во время переговоров. Установление мира на восточных границах позволяло османам, поддерживав Имре Тёкёли, активно вмешиваться в венгерские дела. Порта, таким образом, в конце XVII в. сосредоточила внимание на центральноевропейском направлении своей внешней политики.

¹ Заборовский Л.В. Канун и начало русско-польской войны и позиция государств Юго-Восточной Европы (50-е гг. XVII в.) // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975. С. 250–252.

² КДТ. С. 333–336.

³ РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1654 г. Д. 1. Л. 8–13; Искв. Т. 2. С. 241–242.

⁴ РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1654 г. Д. 2. Л. 2–7; см. также: Семенова Л.Е. Дунайские княжества в международном контексте в 50-е гг. XVII в. (по материалам РГАДА) // Русская и украинская дипломатия в Евразии: 50-е гг. XVII в. М., 2000. С. 115–131.

⁵ РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1654 г. Д. 2. Л. 10.

⁶ Costin M. Opere. Buc., 1958. P. 174–175; см. также: Nistor I. Contribuții la relațiunile dintre Moldova și Ucraina în veacul XVII-lea // Analele Academiei Române. Mem. sect.ist. Seria III. T.XIII. Buc., 1932–1933. P. 24.

⁷ Грушевський М.С. Історія України – Руси. Київ, 1931. Т. IX. Ч. 2.С. 1105–1109.

⁸ Demény Lidia, Demény L., Stoicescu N. Răscoala seimenilor sau răscoala populară? 1655. Țara Românească. Buc., 1968.

⁹ Demény Lidia. Relațiile seimenilor cu cazacii în timpul mișcării populare din 1655 în Țara Românească // Studii privind relațiile romîno-ruse. Buc., 1963. P. 6–7, 10–11.

¹⁰ DR. Vol. V/2. P.19–20.

¹¹ Ibid. Vol. IX/1. P. 72 – 73

¹² Искв.Т.2. С.270–271; 391–392, прим. 190.

¹³ Там же. С. 273–275.

¹⁴ Там же. С. 275.

¹⁵ РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. 1656 г. Д.1. Л. 1 – 3.

¹⁶ См.: Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М., 1987. С. 42–43.

- ¹⁷ Исв.Т.2. С.291–292; 394–395, прим. 202, 203.
- ¹⁸ АЮЗР. Т.3. С. 546 – 547. Об отношениях Дьердя II Ракоци с Б. Хмельницким см.: *Хаванова О.В.* Трансильвания в период русско-польско-украинского конфликта в 50-е гг. XVII в. // *Русская и украинская дипломатия...* С.133–149.
- ¹⁹ *Gemil T. Țările Române în contextul politic internațional (1621–1672).* Buc., 1979. P. 164–166.
- ²⁰ *Санин Г.А.* Отношения России... С. 202–206.
- ²¹ *Istoriile domnilor Țării Românești de Radu Popescu // Cronicari munteni. I.* Buc., 1961. P. 378; DR. Vol. V/2. P.39.
- ²² РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 2 –11; Исв. Т.2. С. 302–303.
- ²³ Исв. Т.2. С. 305–308; РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1658 г. Д. 3. Л. 12.
- ²⁴ *Documente privind la domnia lui Mihail Radu (Mihnea III), culese mai cu seamă din arhivele Veneției.* Publ. De Al. Ciorănescu. Vol.XIII. Buc., 1934 (Далее – DocCior). P. 34.
- ²⁵ *Costin M. Opere.* P.182–183.
- ²⁶ DocCior. P. 49, 52–53.
- ²⁷ *Ciorănescu Al. Domnia lui Mihnea III (Mihail Radu). 1658–1659.* // *Buletinul Comisiei istorice a României (1935).* Buc., 1936. P. 68.
- ²⁸ DocCior. P. 33–88.
- ²⁹ *Istoria Țării Românești. 1290–1680.* Ed. de *C. Grecescu, D. Simonescu.* Buc., 1960. (Далее – Let Cant). P. 131–134, 137–139.
- ³⁰ DocCior. P. 145–146. DR. Vol. IX/1. P.142–143.
- ³¹ РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1660 г. Д. 1. Л. 2 –12.
- ³² *Costin M. Opere.* P.189–192.
- ³³ LetCant. P. 141.
- ³⁴ *Panaitescu P. Pribegia lui Constantin Șerban și a lui Ștefan Petriceicu și testamentele lor // Analele Academiei Române. Mem. secț. ist. T. XXI.* Buc., 1939. P. 4–10.
- ³⁵ Исв. Т.2. С. 318–319, 321–322; 397–401, прим. 226–235; см. также: *Семенова Л.Е.* Русско-валашские отношения в конце XVII – начале XVIII в. М., 1969. С. 57–58.
- ³⁶ *Relațiile Țărilor Române cu Poarta Otomană în documente turcești. 1601–1712.* Ed. de T. Gemil. Buc., 1984. P. 337–341.
- ³⁷ Достаточно распространенные в Молдавии пропольские настроения в среде элиты основывались на родственных и традиционных связях молдавских бояр и польской шляхты. – *Iorga N. Relations entre boiars moldaves et nobles polonais // Bulletin de la Sect. hist.de l'Academie Romaine. IX (1921). Nr. 1–2.* P. 151.
- ³⁸ *Ion Neculce. Letopisețul Țării Moldovei.* Ed. de I.Iordan. Buc., 1955 (Далее – Neculce). P. 130–131; см. также: *Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XVI – начало XIX в).* Кишинев, 1987. С. 222–223; *Gemil T. Țările Române...* P. 208–209.
- ³⁹ *Moga I. Rivalitatea polono-austriacă și orientarea țărilor române la sfârșitul sec. XVII.* Cluj, 1933. P. 18.
- ⁴⁰ *Очерки внешнеполитической истории...* С. 224–225; *Советов П.В.* Типологические аспекты молдавского феодализма (в период турецкого ига и в проектах о вступлении в подданство России, Польши и Австрии) // *Карпато-Дунайские земли в средние века.* Кишинев, 1975. С. 143–146.
- ⁴¹ Neculce. P. 135–141.
- ⁴² АЮЗР. Т. XI. С. 277–278, 299.
- ⁴³ РГАДА. Ф. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1674 г. Д. 1. Л. 15а; грамоту господарей царю Алексею Михайловичу см.: Исв. Т. 3. С. 12–16; см также: *Семенова Л.Е.* Русско-валашские отношения ...С. 60–62.
- ⁴⁴ Исв. Т. 3. С. 16–19.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1674 г. Д.1. Л. 26.
- ⁴⁶ Исв. Т.3. С. 22–25; см. также: *Семенова Л.Е.* Русско-валашские отношения... С. 63–64.

⁴⁷ Семенова Л.Е. Русско-валашские отношения... С. 64.

⁴⁸ Иск. Т. 3. С. 28–30.

⁴⁹ Там же. С. 32–34.

⁵⁰ Neculce. P. 147–148; LetCant. P. 113–114; АЮЗР. Т. XIII. С. 448, 710–711.

⁵¹ Иск. Т. 3. С. 44–47; 345, прим. 17, 18.

⁵² Там же. С. 60–63; 349–350, прим. 32–33.

⁵³ Очерки внешнеполитической истории... С. 229.

⁵⁴ Moga I. Rivalitatea polono-austriacă ... P. 70; Очерки внешнеполитической истории... С. 228–229.

БАЛКАНСКИЕ НАРОДЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В 50–70-е гг. XVII в.

Во второй половине XVII в. в общественно-экономической жизни населения балканских владений Османской империи продолжились процессы, характерные для предыдущего периода. В аграрных отношениях усугублялись наметившиеся ранее перемены: шло разложение тимарной системы, военные лены все чаще становились наследственными или превращались в безусловные частные владения – чифтлики. Их хозяева, которыми обычно становились янычары, ростовщики и другие богатые турки, закабалили крестьян, переходили к более тяжелой для них барщинной системе хозяйства, прикрепляли к земле. Неуклонно сокращалось число феодалов-христиан, которые вытеснялись мусульманами.

В ходе почти непрерывных войн Порты с Венецией, Польшей, Австрией, Россией не было сделано сколько-нибудь значительных территориальных приобретений. Эти войны потребовали громадных расходов, непосильных для государства, и оказались далеко не столь успешными, как ранее, не приносили их участникам ожидаемой добычи. В результате круг недовольных, особенно среди военных, неуклонно расширялся.

Обнищанию сельского населения способствовало быстрое увеличение государственного налогообложения, в частности рост чрезвычайных налогов¹. Наиболее тяжелым был чрезвычайный налог сурсат, первоначально предназначенный для снабжения продовольствием армии, а затем ставший рядовым, распространившись на ранее освобожденные от него категории «привилегированной реайи» – дербенджиев, войнуков, маргалозов и других. В 1678 г. общая величина сурсата поднялась до 30 млн. реалов в связи с подготовкой к войне с Австрией².

Непосильное налоговое бремя заставляло крестьян бросать свое хозяйство, бежать в города, в отдаленные от проезжих дорог места, в горы, что вело к запустению земледельческих районов и большому распространению скотоводства. Проезжавшие через Белград, Ниш, Софию, Пловдив путешественники отмечали слабую заселенность этого основного пути, связывавшего центр империи османов с европейскими странами³.

Наблюдавшийся в первой половине XVII в. рост городов на Балканах, как крупных (например, Салоники, София, Белград, Сараево), так и мелких, постепенно прекратился. Снизились объемы городского ремесленного производства. Торговый обмен по транзитным путям уменьшался, а во время войн прерывался полностью. Ему мешало и пиратство в Восточном Средиземноморье, усилившееся в конце века.

Наблюдался заметный упадок горного дела, ранее достаточно развитого в разных районах Балканского полуострова ввиду потребности османского государства в металлах. Поверхностные залежи железа, серебра и других руд оказывались исчерпанными или требовали усовершенствования техники добычи, на что не было средств. Однако некоторые отрасли сельского хозяйства, продукция которых находила сбыт в европейских странах, развивались успешно, например хлопководство и табаководство в Македонии⁴.

Все эти особенности характеризовали общественно-экономическую ситуацию в большей части балканских владений Порты во второй половине XVII в., прежде всего в болгарских землях, расположенных наиболее близко к центру империи, в равнинных районах Сербии. Вместе с тем сохранялась специфика в положении отдельных областей и районов этого региона, различия в уровне их развития, системе управления, отношений с центральной властью и т.д. Эта специфика была особенно заметной на территориях, отдаленных от центра империи и особенно в высокогорных районах.

Очень разнородными по укладу жизни были греческие земли – острова Эгейского и Ионического морей, Пелопоннес (Морея) и континентальная Греция. Определенные преимущества для экономического прогресса имели некоторые острова и города, расположенные на морском побережье, на международных торговых путях, значительно опережавшие в своем развитии внутренние области Балканского полуострова благодаря внешней торговле, судоходству и судостроению. Во второй половине XVII в. греческие торговые дома основывались в Салониках, Дурресе, Дубровнике, Стамбуле. Греческие колонии, существовавшие в ряде больших городов Европы – в Москве, Лондоне, Женеве, Триесте и др., вели оживленную торговлю и становились зажиточными⁵.

В Стамбуле, где треть населения составляли греки, и находилась вселенская Константинопольская патриархия, формировался слой греческой аристократии, торговцев и ростовщиков. Это были так называемые фанариоты – жители квартала Фанар, находившегося вблизи патриархии. Благодаря ее поддержке, своему богатству, коммерческим и политическим связям с европейскими странами греки-фанариоты усиливали свое политическое влияние на Порту, занимали прочные позиции в самой патриархии, приобретая высокие и прибыльные посты в церковной иерархии. Во второй половине XVII в. образованные и политически активные греки стали назначаться на самые высокие должности в турецкой администрации. В 1669 г., при великом везире Ахмеди Кёпрюлю драгоманом (переводчиком) стал грек Панажиотики из Хиоса. Вскоре после этого аналогичный пост был создан при капудан-паше (командующем флотом) и его также занял грек. С этого времени представители нескольких знатных семейств фанариотов (Маврокорда-

то, Суццо, Мурузи, Ханджери и др.) стали получать высшие и очень доходные должности, например, капудан-паши Пелопоннеса. Они активно проникали в Дунайские княжества, где впоследствии стали назначаться господарями⁶. Вместе с тем греческое население Стамбула не было защищено от репрессий властей, злочинств мятежных янычар, от религиозного фанатизма мусульман.

Между тем в горных районах Греции, на некоторых островах сохранился очень отсталый, архаичный строй жизни. Турецкая власть была здесь почти номинальной (например, в Маинах, Химаре). Самоуправляющиеся общины находились в руках местной знати, пользовавшейся часто наследственными правами на эти должности. В высокогорных районах западной части Балкан (в Черногории, Герцеговине, Албании), где также существовали патриархальные военно-политические объединения (племена, фисы), султанская власть ограничивалась получением дани, часто собираемой с помощью военной силы.

Неповторимую специфику во второй половине XVII в. начал приобретать военно-политический строй Черногории, где заметно расширялось политическое влияние митрополитов, или владык. В условиях сепаратизма племен и неутихающей вражды между ними, высшие церковные иерархи стали сосредоточивать в своих руках не только духовную, но и светскую власть, выступали в роли объединителей страны и ее защитников. Этот процесс фактически определился к концу столетия, когда митрополитом стал выдающийся деятель Данила Шчипчевич из племени Негошей – основатель чернотгорской правящей династии Петровичей Негошей.

Боснийский эялет, издавна являвшийся бастионом на западных границах Османской империи и служивший базой для ее дальнейшей экспансии в страны Центральной Европы, во второй половине XVII в. продолжал сохранять свое привилегированное положение, располагая некоторыми правами автономии. В связи с частыми войнами там основывались новые капетании (округа, центрами которых являлись укрепленные города), воздвигались новые крепости. Преобладавшие среди феодалов мусульмане рассматривались как опора центральной власти, хотя в действительности часто выходили из ее подчинения. Боснийские бейлербеи вели самостоятельную политику, порой, вопреки воле Стамбула, затевали пограничные войны с Хорватией, нападали на венецианские владения в Далмации. Капетаны и ага, со своей стороны, мало считались с приказами бейлербеев. Недовольство населения злоупотреблениями властей и повышением налогов усиливалось, о чем свидетельствует серьезный бунт, поднявшийся в 1682 г. в Сараево, в котором участвовали крестьяне окрестных сел и горожане⁷.

* * *

Международная обстановка в центральной части Балканского полуострова в 60–70-е гг. XVII в. определялась все возрастающим противоборством Австрии, Польши и России с Османской империей, стремившейся не только закрепить свои владения за Дунаем и Савой, но и продвинуться еще дальше вглубь Центральной Европы. Однако при осуществлении столь смелых

экспансионистских планов османы встретили гораздо более активное противодействие, чем столетие назад. Во время войны с Австрией 1663–1664 гг. они потерпели серьезное поражение в битве при Сентготхарде. Успех, однако, не был использован Австрией для продолжения наступления и мир был заключен на достаточно невыгодных для Вены условиях. В Стамбуле угот мир рассматривался как передышка. Великий везир Ахмед Кёпрюлю находился в зените своей карьеры, а неполноценный султан Мехмед IV был фактически отстранен от государственных дел. Подготовка к новой войне велась Портой во второй половине 60-х гг. достаточно активно, в том числе в северной части Болгарии и Сербии, особенно в Белграде.

Вместе с тем великий везир проявил определенную дипломатичность и осторожность, стараясь не допустить преждевременного возникновения военного конфликта с Габсбургами. Так, например, после Вавшварского мира 1664 г. в Хорватии и Венгрии усилилось недовольство знати политикой Вены и результатами войны с Османской империей, что привело к возникновению так называемого заговора Зрини. Целью его предводителей было создание Венгеро-Хорватского королевства при поддержке извне. Несмотря на общую антитурецкую направленность деятельности Зрини и их приверженцев, они не исключали возможность осуществления своих задач с помощью Османской империи. Так, в 1669 г., когда Кандийская война закончилась, а перспектива начала новой австро-турецкой войны выросла, один из вождей заговора П. Зрини передал султану Мехмеду IV через своего посланца предложение о превращении Хорватии в вассальное от Порты княжество при условии назначения самого П. Зрини верховным главой Венгрии. Этот авантюристический замысел создания большого вассального султану княжества, подобного по статусу Трансильвании, был решительно отвергнут Ахмедом Кёпрюлю, не желавшим вмешиваться во внутренние дела империи Габсбургов⁸.

В 70-е гг. подготовка к войне с Австрией велась все более активно, особенно после прихода к власти в 1676 г. великого везира Кара Мустафы, выражавшего интересы наиболее воинственной группировки турецкой знати, жаждущей новых завоеваний. В 1671 г. в Стамбуле было решено усилить практическую подготовку к войне с Габсбургами, началу которой, однако, помешала война с Речью Посполитой, а затем с Россией. Отдалить военный конфликт стремилась и Вена, хотя неизбежность его и необходимость сплочения сил христианских государств ясно осознавались. Все предвещало возникновение в ближайшее время крупного военного столкновения, в котором должен был определиться перевес сил между Османской империей и ее противниками, остановлена или продолжена османская экспансия вглубь Европы.

В этих международных условиях развивались контакты политически активных деятелей южнославянских народов, преимущественно сербов и болгар, с европейскими государствами. Как и раньше, они происходили в русле церковных связей, которые все более явно приобретали политическую направленность.

Продолжавшаяся в 60–70-е гг. в Сербии, Болгарии и Македонии католическая пропаганда встречала, однако, нарастающее активное противодей-

ствие со стороны Порты, преследовавшей католических миссионеров. Войны с Венецией, Австрией, Польшей побуждали османов пресекать политические сношения своих подданных-христиан с европейскими государствами. Несмотря на это, перспектива принятия православными унии с Римом не отпала. К этому склонялись некоторые представители высшего духовенства и общественные деятели, стремившиеся к расширению связей с католическими государствами, от которых можно было рассчитывать получить помощь в ходе их войн с Турцией. Но не было и не могло быть уверенности в скорой и легкой победе этих стран, с трудом сплывавшихся и преодолевавших взаимные разногласия, над еще могущественной военно-феодальной империей османов⁹.

Неустойчивая международная обстановка, страх перед жестокими репрессиями – все это побуждало большинство церковных иерархов сохранять верноподданнические отношения с султаном, не подрывать его доверия к православной церкви, тем более, что нежелание народных масс менять религию было очевидным. Наиболее последовательно такой позиции придерживалась Константинопольская патриархия, которая осуществляла связи с европейскими государствами с большой осторожностью и осмотрительностью. К тому же католическим миссионерам трудно было развивать свою деятельность в турецкой столице, но гораздо легче в более отдаленной от нее части Балкан, там, где православные непосредственно соприкасались с католиками-славянами Далмации, Боснии, Хорватии, участвовали в военных операциях в ходе Кандийской войны.

Некоторые пещские патриархи и охридские архиепископы, пользуясь благоприятной внешнеполитической обстановкой в расчете на получение финансовой помощи Римской курии или удовлетворение личных амбиций, начинали переговоры о принятии унии. Так, например, в начале 60-х гг. переписку по этому поводу вел охридский архиепископ Атанасий, добивавшийся признания за ним титула патриарха, что, по-видимому, не встретило поддержки папы Александра VII. Однако существует и предположение, что соглашение об унии состоялось, но не имело практических последствий¹⁰.

В годы Кандийской войны создалась реальная перспектива перехода Черногории под власть или покровительство Венеции, к чему склонялась часть местных старейшин и духовенства. В связи с этим усилились сторонники принятия унии, среди которых был владыка Мордарий и его преемник Висарион, фактически находившийся на службе у Конгрегации по пропаганде веры и собиравшийся начать переговоры об унии. Но именно это вызвало противодействие черногорцев и подозрения Порты. В 1662 г. Висарион был изгнан из страны. Новый митрополит Рувим Болевич после окончания Кандийской войны активно противодействовал католической пропаганде¹¹.

События в Черногории являлись отзвуком борьбы в Печской патриархии, очень обширной и потому привлекавшей гораздо больший интерес Конгрегации по пропаганде веры, чем Охридская архиепископия. Хотя в 40–50-е гг. католические миссионеры действовали в сербских землях активно, а пещские патриархи вели переговоры об унии, их противники постепенно усиливались, считая более выгодным поддерживать верноподданнические отношения

с Портой. Патриарх Максим, избранный в 1656 г. при поддержке турок во время отсутствия в Сербии своего предшественника Гаврилы, являлся, по всей вероятности, виновником его казни¹².

В 60–80-е гг. сербские монахи по-прежнему ездили в Россию, богато там одаривались, получали «милостыню» своим монастырям, а вршачский митрополит Теодосий, долго остававшийся в Москве, после снятия сана с патриарха Никона был поставлен «местоблюстителем патриаршеского престола»¹³. Но сам печский патриарх Максим не поддерживал тесных отношений с Москвой, не вел каких-либо переговоров об унии и был осторожен в сношениях с католическими миссионерами. Он старался укрепить православие среди сербов, живших на север от Савы и Дуная, где вела активную католическую пропаганду Австрия, и приложил немало усилий, чтобы упорядочить внутренние дела патриархии, улучшить финансы церкви и монастырей, а платежи в пользу церкви заставлял собирать не только с православных, но и с католиков. Патриарх Арсений III Черноевич, официально вступивший в должность в 1680 г., но практически управлявший патриархией с 1674 г. из-за тяжелой болезни Максима, продолжал его политику. Однако позже международная обстановка в Юго-Восточной Европе вынудила Арсения резко изменить политический курс¹⁴.

В 60–80-е гг. XVII в. общественно-политическое положение в Болгарии, как и в Сербии, было неблагоприятным и неустойчивым. Недовольство населения усиливалось из-за налоговых тягот и злоупотреблений султанских властей. Все это создавало для некоторых представителей высшего католического духовенства Болгарии, преимущественно чипровчан, стимул для продолжения политических контактов с господарями Молдавии и Валахии, с Польшей, Венецией и Римом, в расчете склонить их объединиться и начать войну с Османской империей.

По-прежнему неустанно добивался осуществления такой задачи марцианопольский архиепископ чипровчанин Петр Парчевич¹⁵. В 1658 г. он был в Австрии и находился десять лет при венском дворе, где получил титул императорского советника и барона. Имея широкие связи в Австрии, Дунайских княжествах и Польше, Парчевич развивал активную деятельность, сумел склонить к принятию католичества валашского господаря Георгия Гику и собирался сопровождать его при поездке в Рим.

Между тем попавшая в катастрофическое положение в ходе войны с Османской империей Речь Посполитая, готовясь к реваншу, старалась привлечь к выступлению против Порты Молдавию, Валахию, балканские народы и, возможно, Венецию. Эту задачу попытался осуществить Парчевич. Получив письмо и полномочия для переговоров от молдавского и валашского господарей и от софийского католического архиепископа Петра Богдана, он в конце 1673 г. прибыл в Венецию. Там он был принят дожем, передал Сенату привезенные письма и свой «мемоар», в котором утверждалось, что «восточные народы в Сербии и Болгарии, во Фракии и Македонии» решили пожертвовать жизнью ради освобождения от тяжкого ярма султана и довели ему обратиться за помощью к христианским владетелям. Эти народы надеются получить помощь сухопутными и морскими силами от Венеции и

хотели бы после победы подчиниться ее власти, приняв католичество. Доказывалось, что изгнание османов из Европы создаст благоприятные условия для торговли по Черному и Эгейскому морям. Такими доводами Парчевич рассчитывал убедить Республику св. Марка начать новую войну с Османской империей. При этом он исходил из совершенно нереального предположения, что балканские народы, объединившись, первыми поднимутся на борьбу со своими угнетателями и возьмут на себя ее основную тяжесть.

Ответ венецианского Сената последовал немедленно. Но в нем выражалось лишь сочувствие балканским христианам и пожелание успеха в борьбе за освобождение от власти османов. Слабевшая, еще не оправившаяся от Кандийской войны Республика св. Марка не собиралась вступать в новый военный конфликт с Османской империей или поощрять восстание ее подданных.

Неудача не остановила Парчевича, который вплоть до своей смерти в 1674 г. объезжал итальянских владетелей, пытаясь заинтересовать их своими замыслами, встречался с папой римским Клементом X. Он убеждал всех, что Османская империя слаба, что покоренные ею христианские народы готовы подняться на борьбу за освобождение и ждут только помощи европейских стран, что изгнание османов из балканского региона приведет к распространению там католицизма.

Все эти авантюристические замыслы Парчевича вряд ли отражали планы трезво мыслящих болгарских политиков или попросту остались им неизвестными. Но международная обстановка в Юго-Восточной и Центральной Европе в 60–70-е гг. свидетельствовала о приближении решительного противоборства между жаждавшей новых завоеваний империей османов и ее противниками. Поэтому перспектива получения помощи от европейских государств, воюющих с Портой, представлялась реальной, что и оказало значительное влияние на замыслы руководителей антиосманских выступлений болгар в 80-е гг. XVII в.

В то время как католик-болгарин в надежде получить помощь в освободительной борьбе балканских народов обращал свои взоры на Запад, хорват Юрий Крижанич не только выдвигал уже не новую идею славянской общности, этнической и языковой, но даже предпринимал попытки убедить русского царя Алексея Михайловича, что именно Россия должна возглавить борьбу с немцами и османами, освободить и объединить всех славян, а православная церковь заключить ради этого унию с Римом.

Идеи и деятельность Крижанича были многообразными, сложными и противоречивыми. Он далеко опередил свое время, но не был известен современникам. Историки «открыли» его лишь в XIX в. Ему посвящено немало исследований русских и хорватских авторов, неодинаково оценивавших эту своеобразную личность¹⁶.

Не касаясь взглядов Крижанича в целом, обратим внимание на идею, высказанную им в ряде произведений о необходимости церковной унии славян-православных и славян-католиков как пути к их духовному и культурному единению и прогрессу. Такие мысли Крижанич выражал еще в молодые годы, а затем в ряде своих произведений, написанных в 1659–1676 гг., когда он находился в России сначала на государственной службе, а затем

(с 1661 г.) в сибирской ссылке. Тогда Крижанич не выступал в роли католического миссионера и был сослан отнюдь не за эту деятельность, но в ряде обращений к Алексею Михайловичу он доказывал, что России необходимо расширять свои границы не на запад, а на юг, выйти к Черному морю, ибо именно это соответствует ее экономическим и политическим интересам. Пока Россия не в состоянии «пособить» освобождению южных славян, но это произойдет в дальнейшем в результате побед в войнах с Турцией, в которых примут участие «задунайские славяне», «сербы и босняки». Если же православные славяне станут католиками и будет заключена русско-польская династическая уния, то все славянские народы, став едиными не только по языку, но и по религии, объединятся под властью русского царя¹⁷.

Так догмат о мессианской роли России на Западе как единственной великой православной державы, получивший распространение в XVII в., заменялся догматом о России как освободительнице и объединительнице всех славян, а не только православных. Подобная идея, конечно, не могла получить отклика в Москве, но убеждения Крижанича в необходимости продвижения России на юг к Черному морю, активизации борьбы с Османской империей полностью совпадали с задачами российской внешней политики второй половины XVII в.

* * *

На положение в Далмации, Боснии, Черногории, Албании в 60–70-е гг. оказала большое влияние Кандийская война (1645–1669 гг.). Как известно¹⁸, ослабевшая, неподготовленная к активным военным действиям Венецианская республика не имела достаточного войска и средств для содержания наемников. В военных действиях на балканском фронте она использовала главным образом силы местного населения и тех групп христиан, которые издавна вели партизанскую войну против османов или просто занимались разбоем. Это были ускоки, когда-то бежавшие из турецких владений и осевшие на Адриатическом побережье, преимущественно в далматинском городке Сень, хайдуки, жители Боки Которской, некоторые племена Черногории и Герцеговины. Порта же привлекала на свою сторону мусульман, особенно из Боснии и Албании, используя их для поддержки своей армии.

После победы венецианского флота в битве у Дарданелл в 1656 г. война велась вяло, без крупных сражений, которые могли бы обеспечить победу одной из сторон. Докатившаяся из Стамбула до Далмации чума вызвала там большие людские потери, разруху и голод. Военные действия фактически на несколько лет прекратились. В 1658 г. боснийский бейлербей, начавший наступление на Задар, даже не смог до него дойти. Хайдуки и ускоки, оставшись без средств к существованию, выйдя из подчинения командованию, действовали самостоятельно, занимались грабежами, нападали на мирное население. Процветали работорговля и заложничество. Между сторонами происходили лишь мелкие стычки. Начавшаяся в 1663 г. австро-турецкая война заставила Порту пойти на мирные переговоры с Венецией. Но османы не хотели отказаться от своей цели – завоевания Крита. Лишь после того, как войска султана под командованием великого везира Ахмеда Кёп-

рюлю в 1669 г. овладели главным городом острова – Кандией, мирный договор был заключен¹⁹.

В условиях венецианско-турецкой войны Дубровник – главный центр судостроения и судоходства на восточном побережье Адриатики – усилил свою роль в торговых связях внутренних областей Балканского полуострова с европейскими странами. Но в 1667 г. в этой процветающей, вассальной от Османской империи республике произошло сильнейшее землетрясение, почти полностью разрушившее город, приведшее к гибели значительной части его жителей и временному безвластию. Хотя о несчастье, постигшем дубровчан, в Стамбуле было известно, Порта потребовала уплаты своим вассалом значительно увеличенной дани. Лишь путем сложных дипломатических переговоров и уступок величину платежа удалось несколько снизить. Однако Дубровник так и не смог в последующие годы полностью оправиться и восстановить свои позиции в сухопутной и морской торговле балканских владений Османской империи. Этому мешала все возрастающая конкуренция с Венецией, французским и английским капиталом, неблагоприятная для торговли ситуация в Юго-Восточной Европе²⁰.

Кандийская война вызвала серьезное экономическое неблагополучие в западной части Балканского полуострова. Торговля с венецианскими портами почти прекратилась, что привело к росту цен на некоторые товары, вывозившиеся из Османской империи. Нападения на купцов хайдуков и ускоков, разбой на дорогах, пиратство, продолжавшееся и после окончания войны, превратили торговый обмен в бассейне Адриатики в рискованное дело.

С самого начала войны Венеция всеми способами старалась вызвать антиосманские выступления подданных султана, привлечь к военным действиям племена Черногории, Герцеговины, жителей Боки Которской, для которых участие в войне означало начало более широкого, чем ранее, движения, имевшего ясную цель – освобождение от османской власти и переход в состав христианского государства или под его покровительство. Но эта перспектива исчезла вместе с поражением Венеции в войне с Портой. Должна была неминусом последовать расплата для населения, оставшегося под властью султана, что вынудило многих участников войны бежать во владения Венеции и Австрии.

Миграционные процессы в Боснии и Герцеговине, Черногории усилились еще в годы Кандийской войны. В далматинские владения Венеции переселялись в первую очередь католики, которых турки подвергали жестоким преследованиям. В результате в Боснии стало меньше католиков и увеличился процент мусульман. Происходил отток на Адриатическое побережье жителей Черногории, которые организовывали отряды и воевали с османами. После окончания войны репрессии и месть Порты неверным подданным привели к усилению эмиграции населения из районов, близких к границам с Венецией и Австрией. Все это усилило там мусульманский элемент и в перспективе привело к росту религиозного антагонизма в Боснии и Герцеговине, Черногории.

Начавшаяся в XVII в. исламизация Албании, где до этого подавляющее большинство составляли христиане (как православные, так и католики), во

второй половине века усилилась в результате экономического давления турецких властей. Она захватила главным образом северную часть Албании, примыкающую к югославянским землям. Для Порты это облегчало возможность использования воинственных албанцев-мусульман в войнах и при подавлении восстаний христианского населения¹.

Сохраненные Венецией владения в Далмации, вновь приобретенный ею город Клис и окрестности наиболее крупного торгового центра Сплита остались не защищенными от османских нападений. Границу охраняли в основном оставшиеся не у дел отряды ускоков и хайдуков, хотя часть их Республика вынудила переселиться в Истрию. Власть Порты была восстановлена в приморских общинах Грбаль, Маина, Побори². Территория полусвободной от власти султана Черногории охватывала теперь лишь высокогорные районы, отрезанные от внешнего мира, а на более плодородных низменных землях укрепили свою власть османы. Они пытались привести к покорности всю Черногорию. Так, в 1681 г. румелийский бейлербей предпринял карательный поход в Черногорию и Албанию, но не достиг успеха. В конце века усилилась исламизация и черногорцев, что вызвало активный отпор духовенства и впоследствии (в начале XVIII в.) привело к массовому истреблению и выселению потурченцев.

Таким образом, к началу 80-х гг. обстановка на Балканах была сложной. Она обострялась усилением противостояния между не отказавшейся от экспансии в Центральную и Восточную Европу, а также в Средиземноморье Османской империей и европейскими странами – империей Габсбургов, Речью Посполитой, Венецией и отчасти Россией. Враждующие стороны вели активную подготовку к большой войне, ставшей неизбежной. В то же время ухудшение общественно-экономического положения подвластных султану народов и рост их недовольства создавали перспективу использования освободительной борьбы христианских подданных Порты в предстоящей войне, театром которой должен был стать и Балканский регион.

¹ *Орешкова С. Ф.* Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990. С. 249.

² *Станојевић Г.* Србија у време бечког рата. 1683–1699. Београд, 1976. С. 24–28.

³ *Костић В.* Културне везе између југословенских земаља и Енглеске до 1770 године. Београд, 1972. С. 342.

⁴ *Историја народа Југославије.* Књ.2. Београд, 1960. С. 577.

⁵ *Woodhouse С. М.* The Story of Modern Greece. London, 1968. S. 116.

⁶ *Ibid.* S. 116–117; *Svoronos W.* Histoire de la Grèce moderne. Paris, 1972. P. 21.

⁷ *Историја народа Југославије.* Књ.2. С. 546, 558 – 561.

⁸ Там же. С. 696–697.

⁹ *Радонић Ј.* Римска курија и јужнословенске земље од XVI до XIX века. Београд, 1950. С. 215–357.

¹⁰ Там же. С. 254–258.

¹¹ Там же. С. 302–320; *Историја народа Југославије.* Књ.2. С. 515–526.

- ¹² *Димитријевић С.* Одношаји пећких патриарха с Русијом у XVII в. // Глас Српске Краљевске Академије. Књ. LVIII (37). Београд, 1990. С. 271; *Слијепчевић Ђ.* Историја српске православне цркве. Књ. I. Београд, 1962. С. 332–339.
- ¹³ *Кантерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI – XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 278–293; *Димитријевић С.* Одношаји... С. 271–273.
- ¹⁴ *Слијепчевић Ђ.* Историја српске православне цркве. Књ. 1. С. 336–339; Историја народа Југославије. Књ. 2. С. 533–535.
- ¹⁵ О деятельности Петра Парчевича в 60–70-е гг. см.: *Милев Н.* Католишката пропаганда в България през XVII в. София, 1914. С. 83, 178 — 180 и др; *Дуйчев Ив.* Политическата дейност на Петър Парчевич за освобождение от турско владичество // Българско-румински връзки и отношения. София, 1965; История на България. Т.4. София, 1983. С. 218–220.
- ¹⁶ О трудах, посвященных Ю. Крижаничу, и оценках его взглядов и деятельности см.: *Enciklopedija Jugoslavije.* Sv. 5. Zagreb, 1962: *Križanić J.* S. 416–418.
- ¹⁷ *Брикнер А.* Юрий Крижанич о восточном вопросе // Древняя и новая Россия. М., 1976. Т.3. Вып.12. С. 385–396; *Jagić V.* Život i rad J. Križanića. Zagreb, 1917; *Пичета В.И.* Юрий Крижанич и его отношение к Русскому государству (1618–1683 гг.) // Славянский сборник. М., 1947; *Гольдберг А.Л.* «Идея славянского единства» в сочинениях Крижанича // Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР. 1963. № 19; *Флоря Б.Н.* Юрий Крижанич о внешней политике русского государства // *Jugoslovenska Akademija znanosti i umjetnosti. Zbornik radova, II. dio Radovi o životu i diela J. Križanica.* Sv. 4. Zagreb, 1986. S. 83–108.
- ¹⁸ См.: *Достян И.С.* Балканские народы и международные отношения в Юго-Восточной Европе (до 60-х гг. XVII в.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч.1. М., 1998. С. 261–262.
- ¹⁹ *Станојевић Г.* Југословенске земље у млетачко-турским ратовима XVI – XVIII в. Београд, 1970. С. 198–300.
- ²⁰ *Фрејденберг М.М.* Дубровник и Османская империя. М., 1984. С. 211–255.
- ²¹ *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. М., 1965. С. 42 – 44.
- ²² *Станојевић Г.* Југословенске земље... С. 281–283; Он же. Црна Гора у доба Кандијског рата // Историјски гласник. 1953. № 12.

ПОХОД КАРА МУСТАФЫ НА ВЕНУ. ЕГО МЕСТО В ОСМАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СУДЕБ ИМПЕРИИ

Во второй половине XVII в. происходят значительные изменения во внешнеполитической ориентации Османской империи. Прежде всего они касались отношений с Францией. Франция со времен Франциска I и Сулеймана Великолепного имела особые позиции при султанском дворе, первая из западноевропейских держав получила от Порты торговые льготы, считалась ее другом. В то же время еще в 1663–1664 гг. во время австрийского похода Фазыл Ахмед-паши и на Крите в период Кандийской войны (1645–1669) османское командование не раз получало известия, что на стороне их противников выступают какие-то французские отряды. В султанском окружении явно начали появляться антифранцузские настроения. Французский посол Нуантель был уже во время своей первой аудиенции подвергнут унижениям и затем до самого конца своего пребывания в Стамбуле (1679 г.) ни разу не был приглашен к султанскому двору¹. Были трудности и у французских купцов². И хотя в 1669 г. из Стамбула к версальскому двору был послан специальный посол Сулейман-ага, но он своим неумным и спесивым поведением не сумел исправить положение. Правда, его миссия оставила след в истории европейской культуры и европейских представлениях о турках. Считается, что именно это турецкое посольство было увековечено Мольером в его комедии «Мещанин во дворянстве» (1690). Есть предположение также, что именно ему Франция обязана началом ввоза кофе³. Все это, однако, не способствовало улучшению политических отношений между Османской империей и Францией. Этим в значительной мере объясняется передача заботы о гробе Господнем греческому духовенству (1676) и то предпочтение, которое Порта начинает явно оказывать европейским протестантам.

Вместе с тем в османской элите продолжал жить большой интерес к Франции и ее культуре, о чем неоднократно сообщали и Нуантель, и сменивший его Гийераг⁴. Турецкий автор Х. Хезарфен, широко общавшийся с французскими дипломатами, говорил о своем желании в будущей жизни быть французом, что для мусульманина более раннего периода было бы невысказанным⁵. Известно, что и для французской дипломатии интерес к Османской империи был тогда официально поощряем руководителем внешней политики Франции Ж.Б. Кольбером. Именно в это время французским посольством в Стамбуле были собраны многочисленные восточные рукописи, составляющие в настоящее время основу богатейшей восточной коллекции французских архивов. Из стажеров посольства вышли известные французские востоковеды⁶. Донесения французских дипломатов, имевших

многочисленных информаторов из среды османского общества и европейского дипломатического корпуса в Стамбуле, свидетельствуют о том, что в отличие от своих предшественников Кара Мустафа, занявший главный везирский пост в 1676 г., восхищался Францией и в международных делах придавал значение прежде всего ее позиции. Французские дипломаты сообщали о неоднократных запросах везира в их посольство о военных планах Франции. В апреле и мае 1683 г. везир, уже двинувшийся в австрийский поход, но, очевидно, все еще неуверенный в поведении Франции, обещал послу, что если Людовик XIV не окажет помощи «венскому королю» и везир не встретит в Австрии французских войск, помогающих его противникам, то посольский конфликт, начавшийся при Нуантеле, будет урегулирован. Французская сторона заверила Кара Мустафу, что только новое нападение на Речь Посполитую может вызвать антитурецкое выступление Франции. Известно, что Людовик XIV в инструкции послу поручал, правда, лишь от себя лично и якобы неофициально, сообщить везиру, что король не будет противиться взятию Вены османами.

Следовательно, несмотря на напряжение в турецко-французских отношениях, дипломатия Парижа явно сыграла свою роль в повороте османской экспансии в сторону Центральной Европы⁷. Однако не это явилось главным в таком решении. Отмечавшееся в работах турецких военных историков якобы двигавшее Кара Мустафой желание сократить трудную с точки зрения обороны границу с Габсбургами⁸, также имело место, но и оно не стало решающим для столь коренного поворота в османской внешней политике. Главное же состояло в том, что приведя в относительный порядок управленческую и социальную структуры своего государства, везиры Кёпрюлю снова попытались вернуться к традиционной политике завоеваний, тем более, что, как уже отмечалось, в стране было множество деклассированных элементов, всей практикой османской социальной политики настроенных на продолжение войн и требовавших новых земель для своего тимарного испомещения. Стремясь удовлетворить их желания и явно разочаровавшись в выгодах украинских приобретений, Порты снова обратила внимание на Центральную Европу.

Еще посольство Кара Мехмед-паши, ездившее в Вену в 1665 г. для ратификации двадцатилетнего мира, заключенного в Вашваре, составило подробное описание венских оборонительных сооружений, что, очевидно, могло явиться в будущем основой для разработки планов военной операции⁹. Находившийся в свите этого посольства знаменитый турецкий путешественник Эвлия Челеби тогда же составил литературное описание Вены, в котором, восхищаясь городом, выражал пожелание, чтобы это «Золотое яблоко» (по-турецки Кызыл эльма – «Красное яблоко») как можно скорее упало в руки мусульманских газии¹⁰.

Эта легенда глубоко вошла в турецкий фольклор, хотя уже хронист Печчеви (начало XVII в.) констатировал, что происхождение этого выражения неизвестно¹¹. «Красным яблоком» называли некое легендарное место, которое должно было стать конечной точкой и целью османской экспансии. Его связывали с Константинополем, Римом и, наконец, с Веной¹². При вступле-

нии султанов на трон существовала церемония опоясывания их мечом пророка и встречи с янычарами. Одаривая янычар золотом, падишах по традиции говорил: «Встретимся в Кызыл эльма», т.е. как бы обещал, что скоро поведет их на новые завоевания¹³.

В XVI в. Вена стала той последней точкой, куда дошла османская экспансия при Сулеймане Великолепном. Осада ее в 1529 г. оказалась неудачной. Тем не менее великий везир Ибрахим-паша и после этого (в частности, в 1532 г.) подчеркивал превосходство османского султана над всеми остальными монархами, говоря, что подобно тому как на небе один бог на земле должен быть один император¹⁴. Проблема признания за Австрийскими Габсбургами титула императоров Священной Римской империи на протяжении всей истории османо-австрийских отношений стояла очень остро. Еще при Мехмеди II султаны начали именовать себя Кайсер-и Рум, т.е. буквально «императорами [восточно] римской империи»¹⁵, и, хотя, как установил польский исследователь З. Абрахамович, этот титул использовался канцелярией Порты главным образом в документах, написанных на латыни или итальянском языке, понятие это глубоко укоренилось в сознании османских правителей. Потому-то они и не соглашались признать за Габсбургами титул императора Священной Римской империи германской нации и вплоть до начала 1606 г. (до Житворокского мирного договора) именовали их лишь королями Вены (Беч кыралы)¹⁶. Показательно, что перед походом Кара Мустафы османские власти снова стали именовать Леопольда I лишь королем Вены, а не императором¹⁷.

Попытка австрийской стороны возобновить мирный договор с Османской империей, предпринятая в феврале 1682 г.¹⁸, была заранее обречена на неудачу. Для переговоров с посольством Леопольда I султан назначил янычарского агу Мустафу-пашу, одного из главных сторонников новой войны и реванша за Сентготхард. И хотя, по свидетельству французского посла Гийерага, условия мира, предложенные австрийцами, были вполне разумными¹⁹, турецкая сторона потребовала большего. Русский гонец А. Васильев, прибывший в Стамбул несколько позже, услышал от султанских приближенных такую версию этих переговоров: турецкие дипломаты потребовали, чтобы «цесарь для того миру уступил со своей стороны в сторону салтанова величества два города, и те де послы тех городов уступить не похотели». Тогда везир стал убеждать султана, что мир заключать не стоит, а следует, чтобы султан «позволил ему, везиру, итить на него, цесаря, войною, а он не только что те два города, но и саму столицу цесарскую возьмет»²⁰.

Решение о походе на Вену было принято на заседании султанского дивана в августе 1682 г. По свидетельству главного переводчика Порты Александра Маврокордата (Шкарлата), последнее слово в принятии решения принадлежало лично султану²¹. Инициаторами похода выступили великий везир Кара Мустафа и реис уль-кюттаб (т.е. человек, отвечающий за внешние сношения империи) Лаз Мустафа-эфенди. Оба они были казнены султаном после неудачи похода²². Все турецкие источники подчеркивают, что план новой войны возник в связи с просьбой венгерских повстанцев о помощи против Габсбургов²³. Уже летом 1682 г. благодаря помощи османов повстан-

цы расширили занятую ими первоначально территорию, а их руководителю И. Тёкёли, которого турецкие источники ранее называли «королем куруцев»²⁴, был выдан султанский диплом, именовавший его теперь «королем» Венгрии. И. Тёкёли становился подданным Порты с обязательством уплаты 40 тыс. форинтов ежегодной дани. Документ этот был вручен ему в сентябре 1682 г. сразу после захвата крепости Фюлек²⁵. Комментируя выгоды от сотрудничества с И. Тёкёли, реис уль-кютаб рисовал великому везиру перспективы будущего устройства в этом районе Европы: «Когда после завоевания всей страны и захвата крепости Пожонь возложите на его [Тёкёли] голову хранящуюся там корону, возьмет он под свое владычество семь королей и станет покорным Вашим подданным, крепко держащим руку Вашу, цепким оком Вашим и Вашим семиглавым драконом. Вы же будете наслаждаться наивысшим блаженством». По словам турецкого чиновника, после прихода к Вене, султанские войска пройдут «весь Френгистан» и «рассчитаются» с Венецией²⁶. Опубликовавший эти материалы З. Абрахамович предлагает свои пояснения к этим планам. Прежде всего они касаются некоторых географических ориентиров, используемых в османских источниках. Понятием Френгистан (страна френгов или франков) обозначалась Западная Европа. Однако для Франции, например, обычно использовалось особое название – Франса. Следовательно, очевидно, что речь здесь шла, прежде всего, о землях Германской империи и Италии. Особо подчеркивалось желание наказать Венецию, так как воспоминания о Кандийской войне были еще свежи, происходили пограничные конфликты в Далмации и время от времени недоразумения с венецианскими купцами в Османской империи.

Полностью принимая эти уточнения, в то же время с некоторым сомнением мы относимся к пояснениям польского ученого в отношении границ предполагаемого «королевства» И. Тёкёли. В тексте говорится, что он возьмет под свою власть семь королей. З. Абрахамович напоминает, что «семь королей» – это известное турецкое определение курфюрстов империи, а потому получается, что государство И. Тёкёли как бы становится наследником империи Габсбургов²⁷. Думается, однако, что планы Кара Мустафы в отношении И. Тёкёли не шли так далеко, и возможно, что речь здесь шла о власти над Трансильванией – Семиградьем. Тогда логично, что под власть князя куруцев как вассала-данника Османской империи предполагалось передать эти венгерские земли. Что же касается венгерской короны, хранившейся в Пожони (Братиславе), то она неоднократно упоминалась во многих османских хрониках и была связана с легендой о том, что якобы принадлежала когда-то Александру Македонскому, затем правителю Персии Ануширвану (Хосров I Энуширван, 531 – 576). Отсюда ее почетность, но в то же время и намек, что, если символ венгерского королевства происходил от Александра Великого и персов, то и само королевство должно подчиняться султану, так как именно он, по османской трактовке, является наследником власти Александра Македонского²⁸.

Общий вывод З. Абрахамовича в отношении планов Кара Мустафы по переделке мира таков: «Картина, с одной стороны, поразительно наивная, отражающая отсутствие ориентации в характере отношений и расстановке сил



Великий везир Кара Мустафа

в Европе, а с другой стороны, характерная и типичная для турок конца XVII века. Она пронизана нестигаемой верой османов... в собственные силы, и нежеланием считаться с противником»²⁹. После Вены такие настроения исчезают. Не случайно Наима (1655–1716), ставший официальным хронистом после венского разгрома, предостерегал от чрезмерного самомнения и высокомерия, подчеркивал, что неприятеля нельзя считать бедным и слабым³⁰.

Итак, от княжества во главе с И. Тёкёли Кара Мустафа надеялся получить дань, которая бы значительно пополняла казну, другие же венгерские и австрийские земли должны были дать новое пополнение для тимарной системы. Существовали также надежды на захват огромных богатств в самой Вене³¹.

Османская армия, возглавлявшаяся самим султаном Мехмедом IV, выступила из Эдирне (Адрианополь) в марте 1683 г. Султанским указом было объявлено, что начался поход на Венгрию, какие-либо иные планы войны не афишировались. Двор Мехмеда IV расположился в Белграде, где султан объявил сераскером (командующим) похода великого везира Кара Мустафу. Теперь он во главе армии уже без султанского сопровождения продолжал двигаться вглубь венгерских территорий. Лишь после встречи с И. Тёкёли и присоединения к основным османским армейским силам войска татарского хана, воинских контингентов Молдавии, Валахии, Трансильвании, возглавляемых их князьями, отрядов пограничных бейлербеев и комендантов крепостей состоялся военный совет в Раабе, где было принято решение идти на Вену (7 июня 1683 г.). Осада австрийской столицы продолжалась с 4 (14) июля до 2 (12) сентября 1683 г. Закончилась она, как известно, сокрушительным разгромом османов, решающую роль в котором сыграли неожиданно для турецкого командования подошедшие к Вене армии польского короля Я. Собеского и австрийского императора³².

После этого разгрома в османских придворных кругах начались поиски виноватых и казни. Вначале сам великий везир Кара Мустафа, отступив к Буде, казнил четырех пашей и 16 их приближенных, а также сместил крымского хана. Затем султан казнил самого везира, реис уль-кюттаба, везирского кетхуду и башдефтердара (ответчающего за казну и финансы). Обвинения были выдвинуты также против переводчика дивана Александра Шкарлата (Маврокордато). Однако в отношении последнего ограничились значительным денежным штрафом. После этих событий он еще свыше 20 лет занимал свою должность³³. Главным виновником поражения объявили Кара Мустафу. Казнь его сделали показательной, голову везира выставили в Стамбуле на всеобщее обозрение, его личное имущество конфисковали. Но знаменательно, что принадлежащая везиру недвижимость позже была снова возвращена его детям³⁴. Известно, что некоторые государственные деятели того времени просили султана о снисхождении к Кара Мустафе, так как лишь он, по их мнению, способен вывести страну из тех трудностей, которые на нее обрушились³⁵.

Сама фигура Кара Мустафы очень показательна для своего времени. Он был сыном сипахи из Мерзифона, погибшего в 1639 г. во время похода на Багдад. Будущий везир воспитывался в семье Мехмеда Кёпрюлю, рос вместе с его сыном Ахмедом-пашой, который впоследствии стал также великим везиром, женился на его сестре. В период везирства своего тестя служил при нем, являлся телхисджи, т.е. составителем докладов везира султану и, следовательно, прошел определенную чиновничью выучку. При Мехмеде Кёпрюлю правительственный аппарат Османской империи был отделен от дворца и дворцовых служб, для него было сооружено даже специальное здание. Новая везирская резиденция, находившаяся за пределами султанского дворцового комплекса Топкапы, и стала называться Баб-и Али, что на Руси обычно передается выражением Высокая Порта (название пришло через фр.яз. – La Sublime Porte, что буквально передает турецкое название этого учреждения). Этот чиновничий аппарат центральной

имперской администрации являлся главной опорой Кёпрюлю во всех их начинаниях³⁶. Он стал к тому времени более независимым от султанского семейства и дворцовых слуг и более профессиональным. Кара Мустафа в нем как бы соединял несоединимое: тимариот по происхождению (как отмечалось выше, чиновники-капыкулу не допускали эту категорию османского общества к центральному управлению) и в то же время выученик одного из преуспевающих семейств капыкулу. Это было новым явлением в османской жизни конца XVII в. К этому времени уже перестала использоваться практика девширме. Капыкулу все больше и больше начинают ощущать себя членами османского общества, сближаются с другими группами господствующего класса империи. Кара Мустафа после службы в центральном аппарате Порты стал бейлербеем вначале Силистры, затем Диярбакыра, служил в османском флоте. Вместе с Фазыл Ахмедом участвовал во всех его военных мероприятиях.

Итак, к своим 49 годам Кара Мустафа – опытный чиновник и воин. И хотя источники отмечают его грубость, мстительность и т.п., он был неплохим администратором, ревностно исполнявшим свои обязанности³⁷. Причина неудачи под Веной крылась не в нем, а в нереальности тех целей, которых хотела добиться Порты. Конечно, были значительные просчеты и у самого Кара Мустафы. Его армия бездействовала во время двухмесячной осады Вены. Везир не хотел идти на штурм, боясь, что город будет разграблен, как это случилось в свое время с Константинополем. Венскими же богатствами он надеялся поправить пошатнувшееся финансовое положение страны и, возможно, свое личное. Известно, что он вымогал значительные суммы у иностранных купцов и посольств, чем вошел в историю³⁸. Перед походом он вынужден был затратить на дорогостоящие шатры для участвовавшего в походе султана³⁹, который, кстати, только что закончил строительство нового дворца в Бешикташе на Босфоре, что также потребовало значительных затрат⁴⁰. Жалование армии перед походом было выдано, но на традиционный бакшиш от великого везира перед началом осады денег не хватило⁴¹. Все это свидетельствовало о финансовых затруднениях везира, побуждавших его оберегать возможную военную добычу от посягательства на нее собственных воинов. В то же время он не препятствовал грабежам окрестностей Вены и торговле пленными, так как и продавцы, и покупатели при такой торговле платили определенные отчисления в казну. Первенствовали же в захвате пленных, как и вообще в грабежах, как сообщают все турецкие источники, крымские татары. Именно трофеи и пленные сделали ханское войско наиболее уязвимым в период отступления от Вены⁴².

Сосредоточив все внимание на Вене, везир оставил без внимания как собственные тылы, так и возможных союзников осажденных. Так, ехавший в июле 1683 г. к султану русский гонец А. Васильев отмечал в своем Статейном списке, что в пограничных областях «воровство и разбой великое». Бороться с ними некому, так как все правители со своими войсками ушли к Вене. Административная неразбериха привела к тому, что российскую посольскую миссию, нарушив все традиции посольских пересылок, отправили

ли от молдавской границы к султану тем путем, которым послы никогда не ездили. И вот в прифронтовой полосе иностранная миссия самостоятельно и беспрепятственно добиралась до Белграда. Лишь в Исарчике, находящемся на расстоянии одного дня пути от Белграда, власти спохватились и стали выяснять, не являются ли А. Васильев и его спутники шпионами, так как в Белграде прошел слух, будто бы русский царь и польский король послали свои войска на помощь австрийской столице. В отношении России эти слухи оказались ложными, и русский гонец сумел снять с себя обвинения и проехать в ставку султана⁴³. Что же касается Речи Посполитой, то ее турецкое командование явно недооценивало. Кара Мустафу неоднократно предупреждали о возможном выступлении поляков, в частности, об этом лично самому везиру говорил вали Буды Ибрахим-паша и крымский хан⁴⁴. Турецкое командование должно было насторожить и то, что в Варшаве был задержан специальный представитель Порты, прибывший в марте 1683 г. с требованием пропустить через польскую территорию татар⁴⁵. Однако все эти предупреждения были напрасными. Кара Мустафа опасался лишь французов. Не обнаружив в Австрии враждебных ему французских войск, он успокоился и не допускал даже мысли, что возможны какие-то иные комбинации совместных выступлений его противников.

3. Абрахамович считает, что «принимая протекторат над И. Тёкёли и начав войну с империей, Кара Мустафа попал ... в тонкие, но сильные сети французской политики»⁴⁶. Нам представляется, однако, что неудача великого везира была связана не столько с французскими интригами (хотя их поощрение политики Кара Мустафы, как уже отмечалось, имело место), сколько с его собственными просчетами и, главное, самой сутью его политики. Придя к власти в трудный для страны период, когда его предшественники уже расходовали тот потенциал, который был накоплен в результате их карательных-административных мероприятий, Кара Мустафа продолжал по инерции следовать политике экспансионизма и связанных с ней надежд. Не случайно, даже А. Васильев отмечает, что в войске Кара Мустафы было несколько тысяч вольных людей, которые «на убитых янычар и спах писались»⁴⁷. Это была та масса деклассированного воинства, которая надеялась получить тимары и толкала страну к новым территориальным захватам. Другого направления завоеваний, позволившего бы осуществить эти надежды, османские правители не видели. Непокойная и разоренная Украина в этом плане их не интересовала. Но изменилась обстановка в Европе, освободившейся к этому времени от многих войн и конфликтов и готовой к решительной борьбе с османской экспансией.

Поход на Вену был обставлен всеми мусульманскими ритуалами войны с неверными: были сделаны заявления о причинении зла мусульманам на венгеро-австрийской границе, получена фетва шейх уль-ислама, одобряющая предстоящую войну. Перед осадой к населению Вены было сделано обращение, призывающее его принять ислам⁴⁸. Поражение в этих условиях стало для османского общества особенно впечатляющим.

После этого началась тяжелейшая для Османской империи шестнадцатилетняя война с коалицией европейских держав, странами Священной лиги,

в которой противниками османов явились Австрия, Речь Посполитая, Венеция и позднее Россия. Военные действия велись на четырех фронтах, находившихся на значительном отдалении от основной базы османского государства – Анатолии, где в это время начался новый этап восстаний, более разорительных для страны, чем даже восстания «джезали» 1596–1609 гг. Как и тогда, основную массу восставших составляли деклассированные элементы, выходцы из крестьянской среды, бывшие наемные воины отрядов местных пашей и т.п. Многих из них правительство пыталось отправить на войну со Священной лигой, но эта война не была у них популярной. Она не сулила им тимарных пожалований и происходила на далеких имперских окраинах, которые после войн Фазыла Ахмед-паши и Кара Мустафы утратили для неустроенного анатолийского населения какой-либо интерес. Наблюдалось массовое дезертирство, снова появились отряды «левендов», ищущих своих предводителей. И если раньше этими предводителями становились зачастую паши (бейлербеи, санджакбеи), связанные с правительственным аппаратом, надеявшиеся в него вернуться, а потому в определенной степени чуждые основной массе восставших, то теперь вожди вырастали из самой гущи анатолийских мятежников. Не случайно эти восстания в Анатолии получили название тюреди ис'янлары, т.е. мятежи выскочек. В правительственных кругах такие люди действительно воспринимались как некие выскочки, грубые турки (кара тюрк), мужланы, требовавшие своего места в управленческих структурах⁴⁹.

В середине XVII в. можно было говорить об определенной оторванности османского правительства от общества. Власти фактически потеряли тимарную систему, пытались ее восстановить, но по сути дела лишь декларировали это, не имея возможности претворить свои обещания в жизнь. Для основной массы населения правительство осталось лишь фискальным органом, военно-полицейскими мерами пытавшимся обеспечить выполнение этой своей функции, но оно явно не справлялось ни с функцией социального регулирования, ни даже поддержания порядка. Для государства, в котором основными принципами на протяжении XV–XVI вв. были централизация управления и строгая регламентация социально-экономических отношений, такое положение стало катастрофой. Общество снизу начинает предлагать свою форму организации власти на местах и выдвигает из своей среды новую управленческую знать – аянов. Мятежи «выскочек» заставляют и правительственные круги искать для себя новую опору в лице наиболее богатых и влиятельных представителей местного мусульманского населения. Их-то и называли аянами. Это были откупщики налогов, зажиточные горожане, авторитетные улемы, т.е. все те, кто сосредоточил в своих руках значительные денежные богатства, земли и прочую недвижимость. Они имели определенный публичный авторитет, особенно усилившийся после того, как государство ослабило свой контроль за кадийской системой. Кадии стали получать арпальки, земельные кормления в тех районах, где они выполняли свои кадийские обязанности, и были поставлены в подчинение бейлербеев, т.е. их попытались превратить из государственных надсмотрщиков за действиями провинциальных властей, в лиц, им подчиненных, местных чиновников, и в лучшем случае в религиоз-

ных советников при вали-паше⁵⁰. В этих условиях кадии также обращаются к наиболее влиятельным лицам местных мусульманских общин, желая обеспечить себе место в новой администрации и избавиться от произвола пашей. Новые местные власти нанимают и свои отряды солдат. Именно в конце XVII в. роль растущей снизу управленческой структуры становится особенно заметной, так как после разгрома под Веной правительство было явно неспособным пресечь сепаратизм провинциальных наместников и подавить растущую волну социального протеста низов, принявшего форму разбойничества. Тюреди (выскочки) же попытались стать в стране третьей силой, с которой, как и с аянами (местной знатью), вначале правительство пыталось заигрывать. Наиболее авторитетным предводителем тюреди был Эген Осман Белюкбаши, его отряды являлись главной действующей силой в период свержения в 1687 г. султана Мехмеда IV, который после разгрома 1683 г. совсем отошел от государственных дел. Даже в мечетях стали читать проповеди, обвинявшие султана в том, что в трудное для страны время он не думает ни о чем, кроме гаремных утех и охоты⁵¹.

Последней каплей, переполнившей терпение армии и приведшей к свержению султана, было известие о падении Буды (осень 1686 г.). Новым султаном стал Сулейман II (1687–1691). Эген Осман-паша был назначен румелийским бейлербеем. Под его руководством войско анатолийских повстанцев превратилось в одно из подразделений османской армии, сам он стал верховным главнокомандующим. Но такое его назначение с самого начала было обречено на неудачу. Анатолийский «выскочка» не имел опыта руководства огромной армией, состоявшей из очень разнородных подразделений, в том числе и профессиональных отрядов капыкулу. Против командующего шла внутренняя борьба в армии. Поражение османских войск под Белградом (сентябрь 1688 г.) явилось закономерным результатом этих внутренних интриг. Османским командованием была сделана попытка заключить мир со своими противниками, однако она не удалась.

В армии и правительстве продолжалась борьба против Эгена Осман-паши. Главную роль в ней играл крымский хан Селим-Гирей. Мероприятием, позволившим ослабить вождя тюреди, явилось объявление султаном «всеобщего ополчения» (нефер-и ат) в Анатолии, в которое были включены и отряды Эгена, потерявшие свою самостоятельность. Самого пашу султанским указом сместили с должности и назначили командующим в Каменец. Осман-паша не принял этого назначения, после чего он и его сторонники были физически уничтожены.

Празднуя победу над ненавистным «выскочкой», султанское окружение объявило о новом походе в Венгрию, который возглавил сам султан. Османская армия выступила из Эдирне в июне 1689 г., однако так и не дошла до театра военных действий. Поступило известие о тяжелом поражении в районе Ниша, породившее попытку нового армейского мятежа. Мятеж не удался, но падишах с позором вернулся в Эдирне. Как сообщают хроники, народ во время этого возвращения обращался к султану: «Наш падишах, ты выставил нас против врага, куда же ты уходишь?». В этих условиях на пост великого везира опять был призван представитель семейства Кёпрюлю Фазыл Мустафа-паша.

Новый везир в 1690 г. начал успешный поход, в результате которого были заняты Ниш и Белград. Затем, однако, снова начались неудачи. Мустафа-паша погиб в сражении у Саланкамена. Вскоре умер и Сулейман II. Далее один за другим меняются везиры, а в феврале 1695 г. скончался и следующий султан Ахмед II. Новый султан Мустафа XII (1695–1703), при котором завершилась война со Священной лигой, пытался лично командовать армией и организовать сопротивление противнику на всех четырех фронтах. Сил, однако, явно не хватало. Сказывалась техническая отсталость в вооружении армии, финансовое банкротство страны, организационная неразбериха в армейских структурах⁵².

Мир в Карловаце (1699 г.) был подписан везиром Амджа-заде Хусейн-пашой, также происходившим из семьи Кёпрюлю. По условиям сепаратных договоров, заключенных Османской империей отдельно с каждым из ее противников, Порты потеряла значительные территории: к Австрии отошли Восточная Венгрия, Трансильвания и почти вся Словакия, к Речи Посполитой – Правобережная Украина с Подолией, к Венеции – Морея, ряд островов Архипелага и крепости Далмации. За Россией по мирному договору 1700 г., заключенному в Стамбуле, остался Азов с прилегающими к нему землями.

Завершение войны 1684–1699 гг. знаменовало начало нового этапа в османской истории, который выражался не только остановкой экспансии в Европе, но и значительными переменами во внутренней жизни страны. Кончился век, конец которого, по выражению турецкого историка И. Ортайлы, окутан «аурой трагедии»⁵³. Официально оформляется начало «периода аянов», теперь вали в эялеты и санджаки назначались не из людей двора, а из местной знати⁵⁴. Создавались комиссии: в центре в составе шейх уль-ислама, двух кадиаскеров и накиб ул-эшрафа, т.е. духовных лиц, которые были призваны упорядочить соотношение между различными налоговыми сборами, а на местах – из представителей горожан и крестьян, определявшие нормы налогообложения. Снова как при первых Кёпрюлю делались попытки внести четкость в тот жуткий беспорядок в системе землевладения, который констатируется всеми источниками после 1684–1699 гг. Сокращалась армия, состоявшая на султанском жалованьи, и те части провинциальных войск, силами которых фактически велась война после 1686 г. Формировалась новая страна, страна административной децентрализации⁵⁵.

В дворцовые школы, где раньше обучались рабы девширме, теперь стали набираться «неотесанные» турки из Анатолии. Формировалась новая знать с новыми вкусами и даже новым языком, в котором было больше турецких слов и терминов и сокращалось использование персидских и арабских⁵⁶. В архитектуре складывался стиль османского барокко, свидетельствующий о явном европейском влиянии. Любопытно, что в конце XVII в. элементы европейской культуры и техники проникали главным образом через Трансильванию и Венгрию. С потерей же этих территорий, как отмечают турецкие исследователи, европейское влияние ослабевает⁵⁷. И хотя некоторые европейские новшества в культурной жизни – винном деле и даже кухне и одежде – продолжали проникать в османскую среду под влиянием мно-

гочисленных венгерских эмигрантов, появившихся в Стамбуле в XVIII в., они стали восприниматься как нечто внешнее и вынужденное. Османская империя явно упускала шанс начать новую страницу своей истории.

- ¹ См.: *Vandal A.* L'odyssée d'un ambassadeur. Les voyages du marquis de Nointel (1670–1680). Paris, 1900. P. 57 – 89, 229; *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches. T. 6. Pest, 1830. S. 338–339.
- ² *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches. T. 6. S. 216 – 219.
- ³ См. об этом: *Abrahamowicz Z.* Tło polityczne i ekonomiczne wyprawy wiedeńskiej Kara Mustafy // *Kwartalnik Historyczni.* W., 1983. 90/1. S. 24.
- ⁴ *Mantran R.* Monsieur de Guilleragues, ambassadeur de France à Constantinople et le commerce français du Levant // *Varia Turcica.* III. Istanbul – Paris, 1986. P. 59 – 72.
- ⁵ См.: *Wurm H.* Der osmanische Historiker Hüseyin b. Ga'fer, genannt Hezarfenn und die Istanbuler Gesellschaft in der zweiten Hälfte der 17. Jahrhundert. Freiburg im Breisgau, 1971. S. 122–149; *Орешкова С.Ф.* Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // *Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура.* М., 1990. С. 235–236.
- ⁶ *Omont H.* Missions archéologiques Françaises én Orient au XVII-e et XVIII-e siècles. T. 1. P., 1902. P. 27; *Jouyet C.P.* Mémoires historiques et littéraires sur le college Royal de France. T.3. P., 1758.
- ⁷ *Abrahamowicz Z.* Tło polityczne ... S.24–26 (там же дана хорошая подборка выдержек из донесений французских дипломатов тех лет); *André L.* Louis XIV et l'Europa. P., 1950. P. 200.
- ⁸ *Necati S.* Die zweite Belagerung Viens im Jahre 1683. // *Militärwissenschaftliche Mitteilungen.* Bd. 64. Wien, 1933. S. 686.
- ⁹ *Im Reiche des Goldenen Apfels.* Des türkische Weltenbummlers Evliya Çelebi denkwürdige Reise in das Gi Laurenland und in die Stadt und Festung Wien anno 1665. Übersetzt, eingeleitet und erklärt von Richard F.Kreutel. Graz – Wien – Köln, 1957. S. 282.
- ¹⁰ *Ibid.* S. 61.
- ¹¹ Об этом см., например: *Фодор П.* Идеологические обоснования османских завоеваний (XIV–XVI вв.) // *Османская империя: проблема внешней политики и отношений с Россией.* М., 1996. С. 28–30.
- ¹² *Silahdar tarihi.* T 1. Istanbul, 1334 (араб.). S. 28.
- ¹³ *Ibid.* S. 30; *Hammer J.* Geschichte... Bd. 3. Pest, 1828. S. 475.
- ¹⁴ *Inalcik H.* The Turkish impact on the development of modern Europe // *The Ottoman State and its place in world history.* Leiden, 1974. S. 52; *Hammer J.* Geschichte... Bd. 3. S. 120.
- ¹⁵ Подробно эта проблема проанализирована польским ученым З.Абрахамовичем. См.: *Abrahamowicz Z.* Sultan turecki jako cesarz rzymski (kajser-i Rum) // *Sprawozdania z posiedzen komisji naukowych PAN.* Oddz. w Krakowie. T. XV. 1971. Вып. 1. S. 409–410; idem. Tło polityczne ... S. 33–34.
- ¹⁶ *Hammer J.* Geschichte... Bd. 4. Pest, 1829. S. 394, 462; *Fekete L.* Türkische Schriften aus de Archive des Palatin Nilolaus Eszterhazy. 1606–1645. Вр., 1932. S. 3–4, 203; *Köhbach M.* Cesar oder imperator? – Zur Titulatur der römischen Keiser durch die Osmanen nach dem Vertrag von Zsitvatorok (1606). // *Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes.* 82. 1992. S. 223–234.
- ¹⁷ *Abrahamowicz Z.* Tło polityczne ...
- ¹⁸ *Hammer J.* Geschichte... Bd. 6. S. 380–383.
- ¹⁹ См.: *Abrahamowicz Z.* Tło polityczne ... S. 42–45.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 24. 1682 июль–13 августа 1684. Л. 97–97 об.

- ²¹ *Leitsch W.* Warum wollte Kara Mustafa Wien erobern? // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. N.F. T. 29. Wien, 1981. N 4. S.487.
- ²² Silahdar. S. 85.
- ²³ Подборку материалов об этих обращениях см.: *Kara Mustafa pod Wiedniem. Źródła muzulmańskie do dziejów wyprawy wiedeńskiej 1683 roku*. Kraków, 1973. S. 86, 241, 269.
- ²⁴ *Tarih-i Raşid*. T. 1. Istanbul, 1153 (араб.). S. 97.
- ²⁵ См.: *Hammer J.* *Geschichte...* T. 6. S. 371–378, 731–732.
- ²⁶ *Kara Mustafa pod Wiedniem*. S. 85, 86, 301.
- ²⁷ *Abrahamowicz Z.* *Tło polityczne ...* S. 46–48.
- ²⁸ *Фодор П.* Идеологическое обоснование османских завоеваний... С. 31.
- ²⁹ *Abrahamowicz Z.* *Tło polityczne ...* S. 46.
- ³⁰ *Naima tarihi*. Istanbul. 1281 (араб.). S. 343.
- ³¹ Silahdar. S. 86.
- ³² См.: *Hammer J.* *Geschichte...* Bd. 6. S. 383–416; *Uzunçarşılı J.H.* *Osmanlı tarihi*. T. 3/1. Ankara, 1951. S. 444–469; *Павлицев Н.И.* Венский поход Собеского. СПб., 1876 и др.
- ³³ См.: *Camariano N.* *Alexandre Mavrocordato le grand dragoman. Son activité diplomatique 1673 –1709*. Thessalonique, 1970.
- ³⁴ *Aktepe M.* *Merzifonlu Kara Mustafa Paşa. Islam Ansiklopedisi*. T. VII. Ankara, 1960. S. 738.
- ³⁵ *Uzunçarşılı J.H.* *Osmanlı tarihi*. T. 3/2. S. 420–423.
- ³⁶ *Inalcik H.* *The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600*. L., 1963.
- ³⁷ *Uzunçarşılı J.H.* *Osmanlı tarihi*. T. 3/2. S.420–423.
- ³⁸ См.: *Теплов В.* Представители европейских держав в прежнем Константинополе. Исторический очерк. СПб., 1890; *Spuler B.* *Die Europäische Diplomatie in Konstantinopel bis zum Frieden von Belgrad (1739)*// *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der slaven. Zeitschrift des Osteuropa Instituts*. Breslau. 1935. Bd. XI. H. III/IV.
- ³⁹ *Fekete L.* *Die siyaqat schrift in der türkischen Verwalтуug. Beitrag zur türkischer Paläographie*. Вр., 1955. S. 769 – 787.
- ⁴⁰ Silahdar tarihi. S. 632.
- ⁴¹ *Kara Mustafa pod Wiedniem*. S. 252, 257.
- ⁴² Ibid. S. 168, 170, 252, 313. См.: также: *Abrahamowicz Z.* *Tło polityczne ...* S.48.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 24. Л. 76–139 об.
- ⁴⁴ Silahdar. S. 97 – 98.
- ⁴⁵ *Abrahamowicz Z.* *Tło polityczne ...* S.44.
- ⁴⁶ Ibid. S. 43.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 24. Л. 128.
- ⁴⁸ *Kara Mustafa pod Wiedniem*. S. 29 – 30, 58, 59, 328 – 329.
- ⁴⁹ *Akdag M.* *Genel çizgilerile XVII yüzyıl Türkiye tarihi*// *Tarich araştırmalar dergisi*. Ankara, 1968. T. IV. № 6–7. S. 233 – 235.
- ⁵⁰ Ibid. S. 215–231.
- ⁵¹ Silahdar tarihi. S. 241.
- ⁵² Ibid. S. 296–518.
- ⁵³ *Ortaylı I.* *The Ottoman Empire at XVII-th century*// *Ortaylı J.* *Studies on Ottoman transformation*. Istanbul, 1994. P. 180.
- ⁵⁴ *Akdag M.* *Genel çizgilerile XVII yüzyıl Türkiye tarihi...* S. 246.
- ⁵⁵ Ibid. S. 244 – 245.
- ⁵⁶ *Levend F.S.* *Türk Dilinde Gelişme ve Sadeleşme Safhaları Türk Dil kurumu*. Ankara, 1949. S. 94 – 95.
- ⁵⁷ *Ortaylı I.* *The Ottoman Empire at XVII-th century...* P. 185–186.

ОТНОШЕНИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ, ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ (80–90-е гг. XVII в.)

АВСТРИЙСКИЕ ГАБСБУРГИ В ВОЙНЕ С ОСМАНАМИ В 1683–1699 гг. (ОТ ОСАДЫ ВЕНЫ ДО КАРЛОВАЦКОГО МИРА)

Заключение Бахчисарайского мира (13 июня 1681 г.) открывало, наконец, перед Османской империей дорогу к войне против императора Леопольда I. Ближайшая цель виделась Стамбулу в полном и окончательном завоевании Венгрии, что развернуло бы перед османами перспективы дальнейшей экспансии в Европу¹.

Бросая новый вызов Габсбургам, Порты исходила из привычных стереотипов в представлениях о своем давнем и главном противнике и его поведении. Вена вела себя вяло и нерешительно перед лицом османской агрессии из-за страха попасть в ловушку войны на два фронта, расставляемую ее врагами, в первую очередь Францией. Чтобы не потерять позиции в Западной Европе, император был готов купить мир с султаном ценой больших уступок, причем даже тогда, когда военная удача благоволила к нему, как это было после разгрома османской армии у Сентготхарда в августе 1664 г. У Стамбула имелись основания не верить в христианскую солидарность, будто бы готовую объединить Европу против общего врага. Противники императора не жалели сил для того, чтобы в тылу у Габсбургов в Венгрии инспирировать внутренние конфликты и таким образом поддерживать в правящей династии сомнения относительно целесообразности войны с султаном. Растянность оборонительного рубежа на границах с османскими владениями – более 1000 километров от берегов Далмации до предгорий Карпат – распыляла военные силы Габсбургов и сдерживала их инициативу. Направление удара и стратегические цели выбирали османы. В течение многих десятилетий Габсбурги были обречены на оборонительную войну в Венгрии. Немалую роль в такой ситуации играло и то, что в европейском обществе еще не был до конца изжит страх перед турками. Несмотря на то, что их уже не раз побеждали в крупных сражениях, сохранялось представление о турках как о какой-то сверхъестественной силе, с которой можно справиться только с божьей помощью². Все это распалало воинственность стамбульской правящей верхушки и питало ее уверенность в превосходстве военной машины Османской империи.

Возможно, новая война в Венгрии между германским императором и султаном, подготовка к которой началась в Стамбуле с 1681 г., развивалась бы по правилам военного искусства того времени вообще и по обычному сценарию войн с османами в частности. Так могло бы случиться, если бы театр военных действий лимитировался Венгрией. Габсбурги были бы готовы поступиться ею ради возможности сконцентрировать свои силы на борьбе с Францией, если бы были уверены, что султан удовлетворится взятием Венгрии. Как мы уже видели, и другие европейские государства хотя и болезненно реагировали на новые завоевания османов в Венгрии, не спешили ей на помощь, несмотря на постоянные призывы, звучавшие из Вены и Рима. Но в 1683 г. Мехмед IV простер свои планы, по крайней мере, до Вены, крах которой означал бы обвал всей европейской политической системы, причем не только из-за угрозы дальнейшей османской экспансии. В новых условиях международных отношений в Европе окончательно нарушился бы баланс сил. Европейское равновесие, установленное Вестфальским миром и с трудом поддерживаемое в последующие 30 лет, рухнуло бы под давлением французских притязаний на европейскую гегемонию, а также агрессии Франции по отношению к соседним странам.

Случилось так, что разгром армии султана под Веной стал поворотным моментом в войне с Османской империей. В первую очередь, это касается количества представленных в военных кампаниях 80–90-х гг. XVII в. стран и народов. Не только непосредственно затронутые угрозой османской экспансии, но и удаленные от возможных полей сражений европейские государства объединились, на деле показав, что Европа уже существует как сообщество. Австрийские Габсбурги (а в составе их владений Австрия, Венгрия, Хорватия, Чехия, Моравия, Силезия и др.), Рим, Речь Посполитая, Венеция, Россия, германские княжества (Бавария, Саксония, Бранденбург и др.), некоторые итальянские княжества включились в войну с «естественным врагом христианства». Многочисленные добровольцы прибывали из стран, официально не примкнувших к антиосманской коалиции (Франции, Англии, Швеции, Голландии, Дании, Италии, Испании и т.д.). Ничего подобного не было во второй половине XVI в., когда османы захватили «добрый кусок» Венгрии и неоднократно угрожали Вене.

Во-вторых, в войне 1683–1699 гг., наконец, в полную силу проявились результаты тех процессов, которые происходили в европейском обществе на протяжении XVII в. Организация управления в абсолютистских государствах предусматривала максимальную концентрацию власти в центре, который принимал решения и контролировал их выполнение. Постоянная, хорошо обученная, строящаяся на строгой дисциплине армия, заботы о которой ложились на плечи государства, почти полностью вытеснила феодальное ополчение. В финансовых вопросах центральная власть стремилась, по мере возможности, обойти сословия, которые продолжали вотиловать налоги. Она старалась покрыть огромные государственные расходы, в том числе на войны, за счет разнообразных, нетрадиционных источников финансирования³. Благодаря всему этому в последние десятилетия XVII в. серьезные изменения произошли и в способе ведения войны.

Специалисты по истории военного искусства сравнивают войны эпохи барокко с правилами шахматной игры, правда, с живыми фигурами и риском смертельного исхода⁴. В войнах этого времени ставились ограниченные цели. Расчет делался не на полное поражение и уничтожение противника, а на его максимальное ослабление. «Война в эпоху барокко являлась по сути скорее хорошо просчитанной кабинетной войной; предприятием, нацеленным скорее на предотвращение сражения, чем на его проведение; искусством спланированной игры для того, чтобы приобрести выгодные стратегические позиции, чтобы поставить под угрозу линии коммуникаций противника, чтобы овладевать крепостями и чтобы с как можно меньшими потерями заставить противника сдать определенный район и, наконец, принудить его к миру»⁵. При технических и финансовых возможностях той эпохи военные кампании длились с мая по октябрь. Осенью войска возвращались домой. Тем временем полководцы разрабатывали планы предстоящих операций.

Со второй половины XVII в. полководцы постепенно начинают выходить из тесных рамок устаревшей военной науки. Так, поход Миклоша Зрини в январе 1663 г. в глубокий тыл противника к важнейшей переправе через Дунай у Эсека явился полной неожиданностью не только для турецких военачальников, но и для европейских военных. Своей инициативой Зрини переворачивал сложившиеся представления о способе ведения военных действий. Он настаивал на том, что османов можно победить, но для этого надо проявлять максимальную активность, наступать, а не обороняться. С концепцией наступательной войны выступил и другой выдающийся полководец XVII в. Раймондо Монтекукколи, состоявший на военной службе у Габсбургов. Он также знал восточного противника императора не понаслышке. Опыт Монтекукколи, обобщенный им в трудах по теории военного искусства, был воспринят следующим поколением военачальников – как раз тех, кто сражался в Венгрии и на Балканах в последние десятилетия XVII в. Среди них выделяются Карл Лотарингский, Людвиг Баденский, Макс Эммануил Баварский, Евгений Савойский, Рюдигер Штаремберг и другие.

Переход к наступательной войне стал возможен благодаря совокупности многих факторов. Развитие военной техники повысило боеспособность войск. Так, на вооружении пехоты императорской армии в 1666 г. появилось кремневое ружье, которое постепенно стало вытеснять фитильное, так как было проще и надежней в употреблении⁶. Массовое применение в пехотных войсках нашла и ручная граната, использовавшаяся уже в Кандийской войне как христианами, так и мусульманами. В императорских войсках она появилась в 70-е гг. XVII в. В каждом полку имелось специальное подразделение гранатометчиков – солдат, отличавшихся высоким ростом и силой⁷. Распространение штыка в пехоте в XVII в. позволило решить проблему одновременного использования огнестрельного и колющего оружия⁸. Соотношение пикейщиков и стрелков в пехоте резко изменилось в пользу последних. Огромное значение получило минирование, ставшее неотъемлемым элементом, а подчас и залогом успеха осады крепостей. Минированием занимались специально обученные солдаты, входившие отдельными подразделениями в состав пехотных войск. Осада Кандии и в этом отношении яви-

лась хорошей школой и для европейских, и для османских армий. Против кавалерийских атак пехота помимо прочего использовала рогатину, которая могла служить преградой для конницы, а также опорой при стрельбе из ружья для пехотинца. Особо широкое применение этот вид оружия нашел в войнах с османами, во время которых важнейшую роль играла как раз легкая кавалерия.

Артиллерия во второй половине XVII в. стала мобильней. Ее значение существенно повысилось как при осаде крепостей, так и в открытом сражении. В эпоху освободительных войн крепости еще сохраняли значение форпостов в системе обороны, хотя они все больше уступали место полевым военным операциям⁹. В ходе военных действий крепости нередко сдавались без штурма, в результате одного артиллерийского обстрела¹⁰. Широкое использование артиллерии, в том числе осадной, привело к глубоким изменениям в фортификационном деле. Появилась новая система осадных укреплений (флешы, редуты, реданы, шанцы, блиндажи, бастионы и т.п.), предназначенных как для укрытия пехоты при обстреле, так и для артиллерийского обстрела укреплений противника. Осада любой крепости начиналась с рытья всевозможных рвов и окопов: осаждающие укрывались в них от обстрела, по ним пробирались под вражеские стены, чтобы заложить взрывные устройства, шли на приступ. Против осажденной крепости возводилась настоящая «контр-крепость». В самих укрепленных городах строительство гражданских и военных объектов подчинялось новым требованиям фортификации¹¹.

Для военных операций и сражений конца XVII в. стала характерной бóльшая согласованность в действиях основных родов войск: пехоты, кавалерии и артиллерии, чему помогала дисциплинированность войск, строго подчиняющихся приказам командования. В австро-турецких войнах противники достаточно хорошо изучили друг друга и эффективно действовали в соответствии с этим знанием. Так, излюбленной тактикой османов был неожиданный ввод в бой конницы сипахиев, которая должна была ошеломить противника внезапным нападением, а затем быстро отступить. Враг бросался вслед за сипахиями и попадал в засаду, где его ждали янычары. Раймондо Монтекуколи опасался не столько стремительных атак сипахиев, сколько многочисленности противника. Учитывая численное превосходство противника, он разработал тактику, в соответствии с которой натиску кавалерии сипахиев следовало противопоставлять эшелонированную в 4 ряда, плотно поставленную пехоту, защищаемую системой ограждений из рогатин и поддерживаемую сквозным огнем артиллерии. Против янычар должна была действовать тяжелая кавалерия. Подобная тактика позволяла эффективно действовать против превосходящих сил противника с армией численностью в 50 тыс. человек¹².

Чрезмерная растянутость границы, как уже отмечалось, затрудняла для христианских армий, сражавшихся с османами, переход к стратегии наступательной войны. Однако и в этом вопросе войны с османами последних десятилетий XVII в. внесли важные изменения по сравнению с предшествующей эпохой. В качестве важной стратегической цели перед войсками ста-

вилось овладение рубежом по линии рек Дуная и Дравы, а с 90-х гг. также и Савы, и укрепление на нем. Это облегчало коммуникации, передвижение войск, их обеспечение. Рубеж служил плацдармом для дальнейшего наступления. Владея им, можно было держать под контролем важнейшие переправы через эти реки и таким образом затруднять проход противника в глубь страны. В соответствии с этой стратегией большинство боевых операций войны 1683–1699 гг. строились так, что в каждой из них комбинировались взятие крепостей с полевым сражением, которое, как правило, происходило недалеко от реки (Паркань, 1683; Вац, 1685; Зента, 1698 и др.)¹³.

Действия армии требовали хорошо поставленной службы информации. Благодаря развитию армейской разведки, войска в большей степени, чем прежде, ограждались от случайностей, неожиданностей и напрасных маршей. Для разведки в первую очередь использовались подвижные отряды легкой кавалерии венгерских и хорватских гусар¹⁴. В расположении войск противника действовала целая армия шпионов под видом торговцев, перегощников скота, крестьян, бродяг и т.д. и поставляла своему командованию ценные сведения¹⁵. Служба информации предусматривала также ориентацию войск на местности и их топографическую осведомленность. В середине 80-х гг. XVII в. появилось военное картографирование. По распоряжению Придворного военного совета в Вене перед отдельными походами и после них с помощью сведущих в картографии военных инженеров составлялись свежие карты. Наряду с общими картами местности росло число тех карт и схем, которые отражали продвижение армий, их дислокацию, осаду, сражения и т.п.¹⁶.

Растянутость фронта и удаленность театра военных действий от мест формирования армий во время войны в Венгрии и на Балканах создавали огромные трудности в жизнеобеспечении армий. Практика самообеспечения армии за счет поборов и контрибуций с местного населения, узаконенная с легкой руки Альбрехта Валленштейна, далеко не изжила себя. Речь идет не только о самоуправстве войск и отдельных военных. Практика самообеспечения армии находила сторонников в высших эшелонах власти. Так, во время военной кампании 1684 г. в Венгрии Леопольд с удовольствием предлагал эту систему, ссылаясь на рекомендации генерала Караффы. Однако в целом она плохо совмещалась с принципами организации постоянной армии, так как разлагала ее и ставила обеспечение в зависимость от случая. Еще в середине века для организации армейского снабжения в Вене было создано Главное управление по военному обеспечению, зависевшее от Придворного военного совета¹⁷. Формировалась служба снабжения. В основном использовались речные коммуникации: грузы транспортировались на речных судах и плотках по Дунаю, позже (с 1689 г.) к нему добавились Драва и Сава. Во время войны родилась Дунайская флотилия, в создание которой значительные средства вложил известный венский банкир Самуил Оппенхаймер¹⁸. По рекам курсировало огромное число транспортов с провиантом, амуницией, боеприпасами, фуражом в сопровождении конвоя¹⁹. Они сгружали свой груз на продовольственные склады, которые устраивались на пространстве между Вагом и Дунаем²⁰. Вдоль рек, часто прямо на

судах действовали походные пекарни. Штурманами на судах, а также для управления парусами приглашали голландских моряков²¹. Таким образом, они вносили свою лепту в освободительную войну, несмотря на то, что Голландия не присоединилась к Священной лиге.

Новые условия ведения войны, в частности передвижение войск на большие расстояния и отрыв их от тылов требовали организации медицинской службы. Неотъемлемой частью армии стали госпитали, в том числе полевые, содержание которых и обеспечение необходимым брали на себя правительственные органы и военное командование, а также религиозные институты.

Наконец, главная проблема войны – финансовая – разрешалась в этой войне также по-новому. За четверть века, прошедшие после окончания Тридцатилетней войны, австрийским Габсбургам удалось не только «залатать проехи» в экономике, возникшие в военные годы, но и увеличить государственные доходы в наследственных провинциях в 4 раза, что свидетельствовало об успехах экономической деятельности раннеабсолютистского режима Габсбургов²² и их политики в отношении сословий.

* * *

6 августа 1682 г. в Стамбуле было решено начать подготовку к войне в Венгрии. Хотя это решение не сразу стало достоянием гласности, Вену оно вряд ли могло удивить. Императорский дипломат Альберт Капрара, посланный с чрезвычайной миссией в Стамбул специально для продления мира в начале 1682 г., в одном из своих донесений в Вену суммировал исходные позиции Порты в вопросе о войне и мире. По его мнению, турки постоянно нуждаются в войне; в настоящий момент ситуация благоприятствует им в этом, так как венгры выступают на их стороне; Кара Мустафа хочет войной укрепить свои позиции во власти. Наконец, венский дипломат отмечал, что подготовка к войне идет уже полным ходом²³.

Таким образом, в 1682 г. положение Австрии стало угрожающим. Международная ситуация складывалась далеко не в пользу императора, ибо он оказался между двух огней. На западных границах Людовик XIV продолжал политику «присоединительных палат». В начале года его армия осадила Люксембург. Французская дипломатия повела против Австрии новые атаки. Людовик хотел склонить Леопольда к признанию юридической обоснованности деятельности «присоединительных палат» и, следовательно, к легализации состоявшихся и предстоящих территориальных захватов. Чтобы обойтись в своей захватнической деятельности «малой кровью», он стремился предотвратить вооруженное выступление императора и его союзников против Франции, связав Леопольду руки на востоке. В начале апреля 1682 г. Людовик в письме к своему послу в Стамбуле Гийерагу отмечал особую важность его миссии: «...Решение султана выступить против Венгрии может прекрасно способствовать сохранению мира во всей Германии; или, по крайней мере, воспрепятствует тому, чтобы император бросил все войска на Рейн...»²⁴. Самого же султана король уверял в своем нейтралитете в случае войны: «Отныне нет таких уз, которые были бы в состоянии соединить нас с императором так, чтобы вынудить наши войска объединиться с им-

ператорскими – какая бы причина для этого ни имелась»²⁵. На протяжении 1681–1683 гг. французская дипломатия в Стамбуле развила бурную активность для того, чтобы изолировать Леопольда и спровоцировать конфликт между ним и султаном. В то же время Людовик XIV боялся действовать в открытую и всячески увивал от настойчивых предложений султана заключить союз против императора, так как не хотел лишиться раз компрометировать себя в глазах европейского общественного мнения связями с врагами христианства²⁶. По большому счету, восточная политика французского короля представляла собой принципиально новое явление в международных отношениях. Он не просто использовал сиюминутную конъюнктуру. По словам венгерской исследовательницы А. Варкони, «Людовик XIV исключительно последовательно пытался встроить в находящуюся под его влиянием политику восточных регионов Центральной Европы также и Порту»²⁷. Французская дипломатия стремилась учесть все факторы международной обстановки в Центральной Европе и обратить их себе на пользу.

В самой Вене по вопросу войны с Портой разгорелась жесткая борьба между так называемой «испанской» партией (или «партией мира») и «партией войны». Последняя, возглавляемая герцогом Лотарингским, папским нунцием Буонвизи, венгерским надором Палом Эстерхази, первоочередной задачей императора считала изгнание османов из Венгрии. Руководящие позиции «партии мира» занимали испанский посол Боргоманеро, президент Придворного военного совета Герман Баденский, придворный канцлер Штраттманн, жена Леопольда Элеонора Магдольна (дочь герцога Пфальц-Нейбургского и сестра курфюрста Пфальцского Иоганна Вильгельма). Испания была заинтересована в военном присутствии Леопольда в Западной Европе, на Рейне, чтобы связывать силы Франции, и таким образом, воспрепятствовать нападению Франции на Испанию²⁸. Молодая императрица преследовала в этой борьбе особые цели: Людовик XIV угрожал владениям ее семьи на Рейне. «Испанская» партия выступала за сохранение мира с Портой любой ценой и переброску армий императора с восточного направления на Запад. Вплоть до марша-броска войск султана на Вену в июле 1683 г. ей удавалось удерживать верх при дворе и вести за собой Леопольда. Между тем для него самого уже давно было очевидно, что войны не избежать. В начале марта 1682 г. император писал своему духовнику итальянскому монаху-капуцину Марко д'Аввиано: «...Опасность кругом возрастает, и если нельзя избежать войны и сохранить мир, я считаю, что должен соответствующим образом вооружаться»²⁹.

В январе 1682 г. из Вены в Стамбул был послан чрезвычайный посол Альберто Капрара для того, чтобы добиться продления мира³⁰. Капрара прибыл в османскую столицу в начале июня и, узнав о военных приготовлениях Стамбула, понял чрезвычайную сложность своей задачи. Посол запросил у Вены большие суммы на подкуп высоких турецких сановников, среди которых имелись сторонники сохранения мира с Леопольдом³¹. Кроме того, он считал необходимым сделать султану территориальные уступки, чтобы тот отказался от своих военных планов³². Однако Придворный военный совет не поддержал этих, а также других предложений Капрары. Посол был

уверен, что эффективно вести переговоры со Стамбулом можно только с позиций силы, поэтому предлагал напасть на куруцев в Венгрии³³. Уже на первой официальной встрече переговорной комиссии турецкая сторона выдвинула ряд серьезных требований: разрушить крепость Леопольдштадт (напротив Эршекуйвара) и ряд укреплений вдоль венгерско-турецкой границы, а также установить новые подати с подвластного османам населения в Венгерском королевстве³⁴. На второй официальной встрече (6 июля) к этим требованиям добавились новые: передать Порте Дьёр, важнейшее укрепление на пути к Вене, и восстановить налог, который по условиям Адрианопольского мира император уплачивал султану³⁵. Президент Придворного военного совета Герман Баденский выражал надежду на то, что передачей османам пограничных территорий королевства (области Тисы) можно пролить мир³⁶.

Готовность Вены идти на большие уступки, терпеливость и настойчивость, с которой Капрара продолжал вести переговоры, воспринимались Стамбулом как проявление слабости императора, на что турецкая сторона отвечала выдвиганием новых требований. Венецианцы иронизировали по этому поводу: чего было опасаться туркам, если император не только не ответил ни на одну их военную акцию на венгерской границе, но и делал вид, как будто бы ничего не случилось³⁷. Мехмед IV и его окружение в такой ситуации полагали, что в любой момент могут рассчитывать на выгодный мир, более того, без всякого риска могут предпринять поход на Венгрию. Ведь стремление Леопольда к миру так велико, что даже после поражения османов в 1664 г. в битве при Сентготхарде он заключил с ними мир с потерями для себя³⁸. Действительно, даже после того, как на заседании дивана были решено, что султан с армией выступает в Адрианополь, и об этом стало известно в дипломатических кругах, Придворный военный совет настаивал на продолжении переговоров с Портой. Одновременно Вена не оставляла попыток договориться с Тёкёли, идя на новые уступки в надежде отвлечь вождя куруцев от союза с султаном³⁹. Капрара и ординарный посол императора в Стамбуле Куниц были приглашены следовать вместе с султанским двором в Адрианополь якобы для продолжения переговоров, которые утратили всякий смысл⁴⁰. Это подтвердило последнее заседание переговорной комиссии, состоявшееся уже в Адрианополе в декабре 1682 г. Только 7 июня 1683 г. Капрара был уведомлен письмом от Придворного военного совета о том, что он может прекратить переговоры, так как обе страны находятся в состоянии войны⁴¹.

Развитие событий в Венгрии крайне беспокоило венское правительство и более чем удовлетворяло Париж и Стамбул. В 1682 г. Имре Тёкёли добился наибольших успехов. Его армия с помощью войска варадского паши подчинила почти всю Верхнюю Венгрию (совр. Словакия) вместе с ее столицей Кашшей (совр. Кошице). Весь административный аппарат 13 венгерских комитатов, входивших в этот край, перешел в его руки, дав ему возможность распоряжаться местным ополчением и налогами. В конце сентября куруцы заняли шахтерские города Верхней Венгрии. Благодаря женитьбе на вдове Ференца I Ракоци Илоне Зрини Имре Тёкёли получил огромное

имущество Ракоци, что укрепило его собственные позиции и базу движения. С одобрения Стамбула Тёкёли принял титул князя Верхней Венгрии (16 сентября)⁴². На территории бывшего Венгерского королевства возникло еще одно государство под протекторатом Порты, враждебное Габсбургам. Уже после победы христиан под Веной в сентябре 1683 г. Тёкёли, утративший к тому времени и большую часть своих владений, и политический вес, издал весной 1684 г. манифест. Он обвинял Австрию во всех бедах венгров и призывал их присоединиться к нему, обещая вернуть религиозные свободы, восстановить попранные Габсбургами свободы и привилегии, защитить страну одинаково от турок и немцев⁴³. Значительная часть дворянства Верхней Венгрии в 1681–1683 гг. поддержала Тёкёли⁴⁴.

В ноябре Вена пошла на перемирие с Тёкёли и признала его власть над Верхней Венгрией⁴⁵, понимая, что таким образом усиливает османское влияние на этих территориях. Леопольд I обязался ежемесячно выплачивать новоявленному князю 3 тысячи форинтов из доходов шахтерских городов, возвращенных им венгерскому королю⁴⁶. Однако в своих планах вождь куруцев не ограничивался Верхней Венгрией: он хотел установить свою власть над всей Венгрией. Поэтому даже такие уступки со стороны Леопольда I его не устраивали, и он предпочел сменить путь переговоров на войну. Гийераг в Стамбуле, Бетюн в Польше втайне поддерживали связи с венгерскими мятежниками и разжигали их враждебность по отношению к Леопольду I⁴⁷. Гийераг обещал покровительство своего короля «при окончательном разрешении дел»⁴⁸. Однако князь Верхней Венгрии, уже наученный опытом предшествующих лет, очевидно, не слишком доверял Людовику XIV и все больше прибегал к поддержке Порты, надеясь с ее помощью получить верховную власть над Венгрией.

Одновременно Людовик XIV не забывал и о Трансильвании как о дополнительном факторе, способном связать силы императора, хотя французский король и не возлагал больших надежд на трансильванского князя Апафи.

От внимания Вены не могли ускользнуть ни провокации Франции, ни военные приготовления в Османской империи. Венское правительство также не бездействовало: оно напряженно искало союзников и спешно укрепляло армию. Агрессивность же Франции по отношению к соседям вызвала возмущение среди германских князей, которые стали объединяться вокруг императора. Менялась также позиция курфюрстов и ряда западноевропейских стран в вопросе об их отношениях с Парижем и Веной. Деятельность венской дипломатии еще более оживилась после того, как с декабря 1682 г. стали поступать точные известия о решении султана начать подготовку к войне против императора⁴⁹.

Политика «присоединительных палат» Людовика XIV возмутила мюнхенский двор, так как она затронула верхнепфальцские территории, принадлежавшие Баварии. В Мюнхене усилились позиции сторонников Габсбургов. Молодой курфюрст Макс Эммануил отказался от политики своего отца, поддерживавшего Францию, и начал долгие переговоры с венским правительством. Под предлогом паломничества Леопольд I с супругой и двоим нанес визит в Баварию, где встретился с курфюрстом. Установив тес-

ные отношения с Веной, Макс Эммануил не порывал связей с Парижем. Он намеревался выступить посредником в примирении двух противников, так как надеялся предотвратить войну между ними. Тем не менее, в случае нападения Франции на Священную Римскую империю Бавария встала бы на сторону императора⁵⁰.

Угроза новой войны с османами подвигла Мюнхен на более решительные действия. 26 января 1683 г. между Леопольдом I и курфюрстом был заключен договор об оборонительном союзе сроком на 5 лет. В обмен на уступки со стороны императора курфюрст обязывался оказать ему помощь в случае нападения как Франции, так и Османской империи. Бавария предоставляла в распоряжение Леопольда 8 тыс. солдат, на содержание которых в мирное время император должен был выделять ежегодно 250, а в военное—450 тыс. флоринов⁵¹. В августе 1683 г., в разгар осады Вены, стороны подтвердили и расширили договор, введя статью о дополнительной военной помощи.

В 1682 – начале 1683 г. габсбургская дипломатия пыталась заполучить в союзники Бранденбург, который к тому времени уже отошел от Франции, недовольный ее политикой в отношении протестантов и деятельностью «присоединительных палат». Переговоры проходили очень сложно. С июня по ноябрь 1682 г. в Вене находился тайный советник курфюрста Бранденбургского Фридриха Вильгельма Лоренц Георг фон Кроцков. Первый тур переговоров закончился безрезультатно⁵². В июле 1683 г. переговоры возобновились, но уже касались помощи против османов. Фридрих Вильгельм выдвинул заранее неприемлемые для Леопольда условия: заключение императором мира с Францией, отказ в пользу Бранденбурга от четырех силезских герцогств⁵³. В смертельной опасности для Вены габсбургская дипломатия предприняла еще одну попытку договориться о помощи, но снова курфюрст отказал в ней. Только 6 августа 1683 г. Бранденбург, наконец, согласился выставить 8200 солдат против османской армии. Однако в военной кампании 1683 г. участвовали не эти контингенты, а 1200 солдат, посланных из Бранденбурга в Венгрию на основе соглашения, заключенного между Бранденбургом и Речью Посполитой⁵⁴. Они прибыли к театру военных действий уже после освобождения Вены, но приняли участие в освобождении Эстергома (10 октября 1683 г.) и Сеченя⁵⁵.

Долгие переговоры с Саксонией привели к положительным результатам только под непосредственной угрозой похода османов в Западную Европу. На основе заключенного 16 июня 1683 г. соглашения с Леопольдом I саксонский курфюрст Иоганн Георг III обязался предоставить в распоряжение императора 4700 солдат для помощи на территории Чехии или Австрии. Когда выявились намерения Кара Мустафы идти на Вену, соглашение было подтверждено в ходе новых переговоров⁵⁶.

Габсбургской дипломатии на регенсбургском рейхстаге удалось договориться о военной и денежной помощи против османов также с германскими князьями и сословиями. Помимо этого императору приходилось по отдельности договариваться с князьями и городами.

После завершившейся заключением Нимвегенского мира европейской войны, в которой Швеция, тогда еще верный союзник Франции, потерпела жесто-

кое поражение на суше и на море и лишилась многих своих территорий, в ее внешней политике обозначились новые ориентиры. Поскольку Франция никак не позаботилась о своей союзнице на нимвегенских мирных переговорах, шведское правительство постепенно стало отходить от французской ориентации в своей внешней политике и начало искать сближения с Веной и морскими державами Англией и Голландией. Швеция нуждалась в императорской поддержке перед лицом Речи Посполитой и России, а также в решении вопросов, касающихся северогерманских территорий. В 1682 г. Карл XI заключил с Леопольдом I оборонительный союз. Однако до 1686 г. шведские военные контингенты не принимали участия в войне против османов, потому что силы королевства были связаны опасностью конфликта с Данией и Бранденбургом⁵⁷.

Попытки Австрии привлечь к активному сотрудничеству против Порты итальянские государства в 1682–1683 гг. не дали положительных результатов. Венеция не верила в серьезность намерений императора воевать с османами и боялась, что, вступив в союз, останется один на один с более сильным врагом. В 1682–1685 гг. послы Леопольда I вели также переговоры с тосканским герцогом о создании союза итальянских государств против османов и, в частности, о вкладе самой Тосканы в создание флота. Переговоры закончились безрезультатно⁵⁸.

В 1682–1683 гг. дипломатия Австрийского дома обратила внимание на Речь Посполитую как наиболее реального союзника в борьбе против Османской империи. С целью привлечения Варшавы на свою сторону она в первую очередь добивалась уменьшения французского влияния на короля Яна Собеского, поскольку в своих интригах вокруг Габсбургов дипломатия Людовика XIV предпринимала все возможное, чтобы предотвратить, с одной стороны, габсбургско-польское сближение, и с другой – войну между Речью Посполитой и Османской империей. В этом соперничестве за влияние в Варшаве Париж преследовал свои цели: ему нужно было направить военную мощь османов против германского императора. Однако в этом вопросе цели Яна Собеского и Людовика XIV кардинально расходились. Польский король мечтал создать широкую международную коалицию христианских государств и повести их войска против османов. Он искренне надеялся на участие в этом союзе и Людовика XIV, и Леопольда I⁵⁹. Версаль использовал Варшаву также и для того, чтобы через нее поддерживать тайные связи с венгерскими куруцами. Польский король и сам помогал антигабсбургскому движению в Венгрии оружием, войсками (разрешая их вербовку на своей территории), однако это не могло повлиять на его отношение к основной проблеме – османской. Сама по себе поддержка Тёкёли в немалой степени обуславливалась стремлением Собеского включить вождя венгерской оппозиции в коалицию христианских государств. Кроме того, существование самостоятельного государства Тёкёли на южных границах Речи Посполитой служило бы дополнительной гарантией от османской агрессии. Поэтому по просьбе папы он взял на себя роль посредника между венским двором и Тёкёли, добываясь их примирения⁶⁰. Однако дипломатический инцидент, происшедший в Варшаве в декабре 1682 г., заставил польского короля если не изменить свою политику в отношении

венгерских мятежников, то по крайней мере действовать корректнее и осторожнее: в рамках международных норм. Суть происшествия состояла в том, что резидент Леопольда в присутствии Яна Собеского уличил французских дипломатов Витри и Дюверне-Боку в связях с Тёкёли, предъявив в качестве доказательства их письма⁶¹. Поскольку Тёкёли и куруцы официально считались мятежниками, восставшими против законной власти своего короля Леопольда I, то их поддержка с точки зрения международного права рассматривалась как вмешательство во внутренние дела Габсбургов. Официальные контакты с ними были бы возможны только в том случае, если поддерживающее Тёкёли государство находилось бы в состоянии войны с императором. Французский посол Витри был выслан из Варшавы. Скорее всего, этими обстоятельствами следует объяснить, почему Ян Собеский, поддерживавший отношения с Тёкёли, отказался в марте 1683 г. вступить в союз с ним⁶². Правда, нельзя не учитывать и тот факт, что для Речи Посполитой также не были секретом тесные связи Тёкёли со Стамбулом и его двурушническое поведение: подстрекательство султана к конфликту с императором. Не случайно в апреле 1683 г. Ян Собеский передал послам Тёкёли, прибывшим в Варшаву, что продолжит свое посредничество между ними и Леопольдом и выступит против венгерских повстанцев с оружием в руках только в том случае, если узнает, что они сражаются на стороне османов против Речи Посполитой⁶³. Возвращаясь к высылке Витри из польской столицы, следует также отметить, что она устраивала самого Собеского, который уже тяготился французским давлением при своем дворе. Кроме того, король был недоволен интригами, которые плел против него французский дипломат.

В обстановке нараставшей османской угрозы император и польский король 31 марта 1683 г. заключили между собой оборонительно-наступательный союз против Османской империи, который лег в основу будущей Священной лиги. Согласно условиям договора, Леопольд обязался выставить 60 тыс., а Ян Собеский – 40 тыс. солдат для совместных боевых действий против турок. Особо оговаривалось предоставление сторонами помощи друг другу в случае нападения неприятеля на Вену или Варшаву. В прочих случаях предусматривались самостоятельные действия союзников в обусловленных военной необходимостью регионах. Короли договаривались не заключать сепаратный мир с противником. Леопольд должен был предоставить Речи Посполитой денежную помощь в 1,2 млн. злотых на нужды военных контингентов, завербованных на ее территории⁶⁴. В целом, для Варшавы соглашение несло больше выгод. Так, польский король заметил в этой связи, что для Польши предпочтительнее сражаться вместе с союзниками на чужой территории, чем в одиночку воевать с османами в пределах своих границ⁶⁵. Польский сейм одобрил договор.

Заключение союзного договора вовсе не свидетельствовало о кардинальных изменениях в Вене по вопросу о войне с турками. Леопольд продолжал сомневаться в ее целесообразности и в этой очевидной ситуации, все еще надеясь на результаты переговоров своих дипломатов с Портой.

Союз между двумя главнейшими державами, способными возглавить антиосманскую международную коалицию, не снял противоречий между

ними. Несколько раз он висел на волоске, и только усилия дипломатов, в первую очередь папских, сохраняли его.

На самом деле, большая доля финансовых забот и дипломатических усилий по сплочению Европы и подготовке к войне с османами легла на плечи папы римского Иннокентия XI (1676–1689). Главной целью этого выдающегося политического деятеля, происходившего из известной итальянской банкирской семьи Одескальки, было освобождение Европы от османов. О турках он знал не понаслышке, а в юности сам воевал против них⁶⁶. Много лет его дипломатия трудилась над созданием широкой европейской международной коалиции против османов. Эту работу папа проводил через своих представителей еще на нимвегенских мирных переговорах 1679 г., но тогда его усилия не привели к успеху. Ради высокой цели этот католический священнослужитель, известный суровым образом жизни и последовательной защитой католицизма, был склонен к компромиссу в религиозной сфере. Так, он осуждал преследования гугенотов во Франции после отмены в 1685 г. Нантского эдикта, не без основания полагая, что они оттолкнули протестантские государства от участия в международном военном предприятии, осуществляемом под эгидой римского престола⁶⁷.

Перед папской дипломатией стояли серьезные, более того, трудноразрешимые задачи. Иннокентий XI исходил из того, что ядром коалиции должны быть Австрия и Речь Посполитая, поэтому развил бурную дипломатическую деятельность для того, чтобы преодолеть противоречия между императором и польским королем и примирить их. Лучшие папские дипломаты работали над этим: в Варшаве – нунций Опицио Паллавичини, в Вене – Франческо Буонвизи. Последний пользовался таким большим авторитетом при венском дворе, что в 1686 г. был введен Леопольдом в состав Придворного военного совета как раз для сглаживания разногласий между его членами⁶⁸. Сильное влияние оказывал на Леопольда I его духовник Марко д'Аввиано, специально направленный Иннокентием для поддержки впечатлительного и неустойчивого в суждениях монарха. Многие решения этих лет были приняты Леопольдом непосредственно по рекомендации этого хорошего дипломата и тонкого психолога.

Примирить Леопольда I и Людовика XIV было даже для Ватикана непосильной задачей, тем более, что у самого папы Иннокентия XI отношения с Людовиком XIV не складывались⁶⁹. Так что папская курия трудилась над тем, чтобы, по крайней мере, нейтрализовать враждебные действия французской дипломатии в Варшаве, Стамбуле, Брюсселе, Дюлафехерваре (совр. Альба Юлия в Румынии) и т.д., способствовать преодолению взаимного недоверия, разделяющего Вену и Венецию, помирить Варшаву с Москвой, обезопасить Тёкёли, активизировать балканские народы, живущие под властью Османской империи – вот далеко не полный перечень задач, решением которых занималась папская дипломатия в конце 70-х–80-е гг. Таким образом, огромными усилиями ей приходилось поддерживать хрупкое равновесие сил в Европе и на его основе готовить крупномасштабную наступательную войну. Не в меньшей степени, чем дипломат, Иннокентий прославился и как финансист. Он получил прозвище «папа-банкир» за то, что смог мобилизо-

вать на войну с османами огромные денежные средства всей Европы. Так, он разрешил продажу третьей части всех церковных имуществ в наследственных провинциях Габсбургов, обложил католическую церковь специальным налогом на войну. Он наладил тесные контакты с итальянскими, немецкими, нидерландскими банкирами, получая от них кредиты под церковные доходы и имущество⁷⁰. Нередко он безвозмездно снабжал хлебом воюющие против османов армии⁷¹, обеспечивал медикаментами, одеждой, едой госпитали⁷².

Все сложности международной обстановки в преддверии новой большой войны находили отражение в общественном мнении европейских стран. Для его формирования на службу политикам и дипломатам был поставлен мощный пропагандистский аппарат. Появилось множество памфлетов, трактатов, исторических сочинений, «сводок с места событий», авторы которых в той или иной мере отражали не только свою личную позицию. Как бы осторожно ни вели себя французские дипломаты, выполняя тайные распоряжения королевского двора, эту двойную игру было невозможно утаить от европейского общественного мнения. В 1683 г. и позже в разных странах появлялись публицистические произведения, в которых ответственность за турецкую агрессию возлагалась на Францию. Памфлетисты, особенно прогабсбургской направленности, обращали внимание читателей на то, что Людовик XIV использовал в качестве инструмента своей подстрекательской политики Варшаву, через которую французская дипломатия поддерживала недозволенные связи с Тёкёли. Один из авторов сравнивал роль Речи Посполитой в этом деле с троянским конем⁷³. В то же время многие авторы понимали, что причины движения венгерских недовольных кроются в политике Габсбургов по отношению к Венгрии, в частности, в подавлении религиозных и других свобод населения страны. Одни публицисты, особенно из числа протестантов, признавали за венграми право отстаивать попранные свободы, другие осуждали их за это и призывали императора и венгерскую оппозицию к примирению на основе взаимных уступок⁷⁴. В 1681–1682 гг. с такими предложениями выступал интересовавшийся венгерскими делами Лейбниц⁷⁵. Однако в целом служение вождя куруцев с османами, особенно в такой опасный для христианской Европы момент, все больше отдаляло его от европейских государств. Не без влияния пропаганды венского двора они стали негативно оценивать его деятельность в Венгрии. Это, в свою очередь, вместе с последующими событиями лета 1683 г. способствовало постепенному изменению образа всей Венгрии в глазах Европы: из «защитника», «передового бастиона» христианства она превращалась в «отступника», «изменника»⁷⁶.

Итак, Европа готовилась к войне с Османской империей, и все же ее начало застало Австрийский дом чуть ли не врасплох.

* * *

Интриги французской дипломатии, успехи Имре Тёкёли в Венгрии, а также его сообщения в Стамбул о слабости императорских сил⁷⁷ укрепляли уверенность Порты в том, что в случае войны с Габсбургами она может надеяться на не слишком трудную победу, и толкали к окончательному реше-

нию, которое, тем не менее, в первую очередь определялось внутренними проблемами самой Османской империи⁷⁸.

31 марта 1683 г. (в тот же день, когда Леопольд I и Ян Собеский заключили между собой союз против османов) великий везир Кара Мустафа от имени султана Мехмеда IV объявил войну императору и выступил с войсками из Адрианополя к Белграду. 12 мая Кара Мустафа как главнокомандующий был торжественно облечен неограниченными полномочиями и получил зеленое знамя пророка⁷⁹. В эти же дни (7 мая) недалеко от Пожони император вместе с Максом Эммануилом проводил смотр своих войск. Сам Леопольд не захотел лично возглавить войска в войне, которая, как полагали, развернется на территории Венгрии. Он оправдывался тем, что его здоровью «противопоказан тамошний воздух»⁸⁰. После долгих колебаний Леопольда и споров внутри Придворного военного совета командование императорскими войсками было поручено герцогу Карлу Лотарингскому. Пост достался этому выдающемуся полководцу по праву. Изгнанный Людовиком XIV из своих владений герцог в 24 года уже командовал полком в Сентготхардской битве под началом Раймондо Монтекукколи, у которого и позже учился военному искусству⁸¹. В то время, по описаниям современников, это был сорокалетний человек, незаметной внешности, тихий и смирный, скромно одетый, но на врага он бросался как лев⁸². В войнах с османами он первым перешел от оборонительной стратегии к наступательной и этим обеспечил их успех.

По истории похода Кара Мустафы на Вену существует огромная литература⁸³. Но до сих пор среди исследователей остаются невыясненными некоторые важные вопросы, в первую очередь, о целях похода. Когда появилось решение идти на Вену: при планировании похода или уже на марше? Так, специально занимавшийся этим вопросом австрийский историк В. Лайч обоснованно считает, что Кара Мустафа задумал идти на Вену задолго до похода, но не мог добиться от дивана согласия на это. Только в походе, получив чрезвычайные полномочия, он добился своего, подавив возражения оппозиции⁸⁴. В то же время, изучая историю принятия Портой решения о походе в августе 1682 г., дипломатическую информацию, а также маршрут и график следования османской армии в Венгрии, исследователи приходят к выводу, что первоначально цели похода предусматривали взятие стратегически важных венгерских крепостей на пути в Австрию: Дьера и Комарома.

Как бы то ни было, на знамени пророка, врученном султаном Кара Мустафе в Адрианополе, было изображено «золотое яблоко мира», как османы называли Вену⁸⁵. В свою очередь, императорские полководцы не ожидали нападения Кара Мустафы на Вену и рассчитывали на то, что военные действия будут вестись на территории Венгрии. Тем не менее, Придворный военный совет готовился защищать не столько Венгрию, сколько подступы к Вене, как это делалось уже не раз прежде. План герцога Лотарингского, предусматривавший активные действия императорской армии в Венгрии (взятие Эстергома или Эршекуйвара), которые отвлекли бы османскую армию от главного направления, не был принят Придворным военным советом во главе с Германом Баденским⁸⁶. Ему было предписано оборонять крепости

по дунайской линии Дьер – Комаром. Зато императорские войска покинули рубеж реки Рабы, открыв, таким образом, для врага самые западные области Венгерского королевства и облегчив его продвижение вперед⁸⁷. Этот шаг Вены имел тяжелейшие последствия. Еще в начале июля дворянство западно-венгерских комитатов и города готовились оказать сопротивление завоевателям⁸⁸. Но король, как возмущенно полагали венгры, «бросил их на произвол судьбы», забыв об обещаниях, данных на государственном собрании 1681 г. Венгерское население западных комитатов оказалось перед выбором: или подчиниться османам и спасти таким образом свои жизнь и имущество, или сохранить верность Габсбургам, сопротивляться завоевателям и потерять все. В эти дни надор Пал Эстерхази предупреждал короля о сложившейся в стране критической ситуации: «Я стою здесь перед врагом без армии... Население через меня как надора и посредника обращается с мольбой к Вашему Величеству: соизволите ли Вы дать ему знать, что оно должно делать в этой опасности? Если – да, то люди умоляют защитить их как можно скорее, поскольку враг уже стоит на пороге и уже рубит и топчет нас. Если же – нет, то пусть Ваше Величество не обижаются на них, если они, принаравливаясь к обстоятельствам, послушав совета нужды, возьмут на себя заботу о спасении самих себя, своих жен и детей... и покорятся Тёкёли»⁸⁹.

Предостережения надора сбылись. Имре Тёкёли, признанный Леопольдом князь Верхней Венгрии и пособник османов, призвал венгров, в первую очередь магнатов и дворян, перейти на его сторону, признать власть султана и явиться в лагерь великого везира. Расчеты Вены на то, что магнаты Западной Венгрии, которую императорская армия бросила, прикроют ее и задержат продвижение османов, не оправдались. Весь цвет венгерской аристократии Западной Венгрии (Баттяни, Драшкович, Цобор и др.), за исключением надора Пала Эстерхази, появился в лагере Кара Мустафы и предложил ему свою службу⁹⁰. Справедливости ради следует заметить, что, покоровшись великому везиру, венгерские магнаты практически не сделали ничего, чтобы доказать свою верность. Все же весть об этом «ужасном предательстве» венгров в венской интерпретации облетела всю Европу. Венгры потеряли ее сочувствие и благосклонность, попав в разряд «вечных мятежников».

Сведения о количественном составе османской армии колеблются от 100 до 350 тыс. человек. Такое расхождение в данных объясняется различными критериями подсчетов: в одних учитывается основная османская армия, в других в расчет берутся вспомогательные силы из вассальных государств и обслуживающие войска⁹¹. Сам Кара Мустафа в послании к императору в связи с объявлением войны приводил фантастическую цифру 1 млн. 300 тыс. человек – очевидно, для того, чтобы напугать противника⁹². И ему это удалось. Леопольд в ужасе писал Марко д'Аввиано в апреле 1683 г., что «турки идут такими силами, каких не выдвали вот уже сто лет»⁹³. Во всяком случае, в тот момент император имел основания жаловаться на то, что «он в одиночестве со своими силами, без чьей-либо помощи: ни людьми, ни деньгами»⁹⁴. Пожоньский смотр императорских войск в мае 1683 г. показал, какими силами в тот момент располагал Леопольд. Основной со-

став насчитывал около 33 тыс. человек (около 22 тыс. пехотинцев и 11 тыс. кавалеристов). В гарнизонах крепостей Западной Венгрии находилось 8 тыс. воинов. В военных действиях участвовало около 11 тыс. венгерских ополченцев, которыми командовал надор Пал Эстерхази. Общая численность императорских войск в кампании 1683 г. составляла около 60 тыс. солдат⁹⁵. Безусловно, императору была необходима помощь со стороны, которая, как отмечалось, стала собираться, но с большим опозданием.

Таким образом, в любом случае по своей величине османская армия значительно превосходила императорскую. Между тем ее боеспособность не соответствовала численности. Вспомогательные войска вассалов в лучшем случае плелись в хвосте головной армии и старались не вмешиваться в военные действия. Молдаване несли знамена с изображением распятия и Богоматери⁹⁶. Татары не подчинялись никакой дисциплине и своими грабительскими рейдами вглубь вражеской территории не только нарушали планы турецкого командования, но затрудняли снабжение армии.

1 июля армия великого везира окружила Дьер, но через неделю неожиданно свернула лагерь и скорым маршем направилась к Вене. Карл Лотарингский со своими войсками с максимальной поспешностью отступил к Вене. Татарская легкая кавалерия хана Гирея вырвалась вперед, вторглась в Нижнюю Австрию, грабя и сжигая все на своем пути, вселяя ужас в местное население. 7 июля недалеко от Вены около местечка Петронел произошла стычка между татарами и аррьергардом императорской армии, который был разбит. Только грабеж императорского обоза задержал татар от преследования противника. Еще накануне Леопольд охотился в этих местах – то ли по беспечности, то ли демонстрируя свою смелость. Но 7 июля в Вене началась паника, так как распространился слух, что разгромлена основная армия. Император и двор по распоряжению Тайного совета срочно покинули город и направились в Линц, а оттуда в Пассау⁹⁷. У Кремса при переправе через Дунай, Леопольд, покинутый всеми придворными, чуть не попал в плен к появившемуся у моста авангарду татарской кавалерии. По иронии судьбы его спас французский поверенный в делах Себиль⁹⁸. Авторитет монарха в народе резко упал, так как его отъезд был воспринят как позорное бегство. Один венский адвокат, очевидец событий, впоследствии описывал увиденное им 8 июля: «Его Величество в сопровождении 200 кирасир ехал с возможной быстротой в Линц. На протяжении всего пути рассерженная чернь и так называемые сельские жители провожали его оскорбительными словами. Но этот позор Его Величество сносил с величайшим терпением и не позволял себе никакой мести»⁹⁹.

8 июля османы были на границе с Австрией, взяли без боя последнюю крепость Мадьярвар, где им досталась богатая добыча. Это обстоятельство задержало армию и оказалось спасительным для Вены. Карл Лотарингский сумел опередить Кара Мустафу на один день. Сам герцог с частью своей армии разместился недалеко от Вены на левом берегу Дуная для того, чтобы защитить подход союзных войск. 6 тыс. солдат главнокомандующий оставил в городе для укрепления венского гарнизона. Некоторое число солдат он послал в Моравию и Силезию, чтобы обеспечить проход польских

войск¹⁰⁰. Отряд Людвига Баденского был направлен в Верхнюю Венгрию. 29 июля с помощью польской кавалерии Любомирского он вытеснил из Пожони войска Имре Тёкёли, который с этого момента фактически отошел от участия в военных действиях. Более того, он отказался подчиниться приказу Кара Мустафы от 29 августа срочно идти к нему на помощь к Вене¹⁰¹. Располагая ограниченными силами, герцог Лотарингский не мог обеспечить защиту Штирии и Нижней Австрии. Они оборонялись сами. Много деревень и городов стали добычей татар¹⁰².

Возглавить оборону Вены было поручено графу Штарембергу. Ему помогали прекрасные организаторы: бургомистр Вены Каплер и винернейштадский епископ Колонич. За неделю, прошедшую со времени отъезда императорского двора, город преобразился. Штаремберг прекратил беспорядочное бегство, под угрозой сурового наказания запретив покидать город мужчинам, способным носить оружие. День и ночь шли подготовительные работы: рылись окопы, укреплялись стены и бастионы, завозилось продовольствие. В то же время были сожжены и снесены некоторые пригороды, мешавшие обороне. Город располагал 312 легкими и тяжелыми артиллерийскими орудиями. Гарнизон насчитывал 12 тыс. профессиональных солдат: австрийцев, немцев. Были организованы отряды добровольцев из горожан, в общей сложности 5 тыс. человек. Оставшиеся в Вене мелкие служащие императорского двора (около тысячи поваров, лакеев, слуг и т.д.) не только воевали, но и обслуживали защитников столицы вместе с другими горожанами: трактирщиками, сапожниками, портными, аптекарями, прачками, сапожниками. 700 студентов и преподавателей венского университета образовали несколько добровольческих отрядов. Были организованы лазареты, санитарная служба во главе с добровольцем, врачом из Голландии Паулем Зорбайтом.

Осада Вены длилась с 14 июля до 12 сентября. Основной удар османов был нацелен на королевский Бург (замок), поэтому ближние к нему стены и бастионы с западной и северо-западной стороны подвергались наиболее интенсивно обстрелу и частым штурмам. Именно здесь султанские войска молниеносно развернули сеть окопов, насыпей, установили батареи. Позади них Кара Мустафа приказал раскинуть лагерь и возвести для себя огромный роскошный шатер, где хранилось священное знамя, проходили совещания. Здесь и в соседних шатрах размещались сокровищница великого везира, его огромный гарем, оркестр, которые он привез с собой.

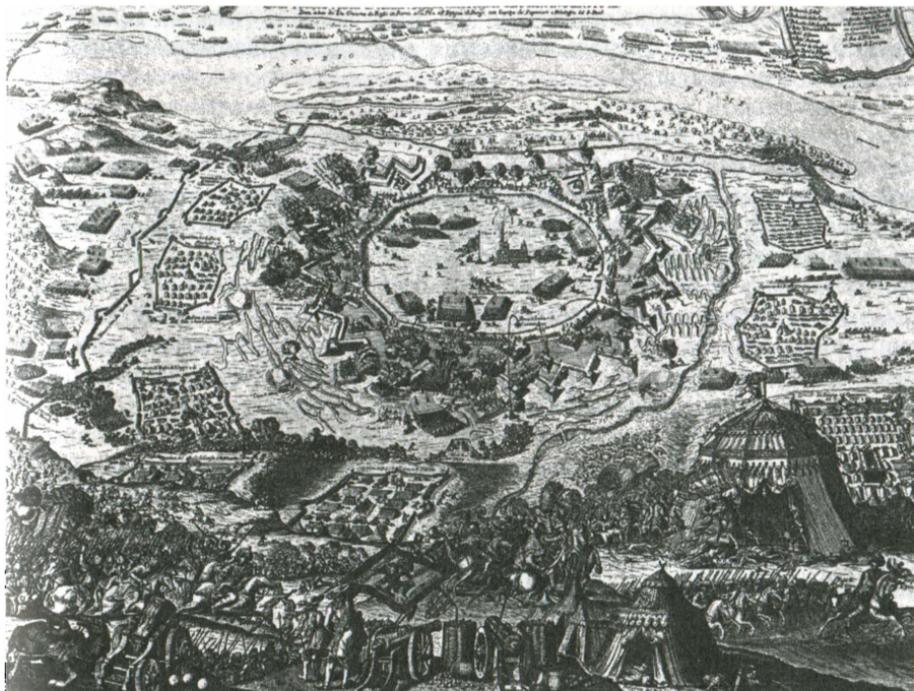
Венская дипломатия усилила свою деятельность по организации срочной помощи осажденному городу. Но еще 18 июля в этом вопросе не было никакой ясности. «Я до сих пор не получил помощи, но прилагаю все усилия для этого», – жаловался Леопольд¹⁰³.

23 июля турки предприняли первый штурм, за которым последовали новые через каждые 2–4 дня. 300 орудий ежедневно обстреливали город. Защитники несли тяжелые потери. Сам комендант города Штаремберг был дважды ранен, но снова возвращался в строй. В городе вспыхнула дизентерия. Лазареты не вмещали больных, кладбища – мертвых. 3 августа неприятель пробил внешнюю стену укреплений, защищавших Бург, и изо дня в день штурмовал образовавшуюся брешь.

Несмотря на полную осаду, связь города с внешним миром не прекратилась. Находилось немало смельчаков, которые отваживались пробираться через вражеские позиции, переплывали Дунай, чтобы сообщить австрийскому командованию порученные им сведения и получить новую информацию. 8 августа один из лазутчиков купец Колшицки передал главнокомандующему призыв Штаремберга о помощи, ибо в тот день враг стоял уже на трех внутренних бастионах города. 14 августа Колшицки вернулся в Вену с долгожданной вестью о том, что союзные армии уже готовятся к выступлению. Теперь главным стал фактор времени: успеют ли войска союзников прийти на помощь¹⁰⁴. Помощь шла отовсюду: польские войска, отряды Лаксенбургского союза из франконского и соседних округов империи, баварская армия под командованием Макса Эммануила. 15 тыс. солдат предложил даже Людовик XIV вместе с перемирием на 30 лет, но на условии признания Леопольдом результатов работы «присоединительных палат». Император отказался. Король-Солнце не посмел в такой обстановке начать наступление на Рейне, но не отказался от того, чтобы в критический для Вены момент, в конце августа, его армия осуществила бросок в Испанские Нидерланды. Между тем Европа с напряжением следила за событиями под Веной и старалась помочь венцам и поддержать их. Со всех концов Европы шли добровольцы. Так, в июле-августе моденский епископ с разрешения Иннокентия XI обещал полное отпущение грехов тем христианам его епархии, которые поспешат к Вене¹⁰⁵. Сиенские городские власти сообщали герцогу Тосканскому о том, что 23 августа город устраивает процессию и молебен по случаю осады Вены и в ее поддержку¹⁰⁶.

Известие о помощи пришло очень своевременно. К середине августа положение осажденной Вены заметно ухудшилось, а к концу месяца стало критическим. Марко д'Аввиано 28 августа сообщал из Иннсбрука¹⁰⁷ императорскому послу в Венецию о том, что «Вена работает почти на пределе»¹⁰⁸. Гарнизон и венские студенты продолжали сопротивляться, но их силы, а также боеприпасы быстро убывали. Ряды осажденных таяли, и не только за счет обычных для войны жертв среди военного и гражданского населения. Нервы бюргеров стали сдавать. Многие из них предпочитали отсиживаться по подвалам, некоторые пытались тайком бежать из осажденного города, другие саботировали распоряжения властей, отказывались размещать у себя раненых и хоронить погибших. Запасов продовольствия становилось все меньше. Аптекари, пекари и мясники потребовали увеличения цен на их товары. Измученными людьми овладела «шпионская истерия», ее жертвами становились даже дети. Комендант Штаремберг стремился предотвратить самосуд озлобленной и измученной толпы и требовал проведения расследований в подобных случаях.

Осаждающие испытывали не меньшие трудности. Они несли большие потери во время штурмов. Не хватало боеприпасов и продовольствия. Солдаты самовольно покидали позиции и присоединялись к промышленным разбоем группам. Кара Мустафа был очень обеспокоен состоянием дисциплины своей армии¹⁰⁹. Тем не менее, современники возлагали ответственность за затянувшуюся осаду в первую очередь на Кара Мустафу. Во-пер-



Осада Вены. 1683 г.

вых, он сильно торопился, чтобы застать Вену врасплох. Его армия совершила исключительно быстрый марш-бросок на огромное расстояние. Но ради того, чтобы выиграть время, великий везир не взял с собой достаточного количества тяжелых осадных орудий. Уже в начале осады турецкая артиллерия в количественном отношении проигрывала австрийской. Более того, по мнению современников событий и историков, у Кара Мустафы были более серьезные причины, по которым он не использовал при осаде Вены тяжелой артиллерии в нужных масштабах. Он хотел получить «Золотое яблоко» целым и невредимым для султана и для себя. Этого можно было бы добиться, принудив Вену к капитуляции, которая отдала бы ее в распоряжение главнокомандующего. Взятие же города штурмом превратило бы его в законную добычу солдат. Поэтому Кара Мустафа выжидал, надеясь на то, что Вена сдастся на милость победителя, и до поры до времени щадил ее¹¹⁰. Лишь во второй половине августа, когда стало ясно, что Вена намерена держаться до конца, великий везир обрушил на нее всю мощь османской военной машины. Но было уже поздно.

К концу августа союзные армии, шедшие на освобождение Вены, наконец, соединились. Их общая численность составила около 65 тыс. солдат¹¹¹. Помимо императорских войск и пришедших из Речи Посполитой,

освободительные армии включали крупные контингенты из германских княжеств, в первую очередь Саксонии и Баварии. Началась разработка планов снятия осады. Возникли сложности с вопросом о командовании освободительной акцией. Леопольд, почувствовав значимость момента, стал высказывать желание появиться в лагере. 25 августа он выехал из Пассау в Линц, а затем в Кремс¹¹². Но против этого категорически возражал польский король, согласившийся помочь только при условии, что он будет назначен верховным главнокомандующим союзных войск, а Леопольд не появится на полях сражений. Марко д'Аввиано стоило больших усилий уговорить императора отказаться от своего намерения¹¹³. Он сумел сгладить и разногласия, возникшие между Яном Собеским, Карлом Лотарингским и Максом Эммануилом также по вопросу о командовании войсками. В начале сентября османы, пробив заслон укреплений, заняли сильные позиции непосредственно на городской стене напротив бастионов самого королевского Бурга, усилив обстрел минами. Через образовавшиеся бреши они стали штурмовать укрепления Бурга. В критический момент сам Штаремберг взял командование боем у бреши и отбил несколько атак неприятеля. Однако силы защитников были крайне истощены. Из 12 тыс. солдат венского гарнизона осталось 4 тыс. В боях пала треть городского ополчения. Штаремберг послал Карлу Лотарингскому последний призыв о помощи: «Не теряйте больше времени, милостивый государь! Не теряйте же времени!»

11 сентября союзные войска, наконец, подошли к Вене и заняли гору Каленберг, с которой открывался вид на осажденный город. Он был объят клубами дыма и пыли. За городом раскинулся, сверкая золочеными верхушками шатров, лагерь Кара Мустафы, а перед ним развернутые позиции турецких войск. Состоялся последний военный совет, был утвержден план сражения, распределены задачи между частями соединений. Войска прослушали торжественную мессу.

С первыми лучами солнца союзные войска стремительно бросились в наступление. Левым крылом командовал Карл Лотарингский, правым – Ян Собеский. Из Вены наступление заметили и приветствовали сигнальными ракетами. Кара Мустафа ожидал нападения совсем с другой стороны, вдоль Дуная, поэтому не выставил на пути врага достаточного количества пушек. Передовые посты султанского войска были смяты левым крылом армии наступающих и отброшены далеко назад. Подавляя сопротивление неприятеля, отряды Карла Лотарингского достигли края лагеря Кара Мустафы и остановились в ожидании польских союзников. Около двух часов пополудни войска Карла Лотарингского и Яна Собеского встретились и снова ринулись в бой. Кара Мустафа бросил в центр вражеских войск, где сражались польские рейтары, лучшие из своих частей, и чуть не прорвал его. Но Яну Собескому удалось вовремя прислать подкрепления. Карл Лотарингский поддержал союзников с левого фланга. Польские рейтары, во главе которых мчался на коне их король, с возгласами «Помоги, Дева Мария» ворвались в лагерь Кара Мустафы. Как писал один современник, эти мчавшиеся во весь опор с пиками наперевес всадники, латы которых со спины были украшены деревянными крыльями,

облепленными лебедиными перьями, растерянным туркам казались разгневанными ангелами, спустившимися с неба.

В этой неразберихе отдельные части османских войск остались без связи друг с другом, они получали противоречивые приказы. Кара Мустафа со своего командного пункта видел атакующих поляков. Он еще надеялся на помощь татарской кавалерии, но татары предали и ушли, не вступив в бой. И вот дрогнули и побежали янычары, за ними остальные. Началась паника. Кара Мустафа потерял контроль над войсками и отступил, бросив свой лагерь и свои сокровища. Около четырех часов пополудни судьба Вены была решена.

Карл Лотарингский и его командиры не верили, что сражение закончилось и в течение всей ночи держали свои войска в боевой готовности, опасаясь возвращения Кара Мустафы. В это время в лагере великого везира уже хозяйничали польские рейтары, захватив лучшую добычу. Поговаривали, что сокровища из шатра Кара Мустафы достались Яну Собескому.

На следующий день были подсчитаны потери: османы оставили на поле битвы 10 тыс. убитых, всю артиллерию и много боевых знамен. Христианские союзные войска потеряли 2 тыс. убитыми. Кроме того, в лагере неприятеля победители нашли горы трупов убитых турками пленных, по некоторым свидетельствам, несколько тысяч. Наибольшие потери понесли, однако, защитники Вены и жители окрестных деревень и городков.

Битва была выиграна. Эйфория победы сменялась новыми тревогами и заботами. Для начала предстояло решить, кому же принадлежат лавры этой победы. Прежние подозрения дополнялись новыми обидами. Леопольд был обижен тем, что Ян Собеский разграбил лагерь Кара Мустафы. Его возмутило также то, что польский король, нарушив приказ императора, въехал в его столицу как победитель, приветствуемый населением Вены. Леопольд писал своему духовнику: «Согласно моему приказу я первым должен был войти в город, ибо мне кажется, что в ином случае может уменьшиться любовь моих подданных ко мне и вырасти — по отношению к другим... Мои подданные должны видеть и приветствовать меня»¹¹⁴. Но как было рассчитывать на триумф императору, позорное бегство которого видели те же подданные?! Ян Собеский в свою очередь жаловался в письмах к жене на то, что его солдат, умирающих от голода и ран, австрийцы не пропускают в город, а комендант приказал стрелять в тех, кто прорывается в Вену.

В таких обстоятельствах было трудно решиться на личную встречу двух монархов. Но она все же состоялась 15 сентября близ Вены на швахатском поле. Леопольд устроил своему союзнику и спасителю Вены холодный прием: не нашел подходящих для данного случая слов и выражений; более того, отказался оказать «коллеге по власти» почести, на которые тот претендовал, считая себя как коронованная особа равным Леопольду. Кроме того, император демонстративно проигнорировал почтительное приветствие принца Якуба Собеского, сопровождавшего на встрече отца. Раздосадованный польский король в ответ на невнятную благодарность императора за оказанную помощь иронически заметил: «Я был рад, сир, оказать Вам эту маленькую услугу».

Однако холодность Леопольда имела под собой и более серьезные причины, чем обида на несоблюдение польским королем приличий. Собеский очень хотел соединить брачными узами своего сына и дочь Леопольда эрцгерцогиню Марию Антонию, что укрепило бы шансы семьи Собеских сохранить за собой польский трон. Любое публичное проявление внимания императора к Якубу могло быть воспринято как аванс с его стороны в пользу семейного союза с Собескими¹¹⁵. Но Леопольд был далек от мысли породниться с принцем, избрание которого королем всецело зависело от воли шляхты. Ведь если бы польские сословия в будущем остановили свой выбор не на Якубе, то эрцгерцогиня из рода Габсбургов пополнила бы ряды многочисленной польской аристократии. Кроме того, к этому времени, очевидно, уже появился более подходящий претендент на руку Марии Антонии – Макс Эммануил Баварский¹¹⁶. Наконец, Леопольд не доверял Яну Собескому из-за Венгрии, которой тот помогал¹¹⁷, в частности, поддерживая отношения с Имре Тёкэли, в конечном счете, во вред Вене. Польского короля до поры до времени устраивало существование в Верхней Венгрии самостоятельного княжества Тёкэли, которое находилось бы под его влиянием. Но имелись сведения о том, что Ян Собеский связывал с этим княжеством, прикрывавшим польские границы с юга, более далеко идущие планы. Успешный поход Яна Собеского к Вене поднял его популярность в Венгрии, а активность польских войск в Верхней Венгрии только усилила подозрения Леопольда. Собеские могли завладеть Венгрией путем династического брака¹¹⁸. Отношения между союзниками крайне обострились, несмотря на то, что Леопольд сообщал Марко д'Аввиано: «Сегодняшняя встреча с польским королем прошла прекрасно»¹¹⁹.

Сразу же после победы у Вены встал вопрос о дальнейших планах императора в войне и о судьбе сложившейся коалиции. Верный себе Леопольд под давлением испанской «партии» снова стал искать мира с Портой и уже 24 сентября послал туда предложения о мире. Придворный военный совет отклонил план польского короля, который предлагал закрепить военный успех, воспользовавшись растерянностью противника и взяв оплот османской власти в Венгрии – Буду. Был издан указ о роспуске союзной армии. О своих намерениях Леопольд известил папу. Однако Ян Собеский был полон решимости продолжать войну. Проигнорировав решение императора, он бросился вслед за османской армией. При венском дворе снова разгорелась борьба между «партиями» войны и мира. Под давлением Буонвизи и Карла Лотарингского Придворный совет все же направил войска в Венгрию.

В это время Кара Мустафа неожиданно прекратил отступление и, наведя порядок в своих войсках, пополнив их, повернул к Буде, чтобы ответить противнику контрударом. 7 октября в битве при Паркани (на переправе через Дунай на полпути между Будой и Дьером) Ян Собеский потерпел тяжелое поражение от османов, потеряв около 2 тыс. своих солдат. Настала очередь вовремя подоспевших императорских войск спасти польского короля. 9 октября османы были наголову разбиты у Паркани во время их переправы по понтонному мосту через Дунай. Их потери превысили потери под Веной¹²⁰. Вслед за этим был взят Эстергом. Кара Мустафа с остатками войск бежал к

Белграду. Дома великого везира ждала обычная в таких случаях судьба проигравшего войну полководца: казнь путем удушения шелковым шнурком.

Военная кампания 1683 г. закончилась явной победой союзных войск. Победа у Вены вызвала воодушевление в Европе, снова убедившейся в том, что мощь Османской империи ослабла и ее можно победить. Тем не менее, дальнейшие перспективы войны с османами к этому моменту еще не определились.

Обострились противоречия между союзниками. Ян Собеский открыто выступил в поддержку Тёкёли, взяв на себя посредничество в переговорах между ним и Веной¹²¹. По сообщению французского резидента Севиля, Вена предложила Тёкёли Верхнюю Венгрию и титул имперского князя. Но тот потребовал для себя еще и Пожонь, а также земли в наследственных владениях Габсбургов в счет компенсации тех территорий, которые были заняты османами в Верхней Венгрии¹²². Кроме того, Тёкёли потребовал амнистии и отмены конфискаций для своих сторонников. Вена заподозрила за посредничеством Яна Собеского его собственные претензии на Венгрию, для чего имелись серьезные основания, ибо польский король начал в Верхней Венгрии военные действия и взял несколько городов¹²³. Придворный военный совет спешно послал в Верхнюю Венгрию армию для подтверждения прав Габсбургов на эту область. Ян Собеский увел свою армию в Польшу. Намного раньше домой вернулись баварские войска. Сразу же после спасения Вены союзный лагерь покинули саксонцы, сочтя свою миссию выполненной. Леопольду Габсбургу вновь предстояло решать вопрос о продолжении войны.

В этой ситуации бурную активность развил Иннокентий XI, не допускавший мысли о том, чтобы прекратить столь успешно начатую наступательную войну. В декабре 1683 г. Рим вернулся к старой идее создания международной коалиции под эгидой папы, которая включала бы Империю, Польшу, Испанию, Венецию, Тоскану, Мальтийский Орден, Молдавию, Валахию, Трансильванию¹²⁴. Леопольд тянул время, надеясь на мир. В дипломатических кругах упорно ходили слухи о мирных переговорах императорских послов со Стамбулом¹²⁵. Все же к январю 1684 г. император понял, что войны с османами не избежать. К окончательному решению его подтолкнули османы. Мехмед IV отказался принять мирные предложения императора и в начале 1684 г. стал готовиться к новому походу на Венгрию. Место казненного Кара Мустафы занял новый великий везир Кара Ибрагим, представлявший крайне милитаристски настроенные круги османской верхушки.

Венская дипломатия поддержала усилия Рима, направленные на создание международной коалиции. Не без советов со стороны Буонвизи и Марко д'Аввиано император старался наладить добрые отношения с польским королем, который уже вел военные действия против османов в Подолии¹²⁶. Возобновились переговоры с Венецией, куда с целью подготовки союза ездил Марко д'Аввиано. В январе 1684 г. в Венецию для переговоров прибыл императорский посол граф делла Торре¹²⁷. Предложение вступить в союз для ведения войны с Османской империей вызвало в венецианском сенате бурные дискуссии. Часть сенаторов выступила против участия Венеции в войне, мотивируя это крайним истощением ресурсов республики в резуль-

тате Кандийской войны. Постоянно склонявшийся к миру с Портой Леопольд не казался венецианцам надежным союзником. Они опасались того, что император, если и вступит в войну, то ограничится защитой границ наследственных владений, а в случае необходимости заключит с османами сепаратный мир, оставив разоренную Венецию в одиночестве перед лицом противника. Другая часть сената полагала, что в нынешней благоприятной международной ситуации республике выпала редкая возможность в союзе с сильными государствами победить османов. В этом случае решился бы, наконец, вопрос о Далмации, были бы возвращены захваченные султаном венецианские владения; Венеция прекратила бы выплачивать Порте огромные суммы в счет гарантии сохранения хрупкого и ненадежного мира¹²⁸. Венецианцы боялись также того, что если не присоединятся к коалиции, то при благоприятном исходе войны интересы республики не будут учтены победителями. Венецианский сенат решил в пользу присоединения к союзу.

Работая над созданием антиосманского союза, габсбургская дипломатия обратила свое внимание и на Россию. Вопрос о ее присоединении ставился еще на польско-габсбургских переговорах весной 1683 г. В 1684 г. в Москву с этой целью было направлено посольство из Вены.

Уже в начале марта 1684 г. переговоры об образовании коалиции вошли в завершающую стадию. В Вене польские, венецианские, папские дипломаты совместно с представителями императора подготовили проект договора о создании Священной лиги. Он был подписан 5 марта в Линце, где в тот момент находился двор Леопольда. По свидетельству Контарини, противники союза – Франция и Испания – до последнего момента делали все возможное, чтобы по крайней мере удержать Венецию от вступления в него: в приближающейся франко-испанской войне каждый из противников хотел заполучить для себя союзничество республики¹²⁹.

Договор был направлен исключительно против османов. Гарантом лиги выступал папа римский, который одновременно активно участвовал в войне, оказывая союзникам военную и материальную помощь. Три кардинала от имени правителей-союзников перед лицом Иннокентия XI принесли клятву о соблюдении договора. Наученные не всегда удачным опытом более ранних попыток совместно воевать с османами, участники лиги стремились все-сторонне обезопасить свои позиции и обеспечить свои интересы. Так, они договорились совместно вести войну против Османской империи вплоть до почетного мира и не заключать сепаратного мира, каких бы выгод он ни сулил. Стороны обязались помогать друг другу в случае необходимости. В целом же каждый из участников коалиции определял для себя самостоятельный театр военных действий, что в договоре объяснялось необходимостью раздробить силы противника, но на самом деле в немалой мере отражало также расхождение между Речью Посполитой, Венецией и императором. Леопольд вел войну в Венгрии и Хорватии, Ян Собеский – на Украине, Венеция – в Адриатическом и Эгейском морях, а также в Далмации. Договор предусматривал возвращение отвоеванных территорий тому, кому они принадлежали раньше¹³⁰. После того, как Венеция объявила войну Стамбулу (15 июля 1684 г.)¹³¹, к ней присоединились мальтийские иоанниты.

Сразу после возникновения лиги папской дипломатии пришлось приложить большие усилия к тому, чтобы сгладить противоречия между ее участниками. Так, между Веной и Венецией возникли споры по поводу принадлежности Далмации и некоторых территорий в Боснии. Венеция согласилась признать права венгерского короля только на часть Далмации, что обусловило слабое военное присутствие Австрии в этом регионе во время войны¹³². Намерения Собеского подчинить Молдавию и Валахию осложняли и без того не безоблачные отношения между Варшавой и Веной. В частности, по этой причине действиям союзников недоставало согласованности.

Соглашаясь на крупномасштабную войну с султаном, в первую очередь на территории Венгрии, Леопольд понимал, что должен обеспечить лояльность местного населения. Еще осенью 1683 г. он был полон решимости наказать венгров за переход на сторону османов во время последнего похода Кара Мустафы. Однако наиболее трезвые политики в Вене понимали, что чрезвычайно опасно в обстановке продолжающейся войны прибегнуть к крайним мерам в отношении непокорной Венгрии, так как в конечном счете это сыграло бы на руку османам. Поэтому, хотя король и грозился конфисковать замки и крепости, принадлежавшие «изменникам», для того, чтобы разместить и содержать в них войска¹³³, а в случае необходимости осуществить «формальную конфискацию владений и доходов мятежников»¹³⁴, в действительности до этого дело не дошло. Более того, в январе 1684 г. Леопольд обратился к венгерскому населению с посланием, в котором обещал освободить страну от турок и призывал сословия Венгрии присоединиться с оружием в руках к борьбе против общего врага. Король объявлял амнистию тем своим подданным, кто в июле 1683 г. «совершил ошибку», а также тем сторонникам Имре Тёкёли, которые перейдут на его сторону. Он также обещал на ближайшем государственном собрании урегулировать спорные религиозные, военные и экономические вопросы¹³⁵. Этот тактически верный шаг (сделанный Леопольдом, впрочем, не без совета того же Марко д'Аввиано) был подкреплён новым, не менее тонким ходом. В феврале 1684 г. по поручению императора в Пожонь прибыл герой венгерской эпопеи Карл Лотарингский, с симпатией воспринимавшийся в Венгрии. 17 венгерских комитатов, 12 городов и 14 магнатов принесли перед ним присягу верности Леопольду. Одному из «изменников» – Баттяни – была возвращена должность верховного капитана Задунайских областей. Некоторые получили командные должности в армии, правда, не в венгерской, а в императорской. В свою очередь, надор Пал Эстерхази обратился к королю с призывом взять в свои руки военную и дипломатическую инициативу. В Венгрии комплектовались значительные по численности пехотные и кавалерийские части, принявшие активное участие в военных действиях 1684 г.

Таким образом, в «борьбе за венгров», которая велась между Веной и Тёкёли, Габсбурги одержали важную «дипломатическую» победу, хотя на протяжении 1684 г. вождю куруцев сопутствовала военная удача, и он смог занять ряд важных населенных пунктов и крепостей в восточной части Верхней Венгрии. Зато дипломатические усилия мятежного князя не принесли заметных плодов. После того, как Вена отвергла предложения Тёкёли о его

включении в борьбу с османами на стороне Габсбургов, он обращался к Людовику XIV, бранденбургскому и саксонскому курфюрстам и даже к Иннокентию XI с обвинениями в адрес Габсбургов и объяснениями своих позиций. Однако, несмотря на определенное сочувствие со стороны протестантских правителей, все очевидней становилась внешнеполитическая изоляция Тёкёли. После столкновений куруцев с польскими войсками осенью 1683 г. ухудшились отношения Тёкёли с Яном Собеским. Папа отказался быть посредником между ними (о чем Тёкёли просил римского понтифика), потребовав от вождя куруцев возвращения в католицизм, отказа от власти и подчинения королю¹³⁶.

Священную лигу уже с первых шагов ожидали серьезные испытания в Западной Европе. В ноябре 1683 г. Испания объявила Франции войну, которая не могла не затронуть Империю. Военные действия велись в Бельгии, и в апреле 1684 г. французские войска осадили Люксембург, хотя и управлявшийся испанской администрацией, но формально входивший в состав Германской империи. Макс Эммануил Баварский, почувствовав угрозу своим владениям, отправил к западным границам армию и попросил о дополнительной помощи Леопольда, с которым, как отмечалось, его связывали договорные отношения. По настоятельной просьбе императора и испанского посла часть войск, собиравшихся на папские деньги для ведения войны с османами, была направлена к Рейну. Усилия, предпринятые папской дипломатией, а также Англией и Голландией для того, чтобы урезонить Францию, не принесли желаемых результатов. В июне Люксембург пал. 28 июня Бавария заключила перемирие с Францией. Леопольду не оставалось ничего другого, кроме как одобрить его¹³⁷. Опасаясь еще больших потерь в условиях войны на два фронта, император пошел на соглашение с Францией. 15 августа 1684 г. в Регенсбурге был подписан мир на 20 лет, по которому Леопольд был вынужден признать результаты политики «присоединительных палат». Военные и дипломатические неудачи Вены в Западной Европе имели последствия для положения дел в Священной лиге. В частности, к ней не решился присоединиться Бранденбург, уже готовый к тому времени сменить союзников¹³⁸. В то же время 16 марта 1684 г. между Бранденбургом и Речью Посполитой был обновлен договор, предусматривавший посылку 2 тыс. бранденбургских солдат в распоряжение польского короля. В конце лета эти войска сражались вместе с поляками у Днестра, участвовали в осаде Каменца¹³⁹.

Каким бы тяжелым бременем ни легла на плечи Габсбургов ноша войны с Францией, они уже не могли отказаться от войны на Востоке. Весной 1684 г. в соответствии с договоренностью союзники начали военные действия, которые не прекращались до 1699 г., вплоть до заключения Карловацкого мира. После заключения регенсбургского перемирия, в августе 1684 г. Леопольд мог направить на венгерский фронт уже все войска.

Успехи в военной кампании 1683 г. породили в венском руководстве иллюзии возможности одержать легкую и скорую победу над османами в Венгрии. Придворный совет настаивал на взятии Буды. Карл Лотарингский разделял мнение Германа Баденского и считал, что сможет взять Буду в вось-

мидневный срок и уже в этом году освободить всю страну. На самом деле, взятие Буды – оплота и символа османского владычества в Венгрии, служившего, кроме того, базой для дальнейшей экспансии османов в Европе в целом и в направлении Австрии в частности – имело огромное военное, политическое и моральное значение как для Габсбургов, так и для всей Европы. Не случайно именно к Буде было обращено внимание европейских политиков и дипломатов, а также международное общественное мнение. Взятие Буды существенно усилило бы международные позиции Австрийского дома, пополнило бы лагерь его сторонников перед лицом главного врага – Франции, а также умножило бы число союзников в войне с османами. Можно было бы оправдаться в огромных материальных затратах, на которые шла империя, католическая церковь и все европейское сообщество в связи с войной на востоке и рассчитывать на новые кредиты. Взяв Буду, Габсбурги, помимо прочего, выглядели бы в глазах своих венгерских подданных как освободители, выполнившие, наконец, обещание, данное в свое время Фердинандом I Габсбургом, первым венгерским королем, выбравшим его венгерским сословиям: изгнать турок из страны и объединить ее.

Не все в Вене разделяли этот «победоносный» оптимизм в отношении Буды. Так, Штаремберг и Буонвизи предупреждали высшее командование о трудностях осады Буды в частности и военной кампании в Венгрии в целом, ссылаясь на то, что здесь османы прекрасно укрепились и располагают большими силами. «Такие огромные империи, как турецкая, поднимаются не в один день и не разваливаются от одного удара», – писал Леопольду папский нунций¹⁴⁰. Действительно, численность османских гарнизонов в Венгрии составляла 50–70 тыс. человек, в Буде – 10 тыс. Столицу защищали 300 артиллерийских орудий¹⁴¹. В Белграде стояла готовая выступить по приказу султана главная армия.

Тем не менее, военная кампания 1684 г. началась многообещающе. Императорские войска под командованием Карла Лотарингского численностью в 40 тыс. человек в начале мая стали продвигаться вдоль Дуная по направлению к Буде. Они взяли Вишеград (14.VI), одержали крупную победу над войсками будайского пашы у Ваца (27.VI), без боя вошли в Пешт, и в середине июля осадили Буду. Осада Буды в 1684 г. продолжалась до начала ноября. Несмотря на то, что в период осады императорские войска получили значительные подкрепления из Баварии и победили османов в нескольких сражениях (у Эрда, Сентэндре), успешно сражались против Тёкёли в Верхней Венгрии и даже прорвались в самую будайскую крепость (это сделали баварцы), главная цель – взятие Буды – достигнута не была. Осаждающих косили болезни, не хватало продовольствия, боеприпасов. Потери союзников под Будой составили 24 тыс. человек¹⁴². Османы перешли в контрнаступление, вернули Вац. Оправдались предостережения Штаремберга и Буонвизи относительно военной силы османов в Венгрии. Показала также свою слабость стратегия, избранная верховным австрийским командованием. Пока в руках османов в Венгрии находились важнейшие крепости, составлявшие оборонительный рубеж, и не были перекрыты коммуникации, по которым неприятельские гарнизоны могли получать подкрепление людь-

ми, оружием и провиантом, нельзя было думать ни об освобождении Буды, ни об изгнании османов из Венгрии. Более решительным акциям препятствовала также недостаточная численность императорских войск и слабая координация.

Действия союзников на других фронтах, безусловно, распыляли силы османов, не позволяя им ударить в одном направлении. Так, Венеция, объявившая султану войну 16 июня 1684 г., начала военные действия в Далмации и в Эгейском море (у Ионических островов и в Коринфском заливе), где своими успешными операциями 1684–1687 гг. прославился командующий венецианским флотом Франческо Морозини¹⁴³. Однако его успехи не смогли существенно оживить венгерскую военную кампанию. К тому же Ян Собеский в 1684 г. не добился результатов своим походом в Молдавию, и в ноябре 1684 г. по дипломатическим каналам распространилась информация о мирных переговорах между Речью Посполитой и Портой¹⁴⁴. К концу военного «сезона» напряжение сил сказалось и на настроениях венского двора, при котором снова подняла голову «испанская партия», склонная к мирным переговорам¹⁴⁵. Эти настроения разделяли и в Стамбуле: султан торопился, поскольку в столице начались волнения янычар. В конце января османская сторона через будайского пашу стала прощупывать намерения Вены в отношении заключения мира¹⁴⁶. Французский посол в Вене передавал домой противоречивые сведения о перспективах мирных переговоров между Веной и Стамбулом. Так, 31 января он сообщал о том, что в Вене считают мир с Портой нежелательным, но тем не менее «притормозили» приготовления к новой военной кампании¹⁴⁷. Но уже на следующий день, а также в конце месяца посол уведомлял Версаль о том, что в Вене поддерживают переговоры с султаном¹⁴⁸. К миру склонялась и Венеция. Летом того же года государственный секретарь Круасси, инструктируя французского посла в Стамбуле Пьера Жирардена, среди прочего сообщал ему о том, что «и император, и венецианцы горячо желают как можно быстрее договориться с турками, ибо те, нуждаясь в людях и деньгах, сами склонны к тому, чтобы скорее завершить войну в Венгрии»¹⁴⁹.

Тем не менее, война продолжилась и в 1685 г., причем в более благоприятных, чем прежде, условиях для союзников. Армия существенно пополнилась за счет контингентов, присланных из германских княжеств (30–40 тыс.), а также добровольцев из Швеции, Дании, Голландии и других стран. Все более активно включался в военные действия курфюрст Баварский со своей 7-тыс. армией. Общая численность войск составила 120–125 тыс. человек¹⁵⁰. Выросла также численность венгерских подразделений (около 20 тыс.). Правда, Придворный военный совет отверг предложение надора Пала Эстерхази создать самостоятельную венгерскую армию, несмотря на то, что на сторону императора к этому времени перешли около 10 тыс. куруцев. Командование пересмотрело планы и стратегию. Армия была разделена на три части и распределена по трем направлениям. Основная колонна (40 тыс. человек) действовала против крупнейших османских крепостей, вторая была послана в Верхнюю Венгрию, чтобы блокировать Тёкёли, третья – к Драве для перекрытия подступов к Венгрии. Снова военные сводки

запестрели упоминанием Эсека – главной турецкой переправы через Драву, сожженной Миклошем Зрини во время его знаменитого зимнего похода и восстановленной османами позже. Однако действия на южной границе, связанные с захватом Эсека, оставались второстепенными, так что полностью блокировать османские силы в Венгрии не удалось. Только в конце августа мост в Эсеке был, наконец, сожжен¹⁵¹. В центре силы расплывались между разными крепостями, что приводило к излишним усилиям и затратам. Важнейшим событием этой кампании стало взятие Эршекуйвара (19.VIII), ключевой крепости на пути к Верхней Венгрии. Осенью 1685 г. Карл Лотарингский обратил в бегство османов, осаждавших Эстергом. В протестантском Берлине эстергомская победа была отмечена молитвами и проповедями в казармах, а также пушечными салютами. Курфюрст Фридрих Вильгельм был настолько вдохновлен этой победой императора и Макса Эммануила, что, наконец, решил послать свои войска в Венгрию¹⁵².

После взятия Эршекуйвара в тылу у императорских армий, готовившихся к осаде Буды, не осталось ни одной крупной крепости. На возвращенных венгерских территориях можно было расквартировать союзные войска и тем самым облегчить тяготы собственно австрийских земель. Это и было сделано. Нижняя Австрия уже в конце 1683 г. была освобождена на несколько ближайших лет от налогов¹⁵³. Зато на плечи населения Венгрии легли дополнительные тяготы. Французский посол Шверни в начале июля 1685 г. передавал Людовику XIV слова Пала Эстерхази о том, что Венгрию опустошают в равной мере османские и союзные войска, а также куруцы¹⁵⁴. В начале января 1685 г. тот же Шверни сообщал королю о том, что население венгерских деревень при приближении императорской армии покидает свои дома, унося имущество¹⁵⁵. Особенной жестокостью отличался командующий войсками императора в Верхней Венгрии Антонио Караффа, племянник Р. Монтекукколи. Он ненавидел венгров и называл себя «бичом венгров», как когда-то называли «божьим бичом» гуннского вождя Аттилу, терроризировавшего Европу. Своими действиями он вызывал осуждение со стороны европейского общественного мнения. Караффа налагал непосильную контрибуцию на венгерские города, но поскольку население было неплатежеспособным, взимал ее с помощью солдат, прибегая к прямому грабежу и пыткам¹⁵⁶.

Военная кампания 1685 г. сопровождалась успешными действиями императорских войск в Верхней Венгрии против Имре Тёкёли. Князь потерял важнейшие крепости и города: Эперьеш (совр. Прешов в Словакии), Токай, Сренч, Калло, а также Кашшу, Шарошпатак и другие менее значительные крепости¹⁵⁷. Неожиданно османьы облегчили задачу императорским войскам. В середине октября Тёкёли был схвачен варадским пашой Ахмедом и посажен в тюрьму в Белграде по обвинению в измене. Этим шагом паша Ахмед надеялся задобрить Вену, рассчитывая на заключение мира. Однако поступок паши имел самые тяжелые последствия для движения куруцев и ослабил позиции османов в Венгрии. После ареста своего вождя куруцы стали сдавать императорским войскам крепость за крепостью и сами переходили на сторону Леопольда. В Стамбуле вскоре поняли просчет: паша

Ахмед был жестоко наказан (казнен), а Тёкёли в начале января 1686 г. выпущен на свободу с признанием всех его прав. Однако вождь куруцев и князь Верхней Венгрии уже потерял массовую поддержку в Венгрии и авторитет в международных кругах. Он окончательно превратился в орудие османской политики, утратив всякую возможность самостоятельных действий.

* * *

Военные кампании императорских и имперских войск в Венгрии 1683–1685 гг. подготовили успех кампании 1686 г., ставшей апогеем войны с османами, а именно, возвращение Буды. Освобождение этой крепости имело в глазах воюющей с османами Европы огромное значение. Бывшая столица Венгерского королевства была центром одного из самых важных и крупных вилайетов Османской империи. Она служила опорным пунктом в продвижении османов на Запад. Крепость контролировала важнейшую водную коммуникацию Венгрии и всей Центральной Европы – Дунай. Буда занимала ключевое положение в османской оборонительной системе. Ее окружал двойной пояс обороны: во внешний входили такие важные крепости, как Эршекуйвар, Эгер, Варад, Темешвар, Сигетвар, Канижа. Внутренняя линия опиралась на Секешфехервар, Эстергом и Хатван¹⁵⁸. Из этих стратегически важных крепостей к 1686 г. императорские войска взяли только Эстергом (IX.1683 г.) и Эршекуйвар (VIII.1685 г.). Практика показала, что взятие отдельных, пусть даже таких важных крепостей, не может изменить в корне положения дел до тех пор, пока не будет сокрушена главная цитадель османского господства в Венгрии – Буда. Однако для ее взятия сил одних только императорских войск явно не хватало. Операция могла быть исполнена только с помощью союзников, максимально объединивших свои силы и усилия на одной задаче и в одном направлении.

Международная ситуация в Европе в том году складывалась для Австрии благоприятно. Рейхстаг проголосовал за выделение императору «турецкой помощи» на 1686 г. в размере 1 млн. флоринов деньгами, а на сумму 1,75 млн. флоринов предполагалось собрать и снарядить армию¹⁵⁹. В апреле Россия и Речь Посполитая заключили между собой «Вечный мир». В течение года австрийские Габсбурги расширяли круг своих союзников. К Священной лиге присоединилась Россия. Союзники Габсбургов по лиге вели военные операции, которые отвлекали османские силы от Венгрии и, таким образом, способствовали успехам в этом регионе. Русская армия действовала в Южной Украине, польско-литовские войска – в направлении Молдавии и Валахии, Венецианская республика – на морях и в Далмации.

Внутренняя и внешняя политика, проводимая Францией, все в большей мере настраивала Европу против Людовика XIV. Новый взрыв возмущения вызвала отмена осенью 1685 г. Нантского эдикта и преследования протестантов в стране. В апреле 1686 г. в тайне (в первую очередь от французского короля)¹⁶⁰ был заключен оборонительный союз между Леопольдом и курфюрстом Бранденбурга Фридрихом Вильгельмом. В июне в ответ на новые территориальные претензии Людовика XIV (уже в отношении Пфальца)¹⁶¹ ряд европейских государств и германских княжеств объединились вокруг

Леопольда, создав Аугсбургскую лигу. В нее вошли Испания, Швеция, Бавария, Саксония (герцогство и курфюршество), Франкония, Швабия, верхнерейнские княжества империи¹⁶². Создание лиги облегчило подготовку к новому этапу войны с османами в Венгрии. Леопольд чувствовал себя более уверенно при такой широкой поддержке на Западе. Кроме того, князья и курфюрсты оказали ему значительную помощь в Венгрии. Так, Макс Эммануил Баварский собрал для похода 8-тыс. армию и мечтал возглавить весь поход. К этому времени курфюрст уже связал себя родственными узами с австрийскими Габсбургами, женившись на дочери Леопольда¹⁶³. Командование императорской армией повысило бы международный престиж зятя императора в глазах Европы. В надвигавшемся споре за наследство бездетного испанского короля Макс Эммануил рассчитывал на свою долю (т.е. на долю жены), и Европа должна была увидеть, что он способен защитить свои интересы¹⁶⁴.

Наконец, в военной кампании 1686 г. союзникам благоприятствовали сомнения Франции в восточном вопросе и позиция, занятая ею в отношениях с Габсбургами. Весной 1686 г. французский король инструктировал своего посла в Вене в том, что тот должен убедить венский двор в мирных намерениях Версаля, а именно в том, что Франция не будет воевать с Габсбургами, пока они ведут войну с турками¹⁶⁵. Чем можно объяснить это «великодушие» Людовика? Насколько он был искренен в своих заявлениях? Каковы были его истинные намерения? Известно, что с начала 1685 г. Людовик XIV неоднократно требовал от своих послов в Австрии подробнейшей информации о венгерских делах, о венском дворе, о перспективах его переговоров со Стамбулом¹⁶⁶. Можно предположить, что Людовик XIV понял: вопрос о европейской гегемонии решается в войне с османами, поскольку победы над ними укрепляют международный авторитет Габсбургов. Возможно, увидев, что расстановка сил на восточном фронте складывается в целом не в пользу Порты, французский король решил извлечь из этого выгоды и потеснить ее в Средиземном море. Косвенным свидетельством подобных намерений может служить отпечатанная во Франции по распоряжению Людовика XIV карта Средиземноморья с обозначением османских сил. Подпись на карте выдавала намерения короля: «Подготовлена в помощь королю для того, чтобы напасть на эти области и завоевать их»¹⁶⁷. Реализация планов, с одной стороны, обеспечила бы интересы французской торговли в Леванте, с другой – реабилитировала бы французскую восточную политику в глазах Европы. В то же время французские дипломаты и весной 1686 г. убеждали султана в том, что у Франции нет намерений поддерживать его врагов. Как бы то ни было, события ближайших лет показали, что интересы французской короны на Рейне возобладали над левантийскими, и в 1688 г. Франция начала новую войну – Пфальцскую.

Императорские войска выступили из Эстергома в направлении Буды 6 июня 1686 г. Известие о том, что в Белграде в результате пожара серьезно пострадали военные склады, чрезвычайно воодушевило австрийское командование и заставило его поторопиться с походом¹⁶⁸. Главнокомандующим императорской армией был назначен Карл Лотарингский, один из самых

талантливых и опытных полководцев. Но поскольку Макс Эммануил, претендовавший на этот пост, ни в коем случае не хотел подчиняться кому бы то ни было, да еще и намеревался идти брать не Буду, а Секешфехервар, Придворный военный совет разрешил ему выступить со своей армией отдельной колонной, но к Буде. Под началом Карла состояло более 40 тыс. солдат, в основном, императорские контингенты и большая часть войск, присланных из Германской империи: бранденбургские, швабские, франконские и др. Под командованием курфюрста Баварского находилось около 22 тыс. человек, из них только 8 тыс. из Баварии¹⁶⁹. Он вел за собой и саксонцев. В войсках Макса Эммануила в этой кампании сражался молодой принц Евгений Савойский, прославившийся в конце войны. Весной и летом 1686 г. в Венгрию устремилось огромное число волонтеров со всех концов Европы, желавших принять участие в важнейшем событии века – освобождении Буды. У ее стен воевали итальянцы, испанцы, каталонцы, португальцы, французы, голландцы, англичане, лжецы и др. Здесь находился цвет европейской аристократии: нейбургский герцог Карл Филипп, французский генерал герцог Эктор Виллар и другие. Английский король Яков II приказал своему сыну Якову прервать учебу в Париже и поспешить к Буде.

В отличие от кампании 1683 г., в 1686 г. в императорской армии были представлены многочисленные венгерские части, около 15 тыс. человек. Среди них выделялась легкая кавалерия, эффективная в разведке, в засаде, в рейдах во вражеские тылы, а также при захвате небольших укрепленных пунктов. В составе венгерских войск сражались также хорваты и сербы. Большой вклад в победу внесли венгерские полководцы Адам Баттяни, Карой и Янош Палфи, Иштван Кохари, Давид Петнехази. Венгерские войска окружили все небольшие вражеские крепости недалеко от Буды, чтобы их гарнизоны не пришли на помощь осажденной столице. Однако присутствие венгров в императорских войсках, героизм, проявленный ими в боях с османами, не меняли общей картины. Хотя Леопольд I и призвал венгров к оружию еще в 1684 г., Вена с подозрением относилась к ним и всячески ограничивала их военные силы. Даже надору Палу Эстерхази, единственному из венгерских аристократов, сохранивших верность Австрийскому дому в переломный 1683 год, и приведшему свои войска к Вене, в 1686 г. не нашлось места в армии. Венгерские полководцы воевали под началом императорских генералов. Часть венгерских гарнизонов была распущена. Венгерские командиры жаловались Придворному военному совету, что оставшиеся войска и гарнизоны не получают жалованья, голодают, раздеты, разуты, поэтому вынуждены обеспечивать себя сами разными способами, даже противозаконными¹⁷⁰. Правда, следует отметить, что причины небрежения венских властей к венгерским вооруженным силам кроются не только в трудных взаимоотношениях Габсбургов и их венгерских подданных. Ни оснащение, ни обученность, ни дисциплина венгерских войск не отвечали требованиям современной войны. Поэтому императорские полководцы пренебрегали ими и в основном использовали в качестве вспомогательной силы. К тому же, как отмечают исследователи, в освобождении Вен-

рии, начиная с 1685 г., участвовали не комитатские дворянские ополчения, которые все еще составляли ядро венгерских военных сил, а те, для кого война стала профессией¹⁷¹. Таким образом, дворянство, наиболее активная политическая сила в Венгрии, в военном отношении не могло полноценно участвовать в освобождении своей страны от османов, а в политическом не слишком хотело этого и оставалось весьма индифферентным, так как не ожидало от освобождения ничего, кроме установления полновластия Габсбургов. Итак, Европа была полна энтузиазма и готовности дать решительный бой османам. Но, как отметила венгерская исследовательница Каталин Петер, «Венгрию освобождали не венгры...». Более того, «пол-Европы двинулось не ради страдающих венгров, а для того, чтобы изменить соотношение сил на континенте... В Венгрии, воюя против турок, соперничали друг с другом европейские государства. ... В венграх не было нужды, потому что для них не было места среди конкурирующих государств»¹⁷². В этом, по мнению К. Петер, состояла трагедия Венгрии.

18 июня императорские и союзные войска окружили Буду. Осада длилась до 2 сентября и закончилась взятием города и крепости. Из 60-тыс. армии христиан непосредственно у Буды находилась около 40 тыс. солдат. Османский гарнизон Буды насчитывал 10–12 тыс. солдат, но в обороне принимало участие и гражданское население, опасавшееся за свою жизнь и имущество. Обороной Буды руководил семидесятилетний будайский паша Абдурахман, талантливый полководец, храбрый и опытный солдат, отличившийся еще в Кандийской войне и имевший огромный опыт войны в Европе: он воевал у Каменца, у Вены, у Буды (в 1684 г.). Абди Абдурахман отвечал отказом на неоднократные предложения Карла Лотарингского сдать крепость.

Буда не относилась к числу самых современных крепостей, ее оборонительные сооружения не претерпели принципиальной модернизации с 1541 г., когда османы взяли город. Однако она была укреплена самой природой, так как располагалась на высоком плато с крутыми восточным и западным склонами. Дунай, протекавший у подножия плато с восточной стороны, служил дополнительной защитой. Между Дунаем и крепостью на плато (Верхняя крепость) находился Нижний город с системой внешних укреплений, образующих отдельную крепость. С этих сторон Верхняя крепость с ее толстыми стенами была практически неприступной. Осаждающие могли приблизиться к ней с юга и севера. По этой причине на северном участке стены, где находились Венские ворота, была построена круглая башня (Эстергомская) и три ряда параллельно расположенных стен, пространство между которыми дополнительно укреплялось. Оборонительную линию завершал ров глубиной в 20 метров. Южную сторону плато венчал королевский дворец, сам по себе являвшийся выдающимся оборонительным сооружением. Большое же число изолированных внутренних дворов на территории дворцового комплекса, а также сеть внешних стен образовывали настоящий лабиринт, повышавший эффективность обороны¹⁷³. Перед южным фасадом дворца располагалась вторая Большая круглая башня, самое мощное оборонительное сооружение Буды. Слабым местом в обороне являлась значитель-

ная растянутость Буды с севера на восток, что приводило к распылению сил осажденных. Такую крупную крепость, как Буда в конце XVII в. можно было взять только в ходе профессионально спланированной, технически подготовленной систематической осады, осуществляемой многочисленными регулярными войсками, хорошо обеспеченными всем необходимым для долгого пребывания в полевых условиях.

В 1686 г. освободители самым основательным образом подготовили осаду. Город был окружен со всех сторон, основные силы расположились двумя лагерями на северной стороне (Карл Лотарингский) и напротив королевского дворца (Макс Эммануил). Были блокированы все подступы к Буде, чтобы перекрыть снабжение осажденного города и военную помощь.

Едва ли не главную роль в будайской операции сыграла артиллерия. Войска Макса Эммануила и Людвига Баденского захватили укрепления, расположенные на горе Геллерт, напротив королевского дворца и Большой круглой башни, и оттуда их артиллерия методично обстреливала обращенный в эту сторону участок стены и укреплений. Целый месяц ушел на инженерные работы, в которых участвовали лучшие европейские военные инженеры, среди них итальянец Луиджи Марсильи. Параллельно стенам крепости были проложены три линии окопов, которые соединялись между собой зигзагообразными траншеями, доходившими до стен Буды. Внешняя линия защищала осаждающих от внезапного нападения извне. С обеих сторон повсеместно применялось минирование.

Операция по освобождению Буды началась с артиллерийского обстрела Нижнего города, который был взят 24 июня. Первая попытка штурма крепости и Верхнего города, предпринятая самостоятельно Карлом Лотарингским 13 июля, закончилась неудачно. Императорские войска понесли большие потери. Герцога обвиняли в спешке. Стало очевидным, что необходимо лучше координировать действия всех войск.

В конце июля пришло известие о том, что османская армия во главе с великим везиром Сулейманом переправилась через эсекский мост, который не успели захватить посланные к нему императорские войска, и спешит на помощь Буде¹⁷⁴. Туда же направились войска различных османских гарнизонов, стоявших в Венгрии. В ответ на эту весть 27 июля был принят первый общий штурм крепости. Бросившиеся на штурм войска несли огромные потери, взрываясь на минах. Солдаты шли по телам убитых. Турки отбивали атаку за атакой. Тогда генералы Рюдигер Штаремберг и Ганс Шёнинг лично повели за собой заколебавшихся солдат в образовавшиеся в стенах бреши. К концу дня осаждающие овладели Большой круглой башней на южной стороне и внешней крепостной стеной – на северной¹⁷⁵. После этого предпринималось еще несколько штурмов, в ходе которых кольцо осады сжималось.

Положение осажденных день ото дня ухудшалось, о чем сообщали лазутчики. Среди гражданского населения Буды были и христиане (греки, армяне, венгры и др.), некоторые из которых тайно сотрудничали с осаждающими, рассчитывая таким образом спасти жизнь и имущество после падения города-крепости. Эти тайные агенты сообщали о готовящихся турками

операциях, о численности и состоянии защитников, о слабых местах обороны и о том, где лучше осуществить прорыв¹⁷⁶. По сведениям агентов, стены были настолько разрушены снарядами, что на них не держались пушки. 22 июля один из снарядов попал в хранилище пороха и гранат, который турки устроили в королевском дворце. Произошел взрыв такой силы, что, по словам одного из участников осады, «в воздух поднялся такой неопиcуемый столб дыма и огня, что еще через полчаса город невозможно было увидеть, а земля колебалась так, как будто землетрясение сейчас все разрушит»¹⁷⁷. Взрыв унес жизни, предположительно, полутора тысяч человек в крепости. Обрушилась восточная часть стены. Огромные камни, перелетев через Дунай, падали в Пеште. В то же время взрыв причинил большие разрушения и в лагере осаждающих. Немало жертв было и здесь. Генерал Рюдигер Штаремберг с угрозой для жизни перебрался на пештскую сторону, чтобы оттуда посмотреть, нельзя ли через образовавшуюся брешь бросить армию на штурм. Однако это оказалось невозможным из-за крутизны склона, на котором находился разрушенный участок стены¹⁷⁸.

К концу июля гарнизон Буды сократился до 5 тыс. человек, среди них началась дизентерия. Агенты упоминали о трудностях с продовольствием, дороговизне, готовности гражданского населения сдать город на определенных условиях. В то же время Абдурахману с большим трудом удавалось убеждать янычар продолжать оборону, обещая скорое прибытие помощи. Паша отказывался от безоговорочной капитуляции, он был готов вести переговоры о мире на условиях передачи Габсбургам нескольких крепостей¹⁷⁹.

Великий везир с войском неоднократно предпринимал попытки прорваться в осажденный город, осуществлял всевозможные отвлекающие маневры, но они не имели успеха. В нескольких столкновениях он потерпел поражение от войск противника. Одно из них произошло 14 августа. Янош Палфи, командовавший в этой битве венгерским отрядом, прислал командующему Карлу Лотарингскому 30 турецких боевых знамен, а одно – папе Иннокентию в Рим¹⁸⁰. В конце концов, когда в последнем штурме, 2 сентября решалась судьба Буды, великий везир Сулейман, находясь с войсками в непосредственной близости от города, был вынужден наблюдать сражение от начала до конца, падение крепости и гибель гарнизона, но не осмелился приблизиться к городу¹⁸¹. Не дождавшись завершения штурма, он увел армию на юг.

2 сентября в 5 часов пополудни Буда пала. Уцелевшие защитники, укрывшись в Верхней крепости, еще некоторое время сопротивлялись, но потом сдались, выбросив в нескольких местах белые флаги. Сохранилось множество, сделанных очевидцами, описаний последних часов штурма и последовавших за его окончанием событий. Все единодушно свидетельствуют о жестокости победителей. Баварские части, которые понесли во время последнего штурма наибольшие потери и первыми ворвались в Верхний город, не пощадили побежденных. «Наших возбужденных солдат было невозможно остановить, и они рубили всех, кто попался им на пути»¹⁸². Будацкий паша Абдурахман вместе с кучкой солдат сражался до последнего и погиб с мечом в руках. По разным сведениям, в плен попало не меньше 3 тыс. чело-

век, среди них много женщин и детей. Город был отдан на разграбление солдатам. Грабители не жалели никого: ни христиан, ни мусульман, ни иудеев¹⁸³. Погибло много мирного населения. Многие евреи хотели бежать по Дунаю на судах, но их «схватили у водяной башни и удушили, а их имущество взяли как добычу»¹⁸⁴. Оставшиеся в живых евреи Буды предложили освободителям большой выкуп за свои жизни¹⁸⁵. Немалое число единоверцев спас, заплатив выкуп, и венский банкир Оппенхаймер¹⁸⁶. Освободители захватили в городе богатую добычу, но никак не могли успокоиться, так как искали «главное сокровище», по слухам, спрятанное где-то Абдурахманом¹⁸⁷. Большой обоз с добычей и много пленных были отправлены в Вену к императору. Возникшая у кого-то мысль отпустить пленных не встретила одобрения двора. Знатных пленных предполагалось обменять, за остальных получить выкуп¹⁸⁸; разоренной казне было на пользу любое денежное поступление. Уже 2 сентября город подожгли. «Богатый великолепными храмами и зданиями, прекрасно расположенный», он горел несколько дней, пока не стал «похожим на скелет»¹⁸⁹. В огне пострадала знаменитая библиотека короля Матяша (часть ее попала в руки османов еще в первой половине XVI в.), остатки которой были обнаружены после штурма в одной из комнат королевского дворца¹⁹⁰. Очевидцы считали виновниками пожара мародерствовавших солдат. Однако перед европейским общественным мнением в случившемся пытались обвинить турецкого коменданта будайской крепости, который, якобы за это, был подвергнут победителями мучительной казни¹⁹¹.

Ужасный вид растерзанного и сожженного города не мог омрачить радость победы. Участники сражения восхваляли военный талант и храбрость командиров, в первую очередь, Карла Лотарингского, Макса Эммануила, Людвига Баденского, Рюдигера Штаремберга и др. За победу благодарили бога и немецкое оружие¹⁹². В лагере курфюрста Баварского в присутствии Карла Лотарингского отслужили торжественную мессу. Великолепные одежды приглашенных, салют, произведенный залпами из всех орудий, сделали службу особенно праздничной¹⁹³.

Весть об освобождении Буды моментально достигла Вены. Участник битвы герцог Коммерси промчался из Буды до Вены за 18 часов, чтобы раньше других сообщить о победе. Он так спешил, что потерял шляпу, пистолет и шпагу¹⁹⁴. Леопольд в тот день где-то охотился, поэтому курьерам от посольств, представительств и частных лиц запретили покидать Вену с сообщением о победе к европейским государям и правительствам до тех пор, пока о ней не известят императора, чтобы он имел возможность первым послать за границу радостную весть¹⁹⁵. Этот запрет вызвал сильное раздражение дипломатического корпуса в Вене, поскольку все понимали исключительность происшедшего события и его далеко идущие последствия и для войны, и для международной обстановки. Дипломаты торопились с информацией, чтобы с максимальной выгодой использовать преимущества сложившейся военно-политической ситуации¹⁹⁶. Все были уверены в том, что за освобождением Буды последует скорое изгнание османов из Венгрии, а затем и из Европы.

Весть о возвращении древней столицы Венгерского королевства облетела всю Европу и вызвала огромный резонанс. Повсюду – от Лондона до Неаполя, от Мадрида до Варшавы – праздновали победу: устраивались праздничные процессии, народные гуляния, фейерверки, гремели салюты. Над Европой разливался колокольный звон, в храмах звучал *Te Deum*. В огромном количестве издавались листовки и прокламации, брошюры с описанием осады и взятия Буды, выпускались гравюры, на которых изображались полководцы-победители, батальные сцены. В Вене в честь победы набожный император устроил торжественную процессию, в которой участвовала супруга курфюрста Баварского, венский двор и двор курфюрста в полном составе, весь клир, цехи и многотысячная толпа народа. В соборе Святого Стефана отслужили торжественную мессу, к ней присоединили *Te Deum* в исполнении двух хоров с сотней певцов. Одновременно было сделано 300 пушечных салютов¹⁹⁷. В каком-то смысле отвоеванию Буды придавалось большее значение, чем победе у Вены. Вена, хотя и была для султанов нескольких поколений желанной целью, а ее захват мог бы обернуться непредсказуемыми последствиями для всего христианского мира, выпадала из общей картины войны. Она лежала за пределами Османской империи, поход к ней Кара Мустафы в определенной мере воспринимался как неожиданность. В случае же Буды христианские союзники поразили врага в его логове. Они выбили из рук турок Буду – щит, надежно защищавший их владения в Европе вплоть до Балкан.

Обрадованный новостью, Иннокентий XI обещал членам Священной лиги новую помощь для продолжения войны и щедрой рукой раздавал награды и должности¹⁹⁸. Для папы возвращение Буды означало не просто победу над османами: в освобожденной Венгрии было легче восстановить авторитет и позиции католической церкви. Венецианская республика могла теперь надеяться на то, что после изгнания турок из Венгрии Священная лига перенесет войну ближе к морям. На аудиенции у императора венецианский посол Корнaro подчеркивал то обстоятельство, что действия венецианских войск в Греции (осада крепости Наполи ди Романья), способствовали успехам союзников под Будой. В ответ на это Леопольд обещал «и впредь помогать Венеции оружием, чтобы со всех сторон теснить противника»¹⁹⁹. Ян Собеский считал, что не следует терять времени и, не дав османам прийти в себя, окончательно сокрушить их. Для этого, по его мнению, армии должны броситься вслед за великим везиром, а венецианский флот должен осадить Стамбул²⁰⁰.

В отличие от предыдущих военных кампаний Леопольд был также полон решимости продолжать войну. Сразу после возвращения Буды к императору от имени Порты обратился Александр Маврокордато с предложением начать мирные переговоры²⁰¹. Свой шаг османская сторона представляла как возобновление мирных переговоров, начатых в предыдущем году. Маврокордато напоминал о том, что в 1685 г. Леопольд будто бы положительно воспринял мирные инициативы Порты и соглашался вступить в переговоры в случае одобрения их союзниками²⁰². Однако осенью 1686 г. Леопольд, наконец, почувствовав вкус победы, не хотел слышать о мире. Он заявил, что для зак-

лючения почетного мира время наступит только тогда, когда турки окажутся в замешательстве и когда у них можно будет добиться наибольших выгод²⁰³. Леопольд уже видел себя полновластным господином отвоеванной Венгрии. Освобожденная Буда рассматривалась как завоеванная территория, как военная добыча, которая по праву завоевания полностью принадлежит королю и королевской казне. Она была напрямую подчинена центральным австрийским военным и гражданским органам, а во главе будайского гарнизона был поставлен немецкий офицер, наделенный всей полнотой полномочий²⁰⁴. Буду начали восстанавливать и вновь заселять. Однако предпочтение оказывалось колонистам невенгерского происхождения. В Верхнем городе разрешение поселиться получили исключительно немцы-католики, получившие на несколько лет освобождение от налогов²⁰⁵. Освобожденные районы страны уже испытывали на себе суровость и тяжесть восстанавливаемой королевской власти. Надор Пал Эстерхази 15 сентября обратился к императору с мольбой предотвратить уничтожение страны. Он просил о том, чтобы войска освободителей были выведены из Венгрии и возвращены в свои страны, ибо Венгрия настолько истощена, что может стать лишь кладбищем для армий²⁰⁶.

Тем не менее, венгерские политические и военные деятели не сомневались в необходимости продолжить войну. Многие из них осознавали сложность задачи, которая при этом ложится на самих венгров, мечтающих с освобождением родины добиться подобающего статуса для Венгрии. В этих целях очень важным считали восстановить в глазах Европы доброе имя венгров, запятнавших себя «дружбой» с турками в предшествующие годы. Командующий Верхне-венгерским военным округом Иштван Чаки писал о том, что необходимо «искоренять тех воров и разбойников, которые собирают клубнику в турецкую корзину... Лучше превратить их в пыль, чем выставлять нашу родину перед другими нациями как скопище разбойников и врагов...»²⁰⁷.

Военное командование императора и союзников постановило по горячим следам воспользоваться преимуществами, полученными в ходе начатой операции. Придворный военный совет поставил перед армиями две главные цели: очистить от османов территорию на правом берегу Дуная до Дравы и Тисы. Для этого Карл Лотарингский был послан вслед отступавшим к Эсеку войскам Сулеймана, а двум другим армиям была поставлена задача взять Печ и Сегед. Вторая часть плана предполагала подготовку к взятию важнейших крепостей османской линии обороны в Венгрии – Эгера, Сешешехервара, Сигетвара и Канижи, для чего планировалось отрезать их от основных линий коммуникаций²⁰⁸. В основных чертах эти задачи были выполнены. До конца октября были взяты Печ, Шиклош, Капошвар, Сегед. В руках османов в Задунавье остались незначительные территории, возникли проблемы с обеспечением гарнизонов крепостей.

В 1687 г. императорская армия и союзники приступили к осуществлению завершающего этапа освобождения Венгрии: отвоеванию оставшихся в руках османов важнейших венгерских крепостей. Карл Лотарингский считал, что без этого нельзя переходить к следующей фазе: освобождению второй по значению после Буды крепости Дунайско-Карпатского региона – Белграда, на чем настаивал Придворный военный совет. В военных сводках



Принц Евгений Савойский

снова появился Эсек, который было необходимо взять, чтобы перекрыть дорогу османам в Венгрию.

На пути к Эсеку императорская армия, которой командовал герцог Лотарингский, встретила войска великого везира у местечка Надьхаршань, где 12 августа 1687 г. состоялась битва. Янычары, успешно защищавшиеся в окопах в течение нескольких часов, не смогли устоять перед неожиданной атакой императорской кавалерии, возглавляемой Евгением Савойским. Подоспевшая инфантерия завершила разгром турецких позиций. Бежала и вражеская кавалерия. Потери османов составили 8 тыс. человек убитыми, 2 тыс. попали в плен. Победителям досталась вся артиллерия вместе с боеприпасами и лагерь противника. Сулейман с остатками армии бежал к Эсеку. Победа при Надьхаршани сделала невозможной отвоевание османами Буды. Турок охватила паника, их крепости в Венгрии сдавались одна за другой без боя. Через месяц в руки христиан попал, наконец, и Эсек (29.IX). Вся южная Венгрия была очищена от османов. К концу года пал, наконец, Эгер – крепость, ставшая в ходе войн с османами символом героизма и самоотверженности венгров.

Освобождение от османов значительной части Венгрии привело к изменению соотношения сил между королем и венгерскими сословиями не в пользу последних. Леопольд I рассматривал Венгрию как завоеванную, а не освобожденную им страну, и в соответствии с этим намеревался распо-

ряжаться ею на основе *jus armorum*. Как поступают власти, руководствуясь этим правом, население Венгрии могло убедиться уже в 1685 г., во время кровавой расправы, учиненной генералом Караффой над Дебреценом и Эперьешем. На пожоньском государственном собрании 1687/1688 г. король силой принудил венгерские сословия изменить конституцию. Сословия отказывались от права избирать короля. Отныне венгерский трон наследовался по мужской линии австрийскими Габсбургами²⁰⁹. Кроме того, сословия были вынуждены отказаться от древнего права оказывать сопротивление королю, которым они пользовались с 1222 г.²¹⁰. Отменялась практика регулярного созыва государственных собраний. Из законов были убраны статьи, в которых говорилось о выборах надора и о его полномочиях²¹¹. То же самое произошло со статьями, предусматривавшими назначение капитанами венгерских крепостей граждан Венгерского королевства, а также вывод оттуда иностранных войск. Новые законы молчали о свободе вероисповедания. Зато орден иезуитов окончательно обосновался в королевстве и инкорпорированных землях²¹². Ряд приближенных императора из числа австрийских аристократов получили венгерское гражданство, среди них Сальмы, Лихтенштейны, Кински, Розенберги²¹³. Габсбурги утверждали абсолютизм в Венгрии силой оружия, на правах завоевателей и победителей. Эти события вызвали живой международный отклик. Франция расценила их как нарушение равновесия в Европе.

Военные кампании 1686–1687 гг. показали, что союзники научились воевать в новых для них условиях: возмател боевой опыт рядовых солдат и командования. Слаженно действовали сами командующие, разрабатывавшие удачные планы военных операций, все рода войск, войсковые и тыловые службы. Противник теперь не казался непобедимым. Более того, было очевидно, что османская армия, военное руководство не могут преодолеть внутренний кризис. Осенью 1687 г. Леопольд обратился с манифестом к балканским народам, призывая их выступить на борьбу с османами.

Осенью 1688 г. ценой относительно небольших потерь был взят Белград. Операцией командовал Макс Эммануил Баварский, сменивший заболевшего Карла Лотарингского на посту главнокомандующего. Эту победу трудно переоценить. В 1521 г. взятие Белграда открыло османам дорогу в Венгрию. Большинство османских походов на север от Дуная в XVI–XVII вв. предпринимались из Белграда, где войска собирались, куда они отступали по завершении военного сезона на зимние квартиры, где находились склады провианта и боеприпасов. 1688 год сложился очень удачно для армий Священной лиги в Дунайском регионе. В Венгрии османы теряли крепости, на которых базировалась их оборонительная система: пал Секешфехервар. Людвиг Баденский через Эсек прорвался в Боснию. Ветераны успешно сражались в междуречье Темеша и Мароша, взял важную крепость этого региона Липпу и ряд других. Венецианцы захватили Морею и освободили Афины. Христианское население Балканского полуострова с нетерпением ожидало прихода армии Священной лиги, видя в ней освободителей. В некоторых местах Боснии, Сербии и Болгарии начались народные выступления против султана. Еще в 1686 г. вспыхнуло восстание в Тырнове. Под

впечатлением взятия союзниками Белграда в 1688 г. жители болгарского города Чипровец (в основном католики) и крестьяне окрестных сел (в основном православные) поднялись с оружием против османского владычества, но были разбиты отрядами Имре Тёкёли²¹⁴.

Казалась бы, война близится к завершению. В Вене уже планировали скорое занятие Герцеговины и Далмации и даже взятие Стамбула не казалось несбыточной мечтой. Однако все планы смешала новая провокация Франции в Западной Европе. Людовика XIV сильно беспокоили военные успехи его соперника на восточном фронте. Французский король боялся усиления Габсбургов в Европе. Политика, проводимая Веней в отношении Венгрии, только усилила опасения Версаля. 25 сентября 1688 г. французская армия вторглась в Пфальц, началась война между Францией и Аугсбургской лигой за Пфальцское наследство (1688–1697 гг.). Снова возникла опасность войны на два фронта. Леопольд послал к Рейну часть своих войск и войск империи. Аугсбургскую лигу, созданную по инициативе Голландии, уже неоднократно страдавшей от французской экспансии, тайно поддерживали папа и все итальянские государства, а в 1689 г. к ней присоединилась Англия, после того, как Вильгельм Оранский занял английский трон. Участие в лиге Голландии и Англии значительно усиливало императора и давало ему возможность не прекращать войны на востоке. Помощь этих государств императору была связана также и с левантийскими интересами Англии и Голландии, стремившимися занять в восточной торговле место Франции. По тем же причинам обе морские державы были заинтересованы в скорейшем окончании войны между императором и султаном, поэтому постоянно выступали с посредническими инициативами. Таким образом, неразрывно сплелись концы двух войн: в Западной Европе и на Балканах, что отражало новые политические и экономические реалии, складывавшиеся в мире. Война с османами давно утратила религиозный характер и приобрела характер борьбы за экономические и политические интересы. Эту метаморфозу войны осознали даже в Риме, причем, может быть, в большей степени, чем в Вене. Иннокентий XI не раз упрекал Леопольда в излишних религиозных пристрастиях, которые мешают общему делу, отпугивая протестантов²¹⁵.

Несмотря на помощь Священной Римской империи и части европейских государств, необходимость делить войска, полководцев, финансы и т.п. заметно ослабила военные силы императора и союзников на венгерском фронте и отразилась на активности их действий. В то же время Порта получила передышку и возможность собраться с силами для контрнаступления. Война затянулась еще на 10 лет.

После начала Пфальцской войны верный себе Леопольд попытался пойти на соглашение с Портой и 10 февраля 1689 г. начал мирные переговоры. Речь Посполитая и Венеция также испытывали затруднения в войне с османами²¹⁶, поэтому дали согласие на переговоры. Мнения императорских политиков и военных относительно того, каких целей следует добиваться на Балканах, расходились. Наиболее амбициозно выглядели предложения Марко д'Аввиано, настаивавшего на том, чтобы Леопольд «потребовал при заклю-

чении мира с османами передачи под его власть целиком Боснии, Сербии, Болгарии, Молдавии, Валахии, Трансильвании с городами и крепостями Варадом, Темешваром, Канижей, Никополем, Силистрией и Софией...»²¹⁷. В то же время осторожный и опытный военный Штаремберг не видел необходимости в том, чтобы императорская армия оккупировала обширные территории Сербии и Болгарии. По его мнению, будущие границы между владениями Габсбургов и Османской империи будут определяться соображениями стратегии, то есть способностью обеспечить эффективную оборону. Он допускал возможность сохранения Молдавии за Портой, а также территориальных уступок султану в Трансильвании и Валахии, в решении вопроса о которых при заключении мира следует учитывать то, что они, как утверждал Штаремберг, безусловно, принадлежат Венгрии²¹⁸. В конце концов дипломаты Леопольда выдвинули на переговорах слишком жесткие условия, в целом совпадавшие с предложениями д'Аввиано. Порта не могла с ними согласиться. Франция, тоже верная себе, напомнившая вдруг Порте о своей дружбе, уговаривала султана не соглашаться на мир. Таким образом, война с османами продолжилась.

К Рейну Леопольд послал Карла Лотарингского, туда же направился со своими войсками Макс Эммануил. Командование армией на восточном фронте было поручено Людвигу Баденскому. К этому времени он уже снискал себе авторитет способного и опытного военачальника; за его плечами насчитывалось много военных кампаний и не одна победа на восточном фронте. В 1689 г. войсками под командованием Людвигу Баденского был одержан ряд побед над османами: у Грабовца (29.VII), Баточина (30.VIII), Ниша (24.IX), Видина. Они заняли Южную Сербию, откуда повернули на Дунайскую равнину. Итогом военной кампании 1689 г. было освобождение значительной части Балканского полуострова. Успехи императорской армии вдохновляли и вселяли надежду на скорое окончание войны с султаном.

Однако этим надеждам было не суждено сбыться, и в следующем году положение резко ухудшилось. В августе 1689 г. скончался папа Иннокентий XI, от деятельных усилий которого во многом зависел успех войны. Сменивший Иннокентия на папском троне Александр VIII не обладал организаторскими и дипломатическими талантами своего предшественника, его чутьем финансиста, толерантностью. Хотя отношения между Иннокентием XI и Леопольдом I нельзя было назвать безоблачными, новый понтифик не смог удержать их и на этом уровне. Денежная помощь Священной лиге в первые годы понтификата Александра VIII резко сократилась, вследствие чего ухудшилось снабжение армий. Политика Леопольда на Балканах также потерпела неудачу. Он не смог помочь восставшим балканским народам, и их сопротивление было подавлено османами.

Между тем новый великий везир Мустафа Кёпрюлю за короткое время предпринял ряд шагов во внутренней политике, которые позволили переломить кризисную ситуацию. За короткое время он собрал 100-тыс. армию и перешел в контрнаступление. В течение 1690 г. Мустафе удалось вернуть Ниш, Видин, Скопье, Оршову, Галамбоц и др. крепости. Императорские войска были вытеснены с Балкан, а посланный с войсками

в Трансильванию Имре Тёкёли захватил княжеский трон. В октябре 1690 г. императорскую армию постиг тяжелейший удар: она потерпела жестокое поражение у Белграда и потеряла его. Теперь настала очередь Вены паниковать, вернулись страхи за Буду и Вену. На защиту венского рубежа с Рейна были отозваны значительные силы. Леопольд направил свою армию на встречу османской, которую вел к Эсеку Мустафа. Эсек защитил Рюдигер Штаремберг, а Людвиг Баденский вытеснил Тёкёли из Трансильвании. Но генерального сражения избежать не удалось. 19 августа 1691 г. у Саланкеменца (Сланкамен) недалеко от Белграда состоялась битва, которую современники называли самой кровавой и самой жестокой в этом веке. В ней погибли сам великий везир, весь командный состав османской армии, а вместе с ними 12 тыс. солдат. Их противник также понес тяжелые потери: 7,5 тыс. ранеными и убитыми, среди них единственный сын Миклоша Зрини, подполковник Адам Зрини²¹⁹. Победа досталась Людвигу Баденскому.

90-е годы не принесли решающих изменений в ходе войны. Она протекала очень вяло, поскольку императорские войска были заняты войной на Рейне, которая тоже затягивалась, несмотря на то, что в 1690 г. Аугсбургская лига пополнилась новым участником: в нее вступил Савойский герцог Виктор Амадей II²²⁰. Хотя герцог вел себя двулично и коварно по отношению к союзникам, до конца 1695 г. он связывал французские войска необходимостью присутствовать в Пьемонте, где камнем преткновения между Савойским герцогом и французским королем стали крепости Пиньероль и Казаль²²¹. Однако в мае 1696 г. он в очередной раз переметнулся на сторону Франции, заключив с ней наступательный и оборонительный союз теперь уже против Аугсбургской лиги²²².

Австрия не могла увеличить численность войск на восточном фронте и терпела неудачи. В сентябре 1695 г. императорская армия была наголову разбита османами в сражении при Лугоше; погиб один из лучших императорских генералов Ветерани. Ситуацию спасло то, что султан (а к этому времени трон занял воинственный Ахмед II, жаждавший реванша) не воспользовался преимуществами этой победы и увел свои войска в Стамбул. Оказавшемуся в чрезвычайно стесненном положении Леопольду пришлось идти «на поклон» к курфюрсту Саксонскому Фридриху Августу. Тот уже давно мечтал о лаврах полководца и соглашался предоставить в распоряжение императора свою армию (8 тыс. солдат) только при условии его назначения главнокомандующим императорскими войсками. В Вене не питали иллюзий в отношении военных талантов курфюрста, но были вынуждены согласиться. Назначение его не принесло успеха императорской армии. К счастью, в июне 1697 г. Фридрих Август был выбран польским королем (вместо умершего Яна Собеского) и отказался от командования. Главнокомандующим был назначен Евгений Савойский.

Уже в 1696 г. стало очевидным, что продолжение войны потеряло всякий смысл. Ни одна из сторон не могла победить в этой войне: османы навсегда потеряли Венгрию, а Габсбурги и их союзники из-за войны на Рейне не могли утвердиться не только на Балканах, но и в Южной Венгрии (в долине

Темеша). Важнейшая крепость этого региона Темешвар оставалась в руках османов, а вместе с ней сохранялся Темешварский вилайет.

От продолжения войны выигрывала только Франция, у которой к этому времени начались затруднения, связанные с активизацией англо-голландского флота и его победами над французами. Под влиянием неудач Франция была вынуждена начать в Рисвике мирные переговоры с Аугсбургской лигой, которые в такой ситуации складывались не в пользу Людовика XIV. В поисках выхода французская дипломатия усилила давление на Стамбул, чтобы отвлечь с западных фронтов силы противников. Всяческими посулами она усыпляла здравомыслие османского руководства и убеждала не прекращать войну со Священной лигой. Не желая расставаться со своими иллюзиями, султан позволял убеждать себя. В 1696 г. Порты подготовила новую 100-тыс. армию для нанесения контрудара по противнику на Балканах и в Венгрии. К радости Людовика в Венгрии снова подняла голову оппозиция: в 1697 г. началось восстание против Габсбургов в северо-восточных комитатах. В Речи Посполитой французская дипломатия интриговала в связи с выборами короля, поддерживая кандидатуру Конти (Франсуа Луи де Бурбона), протеже Людовика XIV. По дипломатическим каналам прошла информация о том, что русские сосредоточили на польской границе войска для того, чтобы помешать выбору французского кандидата и поддержать Фридриха Августа Саксонского²²³. Венецианский посол в Вене Руццини сообщал Сенату о намерениях Леопольда «собрать такие войска, которые можно было бы использовать для поддержки саксонского курфюрста»²²⁴. Союзники Леопольда опасались победы французского ставленника, которая «усилила бы французское влияние в этом регионе, затруднила бы любое выступление против турок и султана и сделала бы возможной только оборонительную войну. Это повлекло бы за собой, в первую очередь то, что турки ввели бы более значительные силы и использовали бы их для усиления своих войск в Венгрии. А это привело бы к тому, что татары напали бы на Венгрию большими силами, и оборона Трансильвании потребовала бы больших усилий»²²⁵. Казалось, что «с легкой руки» французской дипломатии колесо войны раскручивалось с новой силой и надолго.

Священная лига, в свою очередь, предприняла серьезные приготовления. Леопольд договорился о военной помощи с Саксонией. Рейхстаг одобрил налог на войну; Швабия, Бранденбург, Бавария и другие князья дали войска. Австрийское духовенство передало свои доходы на турецкий поход²²⁶. Венеция также готовилась к новым военным действиям на море и проводила смотр своему военному флоту, набирала экипажи, строила новые военные корабли²²⁷. Готовилась к войне и Россия. Баварский посол в Вене Мёрманн сообщал в Мюнхен о том, что, по его сведениям, русские направляют крупные силы против султана. Дипломат обращал внимание на то, что русская армия модернизирована (подготовлена и оснащена по немецкому образцу), что в ней много артиллеристов из Империи, что русские по-новому лютят пушки²²⁸.

В мае 1697 г. войска Священной лиги пришли в движение. Вскоре из Стамбула выступила османская армия. Получив эту поддержку, Версаль прервал переговоры в Рисвике. В первой половине июля разведка донесла о

прибытии турецкого флота к Белграду, куда к концу июля ожидался приход и армии султана. На военном совете было решено двинуть войска вдоль Дуная навстречу османам к Петерварду. Туда же направились и османы. 29 июля на переправе через Дунай у Тителя они разбили передовой отряд императорской армии и направились вместе с флотилией вверх по Тисе к Сегеду. В начале сентября османская армия стала готовиться к переправе через Тису у местечка Зента. Через реку был протянут понтонный мост, который по совету французских инженеров укрепили повозками²²⁹. Тяжелая кавалерия уже переправилась через реку, за ней должна была последовать артиллерия. У моста оставалась только пехота. В тот момент, когда неприятельская армия оказалась разделенной и не могла взаимодействовать, главнокомандующий императорской армией Евгений Савойский решил напасть на противника. 11 сентября 1697 г. у Зенты произошло генеральное сражение, закончившееся блестящей победой Евгения Савойского. Именно в этой битве по-настоящему вззошла его полководческая звезда, не меркнувшая несколько последующих десятилетий. Прием нападения на противника во время переправы через водную преграду уже не раз был опробован христианскими войсками в войне с османами, оправдал себя он и в этот раз. Христиане обрушили на переправляющиеся турецкие войска огонь своей артиллерии, чем совершенно расстроили их порядок, вызвали замешательство и причинили большой урон. Попытка командующего османской армией великого везира Мехмеда Алмаса противопоставить противнику свою артиллерию и конницу для защиты остававшейся на одном берегу с врагом пехоты была легко отбита. Части императорской армии отрезали от моста турецкую пехоту, которой оставался один путь к спасению – вплавь. Потери османов в сражении составили 20 тыс. человек, погиб главнокомандующий. Евгений Савойский потерял 2 тыс. человек убитыми и 1,5 тыс. ранеными. Султан, наблюдавший сражение с противоположного берега, бежал к Темешвару, преследуемый гусарами²³⁰. 15 сентября из Темешвара поступило известие о том, что остатки султанской армии охватило неопишное смятение, сам султан поражен и все время плачет. Во время бегства он растерял весь обоз и даже свои личные вещи²³¹.

Евгений Савойский не сомневался в том, что следует воспользоваться замешательством и расстройством армии противника и добить его. Разведка без отдыха собирала информацию об оставшихся силах и продвижении противника. Особенно заманчивой выглядела в этой ситуации операция против Темешвара, взятие которого позволило бы завершить освобождение Венгрии. Следующей целью главнокомандующий наметил Белград, из которого также поступали обнадеживающие сообщения: гарнизон, несмотря на его срочное пополнение, явно проигрывает силам христиан и испытывает недостаток во всем необходимом²³².

Однако военный совет принял иное решение. Ссылаясь на нехватку провианта, денег, боеприпасов, а также на беспокойную обстановку в армии, военный совет 20 сентября распорядился прекратить поход. Евгений Савойский не смог переубедить командиров. Он с горечью писал Леопольду о том, что его постоянные настойчивые требования наладить должное снаб-

жение армии, не были своевременно услышаны, вследствие чего не удастся воспользоваться результатами столь блестящей победы²³³.

Тем не менее в качестве реванша за несостоявшуюся осаду Темешвара Евгений Савойский с армией вторгся в Боснию. С точки зрения главнокомандующего взятие Боснии имело важное стратегическое значение, потому что эта провинция Османской империи приносит значительные доходы для содержания спахивей²³⁴. Турки почти не оказывали сопротивления, оставляя мелкие укрепленные поселения. Мусульманское гражданское население уходило вместе со своими войсками, зато местные христиане и евреи повсюду присоединялись к императорским войскам. Однако вскоре Евгений Савойский понял, что легкие победы в разоренной Боснии не приведут к подчинению страны.

Таким образом, поход 1697 г. не привел к окончательному разгрому Османской империи. Война в этом регионе возобновится в XVIII веке. Тем не менее значение битвы при Зенте нельзя переоценить. Оно подтверждается хотя бы тем фактом, что уже 20 сентября Людовик XIV в Рисвике пошел на подписание мирного договора с Аугсбургской лигой на очень невыгодных для Версаля условиях. Франция отказывалась от большинства захватов, сделанных ею после Нимвегенского мира 1679 г., оставив за собой лишь Страсбург²³⁵. Конечно, Рисвикский мир следует рассматривать, в первую очередь, в контексте западноевропейской ситуации, связанной с назревавшей войной за Испанское наследство, в дележе которого в том или ином виде были заинтересованы почти все участники Пфальцской войны. Торопясь с завершением войны на Рейне, они стремились освободить себе руки для борьбы за наследство испанских Габсбургов. Однако события на Восточном фронте сыграли свою роль в переговорном процессе.

Несмотря на продолжение военных действий в Боснии, битва при Зенте поставила точку в войне Священной лиги с Османской империей. Леопольду мир был необходим из-за назревавшей новой войны в Западной Европе. К этому же его усилению склоняли Голландия и Англия – посредники между императором и султаном, заинтересованные в том, чтобы он бросил все силы на войну с Францией. Новый великий везир Хуссейн Кёпрюлю также осознал необходимость пойти на мир со Священной лигой. Окончательное решение об этом было принято Стамбулом в мае 1698 г. В основу мирных переговоров при обсуждении территориальных вопросов был положен принцип «Кто чем владеет» («uti possidetis, ita potto possediatis»): участники переговоров получали те земли, которые оказались в их владении к моменту заключения мира.

Между тем другие участники Священной лиги – Речь Посполитая и Россия – не были готовы к завершению войны с Портой. Речь Посполитая не теряла надежды отвоевать Каменец. России была нужна Керчь, чтобы обеспечить выход из Азовского в Черное море. К тому же, Петр I полагал, что заключенный в начале 1698 г. с Леопольдом I трехлетний наступательный союз против султана обязывает императора продолжать войну. Узнав о начавшихся переговорах между Австрией и Портой, Петр поспешил из Амстердама в Вену, чтобы повлиять на события²³⁶. Однако ему удалось заручиться лишь туманным обещанием венского двора, что император на переговорах поддер-

жит притязания русской стороны на Керчь²³⁷. Впрочем, в Вене не придавали серьезного значения этому обещанию, так как знали – османы отдают лишь то, что у них завоевано. Поэтому императорский канцлер Кински не без ехидства советовал Петру завоевать Керчь, пока идут долгие переговоры о мире²³⁸.

Мирный конгресс открылся в октябре 1698 г. в небольшом городке Карловаце близ Белграда. Императора на нем представляли Вольфганг Этинген-Валлерштейн и Леопольд фон Шлик, Венецию – Карло Руццини и Джованни Баттиста Николози, Речь Посполитую – Станислав Малаховский, Россию – Прокофий Возницын. Со стороны султана переговоры вели Муххамед Рами и Александр Маврокордато. Посредниками на переговорах выступали послы Англии и Голландии в Стамбуле Вильям Паджет и Якоб Кольтер.

Конгресс представлял собой ряд двусторонних переговоров поочередно всех участников с османской стороной. Каждая из стран-участниц, не забывая об интересах своих союзников и даже в ущерб им, добивалась наибольших преимуществ для себя. Канцлер Кински по приказу императора подготовил и отправил султану письмо, в котором от имени союзников сообщал, что они обещают действовать в соответствии с принципом «uti possidetis», а, кроме того, соглашаются пойти на разрушение тех крепостей, которые затрудняют подписание мира²³⁹. Русский представитель, отказавшись признать положения этого письма, аргументируя тем, что мнение России при этом не запрашивалось и подпись царя на письме отсутствует²⁴⁰. П. Возницын, не находя понимания и поддержки у союзников, в частности у императора, тайно обратился к Маврокордато с предложением заключить мир в первую очередь с Россией, благодаря чему Порты, продолжая войну с Австрией, которая готовится к войне за испанское наследство и уже обессилела в войне с султаном, смогла бы вернуть себе все²⁴¹. Однако по плану австрийской дипломатии России отводилось последнее место в очереди на подписание соглашения – в соответствии со временем присоединения к Священной лиге. Этим Россия была поставлена в крайне невыгодное положение.

16–26 января 1699 г. после 72 дней переговоров между членами Священной лиги, с одной стороны (Леопольдом как императором и венгерским королем, Венецианской республикой, Речью Посполитой), и Османской империей – с другой, были подписаны мирные договоры (с Россией – перемирие). По этим договорам султан соглашался со всеми завоеваниями союзников в ходе войны. Признавалась власть Габсбургов над Венгрией, Трансильванией, областью Бачка в Южной Венгрии, почти над всей Славонией. В Венгрии в руках султана оставался лишь Темешварский регион. Со своей стороны, император обязался разрушить некоторые пограничные крепости в недавно приобретенных землях (Лугош, Липпа и др.). Восстанавливалось дипломатическое представительство императора в Стамбуле²⁴².

Речи Посполитой переходила Подолия с Каменцом, но она должна была вернуть 6 захваченных молдавских городов. Султан отказывался от своих претензий на Правобережную Украину, и территория на север от Днестра переходила к польской короне²⁴³. В то же время султан сохранял свою власть над Дунайскими княжествами – Молдавией и Валахией, на которые в начале переговоров претендовала Варшава.

Серьезные затруднения встретила на переговорах Венеция, по отношению к которой османская сторона не была склонна идти на уступки, не без основания считая республику сильно ослабевшим противником. Помимо крепостей в Морея Порта требовала еще часть территории Далмации. В свою очередь, австрийская дипломатия поддержала далеко не все предложения своей союзницы. Вена не желала усиления Венеции в случае передачи ей ряда территорий и городов, на которые претендовал сам император²⁴⁴. Венецианские дипломаты сомневались в том, что им стоит продолжать переговоры. В конце концов вмешательство императорских представителей предотвратило срыв переговоров. Венеция получала Морею и острова Архипелага, далматинское побережье до Рагузы, которыми она владела до войны. Однако она возвращала султану Лепанто²⁴⁵.

Россия и Османская империя заключили между собой лишь двухлетнее перемирие, так как не смогли договориться о судьбе приднепровских городов. Султан уступал царю Азов в обмен за Керчь.

Карловацкий мир был выдающимся событием своего времени. Он стал рубежом в отношениях между Европой и Османской империей. Был положен предел европейской территориальной экспансии османов. Отныне Европа и Османская империя поменялись местами: последняя от наступления перешла к обороне. Временные успехи османов в последующих войнах в принципе не изменили ситуации. Положение Габсбургов в Центральной Европе и их международный авторитет укрепились. Они в основном выполнили ту историческую миссию, которую поставили перед ними венгерские сословия в 1526 г., отдавая им венгерскую корону: большая часть бывшего Венгерского королевства была освобождена от османов после почти двух веков кровопролитных войн. Габсбурги использовали военные успехи для упрочения своих позиций в Венгрии. Была установлена наследственная власть династии в королевстве. Венгры лишились права выбора королей и права сопротивления им. Австрийский абсолютизм повел решительное наступление на сословные привилегии и сословные институты в этом королевстве. Изменился статус территорий, входивших до Мохача в Венгерское королевство: Трансильвания напрямую подчинилась Габсбургам, минуя Венгрию. Подобная структура властных связей устраивала правящую династию, опасавшуюся полного объединения Венгрии с Трансильванией. Это опасение имело под собой реальные основания: в Венгрии и Трансильвании назревало новое антигабсбургское освободительное движение.

Карловацкий мир, как никакой другой до него, показал тесную взаимосвязь событий и процессов международной политики раннего Нового времени: войн Габсбургов и их союзников с Францией и Османской империей, общеевропейских и локальных вооруженных конфликтов. Меняющееся соотношение сил на международной арене приводило к усилению одних и ослаблению других государств. С Венецией стали считаться еще меньше, чем в середине XVII в.: закат «жемчужины на Адриатике» стал свершившимся фактом. Речь Посполитая постепенно начинала переходить в разряд второстепенных держав. На политическом горизонте Европы возникла новая сила – Россия, которую западноевропейские державы еще не принима-

ли всерьез, как о том свидетельствуют результаты Великого посольства Петра и его визит в Вену. Но не считаться с этой силой уже было нельзя. Не случайно и сам молодой царь в своих письмах к иностранным государям, в частности к императору, подчеркивал значение взятия Азова для Священной лиги. Наконец, австрийские Габсбурги, которые, как казалось после Вестфальского мира, уже не поднимутся на прежние высоты положения в Европе, довольно быстро восстановили свои позиции. Этому способствовало то обстоятельство, что принцип «равновесия сил», утвердившийся в Тридцатилетней войне, показал свою действенность и во второй половине XVII в. Стремление Людовика XIV к гегемонии в Европе и его откровенно агрессивная политика сплотили вокруг ранее ненавистой в глазах многих династии Габсбургов значительные силы европейских государств, что помогло Леопольду I не только на Западе, но и в войнах с «естественным врагом христиан» – Османской империей. Карловацкий мир показал, что упадок Османской империи уже невозможно остановить. В то же время реальные западные политики убедились в том, что еще не настало время для освобождения Балканского полуострова от османского владычества.

¹ Вальтер Лайч в своем исследовании «Почему Кара Мустафа хотел завоевать Вену» приводит подобные мнения современников о целях похода 1683 г. – См.: Leitsch W. Warum wollte Kara Mustafa Wien erobern? //Jahrbücher für Geschichte Ost-Europas. Neue Folge. Bd. 29. Wiesbaden. 1981. S.510–511.

² Petritsch E.D. Der Habsburgisch-Osmanische Friedensvertrag des Jahres 1547. //Mitteilungen des österreichischen Staatsarchivs. Wien, 1985. № 38.

³ См. об этом: *Sturmberger H.* Das Problem der Vorbildhaftigkeit des türkischen Staatswesens im 16. und 17. Jahrhundert und sein Einfluss auf den europäischen Absolutismus. (Comité international des sciences historiques. XIIe Congrès des Sciences Historiques.. Vienne 29 août–5 septembre 1965. Rapports IV. Horn – Wien. S.a. P. 201–209).

⁴ *Seewann G.* Grundzüge der Türkenkriegsepoche 1683–1699 und der Feldzug 1697. // A legnagyobb győzelem. Dokumentumok az 1697.évi török ellen hadjárat és zentai csata történetéhez. Szerk. Szita L. – Seewann G. Pécs-Szigetvár, 1997. S.57–58.

⁵ *Duchhardt H.* Krieg und Frieden im Zeitalter des Prinzen Eugenien. //Prinz Eugen von Savoyen und seine Zeit. Eine Plortz-Biographie. Hrsg. Von J.Kunisch. Würzburg, 1986. S.25.

⁶ *Angeli M.* Die Kaiserliche Armee unter dem Ober Commando des Markgrafen Ludwig von Baden in den Feldzügen 1689–1692 gegen die Türken. // Mitteilungen des K.K. Kriegsarchivs. Wien, 1877. S.259.

⁷ *Borus J.* Modern haditechnika és régi fegyverek a török háborúban (1663–1698).//Bécs 1683.évi török ostroma és Magyarorszáig. Szerk. Benda K.-R.Várkonyi Á. 155.l. (Далее – Bécs 1683.évi).

⁸ Первые упоминания о штыке относятся к началу XVI в., но широкое его употребление началось со второй половины XVII в. До 70-х гг. штык вставлялся в дуло ружья, что делало невозможным стрельбу. Эту проблему решило появление штыка-насадки.

⁹ *Domokos Gy.* A várak jelentősége és a császári seregek ostromtechnikája a felszabadító háborúban. //Unger Mátyás emlékkönyv. Szerk. E.Kovács P., Kalmár J., V.Molnár L.138. l.

¹⁰ Ibid. 135–143.l.

¹¹ *Gecsenyi L.* Ungarische Städte im Vorfeld der Türkenabwehr Österreichs. //Archiv und Vorschung. Das Haus-, Hof- und Staatsarchiv in seiner Bedeutung für die Geschichte Österreichs und Europas. Hrsg. Von E.Springer und L.Kammerhofer. (Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit. Bd. 20. 1993).

- ¹² *Seewann G.* Grundzüge der Türkenkriegsepoche... S.59.
- ¹³ *Ibid.* S.61.
- ¹⁴ *Sicken B.* Kriegskunst und Heeresorganisation im Zeitalter des Prinzen Eugen. // Prinz Eugen von Savoyen und seine Zeit. S.31–45.
- ¹⁵ *Pálffy G.* Hírszerzés és hírközlés a törökkori Magyarországon. //Információ áramlása a magyar és török végvári rendszerben. Szerk. Petercsák T., Berecz M. Eger, 1999. (Studia Agriensi. 20). 33–64.l.
- ¹⁶ *Pálffy G.* Európa védelmében. Haditérképészet a Habsburg Birodalom Magyarországi határvidékén a 16–17. században. Bp., 1999. 50.l.
- ¹⁷ *R. Várkonyi Á.* Buda expugnata. Europa et Hungaria 1683–1718. A török kiűzésének európai levéltári forrásai. Szerk. Bariska I., Haraszi Gy., Varga J. Bp., 1986. I.köt. 29.l. (Далее – BE/I,II).
- ¹⁸ См. о нём: *Grunwald M.* Samuel Oppenheimer und sein Kreis. Ein Kapitel aus der Finanzgeschichte Österreichs (Quellen und Forschungen zur Geschichte der Juden in Deutsch – Österreich. Bd.V.) Wien – Leipzig, 1913; *Szakály F.* Oppenheimer S. működése, különös tekintettel magyarországi kihatásaira. (Különlenyomat a magyar-zsidó oklevéltár XIV.kötetéből). Bp., 1971.
- ¹⁹ *Takáts S.* A dunai hajózás a XVI. és XVII. században. //Magyar Gazdaságtörténelmi Szemle. Bp., 1900. 7. sz.
- ²⁰ На территории Венгрии действовало 14 таких складов. См.: *Seewann G.* Grundzüge der Türkenkriegsepoche... S.62.
- ²¹ В 90-е гг. в Дунайской флотилии служило 300 голландцев. – *Ibidem.*
- ²² *Berengér J.* A Habsburg hatalom gazdasági alapjai a XVII. század végén. //Európa és a Rákóczi szabadságharc. Szerk. Benda K. Bp., 1980. 119.l
- ²³ *Klopp O.* Das Jahr 1683 und der folgende grosse Türkenkrieg bis zum Frieden von Carlowitz 1699. Graz, 1882. S. 110.
- ²⁴ *Michaud Cl.* XIV. Lajos és a törökök Bécs ostromának küszöbén (1678–1683). (Les relations franco-autrichiennes sous Louis XIV. Siège de Vienne (1683)). // Bécs 1683. évi... 118.l.
- ²⁵ *Ibidem.*
- ²⁶ *Vandal A.* Les voyages du marquis de Nointel (1670–1680). L'odyssée d'un ambassadeur. Paris, 1900. P.188–189.
- ²⁷ *R. Várkonyi Á.* Török – magyar végvári rendszer és Buda ostroma az oszmán hatalom visszaszorításának terveiben. //A magyar és török végvárak (1663–1684). (Studia Agriensia 5). Eger, 1985. 7.l.
- ²⁸ BE/II. 922. l.
- ²⁹ Corrispondenza epistolare tra Leopoldo imperatore ed il P. Marco d'Avviano capuccino. Dai manoscritti originali tratta e pubblicata da Onno Klopp. Graz, 1888. P.11.
- ³⁰ Описание этого посольства см.: *Benaglia G.* Relatione del viaggio fatto a Constantinopoli e ritorno in Germania del conte Albertino Caprara. Bologna, 1685.
- ³¹ *Leitsch W.* Warum wollte Kara Mustafa... S.70.
- ³² *Alexandrescu-Dersca Bulgaru M.* Sur les relations entre Habsbourg et ottomans (1681–1683). //Habsburgisch-osmanische Beziehungen. CIEPO Colloque, Wien, 16–30 september 1983. ... S.194.
- ³³ *Ibidem.*
- ³⁴ Речь идет о т.н. «полосе двойного налогообложения» – полосе приграничной территории, находившейся под юрисдикцией одновременно императора и султана.
- ³⁵ *Benaglia G.* Relatione... P. 199–200.
- ³⁶ Доменико Контарини – венецианскому дожу. Вена, 28.III. 1682 г. (HHStA. Dispacci di Germania. Filz. 156, fol.40–43).
- ³⁷ *Leitsch W.* Warum wollte Kara Mustafa... S. 506.
- ³⁸ В данном случае Лайч приводит высказывания Гийерага. (*Ibid.* S.507).
- ³⁹ *Alexandrescu-Dersca Bulgaru M. S.* Sur les relations... S. 198–199.
- ⁴⁰ *Ibidem.*
- ⁴¹ *Ibidem.*
- ⁴² Buda expugnata. Europa et Hungaria 1683–1718. A török kiűzésének európai levéltári forrásai. Szerk. Felhő I., Trócsányi Zs.. Bp., 1987. 328.l. (Далее – BE/III).

- ⁴³ Péter K. A múlt és jelen a Thököly-felkelés ideológiában. //Thököly-felkelés és kora. Szerk. Benczedi L. Bp., 1983. 199–204.1.
- ⁴⁴ См. об этом: *Benczedi L.* A bujdosó nemesség társadalmi-politikai arculatának változásai az 1670-es és 80-as években. //A Nógrád megyei Múzeumok Évkönyve. H.n. VII.évf., 1961.
- ⁴⁵ BE/III. 328.1.
- ⁴⁶ *Benczedi L.* Tököly szabadságharc. Bp. 1976. 276.1. ; Magyarország történeti kronológia. 2. Köt. 1526–1848. Bp., 1989. 5–2.1.
- ⁴⁷ *Michaud Cl.* XIV. Lajos... P.120.
- ⁴⁸ *Guilleragues.* Correspondance. Publ. Par F.Deloffre – J.Rougeot. Paris-Genève, 1976. Vol. I. P. 354, 394.
- ⁴⁹ *Rácz Gy.* Az oszmán hadsereg Bécs alatt. //Bécs 1683. 214.1.
- ⁵⁰ *Hüttl L.* Die Beziehungen zwischen Wien, München und Versailles während des grossen Türkenkrieges 1684 bis 1688. //Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. Bd.36, Wien, 1983. S.83–119.
- ⁵¹ *Bitner L.* Chronologisches Verzeichnis der österreichischen Staatsverträge. Bd. 1. Wien, 1903. S.89.
- ⁵² ВЕ/І 610.1.
- ⁵³ Герцогства Бриг, Егерндорф, Лигниц, Волау. (Ibidem.)
- ⁵⁴ *Gloger B.* Friedrich Wilhelm. Kurfürst von Brandenburg. Berlin, 1985. S.282.
- ⁵⁵ *Kohnke M.* Merseburg (Az egykori Brandenburgi Választófejedelemség iratai). Történelmi bevezetés. // BE/ІІ. 603.1.
- ⁵⁶ *Miksch A.* Dresda (Az egykori Szász Választófejedelemség iratai). Történelmi bevezetés. //Ibid. 582.1.
- ⁵⁷ *Rosquit Nils.* Svéd Királyság. Tört.bevezető. //BE/ІІ. 962.1.
- ⁵⁸ ВЕ/ІІ. 768.1.
- ⁵⁹ *Battaglia O.F.* Jean Sobeski, König von Polen. Einsiedeln-Zürich, 1946. S. 102–108.
- ⁶⁰ *Boka É.* Sobesky és Thököly kapcsolatai Bécs ostroma után (1683.szeptember – december). // Bécs 1683.évi... 189.1.
- ⁶¹ *Michaud Cl.* XIV.Lajos... 120.1.
- ⁶² *Benczedi L.* Rendi szervezkedés és kuruc mozgalom (1664–1685). //Magyarország története. 1526–1686. 2.köt. 1266.1.
- ⁶³ *Boka É.* Sobesky és Thököly... 190.1.
- ⁶⁴ *Kęder W., Potkowski E.* Lengyel Köztársaság. Történelmi bevezető. //BE/ІІ. 421.1.
- ⁶⁵ Ibidem.
- ⁶⁶ См. о нём: *Immich M.* Papst Innozenz XI. Berlin, 1900.
- ⁶⁷ *Борисов Ю.В.* Дипломатия Людовика XIV. М., 1991. С.186.
- ⁶⁸ *Bandini G.* Olasz Köztársaság. Történelmi bevezető. – BE/І. 758.1.
- ⁶⁹ Папа не без основания опасался, что, действуя в своей религиозной политике в соответствии с принципом «одна вера, один закон, один король», католик Людовик стремится к усилению позиций не католицизма, а галликанизма. (*Борисов Ю.В.* Дипломатия Людовика XIV. С.186.)
- ⁷⁰ *Fraknoi V.* XI. Ince pápa és Magyarország felszabadítása a török uralom alól. Bp., 1886.
- ⁷¹ Так, в сентябре 1685 г. Венеция получила разрешение безвозмездно ввезти 2500 рублевых пшеницы из подвластных папе Марке и герцогства Урбино для снабжения венецианских солдат, сражающихся против османов. (ВЕ/ІІ. 783.1.).
- ⁷² *Buonvisi bibornok,* bécsi nuncius jelentései. Kiadta *Fraknoi V.* (Monumenta Vaticana. Vol.II. P.2). Bp., 1886. 175.1.
- ⁷³ *Lettre de Monsieur S.L. seigneur polonais à M. Le Marquis C.L. ...Ratisbone,* 1683. P.7, 13. (Приводится по: *Köpeczi B.* Bécs ostroma, a Thököly-felkelés és Európa. //Bécs 1683. évi ostroma és Magyarország. Szerk. Benda K. – R. Várkonyi Á. Bp., 1988. 12. 1.).
- ⁷⁴ *Neu-eröffnete sonst allergeheimste Geistlich – Staatliche Jesuiter Raths-Stube.* S.1. 1685. (Приводится по: *Köpeczi B.* Bécs ostroma... 19. 1.).
- ⁷⁵ Ibid. 25.1. Однако в следующем году, после похода османов на Вену, Лейбниц выступил на защиту императора в деле преследования венгерских протестантов (Ibidem).
- ⁷⁶ *Köpeczi B.* Magyarország a kereszténység ellensége. Bp., 1976.

⁷⁷ *Klopp O.* Das Jahr 1683... S.540–541.

⁷⁸ См. об этом: *Leitsch W.* Warum wollte Kara Mustafa...

⁷⁹ *Urbanszki H.* Karl von Lotharingen. Österreichs Türkenkrieger. Biographie. Wien, 1983.S. 96.

⁸⁰ «Я охотно остался бы во главе моей армии. И пролил бы свою кровь во славу Иисуса Христа. Но Венгрия очень отличается от Империи, я не могу находиться там в безопасности. Кроме того, воздух сильно отличается от того, который мне показан, за него я всегда плачу ужасным недомоганием» (...l'aria è molto contraria a quello che mi sono assuefatto, e sempre la pago con una mortale infermità...), – писал Леопольд Марко д'Аввиано 3 апреля 1683 г. из Вены. (*Corrispondenza epistolare...* P. 19).

⁸¹ *Urbanszki H.* Karl von Lotharingen... S. 23–59.

⁸² *Bona G.* A török uralom fölszámolása és a Habsburg-abszolutizmus gyözelme Magyarországon (1682–1703). //Magyarország hadtörténete. 1.köt. Főszerk. Liptai E. Bp., 1984. 309.l.

⁸³ См. о ней: *Sturminger W.* Bibliographie und Ikonographie der Türkenbelagerungen Wiens 1529 und 1683. Graz – Köln, 1955. (Veröffentlichungen der Kommission für neuere Geschichte Österreichs. Bd.XLI.) В связи с 300-летним юбилеем снятия осады Вены (1983) список этой литературы почти удвоился.

⁸⁴ *Leitsch W.* Warum wollte Kara Mustafa... S. 80–82. См. также: *Rázsó Gy.* Az oszmán hadsereg Bécs alatt. // Bécs 1683. 217–219.l

⁸⁵ *Urbanszki H.* Karl von Lotharingen... S.96.

⁸⁶ *Bona G.* A török uralom... 309.l.

⁸⁷ *Rázsó Gy.* Az oszmán hadsereg ... 222.l.

⁸⁸ Szakály F. Történeti bevezető. – BE/III. 14.l.

⁸⁹ Цит. по кн.: *Thaly K.* Az 1683-iki táborozás történetéhez. Bp., 1883. 18–19.l.

⁹⁰ *Klopp O.* Das Jahr 1683... S.194–196.

⁹¹ Х.Урбански приводит цифры, базирующиеся на аутентичных данных. Ядро армии: янычары, спахи, гвардия великого везира, артиллерийские и инженерные подразделения в общей сложности насчитывали около 115 тыс. человек. Более 200 тыс. составляли обслуга, войска из Египта и других провинций империи, вассальные войска Валахии, Молдавии, Крымского ханства, Трансильвании, а также войска Имре Тёкёли и присоединившихся венгров (*Urbanszki H.* Karl von Lotharingen... S.97).

⁹² *Vajda S.* Felix Austria. Wien, 1980. S.304.

⁹³ *Corrispondenza epistolare...* P.19.

⁹⁴ *Ibidem.*

⁹⁵ *Bona G.* A török uralom... 309.l.

⁹⁶ *Vajda S.* Felix Austria ... S.305.

⁹⁷ О своем вынужденном ночном бегстве, сопряженном с большими неудобствами, Леопольд сообщал Марку д'Аввиано уже из Пассау 18 июля. (*Corrispondenza epistolare...* P. 22–23.)

⁹⁸ *Eickhoff E.* Venedig, Wien und die Osmanen: Umbruch in Südeuropa 1645–1700. Stuttgart, 1988. S.380.

⁹⁹ Цит. по: *Vajda S.* Felix Austria ... S.307.

¹⁰⁰ Необходимость этого шага Карл Лотарингский обосновывал в письме к Яну Собескому. (*Klopp O.* Das Jahr 1683... S.285.)

¹⁰¹ *Nagy L.* Török világ végnapjai Magyarországon. Bp., 1986. 332.l.

¹⁰² См. об этом: *Barta J.* Áldozatok vagy károsultak? (Alsó-Austria társadalma és az 1683-i hadjárat). //Bécs 1683. évi...33–52.l.

¹⁰³ *Corrispondenza epistolare...* P. 23.

¹⁰⁴ Ян Собеский выступил с армией из Кракова 14 августа. На 3 дня его опередил гетман Сеняевский. Станислав Любомирский со своей кавалерией уже в июле поддерживал военные действия австрийцев. (*Rázsó Gy.* Az oszmán hadsereg ... 237.l.) Все союзные войска вступили на территорию Австрии только в конце августа.

¹⁰⁵ ВЕ/II. 775.l. (Из тайного архива Эсте.)

¹⁰⁶ *Ibid.* 791.l.

- ¹⁰⁷ В Иннсбруке в тот период находилась императрица вместе со своим двором. Марко посетил ее по пути к Вене, куда он направлялся, чтобы непосредственно присутствовать при боевой операции.
- ¹⁰⁸ «Vienna che quasi laborat in extremis». (Lettere inedite del P.Marco d'Avviano scritte negli anni 1682–1683 all' ecc. Monsignor conte Francesco delle Torre ambasciatore imperiale a Venezia. Udine, 1893. P.27).
- ¹⁰⁹ Kara Mustafa vor Wien. Hrsg. R.F.Kreutel – K.Teply. Graz-Wien-Köln, 1982. S.171, 172,
- ¹¹⁰ *Leitsch W.* Warum wollte Kara Mustafa... S.511–512.
- ¹¹¹ Современники приводят разные данные о численности пришедших на помощь Вене войск. Так, Контарини называл цифру 75 тыс.: 20 тыс. солдат императора, столько же – поляков, 10 тыс. баварцев, столько же саксонцев, 12 тыс. франконцев. (HHStA. Dispacii dell' Ambasciator veneto in Germania Domenico Contarini. Linz. 19.Settembre, 1683. Filze 158–159, fol.39.)
- ¹¹² *Corrispondenza epistolare...* P.27, 28.
- ¹¹³ «Если король [Ян Собеский. – Т.Г.] испытывает какие-то сложности по поводу моего приезда, если он имеет какие-то возражения против моего приезда, и если Вы, как прежде, полагаете, что я не должен ехать..., я не хочу, чтобы мой приезд причинил вред Вене или общему делу». (Ibid. P. 27.)
- ¹¹⁴ Ibid. P.31.
- ¹¹⁵ *Urbanski H.* Karl von Lotharingen... S.144–149.
- ¹¹⁶ *Hüttl L.* Die Beziehungen... S.88–94.
- ¹¹⁷ «...Относительно дел в Венгрии представляется, что он [польский король. – Т.Г.] покровительствует им в надежде на то, что доброе отношение к ним позволит лучше сопротивляться туркам...». (Леопольд I – Марко д'Аввиано, Линц, 12.XII. 1683. //Corrispondenza epistolare... P. 35.)
- ¹¹⁸ *Kęder W., Potkowski E.* Lengyel Köztársaság. ...424.l.
- ¹¹⁹ Леопольд I – Марко д'Аввиано, 15. IX. 1683. //Corrispondenza epistolare... P. 31.
- ¹²⁰ *Vona G.* A török uralom... 311.l. «Сообщают, что там [у Паркани – Т.Г.] осталось около 8 тыс. убитых, среди них новый везир [sic!] Буды...» (Леопольд I– Марко д'Аввиано, Линц 24.X.1683. //Corrispondenza epistolare... P. 33.
- ¹²¹ 23 октября 1683 г. Тёкёли попросил у Яна Собеского паспорт для своего человека, который должен был бы вести переговоры с императором от имени Тёкёли. (ВЕ/1.332.1.). Переговоры Тёкёли с Веной продолжались еще в конце мая 1684 г. (ВЕ/1.311).
- ¹²² Ibid. 330.l.
- ¹²³ *R.Várkonyi Á.* A török háború: Béctől Budáig (1683–1686). //Magyarország története 1526–1686. 2. köt., Bp., 1985. 1581. l.
- ¹²⁴ *Acsády I.* Magyarország története I.Lipót és I.József korában. Bp., 1898. 427.l.
- ¹²⁵ В марте, когда уже была создана Священная лига, Леопольду приходилось уверять своих корреспондентов в отсутствии подобных намерений. (Леопольд I – Марко д'Аввиано. Линц, 8.III. 1684. //Corrispondenza epistolare... P. 38.)
- ¹²⁶ Леопольд I– Марко д'Аввиано. 23. I. 1684. //Corrispondenza epistolare. P.36.
- ¹²⁷ *Eickhoff E.* Venedig, Wien ... S.413.
- ¹²⁸ *Barozzi A. – Berchet G.* Le relazioni degli Stati europei letti al Senato dagli ambasciatori veneziani. Turchia. Venezia, 1871.Vol. 2. P.251, 289.
- ¹²⁹ *Jászay M.* Velence és Magyarország. Egy szomszédság küzdelmes története. Bp., 1990. 310–311.l.
- ¹³⁰ I Libri Commemorativi della Repubblica di Venetia. Regesti. (Monumenti storici pubblicati dalla R.Deputazione Veneta di Storia Patria. Serie I. Documenti). Venezia, 1903–1914. Vol. XXIX. P.43.
- ¹³¹ Magyarország történeti kronológiája. 2.köt. 505.l.
- ¹³² *R.Várkonyi Á.* A török háború... 1583.l.
- ¹³³ Леопольд I – Марко д'Аввиано, Линц 24.X.1683. // Corrispondenza epistolare... P. 33.
- ¹³⁴ Ibidem.
- ¹³⁵ Ibid. 1585.l.
- ¹³⁶ Ibid. 1587.l.
- ¹³⁷ *Hüttl L.* Die Beziehungen ... S.86.

- ¹³⁸ *Gloger B. Friedrich Wilhelm...* S.283.
- ¹³⁹ ВЕ/II. 604.1.
- ¹⁴⁰ Цит. по: *Károlyi Á. – Wellmann I. Buda és Pest visszavivása 1686-ban.* Вр., 1936. 14–15.1.
- ¹⁴¹ *R. Várkonyi Á. A török háború...* 1589.1.
- ¹⁴² *Napló Buda avagy Offen erős városának híres ostromáról. Bevezetőt, jegyzeteket írta Czigány I. (Régi magyar könyvtár. Források 7).* Вр., 1998. 16.1.
- ¹⁴³ *Eickhoff E. Venedig, Wien ...* S. 426–428.
- ¹⁴⁴ Письмо Шверни – Людовику XIV от 17 ноября 1684 г. – ВЕ/1. 315.1.
- ¹⁴⁵ Шверни писал Людовику XIV 1 апреля 1685 г. о том, что противники выдохлись и нуждаются в мире. (ВЕ/1. 318.1.)
- ¹⁴⁶ *Ibid.* 317.1.
- ¹⁴⁷ *Ibid.* 321.1.
- ¹⁴⁸ *Ibidem.*
- ¹⁴⁹ Инструкции Круасси Жирардену от 23.IV и 15.VIII. 1685 г. – *Ibid.* 299.1.
- ¹⁵⁰ *Bona G. A török uralom...* 313.1.
- ¹⁵¹ ВЕ/1. 320.1.
- ¹⁵² *R. Várkonyi Á. Hungary and the Europe of the Sacred League. // The New Hungarian Quarterly.* Вр., 1986. Vol.XXVII. №. 103. P.10.
- ¹⁵³ ВЕ/II.
- ¹⁵⁴ ВЕ/1. 312.1.
- ¹⁵⁵ ВЕ/1. 317.1.
- ¹⁵⁶ *Varga J. Az 1683–1687-es katonai sikerek politikai következményei. //Előadások és tanulmányok a török elleni visszafoglaló háborúk történetéből 1686–1688. Szerk. Szita L. Pécs, 1989. 189.1.*
- ¹⁵⁷ *Magyarország történeti kronológijaa.* 506.1.
- ¹⁵⁸ *Varga J. Buda visszafoglalása és az újjáépítés kezdete. //Budapest főváros levéltára közleményei.* 1988. 20.1.
- ¹⁵⁹ *R. Várkonyi Á. A török háború...* 1619.1.
- ¹⁶⁰ Стороны настолько тщательно скрывали от Франции заключение союза, что даже де-нежную помощь в марте 1686 г., предварявшую заключение договора, император передал курфюрсту под видом возвращения долга своего отца. (*Gloger B. Friedrich Wilhelm. Kurfürst von Brandenburg.* Berlin, S. 292.)
- ¹⁶¹ 26 мая 1686 года умер Карл II Пфальцкий, последний представитель Пфальцской династии по мужской линии. Людовик XIV от имени своей невестки (Лизелотты Пфальцкой, дочери Карла II, жены герцога Орлеанского) выдвинул претензии на Пфальцское наследство. Леопольд, женатый на представительнице Пфальцкого дома, считал, что его семья имеет не меньше прав на Пфальц, чем Бурбоны.
- ¹⁶² *Schwerl G. Bajor Szabadállam. Tört. Bevezető. //ВЕ/1. 688.1.*
- ¹⁶³ Бракосочетание состоялось 15 июня 1685 г.
- ¹⁶⁴ *Hüttl L. Kurfürst Max Emanuel von Bayern und die Rückeroberung Ungarns von den Osmanen. //* *Előadások és tanulmányok.* Pécs, 1989. 137. L.
- ¹⁶⁵ Письму Людовика XIV Ля Вогиёну 8 и 29 марта 1686 г. – ВЕ/1. 320, 321.1.
- ¹⁶⁶ Письма Людовика XIV Ля Вогиёну от 8.II. 1685 и Ля Боме от 16.IX.1685 г. – *Ibid.* 322.1.
- ¹⁶⁷ *R. Várkonyi Á. Hungary and the Europe...* P.10.
- ¹⁶⁸ *Ibid.* P.13 –14.
- ¹⁶⁹ *Hüttl L. Kurfürst Max Emanuel...* 140.1.
- ¹⁷⁰ *Buda ostroma 1686. (Magyar Levelestár.) Valogatta, fordít., bevezető tanulmányt írta Péter K. Вр., 1986. 42–43.1. (Далее – Buda ostroma 1686)*
- ¹⁷¹ *Szakály F. Történeti bevezető. //ВЕ/III. 16–17.1.*
- ¹⁷² *Péter K. «...a törökök rémes ordítozással ráohantak a mieinkre...» (Buda ostroma 1686.10.1.).*
- ¹⁷³ *Varga J. The siege of Buda. The New Hungarian Quarterly.* Вр., 1986. Vol.XXVII, № 103. P.15.
- ¹⁷⁴ *Cornaro Frigyes velencei követ jelentései Buda várának 1686-ban történt ostromáról és visszafoglalásáról. Közreadta stb. Bubits. Вр., 1891.241–244.1. (Далее – Bubits).*

- ¹⁷⁵ Varga J. Buda visszafoglalása... 25.1.
- ¹⁷⁶ Письмо Федерико Корнаро (посла Венеции в Вене) дожу Марко Антонио Джустиниани от 28.VII. (Bubics. P.209–215).
- ¹⁷⁷ Napló Buda avagy Offen... 67.1.
- ¹⁷⁸ Ibid. 68.1.
- ¹⁷⁹ Bubics. P.244.
- ¹⁸⁰ Письмо нунция Буонвизи государственному секретарю в Ватикане Альбериго Чибо от 21.VIII. Buonvisi bibornok, bécsi nuncius jelentései. Kiadta Fraknói V. Monumenta Vaticana. Vol.II. Parte 2). Вр., 1866. 163–164.1.. (Далее – Fraknói).
- ¹⁸¹ Письмо неизвестного неизвестному из Вены 5.IX. (Ibid. 153.1.).
- ¹⁸² Письмо неизвестного неизвестному из Буды 3.IX. (Buda ostroma 1686.137.1.).
- ¹⁸³ Так, евреев, укрывавшихся в синагоге вместе с детьми и женами, не спасли ни стены божьего дома, ни молитвы. Большую часть их зарубили «освободители». (*Schulhof Izsák. Budai krónika* [1686]. Héberből ford. Jólész L. Вр., 1979. 38.1.)
- ¹⁸⁴ Письмо неизвестного неизвестному из Вены 5.IX. (Buda ostroma 1686. 153.1.).
- ¹⁸⁵ Письмо неизвестного неизвестному из Вены 5.IX. (Ibid. 151.1.).
- ¹⁸⁶ Napló Buda avagy Offen... 25.1.
- ¹⁸⁷ Письмо неизвестного неизвестному из Вены 5.IX. (Buda ostroma 1686. 153.1.).
- ¹⁸⁸ Письмо Франческо Буонвизи Альбериго Чибо. Без даты. (Fraknói.197–198.1.).
- ¹⁸⁹ Письмо Франческо Гримани Федерико Корнаро от 4.IX. (Bubics. P.322.1.).
- ¹⁹⁰ Письмо Франческо Гримани Федерико Корнаро из Буды от 4.IX.1686. (Ibidem).
- ¹⁹¹ Új híradás Budából hogyan vágták négybe a vezérlő pasát, rakták darabjait egy zsákba, s dobták a vízbe azt. (Napló Buda avagy Offen... 119.1.).
- ¹⁹² Письмо Франческо Гримани Федерико Корнаро из Буды от 4.IX.1686. (Bubics. P.322).
- ¹⁹³ Ibidem.
- ¹⁹⁴ Письмо неизвестного неизвестному из Вены 4.IX. (Buda ostroma 1686.147–148.1.).
- ¹⁹⁵ Письмо Федерико Корнаро Марко Антонио Джустиниани из Вены 3–4.IX. 1686. (Bubics. P.315–316).
- ¹⁹⁶ Письмо Федерико Корнаро Марко Антонио Джустиниани из Вены 5.IX. 1686. (Ibid. P.320).
- ¹⁹⁷ Письмо неизвестного неизвестному из Вены 8.IX. (Buda ostroma 1686.170–172.1.).
- ¹⁹⁸ Письмо Франческо Буонвизи Альбериго Чибо. Без даты. (Fraknói.197–198.1.).
- ¹⁹⁹ Письмо Федерико Корнаро Марко Антонио Джустиниани из Вены 8.IX. 1686. (Bubics. P.145).
- ²⁰⁰ R. Várkonyi Á. Buda visszavívása 1686... Вр., 1984. 333.1.
- ²⁰¹ По свидетельству Корнаро, письмо Маврокордато датировано 26 августа, но в Вене предполагали, что оно было составлено уже после падения Буды. Якобы турки пошли на такую уловку для того, чтобы не показывать своего страха перед победителями. (Письмо Федерико Корнаро Марко Антонио Джустиниани из Вены от 22.IX. 1686 г. – Bubics. P.329–333). На самом деле речь идет о письме, с которым Маврокордато 5.IX. обратился к Людвигу Баденскому, а тот, в свою очередь, передал письмо Леопольду.
- ²⁰² Письмо Александра Маврокордато Людвигу Баденскому из турецкого лагеря от 5.IX.1686 г. (Bubics. 333–334.1.). Следует отметить, что Корнаро в письме к дожу отвергает (искренне или из тактических соображений) предположение о готовности Леопольда вести переговоры с османами в 1685 г.
- ²⁰³ Письмо Федерико Корнаро Марко Антонио Джустиниани из Вены от 22.IX. 1686. (Bubics. P.329–333).
- ²⁰⁴ Varga J. Buda visszafoglalása... 33.1.
- ²⁰⁵ Ibid. 34.1.
- ²⁰⁶ R. Várkonyi Á. Buda visszavívása 1686. 347.1.
- ²⁰⁷ Письмо Иштвана Чаки неизвестному из Токая от 9.IX.1686. г. (Buda ostroma 1686.179–180.1.).
- ²⁰⁸ Bona G. A török uralom ... 317.1.
- ²⁰⁹ CJH. Vol.V. Закон 1687 ст. 2. § 1. P. 334.
- ²¹⁰ Ibid. Закон 1687 ст. 4. P. 336.

- ²¹¹ После успешного для венгерских сословий завершения первого антигабсбургского движения под предводительством Иштвана Бочкая, государственное собрание Венгрии в 1608 г. приняло ряд статей, восстанавливавших привилегия сословий и действовавшие до Мохача государственные нормы. В частности, восстанавливалась высшая должность в сословном королевстве – надора, являвшегося посредником между королем и сословиями и наместником короля в Венгрии.
- ²¹² СЖН. Закон 1687 ст. 20. P. 349.
- ²¹³ Ibid. Закон 1687 ст. 27. P. 352.
- ²¹⁴ Вечева Е., Шварц И., Георгиева М. Нови документи за Чипровското въстание и събитията на Балканите през 1688 г. //Известия на державните архиви.Т.76. София, 1998. С.182–215.
- ²¹⁵ R. Várkonyi Á. A török háború... 1631.1.
- ²¹⁶ Венецианский флот потерпел поражение при Негропонте.
- ²¹⁷ Марко д'Аввиано – Леопольду I, 8.II. 1689. (Corrispondenza epistolare... P.180–182).
- ²¹⁸ Parvev I. Habsburgs and Ottomans between Vienna and Belgrade (1683–1739) New York. 1995. P. 86.
- ²¹⁹ Vona G. A török uralom ... 323.1.
- ²²⁰ ВЕ/П. 1046.1.
- ²²¹ Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. С.248–152.
- ²²² Там же.
- ²²³ Донесение баварского посла Франца Ганнибала Мёрманна курфюрсту от 27.IV.1697. // [Szita L. – G.Seewann]. A legnagyobb győzelem. Dokumentumok az 1697.évi török elleni hadjárat és zentai csata történetéhez. Pécs – Szigetvár, 1997. 185.1
- ²²⁴ Донесение Рущини Сенату // Ibid. 260.1.
- ²²⁵ Донесение Мёрманна курфюрсту от 27.IV.1697. //Ibidem.
- ²²⁶ Донесение Мёрманна курфюрсту от 15.V. 1697. //Ibid. 188.1.
- ²²⁷ Szita L. Az 1697. évi hadjárat a források tükrében. // Ibid. 13.1.
- ²²⁸ Донесение Мёрманна курфюрсту из Вены от 12.VI. 1697 г. // Ibid. 191–192.1.
- ²²⁹ Дневник продвижения императорской армии. (A császári sereg hadinaplója 1697. augusztus 8 – november 5. //Ibid. 87.1.)
- ²³⁰ Ibid. 88–91.1.
- ²³¹ Ibid. 91–92.1.
- ²³² Ibid. 94.1.
- ²³³ Письмо Леопольду I от 27.IX.1697 г. // Ibid. 179–180.1.
- ²³⁴ Szita L. Az 1697. évi hadjárat a források tükrében. // Ibid. 46.1.
- ²³⁵ Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. С.253.
- ²³⁶ О холодном приеме, оказанном императором русскому царю в Вене, см.: L. Bozai Zs. Oroszok Bécsben 1698-ban. //Aetas. Történettudományi folyóirat. 1992. 3.sz. 8–94.1.
- ²³⁷ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. 4-е изд. М., 1991. С.114.
- ²³⁸ Там же.
- ²³⁹ Gebei S. A karlócai béke kelet-európai összefüggései. //Történelmi Szemle. XLI. évf. 1999. 1–2. sz. 20.1.
- ²⁴⁰ Ibid. 21.1.
- ²⁴¹ Ibid. 17–18.1.
- ²⁴² Hammer J. Geschichte des Osmanischen Reiches, gressentheils aus bisher unbenützten Handschriften und Archiven. Bd. VI: Von Grossweirschaft Mohammad Köprili's bis zum Carlowiczzer Frieden, 1656–1699. Pest, 1830. S. 667.
- ²⁴³ Parvev I. Habsburgs and Ottomans... P.130.
- ²⁴⁴ Возницын писал в отчете, что итальянец носится как ошпаренный, прося всех о помощи, так как то, чего он не потерял в войне, потеряет сейчас на переговорах. (Цит. по: Gebei S. A karlócai béke... 25.1.)
- ²⁴⁵ Hammer J. Geschichte des Osmanischen Reiches... S. 675–676.

СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ВОЙНЕ С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ (1683–1699 гг.)

Присоединение восточноевропейских государств к сформировавшейся в начале 80-х гг. XVII в. широкой антиосманской коалиции было предопределено событиями предшествующих десятилетий, когда османские войска вторглись в этот регион Европы и утвердили свою власть над значительной частью Правобережной Украины. Перед правителями России и Речи Посполитой встала важная задача противостояния угрожающей с юга серьезной внешней опасности. В ходе борьбы с османами, которую эти государства вели в одиночку, что не позволяло им добиться успеха, у сторон постепенно складывалось убеждение в необходимости совместных действий. На протяжении 70-х гг. Россия и Речь Посполитая постоянно вели переговоры о военно-политическом союзе, направленном против Османской империи, но из-за серьезных противоречий в то время не смогли его заключить. Между двумя странами к началу 80-х гг. не существовало какого-либо мирного договора, а только соглашение о перемирии, которое постоянно продлевалось. Такое положение во многом объяснялось тем, что Речь Посполитая не отказалась от планов возвращения земель на востоке, утраченных во время русско-польской войны. Характерно, что в самый разгар переговоров о союзе, получив известия о стрелецком мятеже в Москве, Ян Собеский в июле 1682 г. предпринял шаги для установления контактов со смоленской шляхтой и казачеством, чтобы попытаться привлечь их на свою сторону¹. Неудивительно, что русское правительство в качестве предварительного условия союзного договора выдвигало признание Речью Посполитой существующих границ.

Дополнительным источником напряжения в отношениях между сторонами было нежелание значительной части населения Правобережной Украины мириться с польской властью, допускавшей существование на своей территории только нескольких служилых казацких полков, но не местных автономных образований. Население стремилось присоединиться к украинскому гетманству на Левобережной Украине, пользовавшемуся в рамках Русского государства достаточно широкой автономией. Впрочем, этот фактор стал в полной мере оказывать влияние на развитие русско-польских отношений уже после того, как сложилась широкая антиосманская коалиция.

Важной частью внешнеполитической активности восточноевропейских государств были поиски соглашения с австрийскими Габсбургами. С этой целью и польские, и русские посольства неоднократно посещали Вену, но все попытки в то время заканчивались безрезультатно: вовлеченные в войны с Францией на западе Европы австрийские правящие круги не хотели нарушать мира с Османской империей. Такая позиция Габсбургов усиливала сдержанное отношение русских политиков к проектам союзного соглашения, так как в Москве не очень верили в способность польского союзника вести длительные военные кампании. Положение резко изменилось, когда в начале 80-х гг. XVII в. Османская империя возобновила экспансию

в Центральной Европе. Теперь уже австрийская дипломатия стала добиваться союза против османов и с Россией, и с Речью Посполитой.

Предпринятые султаном военные действия против Габсбургов вызвали испуг в Европе, представлявшей, что великий везир Кара Мустафа может завоевать Вену, Пожонь (Братиславу), Прагу, вторгнуться в Германию и, соединившись на Рейне с французами, приступить к завоеванию Рима. Европейская дипломатия предпринимала усилия для объединения государств в борьбе с османами.

Папа Иннокентий XI, считая, что исторической ошибкой христиан была бы оборонительная тактика, предложил прорваться к сердцу османов – Стамбулу и навсегда изгнать их из Европы путем скоординированного наступления Ирана в Месопотамии, Речи Посполитой и России со стороны Украины, Венеции в Далмации, Франции в Палестине и Египте, Испании в Алжире, Папского государства, Флоренции, Генуи, Венеции и мальтийских рыцарей в Средиземноморье². Папская дипломатия с большой активностью содействовала заключению союза между Австрией и Речью Посполитой, опираясь на поддержку духовенства и предлагая значительные субсидии для ведения войны.

31 марта 1683 г. был заключен польско-габсбургский союз против Порты, наступательный во время войны и оборонительный при состоянии мира. Император Леопольд I обещал выставить против османов армию в 60 тыс., Речь Посполитая – в 40 тыс. человек. Оба государства обязывались не заключать соглашений с третьим государством без взаимной договоренности. «Кто что захватит, тем да владеет» – таким было условие договора, к которому предполагалось подключить и Москву³. В Варшаве понимали, что в случае поражения Австрии в войне с султаном положение Речи Посполитой могло оказаться критическим. Магнаты и шляхта пытались вернуть свои земли на юге Украины, захваченные османами. Особые планы связывала с войной династия. Ян Собеский рассчитывал, что отвоеванные у Порты земли (имелись в виду прежде всего Молдавия и Валахия) могут стать особым княжеством его сына Якуба, а это позволило бы последнему занять польский трон после смерти отца. Кроме того, военные победы способствовали бы укреплению королевской власти в стране. Эти планы со временем должны были натолкнуться на сопротивление могущественной магнатско-шляхетской оппозиции, но в 1683 г. на первый план выдвинулось общее желание не допустить падения Вены. Сейм, проходивший с конца января до середины апреля 1683 г., одобрил сбор средств на войско, которого по польским меркам было собрано необычно много – 42 тыс.

Сильный нажим австрийская и польская дипломатия оказала весной-летом 1683 г. на прибывшее в Речь Посполитую русское посольство Чаадаева и Голосова, чтобы побудить Россию к немедленному присоединению к антиосманскому союзу. На том же настаивал в Москве польский посол Зембецкий. Польша предлагала сформировать на Украине новое государственное образование с центром в Киеве, к которому, якобы, «подтянутся» греки с Балкан. В качестве меры давления неофициально использовались даже угрозы: если Москва не поднимется на войну, то притупленные на турках польские сабли будут затем «остряться» на русских шеях⁴.

12 сентября 1683 г. войска Габсбургов (8000 пехоты и 10 500 кавалерии), немецких княжеств (21 800 пехоты и 6450 кавалерии) и Речи Посполитой (7000 пехоты и 14 000 кавалерии) разгромили под Веной дотоле страшного противника (90-тыс. армию)⁵. Венская битва окончательно прервала экспансию османской сверхдержавы и вынудила «всегда победоносный и горжествующий народ» перейти к обороне. Успешное начало побудило Я. Собеского выдвинуть широкие планы продолжения войны, которые привели бы к утрате Османской империей ее владений на Балканах. Обладая несомненным стратегическим талантом, он планировал нанесение ударов в направлении Стамбула: Речи Посполитой в нижнем Подунавье, Австрии в Венгрии, Венеции в Далмации и Эгейском море, России в Причерноморье и казачьих чаек в устье Дуная⁶. В его окружении говорили об унии с Молдавией и Валахией (наподобие польско-литовской), о воссоздании большого христианского государства Армении и о независимости Крыма⁷. Планируя захватить степи между Днепром и Дунаем, король собирался вбить клин между османами и татарами⁸. Я. Собеский намеревался посадить сына Якуба на трон Молдавии, Валахии или Венгрии, устроив его брачную связь с Австрийским домом (что произошло только в 1691 г.), и сделать его наследственным польским королем. На короткое время в Польше вспыхнули даже великодержавные настроения: «Пройдя море с нашим Яном, станем мы над Иорданом!» – пела шляхта⁹.

Кампания 1683 г. оказалась единственной, в которой австрийские и польские войска действовали совместно. В дальнейшем у каждой из сторон определился свой театр военных действий: у Австрии – Балканы, у Речи Посполитой – Причерноморье. По сравнению с Балканами позиции в Причерноморье имели для османов более второстепенное значение, но это не значит, что действия в этом регионе не оказывали влияния на общий ход войны. Задача по защите северных границ Османской империи в Причерноморье выполнялась крымским ханом. Сила Крыма, контролировавшего степные просторы от Кубани до Днепра, была связана как с его немалыми военными возможностями (способность выставить в поле 60–70 тыс. мобильной конницы), так и с выгодным географическим положением – от северных соседей его надежно отделял безводный степной барьер. Последнее преимущество, правда, уже не было таким бесспорным, как ранее. С освоением Дикого поля и созданием оборонительных линий на южных границах России к концу XVII в. возможность похода на Крым с русской стороны стала хотя и трудноосуществимой, но реальной. Несмотря на участие в кампании 1683 г. крымская орда сумела сохранить свои силы, став после поражений этого времени особо важной составляющей османской армии. Австрийские правящие круги были жизненно заинтересованы в том, чтобы татарские войска не появлялись на балканском театре военных действий. Отсюда их старания побудить Речь Посполитую к активным действиям в Причерноморье и добиться привлечения России к антиосманскому союзу.

Крым был также главным препятствием на пути осуществления причерноморских планов Я. Собеского. В том, что ханство продолжало оставаться серьезной военной силой, король смог убедиться, когда после битвы

под Веной Речь Посполитая предприняла первые попытки утвердиться на территории Молдавии. Осенью 1683 г. польские войска с молдавским господарем-эмигрантом С. Петричейку и пятью тысячами казаков наказного гетмана С. Куницкого были брошены на завоевание Молдавии. Петричейку занял Яссы и призвал молдаван встать под польские знамена. Казаки вошли в Немиров, где устроили независимую от Порты казацкую резиденцию, заняли Могилев и Ямполь, разбили отряды татар и турок в Буджаке, но 30 декабря были окружены у Прута ханскими войсками. Куницкий, бросив казаков и молдаван, бежал в Яссы, и казаки выбрали гетманом А. Могилу, который позже убил Куницкого¹⁰. Все это ясно показывало, что для занятия Молдавии потребуются значительные усилия.

27 ноября 1683 г. было направлено посольство под Смоленск для заключения мира с Речью Посполитой на условиях 1667 г. Русско-польские переговоры, в успехе которых были заинтересованы папа и Габсбурги, начались с января 1684 г. Поляки соглашались лишь уступить Смоленск с тремя городами, не требовать обратно Киев, а Украину «учинить вольной на службу обоих государств»¹¹. Такие условия были для русского правительства неприемлемыми.

В Москве посланцы от императора Леопольда I И.Э. Хевель, Я. Жировский, С. Блюмберг, уговаривая правительство царевны Софьи подключиться к войне, указывали на возможность завоевания Азова и выхода к Черному морю¹². Однако Венская победа не произвела в Белокаменной особого впечатления. В церквах отслужили в ее честь молебны, но правительство, еще не отошедшее от стрелецкого мятежа 1682 г., было озабочено низкой боеспособностью дворянского ополчения, слухами о пересмотре шведами Кардисского мира 1661 г.¹³ и возможными ответными действиями Порты после заключения русско-польского военного союза. Поэтому оно прислушивалось к гетману И. Самойловичу, который говорил, что «и в мыслях нельзя держать не только нам, но и детям нашим, что поляки когда-нибудь перестанут к нам враждовать» и что если идти на союз с ними, то следует выговорить расширение границ до р. Случи и Днестра и исподволь действовать в интересах присоединения всех древнерусских земель вплоть до Западного Буга¹⁴. С перерывами 39 раз встречались польские послы с русскими, однако Боярская дума оставалась твердой: сначала признание границ 1667 г., потом – военный союз¹⁵. В Москве не хотели остаться совсем за рамками широкой антиосманской коалиции и были заинтересованы в устранении татарской угрозы. Кроме того, успешная внешняя война должна была способствовать стабилизации внутривосточного положения. Вот почему боярская группировка, стоявшая за мир с Портой, оказалась в меньшинстве¹⁶.

Гораздо успешнее шли польские переговоры с государствами, подвергавшимися непосредственной османской угрозе. 5 марта 1684 г. в Линце под патронатом папы Иннокентия Речь Посполитая, Габсбурги и Венеция образовали Священную лигу с целью изгнания османов с захваченных ими земель и заключения общего мира. Союзники должны были добиваться возвращения Речи Посполитой Каменца, Подолии и Правобережной Украины.

В договор было включено положение о привлечении к войне России. Я. Собеский был готов к союзу с историческим соперником, но без признания постоянными границ 1667 г.

Правительство царевны Софьи оказалось в выгодном положении: добиваясь закрепления в мирном договоре границ 1667 г., оно не соглашалось ни вступать в войну даже на ограниченный срок, ни нападать казацкими силами без официального объявления войны на Крым, ни, тем более, заключать союз с одними Габсбургами без включения в него Речи Посполитой. В Москве указывали на то, что Франция не вступает в антиосманскую лигу и не объявляет себя хотя бы нейтральной, из-за чего Габсбурги не могут снять свои войска с западных границ, что, возможно, именно против России в Восточной Пруссии собраны бранденбургские, а в Финляндии и Лифляндии шведские войска. Предлагалось также, чтобы австрийцы взяли на себя посредничество при заключении польско-русского вечного мира¹⁷.

Не желая идти на уступки, король решил опробовать необычный дипломатический ход: Я. Собеский весной 1684 г. предложил хану Селим-Гирею «соединить сабли» польского и татарского народов и сделать Крым «независимым», причем от мести османов он будет защищен Империей, Речью Посполитой и Венецией. В случае отпадения Крыма от Османской империи Я. Собеский перестал бы нуждаться в соглашении с Россией. Крымское ханство в то время могло существовать только под защитой более сильного государства. Сюзеренитет Порты был для татарской знати гораздо более выгодным. Хан отклонил королевские предложения, обещая лишь принять на себя посредничество в польско-турецких переговорах¹⁸.

В августе 1684 г. Я. Собеский собрал на Галичине внушительные силы с целью дойти до устья Дуная, занять Молдавию и Валахию и, перерезав коммуникации с Каменцом, заставить капитулировать эту крепость. С. Петричейку с молдавскими боярами собрались перейти под польский протекторат, если они получат привилегии местной шляхты. В Речи Посполитой полагали, что вся «греческая земля» желает видеть в польском короле спасителя. Османы в то время опасались даже за судьбу Белграда, Пловдива и Адрианополя¹⁹.

Однако попытки осады Каменца показали, что польская армия, состоявшая из конницы, не способна овладеть столь сильной крепостью. В Речи Посполитой все яснее осознавали, что своими силами не удастся выдавить османов из Молдавии. В 1685 г. польско-литовский сейм согласился восстановить на татарском и русском пограничье 7 казачьих полков (по 400–500 сабель) с резиденцией наказного гетмана Самуся в Немирове. Казаки должны были прикрывать владения магнатов и шляхты в северной части Киевского и Брацлавского воеводств. Но и в этом году поход польских жолнеров великого коронного гетмана Я. Яблоновского с шестью тысячами казаков на юг был отражен татарами. Королю пришлось обратиться к «вероломному и двуличному», по мнению Я. Собеского, восточному соседу²⁰.

В феврале 1686 г. в Москву прибыло польское посольство во главе с познанским воеводой К. Гжимультовским и литовским канцлером М. Огинским. Посольство, скрепя сердце, признавало, что возврат к состоянию до

1654 г. невозможен, а военные действия России против Крыма, облегчив действия Польши в Молдавии и Валахии, помогли бы включить Дунайские княжества и Трансильванию в орбиту польского влияния²¹.

26 апреля 1686 г. русское правительство сменило «золотой мир на железную войну» (как говорил удрученный И. Самойлович) и подписало договор о вечном мире, вечном оборонительном и наступательном (на время войны) союзе²². Заключив союз только с Речью Посполитой, Россия лишь опосредованно присоединялась к Священной лиге. От заключения союзных договоров с Габсбургами и Венецией (т.е. полного вхождения в лигу) русское правительство отказалось, возможно, желая сохранить свободу рук. С Империей предполагалось только «обновить братскую дружбу и любовь», с Республикой св.Марка допускались только «любительные пересылки»²³.

Османская дипломатия, видимо, из-за недооценки русского фактора, упустила возможность воспрепятствовать расширению враждебной коалиции. После заключения Бахчисарайского перемирия 1681 г. в пределы России периодически вторгались татарские отряды. Лишь 8 декабря 1684 г. хан Селим-Гирей I (второе правление: июнь 1684 – март 1691) подтвердил бахчисарайское соглашение, а Стамбул только в 1685 г. ратифицировал его. Тогда же Порта содействовала переходу Киевской митрополии под власть Московского патриарха. Обещание Бахчисарая прекратить набеги, если Москва откажется от союза с Варшавой, на русских политиков не подействовало: ни отказа от «московской дани», ни согласия на территориальные приращения за счет Правобережной Украины Крым не обещал²⁴.

Русская официальная оценка договора с Речью Посполитой («учинен такой Вечный мир Российскому царствию прибыльный и хвальный, какого напредь сего при предках ... не бывало, и во всём Российскому царствию великая прибыль и по всему свету вечная слава и хвала») резко контрастировала с польской, подчеркивавшей, что помощь Москвы была оплачена небывало огромной территориальной уступкой²⁵.

По договору Россия брала на себя с 1687 г. обязательство «многими силами» предпринимать походы на Крым («воевать в доме неприятеля») и препятствовать нападениям на Речь Посполитую из-за Днепра Перекопской (Крымской) орды и ногайцев²⁶. Если османы пойдут на Киев, то с тыла их должны бить поляки, если крымцы пойдут на Львов, то на них должны нападать русские. Оба государства принимали на себя обязательство не заключать сепаратного мира с султаном.

Обязавшись добиваться возвращения Подолии Речи Посполитой, Россия отказалась дать такое же обещание относительно Молдавии и Валахии²⁷. Выторговать у поляков дополнительные территориальные уступки или субсидии было невозможно, хотя В.В. Голицын и запрашивал денежную казну на содержание русской армии²⁸. Русскому правительству пришлось самому выплатить 146 тыс. руб. отступного за Киев. Поляки же не сумели четко оговорить в договоре, что Москва должна посылать войска на Крым и добиться предоставления русских вспомогательных войск для участия в походах польской армии к Аккерману, Килии или Измаилу²⁹. Позже при толковании договора 1686 г. возникли разногласия: поляки вплоть до 1699 г. уп-

рекали, что русские «взяли на себя Крым и должны на него по вся годы ходить и его разорить, чтоб памяти его не было. Також и такую диверсию чинить, чтоб орды татарские в государстве Польском никогда не были и разорения никакого не учинили»³⁰.

«Боголюбезный и страшный неприятелям вечный мир и священный союз», как официально называл его Я. Собеский, не устранил русско-польских противоречий. Шляхта и магнаты не собирались ратифицировать договор 1686 г. на сейме и вносить его в конституции. Это говорило о том, что территориальные претензии к России в Речи Посполитой сохранялись. Собеский не отрекся от титула владетеля Киевского, Смоленского и Черниговского. Украинские гетманы на службе короля именовались не «начальниками правобережных казаков», как предлагали русские, а «гетманами Войска Запорожского Его Королевского Величества». Львовский епископ И. Шумлянский, поставленный Я. Собеским во главе православного духовенства в Речи Посполитой, именовал себя «митрополитом Киевским и Всеа Росии (украинской. – В.А.) блюстителем и архимандритом печерским». Католики-«папезники» насильственно принуждали православных к унии, хотя по договору 1686 г. обязались этого не делать, а поляки заступались за смоленскую шляхту, которую смоленский воевода «пытал, жёг и мучил»³¹.

Источник возможных конфликтов сохранялся на территории Украины. В 1684 г. казаки и крестьяне заняли шляхетское Посожье, а гетман И. Самойлович – Поросье³². На грабежи имений шляхты казачьими сотнями с Левобережья поляки грозили отвечать «военным поступком». Я. Собеский называл Самойловича вторым Хмельницким³³. По обеим сторонам границы постоянно гуляли «поголоски» о возможной войне между Россией и Польшей. Резиденты обоих государств ограничивались в свободе переписки, передвижения и приема посторонних лиц.

Все же, несмотря на все эти моменты, было заключено важное соглашение, открывавшее возможность для совместных действий обоих восточноевропейских государств против Крымского ханства, которое в сложившейся критической для Порты ситуации не смогло бы получить серьезной поддержки со стороны Османской империи. В дальнейшем многое зависело от того, окажутся ли обе стороны способны на согласованные, серьезные и длительные действия, направленные против Крыма. Успех в этом отношении мог оказать важное влияние и на ход войны на Балканах, лишив султанские силы столь важной для них татарской помощи.

В 1686 г. польский король, собрав больше сил, чем под Вену (28 тыс. из Короны, 10 тыс. из Великого княжества Литовского, 2 тыс. запорожцев и 90 пушек)³⁴, выступил в поход против османов; возможно, он рассчитывал уклониться от ратификации польско-русского договора в случае крупной победы.³⁵ Ян Собеский намеревался разбить османов в генеральном сражении, дойти до Дуная и зимовать в Молдавии. Пресечение турецких коммуникаций с Каменцом должно было, по его мысли, привести к падению этой крепости. 12 августа 1686 г. 8-тыс. польский отряд вошел в столицу Молдавского княжества Яссы, где к нему присоединилось около 2 тыс. молдаван, а польские авангарды добрались до Измаила и Галаца. Татары,

однако, уклонялись от битвы. Молдавский господарь К. Кантемир, боясь, что король посадит на ясский трон своего ставленника, покинул вместе с боярством свою столицу. Северная Молдавия была совершенно разорена. Татары сожгли степь по левому берегу Прута, среди поляков начались болезни и дезертирство. В этих условиях Я. Собеский не смог закрепиться в Молдавии и в сентябре 1686 г. покинул сгоревшие Яссы. На всем пути отступления королевская армия преследовалась ханскими воинами. Небольшие гарнизоны были оставлены в крепостях на севере княжества, откуда ротмистр польской службы молдавский авантюрист А. Давыденко пытался бороться за место молдавского господаря, обращаясь за поддержкой то к полякам, то к австрийцам, то к туркам и татарам³⁶. Поход 1686 г. в Молдавию был крупнейшим поражением Я. Собеского после венского триумфа.

Под давлением Ватикана в декабре 1686 г. король «со слезами» вынужден был подтвердить соглашение с Россией. (Ратификация сеймом произошла только в 1710 г., после Полтавской победы.)³⁷ Получив гарантии Я. Собеского на Левобережную Украину, в Москве охладели к союзу, что позже почувствовали в Речи Посполитой («а то им ведомо, что союз царскому величеству не надобен»³⁸). Оптимальной для Кремля была бы возможность вообще избежать войны с Портой, поэтому русские посланники в Вене и Венеции дотошно вынуждали о мирных инициативах противника³⁹. Но надежда на мир оказалась слабой, и 26 сентября 1686 г. В.В. Голицын указал составить для Крыма «претительную грамоту»: война де началась по вине хана, пустившего «загоны» на Украину, однако русская сторона, не желая кровопролития, предлагает примирить султана с польским королем на условиях возврата турками всего завоеванного⁴⁰.

При разграничении театров военных действий польское командование брало на себя Буджакскую (Белгородскую) и Едисанскую (Очаковскую) орды (в пределах Силистрийско-очаковского зялета Османской империи), а также Молдавию – т.е. территорию от Карпат до нижнего Днепра, предоставляя России право воевать против собственно Крымского ханства, в степях к востоку от Днепра. Папа Иннокентий XI, очевидно, учитывая претензии Габсбургов на Молдавию, советовал Польше сузить фронт и пробиваться к Черному морю по коридору между Днестром и Южным Бугом, поддерживая русские действия против Крыма⁴¹.

27 декабря 1686 г. Я. Собеский, исходя из своего боевого опыта, предложил разумный военно-стратегический план: вместо удара в сердце Крыма, где русских на безводье как в мышеловке могут захлопнуть западные ногайцы, следует предварительно рассечь территорию ханства двумя клиньями – вдоль нижнего Днепра и по линии Дона у Азова. На Азов должны были двигаться русские войска, а на нижнем Днестре действовать совместно войска русские и польские. Вслед за этим союзные войска по сходящимся направлениям должны идти – поляки на Буджак, русские на Крым⁴². План этот был отклонен правительством Софьи отговоркой, что переправа на западный берег Днепра у Чигирина замедлит движение войск и активизирует нападения татар, передавать же русские войска под польское командование невозможно⁴³.

Центральноевропейский театр военных действий в Москве представляли смутно. Когда османы в панике бежали на юг из Венгрии, когда император Леопольд I, надеясь на восстание, провозгласил себя покровителем балканских христиан-беженцев, и австрийцы лелеяли надежду дойти до Стамбула, Боярская дума выясняла, не следует ли ожидать янычар, венгров и татар под Краков и Львов, как укреплены эти города, охотно или поневоле пойдут жолнеры с Я. Собеским в Венгрию, на чью сторону – короля или султана – склонятся молдаване и валахи. Полякам советовали не опоздать с выходом против Буджакской орды, которая может напасть на марше к Перекопу на православную рать. В случае такой «порухи» польский союзник не должен причитать «нелюбья»⁴⁴.

К сожалению, при подготовке похода на Крым были допущены серьезные просчеты. Перед маршем 1687 г. не было составлено оперативного плана, не намечено промежуточных баз, не проведено боевых учений. И тем не менее; контраст с польской военной машиной был разителен: в то время, как королевич Якуб Собеский собрал в 1687 г. в двенадцати милях от Каменца около 27 тыс. чел., назначенный командующим князь В.В. Голицын сконцентрировал в Слободской Украине огромную армию – 112 902 чел., из которых 67% были полки нового строя. Для Вены (а тем самым для Европы и турок) военная пропаганда сообщила о сборе 527 100 воинов и пообещала, что крымцы нигде не смогут помочь османам. При этом указывалось, что на Дальнем Востоке продолжается война с «Хинским Великим ханом» и «дикими неукротимыми» народами Сибири⁴⁵.

В мае 1687 г. «два Марса – великороссийский и малороссийский – подняли военные хоругви», чтобы «сокрушить свирепую татарского и оттоманского народа гордость»⁴⁶. Но поход столь крупных военных сил не привел, к сожалению, к значительным результатам. «Идя на войну, надо Богу молиться, а не хвалиться», – так упрекала позже польская сторона В.В. Голицына. По своей Полтавщине и Запорожью громадное войско с тысячами телег прошло за 2 месяца около 250 км, не встретив нигде противника. Безводье, выжженная степь и отсутствие подножного корма заставило В.В. Голицына 17 июля повернуть назад, едва задев татарское пограничье. Пройти еще полторы сотни километров и разорить 4 османских форта на нижнем Днепре (Газикерман, Мустридкерман, Исламкерман, Мюбареккерман) В.В. Голицын не имел ни желания, ни воли. На обратном пути по инициативе казацкой старшины был низложен гетман И. Самойлович. Его обвинили в том, что он порицал принятые в Москве решения о заключении союза с Речью Посполитой и походе на Крым, во время которого не мешал татарам жечь степь. 25 июля генеральный есаул И.С. Мазепа как новый гетман принес присягу на вечную верность России.

На польско-татарском фронте 20 тыс. крымцев, зимовавших в Буджаке, соединились с 30 тыс. ногайцев и не позволили войску Якуба Собеского и казацкого гетмана А. Могилы продвинуться к Каменцу. Боеспособность резко спала от дезертирства. При возвращении казаки выгоняли шляхту из имений. За польские заслуги в борьбе с Крымом пришлось выдавать действия казацкого полковника С. Палия, который разбил татарский кош по пути к Киеву⁴⁷.

Таким образом, в 1687 г. союзники не смогли действовать по совместному плану, а их несогласованные действия против Крыма оказались малоэффективными, что вызвало возникновение пессимистических представлений о возможных перспективах войны. В королевской инструкции, разосланной на сеймики в конце 1687 г., на обсуждение шляхты был поставлен вопрос: продолжать войну или искать сепаратного мира с Портой⁴⁸.

В марте 1688 г. почти к географическому центру тогдашней Речи Посполитой – Сокалю (в 70 км к северу от Львова) «волчьим образом» прорвались крымские всадники⁴⁹. Не имея полноценной, как в России, оборонительной системы «засечных черт», в Польше высказывали надежду, что русские поставят «сторожу от Лебедина до Умани», и продолжали предлагать, чтобы русские войска расчленили территорию Крымского ханства вдоль Днепра, взяли Очаков (после чего «до Царьграда вольной приступ будет»), чтобы был разорен и заселен русскими людьми Крым⁵⁰.

Тем временем в Речи Посполитой нарастал внутриполитический кризис. Попытки Я. Собеского усилить свою власть наталкивались на мощное сопротивление враждебных ему магнатских группировок. Собравшийся весной 1688 г. сейм был сорван, не приступив к работе. Все это прямо сказывалось на способности Речи Посполитой вести войну. Летом 1688 г. великий коронный гетман С. Яблоновский на Волыни и Подолии собрал менее 20 тыс. чел., но татары не позволили им даже переправиться через Днестр. Ввиду того, что польские вооруженные силы почти не участвовали в военных действиях, посланец Ватикана заявил, что с 1 ноября 1688 г. субсидии польскому войску прекращаются в связи с неэффективностью их использования.⁵¹

Русский резидент П.Б. Возницын, наблюдая как в сентябре из-под Каменца «волоклись едва живы», без пороха и пуль 10 тыс. жолнёров, пересказывал их слова: «некакой гнев Божий, понеже не токмо в неприятельских краях не были и из своих не выходили, а так изнужились и от неприятеля посрамлень». Отступавшие грозили мятежом, если бы их снова повели под Каменец. Сенаторы обвиняли короля, что он «съел» деньги республики, продает чины и замахиывается на «золотые вольности»⁵².

Внутренний кризис в Речи Посполитой продолжал нарастать. Сеймы постоянно срывались (в 1688–1695 гг. из 6 сеймов пять было сорвано) и, следовательно, не выделялись ассигнования на военные нужды. Магнатские группировки имели свои собственные внешнеполитические программы и собирались детронизовать Я. Собеского. Но король не рискнул оружием подавить оппозицию и варшавский сейм 1688/89 г. заставил его прекратить борьбу за реформы в Речи Посполитой и установление наследственной монархии⁵³. О внутриполитическом кризисе Речи Посполитой в Москве хорошо знали через «доброжелателей» на Украине и в Великом княжестве Литовском.

Учтя свою неудачу 1687 г., русское правительство к осени 1688 г. для наступления на Крым выстроило перевалочную базу выше Днепровских порогов, напротив Кодака – крепость Богородицкую (Самару). 18 сентября 1688 г. в Москве объявили манифест о генеральном походе на будущий год.

Боярская дума 7 ноября 1688 г. приняла решение о начале марша в феврале 1689 г. снова под командованием В.В. Голицына⁵⁴. Отказ от похода на Очаков, на чем, как и прежде, настаивали поляки, объяснялся тем, что в тылу останутся 4 турецких форта, татары могут блокировать у лимана рать и разорить незащищенное Левобережье. Я. Собеский просил прислать для усиления его армии 20 тыс. русской пехоты. Из Москвы обещали послать малороссийских казаков на правый берег Днепра и «конечно татар на польские города не допустить»⁵⁵. Польский король обещал приурочить свою кампанию к русской, «когда лед и снег сойдут», и воевать в Буджаке вместе с австрийцами⁵⁶.

Кампании 1689 г. предшествовали переговоры о мире в Вене и в Польше после того, как Франция в сентябре 1688 г. объявила войну Империи. Австрийцы и русские опасались выхода поляков из лиги под натиском французской и крымской дипломатии. Французы уговаривали хана перенести набеги с Польши на Венгрию, а султана – уступить полякам Подолию, Молдавию и Валахию.

В конце 1688 г. Порта приказала Селим-Гирею выяснить возможность прекращения войны с Речью Посполитой. На аудиенции 21 января 1689 г. ханский посланец преподнес Я. Собескому портрет султана Сулеймана II (1687–1691), признал нарушение османами мира, ущерб от татарских набегов и сказал о готовности хана принять на себя мирное посредничество⁵⁷. 25 марта 1689 г. король, поблагодарив за «обновление давнего доброго приятства», известил, что дал слово союзникам не мириться сепаратно, но вместе с тем выразил надежду, что мир через крымское посредничество, возможно, будет заключен скорее, чем в Вене, и просил раскрыть позицию хана в отношении России⁵⁸.

В Вене поляки, несмотря на то, что у Каменца удалось собрать всего 18-тыс. войско, выставили притязания на Подолию, Молдавию, Валахию и выход к Черному морю от Дуная до Днепра через Буджак и Эдисан. Помимо этого требовалось возмещение военных издержек и высылки в Анатолию или Фракию всех ногайцев, кочующих к западу от Днепра, а «Крым уступить москвитинам». Реально поляки рассчитывали хотя бы на половину Молдавии вплоть до Ясс⁵⁹. В Польше, как и в России, завоевание Крыма считали тогда почти невозможным, и польские претензии в Причерноморье не пересекались с русскими⁶⁰. Связи Варшавы со Стамбулом окончились ничем: Порта соглашалась отдать Каменец, но не Молдавию, указывая, что помехой «старой дружбе» является казачество, которое надлежит ликвидировать⁶¹.

Притязания Габсбургов распространялись на Венгерское королевство и Дунайские княжества. Кроме того, они требовали контрибуцию в 6 млн. червонных и ежегодные выплаты по 2 млн. в течение 10 лет.⁶² Сопоставление польских и австрийских требований показывает, что их интересы сталкивались на территории Дунайских княжеств, каждая из сторон относила их к зоне своего влияния.

Следуя примеру Варшавы и Вены, в Москве 21 марта 1689 г. тоже подготовили свои требования: уступка Крымского полуострова, Азова («а тот

город стоит на земле царского величества»), Очакова, четырех турецких фортов в устье Днепра, разрешения запорожцам рыбной ловли вплоть до моря, освобождение без выкупа пленных, удаление всех живущих к востоку от Днепра кочевников за Черное море и компенсация в 2 млн. червонных за разорение Украины. Значение этого документа очевидно. Русские правящие круги здесь впервые определили те цели политики России на Черном море, которые реализовывались затем в течение очень длительного периода времени. Понимая, что осуществление этих требований в полном объеме может оказаться невозможным, в Москве подготовили и своеобразную программу-минимум, которая предусматривала всего лишь запрет татарских набегов или возмещение их ущерба, отказ Крыма от дани с России в обмен на взаимный отказ Москвы от контрибуции в 2 млн. червонных и отмену в Газиермане десятины, взимаемой с запорожцев, возвращающихся с промыслов⁶³.

Как и следовало ожидать, переговоры в Вене не привели к миру. Порта, низко оценивая польско-русский военный потенциал и надеясь на успехи Людовика XIV в борьбе с императором, решила продолжать войну. Варшава, Венеция, Рим и Вена желали успеха В.В. Голицыну и надеялись на серьезное поражение крымских татар, что привело бы к перемене общей ситуации на фронтах в пользу Священной лиги.

К моменту второго похода В.В. Голицына в Крым был «приморок» от лихорадки, от недорода и голода часть татар «разбрелась в Белгородскую орду». Турки призывали хана к Софии против австрийцев и всего лишь 1 тыс. воинов перевели из Кафы в Арабатский городок. Получив известия о небывалом «после Пасхи» русском походе, в Крыму не знали его направления, но постарались мобилизовать на войну татар, ногайцев и подвассальных адыгов Прикубанья. Ханские вербовщики были отправлены даже в Чечню⁶⁴. В 1688 и в феврале 1689 г. проводились смотры, после которых приводили в порядок оружие и коней, и писали всех в «роспись». В конце апреля переписчики работали в 32 городских и волостных уездах, учитывая каждого воина, и ханство собрало, возможно, рекордную численность войска – свыше 70 тыс. Ради предосторожности русских полоняников собирались посадить под караул по 5 чел. в ямы⁶⁵.

Свое положение ханство облегчило, добившись к этому времени выхода Запорожья из войны, используя подкуп сечевиков и антирусскую пропаганду⁶⁶. 7 апреля 1689 г. был заключен крымско-запорожский мир. Войско Запорожское заняло благожелательный нейтралитет по отношению к ханству⁶⁷. Весной 1689 г. Селим-Гирей с 15 тыс. конницы расположился у устья Дуная, на равном расстоянии от Софии и Перекопа, собираясь идти против русских, как только те приблизятся к р. Самаре, или против австрийцев, если русские рати задержатся.

3 апреля 1689 г. из Сум, Рыльска, Обояни, Межиричей и Чугуева «от веку неслыханная рать» (112 066 чел. с 350 пушками и огромным обозом с боеприпасами, провиантом и фуражом) двинулась на «святую войну» ради освобождения «загонных душ» и прекращения «разорительного набегательства». Однако правительство царевны Софьи рассматривало «генеральный

поход» не только как вынужденную плату за мир 1686 г., но и не желало, чтобы войско увязло на юге в условиях обострившейся конфронтации с царем Петром⁶⁸. Русское военное начальство не запланировало ни заслона против ногайцев из Буджака и из-под Азова, ни отвлекающих операций, подобных тем, которые провел Петр Великий в 1695–1696 и в 1711 гг.

Весной прошли дожди, поджечь степь было невозможно и подножный корм был в изобилии. Не было проблем и с продовольствием у служилых людей. У р. Самары В.В. Голицын соединился с 50-тыс. войском Мазепы и 24 апреля перешел эту реку. 13 мая против турецких фортов у Исламкермана с его гарнизоном в три сотни человек выставили двухтысячный заслон⁶⁹, однако переправе через Днепр Селим-Гирею с его сыновьями – калгой Девлет-Гиреем и нуредином Азамат-Гиреем – не смогли помешать. Крымская конница не могла остановить или замедлить русское войско и оно, как обычно, проходило по 9–10 верст за день. Практически бескровно русская пехота (о коннице крымцы «только смеялись») вытеснила татарских всадников за «Перекопские ворота», вне которых они больше не появлялись⁷⁰.

20 мая вместо обстрела крепости Ор на Перекопе В.В. Голицын послал Селим-Гирею свои условия мира – выдать всех полоняников, захваченных на Украине и в России, отказаться от вторжений за польские и российские границы и претензий на дань⁷¹. В.В. Голицын явно хотел закончить войну, удовлетворившись минимальными уступками Крыма. Такое соглашение позволило бы говорить об успехе похода, что было важно по внутривосточным соображениям. Татары сначала затягивали переговоры, а затем отклонили предложения В.В. Голицына. К этому времени от скученности и сивашской воды начались болезни и падеж коней и волов. Наступать через безводье степного Крыма В.В. Голицын не рискнул и с «нареканием всего войска» начал отход, бросив часть орудий⁷².

Два похода на Крым 1687 и 1689 гг. продемонстрировали военный потенциал предпетровской России и ее не меньшую, чем у Австрии и Турции, способность формировать, снабжать и перебрасывать большие массы войск и артиллерию на значительные расстояния. (В дальнейшем даже появление стад диких животных вызывало тревогу в Крыму.) Однако на фоне балканских побед союзников польско-русские успехи в Восточной Европе выглядели более чем скромно. Кратковременная паника в Крыму и 26 пленных, захваченных на обратном пути, не стоили громадной суммы в 700 тыс. рублей, которая была собрана со всей страны ради этого похода⁷³.

Священной лиге экспедиция В.В. Голицына ничем не помогла. Поляки еще долго упрекали русскую сторону за преждевременное окончание кампании, в результате чего 60 тыс. татар в августе-сентябре 1689 г. страшно опустошили Вольнь и Галичину⁷⁴. Однако следует отметить, что и результаты похода могли оказаться иными, если бы одновременно с русской армией выступили войска Речи Посполитой, но этого не произошло. Самым важным последствием неудачи крымского похода стал московский переворот: царевна Софья, которая весной 1689 г. готовилась венчаться на царство⁷⁵, была низложена братом. Новый царь Петр, увлеченный «марсовыми и не-

птуновыми потехами», первоначально не занимался государственными делами и реальная власть находилась в руках боярского правительства во главе с Л. К. Нарышкиным. Этому правительству пришлось действовать в гораздо менее благоприятной международной ситуации.

К 1690 г. в войне с Османской империей произошли перемены, неблагоприятные для государств Священной лиги. Крестоносное воодушевление спало, а «мусульманская сабля стала острее». В августе – октябре Габсбурги потеряли Сербию, застопорились успехи венецианцев; становилась все более ясной неспособность Речи Посполитой вести войну. В Москве отказались от наступательных действий и стали держать курс (вплоть до 1694 г.) на малую приграничную войну и сепаратный мир с противником.

События, происходившие на Правобережной Украине, способствовали обострению отношений между Россией и Речью Посполитой и дополнительно затрудняли возможность их совместных действий против Крыма. На Правобережной Украине большая часть территории от Днепра до Днестра в 1688–1702 гг. контролировалась не поляками и турками, а казаками. Центр третьей после Гетманщины и Запорожья украинской политической силы находился рядом с Киевом в Фастове, где была резиденция «казацкого батька» Семена Палия. Общим настроением казаков-палиевцев было стремление к объединению (вопреки польско-русскому договору 1686 г.) правого и левого берега Днепра и установление русского протектората над Правобережьем. «Его Королевского Величества казачий полковник Палий» стянул к Фастову до 2 тыс. казаков с Украины и даже Дона. В авангарде с 500–800 пешими и конными казаками, иногда с пушками, он часто «гостил в улусах ногайских» и вместе с казаками гетмана И. Мазепы смелыми рейдами прорывался к Бендерам, Газикерману и Очакову и «кормил врага страхом и ужасом». Когда палиевцы стали «заезжать» в шляхетские имения на Волыни и вытеснили поляков на Полесье, к Немирову и Виннице, коронная администрация пыталась расправиться с ними, Палий стал проситься «под вискрюлья» России и защиту Мазепы с обещанием присягнуть на вечную службу царю. Политика казацкого вожака последовательно была направлена на компрометацию поляков в глазах Москвы⁷⁶.

Принимать вопреки договору 1686 г. казаков значило вступить в открытый конфликт с польским соседом. Палию с семьей соглашались предоставить убежище (в Киеве ему был куплен двор за 140 руб.), но отказывались взять под покровительство казаков на Правобережье. Одновременно было принято решение «ласкать» казацкого вождя, чтобы тот «от отчаяния не ушел к хану». Вместе с тем дополнительный форпост Киева против крымцев и поляков был нужен как раз на Правобережье, и поэтому Палию втайне переправлялись пищаля, английские и гамбургские сукна, соболя, свинец и порох из Московской Оружейной палаты и Киевского Пушечного двора. Ради конспирации кроме ефимков жалованье палиевцам платили иногда польскими золотыми, а полковые и сотенные знамена выдали без надписей.

С. Палий же открыто «хвалился обороной» России, говорил полчанам о царском жалованье, демонстративно освятил у киевского митрополита знамена, посылал пленных татар в Москву, именовал себя Белоцерковским пол-

ковником «по милости царских пресветлых величеств» и открыто требовал очищения от поляков Правобережья вплоть до р. Случи⁷⁷. Всем этим он резко поднял свой авторитет, и среди казачества пошли разговоры о его будущем гетманстве («подадим Палию гетманство и клейноты вручим ему... и ведает он, как панов украинских взяти в руки»), в Польше возникли планы отравления или убийства «казацкого батька»⁷⁸, а в Крыму надеялись переманить его на свою сторону. Польская подозрительность в отношении России выросла до такой степени, что в Варшаве стали опасаться похода русских полков из Киева на Правобережье.

Еще сильнее обострились русско-польские отношения в связи с попыткой запорожцев перейти под польский протекторат. «Низовое Войско Запорожское», полиэтничная казацкая республика в низовьях Днепра по договору о «вечном мире» 1686 г., находилось под русским протекторатом, но вело самостоятельную политику. Дикая степь защищала сечевиков так же, как и Крым, и они свободно дрейфовали между Россией, Польшей и Турцией. Кошеские атаманы претендовали на контроль над частью Правобережья и Гетманщины вплоть до р. Ворсклы и Псел. Москва и Батурин могли влиять на запорожцев хлебным и денежным жалованьем, Бахчисарай – подарками и пресечением соляных и рыбных промыслов в низовьях Днепра. Постройка крепости Богородицкой в центре огромной степной территории Низового войска вызывала резкое недовольство запорожцев. Вслед за заключением крымско-запорожского мира они отправили посольство к «наследственному королю-пану» и 14 декабря 1689 г. сотня казаков во главе с П. Лазукой была неофициально принята Я. Собеским в костеле Жолквы. Послы объявили о временном замирении с татарами, жаловались на задержку Москвой поставок хлеба в Сечь, просили принять Низовое войско под покровительство короля и посоветовать, какую политику вести в отношении России и Крыма. Король рекомендовал представляться не послами, а казаками, желающими принять королевскую службу, не взял их на сейм и отпустил в Немиров ждать жалованья и суков. Позже было «глухо» отвечено, что все запросы послов «восприемлются»⁷⁹.

Весной 1690 г. Я. Собеский решил выяснить не удастся ли добиться отложения Гетманщины от России и поручил львовскому епископу И. Шумлянскому (к этому времени он тайно перешел в унию) подговорить Мазепу «сбросить иго с вольной шеи своего народа» и вернуть Левобережную Украину в состав Речи Посполитой на условиях Гадячской унии 1658 г. Украинский гетман мог бы быть «в равенстве с литовским гетманом, а казаки в шляхетстве»⁸⁰. Для поддержки Мазепы обещали прислать несколько легкоконных полков по пятнадцати хоронгвей в каждом. В надежде на мир с турками и на восстановление господства за Днепром польская сторона стала концентрировать вооруженные подразделения в Полонном, Белой Церкви, Бердичеве и др. местечках Поднепровья⁸¹. Все это вызвало бурю негодования в Москве: «И где присяга, и обещание, и душа, и как правде впредь быть и чему верить и союз против неприятеля иметь?!» – возмущенно выговаривал дьяк Е.И. Украинцев польскому резиденту в Москве Доминику Довмонтю⁸².

Мазепа так же доносил о готовящемся польском наступлении на Украину и о слухах, что османы, отдав Каменец, помогут Речи Посполитой отво-

евать Левобережье⁸³. Боярская дума предписала выяснить численность и намерения польских войск («не пойдут ли они впрямь на Киев»). Бояр беспокоила возможность польско-османского союза в связи с пребыванием у Я. Собеского крымского посла Абдурахман-аги с 11 мая по 2 августа 1690 г., сообщавшего о крымско-запорожском мире, в результате которого путь татарам из Крыма «всюду чист», и о возможности возвращения Каменца Польше вместе с артиллерией, и о поддержке короля сотней тысяч татарских сабель в его войне с Россией⁸⁴.

Обеспокоенная польскими интригами на Украине русская дипломатия не стеснялась дискредитировать Речь Посполитую перед Габсбургами, указывая, что все убытки цесаря на Балканах происходят от пассивности поляков, которые стремятся к сближению с Францией, а все австрийские успехи в 1687–89 гг. – завоевание Венгрии, Трансильвании, Сербии и части Боснии – одержаны благодаря русским походам на Крым⁸⁵.

Неудивительно, что в этих условиях в Москве начались поиски выхода из войны путем заключения сепаратного мирного договора. Летом 1690 г. тайно через Мазепу сообщили в Бахчисарай, что русские походы на юг приостановлены ради мира с ханством, попросили раскрыть содержание антирусских депеш, полученных в Крыму из Варшавы, и подписать мир в Москве. О замирении, «видя польского короля неправды», русское правительство хлопотало и через молдавского господаря К. Кантемира и его представителя в Москве И. Белевича⁸⁶.

Одновременно русская дипломатия настаивала, чтобы члены Священной лиги приняли на себя защиту русских интересов при переговорах с османами. Посылать своих уполномоченных в Центральную Европу бояре (под формальным предлогом удаленности) отказывались, хотя знали от своих резидентов из Вены и Варшавы, что союзники не заинтересованы в отстаивании требований России⁸⁷. Возможно, такая позиция вызывалась стремлением замаскировать тайные русско-крымские контакты. Габсбурги обещали всего лишь «замолвить слово» перед османами, поляки же квалифицировали русские условия 5 августа 1689 г. как «тягостные».

Крымский хан, которому Порта отдала на откуп все дела с Москвой, соглашался вести переговоры только в Бахчисарае. 6 августа 1691 г. Дума приняла решение искать мира на условиях выработанной в 1689 г. программы-минимум. 29 августа эти условия были пересланы польским и австрийским «комиссарам»⁸⁸.

В начале 90-х гг. Я. Собеским была предпринята последняя серьезная попытка добиться успеха в войне с Османской империей. Сейм 1690 г. под сильным воздействием австрийской дипломатии выделил все же средства на военные нужды. Для похода в Молдавию королю удалось собрать 30-тыс. войско, но не хватало продовольствия и снаряжения, солдаты не получали жалованья, так как решения сейма плохо выполнялись. Король, сознавая недостаточность своего войска, «для любви и бессмертной славы» русских государей просил в помощь 30–40 тыс. русской пехоты, разрешения вербовать казаков с Левобережья и заклинал стронуть с места русские рати из Севска и Путивля. Однако Дума не собиралась повторять крымс-

ких походов. Для отвода глаз обещали пустить в дело, «как поспеют хлеба», стрельцов Белгородского разряда, но в сентябре заявили, что выходить в степь уже поздно, хотя рати, де, были готовы с весны, ожидая польского союзника⁸⁹. Габсбурги тоже не собирались помогать полякам своей пехотой к Востоку от Карпат. Субсидии папского престола были урезаны на 90%⁹⁰.

Поход в Молдавию и на этот раз не привел к желаемым результатам. Татары при содействии господаря и бояр прибегли к традиционной тактике. Уклоняясь от сражения, они разоряли страну, чтобы лишить польское войско продовольствия, и совершали постоянные нападения на польские отряды. Были заняты такие молдавские города, как Сороки, Роман, Нямц. Дойдя до Буджака, польская армия в октябре 1691 г. двинулась назад. Отступление превратилось в катастрофу: войско жгло и рубило повозки, карты, амуницию, палатки и оружие. От ранних холодов и дезертирства потеряли около 10 тыс. чел. Гусары сбрасывали доспехи и ковыляли пешком. Пушки закопали в лесах Буковины (позже их выкопали) и насили выбрали на польскую границу у Снятина. Под Львовом голодная солдатня «чинила великие убийства и грабежи». Авторитет спасителя Европы безнадежно съехал вниз, сенаторы и шляхта открыто упрекали, что король безобразно подготовил поход, «поморил войско в пустыне» и «тайно подружился с татарами».

После фиаско 1691 г. Речь Посполитая перестала выполнять для Священной лиги даже роль противовеса Буджакской и Едисанской ордам, у шляхты окончательно испарилась вера в победоносную «священную войну». 10 декабря 1691 г. Я. Собеский оповестил Москву о сражениях с 40-тыс. ордой и двумя татарскими «салтанами», о своем «счастливом возвращении» и снова предложил отправить русских уполномоченных на переговоры для защиты интересов России. Наступательных планов король уже больше не замыслил в связи с полным расстройством польского государственного механизма: с 1692 г. сеймы один за другим срывались. Попытки осады Каменца в 1692 и 1694 гг. окончились безрезультатно.

В начале 1692 г. польский сосед заклинал Москву «ради святителей христианских», «бессмертной славы во всем мире» и «православной веры» идти на Крым и помочь хотя бы десятью тысячами стрельцов, чтобы спастись из-под «обуха» татар, иначе придется сложить с польских плеч все хлопоты о русских интересах и пойти на сепаратный мир⁹¹. Угрозы выйти из войны могли только подталкивать Москву к сепаратным переговорам. Для Крыма создавалась удобная ситуация, чтобы, играя на противоречиях между интересами восточноевропейских государств, добиваться наиболее благоприятных для себя мирных условий.

В первой половине 1692 г. почти одновременно начались сепаратные переговоры Речи Посполитой и России с Крымом. 3 марта 1692 г. из Москвы был отправлен к хану Сафа-Гирею (декабрь 1691–октябрь 1692) гонец подьячий В. Айтемирев с предложением заключить вечный мир за себя и турецкого султана с «государством Московским и всею Украиною казацкою, к Московскому государству належащею», на условиях 6 августа 1691 г., к

которым был добавлен пункт о возвращении грекам святых мест в Палестине. В месячный срок предлагалось отправить ханских послов в Москву, иначе будут начаты русско-турецкие переговоры помимо хана в Стамбуле. Айтемирев должен был собрать информацию о военном потенциале и состоянии духа татар, узнать, заинтересованы ли они в мире с Россией или Польшей, и выяснить, добиваются ли поляки татарской помощи против царя.

В беседах с гонцом крымские дипломаты интересовались прочностью русско-польского союза, говорили, что ханство к миру и войне готово, и кто скорее примирится с ним, тот и будет «приянее». Крым соглашался отказаться от набегов, не бесчестить послов и гонцов, предоставить свободу промыслов запорожцам, но категорически отказывался освободить всех плененных славянских рабов. Любые переговоры о мире должны вестись только в «раеподобном» Бахчисарае, а без дани и восстановления договора 1681 г. России крымской дружбы не видать.

Переговоры сорвались после того, как хан Сафа-Гирей ввязался в авантюру писаря Мазепы «Петрика». В мае 1692 г. Айтемирева посадили в одну из пещер Чуфут-кале под Бахчисараем, откуда он был выпущен только 7 апреля 1695 г. с ответом: хотите мира, шлите послов в Крым⁹².

Успешнее шло польско-крымское сближение при содействии Порты и Франции, заинтересованных в выходе Речи Посполитой из Священной лиги. В июне 1692 г. к варшавскому двору прибыл от Сафа-Гирея посол Дервиш Гази-мурза, который ранее был с визитом в Швеции. Инициатива этого посольства исходила от французского посла в Адрианополе. Ян Собеский рассчитывал, что Порта ради раскола Священной лиги пойдет на территориальные уступки Польше⁹³. Сердечно («взяв за руки») сенаторы говорили послу о польской дружбе, благодаря которой Крым одерживал верх над Россией, о славной победе над русскими под Чудново в 1660 г. и о провале голицынских походов благодаря пассивности польских войск. Посол отвечал, что сердце татар «лежит к Польше», что в отличие от Швеции и России, отнявших у Речи Посполитой Лифляндию и часть коронной Украины, ханство ничего не отобрало у поляков, что Москва, Батулин и Сечь запросили мира у Крыма. Если польские сабли соединятся со ста тысячами крымских ради возврата Киева и Смоленска, то на будущих переговорах в Бахчисарае Польша получит Каменец. И даже, если Порта разорвет мир с Речью Посполитой, Крым, якобы, не станет воевать с ней⁹⁴.

Летом 1693 г. в Варшаве принимали нового посла от хана Селим-Гирея (3-е правление октябрь 1692 – февраль 1699). Польша обещала «вечное побратимство» Крыму и просила посредничества в переговорах с Портой, так как английскому и голландскому посредничеству в Стамбуле не видно конца⁹⁵. Рада, собранная Я. Собеским в Яворове 6 и 7 августа 1692 г., постановила все же отложить соглашение с Крымом, учитывая позиции России и Австрии.

Встревоженное русское правительство запросило своих резидентов, почему польские войска на зимовку располагаются в Полесье и недалеко от Киева, какие духовные и светские агенты засылаются на Украину ради мятежа, кто из казацкой старшины заводит связи с поляками, подает им «на-

дежду» о запорожцах и не последует ли зимой или весной 1693 г. польско-крымское вторжение на Украину⁹⁶.

Польско-крымское сближение оживило связи России и Габсбургов. Австрийский резидент в Варшаве Ю.Шимонский сообщил находившемуся здесь русскому представителю Б.М. Михайлову, что французский посол при польском дворе дает банкеты в честь крымского посла, что великий коронный гетман С. Яблоновский, которому император платил по 2 тыс. червонных в год, ссылается через Тёкёли с турками. Поляков следует остерегаться «как самой злой отравы», ибо после мира с «поганцами» они присоединятся к осmano-французскому блоку, или вместе с татарами нападут на Россию. «Свирепому же врагу» хану австрийцы никогда не позволят посредничать в переговорах⁹⁷.

В том же июне 1692 г., когда в Варшаве банкетами и концертами чествовали крымского посла, снова взорвалось Запорожье. Канцелярист Мазепы П.И. Сулима («Петрик»), сбегав в Крым, предьявил хану Сафа-Гирею письмо, якобы, от генерального писаря В. Кочубея и Мазепы, где сообщалось, что как только ханское и запорожское войско появится у р. Самары, Украина отложится от Москвы. Сафа-Гирей решил испытать шанс. 11 апреля 1692 г. он заключил «крымско-украинский договор», выдал Петрику гетманские инсигнии – хоругвь, бунчук, серебряный пернач, коня, кафтан и подошел с войском в 30–40 тыс. к Сечи. Авантюрист пытался использовать в своих интересах недовольство низов украинского общества деятельностью казацкой старшины, которая стремилась превратить рядовых казаков и селян в своих подданных, и поддерживавшей ее русской администрацией. Недовольные собирались в Запорожской Сечи, куда и обратился в поисках поддержки Петрик⁹⁸.

На войсковой раде в Сечи 28 июля 1692 г. «лучшие» отказались от «братерства с басурманами», но «голота» настояла на вечном мире с Крымом при обеспечении им свободы промыслов в Причерноморье. Сечь, однако, официально не признала Петрика гетманом и лишь разрешила желающим присоединиться к нему. «Голота», поддерживавшая Петрика, собралась поднять мятеж в Гетманщине («планов убивать и Москву воевать»). Около 3 тыс. сечевиков присоединилось к орде, где им выдали коней, но рассеяли по татарским сотням.

Чтобы не допустить отложения Запорожья, пришлось мобилизовать не только силы Гетманщины, но и России. Кошевой Гусак 4 июля запросил 15 тыс. казаков от Мазепы, но тот, боясь всеобщего восстания на Украине, задержал свое войско у Гадяча и вызвал полки Белгородского разряда Б.П. Шереметева и севского воеводы Ф.Ю. Борятинского. Два стрелецких полка с пушками были отряжены из Киева к Переяславу⁹⁹. Смятение временно утихло, когда орда, убедившись, что Полтавщина не поднялась, откатилась от р. Самары, а запорожцы частью рассеялись, частью ушли на правобережье Днепра. В декабре 1692 г. Петрик снова добился помощи теперь уже от Селим-Гирея. Порта послала в Сечь «турчина», обещая за обновление вечного мира жалованье, коней и грозила войной в случае отказа. В начале 1693 г. 20-тыс. орда снова подкатилась к Сечи, однако на сей раз

запорожцы совсем отказались иметь дело с Петриком. На территории гетманства он также не имел поддержки. Татары, разорив Полтавщину и угнав 2,5 тыс. украинцев, ушли на юг. После этого Мазепа предложил захватить Газикерман, чтобы «держат в узде» Запорожье и Крым, однако из Москвы советовали отложить поход, пока не вернется Айтемирив.

* * *

В 90-е гг. война угасала и на Балканах, и в Восточной Европе. Порта с трудом проводила военные мобилизации. В Стамбул дорогой привозной хлеб из Курдистана и Персии поступал с перебоями и низы столицы устали от военных тягот. Крымские татары терпели большой урон от дальних походов в Венгрию. Речь Посполитая и Россия, чем больше старались выйти из войны, тем дальше отдалялись друг от друга. Польша отказалась хлопотать за Россию на мирных переговорах. Из Москвы просили молдавского и валашского господарей, чтобы турки и татары предпочли заключить мир с Россией. Обострились и межевые, и таможенные споры на польско-русском пограничье. Однако до окончательного разрыва дело не дошло. Боярская дума никак не могла решить дилемму, добиваться ли присылки ханских посланцев в Москву, договариваться ли в Крыму вместе или отдельно от поляков, или вообще отказаться от мирных переговоров. Большой авторитет в глазах думы завоевал «царского величества Войска Запорожского Обоих сторон Днепра» гетман Мазепа. Имея большую агентурную сеть, он отлично знал игру политических сил на Украине, в Речи Посполитой и неплохо ориентировался в крымских и молдаво-валашских делах.

В 1693–1694 гг. правительство Л.К. Нарышкина, опасаясь выхода Речи Посполитой из войны (и даже заключения крымско-польского союза), решило поступиться престижем, направить посольство в Крым и вернуться к унижительным условиям Бахчисарайского перемирия 1681 г. Мазепа, совета которого запросили из Москвы, рекомендовал вернуться к Бахчисарайскому договору только в случае «тяжкого припадка» со стороны Швеции и Речи Посполитой. Если же польский король заключит мир без обязательства помощи степнякам, то войну можно протянуть и в одиночку¹⁰⁰. 19 марта 1694 г. бояре отложили решение вопроса, но чтобы «миротворение с короля польского не сложилось», решили не отсылать своего нарочного по предложению Я. Собеского, который как раз отправил своего посла С.М. Жевусского в Адрианополь. Весной 1694 г. Порта согласилась открыть переговоры со Священной лигой в г. Стрые под Львовом, куда Я. Собеский приглашал и русскую делегацию¹⁰¹.

Если бы не Петр I, Россия, возможно, вышла бы из войны, ни на йоту не изменив договору 1681 г. Однако осенью 1694 г. наступил перелом в русской политике. 9–19 сентября 1694 г. полки Б.П. Шереметева совершили вылазку из Белгорода за засечную черту, Мазепа 15–19 сентября ходил в поход из Батурина к Днепру, полковник Лизогуб с Палием в Буджаке разорил несколько аулов. Донцы и сечевики, которые еще весной 1694 г. разорвали мир с Крымом, взяли Каменный городок на Чингарах и даже высадились на крымских берегах. В том же году С. Яблоновский совершил очередную безуспешную вылазку в Молдавию.

Весной 1695 г. Петр I, хотя и с запозданием, вернул Россию к наступательной войне. Армия в 31 тыс. отправилась под Азов, а 120-тыс. рать Б.П. Шереметева и гетмана И. Мазепы отправилась к четырем турецким фортам на нижнем Днепре. В Стамбуле и Бахчисарае знали о новом русском походе, но не предполагали резкого изменения характера войны («и раньше слава была и ничего не могли сделать»). Вместо превентивного опустошения Левобережной Украины 10-тыс. орда Шехбаз-Гирея 7–8 февраля 1695 г. разбила польскую кавалерию и сожгла предместья Львова, а в марте, когда передовой отряд П.И. Гордона уже отправился на юг, Селим-Гирей предложил «братьям» Ивану V и Петру I прислать к нему посла, если они желают мира с ним и калмыцким ханом Аюкой¹⁰².

Порта, «ни во что вменяя московские и венецианские войска», слегка укрепила Азов и увеличила его гарнизон с 3 до 6 тыс., но оставила в прежнем состоянии свои форты на пограничье с Запорожьем. Не верили в успех русского похода и в Польше. Собеский больше полагался на переговоры, чем на силу, и просил поддержать венецианцев казацкими чайками на Черном море. Только к осени Польша собрала не более 4 тыс. войска.

В Центральной Европе османам удалось в 1695 г. нанести тяжелые потери австрийцам, которые под командованием саксонского курфюрста Фридриха Августа I находились в бедственном состоянии из-за нехватки денег и амуниции. Но в Восточной Европе «мусульманским воителям» пришлось тяжело: противник надвигался на Азов, низовье Днепра и в Буджак (правобережные казаки наказного гетмана Самуя). Перекопская орда, прикрывая Крым и Азов, не могла перейти на правый берег Днепра для помощи двухтысячному гарнизону Газикермана. В конце июля – начале августа Мустридкерман (Тавань) и Газикерман сдались после приступа. Из Исламкермана (Орсланкермана) и Мюбареккермана (Шан-Гирея) турки бежали. Крепости были разрушены, в Тавани поставлен казацкий гарнизон. Вплоть до 1700 г. русский клин, вбитый почти до Перекопа, разрывал кочевья ногайцев, угрожал вторжением на полуостров и мешал татарским рейдам в Речь Посполитую. Только чудом санджак-бей Мустафа удержал Азов: к концу трехмесячной осады (27 июня – 2 октября) татарская конница, которая кружила вокруг русской армии, понесла большие потери, а из-за болезней и боевых потерь из 6-тыс. гарнизона осталось всего 570 чел.¹⁰³. Селим-Гирей по вызову турок ушел в Венгрию в середине августа 1695 г. всего с 3 тыс. всадников и в ноябре этого года австрийцы специально благодарили русского царя за удержание татар¹⁰⁴. В том же ноябре Я. Собеский пожелал русским занять Очаков и Азов и ознакомил Посольский приказ со своей грамотой персидскому шаху Султан Хосейну (1694–1722), в которой он предлагал ему отвоевать у османов Багдад¹⁰⁵.

В конце декабря 1695 г. царь Петр решил де-юре войти в Священную лигу и заключить с Леопольдом I и Венецией союз на 2 – 3 года, соглашаясь продлить его до 7 лет, но не более¹⁰⁶. Петр не хотел придавать союзу антипольскую и антифранцузскую окраску, как предлагали австрийцы, и настаивал на обязательном включении в него Речи Посполитой. Примерно тогда же царь Петр просил Я. Собеского поддержать второй Азовский поход наступлением в Буджаке и обещал послать к королю 20 тыс. казаков¹⁰⁷.

Польский король понял серьезность происшедших в России изменений. Весной 1696 г. он выразил удовлетворение, что русские свежие силы теперь мобилизуются не для видимости, но развитию военного сотрудничества это не способствовало. Вместо организации наступления в Буджаке Я. Собеский предлагал царю войти в положение Речи Посполитой, обессиленной от долгой войны¹⁰⁸.

18 июля 1696 г. русскими руками был реализован план, предложенный некогда Я. Собеским: царь Петр, захватив с помощью регулярного флота Азов, рассек Крымское ханство теперь уже по Днепру и Дону натрое. По сравнению с австрийскими захватами мощных крепостей Буды, Белграда и др. приобретение Азова выглядело скромно, но в Восточной Европе оно произвело шумный эффект. Россия стала здесь ведущим государством. По варшавским костелам отслужили молебны. В Польше появились вирши о Москве, «пригасившей скифский полумесяц», однако там же начались разговоры, что русские, завоевав Крым, не оставят в покое и Польшу¹⁰⁹. Новый русский резидент А.В. Никитин, выступая 1 сентября 1696 г. на собрании сейма и сената, призвал «польскую монархию» дойти через Буджак до Константинополя и богатой Аравии. В своем панегирике азовской победы он расписал «удивление цесарского и окаменелость польского орла, усыхание французских лилий от грома русских пушек и содрогание Азии, Африки и Америки»¹¹⁰.

После смерти Я. Собеского 7 (17) июня 1696 г. об участии Речи Посполитой в войне с Османской империей, хотя бы минимальном, не могло быть речи. В стране началось «бескорольевье», когда резко усилилась борьба группировок магнатов и шляхты, поддерживавших разных претендентов на польский престол. Тревожным симптомом и для России, и для государств Священной лиги было формирование в Речи Посполитой влиятельной группировки, выдвигавшей кандидатуру французского принца Франсуа Луи де Конти. Этого кандидата поддерживали помимо Франции также Османская империя и Крым, направившие в Варшаву своих представителей. В случае победы Конти избирателям обещали возвращение Речи Посполитой Каменца и Подолии¹¹¹. Все это отражало неверие значительной части польского господствующего класса в благоприятные для страны итоги войны с Османской империей и его желание положить этой войне конец.

Положение было опасно и тем, что выбор Конти мог положить начало польско-крымскому союзу, направленному против России¹¹². В Москве в очередной раз возникла обеспокоенность: когда и как поляки думают соединиться с ногайцами для отвоевания Украины, не появятся ли они в Запорожье для переманивания казаков, возможна ли гражданская война в Польше в связи с борьбой за престол¹¹³.

29 января 1697 г., уже на излете войны, Россия де-юре вступила в Священную лигу. Русский резидент заключил в Вене наступательный союз с императором и Венецией на 3 года, взяв обязательство воевать сушей и морем и не заключать сепаратного мира¹¹⁴. Царь, как и император, поддерживал претензии саксонского курфюрста Фридриха Августа I на польский трон. Он угрожал разрывом договора о «вечном мире» в случае избрания Конти,

а потом предложил сторонникам курфюрста военную помощь против их противников, направив к границе войска Новгородского и Рязанского разряда. Русская и австрийская поддержка помогла возвести на польский трон 27 июня 1697 г. саксонца, который стал королем под именем Августа II (1697–1733). С его помощью русское правительство рассчитывало добиться активного участия Речи Посполитой в войне с османами.

10 сентября 1697 г. царские войска вместе с русскими гарнизонами Газикермана и Тавани (6500 чел.) отбили назад к Очакову многотысячный турецкий десант и подошедшую из Крыма и Буджака татарскую конницу, уничтожив до 4500 человек противника¹¹⁵.

В это же время польские гарнизоны собирались покинуть свои приграничные городки из-за отсутствия продовольствия. Круги господствующего класса Речи Посполитой, поддерживавшие Августа II, рассчитывали, что с помощью саксонской армии им удастся добиться выгодного мира с Османской империей

Полный сил и надежд Август II, усвоив военно-политические планы Я. Собеского и полагая, что обладание Молдавией и Валахией позволит взять в руки транзитную торговлю из Причерноморья в Западную Европу и превратит его династию в наследственную, задумал возглавить Священную лигу ради похода на Стамбул, хотя он великолепно знал, что на Дунайские княжества претендуют Габсбурги¹¹⁶. Имела значение и возможность его активного взаимодействия с русским царем. После взятия Азова Петр I был намерен продолжать войну и приступил к строительству на Дону флота, который должен был покончить с османским господством на Черном море. В марте 1697 г. он сам отправился в Западную Европу, чтобы укрепить отношения с государствами Священной лиги и попытаться привлечь в ее состав другие европейские государства. Задачей менее важной, но существенной, был набор мастеров, приобретение артиллерии и снаряжения для будущего флота на Азовском море. Открывались новые возможности для активных совместных действий обоих восточноевропейских государств против Османской империи. Однако эти возможности были сведены на нет коренными переменами всей международной ситуации.

Когда заграничное путешествие Петра I было еще далеко от завершения, судьбу войны с османами решил талантливый полководец Евгений Савойский, который, приняв командование над 40-тыс. австрийской армией, восстановил ее боеспособность и 11 сентября 1697 г. нанес сокрушительный удар 135-тыс. османскому войску на р. Тиссе под Зентой (в 150 км к северу от Белграда). Османы потерпели неслыханное за свою историю поражение.

Одновременно 30 октября 1697 г. Франция, отказавшись от всех завоеваний в Империи, заключила мир в Рисвике, что давало возможность австрийским Габсбургам сосредоточить свои силы на османском фронте. Порта была обессилена, сломлена и, наконец, согласилась замирииться на условиях «кто чем владеет», приняв посредничество Англии и Голландии, заинтересованных в высвобождении австрийских сил для предстоящей войны за Испанское наследство (1701–1713/14). Габсбурги потеряли интерес к продолжению вой-

ны и к русско-австрийскому договору. 23 апреля 1698 г. Леопольд I предложил Петру I и Августу II прислать послов на мирный конгресс¹¹⁷.

* * *

Антитурецкую программу 1696 г. («морским судам быть») и план завоевания Крыма царю Петру следовало бы проводить не под занавес войны с османами. К. Крюйс, нанятый в 1697 г. вице-адмиралом, считал, что Россия должна получить половину Черного моря и право захода кораблей в турецкие порты, как Франция, Англия и Венеция. По заданию царя, ревниво относившегося к черноморским планам Августа II, в 1698 г. исследовались места для пристаней от устья Днепра до Днестра и в Буджаке, если придется добираться оттуда до моря по суше¹¹⁸. В связи с этим в Стамбуле опасались войны на море одновременно со стороны русских и венецианцев.

В Крыму готовились отражать русское наступление со стороны р. Самары, Керчи и Очакова. Хотя летом 1698 г. татарам не удалось задержать марш Б.П. Шереметева и Мазепы к Газикерману и Тавани, однако татарская конница помешала им прорваться к Очакову. Без Петра I поход 1698 г. завершился всего лишь укреплением бывших турецких фортов.

26 июня 1698 г. Петр I, приехав в Вену, безуспешно просил императора продолжить войну, пока османы не уступят Керчь или не истечет срок трехлетнего австро-русского договора. Покидая австрийскую столицу 19 июля, Петр наказал послу П.Б. Возницыну препятствовать миру всеми силами, в том числе обещанием воевать русской эскадрой из 70 кораблей. Однако все склонялись к завершению конфликта¹¹⁹. Попытки Возницына сорвать конгресс и побудить австрийцев и венецианцев к войне остались бесплодными. На случай войны один на один с османами русский посол предлагал заручиться антипольским союзом с Бранденбургом и антишведским с Данией, а также поддержкой балканских христиан.

Резкий перелом в планах Петра произошел в первых числах августа, когда вместе с королем-саксонцем он наметил войну против Швеции. Хотя русско-саксонские переговоры были тайными, но уже через пару месяцев в Европе, Вене и Стамбуле знали о намерении царя отобрать у шведов Восточную Прибалтику¹²⁰.

Август II стал готовить посольство на мирные переговоры с противником и одновременно поход в Молдавию в надежде под занавес приобрести что-либо в соответствии с принципом «кто чем владеет». После катастрофы при Зенте у Порты в 1698 г. оставалось всего 50 тыс. пехоты, 48 тыс. кавалерии и 80 кораблей на Азовском и Черном морях. Все сухопутные силы были направлены на австрийский фронт, для борьбы с поляками оставлено всего 8–12 тыс. татар¹²¹.

Последний польский поход на юг летом 1698 г. превратился почти в фарс. 20-тыс. саксонская армия, продвинувшись всего на 80 км к юго-востоку от Львова, занялась грабежами, а 6-тыс. польский отряд едва не был разгромлен 12-тыс. войском хана Каплан-Гирея 8–9 сентября 1698 г. у Подгайцев и спасся только потому, что крымцы бросились грабить обоз противника¹²². После того, как Август II прервал поход на юг, взаимное препирательство

между поляками и саксонцами дошло до того, что едва не переросло в сражение в конце сентября под Бережанами. Татары в это время собирали очередной богатый ясырь на Галичине¹²³.

* * *

С 3 октября 1698 г. в Карловаце (в 60 км к северо-западу от Белграда) начались встречи союзников с османской делегацией, возглавляемой искусным политиком Рами Мехмед-эфенди. Из-за позиции, занятой прежде всего Габсбургами, не было выработано никакого соглашения об общих условиях, которые следовало предъявить Порте, и каждое из государств должно было самостоятельно вести переговоры с османскими представителями.

Убедившись в развале антитурецкой коалиции, царь предписал Возницыну до начала официальных переговоров секретно убедить противника не идти на мир. 10 октября 1698 г. Возницын «потайно» предложил османскому государственному деятелю и дипломату греку Александру Маврокордато заключить на год-полтора сепаратное перемирие (потом и мир), во время которого Порте, де, легче будет отвоевать у других членов Священной лиги потерянное. Последняя русская попытка затянуть войну не удалась. Османы были крайне озабочены прекращением войны с «Австрийским Домом» и заинтересованы в мире или долгосрочном перемирии с Россией¹²⁴.

Соперничество австрийцев с поляками и венецианцами, а поляков с русскими усиливало позиции Порты. Особо ожесточенная схватка за политический престиж вспыхнула между Россией и Речью Посполитой. Возницын, включая Россию в семь ведущих держав мира, отстаивал второе после Империи место на Карловацком конгрессе и доказывал превосходство русского царя перед польским королем. Посол Варшавы, познанский воевода Станислав Малаховский, добиваясь «равенства», хотя и дошел «до злости» и даже отказывался занять место рядом или против «москвитов», в конце концов вынужден был разместиться на левой, менее почетной стороне от имперской делегации¹²⁵.

Запросы Речи Посполитой не соответствовали ее вкладу в войну. Польский посол должен был протестовать против невыгодного для поляков и русских принципа «кто чем владеет», добиваясь Подолии, Молдавии с Буджаком и Валахии. В случае отказа уступить Валахию требовать выселения татар в Малую Азию и хотя бы передать Польше Черновцы, Сучаву, Хотин, Сороки. (Тайная инструкция предписывала добиваться хотя бы восстановления границ 1672 г.)

В октябре 1698 г. Возницын объявил русские условия: Азов, приднепровские форты, Керчь (крепость находилась в руках османов, ее уступка должна была служить компенсацией за ущерб, нанесенный России татарскими набегами), прекращение татарских набегов на русские и украинские земли, обмен всеми пленными без выкупа, и, по аналогии с условиями католических союзников, свобода торговли морем и сушей, передача Гроба Господня иерусалимскому православному патриарху и (впервые в истории русской внешней политики) права России заступаться за православных подданных султана¹²⁶. Из-за претензий на Керчь (уступка этого города обеспе-

чила бы русскому флоту на Дону свободный выход в Черное море) переговоры русской делегации оказались трудными.

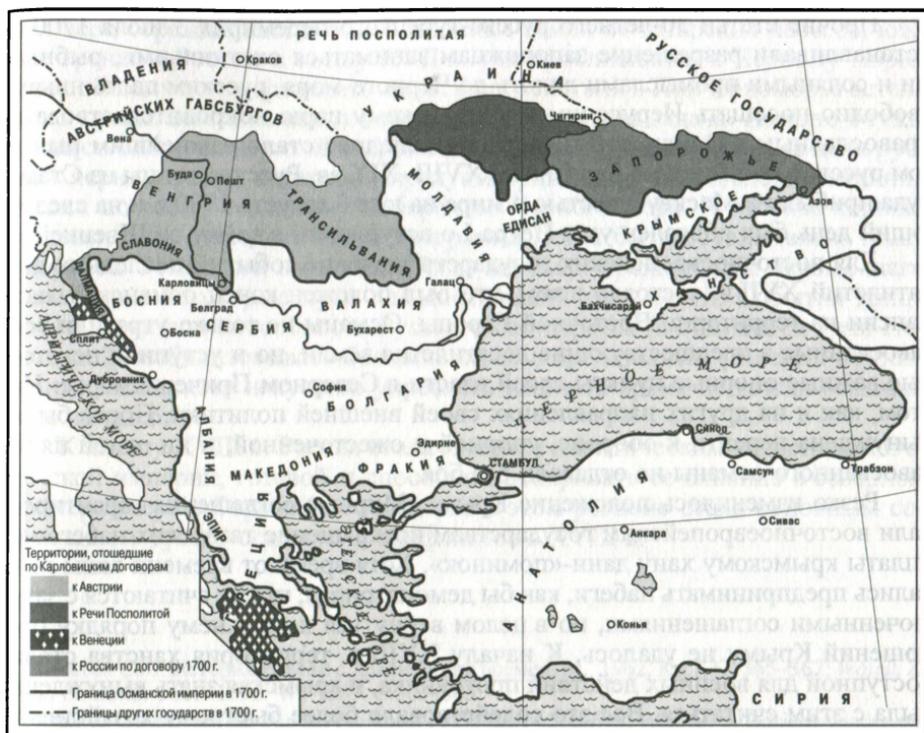
Первыми в ноябре 1698 г. заключили 25-летнее перемирие Габсбурги, присоединив Венгрию, Трансильванию и Славонию. Второй в декабре 1698 г. всего после двух встреч заключила «вечный мир» Речь Посполитая. Уступив Сучаву, Нямц, Сороки и еще три небольших молдавских крепости, поляки восстановили границы 1672 г., оговорили запрет татарских набегов на украинские земли Короны, свободу торговли, а также свободу отправления месс католиками во владениях султана¹²⁷. Бессильный польский сосед устраивал Османскую империю, озабоченную серьезной австрийской (позже русской) угрозой, и она не воевала с ним большую часть XVIII в. Закрывающая трехвековой конфликт с османами, польские власти пошли навстречу их давним пожеланиям и навсегда ликвидировали казачьи полки на своей территории. В одиночку, без побед союзников (прежде всего австрийцев), с разложившимся государственным аппаратом и войском, почти без финансов, Речь Посполитая вряд ли отвоевала бы Подолию.

«Серениссима Венеция» из-за территориальных претензий не смогла заключить ни мира, ни перемирия. 16 января 1699 г. венецианскому сенату были посланы подписанные австрийцами и турками условия, на которые он позже согласился. Получив Пелопоннес и часть Далмации, сеньория удержала за собой ранг крупной торговой державы Средиземноморья.

Для России Карловацкий конгресс перечеркнул планы завоевания Керченского пролива, но оставил надежду удержания Азова (определенную) и днепровских городков (под вопросом). Так же как и на «польской», на «русской» Украине османы тогда не собирались расширять своих владений. Русская делегация 14 (24) января 1699 г., следуя указаниям Петра I, заключила краткосрочное перемирие вплоть до 25 декабря 1700 г. Все спорные вопросы отлагались до будущих переговоров.

Уже 2 апреля 1699 г. думный дьяк Е.И. Украинцев был назначен чрезвычайным посланником для продолжения переговоров. Решение Петра I начать войну против Швеции в союзе с Данией и Саксонией заставляло торопиться с заключением более прочного и длительного мира с Османской империей. Однако при этом Петр I не собирался идти на большие уступки. Появление посланника в Стамбуле должно было быть подкреплено крупной военной демонстрацией – выходом на Черное море только что отстроенного русского флота. Для организации этой демонстрации сам царь весной 1699 г. выехал на Дон. В августе 1699 г. азовская эскадра проводила Е. Украинцева до Керчи, откуда на одном из ее кораблей «Крепости» 2 сентября 1699 г. он прибыл в Стамбул.

Если перемирие в Карловаце было заключено за 1 месяц после четырех конференций (с 9 ноября по 12 декабря 1698 г.), то на Босфоре русской делегации пришлось провести почти год. С 4 ноября 1699 г. на 23 конференциях она с трудом отстаивала свои завоевания в Причерноморье. Флот, собранный в кулак у Азова, и три вновь построенные крепости вокруг него – Таганрог, Миус и Павловск были сильными военно-дипломатическими козырями, и османы не пытались добиваться возврата устья Дона (на перего-



*Территориальные потери Османской империи
по договору 1699 и 1700 гг.**

ворах Украинцев даже запрашивал земли от Дона до Кубани). Впрочем, для османов уступка Азова была малозначащей в сравнении с громадными потерями в Центральной Европе и на Балканах. Русский флот они надеялись запереть в Азовском море и с 1702 г. начали укреплять Керченский пролив крепостью Ени-кале и каменной перемычкой до Тамани.

Активная подготовка Петра к войне за Балтику позволила османской дипломатии твердо, вплоть до военных угроз, настаивать на возврате днепровских городков: «На то нас Бог создал, чтобы со всеми творить войну и побеждать мечем»¹²⁸. 16 марта 1703 г. 4 форта пришлось уступить, правда, в разрушенном состоянии, и Крым освободился от угрозы вторжения на полуостров с запада. После долгих ожесточенных споров Украинцев отстоял право не выплачивать поминки-дань крымцам, отосланные последний раз в Бахчисарай в 1685 г.¹²⁹. Крымское ханство, принесшее ради османов так много жертв в бессмысленных для него походах на Балканы, лишилось основного источника доходов – права на захват славянских рабов.

* Новичев А. Д. Турция. Краткая история. М., 1965.

Прочие статьи 30-летнего русско-турецкого перемирия 3 июля 1700 г. устанавливали разрешение запорожцам заниматься охотничьими, рыбными и соляными промыслами вплоть до Черного моря, русским паломникам свободно посещать Иерусалим и московскому царю покровительствовать православным в Османской империи. Последнее стало важнейшим рычагом русской политики на Балканах в XVIII–XIX вв. Русские гонцы из Стамбула прибыли в Москву с вестью о мире на юге 8 августа 1700 г. и на следующий день был объявлен указ Петра I о вступлении в войну со Швецией.

Для восточноевропейских государств значение событий последних десятилетий XVII в. состояло в том, что был положен конец османской экспансии на территории Восточной Европы. Османы не только утратили все завоеванные в предшествующие десятилетия земли, но и уступили некоторые важные опорные пункты своей власти в Северном Причерноморье. На этом, как и на других направлениях своей внешней политики, Порты была вынуждена перейти к обороне, упорной и ожесточенной, и ни одной пяди завоеванного османы не отдавали без боя.

Резко изменилось положение Крыма. Мирные соглашения гарантировали восточноевропейским государствам прекращение татарских набегов и уплаты крымскому хану дани-«поминоку». Хотя время от времени ханы пытались предпринимать набеги, как бы демонстрируя, что не считаются с заключенными соглашениями, но в целом вернуться к прежнему порядку отношений Крыму не удалось. К началу XVIII в. территория ханства стала доступной для военных действий противника, и крымская знать вынуждена была с этим считаться. Все это содействовало более быстрому хозяйственному освоению и ранее запустевших земель, и еще невозделанных пространств «Дикого поля» в южной части Восточной Европы.

Последние десятилетия XVII в. ознаменовались и важными переменами в положении обоих восточноевропейских государств в системе отношений Европы с Османской империей. Правда, к началу XVIII в., как показал, в частности, ход переговоров в Карловаце, главным политическим противником Порты оставались, как и ранее, австрийские Габсбурги, а роль других государств была менее значительной, но уже наметились сдвиги, окончательно определившиеся в XVIII в. Речь Посполитая, еще способная в начале 80-х гг. XVII в. одерживать серьезные победы и выдвигать обширные экспансионистские планы, в состоянии перманентного внутривосточного кризиса оказалась в дальнейшем не в состоянии не только осуществить эти планы, но и вообще вести серьезную длительную войну. Участие в войне Священной лиги оказалось последней серьезной попыткой правящих кругов Речи Посполитой вести активную внешнюю политику на территориях, прилегающих к Черному морю. В XVIII в. Речь Посполитая постепенно перестала занимать видное место в системе отношений европейских государств с Османской империей.

Совсем иные изменения произошли в положении России. Первоначально у русского правительства не было какой-либо продуманной политики по отношению к причерноморскому региону. В результате длительной и настойчивой колонизации пространств «Дикого поля» и строительства засеч-

ных черт, ограждавших новые освоенные земли от татарских набегов, южные границы России к концу XVII в. так приблизились к Черному морю, что необходимость определить цели своих действий в Причерноморье встала перед правительством как конкретная политическая задача. Именно в годы союза со Священной лигой впервые были определены конкретные цели русской черноморской политики, предусматривавшие установление влияния России по всему северному побережью Черного моря. В Москве хорошо отдавали себе отчет, что такая программа могла быть осуществлена лишь в борьбе с Османской империей. Тогда же были предприняты первые шаги и намечены некоторые пути для достижения этих целей. События конца XVII в. показали способность Русского государства (в отличие от Речи Посполитой) мобилизовывать большие силы и средства для решения поставленных задач, хотя искусство управлять ими в то время не всегда оказывалось на высоте.

К началу XVIII в. Россия стала главным политическим соперником Османской империи, готовой и способной оспаривать ее влияние в северном Причерноморье. Борьба за господство в этом регионе стала основным содержанием русско-османских конфликтов в XVIII в.

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн.7. С. 365–367; *Wójcik Z. Jan Sobieski. 1629–1696. W., 1983. S.303–305.*

² *Pastor L. Geschichte der Papste. Freiburg, 1929. Bd.14/2. S.695; Wimmer J. Odsiecz wiedzka 1683 roku. W., 1983. S.82.* Пришлось забыть прежние опасения в отношении России: в 1678 г. капуцин фра Паоло да Лагни докладывал папе, что если коалиция во главе со святым престолом не разобьет турецкого колосса, то это сделает московский самодержец. Однако такая перспектива опасна, ибо русские как противники святого престола, выйдя к Черному морю, вслед за этим прорвутся к Балтике, завладеют Каспием, и это будет опасно для мирового католицизма. – *Pastor L. Geschichte ... S.696 – 698.*

³ *Wójcik Z. Jan Sobieski... S.315.*

⁴ Греков И.Б. «Вечный мир» 1686 г. Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М.1950. С.75, 118–146.

⁵ *Wimmer J. Odsiecz... S.143, 239; Wójcik Z. Jan Sobieski...S. 320–321.*

⁶ *Махатка О. Взаимоотношения России, Австрии и Польши в связи с антитурецкой войной 1683–99. Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ленинград, 1958. С.58,102,103; Wimmer J. W trzechsetną rocznicę zwycięstwa pod Wiedniem.// Wojskowy przegląd historyczny, 1983. № 1. S.26.*

⁷ Об этом начались переговоры с татарами в 1684 г. – *Chowanec Cz. Z dziejow polityki Jana III па Bliskim Wschodzie 1683–86 // Kwartalnik historyczny. Lwow, 1926. R.40. Zesz.2. S.158.* Иранский шах Сулейман (1666–94), узнав о победе под Веной, в 1685 г. решил примкнуть к Священной лиге и собирался послать против османов 30-тыс. войско. Однако турецкая дипломатия смогла предотвратить вступление Ирана в войну. – *Зедгинидзе Г.Э. Из истории польско-русских дипломатических отношений с Ираном. Тбилиси, 1971.С.21.*

⁸ *Serczyk W. Beziehungen zwischen der Rzeczpospolita, Russland und dem Reich vor der Schlacht vor Wien // Zeszyty naukowe uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace historyczne. 1983. Z.75.S.271.*

⁹ *Podhorodecki L. Jan Sobieski. W., 1964. S.232.*

¹⁰ *Власова Л.В. Молдавско-польские политические связи в последней четверти XVII – начале XVIII в. Кишинев, 1980. С. 26–31.*

¹¹ Греков И.Б. «Вечный мир»... С.213–226.

- ¹² ПДС. Т.6. С.522–524, 539.
- ¹³ *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. М., 1999. С.63,121. В начале 1684 г. в руки Милославских попали агенты Собеского, выяснявшие возможность поддержки Петра I и его матери Н.К.Нарышкиной, пославшей письмо польскому королю с просьбой о помощи, возможно, в обмен на территориальные уступки со стороны России. – *Perdenia J. Stanowisko Rzeczypospolitej szlacheckiej wobec sprawy Ukrainy na przełomie XVII – XVIII w. Wrocław etc.* 1976. S.31.
- ¹⁴ *Соловьев С.М.* История России... Кн.7. С.380,383–384.
- ¹⁵ Там же. С.372; *Лавров А.С.* Регентство... С.135. Несмотря на давление Габсбургов и папы, Польша не хотела поступаться левобережным Заднепровьем ради Священной лиги.
- ¹⁶ См. воспоминания петровского дипломата Б.И.Куракина: Архив кн.Ф.А.Куракина. СПб., 1890. Кн.1.С.51–52.
- ¹⁷ *Греков И.Б.* «Вечный мир» 1686 г. ... С.155, 161–162,271–274, 285.
- ¹⁸ *Wójcik Z. Jan Sobieski...* S.372–373.
- ¹⁹ *Ibid.* S.358–359, 367; *Греков И.Б.* «Вечный мир»... С.329.
- ²⁰ *Wójcik Z. Jan Sobieski...* S.379.
- ²¹ *Ibid.* S.376.
- ²² *Греков И.Б.* «Вечный мир»... С. 653 и др.
- ²³ См. инструкцию от 24 июня 1686 г. великим и полномочным послам Б.П.Шереметеву, И.И.Чаадаеву, П.И.Никифорову и дьяку И.М.Волкову к императору Леопольду I. – ПДС. Т.6. С. 1262, а также инструкцию посланнику в Венецию дьяку И.М.Волкову от 21 января 1687 г. – ПДС. Т.10. С.1234, 1239.
- ²⁴ *Махатка О.* Взаимоотношения... С.64, 66. Тогда же Бахчисарай указывал, что Варшава должна раз и навсегда выбрать дружбу татарскую либо русскую. – *Chowaniec Cz. Sobieski wobec tatarszczyzny w 1683–85 г.// Kwartalnik historyczny. Lwow, 1928. R.42. Zesz.1. S.64.* При контактах с Россией крымская дипломатия преувеличивала видимость дружеских отношений с Польшей.
- ²⁵ ПДС.Т.6.С.1488.
- ²⁶ Или, как говорили в Польше, «всех татар как кур в мешок посадить и поесть и чтоб имяни их на свете слышать не было». (П.Б.Возницын – В.В.Голицыну 8 ноября 1688 г. – РГАДА. Ф.79. Оп.1. 1688 г. Д.235. Л.187.)
- ²⁷ На этом настаивал Ян Собеский в декабре 1686 г. – Там же. 1686–87 гг. Д. 226. Л. 103 об.
- ²⁸ *Греков И.Б.* «Вечный мир»... С.640.
- ²⁹ О чем поляки неоднократно просили позже. – См., например, просьбы Д.Довмонта в Москве 18 августа 1689 г.: РГАДА. Ф.79. Оп.1. 1689 г. Д.5.Л.323.
- ³⁰ Там же. 1688 г. Д.234. Л.225; Д.235. Л.106. В России знали, что не выполняют условия о вторжении ратей в Крым, но отговаривались, что, приняв обязательство ходить с 1687 г. и «вперед идущие лета многими силами на самой Крым», не должны были «по вся годы в Крыму быть и Крым уничтожить» или вообще «татар отворачать от государства Его Королевского Величества, сколько где Бог помогает». – Там же. 1686–87 гг. Д.226. Л.48 об.
- ³¹ Претензии к русскому резиденту Б.М.Михайлову в августе 1692 г. – Там же. 1691 г. Д. 4. Л. 167,171.
- ³² *Perdenia J. Stanowisko...* S 30, 51.
- ³³ Русский воевода М.Матчинский – Б.М.Михайлову 10 декабря 1692 г. – РГАДА. Ф.79. Оп.1. 1692 г. Д.4. Л.285.
- ³⁴ *Wójcik Z. Jan Sobieski...* S. 444.
- ³⁵ *Konarczyński W. Dzieje Polski nowożytnej 1648–1785. W., 1936. T.2. S.109.*
- ³⁶ *Власова Л.В.* Молдавско-польские... С.52–78. В 1712 г. А.Давыденко предлагал Петру I авантюрный план перевода Крымского ханства в русское подданство. – *Артамонов В.А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы. 1709–1714 гг. М., 1990, С.134.
- ³⁷ *Артамонов В.А.* Русско-польские отношения на Вальской раде 1710 г.// Советское славяноведение. М., 1974. № 2. С. 27–30. Я.Собеский говорил Б.П.Шереметеву, что легче снять корону с него, чем подтвердить договор. – ПДС. Т.6. С. 1488.

- ³⁸ Выписка из донесений Б.М.Михайлова в 1692 г. – РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1692 г. Д.4. Л.6.
- ³⁹ ПДС. Т. 10. С. 1241,1345, 1508–1509.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686–87 гг. Д. 230. Л. 79–81.
- ⁴¹ *Махатка О.* Взаимоотношения... С. 128.
- ⁴² Кроме этого, король просил предоставить ему «не для крови, а для страха» 20–30 тыс. русской пехоты. – РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686–87 гг. Д.226. Л.90–91, 121. Видимо, для ободрения союзника король обещал, что после того, как ногайцы будут отсечены от полуострова, он пошлет свои войска на Крым. (Там же. Л. 128.)
- ⁴³ Цари Иван V и Петр I – Я.Собескому 3 февраля 1687 г. (Там же. Д.230. Л.218 об.)
- ⁴⁴ Инструкция из Москвы посланнику В.Клобукову – Там же.1686–87 гг. Д.230.Л.47 об., 49 об.; ПДС. Т.6.С.1010.
- ⁴⁵ *Wimmer J.* Wojsko polskie w drugiej połowie XVII wieku. W., 1965. S.220; *Чернов А.В.* Вооруженные силы Русского государства XV–XVII в. М.,1954. С.195; Иван V и Петр I – императору Леопольду 9 февраля 1687 г. – РГАДА. Ф.79. Оп.1.1686–87 гг. Д.230. Л.288; ПДС. Т.7. С.58, 59, 210.
- ⁴⁶ ПДС. Т. 7. С.45.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф.79. Оп.2. 1687 г. Д.258. Л.1.
- ⁴⁸ *Wójcik Z.* Jan Sobieski...S. 426.
- ⁴⁹ *Wimmer J.* Wojsko polskie... S.221.
- ⁵⁰ П.Б.Возницын – В.В.Голицыну 8 апреля 1688 г.: «Более всего им надобно, чтоб татаров на свете не было, а учинили б то войски царского величества, потому что татары им жить не дадут ни зимою, ни летом». – РГАДА. Ф.79. Оп.1. 1688 г. Д. 233. Л.230, 299.
- ⁵¹ *Wójcik Z.* Jan Sobieski...S. 444.
- ⁵² П.Б.Возницын – В.В.Голицыну 19 апреля 1688 г.: РГАДА. Ф. 79. Оп.1. 1688 г. Д. 235. Л. 147, 158 об.
- ⁵³ *Wójcik Z.* Jan Sobieski...S. 457.
- ⁵⁴ *Лавров А.С.* Регентство... С.150.
- ⁵⁵ Иван V и Петр I Яну Собескому 31 января 1689 г. – РГАДА.Ф.79. Оп.1. 1689 г. Д. 2. Л. 1–2 об.; Там же. 1688 г. Д. 233. Л. 256–261, 263 об. Молдавский господарь К.Кантемир сообщил татарам о разногласиях союзников, а туркам передал об отказе русских участвовать в кампании 1688 г. – *Власова Л.В.* Молдавско-польские ... С.79.
- ⁵⁶ *Махатка О.* Взаимоотношения... С. 153, 162; Ян Собеский – царям Ивану и Петру 26 декабря 1688 г. – РГАДА. Ф. 79. Оп.1. 1689 г. Д. 2. Л. 5–7.
- ⁵⁷ РГАДА. Ф.79. Оп.1. 1688 г. Д. 233. Л. 667 об.–669.
- ⁵⁸ Копия письма Яна Собеского Селим-Гирею от 25 марта 1689 г., отправленная в апреле 1689 г. В.В.Голицыну. – Там же. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 283.
- ⁵⁹ *Власова Л.В.* Молдавско-польские ... С.81; Польский запрос в Вену в ответ на турецкие предложения. – ПДС. Т.7. С.443–447.
- ⁶⁰ П.Б.Возницын – Ивану V и Петру I в феврале 1689 г. – РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1689 г. Д. 233. Л. 729 об.–733 об, 815–825; Инструкция польскому послу Владиславу Лосю в Вену с запросами к Турции 7 марта 1689 г. – Там же. Д.4. Л. 57–58. Литовский подскарбий говорил Возницыну, что если Россия завоеует Крым, то сильнее ее не будет никого (подразумевалось в Восточной Европе). П.Б. Возницын – В.В.Голицыну и А.В.Голицыну 15 апреля 1689 г. – Там же. Д.2 35. Л. 349 об. Русская дипломатия, учитывая пожелания из Молдавии и Валахии о русском протекторате, указывала цель для Польши –Белогодчину (Едисан), но не Дунайские княжества.
- ⁶¹ *Wójcik Z.* Jan Sobieski...S. 465.
- ⁶² ПДС. Т. 7. С. 462–467.
- ⁶³ См. «Статьи каковы королевскому величеству и сенаторам и цесарского величества посланнику Жировскому и резиденту веницейскому объявлять». – РГАДА.Ф. 79. Оп.1. 1689 г. Д. 4. Л. 31–40. Возницын не сообщал об этих статьях с 18 апреля по 6 мая, чтобы не «пригасить» склонности поляков и австрийцев к военным действиям и только 7 мая он передал их полякам («кроме запасных»). 9 июня 1689 г. русские запросы были посланы польским комиссарам в Вену с указанием «стоять за них, не убавливая ничего, как за его королевского величества сторону». – Там же. Д.7. Л. 501.

- ⁶⁴ Есть упоминание о письме хана к некоему чеченскому Аслан-беку в «Акацкой повет», чтобы тот, хотя и не из ханской области, «для веры басурманской восхотел с ордою своею прийти на помощь». – РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1689 г. Д. 5. Л. 185.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 109, 168, 170, 172, 177–179.
- ⁶⁶ «Атаману и старшине хан посылает частые подарки и хочет учинить его в Малой России гетманом как Хмельницкого». Кошевой Гусак писал В.В. Голицыну: «Ваша милость нам всеу многожды пишете, доуку чиня... и непотребно нам доучаете... если буде подлинно или под спудом о нас торгуется, тогда вельможность ваша уже больше к нам таких непотешных писем не пишете». – РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1689 г. Д. 5. Л. 166–167.
- ⁶⁷ «Казачи не желали победы России над Крымом, так как могли потерять свои казачьи привилегии», – так писал П.И. Гордон. Цит. по: Брикнер А. Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878. С. 162.
- ⁶⁸ Белов М.И. К истории дипломатических отношений России во время Крымских походов 1687–89 гг. // Учен. зап. Ленинградского гос. университета. Серия ист. наук. 1949 г. Вып. 14. С. 179, 183.
- ⁶⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 161; Gordon P. Tagebuch des Generalen P. Gordon M., 1852. Bd. 2. S. 255–257; Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 1. С. 218–219.
- ⁷⁰ Лавров А.С. Регентство... С. 151; Устрялов Н.Г. История царствования... Т. 1. С. 368–369, 373–374; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 370–372.
- ⁷¹ Невилль де ла. Записки о Московии. М., 1996. С. 222; Устрялов Н.Г. История царствования... Т. 1. С. 234, 253.
- ⁷² Литопис Самовидия. С. 149. Ради лица канцлер написал в Москву, что он отказал в мире хану, так как тот «противен будет польскому союзу» (вычеркнуто и добавлено: «этот мир непотребен и неприбылен»). – РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689. Д. 1. Л. 227, 249. Уже 20 августа 1689 г. от имени царей Ивана V и Петра I было заявлено, что Россия не должна быть забыта в мирном договоре, который австрийцы и поляки предполагают заключить с турками и татарами. – Там же. Ф. 79. Оп. 1. 1689 г. Д. 7. Л. 221.
- ⁷³ ПСЗ. Т. 2. С. 817–820.
- ⁷⁴ См.: Филиппика польского сенатора М. Матчинского в 1692 г. («И когда два прошлых похода были и тогда ничего не учинили и, не дав бою, бездельно возвратились, и что де за помощь, что войско есть, а дела нет?») — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1692 г. Д. 3. Л. 67 – 68.
- ⁷⁵ Лавров А.С. Регентство... С. 148–149.
- ⁷⁶ И.С. Мазепа – царям Ивану и Петру 11 февраля 1691 г. – РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1691 г. Д. 2. Л. 81. Киевскому воеводе М.Г. Ромодановскому С. Палий писал, что заключен польско-османский мирный договор, по которому поляки должны зимовать в 1690/91 г. под Киевом и Белой Церковью, свозя туда провиант и военную амуницию. – Там же. 1690 г. Д. 2. Л. 625.
- ⁷⁷ С. Палий – И.С. Мазепе из Фастова 19 декабря 1692 г. – Там же. 1693 г. Д. 2. Л. 72. Великий коронный гетман С. Яблоновский – С. Палию из Львова 8 декабря 1692 г. – Там же. Л. 75.
- ⁷⁸ Разговоры в Сечи в 1693 г. – Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1693 г. Д. 14. Л. 40 – 45; Ф. 79. Оп. 1. 1693 г. Д. 2. Л. 161–162. Из Москвы стали запрашивать своих резидентов в Варшаве, не боясь ли в Польше бунта от Палия, как было при Б. Хмельницком. – Там же. 1694 г. Д. 2. Л. 130.
- ⁷⁹ Соловьев С.М. История России... Кн. 7. С. 487; РГАДА. Ф. 79. оп. 1. 1690 г. Д. 2а. Л. 76–82; Д. 2. Л. 12; 1691 г. Д. 2. Л. 219–220.
- ⁸⁰ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1692 г. Д. 5. Л. 3–5.
- ⁸¹ Perdenia J. Stanowisko... S. 81.
- ⁸² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1690 г. Д. 3. Л. 200–213, 215, 228; Соловьев С.М. История России... Кн. 7. С. 489–490, 508–509.
- ⁸³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1695 г. Д. 1. Л. 39.
- ⁸⁴ Там же. Ф. 79. Оп. 1. 1690 г. Д. 2. Л. 185–193, 471, Д. 3. Л. 316, 387, 428.
- ⁸⁵ См.: инструкцию от имени царей Ивана V и Петра I И. М. Волкову от 30 ноября 1691 г. – Там же. Л. 636.
- ⁸⁶ Власова Л.В. Молдавско-польские... С. 83, 92–94.

- ⁸⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1690 г. Д. 3. Л. 92.
- ⁸⁸ Там же. 1691 г. Д. 2. Л. 492.
- ⁸⁹ Там же. Д. 2. Л. 473, 475; Д. 3. Л. 457; Д. 4. Л. 180; Д. 6. Л. 109.
- ⁹⁰ *Wójcik Z. Jan Sobieski...* S.479.
- ⁹¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1692 г. Д. 3. Л. 4–6, 136; Д. 5. Л. 74, 182, 210, 224.
- ⁹² Инструкция В.Айтемиреву 27 февраля 1692 г. – Там же Ф.123. Оп.1 1692 г. Д. 1. Л. 31–64; Оп. 2. 1692 г. Д. 70. Л. 1–2; *Соловьев С.М. История России...* Кн.7. С.494; *Маркевич А. Пребывание в Крыму московского гонца подьячего Василия Айтемирева в 1692 – 95 гг. // Известия Таврической Ученой архивной комиссии. Симферополь, 1890. № 9. С.48–61.*
- ⁹³ РГАДА. Ф. 79. Оп.1. 1693 г. Д.3. Л.508; *Konopczyński W. Polska a Turcja. 1683–1792. W., 1936. S.22.*
- ⁹⁴ *Konopczyński W. Polska...* S.20. Агенты Мазепы доносили, что на Гродненском сейме татарский посол за разрыв союза Польши с Австрией и Россией и разрешение свободного прохода в «цесарские земли» обещал вернуть Каменец и помощь 80-тыс. орды. (РГАДА. Ф.124. Оп.1. 1693 г. Д. 25. Л. 27–29). Об уступках в Молдавии Порты не хотела слышать ни в 1692 г., ни позже.
- ⁹⁵ Ян Собеский – царям Ивану и Петру 25 июля 1693 г. – РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1693 г. Д. 4. Л. 307.
- ⁹⁶ Мазепе было предписано укрепить по всем городам Малой России и в Речи Посполитой агентурную сеть информаторов. – РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1692 г. Д. 24. Л. 1–10.
- ⁹⁷ См.: донесения Б.М.Михайлова от 30 апреля и 6 октября 1693 г. – Там же. Ф. 79. Оп. 1. 1693 г. Д. 2. Л. 493–495; Д. 3. Л. 508–512.
- ⁹⁸ *Соловьев С.М. История России...* Кн.7.Л.495–501; РГАДА. Ф. 123. Оп.3. 1692 г. Д. 836. Л. 1–2; Ф.124. Оп. 1. 1693 г. Д. 20. Л. 39–41.
- ⁹⁹ И.С.Мазепа – царям Ивану и Петру 25 июля 1692 г. – РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1692 г. Д. 4. Л. 92–97.
- ¹⁰⁰ И.С.Мазепа – царям Ивану и Петру 15 февраля 1694 г. – Там же. 1692 г. Д. 1. Л. 181 об.–193 об.
- ¹⁰¹ Ян Собеский – царям Ивану и Петру 20 апреля 1694 г. – РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. 1694 г. Д. 311. Л. 1.
- ¹⁰² Селим-Гирей – Ивану V и Петру I в последних числах марта 1695 г. – РГАДА. Ф. 123. Оп. 3. 1692 г. Д.267. Л. 6.
- ¹⁰³ *Гаркави А. Отрывки из исторического сочинения Давида Лехно // Отчет имп. Публичной библиотеки за 1882 г. СПб., 1884. С. 13–14.*
- ¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1695 г. Д. 3. Л. 233, 240–241.
- ¹⁰⁵ Петр I также предложил шаху присоединиться к русско-австро-венцианскому союзу и расширить свои владения в Месопотамии. – Там же. 1696–98 гг. Д. 251. Л. 266 об., 382–385.
- ¹⁰⁶ См.: инструкцию дьяку К.Н.Нефимову от 20 декабря 1695 г. – Там же. 1695 г. Д. 3. Л. 405, 411; ПДС. Т. 8. С. 1, 79, 394–397.
- ¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1695 г. Д. 3. Л. 404.
- ¹⁰⁸ Защищая честь польского оружия, Я.Собеский писал, что во время русской осады Галикермана поляки удержали на месте буджакскую и едисанскую орды, покончили с ханским «гетманчиком» Стецко, что турки с молдаванами не смогли отбить ни одной крепости в Молдавии, что коронные гарнизоны в городках Правобережной Украины успешно бьют татар, возвращающихся из набегов, и что Речь Посполитая «не устает держать на своих саблях и шеях» противника. Поход в Буджак 1696 г. король обещал возглавить сам или послать одного из своих сыновей. (См. грамоту Яна Собеского Петру I от 8 марта 1696 г. – РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1696 г. Д. 314. Л. 1; Д. 2. Л. 185–188.)
- ¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1696–98 гг. Д. 251. Л. 45, 162, 167, 188, 303.
- ¹¹⁰ *Соловьев С.М. История России...* Кн 7. С. 536
- ¹¹¹ *Королюк В.Д. Избрание Августа II на польский престол и русская дипломатия // Ученые записки Института славяноведения. М., 1951. Т. 3. С. 198.*
- ¹¹² Петр I – А.В. Никитину 9 октября 1696 г. – РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1696–98 гг. Д. 251. Л. 293 об.
- ¹¹³ Указ А.В.Никитину от 22 августа 1697 г. – Там же. Л. 214–217, 241.
- ¹¹⁴ *Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1880. Т. 1. С. 13; ПДС. Т. 8. С. 416–419.*

- ¹¹⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1696–98 гг. Д. 251. Л. 773–774.
- ¹¹⁶ *Wojtasik J. Podhajce*, 1698. W., 1990. S. 14; *Королюк В.Д.* Речь Посполитая и подготовка Северной войны // Ученые записки Института Славяноведения. М., 1951. Т. 4. С. 190; *Staszewski J. August II Mosny*. Wrocław, 1998. S.87.
- ¹¹⁷ *Wojtasik J. Podhajce...* S.13.
- ¹¹⁸ ПДС. Т.8. С.1373; *Махатка О.* Взаимоотношения... С.215.
- ¹¹⁹ *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. М., 1946. Т. 3. С. 341, 363–364, 413.
- ¹²⁰ Там же. М., 1941. Т. 2. С. 563; Т. 3. С. 449.
- ¹²¹ *Wojtasik J. Podhajce...* S.59.
- ¹²² *Ibid.* S.82, 108, 125–126.
- ¹²³ *Ibid.* S.126, 138–140.
- ¹²⁴ *Богословский М.М.* Петр I... Т. 3. С. 384–386, 452.
- ¹²⁵ Там же. С. 368, 371, 374, 379, 450.
- ¹²⁶ Там же. С. 392–393.
- ¹²⁷ В польском посольстве сторонники реванша на Левобережной Украине безуспешно старались сорвать русско-турецкие переговоры. Посланный для ратификации трактата С.М.Жевуский убеждал султана в необходимости продолжения войны с Россией. В мае 1700 г. познанский воевода Рафал Лещиньский предлагал в Стамбуле заключить польско-турецкий союз против России (против чего резко возражал Август II). – *Perdenia J. Stanowisko...* S.125–126.
- ¹²⁸ *Богословский М.М.* Петр I... М., 1948. Т.5. С. 77–78, 113.
- ¹²⁹ *Артамонов В.А.* О русско-крымских отношениях конца XVII – начала XVIII в. // Общественно-политическое развитие феодальной России. Сб. статей. М., 1985. С.76, 85.

ТРАНСИЛЬВАНСКОЕ КНЯЖЕСТВО МЕЖДУ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ И ГАБСБУРГАМИ В КОНЦЕ XVII В.

Избрание Михая Апафи¹ князем Трансильвании на государственном собрании 17 августа 1661 г. было неожиданным для всех и, в первую очередь, для него самого. М. Апафи, возведенный на княжеский престол «османскими саблями», ранее почти не появлялся на политической арене. Известно, что после польского похода он вместе со всей трансильванской армией попал в татарский плен, где сблизился с Я. Кеменем и был среди тех, кто участвовал в написании его Манифеста. Но М. Апафи не представлял собой серьезной политической силы и не имел приверженцев в Трансильвании. Перед новым князем стояли очень сложные задачи, которые ему было трудно выполнить без поддержки трансильванского общества: знать не принимала его, секеи выступили против него с оружием в руках, а саксы заняли выжидательную позицию. В руках князя реально находилась только малая часть Трансильвании, так как султанские и императорские войска оккупировали ключевые крепости. В этой непростой ситуации М. Апафи медленно выстраивал свою концепцию власти, стараясь обратить на пользу стране меняющееся соотношение сил между Османской империей и Габсбургами. Размышления над судьбой Я. Кеменя и опыт татарского плена привели М. Апафи к убеждению, что наиболее верный в данной ситуации способ спасти трансильванскую государственность – это, в первую очередь, дипло-

матическая, а не вооруженная борьба. Вскоре М. Апафи, используя все доступные ему средства, заручился поддержкой общества. Главной победой нового князя стало привлечение в свой лагерь бывших сторонников Я. Кеменя, чей авторитет в Трансильвании был очень высок².

М. Апафи, как и его предшественники, поклялся в верности султану, но одновременно с этим начал налаживать отношения с Веной и венгерскими условиями³. В конце 1661 г. умер великий везир Мехмед Кёпрюлю. С его смертью нарушилось хрупкое равновесие между Габсбургами и Портой. Леопольд I решил, что теперь турецко-австрийский договор потерял силу, и настало время присоединить Трансильванию к Венгрии, а значит и к владениям Габсбургов. Смерть Мехмеда Кёпрюлю и начавшаяся после нее борьба за власть в Порте несколько ослабили османское влияние в Трансильвании. Это подтолкнуло М. Апафи к союзу с венграми, жаждавшими начать войну с османами. Через них он нашел путь к Рейнскому союзу и Франции⁴. Майнцский епископ Иоганн Филипп включил Трансильванию в сферу интересов Рейнского союза.

Известия о переговорах М. Апафи и венгерских магнатов насторожили султана. В Стамбуле предприняли шаги для того, чтобы не допустить сближения Трансильвании как с венграми, так и с Рейнским союзом. Поэтому Порта решила снова предпринять поход против Венгрии. В то же время новый великий везир Ахмед Кёпрюлю подтвердил власть М. Апафи в княжестве и предоставил ему ряд льгот: дал свободу во внутренней политике, уменьшил налог. Правда, при этом султан обязал М. Апафи прибыть в конце апреля 1663 г. с войском на помощь османской армии, осаждавшей Коложвар. Однако М. Апафи удалось уклониться от выполнения приказа, не вызвав особого недовольства османских властей.

Военные действия велись с переменным успехом и в период побед Габсбургов и Рейнского союза М. Апафи был даже готов выступить против османов⁵. Однако союзникам не удалось выполнить главную задачу похода — освободить Варад. При императорском дворе чаша весов снова склонилась в пользу мира с Портой. После блестящей победы коалиции над османами при Сентготхарде неожиданно для всех 10 августа 1664 г. император и султан подписали Вашварский мир, который утаивали в течение двух месяцев.

Для Апафи Вашварский мир означал очередное внешнеполитическое поражение Трансильвании. Леопольд I перечеркнул все расчеты князя и вновь показал свою ненадежность в качестве союзника. По условиям мирного соглашения император признавал Трансильванское княжество вассалом Порты, договор узаконивал все территориальные приобретения османов в Трансильвании в последнюю войну (включая Варад). Султан же, вопреки условиям Линцкого мира, передал Леопольду I комитаты Сатмар и Сабольч, наследство потомков Дьердя I Ракоци. Стамбул и Вена обязывались вывести свои войска из всех трансильванских крепостей и освободить занятые территории в княжестве⁶, что, однако, ими не было выполнено.

Вашварский мир перекрыл для Трансильвании многие дипломатические связи, ограничив их Веной и Стамбулом. Михай Апафи и его сторонники с нетерпением ждали того момента, когда они смогут вывести внешнюю политику княжества из этих жестких рамок. Подобный шанс им предоставил «за-

говор Вешшелени»⁷ и последовавшие после его провала события. Во время заговора Михай Апафи поддержал выступивших против Габсбургов венгерских магнатов. Интерес трансильванского князя к заговорщикам появился не только в связи с желанием помочь им в борьбе с Габсбургами, к этому добавилась личная заинтересованность М. Апафи. Князю стало известно, что Леопольд I предпочел бы видеть на трансильванском троне не его – кальвиниста, ставленника Порты, а католика Ференца I Ракоци, выросшего при австрийском дворе. Для Апафи эти планы представляли большую угрозу, так как Ференц I Ракоци, сын князя Дьердя II, был выбран главой княжества еще в детстве. Поэтому Апафи, помогая заговорщикам, искал поддержку венгерской знати, надеясь с ее помощью добиться отречения Ференца I Ракоци.

В тот момент венгерские заговорщики сделали ставку на Порту. Они предполагали при помощи Трансильвании наладить связь с Османской империей, чтобы использовать Стамбул в борьбе с Габсбургами. Летом 1666 г. трансильванский князь и венгерские политики заключили соглашение, по которому Трансильвании отводилась роль посредника между заговорщиками и Портой. В целях изоляции Ференца I Ракоци М. Апафи настаивал на том, чтобы венгры вели переговоры только через него⁸. Заговорщики через Апафи предлагали Османской империи передать Венгрию под ее протекторат. Однако султан, занятый войной с Венецией, не был заинтересован в конфронтации с Габсбургами. Поэтому три посольства М. Апафи в июне 1667 г., апреле 1668 г. и октябре 1669 г., посланные на Крит, где в это время воевал великий везир, оказались безрезультатными⁹. Кроме того, османские власти сообщили Леопольду I о планах Вешшелени и запретили Трансильвании помогать венграм в будущем восстании. В этой ситуации трансильванский князь не посмел идти против воли Порты и когда в июле 1668 г. заговорщики постановили, что смогут поднять восстание и без поддержки султана, княжеский совет решением от 9 сентября, напротив, обусловил свое участие в этом предприятии разрешением Стамбула¹⁰.

В марте 1670 г. заговор Вешшелени был раскрыт. Начавшиеся репрессии привели в Трансильванию тысячи «скитальцев» – вынужденных эмигрантов из Венгрии. Ближайшее десятилетие внешняя политика Трансильвании оказалась напрямую связана со скитальцами. Скитальцами (или куруцами, как называли воюющих с оружием в руках противников Габсбургов) стали как мелкие и средние дворяне, участвовавшие в антигабсбургском восстании, профессиональные воины, так и крупнейшие венгерские магнаты (например, князь Имре Тёкёли, сыгравший впоследствии важную роль в движении куруцев). На первых порах М. Апафи был заинтересован в присутствии скитальцев в княжестве: они могли стать ядром ослабленной трансильванской армии, что придавало бы княжеству больший вес на международной арене. Объединение со скитальцами могло активизировать переговоры с европейскими государствами. Большая часть скитальцев выступила на стороне М. Апафи. Вопреки мнению многих политиков, князь разрешил им оставаться в Трансильвании, платил ежемесячное жалованье и т.д.¹¹.

Султан закрыл глаза на присутствие скитальцев в Трансильвании, несмотря на протесты Вены и ее требования выдать бунтовщиков. Можно пред-

положить, что османские власти намеревались использовать в дальнейшем движение куруцев в своей борьбе с Габсбургами, однако из-за имевшихся соглашений с императором не могли делать это открыто. Так, в июне 1671 г. скитальцы, отправившие в Стамбул свое первое посольство с просьбой о помощи, получили от османских властей обнадеживавший ответ, но не прямое согласие. Двойственная позиция Порты в вопросе о поддержке вооруженного выступления куруцев против Габсбургов в Венгрии и отсутствие однозначных указаний из Стамбула вызывала растерянность и раскол среди трансильванских политиков. Поэтому, когда в августе 1672 г. скитальцы вторглись на территорию Венгрии и в их акции без согласия княжеского совета принял участие трансильванский военачальник, будущий канцлер Михай Телеки, то княжеский совет послал оправдательные письма как в Вену, так и в Стамбул. Положение не изменилось и после того, как в январе 1673 г., после окончания войны Порты с Речью Посполитой, великий везир тайно пообещал послам куруцев поддержку, о чем, правда, трансильванское руководство не было поставлено в известность. Поэтому в сентябре 1673 г. княжеский совет не рекомендовал М. Апафи помогать скитальцам в Венгрии¹².

Трансильванский князь стремился подчинить себе движение скитальцев. Вскоре из-за этого появились разногласия между руководством куруцев и М. Апафи. Они тяжело переносили опеку М. Апафи, но при этом понимали, что без Трансильвании они не смогут существовать и успешно действовать. Отношения между Трансильванией и скитальцами продолжали обостряться. Куруцы постоянно настаивали на походах в Венгрию, что не всегда отвечало интересам самой Трансильвании и было не всегда возможно из-за Порты. Кроме того, содержание скитальцев и оплата их военных операций были в финансовом отношении обременительны для княжества. В то же время имелись опасения, что в любой момент скитальцы могут выйти из-под контроля и действовать по своему усмотрению. В этом случае интересы Трансильвании и скитальцев разошлись бы¹³.

Новый этап во внешней политике Трансильвании начался после вступления в 1674 г. на польский престол профранцузски настроенного Яна Собеского. На переднем плане внешней политики короля Франции Людовика XIV стояла борьба против Габсбургов. В этих проектах находилось место и Трансильвании, и скитальцам. Благодаря посредничеству Речи Посполитой, Франция и М. Апафи вступили в контакт. Результатом переговоров трансильванского князя и французского посла стало заключение 28 апреля 1675 г. Фогарашского соглашения о военном сотрудничестве двух сторон и материальной помощи Людовика XIV скитальцам¹⁴. Однако французский король, не удовлетворенный отдельными пунктами договора, отказался его ратифицировать. Переговоры между Трансильванией и Францией вызвали недовольство в Вене и Стамбуле. Леопольд I безуспешно пытался их сорвать. Султан же начал опасаться возросшей самостоятельности М. Апафи. Княжество вышло за границы предоставленных ей Портой прав: держало на своей территории, хотя и с молчаливого согласия султана, войска скитальцев, вело самостоятельную внешнюю политику, нарушая условия Вашварского мира¹⁵.

Только спустя два года (27 мая 1677 г.) в Варшаве при активном участии Речи Посполитой Франция, Трансильвания и скитальцы заключили союз. Людовик XIV обязался ежегодно выделять по 100 тыс. талеров на поддержку походов куруцев в Венгрию. Французский король обещал добиться включения в текст мирного договора, который в будущем мог быть заключен между Версалем и Веной, вопрос о Трансильвании.¹⁶ Упоминание в международном соглашении означало бы новое подтверждение признания государственности княжества, как этого добился Дьердь I при составлении условий Вестфальского мира. Для Трансильвании это означало бы реванш за потери в Вашварском мире. М. Апафи, не желая обострения отношений с Портой, сразу после ратификации договора известил султана о происшедшем. В Стамбуле не опротестовали договор, но великий везир настаивал на том, чтобы поход в Венгрию начался летом 1678 г. после окончания русско-турецкой войны¹⁷. Порта пообещала свою помощь скитальцам.

Трансильванский двор, связанный Варшавским договором и одновременно запретом Порты¹⁸, все же нашел выход из этой сложной ситуации. Во главе армии, направлявшейся в Венгрию, М. Апафи поставил одного из молодых скитальцев – графа Имре Тёкёли. Храбрый, талантливый и амбициозный воин привлек к себе внимание и куруцев, и М. Апафи. Благодаря своим качествам и протекции трансильванского князя, он стал заместителем командующего М. Телеки. М. Апафи надеялся, что И. Тёкёли, завоевавший популярность среди скитальцев, поможет ему и в дальнейшем держать под контролем движение куруцев. И. Тёкёли принял предложенную ему князем роль. Как частное лицо он мог, не навлекая недовольства Порты, вербовать на территории Трансильвании войско. В сентябре 1677 г. куруцы под предводительством И. Тёкёли вступили в Венгрию, их поддержали наемники, присланные Людовиком XIV.

Однако не все трансильванские политики поддержали подобный шаг М. Апафи, который расценили как неповиновение Порте. Поэтому глава оппозиции в княжеском совете П. Бельди в ноябре 1677 г. отправил в Стамбул посольство с известием о начале похода скитальцев в Венгрию, поддержанного Францией. Но еще почти полгода султан никак не реагировал на сообщение П. Бельди, который рассчитывал занять место М. Апафи. 19 апреля 1678 г. князь приказал главнокомандующему М. Телеки с трансильванской армией выступить в поход на Венгрию. Почти одновременно с этим в Стамбуле произошли важные события, проясняющие позицию Порты в данном вопросе. Бежавший в Стамбул П. Бельди был арестован по приказу великого везира и посажен в тюрьму. В тот же день 22 апреля султан обратился к трансильванским сословиям с ферманом, в котором призывал их сохранять верность М. Апафи. Этой акцией Порта фактически поддержала трансильванское вторжение в Венгрию.

В середине 1678 г. начались переговоры Франции с Габсбургами о мире. Франко-трансильванское сотрудничество подходило к концу. М. Телеки отвел свои войска обратно в Трансильванию. В новых условиях М. Апафи больше занимала проблема: выполнит ли Людовик XIV свои обязательства о включении Трансильвании в текст мирного договора с императором. И. Тёкёли,



Трансильванский князь Михай Апафи

поняв, что князь не намеревается продолжать венгерский поход, окончательно вышел из-под контроля М. Апафи, а, следовательно, и за рамки трансильванской внешней политики. И. Тёкёли и основная масса скитальцев осенью 1678 г. вновь вторглись на территорию Венгрии. Тем не менее, эта акция еще не означала окончательного разрыва между куруцами и трансильванским двором, так как официально во главе скитальцев продолжал стоять М. Телеки. Лишь в 1680 г. И. Тёкёли сместил с этого места М. Телеки. Разрыв Трансильвании и куруцев не отвечал интересам Порты, которая предпочла бы, чтобы они выступали единым фронтом против Габсбургов.

5 февраля 1679 г. Леопольд I и Людовик XIV подписали Нимвегенский мирный договор. Французский король выполнил свое обещание, и Трансильвания была упомянута в тексте соглашения. Людовик XIV назвал княжество в числе своих союзников¹⁹, что должно было способствовать упрочению внешнеполитического положения Трансильвании на международной арене и являлось гарантом ее государственности.

Хотя Нимвегенский мир стал победой княжеской дипломатии, положение самого М. Апафи внутри Трансильвании и за ее пределами ухудшилось. Авторитет И. Тёкёли, избранного главой скитальцев, очень возрос, преданные ему люди заняли ряд ведущих должностей в княжеской администрации²⁰. Кроме того, И. Тёкёли получил европейскую известность, его при-

знали как вождя венгерской оппозиции и в Вене, и в Стамбуле. Обе стороны считались с ним больше, чем с князем. Султан делал ему заманчивые предложения: обещал трансильванский трон и венгерскую корону. Со своей стороны, Леопольд I в 1680 г. заявлял, что в дальнейшем он будет вести переговоры не с М. Апафи, а с И. Тёкёли²¹. Антигабсбургский европейский лагерь хотел видеть именно И. Тёкёли князем Трансильвании²². Однако вскоре Трансильвания на время выпала из сферы интересов И. Тёкёли, так как в Верхней Венгрии под его властью возникло самостоятельное княжество под протекторатом Порты.

Таким образом, у М. Апафи появилась возможность укрепить свои позиции, особенно в отношениях с Османской империей. Но в результате осложнений во время османского похода в Венгрию 1681 г.²³, в котором по распоряжению султана участвовало трансильванское войско, М. Апафи не только не получил обещанные княжеству венгерские крепости²⁴, но и утратил доверие великого везира, который всерьез стал задумываться о смене его на княжеском престоле из-за его неповиновения. Весной 1681 г., во время этого похода Порты впервые открыто заявила о своей поддержке скитальцев. Султан Мехмед IV издал ферман, в котором приказывал М. Апафи выступить со всеми силами в Венгрию на помощь И. Тёкёли. Этот шаг Порты был достаточно символичен, он говорил о том, что османские власти отказались от своей выжидательной позиции по отношению к Габсбургам и нацелились на войну с ними.

В течение двух лет положение М. Апафи было неопределенным: султан не лишал его власти, но и не демонстрировал своей поддержки; так, Порты не утвердила выбранного государственным собранием²⁵ в качестве князя пятилетнего сына М. Апафи. Подобная двойственная ситуация влияла и на политику послов некоторых европейских стран в Стамбуле и Дюлафехерваре. Французский король, начавший новый виток антигабсбургской борьбы, уделял большое внимание событиям в Трансильвании и Османской империи. Два года послы Людовика XIV Роже и Гийераг плели интриги в обоих государствах, ожидая решения Стамбулом участи Апафи²⁶.

Наконец, к 1682 г. внешнеполитические ориентиры Порты определились: стало ясно, что султан готовится к войне с Леопольдом I. Слухи о замене М. Апафи на княжеском престоле не подтвердились. Мехмед IV приказал М. Апафи готовиться к походу против Габсбургов. Несмотря на свое нежелание участвовать в этой войне, Апафи не мог отказаться. И дело было не только в страхе князя перед султаном²⁷, свою роль здесь сыграла и французская дипломатия. Людовик XIV, стремясь подтолкнуть М. Апафи к полному разрыву с «австрийской ориентацией», через своих агентов в Стамбуле и Дюлафехерваре распространил слухи о том, что в случае отмены похода против императора, султан намерен напасть на Речь Посполитую и поэтому собирается захватить ряд трансильванских крепостей и посадить там османских пашей²⁸.

В 1683 г. османы предприняли поход на Вену²⁹. Трансильвания как васал Порты по ее требованию должна была участвовать в войне с Габсбургами. По большому счету это не было вызвано военной необходимостью, важ-

нее для султана было принудить Трансильванию открыто выступить против Вены, и тем самым показать, кто истинный хозяин княжества. Стремясь сильнее привязать М. Апафи к себе, султан признал избрание его сына князем Трансильвании, но только в обмен на выступление в поход княжеского войска. Но М. Апафи удалось оградить свои войска от непосредственного участия в осаде Вены, добившись поручения им охранять мост через Рабу у Дьера. Участвуя в османском походе, М. Апафи тем не менее не хотел окончательно портить отношения с Леопольдом I. Поэтому в течение всего 1683 г. он поддерживал связи с императором и даже поставлял ему иногда секретные военные сведения. Кроме того, трансильванский князь обещал, что если Леопольд I одержит победу при Вене, он открыто перейдет на его сторону. Но после поражения османов М. Апафи не стал торопиться с выполнением своего обещания, так как не был уверен, что император намерен продолжить войну до победного конца. Он лишь окончательно перестал поддерживать врага Леопольда I Имре Тёкёли и разгромил его партию у себя в княжестве³⁰.

Победа у Вены усилила позиции сторонников наступательной антитурецкой войны. В Европе становилось ясно, что могущество Османской империи подорвано и поражение Кара Мустафы не было случайностью. Освобождение Венгрии и Трансильвании от власти султана становилось делом времени. Леопольд I взял курс на антитурецкую борьбу, которая сопровождалась утверждением власти Габсбургов на освобожденных от османов территориях. Весной 1684 г. оформился антиосманский союз – Священная лига. Франция и Габсбурги подписали мир на 20 лет и теперь ничто не мешало действиям новой европейской коалиции. Военные действия с этого времени активно разворачивались на территории Венгрии.

В Трансильвании чаша весов склонилась также в пользу антитурецкой партии и канцлер М. Телеки искал пути вхождения в международную коалицию. Однако сам М. Апафи довольно скептически относился к этой идее, понимая, что пока в руках османов находятся важнейшие трансильванские крепости, княжество не свободно в своих действиях. Порта с тревогой следила за дипломатическими инициативами Священной лиги. Сейчас как никогда султан стремился сохранить и упрочить свои позиции в Трансильвании. Ради этого он вновь пошел на подтверждение наследственных прав сына Апафи Михая II на княжеский трон³¹.

Однако вскоре международное положение изменилось. Захват императорскими войсками Верхневенгерского княжества И. Тёкёли нарушил австро-турецкое равновесие сил, причем не в пользу османов. Это сразу же сказалось на положении Трансильвании. В новой ситуации, когда позиции Порты явно ослабевали, зависимость княжества от султана постепенно могла бы приобретать все более формальный характер. М. Апафи решил, что настало время присоединиться к Священной лиге. Однако освобождение от многолетнего владычества турок, по мнению князя, не должно было привести Трансильванию к зависимости от Габсбургов.

В ходе деятельности Священной лиги выделились два ее центра: один находился в Вене, второй – в Варшаве. Интересы Трансильвании тяготели к

Варшаве: княжеский двор с настороженностью относился к инициативам Габсбургов. Зная о настроениях М. Апафи, Леопольд I старался не выпускать трансильванские внешнеполитические контакты из-под своего контроля. Представители императора обращались к князю с различными предложениями о союзе. Трансильвания и сама стремилась к вхождению в антиосманскую коалицию, что способствовало бы сохранению княжества как особого государства. При этом Апафи не отвергал возможность переговоров с Леопольдом I, зная, однако, что идет на риск. За пять лет (1685 – 1690 гг.) представителями М. Апафи и Леопольда I был заключен целый ряд соглашений, однако не все они были ратифицированы. Разногласия по ряду принципиальных пунктов затянули подписание окончательного договора на столь долгий срок.

В 1685 г. были проведены первые переговоры между Трансильванией и Габсбургами о вступлении княжества в Священную лигу. Варианты, предложенные Леопольдом I³², не устраивали Апафи. Так, в октябре 1685 г. государственное собрание отвергло тот из них, где, в частности, говорилось о принятии княжеством на постой 15 тыс. императорских солдат³³. М. Апафи боялся, что это приведет к оккупации княжества Леопольдом I. Не доверяя Габсбургам, М. Апафи стремился заручиться поддержкой европейских государств, которые могли бы стать гарантом обещаний императора. Так, свое ответное посольство к Леопольду I князь отправил через Речь Посполитую. Однако переговоры с Польшей, которую М. Апафи хотел видеть гарантом в своих отношениях с императором, оказались бессмысленными: пока посол князя, направляющийся в Вену с ответом М. Апафи, вел переговоры в Варшаве, генерал Караффа в конце ноября 1685 г. по приказу Леопольда I занял район Кёвара. Несмотря на все уверения императора, что введение войск временное явление, М. Апафи и его советники понимали, что это не так. Попытки князя откупиться от постоа императорских войск, а позже пресечь самоуправство его генералов ни к чему не привели³⁴. Порта до поры до времени не вмешивалась в трансильванские дела, так как готовила силы для реванша после поражения у Вены.

Несмотря на существующие разногласия, проблема присоединения Трансильвании к Священной лиге продолжала обсуждаться (вопрос об австрийском военном присутствии в княжестве по существу являлся частью этой большой проблемы). Весной 1686 г. и император, и Апафи выдвинули по новому варианту договора. Предложения Леопольда I³⁵ были сразу же отвергнуты трансильванским государственным собранием. А инициатива М. Апафи³⁶ еще обсуждалась в Вене, когда Османская империя стала готовиться к войне со Священной лигой.

В мае 1686 г. великий везир Сулейман приказал М. Апафи готовить армию к выступлению против императора³⁷. Трансильванский князь оказался в непростой ситуации: переговоры с Леопольдом I шли полным ходом и отказываться от союза со Священной лигой М. Апафи не намеревался и в то же время Порта требовала выполнения вассальных обязательств. Присутствие османских и императорских войск в крупнейших крепостях Трансильвании еще больше связывало руки М. Апафи.

Положение М. Апафи осложнилось после того, как в Трансильванию с вооруженными отрядами своих сторонников вторгся Имре Тёкёли, освобожденный османами из заключения. Однако вскоре отряды И. Тёкёли были разбиты княжеской армией и он сам с трудом спасся³⁸. Великий везир, к которому И. Тёкёли направился с жалобами на М. Апафи, возложил вину за происшедшее на него самого, так как Сулейман в своем письме, отправленном еще до начала похода И.Тёкёли, запрещал ему эту акцию³⁹. Победа М. Апафи над И. Тёкёли и поддержка князя великим везиром разрядили обстановку и дали возможность М. Апафи вновь включиться в переговоры.

Весной и летом 1686 г. М. Апафи продолжал вести двойную игру, и для Порты это не являлось секретом⁴⁰. Великий везир, стремясь удержать Трансильванию в повиновении, продолжал направлять князю все новые письма и распоряжения, в которых торопил его со сбором войска. Кроме того, Сулейман требовал, чтобы князь изгнал из Трансильвании императорские гарнизоны⁴¹. Но время шло, а отряды Леопольда I продолжали оставаться в княжестве, получали провиант, и М. Апафи находил все новые отговорки для великого везира: нехватка сил, боязнь за жизнь трансильванских послов в Вене и т.д.⁴². В Стамбуле уже давно поняли, что эти объяснения являются уловкой и в июле 1686 г. Сулейман писал князю, что если бы он захотел, то уже давно выгнал бы иностранных солдат⁴³. Великий везир, вероятно, предполагал, что трансильванский двор ведет себя подобным образом, чувствуя слабость османов, и поэтому предупреждал М. Апафи, что турки не настолько бессильны, как это предполагают враги⁴⁴. Сулейман обещал прислать свои войска для изгнания из Трансильвании императорских гарнизонов⁴⁵.

Трансильванские приготовления к военному походу с османами не повлияли на переговоры с Веной. 28 июня 1686 г. представители Леопольда I и М. Апафи подписали тайное соглашение, в принципе отвечавшее пожеланиям князя: Трансильвания сохраняла свое государственное самоуправление, Леопольд I признавал власть М. Апафи и его сына, император обязывался защищать княжество и упомянуть его в тексте мирного соглашения с Османской империей и т.д.⁴⁶. Таким образом, по мнению венгерской исследовательницы А. Варкони, Трансильвания стала членом Священной лиги в статусе, подобном германским княжествам, но из-за османов княжество не объявляло открыто о своем участии в международной коалиции, однако выполняя при этом все союзнические обязательства⁴⁷.

7 августа 1686 г., незадолго до битвы у Буды, эмиссары Апафи и императора договорились о том, что войска княжества не будут участвовать в антиосманской войне, и Леопольд I приказал генералу Шерфенбергу отойти из Трансильвании к Буде, оставив гарнизоны только в Коложваре и Деве⁴⁸. Таким образом, в 1686 г. М. Апафи удалось сохранить нейтралитет в отношениях с Османской империей и Габсбургами. Князь даже смог добиться вывода императорской армии из Трансильвании⁴⁹.

Победа войск Священной лиги у Буды упрочила позиции Габсбургов в Европе. А это в свою очередь не могло не отразиться на положении Трансильвании. Императора уже не удовлетворяли условия предыдущего договора с

княжеством. М. Апафи, опасаясь присоединения Леопольдом I княжества без всяких условий, видел единственный путь спасения для Трансильвании в поиске дипломатических гарантий в Европе для сохранения ее государственности. Так, в марте 1687 г. М. Апафи обратился к Генеральным Штатам Нидерландов с просьбой помочь Трансильвании⁵⁰. Переписка с Соединенными провинциями продолжалась долго, но реальных плодов не принесла. И Вильгельм Оранский, и Генеральные Штаты благосклонно отнеслись к просьбе Апафи, посол республики в Вене Х. Бруйнинкс должен был выступить посредником перед Леопольдом I «в деле трансильванских протестантов»⁵¹. Но, как полагал Х. Бруйнинкс, политическое вмешательство в дела Трансильвании будет очень затруднено из-за географической удаленности княжества от Соединенных провинций⁵². Обращения к другим странам также не дали никаких результатов.

Несмотря на все старания М. Апафи, осенью 1687 г. императорские войска под командованием Карла Лотарингского вступили в Трансильванию. Генерал сообщил М. Апафи, что он пришел освободить княжество от власти османов. Он потребовал, чтобы князь пустил императорские гарнизоны во все трансильванские крепости. Трансильвания не оказала полководцу Леопольда I никакого сопротивления. Под давлением обстоятельств 27 октября 1687 г. М. Апафи заключил с Карлом Лотарингским Балашфальское соглашение. Присутствие императорских солдат в Трансильвании обозначалось в этом документе как зимние квартиры⁵³. Османская империя, терпевшая поражения в войне с лигой, не могла защитить свои интересы в Трансильвании. Габсбурги заранее действовали в княжестве по праву завоевателей и в переговорах с М. Апафи не принимали в расчет Порту, хотя османские гарнизоны еще оставались в некоторых трансильванских крепостях.

В поддержку идеи М. Апафи о сохранении самостоятельности Трансильвании неожиданно выступил командующий оккупационных войск Карл Лотарингский. Однако сохранение трансильванской самостоятельности не входило в расчеты Вены, поэтому на смену Карлу Лотарингскому был послан уже известный в Трансильвании генерал Караффа. Ему следовало подготовить вхождение княжества в состав империи Габсбургов. Караффа старался добиться этого мирным путем, убедив М. Апафи и княжеский совет принести присягу верности Леопольду I и добровольно согласиться на военную оккупацию Трансильвании. Изучив обстановку в княжестве, генерал Караффа составил Меморандум, который явился полной неожиданностью для императора. Генерал советовал в ближайшее время не подчинять княжество силой, он рекомендовал сохранить сословные и религиозные свободы, понизить налоги и содержать на его территории лишь небольшую императорскую армию. Караффа считал, что управлять княжеством надо сочетая «timor» и «amor», так как Трансильвания, находясь на окраине владений Леопольда I, в непосредственной близости от Османской империи и соседству с ненадежными Молдавией, Валахией и Речью Посполитой, может вернуться под власть султана⁵⁴.

9 мая 1688 г. в условиях военной угрозы М. Апафи и представители императора подписали Фогарашскую декларацию. Согласно этому докумен-

ту Трансильвания возвращалась к Венгрии, как это было до середины XVI в., отказывалась от подданства Порте и обязывалась платить Вене ежегодный налог в размере 700 тыс. форинтов. Таким образом, была достигнута одна из главных внешнеполитических целей Трансильвании – княжество освобождалось от полуторавекового османского господства, но попадало в зависимость от Габсбургов. Однако дюлафехерварский двор не терял надежды исправить положение: война продолжалась, Священная лига еще не подписала мир с Портой и за это время все могло измениться. В апреле 1690 г. Михай Апафи умер. По мнению некоторых историков, он не вынес потрясения, связанного с принятием Фогарашской декларации⁵⁵, фактически означавшей потерю Трансильванией своей государственности. Цель, которой М. Апафи подчинил всю свою политику, оказалась не реализована.

После смерти М. Апафи Османская империя предприняла последнюю попытку вернуть себе Трансильванию. Вопреки всем договоренностям о праве наследования сына Апафи Михая II, великий везир назначил трансильванским князем И. Тёкёли и дал ему войска для изгнания Габсбургов. В июле 1690 г. И. Тёкёли в сопровождении куруцев, турецко-татарских частей и отрядов Молдавии и Валахии вступил в Трансильванию. Выступление И. Тёкёли поддержала Франция. Людовик XIV считал помощь И. Тёкёли, которого называл «единственным оружием против императора»,⁵⁶ одной из первоочередных задач французской внешней политики. По мнению французского короля, только И. Тёкёли был в состоянии изгнать императорские войска из княжества⁵⁷. Полководческая и политическая звезда «короля куруцев» взошла в последний раз. В основном население Трансильвании поддержало И. Тёкёли, который вытеснил бы из страны наемников. Но княжеские советники отправились за помощью в Вену, а представители сословий заняли выжидательную позицию.

21 августа 1690 г. И. Тёкёли одержал блестящую победу при Зернешти над трансильванско-габсбургским войском; в этой битве погиб канцлер княжества М. Телеки, а императорский генерал Д. Хайслер попал в плен. Трансильвания покорила И. Тёкёли, 15 сентября 1690 г. государственное собрание единогласно избрало его князем⁵⁸. На несколько недель независимость Трансильванского княжества была восстановлена. Но расчеты Порты на верность И. Тёкёли не оправдались. Он сразу же предложил Леопольду I свои услуги в войне с османами в обмен на признание его князем. Но император, считая Трансильванию своим владением, направил туда новые войска во главе с Людвигом Баденским. И. Тёкёли, брошенный своими союзниками-татарами, отступил, чтобы больше никогда не возвращаться в Трансильванию. Победа императора над И. Тёкёли означала окончательное подчинение княжества Габсбургам. Малолетний наследник трансильванского престола Михай II Апафи был увезен в Вену, управление страной Леопольд I поручил своему генералу, занявшему с войсками княжество.

Но, несмотря на победу Габсбургов над И. Тёкёли, трансильванским политикам удалось добиться от Вены изменения условий Фогарашской декларации. Это было связано с новым витком войны с Османской империей. В 1690 г. Порта предприняла успешное контрнаступление; возвращение

Белграда под власть султана посеяло при императорском дворе панику. Основная армия Леопольда I оказалась уничтожена. Воспользовавшись растерянностью Вены, известный трансильванский политик М. Бетлен добился для Трансильвании административной, экономической и культурной автономии. Итогом новых соглашений стал Диплом Леопольда I, подписанный императором через 8 дней после падения Белграда. М. Бетлен писал, что в обстановке всеобщей растерянности, когда вопрос о сохранении Трансильвании под властью Вены стоял особо остро, никто из администрации императора не вспомнил о Фогарашской декларации, как будто она никогда не существовала⁵⁹. По Леопольдинскому Диплому Трансильвания получала особый статус в составе империи Габсбургов, она не присоединялась к королевской Венгрии, в княжестве формально сохранялся принцип выборности князей, признавались все политические и религиозные свободы. За Михаем II Апафи сохранялась власть в княжестве, но она была формальной. Леопольдинский диплом не признал суверенитета трансильванского князя. Управление Трансильванией осуществлялось с помощью центральных учреждений Вены. Диплом фиксировал налоги княжества в пользу Габсбургов в мирное и военное время⁶⁰. На его территории находился небольшой контингент императорских войск, при этом командующий не имел права вмешиваться во внутренние дела княжества. Вопреки рекомендациям Испании, по Диплому Леопольда I Трансильвания не становилась наследственной провинцией династии Габсбургов⁶¹, это произошло позже, в XVIII в.

После принятия Диплома Леопольда I внешнеполитические контакты Трансильвании оказались резко ограничены и вести активную дипломатию княжество уже не могло. Успехи Леопольда I в войне с Османской империей оставили Трансильвании мало надежды на сохранение государственной самостоятельности. С ослаблением Порты исчезал фактор, угрожавший Вене потерей княжества. Казалось бы, судьба Трансильвании была решена, но война с Османской империей еще не окончилась и в положении княжества могли произойти любые изменения. За периодом побед Габсбургов начался период их поражений, связанный, в частности, с новым этапом войны за Пфальцское наследство. И вопрос о Трансильвании вновь появился в переговорах между Портой и Веней, но уже как способ урегулирования отношений: для достижения мира Габсбурги были готовы пойти на некоторые уступки султану. По предложению посредников – английских и голландских дипломатов – Габсбурги соглашались разделить с Портой покровительство над Трансильванией. Эта идея, выдвинутая еще в 1691 г., не встретила тогда отклика у Порты. Лишь в 1698 г. Османская империя согласилась на это предложение, однако ситуация конца 90-х гг. складывалась явно не в ее пользу.

Окончательную точку в вопросе о Трансильвании поставил Карловацкий мир 1699 г., определивший ее место в империи Габсбургов. В Трансильванском княжестве этот мир считали неприемлемым, потому что он был заключен по принципу «*sine nobis, de nobis*» – «о нас, но без нас». Но мнение Трансильвании уже никого не интересовало. Ее судьбу решали великие державы. В то же время Карловацкий мир отражал реальное соотношение

сил между Священной лигой и Османской империей. Султан был вынужден отказаться от Трансильванского княжества.

- ¹ По сведениям современников, Михай Апафи больше годился на роль монаха, чем монарха. Апафи в отличие от своих воинственных предшественников был невоенным человеком. Он любил одиночество, увлекался механикой, литературой и философией.
- ² Апафи пришлось выдержать очень сложное испытание. После известия о гибели Яноша Кеменя император Леопольд I послал в Трансильванию своих представителей, чтобы добиться низложения Апафи и выборов другого князя. Представители Леопольда I заявили, что император хочет и в дальнейшем оказывать протекцию княжеству, но не потерпит на трансильванском престоле ставленника Османской империи. Однако избрание под давлением императора князем Шимона Кеменя не привело к смене власти. – ЕОЕ. 13.köt. 137.1.
- ³ Апафи в письме к И. Чаки – стороннику Габсбуров в Венгрии – обещал свою дружбу и поддержку. – Erdély története. 2.köt. 1606–1830. Szerk. *Makkai L.* Вр., 1986. 792.1.
- ⁴ Майнский архиепископ Иоган Филипп, создатель Рейнского союза, поддерживал связи с военным руководством Франции.
- ⁵ *Szakály F.* Virágkor és hanyatlás. 1440 – 1711. // *Magyarok Európában.* II.köt. Вр., 1990.275.1.
- ⁶ Текст Вашварского договора см.: *Marczali H.* Enchiridion fontium historiae Hungarorum. A magyar történet kütfőinek kézikönyve. Вр., 1901.
- ⁷ Подробнее о заговоре Вешшелени см. с. 168-174 настоящей книги.
- ⁸ *Szabó P.* Az Erdélyi fejedelemség. Вр., 1997.110.1.
- ⁹ *Eickhoff E.* Venedig, Wien und die Osmanen: Umbruch in Südeuropa 1645 – 1700. Stuttgart, 1988. S.326.
- ¹⁰ Magyarország története kronológiája. Főszerk. *Benda K.* 2.köt. 1526–1848. Вр.,1989. 488–489.1.
- ¹¹ Magyarország története. 1526–1686. 2. köt. Вр., 1985. Szerk. *Pach Z.P.* 1218.1.
- ¹² Magyarország története kronológiája... 2. köt. 494.1.
- ¹³ Teleki Mihály levelezése. (A Római szent birodalmi gróf Széki Teleki család levéltára). Szerk. *Gergely S.* VII.köt. Вр. 1926. 546 – 547.1.
- ¹⁴ ЕОЕ. 16. köt. 123–124.1.
- ¹⁵ Erdély története. 2.köt. 859.1.
- ¹⁶ *Hudija I.* Histoire des relations diplomatiques entre la France et la Transylvanie au 17-e siècle. 1635–1683. Paris, 1927. P. 291–293.
- ¹⁷ Magyarország története. 1526–1686. 2.köt. 861.1.
- ¹⁸ В июле 1667 г. султан издал указ, запрещавший Трансильвании выступать в поход против Леопольда при поддержке Франции. – Magyarország története kronológiája... 496–497.1.
- ¹⁹ 33-й пункт Нимвегенского договора гласит, что мир распространяется и на Трансильванию – союзника Франции.
- ²⁰ Magyarország története. 1526–1686. 2. köt. 1230.1.
- ²¹ *Ibid.* 1239.1.
- ²² Magyarország története. 1526–1686. 2.köt.1617.1.
- ²³ В мае 1681 г. вопреки воле Порты Апафи и Тёкёли пошли на открытый разрыв. Султан же ради успеха готовящегося похода хотел добиться их единства. Кроме того, Апафи не доверял Порте, и поэтому его войска только формально вступили в османскую армию; этом походе Апафи, игнорируя распоряжения великого везира, считал необходимым занять только приграничные крепости, не вторгаясь вглубь королевства.
- ²⁴ 30 мая 1681 г. в атнаме великого везира говорилось о том, что за участие Апафи в венгерском походе султана Трансильвания получит те венгерские крепости, которые будут захвачены в войне против Габсбургов. – ЕОЕ. 17.köt.181.1.
- ²⁵ *Ibid.* 187–193.1.

- ²⁶ Людовик XIV стремился не допустить союза Апафи с Габсбургами. В Версале было известно о планах великого везира о замене трансильванского князя. Поэтому послы Людовика XIV не покровительствовали врагам Апафи при султанском дворе, чтобы не подтолкнуть князя к союзу с императором, но при этом, во избежание подозрений со стороны османов, не очень активно поддерживали и самого Апафи. – *Michoud Cl. XIV. Lajos és a törökök Bécs ostromának küszöben (1678–1683) // Bécs 1683. évi török ostroma és Magyarország. Bp., 1988. 112.1.*
- ²⁷ Через Трансильванию к Вене шли татарские войска, и неповиновение князя могло привести к немедленному разграблению ими княжества.
- ²⁸ *Michoud Cl. XIV. Lajos és a törökök ... 118.1.*
- ²⁹ Венский поход Кара Мустафы стал очередным рубежом в судьбе Трансильванского княжества, он привел к принципиальному повороту в политике Вены по отношению к Порте и Трансильвании.
- ³⁰ В 1683 г. турки арестовали Тёкёли за неподчинение.
- ³¹ *Buda ostroma 1686. Válogata, fordít stb. Péter K. Bp., 1986. № 24.*
- ³² Одно из предложений поступило к Апафи в феврале 1685 г., следующее уже в апреле: Михай Телеки и представитель императора заключили Керчешоранское соглашение, по которому канцлер княжества обещал, что Апафи признает верховную власть Леопольда I, откажется от самостоятельной внешней политики, поможет Священной лиге, обеспечит соединение императорских и трансильванских войск, позаботится о снабжении войск Леопольда I и пропустит его войска в Валахию. В ответ Леопольд I гарантировал независимость Трансильвании. Кроме того, в сентябре 1685 г. император предложил разместить свои войска в Трансильвании на зимние квартиры.
- ³³ *Erdély története. 2.köt. 871.1.*
- ³⁴ 27 ноября 1685 г. Апафи подписал с представителем Вены Эбешфальский договор, согласно которому за вывод австрийских частей он выплачивал в течение 5 месяцев 100 тыс. талеров. Однако это не изменило ситуации и генерал Караффа ввел в княжество даже новые императорские войска. 16 января 1686 г. состоялась первая в истории аудиенция трансильванского посольства у императора, где, в частности, обсуждался вопрос о самоуправстве Караффы. В марте по распоряжению венского Военного Совета приступила к работе трехсторонняя комиссия по разрешению спорной ситуации. Но ее работа не принесла ощутимых результатов. Вопрос о присутствии императорских частей так и остался открытым.
- ³⁵ По предложению Вены Трансильвания переходила под власть Леопольда I Габсбурга, Апафи оставался князем; для своей защиты княжество передавало императору 100 тыс. форинтов.
- ³⁶ Апафи выдвинул иные условия трансильванско-габсбургского соглашения, главными пунктами которого стали международное признание государственности княжества, внутренняя автономия, политические и религиозные свободы, военная и дипломатическая помощь в случае нападения турок, включение Трансильвании в статью мирного соглашения с Османской империей, отказ от расквартировки императорских войск в княжестве на зиму; в свою очередь Апафи обещал участвовать в войне с османами, помочь Габсбургам фуражом, провиантом и деньгами. – *Magyarország története. 1526–1686. 2.köt. 1621.1.*
- ³⁷ *Buda ostroma 1686. № 10.*
- ³⁸ *Ibid. № 14.*
- ³⁹ *Ibid. № 18.*
- ⁴⁰ *Ibid. № 24.*
- ⁴¹ *Ibid. № 11.*
- ⁴² *Ibid. № 23, 24.*
- ⁴³ *Ibid. № 24.*
- ⁴⁴ *Ibid. № 24.*
- ⁴⁵ *Ibid. № № 11, 23, 24.*
- ⁴⁶ *R. Várkonyi Á. Magyar politika es az europai hatalmi egyensuj 1648–1718. // Magyar Tudomány 1990. № 11. 1281.1.*
- ⁴⁷ *Ibidem.*
- ⁴⁸ *Buda ostroma 1686. № 29.*

- ⁴⁹ Первые переговоры между Апафи и Леопольдом I не принесли результата. Императору было мало одной клятвы верности князя. Лишь 12 декабря 1686 г. Апафи и генерал Караффа с согласия Вены достигли договоренности о том, что императорские войска будут выведены из Трансильвании в обмен на продовольствие и деньги. – Buda ostroma 1686. № 33.
- ⁵⁰ Buda expugnata 1686. Europa et Hungaria 1683–1718. Szerk. *Boriska I.* Bp., 1986. 1.köt. P.367.
- ⁵¹ Ibid. P.396.
- ⁵² Ibid. P.396.
- ⁵³ Magyarország hadtörténete. Szerk. *Liptai E.* 2.köt. Bp., 1984. 333.l.
- ⁵⁴ Magyarország története kronológiája... 2.köt. 511.l.
- ⁵⁵ *Szabó P.* Az Erdélyi...121.l.
- ⁵⁶ Ibidem.
- ⁵⁷ Buda expugnata... 1.köt. P. 299–300.
- ⁵⁸ EOE. T. 20. 407–409.l.
- ⁵⁹ *Bethlen M.* Elete lefrasa magától// *Kemeny J. és Bethlen M. művei.* (Magyar remekírók).1.köt. Bp., 1980. 955.l.
- ⁶⁰ Erdély története. 2.köt. 881.l.
- ⁶¹ Buda expugnata...1.köt. P. 935.

МОЛДАВИЯ И ВАЛАХИЯ В АНТИОСМАНСКИХ ПЛАНАХ СТРАН РЕГИОНА В КОНЦЕ XVII в.

Поддержка Портой антигабсбургского движения в Венгрии под руководством Имре Тёкёли привела к открытой конфронтации Османской империи с Габсбургами. Австрия и Польша заключили в 1683 г. антиосманский союз, который с присоединением к нему Венеции и Ватикана оформился в 1684 г. в Священную лигу европейских стран. Под лозунгом сплочения европейских сил в борьбе с султаном союзники начали военные действия против османов.

После победы австрийских и польских войск над армией везира Кара Мустафы под Веной (1683 г.) польский король Ян Собеский поставил задачу вытеснения османов из Молдавии и их опорной базы на землях Речи Посполитой Каменец-Подольской крепости. Польские войска под командованием господаря-эмигранта Стефана Петричейку вместе с казацкими отрядами гетмана Куницкого в результате успешных действий заняли столицу княжества Яссы. Отсюда Куницкий во главе отрядов молдаван и казаков предпринял поход на Буджак, но при возвращении был атакован османотатарскими силами. Потерпев неудачу, Куницкий с частью казацкой конницы отступил к Яссам, откуда ушел на польские земли¹.

Отсутствие серьезной военной помощи со стороны Речи Посполитой, отступление гетмана Куницкого заставили Стефана Петричейку и окружавших его молдавских бояр в начале 1684 г. направить в Россию посольство во главе с митрополитом Досифеем с просьбой о помощи². Митрополит имел также устное поручение господаря просить русское правительство о принятии Молдавии в подданство России, о чем он сообщал на расспросе в Киев-

ской приказной избе³. Досифей подчеркивал это намерение господаря, высказываясь против установления польского протектората над Молдавией и аргументируя такое мнение тем, что «...от них-де поляков ныне им волохом чинятся обиды и верить им полякам ни в чем невозможно...»⁴. Из Киева посольство было возвращено обратно; Россия в войне не участвовала, а в русско-польских отношениях сохранялась напряженность.

Между тем С. Петричейку оказался в критическом положении. Ожидаемого с польской стороны подкрепления не было. Военные силы Речи Посполитой были истощены и не могли вести длительные кампании. Когда на территорию княжества вступили османо-татарские войска, С. Петричейку с немногочисленными отрядами отступил к Сучаве. Порта назначила на яский престол нового господаря – Д. Кантакузино. Окружавшие С. Петричейку бояре, усомнившись в возможности успеха поляков в войне с османами, покинули его. С. Петричейку был вынужден оставить Сучаву и снова эмигрировать в Польшу⁵. Таким образом, Порта стабилизировала положение на границах с Речью Посполитой, освободив значительные военные силы для действий на главном антигабсбургском направлении.

Габсбурги и Османская империя в борьбе между собой отводили важную роль Трансильвании и Дунайским княжествам. Они стремились использовать их военные и материальные ресурсы, а также их стратегическое значение. Особый интерес для Габсбургов представляла Валахия, которая по своему географическому положению могла бы служить им базой для антиосманской борьбы на юго-востоке Европы.

Для вассальных султану Дунайских княжеств война европейских государств с османами открывала как будто реальные возможности для освобождения от османского господства. Страны Священной лиги, и прежде всего Австрия, стремились использовать антиосманские действия правителей княжеств в интересах борьбы с Портой и укрепления своего влияния на Балканах. В результате княжества оказывались в орбите сложных международных переплетений, и их свобода действий при проведении внешней политики была серьезно ограничена, в зависимости от соотношения политических сил на юго-востоке Европы они часто были вынуждены лавировать с целью отстаивания собственных интересов.

Начало открытой конфронтации Порты с Габсбургами усилило прогабсбургскую ориентацию в освободительных устремлениях Валахии. Ее господарь Шербан Кантакузино, рассчитывая на помощь Габсбургов, еще в 1682 г. вел переговоры с их представителем в Стамбуле⁶. Во время осады Вены, будучи со своими отрядами в составе султанских войск, валахский господарь содействовал связям австрийского резидента Куница с венским двором, сообщал через него важные для Габсбургов сведения о численности и движении османской армии и ее планах⁷.

Действия С. Петричейку в Молдавии и поведение Ш. Кантакузино породили с осени 1683 г. в европейских дипломатических кругах уверенность в намерениях боярства Дунайских княжеств просить помощи Речи Посполитой и Габсбургов в борьбе с султаном⁸. На конференции 1684 г. стран Священной лиги в Линце представители Австрии заверяли, что война с Осман-

ской империей может быть с успехом продолжена, так как Дунайские княжества, в случае вступления на их территорию австрийских войск, перейдут на сторону Габсбургов⁹.

Поражение султанской армии под Веной вдохновило валашского господаря. Ш. Кантакузино установил тайные связи с представителями императора Леопольда I. В 1684 г. он вел переговоры с венским эмиссаром Ксаки о подготовке восстания балканских народов против власти османов и присоединении княжеств к Габсбургам. Как цену за сотрудничество валашский господарь просил у императора признания независимости княжества и наследственной власти династии Кантакузино не только в Валахии, но и Молдавии. Рассматривая Валахию как будущую провинцию своей империи, Габсбурги отказывались от признания наследственной власти Кантакузино в Валахии¹⁰.

Притязания Габсбургов настораживали валашского господаря. Их планы включения Дунайских княжеств, как и Трансильвании, в состав своих владений выявились очень скоро. Первым шагом на пути к осуществлению этих планов должно было стать объединение Трансильвании и Валахии под протекторатом императора. Именно эту цель преследовал агент Ватикана иезуит Антоний Дунод в переговорах с трансильванским князем М. Апафи и валашским господарем в 1685 г. о союзе между двумя княжествами. Видя в таком союзе возможность в какой-то мере защитить княжество и от Габсбургов, и от Порты, Ш. Кантакузино заключил в том же году договор с М. Апафи¹¹.

Габсбурги добивались скорейшего перехода Валахии на свою сторону, получения от нее помощи войсками и провиантом. На Ш. Кантакузино возлагались большие надежды в организации антиосманского восстания сербов Баната, которое должен был возглавить Георгий Бранкович, брат трансильванского митрополита Савы Бранковича¹².

Планы Габсбургов в отношении Трансильвании и Дунайских княжеств сталкивались с интересами Речи Посполитой, всячески стремившейся укрепить свои традиционные позиции в княжествах, особенно в Молдавии. Когда в конце 1685 г. в Вене готовились к широкому антиосманским военным действиям, папский нунций кардинал Буонвизи прилагал старания к тому, чтобы сгладить противоречия между Габсбургами и Речью Посполитой из-за притязаний сторон на Трансильванию и Дунайские княжества¹³.

Успешные действия стран Священной лиги летом 1684 г. в ходе войны с Портой, в частности операции польских войск по блокированию Каменец-Подольской крепости, усилили позиции пропольски настроенных молдавских бояр, рассчитывавших на освобождение княжества с помощью Речи Посполитой. Среди бояр-эмигрантов, проживавших в Польше, проявилось стремление повлиять на польское общественное мнение и убедить короля в необходимости активизации борьбы с османами для освобождения Молдавии от власти султана. Такую цель преследовала появившаяся летом 1684 г. «Польская поэма» бывшего великого логофета Молдавии М. Костина и обращение молдавских бояр к Яну Собескому. Это обращение представляло собой политическую и экономическую программу устройства княжества в случае его освобождения от османской власти и включения в состав Речи

Посполитой как особой ее части. В частности, в обращении к королю молдавские бояре, обещая нести ему военную службу, просили распространения на них тех же экономических и политических свобод и привилегий, которыми пользовалась шляхта Польши и Литвы. Основные положения появившихся в эмигрантской среде документов соответствовали социально-экономическим интересам подавляющей части бояр Молдавского княжества, отвечали их пропольским настроениям¹⁴.

Ставший в июле 1685 г. молдавским господарем Константин Кантемир, зная о польских военных приготовлениях, предлагал через своих послов гетману С. Яблоновскому не вступать на молдавскую территорию, а сосредоточить действия его армии на взятии Каменец-Подольска и разорении Буджака. Но Я. Собеский, сталкиваясь с серьезными трудностями при осаде укрепленной османами крепости, предпочел поход в Молдавию, рассчитывая таким путем не только получить территориальные приобретения, но и, главное, отрезав османам пути снабжения крепости, заставить их сдать ее. В то же время эта военная кампания короля должна была отвлечь часть османских сил и тем самым в рамках лиги оказать помощь Габсбургам.

В сентябре 1685 г. польские войска под командованием С. Яблоновского перешли Днестр и двинулись неизведанным путем по Буковине. Застигнутая врасплох 1 октября неожиданным нападением османско-татарских сил у местечка Боян армия гетмана оказалась в катастрофическом положении и была вынуждена отступить. Господарь К. Кантемир выступил против польских войск и во главе своих отрядов сражался на стороне османов и татар¹⁵.

Несмотря на неудачу польских войск в Молдавии, Я. Собеский готовился к новому походу в 1686 г., чтобы завоевать Дунайские княжества, разорить Буджак и добиться сдачи османами Каменец-Подольска. В ходе подготовки этой кампании король стремился заручиться поддержкой К. Кантемира. При посредничестве вернувшегося на родину М. Костина он начал переговоры с молдавским господарем. Я. Собеский предлагал Кантемиру вступить в Священную лигу и был готов гарантировать ему наследственную власть в Молдавии, если княжество перейдет под покровительство Речи Посполитой. К. Кантемир обещал после вступления польских войск на молдавскую территорию оказать королю помощь военной силой и провиантом¹⁶. Однако К. Кантемир оставался верным султану, а переговоры с Польшей, как в дальнейшем и с Габсбургами, велись им с целью обезопасить себя и сохранить престол в случае поражения османов.

В конце июля 1686 г. польская армия вступила в пределы Молдавии и начала успешное продвижение по ее территории. 16 августа Я. Собеский торжественно въехал в Яссы. К. Кантемир, покинувший вместе со своими сторонниками столицу после появления в городе первого отряда поляков, обратился к боярам княжества с призывом присоединиться к нему и выступить против польских войск. На сторону поляков перешел только двухтысячный отряд молдавской кавалерии, состоявший главным образом из мелких и средних бояр и служилых людей, стремившихся в результате освобождения от власти османов добиться улучшения своего экономического и общественного статуса. Большая часть крупного молдавского боярства под-

держала господаря Константина Кантемира. Только митрополит Досифей, будучи последовательным сторонником антиосманской ориентации, присоединился к Я. Собескому, а затем после поражения польской армии уехал вместе с королем в Польшу. Не будучи убежден в возможной решительной победе поляков над османами, К. Кантемир, несмотря на предварительную договоренность с королем, не присоединился к полякам и во главе своих отрядов выступил на стороне осmano-татарских войск.

Армия Яна Собеского оказалась в тяжелом положении. Не вступая в сражения, осmano-татарские войска изматывали поляков внезапными нападениями. Они опустошали все по маршруту движения польской армии, которая нуждалась в провианте. Не только голод, но и сильная засуха изнуряла силы польских войск. Внезапно возникший в Яссах пожар не позволил королю закрепиться в столице княжества. Королевская армия, испытывая большие трудности и неся потери, отступила на территорию Речи Посполитой. Только в Кымпулунге и некоторых монастырях на севере княжества остались польские гарнизоны, что позволяло королю осуществлять контроль над северными молдавскими уездами и служило формальным основанием претензий Речи Посполитой на Молдавию¹⁷. В 1687 г. король назначил для управления занятыми территориями своего губернатора – капитана Туркула.

Из-за затянувшейся осады Буды Габсбурги были заинтересованы в действиях Яна Собеского против османов в Молдавии. Но когда крепость была отвоевана у османов, а польская армия терпела поражения, австрийское командование не приняло никаких мер, чтобы выручить своего союзника. Неудачи Речи Посполитой усиливали решимость Габсбургов реализовать свои планы относительно Трансильвании и Дунайских княжеств.

После победы над османами под Будой (1686 г.) и Мохачем (1687 г.) австрийская армия расположилась на территории Трансильвании. Непосредственное соседство императорских войск осложняло положение Валахии. Габсбурги внимательно следили за поведением валашского господаря. Близость османов и татар не позволяла ему порвать с султаном. В то же время расположение австрийских гарнизонов вблизи границ княжества заставляло господаря вести переговоры с императорскими послами. В 1686 и 1687 гг. в Валахии находились венские эмиссары Ксаки и Дель Монте с заданием повлиять на Шербана Кантакузино, активизировать реализацию планов по привлечению на сторону императора балканских христиан и соединению валашских войск с австрийскими¹⁸.

Несмотря на давление венских послов, валашский господарь не спешил с принесением присяги императору. Главной его целью в переговорах с Габсбургами по-прежнему было добиться признания независимости Валахии и наследственной власти династии Кантакузино. В начале 1688 г. папский нунций кардинал Буонвизи писал Леопольду I, что валашского господаря можно привлечь только в том случае, если гарантировать сохранение за ним княжества. Возможно, что под влиянием кардинала Буонвизи в феврале 1688 г. через посла Ксаки император обещал сохранить в Валахии наследственную власть Кантакузино. При этом валашский господарь должен

был взять на себя на определенное время часть военных расходов империи в сумме 75 тыс. лей, а также принять на содержание шеститысячное войско, которое в случае необходимости могло бы защитить княжество¹⁹. В своем ответе императору Ш. Кантакузино просил уменьшить сумму расходов княжества на имперские военные нужды до 50 тыс. лей, мотивируя сильным истощением материальных ресурсов страны. Зная о намерении имперского генерала Ветерани переправить часть своих войск из Трансильвании в Валахию, господарь оговаривал, что готов принять австрийские войска только тогда, когда будет необходимость защиты княжества²⁰.

Осторожность Ш. Кантакузино в отношениях с Габсбургами свидетельствовала о том, как мало верил он их заверениям. Господаря настораживало, что политика венского двора проводилась и вдохновлялась главным образом Ватиканом и иезуитами. В Бухаресте не могли не знать о тяжелом положении православного населения Трансильвании. Чрезмерная настойчивость римско-католических кругов в привлечении Валахии на сторону Габсбургов усиливала опасения валашских политиков, не желавших насильственного утверждения католицизма в своем княжестве.

Присоединение в 1686 г. к антиосманской лиге России и предпринятый ею в следующем году поход против крымских татар склонили Ш. Кантакузино к решению обратиться к русскому правительству за помощью в борьбе против султана. В 1687 г. он послал стольника Дику Рудяну в Москву, чтобы установить связи с Россией. Но валашский посланец был перехвачен австрийскими властями в Трансильвании и замучен, а письма, которые он вез, были пересланы в Стамбул. Ш. Кантакузино откупился от везира суммой в 100 тыс. ефимков²¹.

Вступление России в войну с османами не без основания вызвало опасения у Габсбургов, не желавших усиления русского влияния на Балканах, в том числе и в Дунайских княжествах. Поэтому венский двор всеми мерами старался препятствовать их связям с Россией. Австрийские власти перехватывали валашских послов, оказывая одновременно давление на господаря.

В 1688 г. Ш. Кантакузино послал в Москву архимандрита Исайю с поручением просить помощи в освобождении княжества от власти османов. На расспросе в Посольском приказе господарский посланец подчеркивал, что все православное христианство желает, чтобы его освободили именно русские, «дабы из неволи бусурманской в пушую и горшую неволю отдать не изволили...». Известно, говорил он, что «папежане постановили все метрополии, епископии, взяв из-под ига турецкого, разделяя в епархии, превратить в костелы римские и поставить своих римских бискупов, а православное духовенство искоренить, изогнать»²². Через Исайю Ш. Кантакузино передал русскому правительству предложения о совместных военных действиях против османов. Валашский господарь предлагал послать русские войска в Буджак, куда для соединения с ними он выступит из Валахии с 70-тысячным войском. При этом он обещал обеспечить снабжение войск, так как «запасов всяких у него много». Чтобы помешать крымским татарам прибить в район военных действий, господарь предлагал часть войск расположить в Запорожье. Большую роль в войне господарь отводил восстанию под-

властных султану христианских народов, которые «ожидают... их государских ратей приходу с великою радостью»²³.

Русское правительство в 1688 г. вело приготовления ко второму Крымскому походу и его заинтересовали переданные через Исайю предложения валашского господаря о совместных военных действиях против султана и крымского хана. Не случайно, что еще в октябре 1688 г., когда Исайя находился в Москве в ожидании ответных царских грамот, русское правительство послало в Валахию грека Дементия Фомина. В посланной с ним Ш. Кантакузино грамоте от 8 ноября сообщалось о планах выступления против Крыма. Валашскому господарю предлагалось идти с войском на соединение с русскими и не заключать союза ни с какими другими государствами²⁴.

Такого же содержания грамота была направлена Ш. Кантакузино и через Исайю. Но на обратном пути в Валахию по дороге через Трансильванию Исайя был арестован австрийскими властями и отправлен в Вену. Находившиеся у него грамоты были распечатаны, посла обвинили в подстрекательстве по поручению Ш. Кантакузино России против Габсбургов²⁵. Только после усиленных хлопот друзей и ходатайства русского правительства Исайя был освобожден и возвращен в Москву²⁶.

Успешные военные операции австрийских войск против османов в 1688 г. снова со всей остротой поставили вопрос о переходе Валахии на сторону Габсбургов. Под видом помощи Ш. Кантакузино войска Ветераны вступили на территорию Валахии. Это заставило господаря, не дожидаясь ответа из Москвы, направить 12 октября 1688 г. посольство в Вену для принесения присяги императору²⁷. Только убедившись в окончательном решении господаря, Ветераны отвел войска с территории княжества. 29 октября, когда валашское посольство было еще на пути в Вену, Ш. Кантакузино скончался.

Новый господарь Валахии Константин Брынковяну, рассчитывая, как и его предшественник, на помощь Габсбургов в освобождении княжества от власти османов, продолжил переговоры в Вене. В то же время господарь не спешил с принесением присяги императору. Это было вызвано не только традиционной политической лавирования. Существовали обстоятельства как внутривластного, так и международного порядка, влиявшие на политику Брынковяну.

Его отношения с Габсбургами осложнялись враждой с проавстрийской боярской партией Белени, недовольной его избранием на господарский престол. Многие из этих бояр покинули Валахию и, поселившись в Трансильвании, поддерживали тесные связи с венским двором²⁸. Особую враждебность к Брынковяну проявлял зять его предшественника Константин Бэлэчану, который при поддержке Габсбургов хотел сделать господарем малолетнего наследного князя Георге, сына умершего Ш. Кантакузино. Пользуясь дружескими отношениями с имперским генералом Д. Хайсслером, Бэлэчану плел в Вене интриги против Брынковяну²⁹. Все это заставляло господаря избегать каких-либо столкновений с Габсбургами.

К союзу с Россией Брынковяну отнесся осторожно. На царскую грамоту с предложением сотрудничества, присланную с греком Д. Фоминым, он ответил в самых общих словах, поблагодарив за предложенную помощь

в борьбе с османами³⁰. В то же время у валашского господаря не было уверенности и в возможной помощи со стороны Габсбургов, испытывавших затруднения в связи с объявлением Францией в сентябре 1688 г. войны Австрии. переброска части военных сил на французский фронт осложняла действия императорских войск на юго-востоке Европы.

После захвата в 1689 г. дунайских крепостей от Видина до Никополя Габсбурги не скрывали своих планов вступления на территорию Валахии. Сообщая императору о взятии крепости Видин, австрийский военачальник Мариус Людовик писал 29 октября 1689 г. о намерении разместить в Валахии 12 полков. При этом он жаловался на то, что встречает большие затруднения со стороны валашского господаря, особенно в снабжении армии продовольствием³¹. Генерал Д. Хайсслер получил приказ императора занять Валахию. Его послал в июне 1689 г. также вел переговоры с молдавским господарем Константином Кантемиром о переходе его на сторону Габсбургов.

Но фоне успехов Габсбургов все более очевидной становилась неспособность Речи Посполитой продолжать войну. В 1688 г. королевская армия оказалась не в состоянии перейти Днестр. Разуверившись в возможности успеха Речи Посполитой в борьбе с османами, К. Кантемир в 1689 г. открыто действовал в интересах Порты. Он был на ее стороне в ходе сепаратных османопольских мирных переговоров, содействовал переговорам о заключении сепаратного русско-османского мира³². В то же время с начала 1689 г. К. Кантемир и молдавские бояре прохристианской ориентации тайно стали устанавливать контакты с австрийским командованием, связывая планы возможного освобождения от власти османов не с Речью Посполитой, а с Габсбургами³³.

Брынковяну попытался использовать трудности Габсбургов, возникшие в 1689 г. в связи с отвлечением имперских сил на борьбу с Францией, и предотвратить вступление австрийских войск в Валахию, ссылаясь в обращении к имперскому командованию на угрозу вторжения в княжество османских и татарских сил³⁴. Несмотря на возражения Брынковяну, ссылки на бедность Валахии и недостаток продовольственных запасов, войска Габсбургов в декабре 1689 г. заняли Северную Валахию и расположились на зимовку³⁵. По свидетельству хрониста Раду Гречану, австрийские части встретились с враждебным отношением населения. Императорская армия нуждалась в продовольствии, в княжестве начались грабежи³⁶.

Вступление австрийских войск в Валахию заставило молдавского господаря К. Кантемира и прохристиански настроенных бояр княжества вступить в переговоры с Габсбургами и заключить с ними в феврале 1690 г. договор, по условиям которого Молдавия должна была в случае освобождения от власти османов стать вассалом Австрии и уплачивать ежегодную дань. Господарь и бояре обязывались оказать военную помощь вступившим в княжество австрийским войскам и снабжать их провиантом. В то же время за К. Кантемиром закреплялось лишь пожизненное владение тронном, его претензии на наследственную власть были Габсбургами отвергнуты, несмотря на протесты послов господаря³⁷.

Когда появилась угроза занятия австрийскими войсками всей территории Валахии, Брынковяну обратился за помощью к султану. Но появление



Валахский господарь Константин Брынковяну

в княжестве посланных султаном татарских войск не предвещало ничего, кроме разорений. Господарь поспешил сообщить имперскому командованию о появлении татар и просил отвести австрийские войска, чтобы избежать опустошения княжества³⁸. Под напором татарских отрядов в конце января 1690 г. армия Д. Хайсслера вынуждена была отступить за Карпаты.

Летом 1690 г. возобновились военные действия между османскими и австрийскими войсками. К этому времени антигабсбургские настроения Брынковяну усилились. По просьбе Порты он согласился оказать содействие находившемуся под покровительством османов Имре Тёкёли, который рассчитывал с помощью султана занять престол Трансильвании после смерти князя Михая Апафи (15 апреля 1690 г.). В январе 1690 г. Тёкёли прибыл в Бухарест³⁹.

Поддержка Тёкёли была для Брынковяну антигабсбургской акцией, вызванной интригами его врагов в Вене. В то же время господарь опасался претензий Тёкёли на валахский престол. Дело в том, что Франция, поддерживая антигабсбургское движение в Венгрии, имела планы расширить границы Трансильвании. Французские дипломаты пытались склонить султана к смещению Брынковяну и назначению господарем Валахии Имре Тёкёли⁴⁰. Помогая Тёкёли вернуться в Трансильванию, Брынковяну надеялся отвлечь его от планов относительно Валахии.

В августе 1690 г. Тёкёли вместе с везиром Мустафой-пашой во главе большой армии в составе осmano-татарских и валахских отрядов перешли

границу Трансильвании и в битве при Зэрнешти (21 августа 1690 г.) нанесли поражение императорским войскам. Д. Хайсслер был взят в плен, Бэлэчану и трансильванский канцлер Михай Телеки убиты. Государственное собрание Трансильвании провозгласило Имре Тёкёли князем⁴¹. Но пребывание его на трансильванском престоле оказалось кратковременным. Императорские войска под командованием Людовика Баденского вступили в Трансильванию и 25 октября 1690 г. Тёкёли вместе с османскими и своими отрядами был вынужден отступить в Валахию.

Осенью 1690 г. султанские войска, развивая наступление в направлении Дуная, взяли Смедерево, Белград, Видин. Австрийские части терпели поражения. В этих условиях между странами лиги обострились разногласия. Речь Посполитая ула сепаратные переговоры с Портой, тайные контакты со Стамбулом устанавливала и Австрия. Не доверяя союзникам по лиге, Россия также стремилась наладить мирные отношения с османами. По ее просьбе посредничество в переговорах взял на себя молдавский господарь К. Кантемир, которому эта миссия предоставляла случай оказать услугу своему сюзерену-султану, содействуя выходу из войны важного для него соперника – России.

В 1690 г. господарь направил в Москву капитана И. Белевича с условиями мира, предложенными крымским ханом. И. Белевич старался убедить русскую сторону в том, что поляки, нарушая союзные обязательства, ведут с Портой сепаратные переговоры о мире и союзе против России. Он советовал ускорить отправку в Крым русских послов для переговоров о мире. Учитывая полученные через И. Белевича сведения, в Москве решили вступить в сепаратные переговоры с султаном и просили молдавского господаря сообщить об этом намерении везиру и крымскому хану, а также содействовать присылке в Россию ханских послов, так как отправка царских послов в Крым могла бы вызвать подозрения союзников по лиге⁴².

О посредничестве К. Кантемира в переговорах России с Портой, как и о заключении молдавско-австрийского договора, довольно скоро стало известно в Варшаве и это способствовало ухудшению молдавско-польских отношений, чем не преминула воспользоваться австрийская дипломатия. Подогревая стремление Я. Собеского к завоеванию Молдавии, Габсбурги старались поддержать интерес польского короля к продолжению войны с османами, хотя венский двор после серьезных военных поражений 1690 г. активизировал тайные переговоры с Портой о мире. Немалое значение придавалось тому, что новая польская кампания против Молдавии отвлекла бы часть османских и татарских сил от фронта действий австрийских войск.

В 1691 г. Ян Собеский снова предпринял поход для завоевания Молдавии. В новой военной кампании осmano-татарские войска прибегли к прежней тактике, уклоняясь от сражения, они изматывали польскую армию постоянными нападениями. Но главной неприятностью для короля стало то, что господарь К. Кантемир в очередной раз отказался перейти на сторону поляков. Более того, он покинул Яссы и обратился ко всем жителям Молдавии, способным носить оружие, оказывать сопротивление Я. Собескому. Одновременно молдавский господарь призвал на помощь татар. Польская

армия была плохо снабжена и испытывала нужду в продовольствии, а в разоренном саранчой княжестве не было ресурсов для его пополнения. Как писал К. Кантемир в Стамбул, он «приказал сжечь все пастбища и зарыть всю пшеницу»⁴³. В сложившейся для армии тяжелой ситуации Собеский решил двинуться по направлению к Трансильвании для соединения с австрийскими войсками под командованием генерала Ветерани. С этой целью король расположил свои силы в Романе, ожидая, что К. Кантемир изменит свое отношение к полякам после захвата казацким отрядом под командованием Друшкевича крепости Сороки. Но молдавский господарь не видел успешной перспективы в действиях ослабленных, лишенных материальных ресурсов польских войск и остался верен султану. Не сбылись надежды Я. Собеского и на помощь со стороны союзника по коалиции – Габсбургов. Австрийское командование и на этот раз отказалось от военной поддержки акции польского короля. Вновь сказалось соперничество Габсбургов и Речи Посполитой из-за Дунайских княжеств. Обессилевшая армия Я. Собеского была вынуждена вернуться на родину. Очередной поход польского короля в Молдавию не привел к тем итогам, на которые он рассчитывал. Ему удалось лишь несколько расширить свои владения в северной части княжества, заняв Нямц и Сучаву. Подготовленный наспех и предпринятый для усиления позиций Речи Посполитой на случай заключения мира с Портой этот поход вновь стал лишь военной акцией, удачно использованной австрийским командованием в ходе антиосманских операций⁴⁴.

Тем временем положение валашского господаря К. Брынковяну осложнилось. Расположившийся на территории Валахии Тёкёли со своими отрядами совершал нападения на пограничные австрийские гарнизоны, вызывая ответные действия императорских войск. Постой отрядов Тёкёли, их передвижения наносили ущерб материальным ресурсам княжества, тяжело отражались на положении его населения. Брынковяну жаловался султану, по просьбе господаря Порты в феврале 1691 г. отозвала Тёкёли в лагерь под Белградом⁴⁵.

С этого времени Тёкёли примыкает к противникам Брынковяну в Стамбуле, среди которых наиболее активными были связанные с французским послом валашский капукегай Янаке Порфирица и капукегай молдавского господаря К. Кантемира Ласкараке Руссет. Интриги противников наносили вред позициям Брынковяну в Стамбуле. К этому добавлялись его враждебные отношения с молдавским господарем К. Кантемиром. После смерти последнего в 1693 г. молдавский престол при активном содействии Брынковяну занял Константин Дука, который должен был стать мужем дочери валашского господаря Марии⁴⁶. Попытка Брынковяну укрепить свое положение, установив родственные связи с молдавским двором, не увенчалась успехом. В конце 1695 г. К. Дука был свергнут султаном с престола.

В этих условиях валашский господарь был заинтересован в установлении отношений с Габсбургами для того, чтобы иметь поддержку и убежище на случай свержения с престола. В 1691–1692 гг. через посредство генерала Ветерани, с которым валашский господарь имел секретную переписку еще с 1688 г., и императорского посла в Стамбуле Луиджи Марсильи, проезжав-

шего осенью 1691 г. через Бухарест, Брынковяну возобновил переговоры с венским двором. Габсбурги согласились сотрудничать с валашским господарем, учитывая его прежние услуги в содействии связям между Веной и Стамбулом, в информации о положении дел в Османской империи и ее военных планах. 30 января 1695 г. император удостоил Брынковяну наследным титулом князя Габсбургской империи⁴⁷.

Между тем военные действия стран Священной лиги против Османской империи развертывались недостаточно активно. Военные действия со стороны Речи Посполитой после 1691 г. почти прекратились. Война с Францией не давала Габсбургам возможности организовать широкие наступательные операции на Балканах. В 1695 и 1696 гг. войска султана добились успехов в ряде сражений с австрийскими силами. В битве при Лугоже (1695 г.) погиб генерал Ветерани. Большие потери императорские войска понесли в сражении за Темешвар, в котором был убит генерал Хайслер.

Попытки России после овладения в 1696 г. Азовом активизировать действия антиосманской коалиции не имели успеха. В Европе назревала война за Испанское наследство, Габсбурги стремились к заключению мира с султаном. Перелом в этой войне в пользу Австрии произошел в ходе успешных операций императорских войск, возглавляемых талантливым полководцем Евгением Савойским. Сражение при Зенте (11 сентября 1697 г.) решило исход войны. Порта была вынуждена заключить 15 октября 1698 г. перемирие и начать мирные переговоры со странами лиги. При посредничестве английского посла в Стамбуле переговоры состоялись в Карловаце. Уже их начальный этап показал истинные намерения Габсбургов и Речи Посполитой в отношении Дунайских княжеств. Осенью 1698 г. каждая из сторон предпринимает попытки привлечь к себе Валахию. Через императорского посла в Стамбуле Л. Марсильи австрийские власти предложили К. Брынковяну возобновить переговоры об условиях признания им протектората Габсбургов. Для обсуждения возможного подданства Валашского княжества Речи Посполитой в это же время в Бухаресте находился и посланец польского короля Вакербарт⁴⁸.

К концу XVII в. османский гнет в Дунайских княжествах особенно усилился. Военные расходы Порты, связанные с многолетней войной в Европе, легли непосильным бременем на покоренные и зависимые страны, в том числе и на княжества. Султан увеличивал поставки и поборы с княжеств, росла сумма харача⁴⁹. Необходимость участия молдавских и валашских отрядов в военных действиях на стороне султана, постоянные османские войска тяжело сказывались на положении населения.

Присоединение к владениям Габсбургов Трансильвании (1691 г.) и начавшиеся переговоры стран Священной лиги с Портой убеждали правителей Дунайских княжеств в том, что в своем освобождении от власти османов они не могут надеяться на помощь императора. Посланец польского короля Августа II Вакербарт писал из Вены в мае 1698 г., что валахи скорее позовут на помощь русских или останутся в зависимости от султана, чем примут габсбургское подданство⁵⁰.

Ухудшение положения Молдавии и Валахии в результате усиления давления османов в конце XVII в., развенчание надежд, связанных с ожиданием помощи от Габсбургов и Речи Посполитой, успехи русских войск в войне с османами способствовали ориентации господарей в освобождении княжеств на Россию. В Валахии в прорусской ориентации большую роль играла боярская партия во главе с представителями рода Кантакузино. Являясь сторонниками сближения с Россией и занимая важные должности при дворе господаря, Кантакузино оказывали решающее влияние на политику Брынковяну, несмотря на проавстрийские настроения значительной части валашского боярства⁵¹.

В 1697 г. из Валахии в Москву был послан Георгий Кастриот с просьбой о помощи в освобождении княжества от власти османов, а также с заявлением о готовности признать русский сюзеренитет. Посол сообщил о беспокойстве обоих княжеств, Валахии и Молдавии, по поводу своей судьбы в связи с переговорами стран Священной лиги с Портой. От имени двух княжеств Г. Кастриот просил, «дабы изволил разсудити самодержавное величество, принять их под кров и власть свою», в то время как немцы и поляки «зело желают сих двух господарств»⁵². Намерение Молдавии, как и Валахии, перейти под русский протекторат подтвердил прибывший в 1698 г. в Москву посол молдавского господаря Антиоха Кантемира – Савва Константинов⁵³.

По поручению К. Брынковяну валашский посол Г. Кастриот изложил в Москве план совместных военных действий против османов. Основными по этому плану должны были стать операции русских войск по овладению крепостью Очаков, откуда открывалась возможность нападений на Крым и Буджак. Со стороны Азовского моря предлагалось овладеть Керчью, что позволило бы прервать связи между крымскими и кубанскими татарами и, захватив Перекопский перешеек, помешать крымским татарам выйти из Крыма. Валахи и молдаване, по этому плану, должны были восстать против османов и начать наступление на Буджак, в то время как русские войска будут осаждать Очаков⁵⁴. На предложения господарей Валахии и Молдавии никакого конкретного ответа русское правительство дать не могло, кроме общего обещания помощи княжествам в борьбе с османами и готовности принять их под свое покровительство. 26 января 1699 г. в Карловаце был подписан мирный договор стран лиги с Портой.

Переговоры в Карловаце показали, что Дунайские княжества являлись лишь пешками в политических расчетах Габсбургов и Речи Посполитой, постоянно соперничавших из-за них между собой. В угоду своим интересам они с легкостью отказались в 1699 г. от княжеств. По условиям Карловацкого договора Молдавия и Валахия оставались в системе подвластных султану территорий. Польша освобождала занятую во время войны северную часть Молдавского княжества в обмен на Каменец и Подолию.

Следует отметить, что, хотя Дунайские княжества, желая освободиться от власти османов, и рассчитывали на поддержку Габсбургов и Речи Посполитой, особой активности в отношениях с ними не проявляли. Здесь сказывались внутривосточная ситуация в самих княжествах и религиозные различия. Кроме того, война стран лиги с османами выявила ограниченность материальных и военных ресурсов Габсбургов и Речи Посполитой, вскры-

ла противоречия между ними из-за притязаний на княжества. Складывавшаяся международная обстановка в Восточной и Юго-Восточной Европе к концу XVII в., рост престижа России все больше склоняли Молдавию и Валахию к решению ориентироваться в своих освободительных планах на русскую помощь. Условия Карловацкого мира 1699 г. способствовали утверждению этой ориентации во внешней политике княжеств.

¹ Власова Л.В. Молдавско-польские политические связи в последней четверти XVII – начале XVIII в. Кишинев, 1980. С. 26–29.

² Иск. Т.3. С. 77–78.

³ ПСЗ. Т. 2. № 1324. С. 958–959; Иск. Т.3. С. 352, прим. 42.

⁴ Чебан С.Н. Досифей митрополит Сочавский и его книжная деятельность. Киев, 1915. С. 149.

⁵ Власова Л.В. Молдавско-польские политические связи... С. 30–31.

⁶ Radonic I. Situația internațională a principatului Țării Românești în vremea lui Șerban Cantacuzino (1678–1688) // Analele Academiei Române. Mem. secț. ist. Ser. II. 1914. P. 952.

⁷ Acte și fragmente. Vol. 1. P. 257–258.

⁸ DR. Vol. XVII/1. P. 51.

⁹ Radonic I. Situația internațională... P. 954.

¹⁰ DR. Vol. IX/1. P. 307, 313, 317; Семенова Л.Е. Русско-валашские отношения в конце XVII – начале XVIII в. М., 1969. С. 69.

¹¹ Zaborovschi V. Politica externă a celor trei principate. Buc., 1925. P. 69–72.

¹² Достян И.С. Борьба сербского народа против турецкого ига. XV – начало XIX в. М., 1958. С. 80–82.

¹³ DR. Vol. IX/1. P. 327–328.

¹⁴ Подробно см.: Советов П.В. Типологические аспекты молдавского феодализма (в период турецкого ига и в проектах о вступлении в подданство России, Польши и Австрии) // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975. С. 152–156; Власова Л.В. Молдавско-польские политические связи... С. 31–37.

¹⁵ Moga I. Rivalitatea polono-austriacă și orientarea politică a țărilor române la sfârșitul secolului XVII. Cluj, 1933. P. 128–132; Власова Л.В. Молдавско-польские политические связи... С. 39–41.

¹⁶ Moga I. Rivalitatea polono-austriacă... P. 142–143.

¹⁷ Подробно о польском походе 1686 г. в Молдавию см.: Власова Л.В. Молдавско-польские политические связи... С. 46–68.

¹⁸ DR. Vol. V/1. P. 136–138; Vol. IX/1. P. 336.

¹⁹ Genealogia Cantacuzinilor. Publ. de N. Iorga. Buc., 1902. P. 218–220.

²⁰ Ibid. P. 222–227.

²¹ Иск. Т. 3. С. 88–89; Семенова Л.Е. Русско-валашские отношения... С. 73.

²² Иск. Т. 3. С. 86–87.

²³ Там же. С. 87; Семенова Л.Е. Русско-валашские отношения... С. 72.

²⁴ Иск. Т. 3. С. 94–96.

²⁵ РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. 1691 г. Д. 27. Л. 3–4, 39.

²⁶ Семенова Л.Е. Русско-валашские отношения... С. 74–75.

²⁷ Genealogia Cantacuzinilor. P. 252–253.

²⁸ DR. Vol. V/1. P. 363, 365.

²⁹ Ionescu Șt., Panait P. I. Constantin Vodă Brîncoveanu. Viața, domnia, epoca. Buc., 1969. P. 150–151.

³⁰ Иск. Т. 3. С. 101–105.

³¹ Documente privitoare la istoria Ardealului, Moldovei și Țării Românești. Publ. de A. Veress. (Далее – Veress). Buc., 1939. Vol. XI. P.383–386.

- ³² Moga I. Rivalitatea polono-austriacă... P. 177–179; Искв. 3. С. 110–111.
- ³³ Zaborovschi V. Politica externă... P. 143; Власова Л.В. Молдавско-польские политические связи... С. 84–85.
- ³⁴ Anonimul brîncovenesc // Cronicari munteni. Vol. II. Buc., 1961. P. 286–288; Studii și documente cu privire la istoria Românilor. Ed. N. Iorga (Далее – Studii și documente). Vol. XXIII. Buc., 1913. P. 256.
- ³⁵ Veress. Vol. XI. P. 391–393.
- ³⁶ Radu Grecianu. Istoria domniei lui Constantin Basarab Brîncoveanu voievod (1688–1714). Ed. de A. Ilieș. Buc., 1970 (Далее – Grecianu). P. 66–68.
- ³⁷ Ionescu Șt., Panait P.I. Constantin Vodă Brîncoveanu. P. 152; Giurescu C. Tratatul lui C. Cantemir cu austriacii // Convorbiri literare. Buc., 1910; Власова Л.В. Молдавско-польские политические связи... С. 87.
- ³⁸ Istoriile domnilor Țării Românești de Radu Popescu // Cronicari munteni. Vol. I. Buc., 1961. P. 469.
- ³⁹ DR. Vol. V/1. P. 310.
- ⁴⁰ Ibid. Vol. XVI. P. 267.
- ⁴¹ История Венгрии. Т.1. М., 1971. С. 405; Ionescu Șt., Panait P.I. Constantin Vodă Brîncoveanu. P. 156–157.
- ⁴² РГАДА. Ф. 68. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1690 г. Д. 4; см. также: Власова Л.В. Молдавско-польские политические связи... С. 92–94.
- ⁴³ Studii și documente. Vol. XI. Buc., 1906. P. 181.
- ⁴⁴ Подробно о походе 1691 г. польского короля Я. Собеского в Молдавию см.: Власова Л.В. Молдавско-польские политические связи... С. 96–103.
- ⁴⁵ Grecianu. P. 88–89; Studii și documente. Vol. XXIII. P. 262–263.
- ⁴⁶ DR. Vol. V/2. P. 246.
- ⁴⁷ Ionescu Șt., Panait P.I. Constantin Vodă Brîncoveanu. P. 164–169.
- ⁴⁸ Ibid. P. 181–182.
- ⁴⁹ Berza M. Haraciul Moldovei și Țării Românești în sec. XV – XIX // SMIM. II (1957); idem. Variațiile exploatării Țării Românești de către Poarta otomană în sec. XVI – XVIII // Studii. Revistă de istorie. 1958. № 2.
- ⁵⁰ Documente privitoare la Constantin Vodă Brîncoveanu, la domnia și sfârșitul lui. Publ. de N. Iorga. Buc., 1901. P.14.
- ⁵¹ Семенова Л.Е. Русско-валашские отношения... С. 80–81.
- ⁵² Искв. Т. 3. С. 116.
- ⁵³ Там же. С. 132–135.
- ⁵⁴ Там же. С. 123–127.

БАЛКАНСКИЕ НАРОДЫ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ СВЯЩЕННОЙ ЛИГИ С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ (1683–1699 гг.)

Поражение под Веной в 1683 г. резко ухудшило внутреннее положение Османской империи. Происходили бунты в армии, мятежи янычарских частей, беспорядки в малоазиатских городах. Углублялся финансовый кризис. Для населения Юго-Восточной Европы долгая война Священной лиги с Портой стала временем жестоких страданий и бедствий. Неуклонно росли чрезвычайные налоги и всевозможные поборы, не прекращались грабежи продвигавшихся к театру военных действий османских войск. Усилились религиозный фанатизм и преследования христиан.

«При злочестивом султани Мехмеде, да Бог его убьет и поразит, – писал болгарский сельский священник Петр, – разорена христианская вера, разрушены большие церкви и большие города»¹. «Не живем, а совершенно бедствуем от господствующих над нами, – жаловался русским царям Ивану и Петру прибывший в Москву в 1687 г. скопский митрополит Евфимий, – дани тяжкие и непосильные налагают на нас. Митрополии же ветхое здание разрушается, обновить или укрепить его никак не дают». Кроме того, Евфимий сообщал, что православное население страдает не только от рассвирепевших турок, но также от немцев и венецианцев².

Чтобы избавить столицу от мятежников, Порты выслала в европейские провинции некоторые янычарские части. Назначенный бейлербеем в Белград один из янычарских главарей Еген-паша, набрав войско, вышел из подчинения правительству и начал нещадно грабить население Сербии, Болгарии и Греции. Порты то искала способы усмирения мятежника, то шла на примирение с ним. А между тем банды Егена стали полными хозяевами в Сербии и западной части Болгарии. В то время были ограблены Печское патриаршество, много сербских церквей и монастырей. Патриарх Арсений III Черноевич попал в плен к Егену-паше и был отпущен только за большой выкуп³.

Прибывший в Москву в 1688 г. архимандрит Павловского Афонского монастыря Исайя рассказывал в Посольском приказе: «А они де, православные христиане, под игом их (османов. – *И.Д.*) живущие, от них бусурманов в той их погубили все разорены, и разграблены, и посечены, и в плен забраны...». Отступая, османские войска «в греческой, ромельской, и морейской, и сербской, и болгарской землях православных христиан мечу и огню предали.., а города, в которых то православие пребывало, и монастыри, и святыя церкви божины все до основания разорили и пожгли, и ничьего жилища не оставляют»⁴.

Разгром османской армии под Веной, затем русско-польский союз, присоединение к Священной лиге России в 1686 г. и последующие успехи австрийских войск в Венгрии и Трансильвании порождали у балканского населения надежды на близкое освобождение от власти султана с помощью европейских государств и в особенности России. Противники османов, со своей стороны, рассчитывали использовать подданных Порты в предстоящих военных действиях на Балканах. Сведения, поступавшие из османских провинций, свидетельствовали о реальности такой перспективы. Например, австрийский агент Антоний Дино еще в 1684 г. сообщал из Валахии, что население земель к югу от Дуная готово восстать и подкрепить австрийские войска, к которым, как только они перейдут эту реку, присоединятся болгары и сербы. Дино выражал уверенность, что с помощью этих народов император овладеет всеми землями к югу от Дуная, вместе с Константинополем⁵. Заверения в готовности восстать неоднократно поступали в Вену от представителей самих балканских народов. Но освободительное движение могло развернуться только после успешных военных действий союзников на балканском фронте.

Между тем в первые годы после создания Священной лиги этого не произошло. Вступившая в 1684 г. неожиданно для Порты в союз с Австри-

ей и Речью Посполитой Венецианская республика не имела средств и сухопутных войск для широкого фронта военных действий. Как и в годы Кандийской войны, она рассчитывала прежде всего поднять на борьбу с османами ускоков и хайдуков, христианское население Далмации, Герцеговины, Черногории, греческих земель и развивала в этих целях активную деятельность. Австрия и Речь Посполитая до вступления в войну России также оставались пассивными. Положение на фронтах резко изменилось лишь в 1686 г., когда австрийские войска овладели Будой, а в следующем году заняли всю Венгрию, Трансильванию и Славонию, подойдя к Саве и Дунаю.

При создавшемся положении угроза возникновения массового антиосманского движения в балканских провинциях ясно осознавалась в Стамбуле. Местным властям был отдан приказ отбирать у населения оружие, запрещать всякие сходки и сборища жителей⁶.

Действительно, при наличии глубоких внутренних причин и благоприятной внешнеполитической обстановки быстрый рост освободительного движения балканских народов и его объединение с военными акциями членов Священной лиги стали неизбежными. Возникло несколько очагов движений, различных по внешнеполитической ориентации. На западных окраинах Балканского полуострова локальные восстания проходили в тесной связи с военными действиями Венецианской республики и всемерно поощрялись сеньорией. В сербских землях, Болгарии, Македонии они ориентировались на поддержку австрийских войск и вспыхивали по мере их успешного продвижения в турецкие владения. Подобные антиосманские выступления наблюдались и в ходе предшествующих австро-турецких и венециано-турецких войн. В конце XVII в. новым явлением стала подготовка восстания в Болгарии, ориентированного на помощь со стороны России.

Центром его должен был стать город Тырново (столица средневековой Болгарии), сохранивший после завоевания османами роль торгового и религиозного центра. Заговор был подготовлен, по-видимому, представителями торговых кругов и еще сохранившимися местными феодалами. Во главе его оказался некто Ростислав Стратимирович, считавший себя потомком болгарского царя Ивана Страцимира. В 1686 г. он отправился в Москву, чтобы просить подкрепления будущим повстанцам. Представившись там посланником тырновских заговорщиков, Ростислав установил связь с патриархом Иоакимом, рассказал ему о подготовке восстания в Болгарии и просил о помощи. В это время Иоаким, добившись присоединения к московской церкви украинской митрополии, собирался, по всей вероятности, склонить вселенских патриархов к признанию присоединения к Москве также и других православных церквей (болгар, сербов, молдаван и валахов)⁷. Возможно, именно эти расчеты побудили Иоакима сблизиться со Стратимировичем, утверждавшим, что он как единственный потомок болгарских царей имеет много приверженцев среди соотечественников, а также среди сербов, валахов и других православных подданных султана. Вскоре патриарх помолвил его со своей племянницей Марией Дубровской, а племянника Савелия Дубровского отправил в Стамбул, чтобы убедить греческих иерархов и турецкие власти передать Московской патриархии духовную власть над балканс-

кими славянами. Когда же Дубровский доехал до турецкой столицы, туда пришла весть о русско-польском военном союзе и о восстании, поднявшемся в Тырнове. Посланец Иоакима едва спасся бегством от разъяренной толпы мусульман.

Заговор тырновчан был раскрыт из-за предательства одного из его участников, и когда провозглашенный «князем тырновским» Ростислав Стратимирович добрался до города, «головы его приверженцев пали на плахе». Шедшие к театру военных действий османские войска предали Тырново грабежам и пожарам, две трети его населения были истреблены. Укрепившиеся в стенах кремля повстанцы, в том числе Стратимирович, после героического сопротивления погибли почти все. Однако «израненный князь тырновский» был спасен своими соратниками, увезен в горы, затем вместе с Дубровским добрался до Рыльского монастыря, откуда по прошествии трех лет уехал в Россию⁸.

Такова легендарная версия о Тырновском восстании 1686 г., обычно излагаемая болгарскими историками. Она основывается на не слишком достоверном российском источнике – статье дальнего потомка патриарха Иоакима из дворянского рода Савельевых-Ростиславичей, занявшегося генеалогическими изысканиями⁹. Он, в свою очередь, излагал данные так называемой Иоакимовской летописи XVII в., которая включала современные сведения и легенды, характерные для хронографов.

Хотя источники о тырновском восстании скудны, о его размахе свидетельствуют жестокие репрессии, предпринятые османскими властями не только в самом городе, но и районе Габрово, Трояна, Софии. В следующем году попытки начать восстание наблюдались в придунайских городах Никополе, Русе, Силистрии. В какой-то мере они также были ориентированы на поддержку России: к восстаниям болгар склонял господарь Валахии Шербан Кантакузино, обращавшийся в это время с просьбой в Москву послать войска на Дунай, заверяя, что тогда поднимется против турок 300 тыс. сербов и болгар, что «немцам те народы вовсе не рады»¹⁰.

Попытки ориентации освободительного движения балканских народов, и в частности болгар, на помощь Москвы были, однако, слабыми и немногочисленными. Россия оставалась для подданных султана страной далекой, а неудачные Крымские походы 1687 и 1689 гг. не приблизили ее к границам Османской империи.

Наибольший размах антитурецкие выступления в Болгарии, Сербии, Македонии получили под воздействием австрийских военных действий в балканском регионе. В отличие от России Австрия имела практическую возможность использовать на балканском фронте в военных операциях местное население, преимущественно сербов, и через своих агентов очень активно привлекала их на свою сторону.

Непосредственное участие сербов и хорватов в военных действиях против османов началось в 1687 г., когда благодаря помощи местного населения австрийские войска быстро овладели Славонией и намеревались продвинуться затем в Боснию, которая уже тогда привлекала интерес Вены. Поэтому в сентябре император Леопольд I издал «патент» христианскому населению Бос-

нии, призывая присоединяться к австрийским войскам. После перехода под власть Габсбургов населению обещались привилегии и религиозная свобода. Аналогичные прокламации, по-видимому, распространялись и в других областях Балкан¹¹. Так, в связи с переговорами о привлечении на сторону австрийцев господаря Валахии было подготовлено аналогичное обращение к населению восточной части Балкан, которое призывалось стать под знамена Шербана Кантакузино как «императорского генерала»¹².

Между тем военные неудачи еще больше осложнили внутреннее положение в Османской империи. Бунтовали янычары и сипахи, в войсках упала дисциплина и началось дезертирство, усилились религиозный фанатизм и репрессии против христиан. В обстановке анархии султан Мехмед IV в сентябре 1687 г. был свергнут с престола, сменив великий везир. Военный потенциал османов сильно ослаб. Все это в борьбе с ними было использовано союзниками.

В 1688 г. при активном участии в военных действиях местного населения австрийцы достигли значительных успехов на балканском фронте. Они перешли Дунай у Железных ворот и в сентябре овладели Белградом, крупным стратегическим центром и важной военной базой османов. Весть об этом вызвала ликование в Вене, была отмечена празднествами в Венеции и Риме. Высказывалось мнение, что после взятия Белграда нет больше препятствий для продвижения австрийцев «к вратам Царьграда»¹³.

Все эти события воодушевляли болгар и сербов, готовившихся к антиосманским восстаниям и надеявшихся на помощь австрийских войск. Особенное нетерпение проявили болгары-католики в центре горных разработок в городе Чипровец, некоторые влиятельные духовные иерархи которого, в том числе Петр Парчевич, еще в 40–70-х гг. XVII в. установили тесные политические контакты с Веней, Венецией, Римом, добываясь помощи будущему восстанию болгар. Католические иерархи – архиепископ Стефан Княжевич, епископ Антон Стефанов ездили в 1688 г. в Валахию и в Вену, общаясь, по-видимому, о готовящемся восстании, прося о его поддержке и обещая действовать согласованно с австрийскими войсками, которые, как предполагалось, вступят в болгарские земли.

Осенью 1688 г. началось восстание в Чипровце и соседних с ним селах. Ядром его стали четыре Георгия Пячевича и Богдана Маринова. В короткое время поднялось население обширного района, а возможно и Видина (судя по документам о репрессиях). В восстании участвовали не только католики, но и православные. В военном отношении повстанцы были лучше подготовлены и организованы, чем два года назад в Тырново, и первоначально достигли некоторых успехов в сражениях с отрядами венгров под командованием перешедшего на сторону османов Имре Тёкёли, которому помогал Еген-паша. Но вскоре в болгарских четах ослабла дисциплина, началось мародерство, действия утратили согласованность. Ожидания подхода австрийских войск не оправдались. Вскоре И. Тёкёли нанес повстанцам жестокое поражение. Было много убитых, а оставшиеся в живых заперлись в Чипровце. Но город был осажден и взят, его жители перебиты, захвачены в рабство или спаслись бегством в Валахию. Однако после этого локальные

антиосманские выступления в Болгарии не прекратились, усилилось хайдучество, бунтовали села войнуков. Несколько болгарских чет в дальнейшем сражались в составе австрийских войск¹⁴.

Военные действия австрийцев развивались преимущественно в Среме, Сербии, северной части Боснии и Северной Македонии. Освободительное движение местного населения на этих территориях приняло несколько иные формы.

Еще в 1686–1687 гг., когда австрийские войска воевали в Венгрии, к ним стали стекаться добровольцы из Хорватии, Срема, Баната, Боснии¹⁵. В Потисье и на левобережье Дуная, в Банате население самостоятельно организовывало отряды, нападавшие на османские войска. «И тогда многие сербы перешли на сторону императора и начали воевать против турок и гнали их от города Будим до великого сербского города Белграда, – записано в одной из сербских летописей. – Сербы-воины, которые находились под Белградом в императорском войске, собирались вместе, и образовалось большое войско. Они разделились на три части и разошлись по всей сербской земле, и начали борьбу с турками, с теми, которые бежали, и с теми, которые не бежали. И бились целое лето и целую зиму до весны, и погибло и тех и других без числа»¹⁶.

Сербские добровольческие отряды не только помогали австрийским войскам, но и вели самостоятельные операции. Активно действовали хайдуцкие отряды, один из которых весной 1689 г. сумел овладеть большим городом Ужице и совершить нападение на Нови Пазар. Вместе с австрийскими войсками добровольческие отряды продвигались вглубь Сербии.

Все эти события не только отражали назревшее стремление балканских народов к освобождению от власти султана, но и были следствием активной деятельности эmissаров из Вены, ведших агитацию в разных частях Балкан, вербовавших предводителей отрядов, которые набирали четы добровольцев, действовавших самостоятельно или под командованием австрийских офицеров.

Еще в начале 1687 г. венский двор сделал попытку склонить на свою сторону константинопольского патриарха Калинника VII, в письме к которому император Леопольд I просил призвать православные народы к восстанию против турок¹⁷. Но смерть патриарха расстроила наметившееся соглашение с высшим греческим духовенством. В дальнейшем австрийцам удалось привлечь на свою сторону печского патриарха Арсения Черноевича, установить связи с некоторыми болгарскими, сербскими и боснийскими феодалами-христианами. Среди таковых были, например, Рашковичи – кнезы Старого Влаха, получившие специальное защитное письмо от императора и после этого примкнувшие к его войскам. Боснийские феодалы-католики обещали выступить против Порты при вступлении австрийских сил в Боснию.

С войной Священной лиги связано выдвижение известного плана создания обширного независимого государства на Балканах. Его автором был Георгий Бранкович – сербский феодал, проживавший в Трансильвании. Эмигрировавшие из Сербии после турецкого завоевания представители семейства Бранковичей получили в Венгрии дворянство, имели большие поместья и занимали высокие должности¹⁸.

В 1668 г. Георгий Бранкович вместе со своим старшим братом Савай – митрополитом православной церкви Трансильвании ездил в Москву, где Сава изложил перед московским патриархом идею восстания поработенных султаном народов, рассчитывая, по-видимому, получить помощь для осуществления этого замысла. Вскоре после возвращения из России Бранковичи начали представлять себя потомками сербских деспотов, строить планы восстания южных славян, валахов и жителей Трансильвании, создания в балканском регионе самостоятельного христианского государства. Теперь для осуществления этих замыслов Георгий Бранкович уже надеялся на помощь Австрии.

Когда началась война Священной лиги с Портой, Габсбурги решили приблизить к себе мнимого или очень далекого потомка сербских владетелей, сделать его орудием своих планов. Бранковичу присвоили титул венгерско-го барона, а затем графа. При этом было официально признано происхождение Бранковичей из семьи «сербских королей и их наследственные права на земли Герцеговины, Срема, Енополя, которыми предки этого семейства владели в прошлом»¹⁹.

Успехи австрийских войск и отрядов добровольцев на балканском фронте в 1688 г. побудили Георгия Бранковича попытаться осуществить свои замыслы. Он отправился в Вену и преподнес императору от имени сербских старейшин «мемориал», в котором говорилось, что поработенные Турцией народы готовы идти на все жертвы, чтобы освободиться от османского ига. Выдвигалось требование предоставить «иллирийским народам» (южным славянам. – *И.Д.*) права избрания своего деспота, свободы православного вероисповедания, восстановления старых свобод и привилегий. Высказывались претензии самого Бранковича как потомка сербских деспотов на уже освобожденные территории, населенные южными славянами, а также на Боснию, Сербию, Болгарию. Со своей стороны, «иллирийские народы» обещали защищать владения императора, в первую очередь Венгрию, от неприятеля²⁰.

Проекты и действия Бранковича отражали веру в возможность возрождения самостоятельного государства уже немногочисленных потомков сербских феодалов, не имевших, конечно, реальных сил для осуществления столь сложной задачи и возлагавших все надежды на помощь извне, в данном случае со стороны Габсбургов. Но последние, как вскоре оказалось, очень опасались таких политических перемен в Юго-Восточной Европе, однако рассчитывали использовать сербского деспота для привлечения на свою сторону балканских христиан. С такой целью Бранкович был направлен к командующему австрийскими войсками в Венгрии маркграфу Людвигу Баденскому, чтобы, действуя под его руководством, поднять восстание на левом берегу Дуная и помочь формированию добровольческих отрядов.

Между тем осенью 1688 г., после впечатляющих побед австрийских войск, когда Османская империя, казалось, находилась в критическом положении, на помощь ей пришли давние друзья – французы. Они неожиданно напали на Германию, что вынудило австрийское командование перебросить значительную часть своих войск на Рейн. Но Габсбурги не пошли на заключение мира, который предлагала Порта. Они рассчитывали продол-

жить наступление на балканском фронте, используя прежде всего местное население, готовое бороться за освобождение от власти османов.

Военные действия в 1689 г. австрийцы начали очень поздно. Долго разрабатывался план военной кампании. Можно было продолжить наступление на юго-восток от Дуная и через болгарские земли приблизиться к центру империи османов. Целесообразность именно такого плана доказывал католический епископ Антон Стефанов, обратившийся с обширным письмом к Леопольду I, в котором излагались перспективы освобождения балканских земель и перехода их под власть Габсбургской империи. Он утверждал, что и болгары, и другие народы поднимут восстание, но просил о гарантиях для местных жителей, в том числе мусульман, которые не должны подвергаться расправам и разорению со стороны австрийских войск²¹. Такой рискованный план действий на балканском фронте, по-видимому, рассматривался в Вене, но был отвергнут²².

Хотя весной и летом 1689 г. австрийские войска не находились в болгарских землях, там вспыхивали локальные восстания, впрочем, быстро подавлявшиеся, усилилось движение хайдуков, сплотившихся в крупные четы. Среди их предводителей особенную известность получил Страхил-воевода, отряд которого при участии 4 тыс. немцев и венгров напал и на время захватил большой город Кюстендил, перебив, уведя в рабство и ограбив много мусульман²³.

Лишь в конце лета австрийские войска под командованием маркграфа Людвиг Баденского вместе с отрядами добровольцев начали действовать на балканском фронте. После кровопролитных боев в конце сентября они овладели большим городом на Южной Мораве – Нишем. После этого часть войска двинулась на Дунай к Видину, который и был взят. Далее Баденский овладел Чипровцем и собирался наступать в направлении Софии.

Успехи Людвиг Баденского порождали у австрийского командования радужные надежды и даже мысль о полном сокрушении Османской империи. «Наши дела обстоят так хорошо, – писал в конце года в Вену находившийся в северо-западной Болгарии генерал Ветерани, – что, если мне дадут 12 тысяч «мужей», с помощью близкого и внезапного восстания всех этих народов мы дойдем до Царьграда и изгоним турок за море в Азию»²⁴.

Но ресурсов для столь смелой и опасной операции в условиях одновременной войны с Францией у Габсбургской монархии не было. Возможно, учитывалась и опасность осложнений в отношениях с союзниками. Во всяком случае, австрийское командование предпочло продолжать наступление не на восток, а на юг, вглубь сербских земель, затем в Северную Македонию, чтобы выйти к Адриатическому морю. Население этих районов Балкан было сравнительно зажиточным, что облегчило бы снабжение армии продовольствием. Жили здесь преимущественно христиане, которых можно было привлечь на свою сторону. А главное, в случае успеха этой операции, Босния и Герцеговина – оплот обороны османов на западе – оказались бы отрезанными от других владений Порты в этом регионе.

Так как силы Габсбургов были уже значительно ослаблены, большое значение придавалось участию в военных действиях местного населения.

С этой целью засылались эмиссары, призывавшие султанских подданных восставать, присоединяться к войскам императора. Распространялись прокламации, в которых даже содержались угрозы тем, кто не последует таким призывам, и обещались всяческие блага и привилегии после перехода балканских земель в состав Австрийской империи²⁵.

Помочь набрать добровольческие отряды, которые находились бы под руководством австрийского командования, должен был Георгий Бранкович. Однако «сербский деспот» решил действовать самостоятельно и организовать общее восстание подданных султана. Он привлек к себе на службу капитана Новака Петровича, которого собирався сделать своим военачальником, и в начале 1689 г. с отрядом в 800 человек прибыл в придунайский городок Оршову, откуда намеревался переправиться в Смедерево и поднять восстание в северо-восточной части Сербии²⁶.

Но осуществить этот план Бранкович так и не решился, ограничившись призывами к населению Сербии собираться в его лагерь в Оршове. Призывы эти не получили отклика, время было потеряно. Организаторских способностей и храбрости «сербский деспот» не проявил, но вызвал большие опасения и недовольство венского двора. По приказанию императора в сентябре 1689 г. он был арестован, ибо, как сообщал маркграф Людвиг Баденский, не только злоупотреблял императорским дипломом, «но и с помощью его выдавал себя за абсолютного деспота Сербии, Иллирии, Мизии, Боснии, Срема и других земель», на которые претендовал как их законный наследник²⁷.

Все эти события делали очевидным, что Габсбурги не считали для себя благоприятной перспективу возрождения независимых государств на Балканах. Их задача сводилась только к использованию антиосманского движения местного населения для успеха своих военных операций против Порты, что им вполне удалось в 1689 г.²⁸

Поздней осенью австрийский генерал Е.С. Пикколомини, в распоряжении которого оставалось всего 3700 солдат и более многочисленные отряды пеших и конных добровольцев (милиция) под командованием Павла Деяка, двинулся из Ниша на юг. Число добровольцев быстро увеличивалось. Наступление шло успешно, почти не встречая сопротивления противника. Загнанный ранее наступающими османами в горы народ возвращался в свои села и, по донесениям Пикколомини, радостно встречал его войска. В Косово население самостоятельно нападало на османские отряды, отступавшие к Печу, расчищая тем самым путь для успешного продвижения австрийцев и добровольческих отрядов в Македонию²⁹.

В это время Македония уже была охвачена восстанием, с которым турецкие власти не могли справиться. Особую опасность представляли хайдуки, объединившиеся под предводительством популярного и влиятельного воеводы Карпоша. Население называло его «кумановским кралем». По некоторым сведениям, Леопольд I старался приблизить к себе хайдуцкого вождя, послал ему княжескую шапку и даровал генеральский чин. Отряды Карпоша очистили от османов значительный район в Северной Македонии и соединились с австрийцами у Приштины³⁰. Вскоре был взят оставленный без защиты большой и богатый город Скопье, который безжалостно разгра-

били и полностью сожгли³¹. После этого началось продвижение к Призрену, где Пикколомини встретили несколько тысяч албанцев и сербов, покинувших османские войска. Открывалась, казалось бы, перспектива выйти к побережью Адриатики.

Появление впервые за время власти османов европейской армии в Сербии и Македонии производило громадное впечатление на жителей, число добровольцев росло и достигало уже 20 тыс. человек. Среди них было много албанцев-христиан из племени клементи. Пикколомини вступил в переговоры с местными племенными вождями, кнезами и старейшинами, направил письма главам албанцев и черногорцев, призывая их переходить на сторону австрийцев³².

После занятия Косова и продвижения к Приморью для Габсбургов стало чрезвычайно важным привлечь на свою сторону сербского патриарха Арсения III Черноевича, активная политическая деятельность которого давно уже вызывала подозрения в Стамбуле. Под угрозой расправы патриарх бежал из Печа в Черногорию, затем обосновался в Никшиче (Герцеговина). Эта территория являлась сферой военных операций Венецианской республики, имевшей тесные политические контакты с патриархом, фактически ставшим под ее защиту и ведшим агитацию среди населения в ее пользу. Такая позиция Арсения не устраивала австрийское командование. В пику союзной Венеции, путем уговоров и угроз лишения патриаршего престола Арсения вынудили вернуться в Печ. Оттуда он стал направлять послания сербам, черногорцам, албанцам, призывая переходить на сторону императора и присоединяться к его войскам. В этих целях патриарх попытался воздействовать и на черногорского митрополита Висариона, ориентировавшегося до этого на Венецию³³.

Таким образом, в конце 1689 г. Порта фактически потеряла власть над Сербией и Северной Македонией, население которых поднялось на борьбу за свое освобождение. Война против Османской империи велась преимущественно добровольцами и повстанцами, что обеспечило немногочисленным австрийским войскам быстрые и легкие победы, позволило в течение двух месяцев пройти сотни километров от Ниша к Албании³⁴. Но все эти успехи оказались временными. Тяжелые контрибуции и военные поставки новым властям, игнорирование интересов народа очень скоро стали вызывать недовольство. После смерти Пикколомини в ноябре 1689 г. в австрийской армии упала дисциплина, солдаты начали мародерствовать. Добровольческие отряды были очень разрозненными и преследовали разные цели. Некоторые из них (например, албанцы) иногда сражались на стороне австрийцев только ради надежды на военную добычу. В любой день они могли перейти на сторону османов. Отношения между австрийским командованием и населением ухудшились, добровольцы стали расходиться по домам. Воодушевление, охватившее народ, быстро спало³⁵.

К концу 1689 г. соотношение между силами Австрии и Османской империи на балканском фронте резко изменилось. Военные ресурсы Габсбургов были фактически исчерпаны, численность войска, плохо снабжаемого провиантом и боеприпасами, сокращалась. В Стамбуле же угроза потери

всех владений в Центральной и Юго-Восточной Европе уже ясно осознавалась, что способствовало консолидации центральной власти и позволило принять экстренные меры для выхода из кризиса. В ноябре великим везиром стал энергичный и целеустремленный Мустафа-паша Кёпрюлю, который сумел быстро навести порядок в армии. А главное – на помощь османам пришли отряды крымских татар и войска из Мореи³⁶.

В декабре крупные османские и татарские части заняли фактически оставленный без защиты Скопье. В неравном бою повстанцы во главе с Карпошем потерпели поражение в Куманово, а сам он был захвачен в плен и посажен на кол. Австрийские войска быстро отступали, а вслед за ними бежали, спасаясь от мести османов и татар, добровольческие отряды, жители Македонии и Сербии, в особенности Косова и Метохии.

Стараясь сдержать наступление противника, в Вене не отказались от попыток воодушевить балканское население на продолжение борьбы. В апреле 1690 г. Леопольд I издал манифест, в котором призывал народы Сербии, Болгарии, Албании и Македонии воевать совместно с австрийскими войсками, обещал в дальнейшем защиту, свободное владение движимым и недвижимым имуществом, которое будет отнято у турок. Но удержать занятые за Дунаем территории императорским силам так и не удалось. Осенью 1690 г. османские и татарские части взяли Смедерово, Белград, Видин. В Сербии, Македонии, Болгарии начался жесточайший террор. Особенно пострадала от зверств завоевателей южная часть Сербии – Косово и Метохия (Старая Сербия). «Все эти земли опустели, – сообщал сербский летописец, – церкви божие сожжены, монастыри ограблены и разорены совершенно, люди перебиты, женщины и юноши взяты в плен, настало худшее разорение и пленение, чем во время царей Мурата и Баязита и звероподобного Селима»³⁷.

Началось массовое бегство балканских христиан за Саву и Дунай, на территорию Венгерского королевства – в Бачку, Бараню, Славонию, Банат. Много болгар осело в Венгрии, Трансильвании и особенно в Валахии. Значительные демографические изменения произошли за годы войны в Боснии. Множество католиков бежало отсюда в Австрию и Венецию. Были покинуты 7 из 10 францисканских монастырей. В 1697 г. принц Евгений Савойский увел с собой много католиков из долины реки Босны³⁸.

Вместе с австрийскими властями бежал из Белграда печский патриарх Арсений III Черноевич. Эмиграция сербов приняла особенно массовый характер. Больше всего выселились горожане – ремесленники и торговцы. Многих из них скосили болезни и тяготы жизни на новом месте. Во время так называемого Великого переселения 1690 г. родину покинуло 60–70 тыс. человек³⁹. Этнические границы сербской народности в результате этого и предшествующих переселений продвинулись на север. В южные же районы Сербии, особенно в Косово и Метохию, обезлюдившие и совершенно разоренные, Порта вскоре начала переселять албанцев-мусульман, которые стали постепенно преобладать над сербами. Эти демографические перемены имели трагические последствия для сербского народа. Три века спустя, уже в наше время, они привели к острому и кровопролитному этническому конфликту.

Так называемая Морейская война, которую Венецианская республика как участница Священной лиги вела в 1684–1699 гг., проходила на территории Пелопоннеса (Мореи) и Аттики, т.е. в греческих землях, и на восточном побережье Адриатического моря – в Далмации, Боснии, Герцеговине, Черногории. Как и Австрия, Венеция использовала в этой войне преимущественно силы местного населения и небольшое число наемников. У находившейся уже в упадке, еще не оправившейся от Кандийской войны Республики не было достаточных средств для активных военных операций, но ее территориальные претензии в отношении балканских земель были по-прежнему велики и сталкивались с интересами Габсбургской империи, порождая между союзниками достаточно острые противоречия.

Весть о поражении османов у Вены осенью 1683 г. привела к восстанию христианского населения в приграничных между Османской империей и Венецией районах Далмации и к активизации действий там отрядов ускоков. Венецианцы помогали восставшим оружием, продовольствием, деньгами, включали местных жителей в свои военные части, призывали население Далмации, Боснии и Герцеговины к борьбе с османами. Ускоки вскоре стали главной ударной силой венецианцев в Далмации. С их помощью в первый же год войны несколько укрепленных османами далматинских городов перешло к Венеции. Эти успехи повысили воинственность и гордость ускоков, которые вместе с наемниками начали готовиться к осаде Синя – главного укрепления турок в Далмации. Население ее османской части, а также пограничных районов Боснии было поставлено перед дилеммой – переходить на сторону венецианцев, что и сделало большинство христиан, или оставаться верноподданными султана и оказаться под угрозой нападения на них ускоков и хайдуков, безжалостно расправлявшихся с противниками. В 1685–1686 гг. военные действия в Далмации были для венецианцев достаточно успешными. Они овладели Синем, который не смогло затем отбить большое войско боснийского везира. В то время как ускоки нападали на Боснию, хайдуки Боки Которской действовали в Герцеговине и в следующем году овладели важным укрепленным портом у входа в Которский залив – Герцег-Нови. Венецианцы прилагали немало усилий, чтобы укрепить политическое и военное сотрудничество с герцеговинскими и черногорскими племенами⁴⁰.

Они стремились также подчинить себе Дубровницкую республику, находившуюся под верховной властью Порты. Такая перспектива не устраивала дубровчан, для которых Венеция являлась главным торговым соперником. Дубровницкий Сенат решил просить защиты у австрийского императора. Начались переговоры, и в августе 1684 г. был заключен тайный договор о переходе Республики под власть Габсбургов при условии уплаты небольшой ежегодной дани. Для Австрии, отношения которой с союзной Венецией были сложными, это означало большой успех – ей нужен был крупный морской порт. Все это не избавило население окрестностей Дубровника от опустошительных набегов из Герцеговины венецианцев и сражавшихся на их стороне хайдуков⁴¹.

В военные годы Венеция прилагала немало усилий, чтобы занять как можно больше территории в тылу Адриатического побережья и не допус-

тить проникновения туда австрийских войск. Поэтому она вела активную агитацию в Черногории и Герцеговине, склоняя племенных вождей воевать с османами.

В годы Морейской войны Черногория находилась в состоянии племенного кризиса. Распри и противоборство племен не прекращались. Часть племен склонялась к сближению с Венецией и принимала участие в ее военных операциях в Далмации и Герцеговине. Другие племена им противодействовали, предпочитая сохранять покорность султану. Большое влияние на позицию черногорцев оказывали цетинские митрополиты. Губернатор (провиадур) Котора установил тесные контакты с митрополитом Рувимом, первоначально не склонным к союзу с венецианцами, а затем с его преемником владыкой Висарионом, убеждая их принять венецианское подданство. Чтобы предотвратить эту опасность, шкодерский везир в 1685 г. напал на черногорцев с большим войском и нанес им поражение. Но это не привело народ к покорности. В 1688 г. выступления черногорских племен против османов вновь участились. Разгромив войска шкодерского паши, черногорцы на зборе (скупщине), где присутствовал митрополит Висарион и большая часть племенных вождей, приняли решение перейти под власть Венеции и просили ее послать свое войско в Цетинье. После этого столкновения с султанскими войсками усилились, но надежды на получение достаточной помощи от Венеции так и не оправдались. Прибывший в Черногорию в 1691 г. небольшой отряд не мог защитить страну от османских сил, которые в 1692 г. вновь вторглись в Черногорию, овладели цетинским монастырем и разгромили его⁴².

Далмация, Босния и Герцеговина, Черногория не являлись главным театром венециано-турецкой войны. Основной задачей сеньории было овладение полуостровом Пелопоннес, за который в 1685–1687 гг. шла ожесточенная борьба. Военные действия развернулись также в Аттике. Все это вызывало заметное оживление освободительного движения греков. Маниоты – жители автономной свободолубивой общины на юге Пелопоннеса – установили связи с командующим венецианскими войсками Ф. Моросини, обещав ему свою поддержку. Добровольцы-греки помогали очищать от османских войск внутренние районы Мореи, которая к 1687 г. почти полностью перешла в руки венецианцев. Но греки были возмущены и разочарованы поведением «освободителей», которые с разрешения своего командования грабили местное население. Новые власти проявляли религиозную нетерпимость к православным. В 1687 г. венецианцы осадили афинский Акрополь. Они подвергли его обстрелу, что привело к взрыву в Пропилеях, где османы расположили свой склад боеприпасов, разрушению Парфенона и гибели ряда ценнейших произведений античного искусства. Вскоре венецианцы стали выводить свои войска из Афин, так как там начиналась эпидемия чумы. Повод для разочарования дало и отступление венецианцев с о. Эвбея, где они оставили присоединившихся к ним греков без защиты от мести османских войск⁴³.

В 1691 г. османы предприняли новое наступление на австрийцев. Из Белграда они перешли в Срем, но потерпели тяжелое поражение в битве у Сланкамена, где погиб великий везир Мустафа Кёпрюлю. Однако Габсбур-

ги не имели достаточных сил, чтобы использовать эту победу для продолжения военных операций за Дунаем и Савой.

Такой оборот дел был выгоден венецианцам, очень опасавшимся продвижения войск Австрии на западе Балканского полуострова и присоединения к большой христианской державе земель, на которые Венеция претендовала сама. Теперь создавалась перспектива усиления влияния Республики св. Марка в этом регионе, где в 90-х гг. не велось активных военных действий. Порта была озабочена прежде всего вытеснением из своих владений австрийцев, а Венеция старалась лишь сохранить занятые ею территории в Далмации, Герцеговине и Черногории.

В 1693 г. венецианцы возобновили военные действия в Греции, а в 1696 г. их войска вновь высадились в Аттике. Но они уже не встретили здесь поддержки населения. Греки были недовольны увеличением налогов на территориях, оказавшихся во владении Республики, поощрявшимся сеньорией принудительным окатоличиванием православных, третируванием их политических и религиозных прав. После Карловацкого мира, по которому несколько далматинских крепостей и островов Эгейского архипелага, а главное – Морея, вошли в состав Венецианской республики, немало греков переселилось в ее владения, а в континентальной Греции ввиду миграций усилилась прослойка албанцев⁴⁴.

* * *

В последние десятилетия XVII в. политические контакты балканских народов с Россией по-прежнему осуществлялись преимущественно по церковной линии. От вселенских патриархов, в особенности константинопольских, в Москву поступали ценные, хотя и не всегда достоверные, сведения обо всем, что происходило на Балканах и Ближнем Востоке. В годы войны с Османской империей это приобретало особое значение. Патриархи давали советы и просто руководили действиями приезжавших в Стамбул российских дипломатов, что предусматривали и выданные им соответствующие инструкции. Приезжавшие в Россию за милостью духовные лица должны были, прежде всего, являться в Посольский приказ и сообщать обо всем, что они видели и узнали по пути. Россия не имела своих официальных дипломатических представителей в Османской империи, но она пользовалась услугами своих тайных агентов, преимущественно греков, и хорошо им платила. Через приезжавших в Москву за милостью монахов пересылались «вестовые письма» константинопольского и иерусалимского патриархов, которые всегда были готовы служить политическим интересам России⁴⁵.

В ходе войны Священной лиги с Османской империей значительно расширились политические контакты подданных Порты с Россией. Уже Крымский поход 1687 г., несмотря на его неудачу, произвел большое впечатление на балканское население, породил надежды на освобождение от султанской власти. Примечательно, что если Австрия сама проявляла заинтересованность и способствовала установлению политических связей с балканскими деятелями, то Россия к этому не прибегала. Обращения к ней инициирова-

лись самими сербами, болгарами, греками и имели ярко выраженное религиозное, то есть идеологическое обоснование.

Как говорилось выше, в расчете на помощь русского правительства и церкви готовилось восстание 1686 г. в болгарском городе Тырново. В 1687 г. в Москву из Македонии отправился скопский митрополит Евфимий, который рассказал о тяжелом положении православных народов в Османской империи⁴⁶. В следующем году в Москву приехал архимандрит Павловского Афонского монастыря Исайя, который привез грамоты от валашского господаря Шербана Кантакузино, от находившегося в Бухаресте бывшего константинопольского патриарха Дионисия и печского патриарха Арсения Черноевича.

В этих грамотах описывался усилившийся гнет подданных султану народов, разорение городов и сел, церквей и монастырей, случаи угона в плен мирного населения и т.д.; содержались просьбы к великим государям Ивану и Петру воспользоваться благоприятной ситуацией и начать борьбу за освобождение христианских народов от ига магометан. «Все благочестивии святого вашего царствия ожидают: сербы и болгары, волохи и мунтяне, вышние и нижние Мизии; восстанете убо и не дремлите, и приидите во еже спаси нас», – писал Дионисий⁴⁷.

Исайя рассказал, что «папезники», ненавидя православие, принуждают народ в Венгрии, в Морее к унии, церкви превращают в костелы, преследуют православное духовенство. Архимандрит просил, «дабы они, великие государи их царское величество, над ними всеми православными христианами умилосердились и избавили бы их из-под ига бусурманского и ими православными христианами обладали, и церковь святую обновили, а немцом, как цесарю, так и венетом (венецианцам. – *И.Д.*), обладать и владеть ими допустить не изволили, и потому что они все христиане искони православными цари были обладаемы, и язык и вера едина, и все они тому ради, и ожидают их государевых ратей пришествия с радостью». Исайя утверждал, что если будет послано к валашскому господарю Шербану Кантакузино русское войско, «все сербы и болгары и волохи пристанут к ним же и будет путь их до Царьграда без помешки ... и ожидают в тех местах живущие христиане их государевых ратей приходу с великою радостью. А соберется де в тех странах сербов и болгар с 300 000 – и только б слава их государевых ратей была, а то де все христианство тамошнее восстанет...»⁴⁸.

Правительство царевны Софьи Алексеевны в условиях войны с Портой проявило заинтересованность в поддержании политических контактов с балканскими деятелями. Исайю приняли в Москве благосклонно, направили с ним ответные грамоты Шербану Кантакузино, Дионисию и Арсению Черноевичу. В грамоте, адресованной последнему, а также духовенству всех сербских и болгарских земель и всему православному народу, утверждалось, что государи Иван и Петр «о всех православных христианах, живущих под игом поганским, имеют неотъемлимое попечение» и что для освобождения их решено послать русское войско на крымские юрты⁴⁹.

В указе о подготовке Крымского похода 1689 г. говорилось, что задачей является освобождение от «бусурманской неволи» православных христиан, которые призывались восставать и помогать русским войскам; содер-

жалось описание тяжелого положения православных подданных Порты, бесчинств османских и татарских войск в Греции, Сербии, Болгарии. При этом иногда дословно повторялось написанное в грамотах, привезенных Исайей⁵⁰. Таким образом, уже в годы Крымских походов московское правительство выдвигало в качестве идеологического обоснования войн с султаном задачу освобождения балканских народов.

Характерно также, что в этом указе, вероятно впервые, содержалось утверждение, что Османская империя приходит «к самой конечной погибели» и находится в «величайшем бессилии и безмочестве»⁵¹. Такое мало соответствующее действительности представление о положении Порты, закрепившееся постепенно в правительственных кругах России, также появилось не без влияния нередко тенденциозной информации, поступающей от приезжавших и писавших в Москву балканских деятелей.

В годы войны Священной лиги с Османской империей стало наблюдаться резнивое отношение Вены к усилению влияния России на православных подданных Порты. Было очевидно, что они охотнее сражались бы под знаменами православного царя, чем императора-католика, в случае появления русской армии на Балканах. Габсбурги противодействовали попыткам православных иерархов завязать контакты с Москвой и старались воспрепятствовать установлению между ними каких-либо соглашений с обоюдными обязательствами. Поэтому миссия архимандрита Исаяи вызвала в Вене беспокойство. При возвращении из России через Австрию он был арестован, документы, которые он вез с собой, отобраны; два года архимандрита держали под арестом и освободили лишь по просьбе русского правительства.

В это время русские дипломаты в Вене поддерживали связь с балканскими эмигрантами, оказавшимися в Австрии, пытались защитить их интересы. Некоторые сербские беженцы, в том числе патриарх Арсений Чернович, искали покровительства русских дипломатов, а со своей стороны старались помогать им, сообщая ценные политические сведения⁵².

Хотя установление политических контактов с Россией иногда приводило к тяжелым последствиям для православных иерархов, они продолжали обращаться в Москву с письмами и предложениями. Примечательна в этом отношении деятельность константинопольского, а затем иерусалимского патриарха Досифея. Он неоднократно направлял свои письма и обращения Алексею Михайловичу, царевне Софье, Петру I. В одном из них, отосланном в марте 1698 г., Досифей убеждал, что России необходимо продолжать войну, пользуясь благоприятной международной ситуацией, занять Украину, Подолию, Молдавию и Валахию, прогнать османов и татар за Дунай и даже овладеть Иерусалимом. В другом письме он просил начать переговоры с султаном и требовать, чтобы «святые места» в Иерусалиме по-прежнему находились у греков, иначе они попадут в руки французов. Патриарх также опасался, что австрийцы по наущению римского папы могут внести в мирный договор с Портой условия о принадлежности «святых мест» католикам и призывал Россию не допустить этого⁵³.

Лишь в 1695 г. Россия смогла предпринять новое наступление против османов и татар. Взятие Азова в следующем году воодушевляло Петра I на про-

должение борьбы за овладение черноморским побережьем. В случае продолжения военных действий русское правительство рассчитывало использовать помощь христианских подданных султана. Но попытки России создать новую коалицию и продолжить войну с Османской империей не имели успеха.

Во время мирных переговоров на Карловацком конгрессе требования России не были поддержаны союзниками по лиге. Но несмотря на неблагоприятную ситуацию ее представитель на конгрессе П.Б. Возницын пытался защитить интересы православных подданных султана. В проекте выдвинутых русской стороной условий мира говорилось: «Церквам Божиим и монастырем, греческую веру имеющим, везде во владении его Салтанова Величества сущим, также и розних народов людем Греком, Сербом, Болгаром, Словаком и иным всем, тоеж веру употребляющим, да будет всякая свобода и вольности без всякого отягочения и лишних податей, а новонакладные дани да отымутся от них, и впредь к тому принуждаемы не будут»⁵⁴. Таким образом, Россией была предпринята первая попытка добиться международной гарантии улучшения положения православных подданных султана, т.е. впервые открыто заявлена претензия на политическое покровительство православным балканским народам.

При продолжении переговоров в Стамбуле о мире с Османской империей в 1700 г. представитель русской стороны Е.И. Украинцев был уполномочен также ходатайствовать о свободе вероисповедания православными во всех владениях Порты, т.е. пытался разрешить вопрос, поставленный во время Карловацкого конгресса. Успеха он, однако, не достиг⁵⁵.

Таким образом, в конце XVII в. русское правительство начало делать первые шаги в борьбе за установление своего политического преобладания в европейских провинциях Османской империи. Стать на этот путь Россию усиленно подталкивали балканские деятели, прежде всего высшее православное духовенство, выступавшее под лозунгом мессианской роли единственной великой православной державы в отношении своих единоверцев, страждущих под игом мусульман. Московский царь в обращениях к нему провозглашался, по сути дела, главой всего православного мира, будущим владельцем балканских народов, защитником их как от неверных магометан, так и от католиков-«папешников». Насаждению именно таких представлений в русских правительственных кругах способствовали обращения и приезды в Москву православных иерархов, в особенности греков.

В силу этих контактов, а также в результате практических мероприятий европейских государств, противников Порты, формировались замыслы привлечения к борьбе с Османской империей ее христианских подданных. При этом значительно преувеличивались, с одной стороны, возможности такого участия и массовость антиосманского движения, с другой – слабость в действительности еще очень мощной военно-феодальной империи.

Россия была географически слишком отдалена от Балканского региона, чтобы иметь здесь какие-либо экспансионистские цели. В отличие от нее Австрийская империя и Венецианская республика выдвигали во время войны Священной лиги обширные территориальные претензии к Порте. Габсбурги после завоевания Венгрии и Трансильвании стремились продвинуть-

ся вглубь западной части Балканского полуострова, где их намерения сталкивались с интересами Венеции, рассчитывавшей расширить свои владения на восточном побережье Адриатики и в греческих землях.

Исполнение этих задач при слабости военных сил обоих государств в определенной степени связывалось с антитурецкими выступлениями подданных султана, их участие в войнах против Османской империи. В конце XVII в., в ходе военных действий государств, входивших в Священную лигу, это освободительное движение приняло большие масштабы, но оставалось стихийным и разьединенным, еще не приобрело характера национально-освободительного движения.

Роль балканских народов в общем комплексе международных отношений в Юго-Восточной Европе значительно повысилась с началом соперничества в борьбе за политическое влияние на Балканах между Россией и Австрией, до войны Священной лиги с Османской империей заметно не проявлявшегося, но в дальнейшем игравшего немалую роль в расстановке политических сил в регионе. Каждая из сторон имела в таком соперничестве свои преимущества: Россия опиралась на религиозную общность, этническую и языковую близость с народами Балкан; Австрия использовала географический фактор, экономические связи, наличие в самой империи районов с компактными поселениями сербов.

Борьба за политическое влияние на подданных султана обуславливалась также неизменной ориентацией антиосманских движений на помощь извне, ибо это был тогда единственно возможный путь освобождения от власти Порты. Хотя в конце XVII в. выдвигались планы воссоздания национальных государств (в Болгарии в 1686 г.) или даже образования обширного южнославянского государства (проект Георгия Бранковича), единственно реальным исходом освободительных движений было включение балканских территорий в состав соседних европейских стран – Венеции и Австрии. Стремление же православного населения присоединиться к России, о чем говорилось, например, в грамотах, привезенных архимандритом Исайей, не могло иметь практического значения и служило как бы доктринарным лозунгом, исходящим из теории «Москва – третий Рим».

Замена османского господства в части балканских земель на власть Венеции и Австрии не освобождала их от чужеземной власти. Переход достаточно развитого в общественно-экономическом отношении Пелопоннеса под власть слабеющей Венецианской республики не был благотворным для его населения. В то же время судьба сербов, осевших по условиям Карловацкого мира на землях, перешедших в состав Австрии, оказалась более благоприятной, чем оставшихся под властью Порты. «Австрийские сербы» не были избавлены полностью от религиозных притеснений, от экономических тягот, но они получили церковную автономию, определенные права на самоуправление, налоговые льготы. Все это позволило им в XVIII в. достигнуть значительного прогресса в общественно-экономическом и культурном отношении, опередив в этом своих соотечественников, проживавших под властью Османской империи.

- ¹ Дуйчев Ив. Чипровец и възстание през 1688 г. София, 1938. С. 38.
- ² Димитријевић С. Прилози расправи «Одношаји пећких патријарха с Русијом у XVII веку // Споменик Српске Краљевске Академије. Београд, 1900. Књ. XXXVIII(34). С. 71.
- ³ Радонић Ј. Римска курија и јужнословенские земље од XVI до XIX века. Београд, 1950. С. 391.
- ⁴ См. расспросные речи Исаяи: Исв. Т.3. С. 85; *Каптерев Н.Ф.* Приезд в Москву Павловского Афонского монастыря архимандрита Исаяи в 1688 г. // Прибавление к изданию творений святых отцов в русском переводе за 1889 г. М., 1889. С. 279–280.
- ⁵ Йонов М. Политиката на Австрия и политическите движения в България от края на XVI до края на XVII в. // *Годишник на Софийския Университет. Философско-исторически факултет.* София, 1958. Т. 52/2/. С. 300; *История на България.* София, 1983. Т. 4. С. 225.
- ⁶ *Томић Ј.* Десет година из историје српског народа и цркве под турцима (1683–1693). Београд, 1902. С. 15–16.
- ⁷ *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 269.
- ⁸ *Златарски В.* Български въстания и опити за въстания до средата на XIX в. // *България 1000 години.* София, 1930. Т. 1. С. 715 и сл.; *Пастухов И.В.* Българска история. София, 1943. Ч.2. С. 521–523; *История на България.* София, 1943. Ч.2. С. 521–523; *История на България.* Т.4. С. 220–224 и др.
- ⁹ «Северная пчела». 1847. № 133–136.
- ¹⁰ *Златарски В.* Български въстания... С. 716–717.
- ¹¹ *Томић Ј.* Десет година... С. 21–22; *Грујић П.* Прилози за историју Срба у Аустро-Угарској и у доба патријарха пећког Арсенија III Црнојевића // *Споменик Српске Краљевске Академије.* Београд, 1913. Књ. 51. С. 18–19.
- ¹² *Радонић Ј.* Гроф Ђорђе Бранковић и његово доба. Београд, 1911. С. 30; *История на България.* Т.4. С. 225.
- ¹³ *Станојевић Г.* Србија у време Бечког рата. 1683–1699. Београд, 1976. С. 89.
- ¹⁴ *Златарски В.* Български въстания... С. 715–717; *Дуйчев Ив.* Чипровец... С. 39–42. *История на България.* Т.4. С. 224–233; *Списаревска Й.* Чипровското възстание и европейски свят. София, 1988.
- ¹⁵ *Ивић А.* *Историја Срба у Војводини.* Нови Сад, 1929. С. 216–217.
- ¹⁶ *Срећковић П.* Второе заступление Афанасия диакона Сербина (1691–1699) // *Споменик Српске Краљевске Академије.* Београд. 1890. књ. V(4). С. 31.
- ¹⁷ *Грујић М.* Три писма цесара Леополда I цариградским патријарсима // *Споменик Српске Краљевске Академије.* Београд. 1913. Књ. 43 (11). С. 13.
- ¹⁸ *Радонић Ј.* Гроф Ђорђе Бранковић... С. 43.
- ¹⁹ Там же. С. 271.
- ²⁰ Там же. С. 336–340.
- ²¹ *Цветкова Б.* Нови документи за освободителното движение в българските земи през XVII в. // *Известия на Института за история.* София, 1967. Т. 19. С. 247–249.
- ²² *История на България.* Т.4. С. 226.
- ²³ Там же. С. 234–237.
- ²⁴ Там же. С. 233.
- ²⁵ *Станојевић Г.* Србија... С. 115–129.
- ²⁶ *Радонић Ј.* Гроф Ђорђе Бранковић... С. 377 – 378.
- ²⁷ *Томић Ј.* Десет година... С. 111–112.
- ²⁸ *Достян И.С.* Борьба сербского народа против турецкого ига. XV – начало XIX в. М., 1958. С. 83.
- ²⁹ *Томић Ј.* Десет година... С. 126–128; *Станојевић Г.* Србија... С. 129–141.
- ³⁰ *Историја народа Југославије.* Београд, 1960, Књ. 2. С. 768–769; *История на България.* Т.4. С. 237–238.
- ³¹ *Станојевић Г.* Србија... С. 142–144.

- ³² Томић Ј. Десет година... С. 132–136; Станојевић Г. Србија... С. 151.
- ³³ Томић Ј. Десет година... С. 122–144; Станојевић Г. Србија... С. 126–129.
- ³⁴ Достјан И.С. Борба сербског ... С. 85.
- ³⁵ Станојевић Г. Србија... С. 155–159.
- ³⁶ Томић Ј. Десет година... С. 149.
- ³⁷ Милојевић М. Обшти лист патриаршије Пећке// Гласник српског ученог друштва. Београд, 1872. Књ. XXXV. С. 76.
- ³⁸ Желязкова А. Боснија под османској влашћу у XV–XVII вв. // Османска империја. Государственна власт и социјално-политическа структура. М., 1990. С. 178–180.
- ³⁹ Поповић Д. Велика сеоба Срба. 1790. Београд, 1954. С. 36.
- ⁴⁰ Станојевић Г. Југословенске земље у млетачко-турским ратовима XVI – XVIII в. Београд, 1970. С. 313–319.
- ⁴¹ Фрејденберг М.М. Дубровник и Османска империја. М., 1984. С. 224–226.
- ⁴² Томић Ј. Црна гора за Морејског рата (1684–1699). Београд, 1907; Станојевић Г. Југословенске земље... С. 317–368.
- ⁴³ Sophocles S.M. A History of Greece. Thessaloniki, 1961. P. 261–267.
- ⁴⁴ Димитров С., Манчев К. Историја на балканските народи. XV–XIX век. Софија, 1971. С. 106.
- ⁴⁵ Каптерев Н.Ф. Характер одношењих... С. 270–293.
- ⁴⁶ Димитриевић С. Одношаји пећких патријарха с Русијом у XVII веку. // Глас Српске Академије наука. Београд, 1901. Књ. LX (38). С. 154–155.
- ⁴⁷ Каптерев Н.Ф. Приезд... С. 268.
- ⁴⁸ Иск. Т.З. С. 87; Каптерев Н.Ф. Приезд... С. 280–283.
- ⁴⁹ Каптерев Н.Ф. Приезд... С. 289; Димитриевић С. Одношаји... С. 163–166.
- ⁵⁰ Богојавленски С.К. Из руско-сербских одношењих при Петре I // Вопросы истории. 1946. № 8–9. С. 20.
- ⁵¹ Указ о подготвоке Крымског похода // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. М., 1828. Ч. IV. Стб. 588–589.
- ⁵² ПДС. Т. 8. Стб. 113, 114, 305–309, 455, 1374–1375; Димитриевић С. Одношаји... С. 166–194.
- ⁵³ Соловьев С.М. Историја России с древнейших времен. Т. XIV // Сочинения С.М.Соловьева. М., 1991. Кн. VII. С. 508–510.
- ⁵⁴ ПДС. Т. 9. Стб. 207.
- ⁵⁵ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VII. С. 588.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование истории отношений стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы с Османской империей на протяжении второй половины XVII в. приводит к выводу, что важным фактором, влиявшим на общий контекст этих взаимоотношений, было состояние самой империи османов. Существенное воздействие на положение в империи и ее отношения с соседними странами оказали энергичные попытки преодолеть назревавший в течение нескольких десятилетий внутренний кризис, сменивший стагнацию середины XVII в. Выход из кризиса османские правящие круги искали на путях реставрации традиционных институтов времени расцвета империи. Эта реставрация в их представлении должна была сделать возможным возвращение к политике экспансии по отношению к соседям, успехи которой способствовали бы решению внутренних проблем. Одной из главных черт такой политики стало накопление всеми возможными средствами денежной казны для содержания как можно больших по численности войск.

Восстановленная путем крайнего напряжения сил османская армия, весьма значительная по размерам, оставалась армией средневекового типа. Она представляла большую военную силу, но уступала по своим качествам тем регулярным армиям, которые сформировались в Европе в годы Тридцатилетней войны. Недостатки османской военной организации проявились в войне с Австрией в 1663–1664 гг.

Стремясь к экспансии, Порты во второй половине XVII в. искала новые направления для осуществления агрессивной внешней политики. Одним из таких направлений стала Восточная Европа, где через своего вассала крымского хана султан вмешался в русско-польский конфликт из-за Украины. Вплоть до окончания войны с Венецией в 1669 г. Стамбул вынужден был передоверить Крыму контроль над событиями в регионе, определив лишь самое общее направление – сохранение мира на рубежах Османской империи. В отличие от Порты, заинтересованной в спокойствии на севере и северо-востоке, в Бахчисарае ставили своей целью овладение украинскими землями. В 1654 г. крымский хан заключил антирусский союз с Речью Посполитой, а в 1657 г. началась война России и Крыма, которая продолжалась до осени 1666 г.

Со стороны Речи Посполитой союз с Крымским ханством был явлением временным, призванным облегчить ситуацию в самое трудное для страны время натиска на нее и России, и Швеции. Возобновившаяся в 1658 г. война за Украину выявила реальную расстановку сил в регионе. Несмотря на ряд успешных военных и политических акций, Речь Посполитая оказа-

лась не в состоянии восстановить статус-кво. Левобережная Украина оставалась за Россией. В этих условиях претензии Крыма на украинские земли становятся для Польши опасными и разрыв союза с ханством был неизбежен. В 1662–1664 гг. хан Мехмед-Гирей не поддержал поход Яна Казимира на левый берег Днепра, а в 1664–1665 гг. Крым предпринимал попытки возобновления антипольского союза с восставшими украинскими казаками и даже мира с Россией. В борьбе за Украину крымский хан поддержал гетмана П. Дорошенко, возглавившего восстание против Речи Посполитой на Правобережной Украине, которое привело практически к освобождению ее от польских войск. Эти поражения ускорили мирные переговоры Варшавы с Россией, завершившиеся Андрусовским перемирием 1667 г.

Развернувшиеся в регионе события вызвали озабоченность у Порты. Османскую империю беспокоили усиление России в Восточной Европе и все больше проявлявшаяся независимость в политике Крымского ханства. Стамбул был также озабочен вовлечением в происходившие события вассальных княжеств Молдавии и Валахии, усилением в них освободительных устремлений прорусской ориентации. С конца 60-х гг. XVII в. османы стали активно вмешиваться в восточноевропейские дела, принимая непосредственное участие в конфликте из-за Украины. Сложившаяся в регионе ситуация благоприятствовала планам султана.

Восточноевропейские государства были ослаблены многолетней русско-польской войной, в то время как гетман Правобережной Украины П. Дорошенко, рассчитывая при поддержке османов объединить под своей властью украинские территории, стремился к установлению протектората Порты над Украиной. Учитывая эти факторы, в Стамбуле сочли для себя возможным попытаться овладеть новыми землями в Восточной Европе. Одной из целей османов в регионе становится присоединение Подолии с ее главным центром Каменцем, что позволило бы им укрепить свой контроль над Крымом и Дунайскими княжествами – Молдавией и Валахией.

Османские политики рассчитывали воевать с государствами Восточной Европы поодиночке. Первым объектом экспансии должна была стать Речь Посполитая, от которой в Стамбуле не ожидали серьезного сопротивления, затем – Россия. Военную кампанию предполагали завершить в сжатые сроки, чтобы сосредоточить силы и средства на главном стратегическом направлении – центральноевропейском.

Османская империя, как и планировалось, вела войну сначала с Речью Посполитой, затем с Россией. Но причиной этого были не удачные действия султанской дипломатии, а противоречия между интересами двух стран по вопросу об Украине. Несмотря на это, краткой военной кампании не получилось. После первых легких успехов османы столкнулись со стороны Речи Посполитой с серьезным сопротивлением, и война растянулась на несколько лет, тяжелой и нелегкой оказалась война и с Россией. Оба военных конфликта были выиграны Османской империей благодаря большому напряжению всех ее ресурсов.

Не оправдались расчеты на поддержку со стороны населения Украины. Проосманская ориентация П. Дорошенко и связанной с ним части казацкой

верхушки и православного духовенства привела к серьезным конфликтам в украинском обществе. В результате не П. Дорошенко оказывал помощь султану, а Порта была вынуждена поддерживать гетмана. По мере расширения османского присутствия в Восточной Европе позиции сторонников проосманской ориентации слабели, а сопротивление местного населения усиливалось. Османским военачальникам пришлось предпринять несколько карательных экспедиций, чтобы утвердить свою власть на территории Украины. В итоге земли Подолии, включенные в состав Османской империи, были совершенно разорены и не приносили никаких доходов, напротив, приходилось тратить немало средств на содержание там администрации и войск.

События конца 60–70-х гг. XVII в. имели большое значение для будущих отношений восточноевропейских государств с Портой. И для России, и для Речи Посполитой Османская империя именно в это время превратилась в опасного соседа, а борьба с угрозой с ее стороны стала одной из важнейших задач их внешней политики. Неудачный для обоих государств исход военных кампаний против османов диктовал необходимость соединения сил. Показательно, что на протяжении всего периода русская и польская стороны постоянно вели между собой, хотя и безуспешно, переговоры о союзе против османов, выдвигая конкретные планы совместных действий. Качественно новым явлением стало стремление правящих кругов России и Речи Посполитой активно способствовать созданию большой коалиции европейских государств, направленной против Османской империи. Эти происшедшие к концу 70-х гг. XVII в. перемены во внешнеполитической ориентации восточноевропейских государств создавали для Порты в перспективе угрозу войны на два фронта в случае возникновения международного конфликта с участием османов.

В то же время установление мира на восточных границах империи позволяло османам, поддерживая антигабсбургское движение под руководством Имре Тёкёли, активно вмешиваться в венгерские дела и сосредоточить внимание на центральноевропейском направлении внешней политики, главным стержнем которого была конфронтация с Габсбургами.

Во второй половине XVII в. австрийские Габсбурги были, наконец, вплотную поставлены перед необходимостью решать османскую проблему военной силой, поскольку османская экспансия в Европе, в первую очередь в Венгрии, не прекращалась и ставила под угрозу также безопасность наследственных владений Австрийского дома. Османская проблема решалась Габсбургами в тесном взаимодействии с другими европейскими государствами, поскольку как венгерские короли и германские императоры они были вынуждены возглавить войны за возвращение захваченных османами венгерских и других территорий Дунайско-Карпатского региона и вытеснение их с Балкан.

В этих войнах, подававшихся европейской пропагандой как освободительные, и в значительной мере бывших таковыми, тем не менее, имелся особый аспект. Войны велись также и за расширение сфер влияния стран-участниц в освобожденных странах и регионах, за передел уже сложившихся сфер влияния: в Молдавии, Валахии, Трансильвании и т.д. В этом смысле

война, особенно дипломатическая, разделяла не только Европу и Османскую империю, но и европейские страны. Более того, сама Порта в глазах европейцев представляла не только заклятым врагом, которого надо раз и навсегда сокрушить, но и многообещающим партнером, особенно в области торговли. Для того чтобы получить преимущества в этом партнерстве, многие европейские страны не только отказались от традиционного конфессионального противостояния с исламом, но и действовали в ущерб своим военно-политическим союзникам из числа европейских стран. Причем это касалось не только непосредственных участников конфликта, но и далеких от него государств с развивавшейся раннекапиталистической экономикой и торговлей, таких как, например, Голландия и Англия.

Антитурецкая коалиция европейских стран во главе с германским императором создавалась долго и трудно. За это время неоднократно менялось соотношение международных сил в самой Европе, что, безусловно, сказывалось и на судьбе антиосманских военно-политических союзов. Для Вены важное значение имела позиция наиболее заинтересованных в решении османского вопроса европейских государств: Венеции, папства, Речи Посполитой, Швеции, Испании. Здесь венская дипломатия проявляла особую активность и изобретательность: от одних стран требовались деньги, от других – войска или и то, и другое; от третьих – хотя бы благожелательный нейтралитет. В равной мере с Габсбургами над разрешением османской проблемы трудились римские папы. Так, без дипломатического и организаторского талантов папы Иннокентия XI, его самоотверженности и предприимчивости в преодолении финансовых трудностей было бы невозможно и само создание в 1684 г. Священной лиги и ее успешная деятельность на протяжении ряда лет.

Как императоры Священной Римской империи германской нации Габсбурги предпринимали огромные усилия внутри самой империи для создания достаточной материальной и военной базы для ведения войны с османами. Сложными и извилистыми путями германские князья шли к участию в возглавляемых императором антиосманских предприятиях, но этими же путями они уходили в сторону.

Австрийские Габсбурги находились в очень сложном положении. В Западной Европе перед ними стояли не менее важные и сложные задачи, чем в восточной политике. В первую очередь, они должны были отстаивать свои позиции в борьбе с Францией за место в Западной Европе в условиях высочайшей внешнеполитической активности Людовика XIV, успехов его дипломатии и оружия. Этим во многом объясняется противоречивое отношение австрийских Габсбургов к вопросу о необходимости организации крупномасштабной войны с османами во главе широкой коалиции европейских государств. Иногда упорное нежелание Фердинанда III, а затем Леопольда I воевать, их стремление во что бы то ни стало сохранить мир с султаном доводило до унижения императорской стороны и вызывало соответствующую реакцию в Стамбуле, вселяя в османское военно-политическое руководство не всегда оправданные амбиции в отношении противника.

Важнейшим фактором в войнах Габсбургов с османами была Венгрия. Война велась венгерскими королями не только против Порты за Венгрию,

но и с Венгрией за то, чтобы она осталась под властью правящего Австрийского дома. Политика, проводимая Веней в Венгрии, во многом не совпадала с коренными интересами населения королевства и вызывала с его стороны резкое сопротивление, чем в полной мере пользовались внешнеполитические противники австрийских Габсбургов: Франция, Швеция, Порта, Трансильвания и др.

В 50–70-е гг. восточное направление внешней политики оставалось для Габсбургов второстепенным, свои главные интересы они по-прежнему видели в Западной Европе. Они уделяли османскому вопросу недостаточно внимания, вследствие чего османы продолжали «тихую» экспансию в Венгрии (пограничные войны при формальном соблюдении мира). Кроме того, в это время Габсбурги еще не располагали достаточными возможностями, чтобы перейти к наступательной войне против Османской империи. Положение кардинально меняется после неудавшейся осады османами Вены в 1683 г. Священная лига, обладавшая огромными военными и финансовыми ресурсами, смогла повести наступательную войну, к которой уже давно призывали наиболее смелые и умелые полководцы, такие как Р. Монтекуколи, М. Зрини и др. Преимущества новой стратегии не заставили себя ждать, хотя и второй, уже победоносный, этап войны по многим причинам затянулся почти на два десятилетия.

Мирный конгресс, состоявшийся в 1699 г. в Карловаце, обозначил рубеж в отношениях между Европой и Османской империей. Был положен предел территориальной экспансии османов в Европе. Отныне Европа и Османская империя поменялись местами: последняя от наступления перешла к обороне. Временные успехи османов в последующих войнах в принципе не изменили ситуации. Положение Габсбургов в Центральной Европе и их международный авторитет укрепились. Габсбурги в основном выполнили ту историческую миссию, которую поставили перед ними венгерские сословия в 1526 г., отдавая им венгерскую корону: большая часть бывшего Венгерского королевства была освобождена от османов после почти двух веков кровопролитных войн. Габсбурги использовали военные успехи для упрочения своих позиций в Венгрии. Была установлена наследственная власть династии в королевстве. Венгры лишились права выбора королей и права сопротивления им. Австрийский абсолютизм повел решительное наступление на сословные привилегии и сословные институты. Изменился статус территорий, входивших до Мохача в Венгерское королевство: Трансильвания, по условиям Карловацкого мира, напрямую подчинялась Габсбургам, минуя Венгрию. Подобная структура властных связей устраивала правящую династию, опасавшуюся полного объединения Венгрии с Трансильванией. Это опасение имело под собой реальные основания: в Венгрии и Трансильвании назревало новое антигабсбургское освободительное движение. Таким образом, успехи австрийских Габсбургов на заключительном этапе войны с Османской империей способствовали укреплению позиций абсолютизма в подвластных Австрийскому дому землях, в данном случае в Венгрии, сословия которой дольше всего отстаивали свои права перед лицом центральной власти.

Разгром османских войск под Веной в 1683 г. изменил соотношение сил между Габсбургами и Османской империей. Оформление в 1684 г. Священной лиги укрепило расклад сил в пользу общеевропейской антиосманской коалиции. В 1686 г., заключив Вечный мир с Речью Посполитой, вопреки проiscaм султанской и крымской дипломатии, к лиге присоединилась Россия. Под Веной не только султанская армия понесла тяжелые потери, был подорван престиж империи османов как великой военной державы, резко усилились стремления к освобождению в вассальных политических образованиях, начались восстания покоренных османами народов. Неудивительно, что за битвой под Веной последовал ряд новых серьезных неудач османов, потеря ими важных позиций на Балканах. Хотя в 1689 г. австрийские войска вынуждены были принимать участие в военных операциях на западном фронте, Порты, напрягая все силы, сумела вернуть себе лишь часть утраченных территорий и после новых военных неудач конца 90-х гг. и заключения Габсбургами мира на западе, Стамбул вынужден был начать переговоры с победоносным противником.

Изменилось и соотношение сил в Восточной Европе между противниками Османской империи на севере – Россией и Речью Посполитой. После крупных успехов польских войска в битве под Веной и в последующих военных операциях в Венгрии польская правящая элита выдвигала обширные планы, предусматривавшие подчинение Дунайских княжеств (и, возможно, Трансильвании) и расширение южных границ Речи Посполитой до Дуная, уничтожение Буджацкой Орды, разрыв вассальной зависимости Крыма от Османской империи (другим возможным вариантом могло быть завоевание Крыма совместно с русскими войсками). Выдвижение этих планов привело к ряду столкновений с Габсбургами, рассматривавшими Дунайские княжества как объект своего влияния, но осуществить их польские власти оказались не в состоянии. Острый внутривполитический кризис в стране, столкновения интересов магнатских группировок, опасения шляхты перед военными успехами Я. Собеского, которые могли привести к усилению королевской власти, систематический срыв сеймов из-за неспособности отдельных группировок договориться между собой – все это привело к тому, что Речь Посполитая оказалась не в состоянии вести длительные и крупные военные кампании. В этих условиях было невозможно обеспечить себе прочную поддержку населения Дунайских княжеств, что было одним из важных условий успеха, когда военные действия разворачивались на их территории. Из всех обширных внешнеполитических планов удалось осуществить немногое: после целого ряда походов была занята лишь северная часть Молдавского княжества. Ослабление военных сил Речи Посполитой зашло так далеко, что когда преемник Яна Собеского саксонский курфюрст Август II попытался возобновить военные действия против османов, то даже после того, как он привлек собственные вооруженные силы, ему не удалось добиться заметных успехов. Речь Посполитая постепенно переставала быть политической силой, способной серьезно влиять на положение дел в бассейне Черного моря.

В отличие от Речи Посполитой Россия уже во время так называемых Чигиринских походов 1677 и 1678 гг. обнаружила способность мобилизо-

вывать значительные вооруженные силы для отпора османам. Только после очень упорной борьбы османам удалось тогда добиться ухода русских войск за Днепр. Важнейшим результатом перемен в восточноевропейском регионе к концу XVII в. стало продвижение русских оборонительных линий на юг, столь значительное, что вопрос о борьбе с набегами крымских татар мог быть поставлен совсем в иной плоскости, чем раньше. Первые попытки похода русской армии на Крым оказались пока малорезультативными, но четко обозначился путь, ведущий к кардинальному решению проблемы. Не случайно в последние десятилетия XVII в. появился первый в истории внешней политики России план утверждения русской власти в ряде опорных пунктов на северном побережье Черного моря. Первым важным шагом по пути осуществления такого плана стало взятие Азова и появление на Азовском море русского флота. Постепенно складывалась новая система отношений, в рамках которой главными политическими соперниками Османской империи в Европе должны были стать Россия и Австрия. Уже в последние десятилетия XVII в. имели место столкновения интересов этих двух государств в борьбе за влияние на Балканах.

Для Молдавии и Валахии война европейских государств с османами представлялась реальной возможностью осуществить свои освободительные планы. Страны Священной лиги стремились использовать антиосманские действия правителей княжеств в интересах борьбы с Портой. Османы усиливали давление на своих вассалов-господарей княжеств, заставляя их увеличивать военное участие и материальное снабжение для поддержки действий османских войск против военных сил лиги. В результате Молдавия и Валахия оказывались в орбите сложных международных переплетений и были ограничены в своих внешнеполитических акциях. По условиям Карловацкого мира Дунайские княжества оставались в системе подвластных султану территорий.

Стремясь увеличить ресурсы для осуществления своих экспансионистских планов, Порты усиливала налоговый гнет в балканских провинциях империи, что приводило к массовому недовольству населения султанской властью, волнениям и восстаниям. Папская курия, Венеция и Габсбурги вели среди населения Балкан католическую пропаганду с целью вовлечения его в сферу политического влияния западных держав. Успехи стран Священной лиги в войне с Османской империей способствовали усилению освободительных устремлений покоренных султаном народов. В конце XVII в. антиосманское движение на Балканах, помощь местного населения австрийским и венецианским войскам приняли массовый характер.

Габсбурги после освобождения Венгрии и Трансильвании стремились продвинуться вглубь западной части Балканского полуострова, где их интересы сталкивались с интересами Венеции. В реализации этих задач оба государства придавали большое значение антиосманскому движению подданных султану христианских народов, привлечению их на свою сторону.

Россия была географически отдалена от этого региона, чтобы иметь территориальные интересы. Но именно в это время Россия начинает делать первые шаги для установления своего политического влияния в европейских

провинциях Османской империи. Стать на этот путь Россию подталкивали сами балканские деятели, прежде всего высшее православное духовенство, выступавшее под лозунгом мессианской роли России в отношении своих единоверцев, страдавших под игом мусульман.

Борьба за политическое влияние на подданных султана была также следствием того, что антиосманское движение постоянно ориентировалось на помощь извне, являвшуюся в то время единственным путем освобождения от власти Порты. Реально можно было добиваться не создания одного или нескольких самостоятельных государств на Балканах, а включения отдельных областей в состав Австрии или Венеции.

Карловацкий мир, по которому часть балканских владений Османской империи перешла в состав Австрии и Венеции, не освободил их население от чужеземной власти. Переход к Венеции Пелопоннеса, достаточно развитого в общественно-экономическом отношении, не стал благоприятным для его населения. Судьба сербов во владениях Габсбургов оказалась лучше, чем оставшихся в составе Османской империи: они не избавились от религиозных притеснений, от экономических тягот, но получили церковную автономию, определенные права на самоуправление, налоговые льготы. Все это позволило им в XVIII в. достигнуть значительного прогресса в общественно-экономическом и культурном плане.

Цели габсбургской политики стали явно проявляться в конце XVII в. с движением австрийских войск на юго-восток Европы. Вместе с тем в ходе войны проявились также неспособность Речи Посполитой вести успешные наступательные действия против османов. В этих условиях усиливался интерес народов Юго-Восточной Европы к сотрудничеству с Россией. Оживление связей с ней этих народов, рост их надежд на освобождение от власти Порты с русской помощью – характерные явления политической жизни региона в конце XVII в. и особенно после заключения Карловацкого мира.

Карловацкая мир, как никакой другой до него, показал тесную взаимосвязь событий и процессов международной политики раннего нового времени: войн Габсбургов и их союзников с Францией и Османской империей, общеевропейских и локальных вооруженных конфликтов. Меняющееся соотношение сил на международной арене приводило к усилению одних и ослаблению других государств. С Венецией стали считаться еще меньше, чем в середине XVII в.: закат «жемчужины на Адриатике» стал свершившимся фактом. Речь Посполитая, хотя и смогла по условиям мира восстановить свои границы 1672 г., постепенно начинала переходить в разряд второстепенных держав, чему способствовала энергичная внешняя политика ее восточного соседа. На политическом горизонте Европы возникла новая сила – Россия, которую западноевропейские державы еще не принимали всерьез, как о том свидетельствуют результаты Великого посольства Петра и его визит в Вену. Но не считаться с этой силой уже было нельзя. Не случайно и сам молодой царь в своих письмах к иностранным государствам, в частности к императору, подчеркивал значение для Священной лиги взятия русскими Азова, который был закреплен за Россией решением мирного конгресса в Карловаце. Наконец, австрийские Габсбурги, которые, как казалось после

Вестфальского мира, уже не поднимутся на прежние высоты положения в Европе, довольно быстро восстановили свои позиции. Этому способствовало то обстоятельство, что принцип «равновесия сил», утвердившийся в Тридцатилетней войне, показал свою действенность и во второй половине XVII в. Стремление Людовика XIV к гегемонии в Европе и его откровенно агрессивная политика сплотили вокруг ранее ненавистной в глазах многих династии Габсбургов значительные силы европейских государств, что помогло Леопольду I не только на Западе, но и в войнах с «естественным врагом христиан» – Османской империей. Карловацкий мир показал, что упадок Османской империи уже невозможно остановить. В то же время реально мыслящие западные политики убедились в том, что еще не настало время для освобождения Балканского полуострова от османского владычества.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ*

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
- АЮЗР – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., Т. IV–1863. Т. V–1867. Т. VI–1869. Т. VII–1872. Т. VIII–1875. Т. IX–1877. Т. XI–1879. Т. XIII–1885. Т. XIV–1889.
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- Исв – Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII вв. Документы и материалы в трех томах. М., 1970. Т. 3.
- Літопис Самовидця – Літопис Самовидця. Вид. підг. Я.І.Дзира. Київ, 1971.
- Пг – Петроград.
- ПДС – Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб. Т. 4–1856. Т. 5 – 1858. Т. 6–1862. Т. 7–1864. Т. 8–1867. Т. 9 – 1868. Т. 10–1871.
- ПО ИВИ РАН – Петербургское отделение Института востоковедения РАН.
- ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 2.
- РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Пг. Т. XXXI, XXXII–1917.
- CJH – Corpus Juris Hungarici. Magyar törvénytár. Т. 3. 1608 – 1657. Вр., 1900.
- ЕОЕ – Erdély országgyűlési Emlékek. Monumenta comitialia regni Transsylvaniae. 1649 – 1682. Т. 11 – 17. Szerk. Szilágyi S. Вр., 1875 – 1898.
- ННStA – Haus-, Hof und Staatsarchiv. Wien.
- Lpz – Leipzig.
- Pisma – Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego. Zebrał i wydal F.Kluczycki. Т. 1. Cz. 1–2. Kraków, 1880.
- RLM – Regi Magyar levelestár. XVI – XVII század. 2.köt. Вр., 1891.

* См. также список сокращений в книге: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Часть 1. М., 1998.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абаза Хасан-паша, вали (губернатор)
Халеба 7, 11
- Абди-ага, крымск. посол 80
- Абди-ага, личный секретарь Мехмеда IV,
хронист 12, 21
- Абдуррахман, будайский паша 271, 273,
274
- Абдуррахман-ага, крымск. посол 310
- Абрахамович З.* (см. также *Abrahamowicz Z.*)
23, 227, 228, 232
- Абуссууд, шейх уль ислам 15
- Аввиано Марко д', духовник Леопольда I
244, 250, 253, 256, 258, 260, 261,
263, 279, 280
- Август II, польск. кор. (Фридрих Август I
курф. Саксонский) 315–318, 354,
382
- Адиль-Гирей, крымск. хан 68–70, 77, 78,
92, 97
- Азамат-Гирей, крымск. нуреддин 307
- Азем, везир 36
- Айкхоф Э.* (см. также *Eickhoff E.*) 176
- Айтемиров В., русск. гонец 311, 312, 314
- Акдаг М.* (см. также *Akdag M.*) 7
- Алдей-Мелдеш, крымск. посол 65
- Алегретти Алегретто, императ. посол 42
- Александр VII, папа римский 218
- Александр VIII, папа римский 156, 157,
160, 164, 280
- Александр Македонский 228
- Алексей Михайлович, русск. царь 42, 77,
81, 82, 84, 95, 99, 101, 110, 113, 114,
116, 125, 193, 203, 204, 220, 221, 372
- Али-ага, осм. посол 92
- Алмазов С., царский посланец 127
- Ампринген Иоганн Гаспар, правитель
Венгрии 174
- Антон Стефанов, болг. еп. 361, 364
- Ануширван, правитель Персии 228
- Апанович О. М.* 147
- Апафи Михай I, транс. кн. 110, 161, 171,
173, 174, 178, 179, 181, 188, 199, 246,
328–339, 345, 351
- Апафи Михай II, транс. кн. 335, 339,
340
- Апугтин И., русск. посланник 54, 55
- Арсений III Черноевич, серб. патр. 219,
358, 362, 366, 367, 371, 372
- Артамонов В. А.* 324
- Арш Г. Л.* 224
- Атанасий, охридский архиеп. 218, 358
- Ахмед II, султан 235, 281
- Ахмед III, султан 12
- Ахмед, варадский паша 267, 268
- Аюка, калмыцкий хан 315
- Бабингер Ф.* (см. также *Babinger F.*) 12
- Басараб Матвей, валаш. господарь 203
- Баварский курф. 163
- Байбаков Ф., русск. посланник 54, 55
- Баклановский И. И. 206
- Бантыш-Каменский Н. Н.* 73, 200, 201
- Барановский Б.* (см. также *Baranowski B.*)
44
- Барабаш Яков, кошевой атаман 48, 50, 52
- Баркан О. Л.* (см. также *Barkan Ö. L.*) 16
- Бартольд В. В.* 14, 26
- Барчай Ақош, транс. кн. 158, 195, 196,
197, 198
- Батори Иштван (Баторий Стефан), транс.
кн., польск. кор. 155
- Баттяни Адам, хорв. бан, венг. политик,
военачальник 153, 263, 270
- Батырша-ага, крымск. военачальник 66
- Батырша-мурза, крымск. военачальник
45, 92

* Фамилии авторов монографических и коллективных трудов приводятся без пояснений. Принятые сокращения: австр. – австрийский, англ. – английский, архиеп. – архиепископ, болг. – болгарский, босн. – боснийский, в. – великий, валаш. – валашский, венг. – венгерский, венец. – венецианский, габсб. – габсбургский, греч. – греческий, еп. – епископ, имп. – император, императ. – императорский, имперск. – имперский, исп. – испанский, казац. – казацкий, кн. – князь, кор. – король, крымск. – крымский, курф. – курфюрст, митр. – митрополит, молд. – молдавский, осм. – османский, патр. – патриарх, польск. – польский, русск. – русский, серб. – сербский, транс. – трансильванский, тур. – турецкий, укр. – украинский, франц. – французский, хорв. – хорватский, швед. – шведский.

- Бахметьев Е. Ю., русск. дворянин 59
 Бегановский М., польск. посол 202
 Бегаченок Михаил, укр. сотник 35
 Белевич Иван, молд. посол 135, 137, 211, 310, 352
Белов М. И. 326
 Бельди П., глава транс. оппозиции 332
 Беневский Войцех, польск. дипломат 43
 Беневский Станислав, польск. дипломат 49, 52, 53, 81, 93
 Беспалый Иван, наказной гетман 55, 56
 Бетлен Габор, транс. кн. 10, 189
 Бетлен Миклош, транс. политик 340
 Бетюн Ф., франц. посол 178, 246
 Блюмберг С., императ. посланец 298
 Богдан Петр, софийский архиеп. 219
 Богданов Самойло, укр. дипломат 41
Богоявленский С. К. 376
 Бониш Ференц, венг. дворянин 174
 Бонси П., франц. посол 170
 Боргоманеро, исп. посол 244
Борисов Ю. В. 185, 187, 289, 294
 Борятинский Ф. Ю., севский воевода 313
 Борятинский Ю. Н., русск. воевода 59
 Бранкович Георгий, серб. политич. деятель 345, 362, 363, 365, 374
 Бредихин М., русск. посол 66
Брикнер А. 326
 Бруйнинкс Х., посол Нидерландов 338
 Брынковяну Константин, валаш. господарь 351, 353–355
 Брюховецкий Иван, казац. гетман 60, 62, 64–69, 84–86
 Буонвизи Франческо, кардинал, папский нунций 244, 250, 260, 261, 265, 347
 Бускевич Л., казацк. писарь 90
 Бут Федор, казак 51
 Бутурлин А. В., русск. полководец 30, 31, 52
 Бутурлин В. В., русск. политик, полководец 32, 36, 38–40, 42
 Бутурлин И. В., русск. посол 133
 Бэлэчану Константин, валаш. боярин 349, 352
 Вакербарт, польск. дипломат 354
 Валленштейн Альбрехт, императ. полководец 242
 Вани-эфенди 12, 14
 Вардар Али-паша, вали Сиваса 7
Варкони А. (см. также *Várkonyi Á.*) 244, 337
 Васильев А., русск. гонец 227, 231, 232
Веселовский Н. И. 147
 Ветераны Фридрих, императ. генерал 278, 282, 348, 349, 353, 354, 364
Вечева Е. 294
 Вешшелени Ференц, венг. надор 153, 154, 160, 169–171, 173, 197, 198
 Виктор Амадей II, герцог Савойский 281
 Виллар Э., франц. генерал 270
 Виниус А., русск. дипломат 111
 Висарион, черногорский митр. 218, 366, 369
 Витри Н. М., франц. дипломат 249
Власова Л. В. 323–326, 356, 357
Водарский Я. Е. 145, 146
Возгрин В. Е. 28
 Возницын П. Б., русск. дипломат 23, 24, 139, 285, 304, 318, 319, 373
 Волков И. М., русск. дьяк 324
 Волконский В. Б. кн., русск. стольник 37
 Волконский Ф., киевский воевода 36
 Воронич Данило, польск. посол 52
Вулицк З. (см. также *Wójcik Z.*) 33, 49, 99
 Выговский Данила, укр. полководец 39
 Выговский И. А., казацк. гетман 35, 46–59, 67
 Высоцкий Ф., польск. посол 20, 78, 98, 141
 Гаврила, серб. патр. 219
Галактионов И. В. 75, 76, 102, 103, 104
 Галлан А., франц. дипломат 14
 Гамалея Г., казац. старшина 124
Гаркави А. 327
Гебеи Ш. (см. также *Gebei S.*) 192
 Гедеон, сучавский митр. 204
Георгиева М. 294
 Герман Баденский, президент Императ. Придворного военного совета 244, 245, 252, 265
 Гийераг, франц. дипломат 181, 225, 227, 243, 246, 334
 Гика Георге, молд., валаш. господарь 195, 207, 208, 219
 Гика Григоре, валаш. господарь 209, 210
 Жимутьовский К., познанский воевода 299
 Гнинский Я., польск. дипломат 99, 132, 142
 Гоголь О., казац. полковник 117, 118, 123,
 Гоголь Е., казац. полковник 65, 97
 Голицын В. В., русск. кн., военачальник, политик 300, 302, 303, 305–307

- Голосов, русск. посол 296
Гольдберг А. Л. 224
 Гордон П. И., русск. полковник 128, 315
 Горохов И., думный дьяк 129
 Госевский В., литовский гетман 44
Греков И. Б. 323, 324
 Гремонвиль, франц. посол 174
 Гречану Раду, валаш. хронист 350
 Григорьев И., молд. посол в России 203
 Гризельда, кн., мать польск. кор. Михаила 98
Грозданова Е. 27
Груйиш М. 375
Груйиш Р. 375
Грушевский М. С. 71–74, 212
 Гулак, обозный 124
 Гуляницкий Г., казац. полковник 55
 Гусак, укр. кошевой атаман 313
Гусарова Т. П. 181, 199
- Дабича Евстратий, молд. господарь 208
 Давыденко А., польск. ротмистр 302
 Данила Шчипчевич, черногорский митр. 216
 Даудов В., русск. гонец 88, 90, 101, 110, 111, 115, 130, 135, 136
 Дворецкий В., киевский полковник 63, 65
 Девлет-Гирей, крымск. калга 307
 Дедеш-ага, крымск. военачальник, посол 61, 69
 Дервиш Гази-мурза, крымск. посол 312
 Децик, овручский полковник 65, 68
 Деяк Павел, серб. феодал 365
 Джустиниани Асканио, венец. посол 181
Димитриевић С. 224, 375, 376
Димитров С. 376
 Дио Антоний, австр. агент 358
 Дионисий, константинопольский патр. 371
 Довмонт Д., польск. резидент 309
 Долгорукий Ю. А., русск. полководец 112, 117
Дорошенко Д. (см. также: *Doroşenko D.*) 75, 105, 106, 125
 Дорошенко Михаил, укр. гетман, дед Петра Дорошенко 66
 Дорошенко Петр, укр. гетман 19–21, 66–70, 78–82, 84–95, 97–103, 108–110, 112, 114–118, 120, 121, 124–126, 136, 175, 209, 210, 378, 379
 Досифей, иерусалимский патр. 372
 Досифей, молд. митр. 343, 344, 347
Достя И. С. 224, 356, 375
- Дрозд, брацлавский полковник 65, 66, 68
 Друшкевич, командир казац. отряда 353
 Дубровская Мария, племянница русск. патр. Иоакима 359
 Дубровский Савелий, племянник русск. патр. Иоакима 359, 360
Дуйчев Ив. 224, 375
 Дука Георге, молд. господарь 135, 139, 209, 211, 212
 Дука Константин, молд. господарь 353
 Дунод Антоний, агент Ватикана 345
 Дурак А., молд. боярин 209
 Дюверне-Боку, франц. дипломат 249
- Евгений Савойский, императ. полководец 240, 270, 277, 281, 283, 284, 317, 354, 367
 Евфимий, скопский митр. 358, 371
 Еген-паша, командир янычар 358, 361
- Жданович Антон, киевский полковник 46
 Жевусский С. М., польск. посол 314
 Желябужский И., русск. дипломат 77
Желязкова А. 376
 Жеребцов Дмитрий, русск. дипломат 33, 34, 37, 39
 Жирарден П., франц. дипломат 266
 Жировский Я., императ. посланец 298
 Жостовский К., польск. дипломат 136
 Жуков Р. В., русск. посланник 45
- Заборовский Л. В.* 71, 73, 212
Загоровский В. П. 74, 147
 Зальцбургский архиеп. 163
Замысловский Е. 146, 147
Зедгинидзе Г. Э. 323
 Зембецкий, польск. посол 296
Златарски В. 375
 Зорбайт Пауль, голландский врач 255
 Зотов Н., русск. дипломат 24
 Зрини Адам, сын Миклоша Зрини 281
 Зрини Илона, вдова Ференца I Ракоци, жена И. Тёкёли 245
 Зрини Миклош, хорв. бан, венг. политик, полководец, поэт 149, 152–157, 160–164, 166, 169, 170, 173, 266, 381
 Зрини Петер, хорв. бан, брат Миклоша Зрини 152, 164, 170, 173, 174, 217
 Зринские см. Зрини
- Ибрагим I, султан 8
 Ибрагим Шишман, осм. военачальник 122

- Ибрагим, в. везир 227
 Ибрагим-паша, вали Буды 232
 Ибрагим-паша, осм. военачальник 118, 123, 126, 132
 Иван IV, русск. царь 37
 Иван Алексеевич (V), русск. царь 315, 358, 371
 Иван Страцимир, болг. царь 359
Ивић А. 375
 Иззети (Вишне-заде Мехмед б. Лютфуллах эль Араби), осм. поэт, богослов 14
 Иннокентий XI, папа римский 250, 256, 261, 262, 264, 273, 275, 279, 280, 296, 298, 380
 Иннокентий Гизель, архимандрит Киево-Печерского монастыря 82
 Иоаким, русск. патр. 130, 137, 359, 360
 Иоганн Георг III Саксонский курф. 247
 Иоганн Филипп, майнцский еп., глава Рейнского союза 151, 157, 163, 329
 Иосиф Тукальский, митр. 82, 115
 Иосиф Шумлянский, львовский еп. 134, 301, 309
 Исая, архимандрит Павловского Афонского монастыря 348, 349, 358, 371, 372
 Ислам-Гирей, крымск. хан 31, 32, 41
 Итри, осм. поэт, музыкант 12
 Ихласи Мехмед, шейх 14
- Йонов М.* 375
- Кази-Гирей, крымск. калга 32
 Калинин VII, константинопольский патр. 362
Кальди-Надь Дюла (см. также: *Káldy-Nagy Gy.*) 17
 Каммамбет-мурза, крымск. военачальник 31, 32, 66, 68
 Кантакузино Георге, сын господаря III. Кантакузино 349
 Кантакузино Димитрий, молд. господарь 210, 343
 Кантакузино Шербан, валаш. господарь 344, 345, 347–349, 360, 361, 371
 Кантемир Антиох, молд. господарь 355
 Кантемир Константин, молд. господарь 302, 310, 346, 347, 352, 353
 Каплан-паша, осм. военачальник 113
 Каплан-Гирей, крымск. хан 318
 Каплер, бургомистр Вены 255
- Капрара Альберт граф, императ. посол 243–245
Кантерева Н. Ф. 224, 375, 376
 Кара Ибрагим, в. везир 261
 Кара Мехмед, осм. дипломат 226
 Кара Мустафа, в. везир 9, 17, 18, 20, 22, 23, 116, 128, 133, 180, 226–233, 243, 247, 252–260, 263, 275, 296, 335, 343
 Карафа Антонио граф, императ. генерал 242, 267, 278, 336, 338
 Карача Алиш-Батыр, татарин 65
 Карач-бей, крымск. посол 52, 62
 Караш-бей, крымск. военачальник 51, 61
 Карвовский Я., польск. дипломат 95, 97
 Карл II, исп. кор. 167, 171
 Карл Лотарингский герцог, императ. генерал 240, 252, 254, 255, 258–260, 263–266, 270–274, 276–278, 280, 338
 Карл X Густав, швед. кор. 39, 45, 46, 48, 53, 58, 191–194
 Карл XI, швед. кор. 248
 Карл Филипп герцог Нейбургский 270
 Карпош, хайдуцкий воевода 365, 367
 Кастриот Георгий, валаш. посланник в Москву 355
 Кемаль-паша-заде, шейх уль ислам 15
 Кемень Янош, транс. полководец, кн. 156, 160, 161, 194, 197–199, 328, 329
 Кёпрюлю Амджа-заде Хусейн-паша, в. везир 235
 Кёпрюлю Мехмед-паша, в. везир 8, 9, 11, 12, 17, 157, 158, 192, 195, 206, 230, 329
 Кёпрюлю Фазыл Ахмед-паша, в. везир 9, 12, 14, 15, 17, 18, 20, 22, 23, 45, 140, 165, 166, 168, 173, 175, 215, 217, 221, 225, 230, 231, 233, 329
 Кёпрюлю Фазыл Мустафа-паша, в. везир 234, 235, 280, 281, 351, 367, 369
 Кёпрюлю Хуссейн, в. везир 284
 Кесе Али-паша, сердар, осм. военачальник 16
 Кикин В. М., русск. боярин 49, 50, 52
 Кладницкий А., польск. посланец 121
 Клемент X, папа римский 220
 Клименко В., казак 51
 Колиньи, франц. полководец 164
Колодзейчик Д. (см. также: *Kolodziejczyk D.*) 20
 Колонич Леопольд граф, кардинал, эстергомский архиеп., винернейштадский еп. 255

- Колшицки, купец, австр. агент 256
 Кольбер Ж. Б., франц. гос. деятель,
 министр Людовика XIV 225
 Кольер Я., голландский дипломат 285
 Коммерси герцог 274
Компан О. С. 32, 72
 Конде, принц 165
 Константинов Савва, молд. посол 355
 Константинов Юрий, грек 35
 Контти, принц (Франсуа Луи де Бурбон)
 282, 316
Королюк В. Д. 327
 Косагов Г., русск. военачальник 61–63, 65
 Костин Мирон, молд. вел. логофет,
 хронист 125, 345, 346
Костий В. 223
Костомаров Н. И. 27, 69–72, 74, 75,
 147
 Кочубей В., укр. генеральный писарь 124,
 313
 Кочибей Гомюрджинский, тур. писатель 14
Крачковский И. Ю. 13, 26
 Крижанич Юрий, хорв. политический
 деятель 220, 221
Крикун М. 106, 143
 Контарини, венец. посол 262
 Корнаро, венец. посол 275
 Кохари И., венг. военачальник 270
 Кроцков фон Лоренц Георг, тайный
 советник Фридриха Вильгельма
 курф. Бранденбургского 247
 Круа де ла Ф., франц. дипломат (см.
 также: *Croix F. de la*) 108, 115, 126,
 127, 128, 135, 140
 Круасси, франц. гос. секретарь 266
 Крым-Гирей, крымск. калга 79, 85
 Крюйс К., русск. адмирал 318
 Ксаки, императ. эмиссар 345, 347
 Кудрявцев Н., русск. гонец 139
 Куниц Ч. фон граф, императ. резидент
 245, 344
 Куницкий С., наказной гетман 298, 343
Кунт М. (см. также: *Kunt M.*) 21
 Куракин Б. И., русск. дипломат 324
 Кятиб Челеби, Хаджи Халифа, Мустафа
 ибн Абдуллах, осм. ученый 12–14
Лавров А. С. 324–326
 Ладъженский Е., русск. дипломат 77
 Лаз Мустафа-эфенди, реис уль-кютаб
 227
 Лазука П., казац. сотник 309
Лайч В. (см. также: *Leitsch W.*) 252
 Леопольд I Габсбург, имп. 77, 112, 131,
 151, 154, 157–160, 162, 163, 166–168,
 170, 172–176, 180, 181, 193, 195–198,
 227, 238, 242–251, 253–256, 258–265,
 268–270, 274–285, 287, 296, 298, 303,
 315, 318, 329–331, 333–340, 345, 347,
 360, 362, 364, 365, 367, 380, 385
 Лещинский Рафал, познанский воевода
 328
 Лизогуб Я., каневский полковник 115, 314
 Лилиенкрона, швед. посол 52
 Лорантфи Жужанна, мать Дьердя II
 Ракоци 192
 Лупу Василий, молд. господарь 190, 208
 Лупу Стефаница, молд. господарь 208
 Львов Семен, русск. военачальник 56
 Любомирский Е., гетман 60
 Любомирский Ю., коронный гетман 61
 Людвиг Баденский маркиз, императ.
 полководец 240, 255, 272, 274, 278,
 280, 281, 339, 352, 363–365
 Людовик XIV, франц. кор. 111, 132, 151,
 152, 164–171, 176–181, 243, 244, 246,
 248, 250–252, 256, 264, 267–269, 279,
 282, 284, 287, 306, 331–334, 339, 351,
 380, 385
 Лянцкоронский С., польный гетман 31, 38
 Лейбниц Г. В., немецкий философ,
 ученый, общественный деятель 251
 Липпаи Дердь, эстергомский архиеп. 160
 Леопольд Баденский, имперск.
 полководец 163
 Лотарингский герцог 244
 Маврокордат Александр (Шкарлат
 Александр), переводчик дивана 23,
 227, 230, 275, 285, 319
 Мазарини Джулио, кардинал, франц. гос.
 деятель 151, 157, 159, 160
 Мазепа Иван, укр. гетман 116, 303, 307–
 309, 312–315, 318
 Макарий антиохийский патр. 78
 Макс Эммануил Баварский курф.,
 полководец 240, 246, 247, 252, 256,
 258, 260, 264, 266, 267, 269, 270, 272,
 274, 275, 278, 280
 Максим, серб. патр. 219
Максимов П. Н. 141, 144
 Малаховский С., польск. воевода,
 дипломат 285, 319
Мальцев А. Н. 74

- Мамет-Гирей, крым. военачальник 61
Мансуров Муратша-мурза, крымск. посол 85
Манчев К. 376
Маринов Богдан, руководитель восстания в Чипровце 361
Мариус Людовик, императ. военачальник 350
Мария, дочь К. Брынковяну 353
Мария Анна Габсбург, сестра Леопольда I 167
Мария Антония Габсбург, дочь Леопольда I 260
Мария Терезия Габсбург, дочь Филиппа IV Испанского 167
Маркевич А. 327
Марсильи (Марсилы) Лунджи Фердинандо граф, военный инженер, дипломат 272, 353, 354
Мартенс Ф. Ф. 327
Матвеев А. С., русск. политик 36
Маттей маркиз, императ. посланник 159, 160
Матяш, венг. кор. 154, 161, 274
Махатка О. 323–325
Маховский С., польск. военачальник 63, 70
Мелек Ахмед-паша, командующий осм. войск на Дунае 206
Менгли-Гирей, сын хана Ислам-Гирея 31, 32
Менезий П., русск. дипломат 111
Мёрманн, баварский посол 282
Мефодий, константинопольский патр. 82
Мехмед II, султан 21, 227
Мехмед IV, султан 8, 12, 17, 20, 21, 78, 92, 102, 114, 127, 128, 149, 169, 175, 217, 230, 234, 239, 245, 252, 261, 334, 358, 361
Мехмед-Гирей, крымск. хан 31, 33–35, 37, 39–41, 43, 45, 46, 56, 61–64, 68, 378
Мехмед Алмас, в. везир 283
Милев Н. 224
Милошевич М. 376
Минаев Фрол, донской атаман 124
Миневские братья, укр. посланцы 51
Михаил Вишневецкий, польск. король 20, 93, 95, 96, 98, 100, 102, 113
Михайлов Г., русск. подьячий, дипломат 85, 90, 112
Михайлов Б. М., русск. дипломат 313
Михня III, валаш. господарь 195, 207, 208
Многогрешный Демьян, казацк. гетман 87, 90, 91, 100
Могила А., казацкий гетман 298, 303
Молин А., венец. посол 160
Молчанов Н. Н. 294
Мольер Ж. Б., франц. драматург 225
Монте дель 347
Монтекуколи Раймондо герцог, императ. полководец 152, 161, 162, 164–166, 173, 176, 199, 240, 241, 252, 267, 381
Мордарий, черногорский митр. 218
Морозини Франческо, венец. флотоводец 266, 369
Мурад IV, султан 15
Мурад-Гирей, крымск. хан 24, 138
Мурашко, казац. полковник 116
Мустафа II, султан 235
Мустафа-паша, янычарский ага 227
Мустафа, санджак-бей в Азове 315
Мухаммед рейс эфенди 86
Мюнеджимбаши Ахмед, осм. астролог, историк, врач 12
Наби, осм. поэт 12
Надашди Ференц, венг. гос. судья, местоблюститель должности надора 153, 160, 169–171, 173, 174
Наима, осм. хронист 12, 229
Нани, франц. посол 160
Нарышкин Л. К., глава русск. правительства 308, 314
Нарышкина Н. К., русск. царица 324
Невилл де ла 326
Нестеров А., русск. дипломат 44, 77, 79, 85
Никитин А. В., русск. резидент 316
Никон, московский патр. 42, 78
Николози Дж. Б., венец. дипломат 285
Новак Петрович, серб. капитан 365
Новосельский А. А. 54, 61, 74, 75, 103, 104, 107
Нуантель Ш., франц. дипломат 23, 225, 226
Нянула Григорий, молд. боярин, логофет 204
Огинский М., литовский канцлер 299
Одоевский Н. И., русск. политик 42, 66, 70
Одоевский Ф. Н., русск. воевода 37
Ольшовский А., подканцлер коронный 20, 94, 100, 112

- Опара Степан, казац. полковник 66, 67
 Опленхаймер Самуил, венский банкир 242, 274
 Оранский Вильгельм 279, 338
 Ордин-Нащокин А. Л., глава Посольского приказа 64, 66, 70, 76, 81, 84, 95–97, 136, 137, 138
 Орешкова С. Ф. 25, 26, 223, 236
 Ортайлы И. (см. также *Ortayli I.*) 17, 235
- Павлицев Н. И.* 237
 Паджет В., англ. дипломат 285
 Пазухин Б. А., русск. стольник, посол 135
 Паисий, александрийский патр. 78
 Палий С., казац. полковник 303, 308, 309, 314
 Паллавичини Опицио, кардинал, папский нунций 250
 Палфи Пал, венг. надор 153
 Палфи Карой, венг. полководец 270
 Палфи Янош, венг. военачальник 270, 273
 Панажиотаки, осм. драгоман 215
 Панайоти, переводчик дивана 171
 Панкратий 22
 Парфений, архимандрит 208
Пастухов И. В. 375
 Пашин Л., русск. посланник 45
Петер К. (см. также *Péter K.*) 271
 Петнехази Д., венг. военачальник 270
 Петр, болг. священник 358
 Петр I, русск. царь 23, 284, 285, 287, 307, 314–318, 320–322, 358, 371, 372
 Петр Парчевич, марцианопольский архиеп. 219, 361
 Петрашку, валаш. боярин, вел. капитан 210, 211
 Петричейку Стефан, молд. господарь 113, 209–211, 298, 299, 343, 344
 Петров Данила, молд. посол 207
Петровський М. 104, 105, 143
 Печеви, осм. хронист 226
 Пеячевич Георгий, руководитель восстания в Чипровце 361
 Пикколомини Е. С., императ. генерал 365, 366
 Пиньятелли Антонио, папский нунций 174, 177
 Пириш-ага, крымск. дипломат 43
Пичета В. И. 224
 Пожарский Семен, русск. военачальник 56
Попов А. 143, 144, 145, 146
- Поповић Д.* 376
 Поросухов А., русск. гонец 23, 127, 128
 Порфирица Янаке, валаш. капукегай 353
 Порция, герцог 165
Поршнев Б. Ф. 181
 Потемкин П. И., русск. полководец и дипломат 39, 119
 Потоцкий Андрей, коронный хорунжий 69
 Потоцкий С., коронный гетман 31, 32, 38, 39, 59
 Пражмовский М., коронный канцлер 60
Петросян И. Е. 25
 Працуня Опанас, казак 51
 Проский С., польск. резидент 132
 Пушкарь Мартын, полтавский полковник 48, 50–53, 55
- Радзеевский И., польск. дипломат 20, 77, 78
Радонић Ј. 223, 275
 Раду, валаш. боярин 210, 211
 Ракоци Дьердь I, транс. кн. 10, 155, 189, 196–198, 329, 332
 Ракоци Дьердь II, транс. кн. 10, 11, 43, 45–47, 153–158, 189–197, 199, 203, 204, 206–208, 330
 Ракоци Ласло, кузен Дьердя II Ракоци, венг. магнат 156
 Ракоци Ференц I, сын Дьердя II Ракоци, венг. магнат, транс. кн. 173, 190, 245, 330
 Рами М., осм. дипломат 285, 319
 Раткеевич М., Портянка, казац. посол 91
 Реверен аббат, франц. агент 179
 Редעי Ференц, транс. кн. 156, 195
 Ренингер, императ. резидент 158, 162, 166
 Ржевский И. И., думный дворянин 120
Рипка И. (см. также *Рупка Ј.*) 125
 Роже, франц. посол 334
 Роман, посол Б. Хмельницкого 36, 37
 Ромодановский Г. Г., русск. полководец 33, 38, 42, 49, 50, 62, 84, 87, 114, 116, 117, 120, 121, 125, 127–129, 210
 Ромодановский И. И., валуйский воевода 33
 Ромодановский М. Г., киевский воевода 326
 Ромодановский Ф. Г., русск. полководец 117
 Рувим Болевич, черногорский митр. 218, 369

- Рудяну Дику, стольник 348
 Руссет Ласкараке, молд. капукегай 353
 Руццини Карло, венец. дипломат 282, 285
- Савва (Сава) Бранкович, транс. митр. 345, 363
 Сагредо Никколо, венец. посол 160, 165, 166
 Садык-ага, крымск. посол 136
 Саксонский курф. 163, 197
 Саларди Янош, транс. хронист 190
 Салима-чауш, осм. посол 90
 Самарин Г., русск. дипломат 203
 Самойлович И., гетман 114–117, 120, 121, 124–129, 137–139, 298, 300, 301, 303
 Самуся, наказной гетман 299, 315
Санин Г. А. 71–75, 102, 103, 107, 141, 212, 213
 Сары Хусейн-паша, вали Очакова 21
 Сафа-Гирей, крымск. нуреддин 97, 102, 141, 311–313
 Себвиль, франц. дипломат 254, 261
 Сейди Ахмед, осм. военачальник 157
 Селим-Гирей, крымск. хан 54, 97, 101, 109, 112, 116, 119, 234, 299, 300, 305–307, 312, 313, 315
Семенова Л. Е. 200, 212, 213, 256, 257
Сенкевич И. Г. 224
 Серко И., кошевой атаман 56, 61–63, 65, 90, 124
 Сефергазы-ага, крым. везир 31, 34, 41, 43, 54, 55, 60
 Сиавуш-паша, везир 9
 Сияуш, силистрийский паша 36, 39
Слијепчевић Ђ. 224
Смирнов В. Д. 25, 26, 28, 71, 75
Смирнов Н. А. 28, 102, 108, 141, 145, 146, 147
Смирнова Н. Д. 224
 Собеский Якуб, сын кор. Яна Собеского 131, 259, 296, 297, 299, 303
 Собеский Ян, польск. полководец, кор. см. Ян III Собеский
Советов П. В. 213, 356
Соловьев С. М. 28, 74, 323, 324, 326, 327, 376
 Софья Алексеевна, русск. царевна 298, 299, 302, 306, 307, 371, 372
 Спинола Джулио, папский нунций 172
 Списаревска Й. 375
Срећковић П. 375
Станојевић Г. 223, 224, 275, 276
- Стахорский, комендант Белой Церкви 69
Степанков В. С. 143, 144
 Степанов Некгай, валаш. посол 208
 Стефан Георге, молд. господарь 38, 190, 195, 203, 204, 206, 207
 Стефан Княжевич, болг. архиеп. 361
Стецюк К. І. 104
 Стратимирович Ростислав, руководитель тырновского восстания 359, 360
 Стрешнев Р., русск. посол 66
 Строцци, полководец 164
 Субхангази-ага, крымск. военачальник 44, 60
 Сулейман I Великолепный, султан 225, 227
 Сулейман II, султан 234, 235, 305
 Сулейман, в. везир 272, 273, 276, 277, 336, 337
 Сулейман, иранский шах 111, 323
 Сулейман-ага, осм. посол во Франции 225
 Сулешев Маметша, крымск. мурза 33, 37, 39, 51
 Сулима П. И. (“Петрик”) 312–314
 Султан Хоссейн, персидский шах 315
 Сухой Петр, запорожский писарь 90, 91
 Сухотин И., русск. посол 138
 Суше Д., императ. генерал 165, 196
- Татаринов И., русск. дьяк 59
 Таттенбах Э., австр. дворянин 174
Тверитинова А. С. 26
 Тёкёли Имре, руководитель антигабсб. движения в Венгрии, венг. и транс. кн. 169, 178–181, 211, 212, 228–230, 232, 245, 246, 248–251, 253, 255, 260, 261, 263–268, 279, 281, 313, 330, 332–335, 337, 339, 343, 351–353, 361, 379
 Телеки Михай, транс. полководец, канцлер 177–179, 331–333, 335, 339
 Теодосий, вршацкий митр. 219
Теплов В. 26, 237
 Тетеря Павел, укр. гетман 49, 53, 60–62, 65–67, 93
 Тимофей, иеромонах 135
 Титов Д., русск. подьячий 59
 Титов Семен, русск. дипломат 33, 34, 37, 39
Тамић Ј. 375, 376
 Торре делла граф, императ. дипломат 261
 Тосканский в. герцог 160, 256
 Тохтамыш-ага, ханский посол 35
 Трубецкой А. Н., русск. военачальник 49, 55, 67

- Трубецкой Ю. П., русск. военачальник 112
- Тургенев Д. П., русск. дипломат 35
- Туркул, капитан 347
- Тышкевич С., польск. военачальник 32
- Тяпкин Василий, русск. стряпчий, стольник, дипломат 24, 77, 82, 128, 138, 140, 210
- Украинцев Е. И., русск. дипломат 111, 137, 138, 309, 320, 321, 373
- Устрялов Н. Г.* 326
- Фазлы-паша, вали Силистры 10
- Фаизов С. Ф.* 107, 142
- Федор игумен, посол К. Шербана 210
- Федор Алексеевич, русск. царь 127
- Федоров Петр, казак 38
- Фенни, осм. поэт, музыкант, художник 12
- Фердинанд I Габсбург, имп. 265
- Фердинанд II Габсбург, имп. 175
- Фердинанд III Габсбург, имп. 42, 149, 152, 155–157, 190, 193, 380
- Фефилятьев В. Г., валуйский воевода 37
- Филипп IV, исп. кор. 167
- Флоря Б. Н.* 224
- Фодор П.* 28, 236, 237
- Фомин Дементий, русск. посланец 349
- Фомин Мануил, молд. посол 207
- Форвал, франц. полководец 178
- Форстен Г. Ф.* 73
- Франгепан Ф., венг. магнат 174
- Франциск I, франц. кор. 225
- Фрейденберг М. М.* 224, 376
- Фридрих Август I курф. Саксонский, польск. кор. см. Август II
- Фридрих-Вильгельм Бранденбургский курф. 43, 131, 163, 176, 247, 267, 268
- Фролов Т., русск. переводчик 56
- Фындыкльылы Мехмед, осм. хронист 18
- Хаванова О. В.* 200, 213
- Хайсслер Д., императ. генерал 339, 351–354
- Халил-паша, вали Очакова 20
- Хаммер Й.* (см. также: *Hammer J.*) 12, 85, 106
- Ханенко М. М., гетман 91, 92, 94, 97, 98, 108, 109, 114, 115
- Хевель И. Э., императ. посланец 298
- Хедь К.* 186
- Хезарфен Хюсейн, осм. историк 14, 15, 18
- Хитрово Б. М., русск. окольный 51
- Хитрово И. С., думный дворянин 112
- Хмельницкий Богдан, запорожский гетман 19, 29–32, 34–44, 46–48, 51–54, 57, 59, 60, 64–67, 70, 80, 109, 190, 192, 193, 202–204, 206
- Хмельницкий Юрий, сын Б. Хмельницкого 47, 57–60, 67, 94, 126, 127, 130, 136, 139
- Хоэнлоэ Вольфганг Юлий, имперск. генерал 163, 164
- Хусейн-паша, осм. военачальник 112, 113, 209
- Хынку М., молд. боярин 209
- Цайлер Мартин, немецкий автор 149, 150
- Цветкова Б.* 27, 375
- Цицура Т., наказной гетман 59
- Цобор, венг. аристократ 253
- Чаадаев И. И., русск. воевода, дипломат 63, 100, 101, 133, 296
- Чаки И., венг. военачальник 276
- Чарнецкий С., польск. военачальник 32, 60–63, 65
- Чатаджи Али-эфенди, шейх уль-ислам 23
- Чебан С. Н.* 356
- Черкасский М. А., русск. военачальник 131
- Чернов А. В.* 74, 325
- Чернцов Я., русск. посол 119
- Чухлиб Т.* 105, 106, 142
- Шагин-ага, султанский чауш 36, 41
- Шварц И.* 294
- Шеверни, франц. посол 267
- Шейтан Ибрагим-паша, вали Шама (Сирии) 21
- Шёнинг Ганс Адам фон, императ. генерал 272
- Шербан Константин, валаш. господарь 190, 195, 204–208, 210, 211
- Шереметев Б. П., русск. военачальник 313–315, 318
- Шереметев В. Б., русск. военачальник 30–32, 37, 38, 53, 59
- Шереметев П. В., русск. воевода 93
- Шерфенберг, императ. генерал 337
- Шехбаз-Гирей, крымск. военачальник 315
- Шимонский Ю., императ. резидент 313
- Ширинский Адилша-мурза, крымск. посол 85

- Шишкин В., русск. посланник 101, 102
 Шишман Ибрагим-паша, вали Халеба 21
 Шлик Леопольд фон, императорский дипломат 285
Шоу С. 9
 Штаремберг Рюдигер, императ. военачальник 240, 250, 256, 258, 265, 272–274, 280, 281
 Штраттманн, императ. придворный канцлер 244
 Шумовский Ян, польск. дипломат 43, 44
Шушарин В. П. 185, 200

 Эвлия Челеби, осм. путешественник 226
 Эген Осман Белокбаши, осм. военачальник 234
Эйнгорн В. О. 104, 107, 108, 142
 Элеонора Магдольна, жена Леопольда I Габсбурга 244
 Эльхадж-гази, крымск. посол 51
 Эндре II, венг. король 169
 Эстерхази Пал, венг. надор 244, 253, 254, 263, 266, 267, 270, 276
 Этинген-Валлерштейн В., императ. дипломат 285

 Юсуп-чауш, осм. посланец 86

 Яблоновский С., польск. гетман 304, 313, 314, 345
 Яблоновский Я., коронный гетман 299
Яворницкий Д. J. 74
 Яков, посол Б. Хмельницкого 36, 37
 Яков, сын англ. кор. Якова II 270
 Яков II, англ. кор. 270
 Яковлев Корнила, донской атаман 38
Яковлева Т. Г. 74
 Якушкин Дмитрий, русск. дипломат 51, 52
 Ян II Казимир, польск. король 42–46, 51, 53, 58, 60–66, 68, 78, 85, 190, 191, 193, 378
 Ян III Собеский, польск. полководец, король 20, 23, 61, 63, 79, 80, 87–89, 93, 94, 98–101, 108, 109, 113, 118, 119, 121–124, 126, 131–134, 136, 137, 177, 209, 230, 248, 249, 252, 258–264, 266, 275, 281, 295–297, 301–305, 309–312, 314–317, 331, 343, 345–347, 352, 353, 382
 Яненко П., гетманский посол 124
 Яскульский М., польск. дипломат 31
 Яхья-шейх уль ислам, тур. поэт 14

Abrahamowicz Z. 27, 28, 146, 236, 237
Acsády I. 291
Akdag M. 25, 237
Aktepe M. 26, 237
André L. 236
Angeli M. 237

Babinger F. 26
Bandini G. 289
Baranowski B. 72 - 74
Bariska I. 288
Barkan Ö. L. 26, 27
Barozzi A. 291
Barta J. 290
Battaglia O. F. 289
Beldiceanu N. 25
Benaglia G. 288
Benczedi L. 185–187, 288
Bénda K. 181, 187, 287, 289, 341
Bendza M. 146
Bene S. 183, 185
Berchet G. 291
Berengér J. 187, 288
Berindei M. 25
Berza M. 357
Bittner L. 289
Bogišić V. 185, 187
Boka É. 289
Bona G. 290–294
Borján G. 185
Borus J. 287
Brusali M. T. 26

Camariano N. 237
Chowaniec Cz. 323, 324
Ciorănescu Al. 213
Codello A. 143, 144
Costin M. 212, 213
Croix F. de la 140, 141, 142, 145, 147
Czamanska J. 107
Czołowski A. 144

Demény L. 212
Demény Lidia 212
Dimitrov S. 25
Domokos Gy. 287
Dorošenko D. 103, 108, 142, 143, 145
Duchhardt H. 287

Eickhoff E. 181, 186, 187, 290–292, 341
Etényi N. 182

- Fekete L.* 236, 237
Felhő I. 288
Fiedler J. 183, 184, 187
Flügel G. 26
Fraknói V. 289, 293
Freschot C. 181
- Gebei S.* 199, 200, 294
Gecsényi L. 287
Gemil T. 213
Gergely S. 187, 341
Gloger B. 187, 289, 292
Gooss R. 199
Gordon P. 326
Górski K. 142
Grecescu C. 213
Grunwald M. 288
Guilleragues 188, 289
- Halaçoğlu Y.* 25
Hammer J. 26, 27, 104, 105, 147, 236, 237, 294
Haraszti Gy. 288
Hausner G. 183
Herbst S. 73
Horn I. 184
Hubert L. 102, 103
Hudița I. 187, 341
Hüttl L. 289, 291, 292
- Ilieș A.* 357
Immich M. 289
Inalcik H. 25, 236, 237
Ionescu Șt. 356, 357
Iorga N. 213, 356, 357
- Jászay M.* 181
Jászay M. 183, 185, 291
Jaworski M. 107
- Káldy-Nagy Gy.* 27
Kalmár J. 287
Kammerhofer L. 287
Karamursal Z. 27
Karatay F. E. 26
Károlyi Á. 292
Kęder W. 289, 291
Kemény J. 200
Klaniczay T. 182, 185
Klopp O. 288, 290
Köhbach M. 236
Kohnke M. 289
- Kolodziejczyk D.* 27, 28, 141, 146, 147
Konopczyński W. 324, 327
Köpeczi B. 185, 289
Korzon T. 103, 106, 107, 108, 141, 142
Kovács E. 287
Kovács S. 182
Kreutel R. F. 236, 291
Kubala L. 73, 74
Kunt M. 25, 28
- Leitsch W.* 236, 287, 288, 290, 291
Levend F. S. 237
Levinson 186
Lukács Zs. T. 183
Lukinich I. 199
- Majewski W.* 103
Makkai L. 182
Mandrou R. 187
Mantran R. 236
Marczali H. 341
Marosi E. 183, 185, 201
Michaud C. 187, 288, 289, 342
Miksch A. 289
Moga I. 213, 214, 356, 357
Molnár L. 287
Montecuccoli R. 184
Mutařcieva V. 25
- Nagy L.* 183, 185, 290, 201
Necati S. 236
Nistor I. 212
Nutri M. 185
- Omont H.* 236
Ortayli I. 27, 237
- Pálffy G.* 288
Pálffy P. 182
Panait P. I. 356, 357
Panaitescu P. 213
Parvev I. 294
Pastor L. 323
Perdenia J. 324, 326
Péter K. 183, 199, 200, 289, 292
Petercsák T. 288
Petrits E. D. 287
Pettkó B. 183
Podhorodecki L. 323
Potkowski E. 289, 291
Pribram A. 183

- Probst-Ohstorff G.* 182
Prokosch E. 27
Pulaski Fr. 28
- Radonic I.* 356
Rákóczi L. 183
Rázsó Gy. 289, 290
Redlich O. 182
Rosquit Nils. 89
Rypka J. 103, 108, 142, 143, 145
- Schindling A.* 182
Schnur R. 182, 183
Schulhof I. 293
Schwertl G. 292
Seewann G. 287, 288, 294
Serczyk W. 323
Shaw St. 25
Sicken B. 288
Simonescu D. 213
Sophocles S. M. 376
Springer E. 287
Spuler B. 237
Staszewski J. 327
Stoicescu N. 212
Stolicki J. 142
Stumberger H. 182, 287
Sturminger W. 290
Szabó P. 200, 201, 341, 343
Szakály F. 184, 186, 200, 288, 290, 292, 341
Szalárdi J. 199, 200, 201
Szilagyí S. 185
Szita L. 287, 292, 294
- Takács S.* 182
Takáts S. 288
- Teply K.* 291
Thaly K. 290
Trócsányi Zs. 199, 201, 288
- Urbanszki H.* 290, 291
Uzunçarsili J. H. 25–27, 237
- Várkonyi Á.* 181–185, 187, 200, 287–289, 291–294, 341, 342
Vajda S. 182, 290
Vandal A. 288, 236
Vanyó T. 186, 187
Varga J. 288, 292, 293
Veinstein G. 25
Veress A. 357
- Wagner G.* 27
Wellmann I. 292
Wimmer J. 323, 325
Wittman T. 182
Wójcik Z. 71–76, 103–108, 143, 144–147, 323–325, 327
Wojtasik J. 327
Woliński J. 141–145
Woodhouse C. 223
Wurm H. 26, 236
- Yücel Y.* 25
- Zaborovschi V.* 356, 357
Zeiler M. 182
Zeliński K. H. 141
Zöllner E. 185
Zrínyi M. 182, 183

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Османская империя во второй половине XVII в.: внутренние проблемы и внешнеполитические трудности (<i>С.Ф. Орешкова</i>)	5
Отношения стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы с Османской империей (до начала 80-х гг. XVII в.)	29
Порта, Крым и страны Восточной Европы	29
в 50–60-е гг. (<i>Г.А. Санин</i>)	
Начало открытой османской экспансии в Восточной Европе	76
(1667–1671 гг.) (<i>Б.Н. Флоря</i>)	
Войны Османской империи с государствами Восточной Европы	108
(1672–1681 гг.) (<i>Б.Н. Флоря</i>)	
Австрийские Габсбурги и проблема борьбы с османами	148
в Европе в 50–70-е гг. XVII в. (<i>Т.П. Гусарова</i>)	
Внешнеполитическое положение Трансильванского княжества	188
в 50–60-е гг. XVII в. (<i>К.Т. Медведева</i>)	
Молдавия и Валахия в международных отношениях	202
в Восточной и Юго-Восточной Европе (50–70-е гг.) (<i>Л.Е. Семенова</i>)	
Балканские народы и международные отношения	214
в 50–70-е гг. (<i>И.С. Достян</i>)	
Поход Кара Мустафы на Вену. Его место в османской внешней политике и значение для судеб империи (<i>С.Ф. Орешкова</i>)	225
Отношения стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы с Османской империей в 80–90-е гг. XVII в.	238
Австрийские Габсбурги в войне с османами в 1683–1699 гг.	238
(от осады Вены до Карловацкого мира) (<i>Т.П. Гусарова</i>)	
Страны Восточной Европы в войне с Османской империей	295
(1683–1699 гг.) (<i>В.А. Артамонов</i>)	
Трансильванское княжество между Османской империей	328
и Габсбургами в конце XVII в. (<i>К.Т. Медведева</i>)	
Молдавия и Валахия в антиосманских планах	343
стран региона в конце XVII в. (<i>Л.Е. Семенова</i>)	
Балканские народы во время войны Священной лиги	357
с Османской империей (1683–1699 гг.) (<i>И.С. Достян</i>)	
Заключение	377
Список сокращений	386
Указатель имен	387

Научное издание

**ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В XVII в.**

Часть II

Издательство

«Памятники исторической мысли»

115597 Россия Москва, ул. Воронежская, 38–334

ЛР № 063460 от 08.07.99

Подписано в печать 20.12.2001. Формат 60×90 1/16

Гарнитура Таймс. Печать офсетная

Уч.-изд.л. 33,3. Печ. л. 25,0

Тираж 800 экз. Заказ 5259

Электронный вывод и печать

в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

